Л.С. КЛЕЙН

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Л.С. КЛЕЙН

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛФ ЦЭНДИСИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

ЛЕНИНГРАД
1991

Академия наук СССР
Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив

Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение

В книге разбираются проблемы группирования и систематизации археологических объектов, устанавливается различие между классификацией и типологией и вводится представление о типологической классификации. В ходе исследования и в приложенном терминологическом словаре даются определения традиционных понятий («тип», «класс», «таксон» и др.), выделяются понятия, еще традицией не освоенные, и предлагаются новые термины. Подробно рассмотрены разные подходы к соотношению эмпирических наблюдений с их осознанием, к выявлению границ в культуре по археологическим остаткам. Предпринята попытка сформулировать некоторые общие законы группирования.

Книга рассчитана на научных работников и студентов: археологов, этнографов, социологов, биологов и вообще всех, кто применяет в своей работе классификацию и интересуется методологией исследований.

© Л. С. Клейн 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Категории, добываемые обоими этими методами, принято называть «типами», хотя они не сопоставимы точно. Оба метода не способны давать наверняка типы артефактов в том смысле, который придается этому термину здесь.

О. Сполдинг (Spaulding 1953: 306).

1. Почему «Археологическая типология»?

Название этой книги понятно всем археологам, но вряд ли хоть кто-нибудь из них сможет объяснить его так, чтобы с этим согласились остальные. Оба составляющих термина — «археологическая» (соотв. «археология») и «типология» (соотв. «тип») — пока не имеют четких общепринятых определений (см. Клейн 1978в, 1979). Австрийский археолог Ангели пишет о

> «смене значений, которой понятие типологии подвергалось в преистории. Термин подставляется вместо слов: облик, описание, сравнение, сериация, эволюция и т. д. Как следствие тесной связи всех методов обработки материала широко распространилось и такое значение: общее вещеведение. Типологическое в этом смысле почти равнозначно археологическому (за исключением раскопочной деятельности)» (Angeli 1958: 108)[1].

В археологических словарях и указателях обычно к вокабуле *«Типология»* добавляют: «см. К л а с с и ф и к а ц и я», и наоборот: к слову *«Классификация»* — «см. Т и п о л о г и я». Я мог бы назвать свою книгу и «Археологическая классификация» — это не сделало бы название более определенным. Впрочем, не сделало бы его и менее определенным.

Все же мое предпочтение не случайно. Кроме тех археологов, которые применяют эти термины как «взаимозаменимые» (Chang 1967: 72), есть и придающие им различный смысл, к сожалению, по-разному: с точки зрения Клаккхона, классификация просто эмпирически группирует вещи по сходствам и различиям, а типология ориентирована теоретически, решает некую проблему (Kluckhohn 1960); по Раузу, классы — это группы реальных вещей «на столе в лаборатории», а типы — их диагностические комплексы признаков в голове у исследователя, но классификация — процедура, а типология — ее результат (Rouse 1972); по Даннелу, типология — это разновидность классификации, свободная от жесткого распределения показателей (параметров) по шагам процедуры (Dunnell 1971: 140); у современных советских исследователей типологическая классификация, в отличие от формальной, выявляет реальные исторические связи в материале (Грязнов 1969; Шер 1970: 13); и т. д. Несмотря на явный разнобой, можно все же уловить в этих разграничениях некую общую тенденцию, хотя и нечеткую.

По моим представлениям, избрав «к л а с с и ф и к а ц и ю», я главным образом должен был бы сосредоточить внимание на логической стороне операций группировки, сортировки, систематики артефактов, на соотношениях *объектов* с *классом* и классов между собой. Этого ожидало бы от меня и большинство читателей. Между тем, не это было для меня главным во всей проблеме. Избрав же «т и п о л о г и ю», я тем самым указал на то, что в центре моего внимания будут возможности выявлять глубинные структуры материала, места *объектов* в *системе,* их значимость, соотношения *типов* с *культурой*.

На практике археологи, упорядочивая материал, чаще называют свои действия «классификацией», чем «типологией» (и большей частью ре-

[1] В ссылках цифры после двоеточия обозначают страницы.

зонно), но охотнее называют полученные ячейки «типами», чем «классами» (хотя нередко это остается самообольщением).

Некоторым читателям покажется, что с равным основанием я мог бы назвать свою книгу и «Типологический метод» (ср. Городцов 1927; Шер 1966). Для меня, однако, это не одно и то же. Правда, по прямому смыслу слов «типологический метод» — это просто метод установления типологии: приемы получения типов, типологические операции. Но исторически сложилось так, что выражение «типологический метод» прочно ассоциировалось с разработанной Монтелиусом методикой установления эволюционно-генетических связей между типами артефактов (построение типологических рядов, установление их параллельности, направленности и т. п.). Это следующий за типологией шаг исследовательской процедуры — работа с уже полученными, наличными типами. Методику же получения типов Монтелиус специально не разрабатывал, он выделял их интуитивно и воспринимал как априорно данные.

Но задачи получения, проверки и осмысления типов культурного материала занимали исследователей и в его время (например, Э. Тайлора, М. Вебера, из археологов — Софуса Мюллера), а затем захватили и увлекли целую когорту американских археологов и культур-антропологов. Чжан Гуанчжи пишет о «революционном заряде» типологических дискуссий 30-х и 40-х годов, инициаторами которых были такие ученые, как Ирвинг Рауз, Алекс Кригер и Клайд Клаккон (Chang 1967a: 5). В этих дискуссиях, далеких от идей эволюции и приемов Монтелиуса, не употреблялось и его выражение «типологический метод». Речь шла просто о «типах» и «типологии» (также о «классификации» и «таксономии»). Таков смысл слова «типология» и в названиях многих (преимущественно французских) работ этого и последующего времени (Gifford 1939; Laplace-Jauretche 1957; Bordes 1961; Heinzelin 1962; Laplace ,964; Broglio et Laplace 1966 и др.).

Правда, у самого Монтелиуса одна работа названа прямо: «Типология или учение о развитии» (Montelius 1896). Так что не без оснований Даниел считает, что и само слово «типология» слишком прочно ассоциировалось в прошлом с эволюционно-генетическими исследованиями и его лучше не применять к операциям выделения типов (Daniel 1967: 274—275). Но тогда пришлось бы отказаться и от термина «тип». Хоть термины — вещь условная, но система их должна быть стройной: мы все равно будем подсознательно ощущать, что термин «типология» так относится к термину «тип», как термин «классификация» — к термину «класс», а «таксономия» — к термину «таксон».

Таким образом, *типология* и *методы типологии* должны быть базой для того, что традиционно именуется *«типологическим методом»*, но это разные, не совпадающие понятия.

Ведь как возникла привязка термина «типологический метод» к указанной группе постклассификационных операций? Каким образом этот термин получил свой традиционный, весьма узкий смысл?

Как это нередко бывает, название отчеканил не сам Монтелиус, а его противник Софус Мюллер. Монтелиус в первые годы археологического эволюционизма говорил о типах, типологии, типологических исследованиях, но не о методе. Он даже, как показано Греслундом (Gräslund 1974: 174—184), включал в типологические исследования и комбинирование комплексов, состоявших из типов (впоследствии такое комбинирование противостояло типологическому методу).

Но вот Софус Мюллер в полемической статье о методах первобытной археологии начал раздел «Шведская типология» с фразы, со-

держащей иронически взятые в кавычки слова «типологический метод» (Müller 1884: 162). Монтелиус ответил статьей «Метод и материал преисторической археологии», где, описав свой метод, отмечает: «Мы называем это типологией» (Montelius 1891: 1), а далее описательно именует его: «метод, который применяют шведские типологи» (Montelius 1891: 25) — он еще явно избегает непривычного и, видимо, неприятного ярлычка, навешенного оппонентом. И только к началу XX века он вполне освоился с этим выражением. Охарактеризовав ограниченность стратиграфии, он гордо заявляет: «К счастью, есть, однако, другой метод, который может быть применен почти во всех случаях, чтобы установить последовательность периодов. Этот метод — *типологический*». И, чтобы оправдать это словоупотребление, ссылается на... 162 страницу Софуса Мюллера! (Montelius 1903: 15)

По иронии судьбы эта формулировка и закрепила за методом название.

Широко распространено представление, что содержащая эту формулировку знаменитая книга Монтелиуса, давшая наиболее полное изложение этого метода, называется «Типологический метод». Так на нее и ссылаются даже скандинавские археологи, специализировавшиеся по этому методу, — так сказать, монтелиеведы (например, Gräslund 1974: 193, 238; 1976b: 125). Между тем, эти ссылки неточны библиографически. Вопреки этой вольной манере ссылок, работа называется просто «Метод» («Die Methode»), причем это подзаголовок, представляющий собой название первой, методической части запланированного большого труда, общее название которого вынесено наверх: «Древнейшие периоды культуры на Востоке и в Европе» (Montelius 1903).

Иными словами, название обозначает (и это подтверждается всем текстом книги) методику конкретного выявления последовательности периодов культурного развития, т. е. способы установления относительной хронологии. Из текста работы видно, что Монтелиус освещает в ней (хотя и неравномерно) р а з н ы е собственно археологические методы решения этой задачи — в частности, не только эволюционное ранжирование (выстраивание в шеренгу по ранжиру) типов, но и стратиграфию. Именно в этом контексте первый метод противопоставлен второму как *типологический*. Полемика с Софусом Мюллером предполагала и противопоставление методу комбинирования комплексов, который тоже требует работы с типами (как, впрочем, и стратиграфический метод, но более явно). Типологический метод стал отделяться от типологии.

Таким образом, в исходной формулировке не подразумевалось, что под шапку «типологический метод» должны быть собраны все операции с типами, а лишь имелось в виду, что среди археологических методов установления относительной хронологии этот метод отличается от других своей преимущественной опорой на типологию — тем, что непосредственно обращается к типам и отношениям сходства/различия форм между ними (типологическим отношениям!); стратиграфия же и комбинирование комплексов обращаются к ним косвенно.

По логике языка, изучение типов в системе, т. е. изучение всех отношений между типами — и есть типология. Но для Монтелиуса из всех отношений на первом плане были именно эволюционно-генетические, поэтому д л я н е г о термин «типология» все еще мог быть синонимом термина «типологический метод».

Что ж, в археологии известен, хотя и малоупотребителен картографический метод установления относительной хронологии; он охватывает узкую группу операций и отнюдь не включает в себя любые

операции археологов с картами. Если какому-либо крупному исследователю картография интересна только этим, то никто не вправе отсюда заключить, что она и вообще идентична картографическому методу установления относительной хронологии. Вполне правомерно говорить о «картографических методах» решения других задач и об «археологической картографии» как основе этих методов или (в более широком значении) как их совокупности.

Но здесь аналогия и кончается. О других «типологических методах», нацеленных на решение других задач, незачем говорить. Словосочетание «типологический метод» слишком прочно срослось с той, и только той группой операций, к которой его приклеили Софус Мюллер и Монтелиус и которая, как правильно отмечено (Neustupny 1971; Sterud 1973, 1976), удержалась в принципиально неизмененном виде до наших дней (важное усовершенствование Мальмера не затрагивает основ метода). Нет теперь ни надобности, ни основания оговаривать, что это метод относительной хронологии: оказалось, что он, не теряя своей специфики (как цельная серия операций), может применяться и для решения других задач — устанавливать генетическую преемственность, определять направление диффузии. *Теперь это один из методов установления связей в археологическом материале, связей между типами.*

То есть один из методов археологической типологии? Да, если иметь в виду археологическую типологию в том широком смысле, о котором уже шла речь. Вопрос лишь в том, целесообразно ли придерживаться такого понимания.

Его отстаивает Мальмер. По Мальмеру, *типология — это все виды сравнительного анализа типов, теория типов и их соотношений* (Malmer 1962: XXXY, 48, 881; 1963: 16, 251; 1976: 97—98). И, с точки зрения чистой логики языка, его позиция безупречна. Понятна и его цель: показать всепроникающее значение типологии для археологической науки. Но не достигается ли эта цель слишком дорогой ценой — объединением методически весьма разнородных операций? Не конструируется ли искусственно слишком большая отрасль, не имеющая единства в исследовательской практике?

Такая позиция чревата опасностями. Одна из них — невольное и непредвиденное, а потому затуманенное сужение термина. Сам же Мальмер признает:

> «На практике, однако, подобно Гильдебранду и Монтелиусу, я оставлял термин за определенной методической проблемой — *группировкой* (для хронологических целей) *типов в серии* (типологические ряды — *Л. К.*)» (Malmer 1976: 8).

Тут приходится согласиться с норвежским оппонентом Мальмера Греслундом: «Типологию нельзя дефинировать так широко, чтобы она становилась беспредметной» (Gräslund 1976a: 69).

Однако то, что проделывает с терминологией сам Греслунд, вряд ли способно выправить положение. Греслунд, продолжая и развивая норвежскую традицию, идущую от Н. Оберга (Åberg 1929, § 3), ограничивает «чистую типологию» опять же эволюционным ранжированием типов, исключая из типологии все операции формирования типов, их группирования или классификации и т. п. (Gräslund 1976a: 69). А так как он не надеется обеспечить этому выбору всеобщее признание, то предлагает практический выход: «последовательно избегать использования термина 'типология'» (Gräslund 1976a: 71). Заодно отказывается и от термина «типологический метод». Оба он заменяет новой, сложной и плохо мотивированной, терминологической конструкцией: «метод

аналогии типов» (type-analogy method). Его поддерживает другой норвежец — Йонсен. Он считает, что Греслунд «взял быка типологии за рога» (Johnsen 1976: ,05).

Ну, если говорить о термине, то Греслунд не только взял быка за рога, но и воткнул в него клинок. Другие, как показал Мальмер (Malmer 1962; 1976: 103), проделывают то же не с термином, а с концепцией. Эта коррида чужда мне так же, как Мальмеру. Я не собираюсь ни прыгать на арену с красным плащом, ни хватать быка за рога, ни поражать его. «Быка Типологии» надо растить и холить, чтобы он смог улучшить породу археологии.

Терминологию же можно приравнять к яслям и стойлу для такого выращивания. Они должны быть рассчитаны на определенное содержание живности и удобно встроены в усадьбу. Их нужно беречь от разрушения, охранять, изредка увеличивать и почаще чистить.

Формирование и группирование типов — вот дело, исходное для всех последующих операций в археологии. Его и целесообразно считать содержанием или, по крайней мере, средоточием понятия «типология». Но так как «тип» синонимичен «классу», «таксону» и др., а «типология» — «классификации», «группированию» и др., то, чтобы избежать избыточности, дублирования нужно еще более сузить значение термина «типология», внеся спецификацию в связи с аналогичной спецификацией термина «тип» по отношению к его синонимам. Тогда «типология» будет означать даже не любые операции группирования типов, а только определенную сферу этой работы, и не будет дублировать «классификацию».

Что же касается «типологического метода», то этот термин лучше оставить за той группой операций, которую он обозначал искони. А чтобы не сбиваться и не принимать его за дубликат термина «метод типологии», можно в тех контекстах, где их легко спутать, добавлять к первому термину уточнение: «*эволюционно*-типологический метод (*Монтелиуса*)».

Во всяком случае, в свою «Археологическую типологию» я не включаю ни этот метод, ни другие операции, близкие ему.

2. Почему археологическая типология?

Монтелиуса, создателя *типологического метода,* называют «королем археологии». Этим подчеркиваются и теоретическое значение этого метода, и то совершенство, то изящество, до которого метод был им доведен, и, наконец, результативность этого инструмента исследования: сработанные Монтелиусом схемы относительной хронологии Северной Европы удержались до наших дней (целое столетие!).

А вот *типология*, которая необходима как база для этого метода и ряда других методов (картографического, комбинаторного, сериационного и т. д.), отнюдь не доведена до такой разработанности! Между тем это одна из «первооснов археологии» (fundamentals of archaeology), по выражению Борда (Bordes 1972: 141). Это о ней, о типологии, известные теретики пишут:

> «... Не стоит забывать, что преистория именно на пути через типологию превратилась в критическую науку и что каждый ученик в этой профессии может лишь посредством серьезного штудирования рядов фибул и могильного инвентаря выработать для себя те основы сравнительного формоведения, которые составляют базу всякого дальнейшего использования материала» (Wahle 1951: 287).

> «Хороший археолог отличается от плохого своей способностью делать верные классификаторные суждения» (Rouse 1972: 46)

Похоже у Борда:

> «Надо осматривать большое число орудий, классифицировать их, осматривать снова много раз, пока приобретешь «типологический глаз»...» (Bordes 1972: 141).

И еще внушительнее у Чжана Гуанчжи:

> «Если бы мне было позволено сфокусировать внимание на всего лишь одном звене и представить его как центральный пункт всего сложного и хитрого дела археологической теории и ее хода развития, я должен был бы выделить понятие и действие классификации. Полагаю, что методологическое развитие археологии в двадцатом веке сосредоточивается на переосмыслении классификационных проблем...
>
> Реалистична будет прикидка, что 80—90 процентов времени и энергии археолога уходит на классификацию материала...» (Chang 1967a: 4, 71).

В то же время весьма компетентные археологи признают:

> «Гордое хронологическое здание на основе типологии есть опасный мираж...» (Brögger 1926: 14—15).
>
> «...Как мы классифицируем... Вот вопрос, который редко ставится и получает мало внимания в литературе...» (Hill and Evans 1972: 232).
>
> «Традиции ради было много возни с археологической (и этнографической) типологией, но заметного прогресса нет» (Watson, LeBlance and Redman 1971: 151).

А может, нет и не надо? Не преувеличивается ли значение типологии в этой подборке цитат?

У типологии были и есть гонители. Одни готовы избавиться от нее, уповая на технологические анализы, трасологию или компьютеры, другие стесняются ее служебного статуса. Те и другие хотели бы перескочить от сбора и лабораторного анализа материала сразу к интерпретации. «Сама же типология стала неприличным словом с привкусом ненаучной субъективности и старомодной абракадабры» (Miller 1972: 141).

В отчете о конференции в Москве по проблеме историзма археологии сообщается о выступлениях ряда археологов

> ...«против концепции, сводящей археологию к развернутому источниковедению, оторванному от исторических обобщений, и возводящей типологию в ранг единственного метода этой науки...» (Башилов 1978: 110).

«Оторванному»...«единственного»... Ну зачем же так? Из текста выступлений ясно, что имеется в виду концепция, которой придерживаюсь и я (ср. Клейн 1978в, г). Но критики не доказали, что в ы д е л е н и е источниковедческих исследований в особую науку непременно означает ее «о т о р в а н н о с т ь» от интерпретации, то есть что оно ведет к ущербу для последней. Критики также напрасно приписывают моим единомышленникам возведение типологии «в ранг единственного метода» археологии, тогда как на деле мы представляем типологию *главным* комплексом методических задач и операций н а о п р е д е л е н н о м э т а п е исследования. Этапе, которого не миновать. Комплексом, которого не обойти. Были уже такие попытки — провалились. Это еще достаточно живо в памяти, и я могу для начала обойтись без специального аргументирования н е о б х о д и м о с т и типологии, сославшись на блестящую аргументацию Мальмера (Malmer 1962: 47).

Один из представителей «новой археологии» США Уоллон признал, что формализаторские новации в типологии принесли совсем не тот результат, которого от них ожидали:

> «Есть тенденция видеть в этой формализации типологического метода в высшей степени желательную замену старых «ненаучных» методов. Однако это оказался сугубо преждевременный оптимизм, не говоря уже о доверии, достойном лучшего применения, — если учесть общий успех и применимость традиционных подходов и сравнительно бедные зачастую результаты формальных методов. Поэтому было бы полезно рассмотреть некоторые причины того, что формальные методы не получили более широкого распространения и значительного успеха в сфере типологического анализа» (Whallon 1972a: 252). Уоллон добавляет, что многие затруднения происходят «от недостатка понимания принципов, реально оперирующих за традиционной типологией».

Таким образом, возня с этой «старомодной абракадаброй» вполне актуальна.

Два понятия выдвигаются в этой проблематике на первый план — *тип* и *археологическая культура*. Они являются двумя фокусами рассмотрения типологических проблем у Тэйлора (Taylor 1948) и еще отчетливее у Чайлда (Childe 1956).

> «Чайлд оперировал на двух таксономических уровнях: 'культур' и 'типов'» (Doran and Hodson 1975: 161).

Группа современных советских археологов отмечает, что в их методической программе для конкретных исследований

> «...основные понятия типологического метода — тип (с некоторыми уточнениями методического порядка) и археологическая культура — являются исходными (Гвоздовер, Григорьев, Деопик, Леонова 1974: 10).
>
> «В археологии на роль наиболее общей теории претендует, пожалуй, теория археологической культуры, отражающая наиболее полно и целостно объект археологической науки... В литературе поднята интересная проблема теории археологического типа, имеющая чрезвычайно важное значение, ибо типология является ведущей, определяющей во всей системе археологических знаний проблемой» (Генинг 1975: 8).

По мнению Грязнова, в археологическом изучении вещей «основной классификационной единицей» является тип, а в изучении истории культуры племен и народов «основной таксономической единицей... является культура» или, как теперь часто называют «археологическая культура» (Грязнов 1969: 20).

Арциховский, которому как слависту не приходилось много заниматься различением культур, выражался лаконичнее:

> «Основной единицей, с которой оперируют археологи, является тип» (Арциховский 1930: 8).

Итак, вот наши главные типологические понятия. И что же?

> «До сих пор не сделано серьезных попыток определить критерии, необходимые для выделения археологических культур» (Третьяков 1969: 28).
>
> «Сугубо невозможно ответить на вопрос, что такое тип на самом деле...» (Cowen 1969: 8).

Из этих двух одновременных высказываний первое содержится в сборнике «Теоретические основы советской археологии», а второе — в президентском обращении Джона Кауэна к Британскому Преисторическому Обществу.

За год до того Г. Кларк расценил как «наиболее опасный из всех археологических терминов ярлычок 'типичное' или 'тип'» (Clarke 1968: 29).

Естественно, что проблема признается первостепенной:

> «Распределение археологического материала по типам является одним из наиболее острых вопросов в археологии. Дело это не так просто, как может показаться на первый взгляд...» (Форд 1962: 1).
>
> «В археологической науке нет сейчас проблемы более важной, чем проблема классификации археологических материалов» (Гладилин 1975: 13).

Неизбежным для ее решения признается выход к теории, методологии и философии науки. Существенно следующее:

> «Субъективность и неточность, скрещивание терминов и пропуски неизбежны при выделении типов, если не построена схема типологической классификации» (Арциховский 1930: 7).
>
> «Пока мы не поймем полностью резоны, лежащие в основе нашего деления на классы или типы, мы вряд ли сможем создавать классификации, полезные для нас самих или для других» (Hill and Evans 1972: 232).
>
> «...Полезные классификации зависят от предварительных проблем и гипотез, и классификацию нельзя отделять от этого контекста. Мы полагаем, что когда это положение будет вполне освоено,... «типологическая дискуссия» отойдет в прошлое» (Hill and Evans 1972: 232).
>
> «Попросите-ка археолога выложить и обосновать его понятийную схему... Обычно это даже не возникает перед ним как проблема. Но если бы больше археологов систематично продумывали логическое содержание понятия, которым они постоянно пользуются («типология»), проблема классификации керамики в разных

районах Нового Света не была бы таким нагромождением путаницы» (Kluckhohn 1940: 48).

Стало быть, необходимость теоретического исследования этой проблемы назрела давно.

Но как это ни странно, моя «Археологическая типология» является, насколько я могу судить, первой книгой под таким названием. Так что ей суждено хотя бы в этом заполнить брешь. Три советских археолога отметили:

> «...археология до сих пор не располагает общей теорией классификации» (Каменецкий, Маршак и Шер 1975: 47).

Добавив к их ценному труду (см. Клейн 1977а) сборник работ моих коллег (см. Клейн 1979) и эту книгу, я хотел бы способствовать изменению ситуации.

3. Путь к теории

Сорок лет назад Клакхон констатировал, что, по убеждениям большинства представителей антропологических наук, «теоретизирование — это то, что вы делаете, если вы слишком ленивы, или слишком нетерпеливы, или слишком книжный червь, чтобы пойти и приняться за факты» (Kluckhohn 1940: 45). По моим наблюдениям, с тех пор отношение большинства ведущих археологов старшего поколения к теории мало изменилось (Клейн 1977б, 1978а). В их глазах все еще ореол теоретика лишь озадачивает, возбуждая вокруг брожение, беспокойство, но не придает ученому солидности. Было бы тщетно пытаться заслужить их уважение теоретическими рассуждениями — я не настолько наивен. Хочу, однако, заверить читателя, что на теоретический разбор проблем археологической типологии меня толкнули не те причины, которые перечислил Клакхон.

Меня лично к теоретическому исследованию этих проблем обратили те трудности, на которые я натолкнулся в своей собственной исследовательской практике, в конкретных штудиях материала.

Увлеченный вопросами энтогенеза и культурогенеза, я занимался происхождением катакомбной культуры. Меня удивило, что корни ее разошлись в разные стороны и потянулись в удаленные друг от друга районы Евразии (Клейн 1962а; Klejn 1963). Зародилось подозрение, что культура неверно выделена, что исследователям не удалось распознать и разделить в материале несколько внешне схожих культур разного происхождения. Эта идея позволила снять часть затруднений (Клейн 1968б). Но проверяя правильность выделения этих культур, пришлось заняться методикой выделения культур — как оказалось, весьма трудным делом (Клейн 1962б, 1970а; ср. Колчин и др. 1970: 6), — и выйти на проблему определения археологической культуры (Клейн ,970б; Клейн и др. 1970; Klejn 1971). Со времен Чайлда наиболее авторитетным путем определения археологической культуры считалось выявление устойчивых связей между типами на основе их регулярного взаимосочетания в комплексах. Так задача определения археологической культуры вывела меня к понятию типа.

Другой путь к нему вел от моих занятий непосредственной обработкой вещественного материала. Тому, кто знает меня только по опубликованным работам, может показаться, что я мало занимался вещеведческими штудиями. Это не так.

Еще будучи студентом, в конце 40-х годов, я классифицировал донецкую катакомбную керамику, чтобы найти объективную основу для выявления эволюции и для дробной относительной хронологии. Изо-

брел ради этого доморощенную систему измерений на манер краниологических (подставил горшки на место черепов), построил красивые схемы, но сам не мог поверить в объективность своих типов и своих кривых изменения. Работа осталась неопубликованной.

Позже, в конце 50-х годов, собрал полную по тому времени картотеку молоточковидных булавок, металлических и роговых (началось со сбора аналогий к моей полевой находке 1951 г.), картографировал их, проследил изменчивость, но типы наметил по сочетаниям всего двух показателей. Достаточно ли этого? Я делился информацией и идеями с другими исследователями, работавшими над тем же материалом; факты, надеюсь, им пригодились, выводы, опасаюсь, на них повлияли (сужу по их публикациям). Работа осталась неопубликованной.

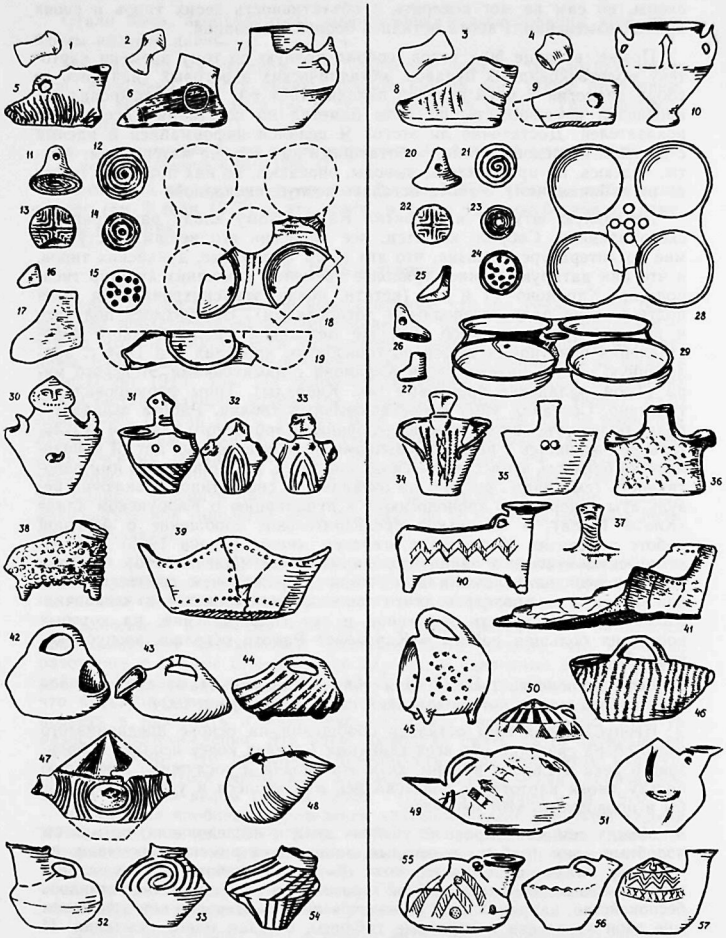
Детальную штудию я посвятил Карбунскому кладу раннетрипольского времени. Собрал, кажется, все аналогии его вещам, доступные мне по литературе, показал, что эти вещи импортные, дунайских типов, и что они датируют раннее триполье временем тамошних культур тисапольгар, Караново VI и др. (кстати, позже эта синхронизация была подтверждена радиоуглеродными датировками). Но хотелось получить и абсолютную хронологию. Той же методикой множественного сопоставления однотипных вещей по горизонтам проделал я в 1964 г. аналогичную увязку разных слоев Каранова с памятниками Эгейского мира (Троя, эгладский бронзовый век, Киклады). Типы формировал интуитивно. Составил уйму сопоставительных таблиц. Работа вышла гораздо более объемистой, чем исследование Карбунского клада, а результаты ее разошлись с первыми сводками радиоуглеродных дат. Я понадеялся на близость и массовость своих аналогий, на выявленную ими однотипность (см., напр., рис. 1), на очевидность своих типов и включил результаты («короткую хронологию») в публикацию о Карбунском кладе (Клейн 1968а), в маленькое предварительное сообщение о большой работе по связям Каранова с эгейским миром (Клейн 1965) и в полемическую статью о радиоуглеродном методе (Клейн 1966). Работы, как обычно, долго лежали в редакциях, прежде чем выйти, и когда они вышли, я уже подозревал, что моя «короткая хронология» ошибочна. Какова же надежность тех типов и тех сопоставлений, на которых построена большая работа о Каранове? Работа осталась неопубликованной.

Вот уж поистине, «если твои типы не выдерживают критики, вся твоя работа может потерять всякий смысл» (Крофорд 1924: 147).

Неопубликованными остались обобщения на основе предпринятого мною сбора сведений обо всех глиняных моделях колес неолита и бронзового века в Европе и Азии, хотя эта сводка и сослужила некоторую пользу (моей картотекой пользовались мои коллеги и ученики). Я мог бы и продолжить этот перечень...

Между тем мои выросшие ученики делали исследования, во многом подобные моим (работы некоторых, занявшихся римским временем, по методике близко напоминают мою «Карбуну», работы других, славистов, — мою возню с катакомбной керамикой и т. д.), и во мне затаилось беспокойство, направил ли я их на верный путь. Нередко они приносили мне свои картотеки и черновые таблицы, ожидая моего суждения. И они не собирались оставлять свои работы неопубликованными. Чувство ответственности, заставлявшее меня раньше воздерживаться от публикации своих работ, на которые было затрачено немало труда, теперь подталкивало меня к теоретическому осмыслению типологии.

Конечно, я понимаю, это не единственно возможное следствие практических трудностей. С подобными трудностями сталкиваются все; осоз-



Р и с. 1. Сопоставление находок из памятников культуры Караново VI (слева) с аналогами из памятников Эгейского мира (Троя, элладский бронзовый век, Киклады) по короткой хронологии (синхронизация оказалась неверной).

нают их, по крайней мере, очень многие; немалому числу не удается их обойти; некоторые отказываются смириться с ними или игнорировать их и лишь единицы решаются для их преодоления выйти на поприще теоретического исследования (а для кого из них этот выход окажется удачным?). Что ж, сознаюсь: я никогда не был **настоящим**, завзятым, цельнокованным практиком. Демон-искуситель теории сидел во мне всегда. Он-то и возбуждал во мне особую чувствительность ко всем этим каверзным вопросам, возводил их в проблему, поднимал их на теоретический уровень.

Можно ли при анализе нашего материала отличать сходство от тождества или, точнее, аналогию от гомологии? Какой набор этих связей достаточен для того, чтобы сформировать класс или тип, имеющий культурно-историческое значение? Стоит ли отличать тип от класса — в чем различие? Могут ли они совпадать — и при каких условиях?

На эти и подобные вопросы я либо не находил ответа в литературе, либо находил сразу по нескольку резко расходящихся ответов, либо не находил и вопросов. Пусть же моя книга хотя бы поставит вопросы ясно. Но, конечно, я буду рад, если по каким-то аспектам и предложенный ответ прозвучит убедительно.

4. Путь к публикации

Эта книга тоже изрядно вылежала в рукописном виде. Вчерне она написана в 1973—1974 гг. (кроме глав о культуре, к тому времени уже вышедших в свет в кратких вариантах), обсуждалась в 1974 г., а затем я вносил лишь небольшие добавления и уточнения. Печатно ее основную идею я впервые высказал (бегло) в одной рецензии (Клейн 1977а), статью с более развернутой аргументацией и с протоколом обсуждения опубликовал в 1979 г. (Клейн 1979).

Обсуждение помогло мне отточить аргументацию, заменить и устранить некоторые пробелы. Особенно ценными были замечания давних участников моего семинара В. С. Бочкарева и Г. С. Лебедева — моих единомышленников по основным теоретическим вопросам.

В Ленинграде вообще была превосходная среда для формирования и «обкатки» археологических теорий. Я имел здесь возможность постоянно и плодотворно дискутировать с видными представителями всех основных современных направлений в трактовке археологической типологии — по случайному совпадению, людьми разных поколений.

Страстным пропагандистом резко негативного отношения к морфологической типологии артефактов был ученый старшего поколения Сергей Аристархович Семенов, автор «Первобытной техники» (Семенов 1957; Semenov 1964), изобретатель функционально-трасологического метода. Несмотря на мою греховную, с его точки зрения, веру в тип и археологическую культуру он неизменно поддерживал мои теоретические работы. Прочтя рукопись этой книги, он всячески поощрял меня к ее опубликованию. Дело не только в том, что ему понравилась критика современного состояния типологии (а это ему, конечно, понравилось), но и в том, что он любил и ценил деловые споры, уважал и стремился понять противоположные точки зрения. «Что же Вас все-таки заставляет держаться за эти штуки — тип и археологическую культуру?» — неоднократно спрашивал он.

Я хотел превратить эту книгу в ответ, как можно более убедительный и полный. Пусть же она и будет ответом — читателю и мне самому. Увы, уже не Сергею Аристарховичу, который умер до выхода этой книги.

Индуктивно-аналитический подход к типологии, близкий к подходу Сполдинга, защищал в Ленинграде мой сверстник и приятель Я. А. Шер (ныне в Кемерове), с которым мы, бывало, вели жаркие споры.

Условность типов и культур экспансивно отстаивает в СССР известный специалист по палеолиту Г. П. Григорьев. Он был в числе тех студентов, которым более 30 лет назад я, тогда аспирант, читал свою первую, пробную, лекцию в Университете.

Наконец, мои ученики пытаются применять на практике предлагаемую в этой книге концепцию типологии. Семеро моих учеников (бывших моих студентов) согласились проиллюстрировать развиваемые мною идеи конкретными разработками материала. Эти разработки у четверых представляют собой части их дипломных работ, завершенных много лет назад, у одного (Лебедева) выполнена после защиты кандидатской диссертации. В моей книге А. В. Виноградову принадлежит § 3 гл. I и § 1 гл. XIII, Н. А. Боковенко написал § 2 гл. XIII, разработки А. М. Бианки, А. Ю. Алексеева, Г. С. Лебедева, Ю. М. Лесмана и Ф. Р. Балонова включены в гл. XIV—XVI.

Ныне Г. С. Лебедев — профессор кафедры археологии Ленинградского университета, А. В. Виноградов — доцент той же кафедры, Н. А. Боковенко работает в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР, А. Ю. Алексеев и Ю. М. Лесман — в Эрмитаже, А. М. Бианки — сотрудник Музея этнографии народов СССР, Ф. Р. Балонов — ученый секретарь археологического объединения при исследовательском центре АН СССР в Ленинграде.

Путь к публикации этой книги был тернистым. К январю 1979 г. основная часть труда уже существовала в машинописном чистовике. Ввиду полной безнадежности мечтаний опубликовать эту книгу на родине (и объем ее был слишком велик, и автор недостаточно влиятелен) я по официальной договоренности отправил текст в Англию, оксфордскому издательству BAR, для чего пришлось пройти принятую тогда сложнейшую процедуру проверки и утверждения со множеством инстанций, оформить уйму документов, получить несколько десятков подписей. В Оксфорде начался перевод текста на английский язык, а я тем временем завершил последние главы и словарь терминов. В 1981 г. подготовил их к отправке (оформил документацию и прошел почти все инстанции), но отправить уже не успел: был арестован (причины и следствия ареста излагаю в других своих публикациях).

В тюрьме просил дать мне возможность проверять прибывающие из Оксфорда куски перевода. Из администрации запросили ВААП, был ли текст отправлен за границу по официальному разрешению, с ведома ВААП. Из ВААП же, то ли испугавшись, то ли по недоразумению, ответили, что знать не знают такой работы. Проверку мне запретили. Тем временем оксфордское издательство, опасаясь, что я исчез в недрах ГУЛАГа надолго, если не навсегда, решилось издать перевод без последних глав и без авторской правки. Я не могу осуждать издательство за это: цели были самыми благими.

Но результат получился ужасным. Когда осенью 1982 г. я вышел из лагеря и увидел изданную книгу (Klejn 1982), то пришел в отчаяние: переводчица не разбиралась в археологии и неважно владела русским языком. Мысли были искажены, термины перепутаны, даже английские исследователи не опознаны и в обратной транскрипции с русского языка выглядели неузнаваемо. Издатель тоже опечалился. Он согласился к каждому экземпляру прилагать брошюру с моими исправлениями. Однако это не спасло положения. Книгой практически было невозможно пользоваться, что отмечено в одной из рецензий (Eggert 1984).

Между тем, потребность в этой работе, видимо, существует. В научных кругах русский текст книги ходит, так сказать, в самиздате: в Москве, Ленинграде, Новосибирске и Кемерове, насколько мне известно, археологи пользовались текстами, перепечатанными на машинке с оригинала, другие археологи в Москве же и Киеве изготовляли обратный перевод с английского (воображаю, как это выглядит!). Когда в Югославии решили перевести эту книгу на словенский язык, люблянские коллеги запросили из Оксфорда оригинал и перевели с него. Перевод получился гораздо лучше и полнее английского (Klejn 1988).

Наконец, пришло время, когда в новых условиях стало возможным опубликовать эту работу в СССР. Теперь я могу отдать ее на суд соотечественников. Надеюсь, что она поможет им в работе.

С чувством благодарности я отмечаю помощь И. М. Ильинской, которая не только перепечатывала текст этой книги, но и выступала при этом в роли первого редактора, используя свой опыт работы в издательстве.

Я благодарен также Ю. Ю. Пиотровскому, в прошлом участнику моего семинара, за помощь в оформлении рисунков.

Коллективу кафедры археологии и студентам моего семинара я признателен за атмосферу дружеского участия, общего интереса и постоянного творческого напряжения.

Январь 1990 г.
Ленинград

Л. Клейн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОТ ТЕРМИНОВ К ПОНЯТИЯМ

Глава I

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ

Классификация — это сеть, которой можно поймать и в которую можно попасться.

Д. Харвей (1974: 337).

1. Задача или проблема?

Горячие споры о типе и культуре ведутся в археологии давно — не менее ста лет. По разным аспектам споров постепенно обрисовались крайние позиции, иногда предпринимались попытки избрать спокойные и безопасные средние решения. К ним тяготела основная масса практиков, сторонившаяся воюющих друг с другом теоретиков. Но еще Гете говорил, что между крайними позициями в споре располагается не истина, а проблема.

Выступив со статьей «Проблемные ситуации в археологии», Захарук (1973) избрал в качестве конкретного примера именно проблему классификации, именно разнобой и неясности с понятием археологической культуры. И резонно.

> «Многое в литературе, имеющей дело с археологической классификацией (особенно программные утверждения), запутано и способно лишь запутать читателя. Основные положения смешаны с незначительными, и ни те, ни другие не изложены ясно» (Hill and Evans 1972: 231).

К сожалению, Захарук не сумел разобраться ни в сути проблемных ситуаций с точки зрения эвристики, ни в содержании и структуре проблемы классификации в археологии.

Он не уловил разницы между требованиями ординарных, тривиальных задач и постановкой проблем. Естественно, что от него ускользнула суть эвристических приемов, разработанных науковедами для решения проблем. За рамками его статьи осталось главное — преобразование неопределенной проблемной ситуации, не поддающейся решению, в ситуацию с четкой структурой и выявлением неизвестного. Такой эвристический сдвиг проблемы Захарук спутал с «прогрессивным сдвигом проблемы» — понятием, вообще не имеющим отношения к методическим средствам решения проблем, а введенным для оценки теорий.

Проблему культурной классификации в археологии Захарук свел в этой статье к констатации *терминологического* разнобоя и разногласий в *интерпретации* выявленных классификационных ячеек. То и другое, при всей важности, почти не затрагивает внутреннего существа культурно-типологической классификации как проблемы, располагаясь, так сказать, по обе стороны от нее — у входа и выхода.

Начав свою статью с иллюстрирования проблемных ситуаций в археологии рядом примеров из области культурной классификации, Захарук не случайно не их стал затем анализировать, расчленяя по своей схеме «прогрессивного сдвига проблемы» как метода решения, а обратился с этой целью к примеру из другой области — к проблеме назначения трипольских «площадок». Дело в том, что назначение это уже выяснено, а постановка проблемы была сравнительно четкой. Иначе обстоит дело с проблемой классификации или проблемой типологии. В ее постановке нет ни готового решения, ни ясности, ни заметного «прогрессивного сдвига».

2. Понятие типа в археологии

Каждый думающий археолог чувствует, что эта тема важна и актуальна для нашей профессии. «Вопрос о содержании понятия «тип», — пишет Шер, — имеет принципиальное методологическое значение и заслуживает специального исследования...» (Шер 1970: 13, прим. 7).

Такое исследование, однако, оказывается крепким орешком.

> «Сложность подхода к постановке задачи классификации, — констатирует Шер, — состоит в том, что археология до сих пор не располагает не только общей теорией типологического метода, но и не имеет единого представления о том, что такое тип» (Шер 1970: 8).

Этого представления нет у нас, нет и на Западе.

> «До настоящего времени, — пишут Каин и Ван Нотен, — нет такой дефиниции термина «тип», которая бы одна получила общее признание типологов» (Cahen and Van Noten 1971: 211).

Но нет согласия и в самом признании того, что нет согласия.

> «Среди американских археологов, — заявили Уилли и Филипс, — к счастью, царит согласие относительно того, в чем заключается тип артефакта (artifact type), хотя еще и дискутируется вопрос о том, что он означает в понятиях реальности, лежащей в его основе...» (Willey and Phillips ,958: 13).

Основы той самой теории, которая не существует, если верить Шеру, спокойно излагает Мак-Уайт:

> «Типологическая теория покоится на двух основополагающих предположениях: (1) что типы существуют и являются существенными и (2) что изменения, которым они подвергаются на шкале времени и в плане пространства, сигнализируют об изменениях культуры» (Mac White 1956: 229).

Значит, типы можно проверить. И Чжан Гуанчжи подтверждает: идентифицируя типологию с поведением и намерениями людей, рассматривая ее как инструмент познания культурных значений и человеческой истории, «археологи нашли, к своему удовольствию, что эта типологическая схема работает». Он уверен: «Уж если есть нечто, что археолог знает, то это как формулировать свои типы методом сравнения» (Chang 1967a: 9—10, 84).

Итак: а) «к счастью, царит согласие», б) археолог умеет формулировать типы, в) знает, как их проверить: его схема работает. В самом деле? Проверим все три утверждения.

Царит ли «к счастью» согласие? К несчастью, не царит. Оба постулата, указанных Мак-Уайтом, подвергаются сомнению. А дефиниции?

Для Рауза «тип» — это набор взаимосвязанных признаков (критерий выделения класса), а «класс» — группа однотипных предметов (Rouse 1939: 11, 1960). У Тэйлора термином «тип» обозначаются и такой набор и такая группа, а «класс» — это группа схожих типов (Taylor 1948: 116, 121). Клакхон понимал «типологию» как целевую, теоретически ориентированную классификацию, соответственно «тип» — как класс, сформированный по культурно значимым признакам (Kluckhohn 1960). По Чжану, «тип» и «класс» — это одно и то же, причем это широкое классификационное понятие: и «признак», и «культура» — это все «типы» (Chang 1967a: 72, 79, 90); такое понимание представляется более плодотворным и Мелконяну (1976; 1978: 121—122). Уилли и его коллеги систематически обозначают в керамике термином «тип» то, что другие американские и европейские археологи обозначают терминами «стиль», «сорт» или «род» (ware) (Smith, Willey and Gifford 1960). У Адамса «классификация» — это самое общее обозначение для всех структурирующих (группирующих и т. п.) операций, а «типология» разбивает массив на взаимоисключающие ячейки — «типы» (Adams 1988).

Можно было бы добавить, что для Грязнова «класс» — единица искусственного аналитического (по одному признаку) разделения, а «тип» —

единица естественной генетической систематики, выделяемая по колеблющемуся сочетанию признаков и способная включать в себя вещи, «совсем не похожие одна на другую» (Грязнов 1969: 18—19). Схожую позицию занимают Шер (1970: 13, прим. 7) и Каменецкий (Kamenetski 1971). Для Федорова-Давыдова «тип» — это «группа предметов одной (функциональной) категории, неразличимых в пределах некоторых допущений по форме» (Федоров-Давыдов 1970: 126); и т. д.

«Таксономию» Бру определяет как науку о правилах классификации, его коллеги «к востоку от Скалистых гор» — как филогенетическую классификацию (Brew 1946: 44, прим. 1), Рауз — как классификацию, иерархически организованную (Rouse 1960), Адамс — как «классификацию классов» (Adams 1988), и т. д.

Лет 45 назад Брейдвуд удивлялся «путанице терминов, существующей в преистории Старого Света», и советовал: «самое время для домашней уборки в преисторической терминологии Старого Света» (цит. по Daniel 1950: 246). С тех пор уборки так и не было, причем теперь замусорена и терминология Нового Света. И 30 лет спустя после Брейдвуда англичане Доран и Ходсон констатировали «уклонение многих археологов от необходимости определять, что они понимают под «классом» и «типом», или их обыкновение давать дефиницию, которая на деле не соответствует их практике» (Doran and Hodson 1975: 158). Кажется, Гарден пустил словечко «анархеология» (Jaulin 1970: 343)...

А умеем ли мы «формулировать наши типы методом сравнения», на чем настаивает Чжан?

3. Интуитивная типология таштыкской керамики (гунно-сарматское время в Южной Сибири)

(А. В. Виноградов)

Проследим, каким образом группирует археологические материалы гунно-сарматского времени в Южной Сибири Кызласов. Это видный исследователь сибирских древностей, автор ряда фундаментальных трудов по археологии Южной Сибири и Центральной Азии, профессор Московского университета. Являясь учеником крупнейшего советского археолога-сибиреведа Киселева (который, в свою очередь, был учеником Городцова), Кызласов представляет собой классический пример исследователя с интуитивным подходом к классификации.

Кызласовым выделено 28 типов керамических сосудов на основании различия их форм (Кызласов 1960: 40). При этом даются словесные дефиниции типов и ссылки на рисунки.

Рассмотрим 3 из 28 интуитивно выделенных типов — банки. Они составляют более половины всей таштыкской керамики: из 534 сосудов, учтенных в монографии Кызласова, к трем типам банок отнесены 325 сосудов (Кызласов 1960: табл. II).

> «Тип 8) Баночный I... По форме это почти цилиндрические сосуды, или же банки с несколько выпуклыми боками (ссылка на рисунки. — *А. В.*). Все они широкогорлые и совершенно совпадают со всеми вариациями позднетагарских банок (ссылка на Киселева. — *А. В.*), от которых они, несомненно, и происходят. Раннеташтыкские банки обычно небольшие и приземистые. Позднее появляются крупные, высокие (вытянутые) банки...
>
> Тип 9) Баночный II. К этому типу отнесены «закрытые» банки с более сильно выпуклыми боками, приближающиеся уже к бочонковидным (ссылка на рисунки. — *А. В.*). Сосуды этого типа также происходят от своих позднетагарских предшественников и существуют на всем протяжении эпохи...

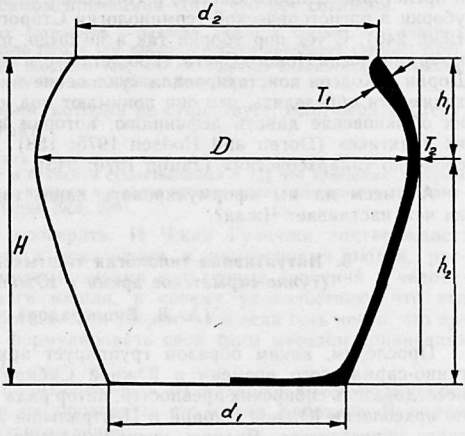
© А. В. Виноградов (стр. 21–25)

Тип 13) Бочонковидный I... Имеет простую, сильно выпуклобокую форму и напоминает стоящий бочонок... Сосуды эти бывают разных размеров — от небольших и низких до больших настоящих бочек с диаметром горла 35—40 см, предназначенных для хранения запасов...» (Кызласов 1960: 45).

Кызласовские указания на происхождение таштыкских банок от тагарских форм показывают, что он убежден в реальности своих типов и отнюдь не склонен считать классификацию всего лишь условной схемой.

Думается, что даже самый опытный археолог, взяв в руки «банку с несколько выпуклыми боками», затруднится отнести ее к одному из трех описанных типов. Могут, конечно, помочь иллюстрации, на которые ссылается Кызласов, но, по-видимому, придется провести анализ самих этих иллюстраций, чтобы с какой-то определенностью представить себе рамки выделенных типов.

Попытаемся проверить классификацию Кызласова средствами комбинаторики. Окажется ли корреляция использованных им морфологических признаков дискретной или непрерывной (Пасхавер 1974: 15)? Соотношение показателей формы сосудов (рис. 2) может быть выражено в системе координат на плоскости. По оси абсцисс отложим вправо от нуля показатель «выпуклобокости», исчисляемый отношением диаметра донца к максимальному диаметру сосуда $d_1 : D$, влево — относительную высоту уровня максимального диаметра $h_2 : h_1$ — признак, не отмеченный Кызласовым явно, но, судя по иллюстрациям, на которые он ссылается, также значимый при выделении типа 13. По оси ординат отложим показатель «закрытости», исчисляемый отношением диаметра венчика к максимальному диаметру сосуда $d_2 : D$. При этом каждый сосуд будет представлен на графике корреляций горизонтальным отрезком линии, как это показано пунктирными линиями на рис. 3а для форм, смоделированных по дефинициям Кызласова.



Р и с. 2. Основные параметры баночного сосуда.

Если гипотеза Кызласова о существовании на протяжении всей «таштыкской эпохи» трех типов баночных сосудов верна, то эмпирические «корреляционные линии» должны сгруппироваться по вем или хотя бы по каким-то признакам вокруг показанных на рис. 3а, образовав дискретные группы.

Эмпирическое распределение «корреляционных линий» сосудов (11 экземпляров), приведенных в монографии Кызласова в качестве иллюстраций к дефинициям «типов» (рис. 3а), показывает, что «типы» 8) баночный I (сплошные линии) и 9) Баночный II (штриховые линии) вместе составляют дискретную группу. Ее части различаются, конечно, по признаку «закрытости», но почему граница между ними прошла на значении

показателя $d_2 : D = 0{,}895$, вблизи которого обнаруживается как раз максимальная концентрация «корреляционных линий», — остается непонятным.

Показатель «закрытости» приведенных Кызласовым представителей типа 13 Бочонковидный I (штрих-пунктирные линии), обнаруживает от-

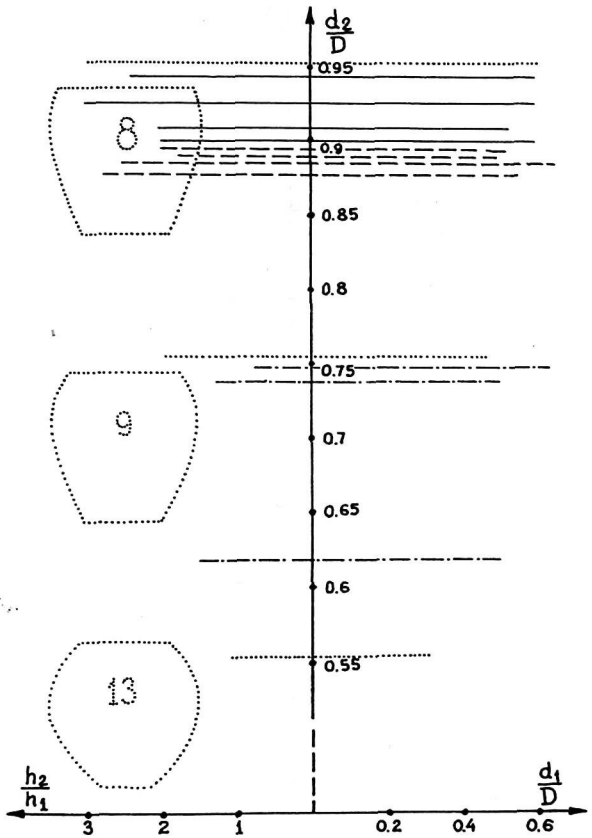


Рис. 3 а. Соотношение показателей форм таштыкских баночных сосудов: слева — смоделированные по дефинициям Кызласова, — справа — измеренные по иллюстрациям Кызласова

личие от соответствующего показателя «баночных» (по Кызласову) сосудов значительным промежутком в интервале значений $d_2 : D$ от 0,75 до 0,85. Кроме того, различимы они, в отличие от «баночных», и по уровню максимального диаметра (для типа 13 $h_2 : h_1 < 1{,}5$); впрочем, последний признак не дискретен (ср. рис. 4).

Казалось бы, в данной части можно принять с известными оговорками классификацию Кызласова как рабочую гипотезу, однако репрезентативна ли его выборка сосудов для иллюстраций? Ведь только их параметры оказалось возможным проверить. Анализ доступного фактического мате-

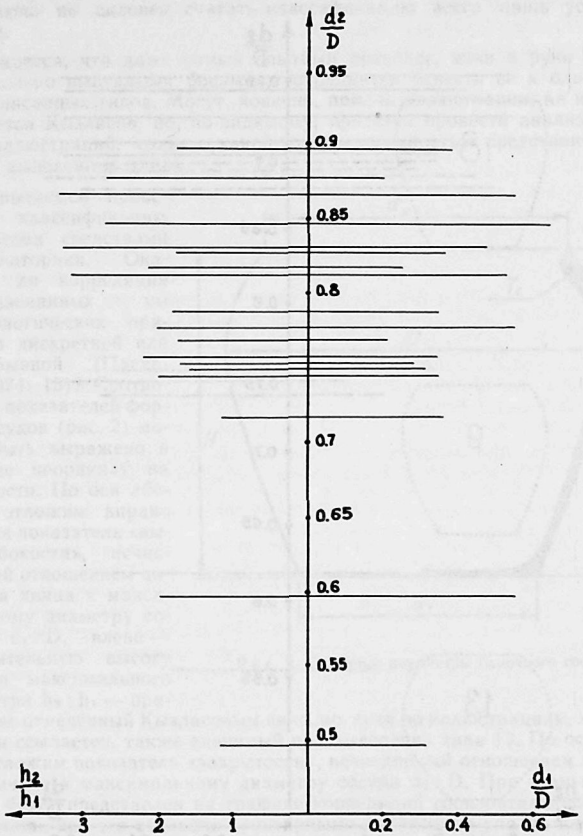
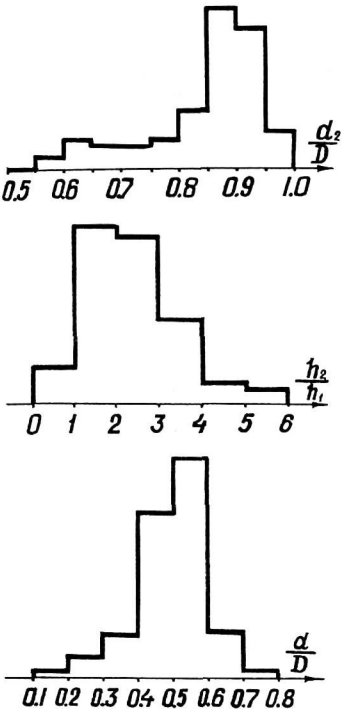


Рис. 3б. Соотношение показателей форм таштыкских баночных сосудов у горы Тепсей (собрание Государственного Эрмитажа)

риала (18 сосудов баночной формы) из собрания Государственного Эрмитажа (рис. 3в) показывает отсутствие какой-либо закономерности в изменении показателей выпуклости стенок таштыкских баночных сосудов за исключением довольно слабо выраженной прямой корреляционной связи между увеличением «закрытости» и снижением уровня максимального диаметра. Однако эта связь обусловлена не влиянием какого-то



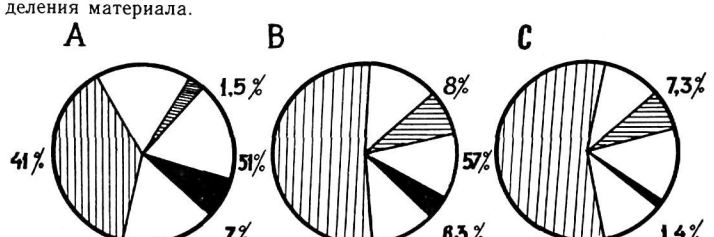
Р и с. 4. Распределение основных параметров таштыкских баночных сосудов (собрание Государственного Эрмитажа)

незримого третьего фактора, а спецификой морфологии сосуда: невозможно без резкого излома профиля стенки увеличить «закрытость», не снижая уровень максимального диаметра.

Таким образом, мы убеждаемся в сугубой условности выделенных интуитивно «типов». Что же, можно бы и допустить на время предложенное разграничение для какой-то цели, но что дает такая классификация? Разницу в функциональном назначении? Кызласов в дефиниции типа 13 ясно указывает на допустимое различие функции. Может быть, эволюцию формы во времени? Но дефиниции типов 8 и 9 опровергают и это предположение. По-видимому, предложенная классификация может быть использована лишь при составлении коллекционных описей, да и то с трудом, поскольку границы между «типами» существуют только в воображении Кызласова.

Он не построил графика распределения выделенных им «типов» банок по этапам таштыкской эпохи, так же как и графиков распределения отдельных признаков. Но если проделать это за него, то обнаруживается изменение доли «выпуклобоких» сосудов во времени (рис. 5). Однако непрерывный (а не дискретный) характер этого изменения (рис. 4) не дает оснований для разделения материала на реальные группы по хронологическим критериям.

Очевидно, не было в реальности трех типов банок, указанных Кызласовым (они существуют только в его воображении), как не было и рациональных оснований, чтобы ввести эти типы посредством условного деления материала.



Р и с. 5. Распределение типов баночных сосудов по этапам таштыкской эпохи в процентах от общего числа сосудов каждого этапа: горизонтально заштрихованный сектор — тип 8, вертикально заштрихованный — тип 9, залитый черным — тип 13.

4. Формализованная типология раннеславянской керамики

Что ж, то была старая, традиционная интуитивная типология — «на глазок».

Рассмотрим новый способ классификации раннеславянской керамики, предложенный в работе Русановой (1976). Русанова — сотрудница Института археологии (Москва), ученица академика Рыбакова. Традиционный интуитивный подход не устраивает исследовательницу, равно как применявшиеся ранее критерии.

> «В различных исследованиях типы сосудов обычно выделяют или по их общему облику, или по отдельным деталям — форме венчика, ширине горла, или по высоте. В результате в одну группу попадают сосуды с разными пропорциями и с различной профилировкой. Такая неточная (sic! — Л. К.) типология часто приводит или к сближению различных типов сосудов Верхнего и Среднего Поднепровья, или к пока еще неоправданному выделению локальной группы памятников на территории Западной Волыни» (Русанова 1976: 31).

Раннеславянская лепная неорнаментированная керамика очень однообразна, и исследовательница решила усовершенствовать интуитивную «неточную» типологию с помощью измерений сосудов и сравнения их пропорций. Вычислив показатели пропорций, характеризующие приподнятость плечиков и раздутость тулова, она проследила связь этих пропорций, построив «график корреляции». По ее мнению, на «графике» объективно обнаружилось группирование — три типа: пеньковский, тушемлинско-колочинский и корчакский. Взяв затем только корчакские сосуды и проследив на таком же «графике» связь между другими двумя пропорциями (соразмерность горла с дном и, так сказать, развалистость тулова), Русанова нашла возможным выделить шесть видов корчакского горшка.

С точки зрения прикладной математики, работа страдает существенными просчетами.

Исследовательница ищет связь пропорций с пропорциями, т. е. пытается установить отношение между отношениями. Для неискушенного математика здесь всегда таится подвох — возможность излишне усложнить описание и выражать двухэтажными конструкциями — через посредников — то, что можно выразить прямо, простыми отношениями. Кроме того, сам объект — лепной раннеславянский горшок — по форме очень прост. Он характеризуется всего несколькими измерениями, в изрядной мере функционально взаимозависимыми по самой природе объекта (в естественной тенденции чем выше плечики, тем менее раздуто тулово; чем у́же дно, тем сосуд развалистее и одновременно тем меньше дно по сравнению с горлом). В совпадениях привлеченных пропорций, таким образом, должна сказаться не чисто стилистическая, культурно-историческая, хронологическая и т. п. связь, как надеется исследовательница, а отчасти связь функционально-топологическая, т. е. проступает скрытая тавтология. Те характеристики керамики, которые исследовательница хочет сопоставить, можно было бы выразить проще и надежнее — измерениями углов.

То, что Русанова именует «графиком корреляции», на деле есть диаграмма рассеивания без очевидной корреляции и без вычисления оной. На первой ее диаграмме (рис. 6) нет трех кластеров, а есть одно логнормальное распределение в двухмерном пространстве декартовых координат. Вот если взять только одну из осей (вертикальную) и спроецировать точки на нее, то получится гистограмма с четкой разбивкой на два скопления, которые совпадут с культурной группировкой: корчак отделится от остальной керамики. Это значит, что если бы исследовательница построила аналогичную диаграмму для увязки высоты сосуда с подъемом плечиков, два скопления получились бы в двухмерном пространстве.

Рис. 6. «Выделение основных типов» раннеславянских сосудов (по Русановой). H_1:H — соотношение высот тулова (ниже плечиков) и всего сосуда, D_3:D_2 — соотношение диаметров в плечиках и по горлу.

На второй диаграмме (рис. 7) также нет шести кластеров, а есть один рой без нормального распределения и три точки далеко от него. Всего-то здесь только 18 очень схожих горшков — вся комбинаторика вместе со всей статистикой могли бы объективно разбить 18 горшков на 6 видов лишь при очень большом разнообразии материала, большом числе независимых параметров или при резкой разделенности на группы и очень высокой стандартизации внутри групп (скажем, если бы в серию вошли сосуды трипольские, древне-греческие, роменско-боршевские и т. д.). А этого нет. Диаграмма позволяет говорить лишь о неясности структуры кластера (неясно, один тип или несколько) и о наличии трех атипичных сосудов, а также сетовать на малочисленность выборки и подозревать ее нерепрезентативность (меры по рандомизации не указаны и, видимо, не были обеспечены).

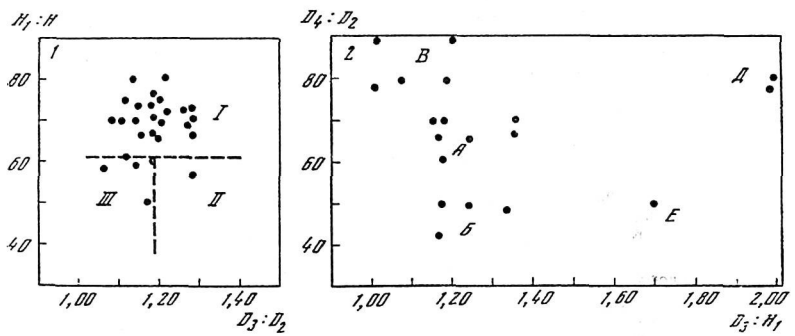


Рис. 7. «Выделение видов среди сосудов типа Корчак» (по Русановой). D_1:D_2 — соотношение диаметров донышка и горла, D_3:H_1 — отношение наибольшей ширины сосуда к высоте.

Сама исследовательница признает:

> «Если включить в график пропорции всех известных в настоящее время раннеславянских сосудов, то строгого разграничения видов не будет и границы между ними могут быть проведены лишь условно. Это и естественно, так как различия между сосудами очень незначительны, виды сосудов связаны между собой и есть много переходных между ними ступеней... Деление на варианты несколько условно» (Русанова 1976: 34).

Какие там «виды»?! Какие «варианты»?! На диаграммах объективно отделился от остальной керамики лишь тип корчак (если вообще допустить, что диаграммы верно составлены). Прежде чем говорить о «строгости» разграничения «типов» и их «вариантов», о мере «условности», надо доказать само наличие видов, их вариантов и границ. В работе это не доказано и предложенным методом доказано быть не может.

Это, конечно, не значит, что таких типов нет, но они выделены как-то иначе и где-то в другом месте, а данная работа лишь скрытно

подмешивает к набору типов, возможно, объективных и естественных, сугубо искусственные, субъективно нарезанные в материале и придает заготовленной заранее типологии эффектную и модную «математическую» оболочку. Несостоятельность полученной системы типологии делает сомнительными и выводы об этнокультурных и хронологических соотношениях, построенные на ее основе.

Между тем Русанова широко пользуется своим методом — он применен ею в сводном монографическом труде важного значения (Русанова 1973: 19).

Эта знаменательная для Русановой работа 1973 г. получила восторженную оценку в рецензии Плетневой, главы славянского сектора Института археологии АН СССР и наиболее близкой ученицы акад. Рыбакова, его заместительницы, а затем и преемницы на посту ответственного редактора журнала «Советская археология». «Только этот путь обработки материала единственно правильный и единственно результативный», — заявляла она, указывая на «великолепную, методически совершенную обработку материала» и «безупречность доказательств» (Плетнева 1977: 321, 326). Сей панегирик сверху был знаком официального одобрения. Метод произвел впечатление и на других археологов (Кравченко и Гороховский 1979).

Но что говорить о формализаторских попытках новичков в этом деле, когда даже методика такого аса «статистического открывания типов», как Сполдинг (Spaulding 1953a, 1960), вдохновлявшая западных и наших инициаторов математизации археологии (ср. В. Деопик, 1961; Маршак 1965; Федоров-Давыдов 1965, 1970а), ныне признана математически ошибочной, а вместе с нею отвергнут в роли «открывателя типов» и матричный анализ сопряженности Д. Кларка (Doran and Hodson 1975: 168—169)!

5. «Работающая» типология

Вот теперь самая пора вспомнить утверждение Чжана Гуанчжи: археологи, «к своему удовольствию, нашли», что их «типологическая схема работает». Что археологи испытывают удовольствие от своих типологических схем, это несомненно. Вопрос, однако, в том, насколько это удовольствие оправдано. Чжан Гуанчжи в этом не сомневается.

> «Типологическая классификация, — пишет он, — это единственный практический путь изучения артефактов на первом этапе, и вся история археологического изучения артефактов демонстрирует вне всякого сомнения, что этот классификационный метод работает» (Chang 1967a: 12).

Что значит «работает»? Для хранителя коллекций это значит: позволяет быстро и просто навести порядок в хаосе, расположить коллекцию строго и, далее, без затруднений помещать новую находку на положенное место так, чтобы потом в случае надобности отыскать ее без задержки. Но археологи претендуют на нечто большее.

> «Классификации в археологии, — пишет Чжан Гуанчжи, — и упорядочение получаемых классов в пространстве и времени... предполагают культурное значение и становятся частью реальной истории культуры. Типология благодаря ее идентификации с поведением и, возможно, намерением есть теоретически системный, надежный и строгий инструмент, которым исследуются человеческое поведение и человеческая история» (Chang 1967a: 9).

Поэтому археологи «работу» типологии оценивают по тому, позволяет ли она судить о различиях и сходствах в культуре, прослеживать развитие культурных явлений во времени, устанавливать назначение предметов и т. п. А это как проверить? Соневиль-Борд полагает: четкое распределение типов по культурам и хронологическим группам свидетельствует о действенности и реалистичности традиционной типологической класси-

фикации (Sonneville-Bordes 1966). «Новый археолог» Плог для определения критерия работы приводит в пример химию с ее ранними неудачными «типологиями» стихий (огонь, вода и т. д.), затем свойств (цвет, вес и т. д.).

> «Типология, которая, наконец, оправдала себя как полезная — периодическая таблица Менделеева, — опознала ключевые свойства. Эта типология применяется не вследствие того, что совещание физиков и химиков решило применять ее. Она применяется потому, что работает. Она дает новые проникновения в структуру элементов, объясняет их поведение во взаимодействии друг с другом и предсказывает, как можно и надо открывать еще не открытые элементы» (Plog 1973: 654).

Проблема стала особенно острой, когда классифицировать принялись компьютеры. Классификация вручную казалась подконтрольной, а компьютерная ускользнула в темное чрево машины. Ревность и недоверие побудили археологов к сравнению и к поискам критериев оценки. Математики присоединились к ним. Дело в том, что разные способы и алгоритмы классификации, если они формально безупречны и законны, должны, казалось, привести к одинаковой группировке материала (Gower 1967), а они, как выяснилось, дали разные результаты (Millier et Tomassone 1970).

На марсельском симпозиуме 1969 г. Спарк-Джонс предложила специальную работу, посвященную проблеме оценки эффективности классификаций. Исследовательница приводит ряд возможных критериев проверки. Если классификация ограничивается описательной задачей, судить об успехе можно по тому, нарушает ли она заключенную в материале исходную информацию и насколько. Если ставятся более глубокие задачи и они осознаны четко, мерой эффективности можно принять то, насколько полученная схема удовлетворяет требованиям. Наилучший путь проверки, однако, открывается тогда, когда есть несколько классификаций, «пересекающихся» (т. е. сотрудничающих) *на одном материале*. Например, расклассифицировав керамику по форме сосудов, мы затем можем сопоставить результат с разбивкой по встречаемости сосудов с другими артефактами. Успех достигнут, если мы «получаем группы, которые совпадают с другими, установленными на другой базе», на «независимых основаниях» (Sparck-Jones 1970: 245—246, 256).

Д. Деопик (1976: 6) считает, что основных «способов проверки эффективности» два: проверка «изнутри» исходит из того, нельзя ли упростить систему, для проверки «извне» пробным камнем служит способность полученной морфологической системы отразить эволюцию во времени. Это проявляется при сопоставлении с относительной хронологией и стратиграфией: «насколько быстро и надежно данная система признаков позволяет отличить вещи из нижних слоев от вещей той же группы из верхних слоев, существенно более поздних».

На конференции 1974 г. в Ленинграде я отстаивал схожую точку зрения. По этому поводу разгорелась полемика:

> «ШЕР. Для оценки работы классификации есть... простой критерий — это способность прогнозирования. Таблица Менделеева была идеальной естественной классификацией, и ее ценность состояла в том, что она предсказала неизвестные в то время элементы, которые потом были открыты, и их атомные веса оказались теми, которые предсказывал Менделеев.
>
> Этот принцип проверки... сохраняется в любой науке. Скажем, археолог строит... классификацию топоров и по этой классификации предсказывает, что в таком-то районе вы обнаружите такие-то топоры. Вот если это подтвердится при раскопках, значит классификация работает...
>
> КАГАН. До тех пор, пока Менделеев шел путем классификации, он периодическую систему открыть не мог. Никакая классификация как таковая прогностической силой не обладает... Предсказывает систематизация, в системном исследовании.
>
> КЛЕЙН. Давайте сопоставим. Мое утверждение: работает — значит дает внешнюю корреляцию: тип связывается с определенной территорией и т. д. Шер

возражает: важно не это, а способна ли схема предсказать, что в таком-то районе вы найдете такие-то топоры. Но, Яков Абрамович, в основе это то же самое. Новые топоры так же связаны с районом, как и ранее найденные. Допустим, найдено 500 топоров, мы там же найдем 501-й. Но если найдено 500, то уже не надо 501-го, потому что находка 500-го тоже является таким основанием: было 499 — нашелся 500-й...» (Клейн 1979а: 161).

Итак, суть дела в корреляции полученной типологической схемы с другой, построенной на независимых основаниях. Это и есть основа для предсказаний, но вовсе незачем, чтобы проверка эффективности классификации приобретала форму предсказания, которое сбылось. Проверять эффективность надо просто по совпадению ячеек типологии одного материала с ячейками другого, с участками территории, с видами памятников, с периодами времени. Вот критерии «работы» типологии для археолога. Так «работает» ли этот метод?

Увы, не всегда. Тэйлор пришел к выводу, что классификации ведущих американских археологов были рассчитаны на очень узкие цели пространственно-временного упорядочивания, и обработанные ими данные не могут служить иным целям. Для этого их надо было бы классифицировать заново («промыть и выжать заново» — «неблагодарная, дорогая, лишняя, поэтому расточительная работа»), а это зачастую уже и невозможно, так как часть информации не была зафиксирована (Taylor 1948: 64). Что произойдет, «если когда-либо нынешнюю классификацию придется изменить или заменить? Не останется ничего, к чему привязывать находки» (Taylor 1948: 69).

Мартин подтвердил это опасение.

«Раньше, — привел он себя в пример, — я был виртуозом керамических типов. Дайте мне почти любой черепок с Юго-Запада Соединенных Штатов, и я мог тотчас найти его место во времени и пространстве. Но я был неспособен сказать хоть что-нибудь о взаимоотношении форм, узора, типов и функций... Мне никогда не приходило в голову, что керамика — нечто большее, чем тип» (Martin 1971: 5—6).

Не все классификации способны и на это, некоторые годятся лишь на то, чтобы найти место находок в самой данной классификации и ни в чем больше. Такая классификация оказывается вещью в себе и для себя, чем-то вроде «коллекционирования марок» (Martin 1971: 4—5). Если перевести на язык Чжана, она «не работает». И что самое удручающее, она вроде бы ничем не отличается по принципам и структуре от работающей!

6. Парадокс боевых топоров

Возьмем такой пример. Более полувека назад Глоб создал классификацию каменных боевых топоров Дании. Сначала он разбил топоры на «группы» по профилю (вид сбоку), затем каждую такую группу на «типы» — по плану (вид сверху), а каждый тип на «подтипы» — по поперечному сечению и на более мелкие варианты — по деталям оформления обуха, орнаментации и т. п. Его «группы типов» великолепно «работают»: они четко распределились по типам могил, по стратиграфии, заняли различные ареалы на карте. Это проверено корреляцией по матрицам взаимосочетаемости топоров с топорами, топоров с кубками и т. п. (Glob 1945).

Четверть века назад Брюсовым и Зиминой была создана классификация боевых топоров для нашей территории (Брюсов и Зимина 1966). Методическая структура этой классификации та же, только первым шагом была принята разбивка не по профилю, а по плану — «очертание топора en face», как выражтются авторы (Брюсо- и Зимина 1966: 20). Распределение топоров по замкнутым комплексам и культурам не было вообще приведено. На картах же топоры каждого типа рассыпались

по всей европейской части страны, и лишь в некоторых случаях не совпадают сгущения значков на картах.

Авторы объясняют этот разброс подвижностью и экспансией носителей боевых топоров. Но странно, что эффект ограничивается боевыми топорами, находимыми чаще всего в погребениях, целых или разрушенных, а сами погребения разных видов локализуются в четко разделенных культурных очагах. Не вернее ли заключить, что и топоры в массе не распространялись далеко от этих очагов, а «типы» на картах рассыпались просто потому, что признаки, положенные в основу, оказались случайными, почти безразличными к культурному обособлению, широко распределенными по культурам и поэтому «типологически нечувствительными»? Классификация «не работает».

Между тем она легла в основу соответствующего тома «Свода археологических источников», сведения в нем опубликованы т о л ь к о в символах этой классификации (о форме каждого топора не сообщено ничего, кроме его принадлежности к такому-то типу этой схемы), и перегруппировать экземпляры читатель не может. Надо снова обращаться к первичной и неопубликованной информации и проделывать заново громадную работу — «промывать и выжимать заново»...

В чем же дело? Действительно ли случаен критерий? Или слишком велики ячейки сети? Или методика неадекватна данному региону?

Но вот еще одна классификация каменных боевых топоров той же территории — схема Крайнова, опубликованная уже в 70-е годы нашего века (Крайнов 1972: 38—61). В основных чертах она повторяет, детализируя, старую схему Городцова, опубликованную за полвека до того (Городцов 1916: 7—25). В схеме Крайнова нет ни малейших признаков строгой методики, эксплицитных принципов классификации, единства критерия. Нет даже намеков на попытки привести гарантии объективности. Схема сугубо интуитивна, кустарно сработана и напоминает лоскутное одеяло: все кусочки различны по форме и цвету, подобраны по случайным мотивам и подогнаны друг к другу как попало, а если все распороть, то способ повторить тот же общий узор отсутствует.

> «Для деления фатьяновских топоров на типы, — пишет Крайнов, — мы взяли не единый признак, а ряд признаков...» (Крайнов 1972: 39). И дальше: «Как видно из самих названий типов», в основу их выделения положена **не только** общая форма топора en face, **но и** форма лезвия, обушка, лопасти, втулки и пр.» (Крайнов, 1972: 39. — Подчеркнуто мною. — *Л. К.*).

Однако и названия (клиновидные, молотковидные, обушковые, втульчатые, длиннолопастные и пр.) и, что важнее, сами описания свидетельствуют о том, что неточна формулировка Крайнова: «не только..., но и...». На самом деле в основу первичного разделения положены **то** общая форма в плане, **то** профиль лезвия, **то** наличие втулки и т. д. Не введена единая иерархия показателей, но нет и уравнения признаков. Полный произвол. Не предписан порядок шагов классификации, и в основе типа или подтипа не лежит решающий признак определенного веса. Но и нельзя сказать, что в основе типа или подтипа лежит объективно выявленное сочетание признаков («кластер»), ибо нет никаких свидетельств осуществления корреляционных операций.

Поэтому когда на одном топоре встречаются признаки, легшие в основу выделения разных типов (а таких случаев слишком много, чтобы говорить о «переходных формах»), то совершенно неясно, как быть. Исследователь решает такие вопросы по собственному изволению и никак не мотивирует свой выбор. Так, топоры со втулкой могут иметь одновременно и выделенный обушок и ромбические очертания в плане и т. п. У Брюсова и Зиминой втулка и лопасть не решали судьбы топора — топоры под-

лежали распределению согласно их «очертаниям en face». Часть втульчатых и лопастных попадала в обушковые. Крайнов решительно не согласен:

> «включение в этот тип топоров со втулкой и топоров с лопастью создает путаницу и неправильное представление об их распределении и развитии, а отсюда и о передвижении фатьяновских племен» (Крайнов 1971: 43).

Почему это так — не доказывается, а провозглашается ex cathedra.

Но самая поразительная особенность типологии Городцова — Крайнова заключается в том, что эта нелогичная, сбивчивая, произвольная и, в сущности, ненаучная классификационная схема «работает»! Все эти «обушковые», «втульчатые» и пр. топоры четко распределяются по разным территориям, по разным культурам и по отдельным группам фатьяновской культуры (Крайнов 1972: 38—39 et passim).

Возникает парадокс: строго продуманная методика отказала, а слабая, близорукая привела к удовлетворительным результатам. Но ведь была еще и методика Глоба! Отчего же та оказалась плодотворной — благодаря своей строгой продуманности или вопреки ей?

7. Характер ситуации

В конкретных исследованиях археологам все время приходится иметь дело с типами — распределять находки по известным типам, устанавливать новые, выяснять связи между ними и оценивать историческое значение этих связей. Вероятно, ощущение актуальности проблемы возникает из того, что в этих операциях появляется все больше трудностей, разнобой трактовок все пестрее, а споры о конкретных типах становятся какими-то вялыми и неконструктивными (Steward 1954: 55). «Каковы критерии различения типов, — спрашивает Григорьев, — почему один иследователь видит пять типов там, где другой видит один?» (Григорьев 1969: 14). «Нужно ли нам больше или меньше типов?» — спрашивают Хилл и Эванс (Hill and Evans 1972: 266). Чья классификация лучше и почему она получилась лучше? Как стандартными методами получить самую лучшую классификацию данного материала? Поскольку накоплением материала не удается эти трудности устранить, мы начинаем понимать, что они завязались на методологическом уровне и требуют теоретического решения.

Эта проблемная ситуация по внешним признакам как раз укладывается в те рамки, которые в археологии постулировал Захарук (ср. 1973: 3—6), по сути же и по логико-методическим требованиям — она совершенно иная, неучтенного им рода (ср. Захарук 1973: 12).

Сложность не только в том, что объект исследования не имеет четкого единого определения, а практики наталкиваются на ряд трудностей, но и в том, что сама проблема, интуитивно воспринимаемая как острая, тоже неясна. Что, собственно требуется получить? Всего лишь дефиницию? Всего лишь согласование терминов? Всего лишь количественный критерий ранга: «тип» или «подтип»? Хилл и Эванс приводят целый список более реальных вопросов, волнующих археолога-классификатора, и отвечают на них, но в конце своего теоретического исследования добавляют главные вопросы, оставшиеся без ответа:

> «Когда же типы удачны, а когда нет?.. Решая это, мы должны также спросить себя: а то ли мы спрашиваем, что хотим спросить?» (Hill and Evans 1972: 268).

Специалист по методологии науки как-то сказал:

> «В научных исследованиях, по-видимому, не встречаются задачи типа «найди то, сам не знаю что»» (Серебрянников 1970: 11).

Выходит, встречаются!

Перед нами **задача с плохой структурой.** Как ее улучшить? В таких случаях нет смысла начинать с дефиниций, как это нередко делается, или с набивших оскомину вопросов, навязанных привычными представлениями и доказавших свою бесперспективность. Это значило бы в итоге добавить еще одну декларацию и еще одну нормативную схему к десяткам уже скопившихся. Современная эвристика (см. Пономарев 1960; Альтшуллер 1964; Пушкин 1965, 1967; Эсаулов 1972: 79—84) диктует иной путь. Нужно обратиться к исходному материалу (в данном случае это практика исследований и исторический опыт развития данной отрасли науки), аналитически расчленить данные, рассмотреть их с разных сторон, в разных ракурсах и разных рамках, проследить динамику развития, отыскать корренные противоречия...

В чем бы здесь мог выражаться **эвристический сдвиг проблемы?** Очевидно, в ее кристаллизации, в выявлении главных противоречий, вызывающих трудности. Надо бы разобраться и в характере этих трудностей. Ведь какие-то из них поверхностны, так что их сравнительно просто устранить или обойти, иные и более глубокие, — хуже преодолимы, но являются производными, а есть такие, которые лежат в основе проблемы и должны быть признаны коренными и определяющими.

При всяком обсуждении подобных проблем на первый план тотчас выступает терминологическая путаница (Захарук 1973: 4—6). Что ж, она и здесь налицо.. С одной стороны термин «тип» обозначает в археологии разные вещи: и набор признаков, и совокупность предметов, и группу этого рода, и только группу определенного ранга или определенной внутренней компактности. С другой стороны, в археологии применяется ряд терминов, полностью или частично совпадающих с термином «тип» в том или ином его значении: «класс», «группа», «категория», «вид», «разновидность», реже — «род», «раздел», «сорт» и т. п. Эти синонимические соотношения неустойчивы и нерегулярны. Таким образом, один термин используется для обозначения нескольких общих понятий и многих более узких понятий внутри них, и в то же время другие термины подменяют его в большинстве функций почти безразлично и, по крайней мере, нерегулярно.

Конечно, распутать этот терминологический клубок было бы полезно. Однако сам по себе такой разбор не носит проблемного и теоретического характера. Хотя и существуют некоторые рациональные правила построения удобной терминологии, всё же все термины условны, и унифицировать их, избрав лучшие, было бы просто, если бы мы знали, сколько и каких точно понятий нам нужно этими терминами обозначить. Но в этом как раз тоже нет ни согласия, ни ясного понимания. Нынешняя неразбериха с терминами — не только результат чисто словесной неряшливости и исторически скопившегося загрязнения, но и связана с неупорядоченностью и терминологической бедностью понятийного аппарата, которые явились следствием его длительного и незамеченного археологами усложнения. А это уже один из важных узлов намечаемой проблемы. Если нам удастся от возни с терминами перейти к уточнению системы понятий, то это будет первым шагом эвристического сдвига проблемы и элементом прогресса.

Глава II

КАК ТИПЫ СТАЛИ ТИПАМИ

...Свертки с мелкими вещами располагают по местностям и по порядку раскопок, а предметы размещают отдельно от них, но по группам: горшки к горшкам, мечи к мечам, топоры к топорам. Последнее делается в видах экономии места.

А. А. Спицын (1898:346).

1. Слово «тип»

Термин «тип» в археологии многозначен, то есть он — не только термин. Он — слово вообще, в обиходном смысле. За ним можно разместить разные понятия, которые налагаются краями друг на друга подобно дискам в знаменитых диаграммах Венна (их можно увидеть в любом учебнике логики). В этом сказалось наследие живого литературного языка, откуда слово «тип» взято в археологический жаргон. Слово это и вне науки многозначно. Греческое τυπος (удар, штамп, матрица, форма, образец, образ, вид)[1] в своих переносных значениях вошло в современную европейскую научную и литературную терминологию в конце XVIII в. Еще раньше оно использовано в значении, близком к первоначальному, для образования слова «типография». Впоследствии значения чрезвычайно широко разветвились — вплоть до драматургического («типаж») и бранного («ну и тип!»).

И до сих пор слово «тип» употребляется в археологии не только в интересующем нас здесь позднем специфическом значении («тип» — какая-то ячейка определенной классификации некоторых видов и аспектов археологического материала: «типы фибул», «тип Е 1»). Оно применяется и для обозначения всякой группы схожих явлений («типы культур», «типы цивилизаций», «типы археологов», «типы типов»), для обозначения в изменчивом чего-либо характерного, устойчивого, «типичного» («данный узор — не случайное сочетание черт, а тип»), наконец, просто чтобы обозначить отношение аналогии («сосуд типа современной перечницы-солонки», «грузик Дьякова типа», «поселения пражского типа») или наличие определенной структуры, конструкции, плана («весы типа безмен»[2]).

Во многих своих значениях слово «тип» сопоставимо со словом «класс», ибо является инструментом группировки — классификации в широком смысле. Оба слова обозначают понятия, которые используются для систематизации и структурирования материала, для сведения труднопостижимого множества к немногочисленным «коллективным объектам», для замены сложности простотой, в которой лучше проступают закономерности, для экономии не столько места, сколько усилий мысли.

Но хотя многим авторам эти слова представляются равнозначными в качестве терминов, они на деле всегда используются для различения тех или иных необходимых тонкостей в операциях и их результатах. Иначе, конечно, эта двойственность обозначения давно бы исчезла, и одно слово было бы вытеснено из обихода другим. Беда только в том,

[1] О значении этого слова у древнегреческих скульпторов нельзя судить уверенно: то ли «набросок», то ли «уменьшенный предварительный образец», «модель» или даже «рельеф» (см. Pernice — Gross in Hausmann 1969: 478).

[2] Последний пример взят из: Колчин 1953: 162, рис. 134.

что всякий раз это не одно и то же противопоставление, не то же самое различение, разные оппозиции. За этим беспорядком — сложность истории науки, переплетение разных научных традиций, да и многоплановость аспектов и задач.

2. Типы в биологии

В качестве термина слово «тип» поселилось сначала в биологии, и там его значения тоже быстро расщепились (Jurgens und Vogel 1965). Это надо рассмотреть потому, что археологи, вводя этот термин, явно ориентировались на биологию.

В высшей из искусственных таксономий — в системе Линнея (1735) — *его не было. Кювье, стремясь к естественной классификации, обнаружил* в материале разную широту охвата организмов пучками взаимосвязанных признаков, обнаружил ступенчатость в этом различии, то есть естественную таксономию. По самым широким пучкам признаков он наметил наиболее крупные подразделения в царстве животных и в 1812 г. назвал эти подразделения «общими планами», а его ученик Бленвиль в 1816 г. предложил для этого понятия термин «тип» (Городцов 1927: 3; Микулинский 1972: 149). Так тип вошел в биологическую *систематику* в качестве одного из высших таксонов (напр., «тип позвоночных»).

Однако даже в систематике «тип» недолго рассматривался как нечто четко ограниченное и монотонное. Уже в 1827 г. Бэр заметил, что интенсивность сходств (количество общих признаков) убывает от ядра типа (то есть от нескольких наиболее схожих между собой групп) к периферии, где соответственно нарастает сходство с соседними типами (Микулинский 1972: 185). Бэр полагал, что «каждый главный тип следует особому плану развития» (Бэр 1950: 362), только реализует его в разных вариациях.

Но гораздо раньше именно для обозначения этих «планов развития», притом не только «главных», стал применяться термин «тип» в морфологии. В 1786 г. Вик д'Азир говорил об «общем типе или модели» строения разных видов животных (Канаев 1965: 43). Занимаясь сравнительной анатомией, Гете в работе 1795 г., опубликованной в 1820 г., назвал «остеологическим типом» общий план скелета позвоночных. По Гете, тип обнаруживается в своих «метаморфозах» и служит для них как бы законом. Тип — нечто постоянное в бесконечных переменах. Гете сравнивал тип с мифологическим Протеем, который легко менял свой облик, оставаясь самим собой (Микулинский 1972: 153, 265—266). Именно в этом русле исследований слово «типология« приобрело смысл, позднее закрепившийся в философии и социологии: вскрытие глубинной структуры, общей для разных (по внешнему облику) форм и разновидностей в разных отраслях.

Оуэн в середине XIX в. сформулировал учение о **гомологии** («сродстве»), лежащей в основе морфологического типа, и учение об **«архетипе»**. По Оуэну, «архетип» — это идеальный план (божественное предначертание), а «тип» — обобщение суммы его реализаций. Тип расплывчат, архетип четок. Познание состоит в сведении типа к архетипу (Микулинский 1972: 157—158). Впрочем, еще Гете надеялся найти в природе реальный архетип растения — **«прарастение»** (Микулинский 1972: 193).

Проводя идею, что естественной классификацией может быть только филогенетическая (генетическая, эволюционная), Дарвин стал видеть в архетипе реальную предковую форму. Соответственно, Геккель рассматривал гомологию как отношение между организмами одинакового про-

исхождения, а Гегенбаур в 1870 г. определил тип в систематике как группу родственных организмов, дивергентно развившихся из одной первичной формы (Микулинский 1972: 340, 345). В систематике тип по-прежнему занимал одну ступеньку таксономии. В морфологии термин употреблялся более свободно, и, скажем, в 1873 г. Ковалевский говорил о «генеалогии типа лошади» (Ковалевский 1873), хотя в систематике лошадь — это семейство.

В археологии мы встретим все эти способы употребления термина «тип» — и для обозначения четкого таксона, и для сгущения (кластера) схожих форм, и для общего «плана развития» — набора или сгущения признаков. Правда, набора или сгущения, не всеобщего для нашего материала и, соответственно для нашей науки или ее целой отрасли, а лишь частного, относимого к той или иной группе объектов и противопоставляемого другим: у нас типов всегда много. Один из этих способов употребления термина «тип» пришел через антропологию.

3. Типы в антропологии

Очень быстро и вполне естественно «типы» перекочевали из биологии в антропологию — дисциплину на пограничьи между биологическими и социально-историческими науками.

В 1835 г. бельгийский математик Кетле в своей «Социальной физике» (названием он подражает Конту), стремясь выявить устойчивые проявления закономерностей в «коллективных предметах», ввел в антропологию статистическое понимание характеристик людей. Он пришел к выводу, что органические «коллективные предметы» в своей изменчивости подчиняются закону случайных чисел и что многообразные формы элементов, составляющих эти «коллективные предметы», группируются по биномиальному распределению (формируя колоколовидную кривую Гаусса) вокруг средних значений. Такое среднее значение он и предложил считать типом (Quetelet 1835). Под воздействием Кетле (особенно его «Антропометрии» 1870 г.) расовые типы пришли на смену прежнему пониманию рас как внутренне однородных и жестко размежеванных общностей.

Кетле не ограничивал свои типы физической антропологией, он распространял их и на обычаи, мораль, всю деятельность людей и ее результаты. Главным объектом изучения стал «средний человек» (“homme moyen”), первой задачей — нивелировка, снятие случайных отклонений, вызванных факторами, искажающими индивидуальные проявления, но компенсирующими друг друга в сумме. Суть явлений надлежало познавать через усреднение, через вычисление средних значений (Halbwachs 1912). В 1854 г. Нотт и Глайден уже писали о «типах человечества» (Nott and Glyden 1854). Кетле изображал тип колоколовидной кривой, Гальтон — ладьевидной фигурой и роением точек в пространстве Декартовых координат, а также проще — наложением многих индивидуальных изображений друг на друга (Galton 1883), но идея у него та же, что у Кетле.

Эту идею подхватил лидер эволюционизма в культурной и социальной антропологии (по русскому словоупотреблению — этнографии) Эдуард Тайлор. В 1865 г. он сформировал понятие этнографического типа на базе среднего значения массы индивидуальных проявлений изменчивости культурных объектов (Tylor 1865, 1881). Особенно широко применял статистическое представление о типе французский социолог Бурдо (Bourdeau 1888). Это та научная традиция, учет которой можно видеть в высказывании Энгельса в 1890 г. о соотношении исторической закономерности с расходящимися стремлениями и волевыми усилиями участ-

ников события. «...Имеется бесконечное множество перекрещивающихся сил, бесконечное множество параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие» — такой результат, которого, быть может, ни один участник не ждал и не желал (Энгельс 1890/1965: 395).

Типы Тайлора, продолжавшие традицию Гете, были, таким образом, уже к услугам археологов на рубеже 60—70-х годов XIX в., то есть к тому времени, когда молодой Монтелиус заинтересовался эволюцией украшений и оружия бронзового века. Однако более последовательное и ригористичное продолжение традиции статистического подхода к типу можно обнаружить лишь значительно позже в этнографии (Kroeber 1940) и еще позже в археологии (Krieger 1944; Spaulding 1953 и др.).

Итак, типы в обиходном языке, в биологии и в антропологии — где в нескольких значениях, где в одном.

К этим пластам унаследованной многозначности слова добавлялся еще один: уже́ значение археологического термина. Тут сказались перипетии развития самой археологической науки — смена, преемственность и разветвление понятий (а вместе с тем и потребности в терминах) при обычном стремлении держаться привычной терминологии и приспосабливать старые термины к новым потребностям. Вот это и есть смысл рассмотреть подробнее.

4. Археологические типы Вирхова

Во второй половине XIX в. в европейской первобытной археологии тон задавал биолог Вирхов. В кругах Вирхова термин «тип» (в немецком языке он тогда бытовал в форме «Typus») употреблялся весьма свободно, покрывая и то, что сейчас обозначают словами «стиль» и «культура». Говорили о «городищенском типе»», «лужицком типе» (Lausitzer Typus), «менинском типе» (Mönitzer Typus), имея в виду совокупность керамики и прочего инвентаря, характер поселения, облик могил и т. п. (Gummel 1938: 260). Конечно, это употребление термина ближе всего к значению в биологической систематике. Термин «класс» сюда не подходил именно из-за своей формальной строгости: ведь объединялись очень разные вещи (горшки, миски, украшения и т. п.) по своим параллельно прослеживаемым сходствам внутри группы и отличиям от других групп.

Пережиток этого употребления сохранился в обозначении некоторыми археологами термином «тип» своеобразных групп памятников, занимающих нечеткую позицию в сети культур. Это могут быть небольшие группы, в ранге «варианта», но непонятно которой культуры (если примерно равны связи с несколькими культурами), а могут быть группы, еще недостаточно полно выявленные и отграниченные, чтобы их можно было смело определить как «культуры»; иногда это просто то, что у нас именуется «вариантом» культуры. Таковы, скажем, «тип Ветеров», «тип Велюве», «тип Веселе» (см. Filip 1966—69: s. v. Veluve-Typus, Vesele-Typus, Veterov-Typus, Želiezovce-Typus и др.). В немецком языке для такого обозначения сохранилась и старая латинизированная лексическая форма «Typus» (тогда как единица классификации вещей теперь обозначается чаще коротко «Тур», а типографская литера — «Type»).

5. Типы Монтелиуса

С тех пор применение этого термина сузилось и было привязано к разделению среди функционально однородных предметов, артефактов.

Этим современная археология, конечно, обязана авторитету Монтелиуса. Свою концепцию он разработал к концу 70-х годов XIX века. Его противник С. Мюллер отметил, что слово «тип» археологи «употребляют вместо: вид, класс» и обозначают им «типичное, то, что остается постоянным при всех вариациях единичного» (S. Müller 1884: 165). Таково употребление и у Монтелиуса. Но почему?

Почему главным он взял термин «тип», а не «класс», «группа», «разряд» и т. п.? Да потому, что его в сущности не интересовала разбивка всего материала на строгие подразделения — разборка музейных коллекций в шкафах, сортировка вещей на столах. Он искал хронологию (Montelius 1885, 1900, 1903: 1—2) и для этой цели выявлял эволюцию — чего? Вещей, артефактов? Нет, конечно. «Топор никогда не рождает другого топора», — сказал Леви-Стросс (цит. по Tabaczyński 1976: 356). У артефакта нет эволюции, а есть жизненный цикл: *создание* (заготовка, выработка, отделка), *«изнашивание»* (употребление по прямому назначению, вторичное использование, возможно, подновление и переделка), наконец, *гибель* (поломка, порча, заброшенность и разрушение). Эволюцию же переживают идеи, материализуемые на разных пунктах своей трассы («траектории», по Д. Кларку — Clarke 1968: 44) в разных вещах, а на некоторых, удачных, участках («бассейны равновесия», по Д. Кларку — Clarke 1968: 51—52) — в больших сериях вещей. Вот за такие узловые пункты и хватался Монтелиус, реконструируя траектории. Для их обозначения очень подходил термин «тип» в своем свободном пучке переносных значений: «шаблон», «образец», «образ», «эталон (мысленный) для копирования», «матрица (мысленная) для массового воспроизводства» и т. п. Именно «тип», а не «класс»!

Да это и не была, в сущности, *классификация*, по крайней мере в ее аристотелевском или линнеевском понимании. Это была именно *типология*! «Классы» в представлении тогдашних исследователей ассоциировались с ящичками, по которым нужно разложить без остатка весь материал (вспомним «ящичный метод» Вестермарка), или с политическим рассечением общества на сословия и социально-экономические группировки («классовая борьба»). А здесь были: выявление узловых пунктов и кристаллизация, группировка вещей, не обязательно всех, вокруг них. И были неважны границы между этими скоплениями — «кластерами», как сказали бы сейчас (рис. 8). Это, конечно, гетевское употребление термина «тип», у биологов бытовавшее в морфологии. И это близко к типам в понимании Тайлора.

Правда, в отличие от традиционного гетевского понимания «типология» у Монтелиуса выдвигала на первый план не общность разных проявлений типа, а связь между типом и архетипом или, — что археологам ближе, — *прототипом*. Типология для Монтелиуса означает учение о развитии. Но никак не классификацию.

В высшей степени показательно, что в наиболее систематическом изложении своего метода — в книге 1903 года, с подзаголовком «Метод», — Монтелиус даже не дал дефиниции понятию «тип» — вещь, совершенно немыслимая для классификатора! Там есть крохотный раздел о том, «что такое тип» ("Was ein Typus ist?"), но в нем нет дефиниции, а есть лишь расплывчатая рекомендация, как различать типы, если они стоят близко друг к другу: обращать внимание на существенное, характерное (Montelius 1903: 13—14).

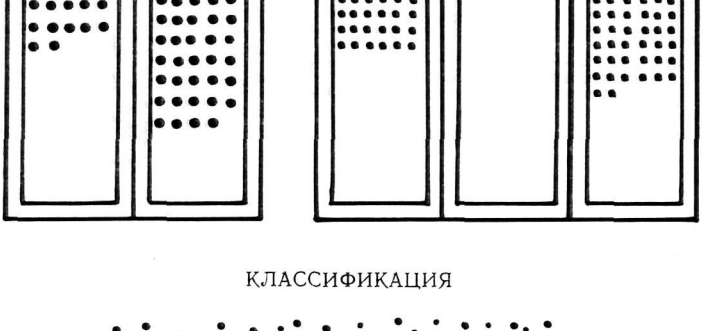
Правда, определение дано в более ранней работе Монтелиуса. Вот оно:

> «Что́ виды суть для естествоиспытателя, то типы для археолога. К одному виду относятся те произведения природы, которые по всем существенным признакам

схожи и имеют общее происхождение. Ту же дефиницию, если речь идет о произведениях человеческого труда, можно применить к типам» (Montelius 1891: 1).

Обычно же представление о типе Монтелиус давал посредством рисунка, изображая один-два эталонных (наиболее т и п и ч н ы х) экземпляра.

Тот же способ представлять тип находим у Мортилье — такого же эволюциониста, как Монтелиус. Для Мортилье, пришедшего в археологию из геологии и палеонтологии, типы служили прежде всего опознавательными знаками слоев в сравнительной стратиграфии — «руководящими артефактами» или «руководящими типами» (types directeurs, index types, Leittypen, Leitartefakten), чем-то вроде «руководящих ископаемых» (fossiles directeurs).



Р и с. 8. Классификация и типология.

Софус Мюллер, противник Монтелиуса, понимал тип, в сущности, так же, как он, хотя иногда и старался представить полнее. Достаточно вспомнить, как он давал представление о типе каменного боевого топора: следуя Гальтону (Galton 1878), накладывал множество контуров друг на друга по принципу гомологического соответствия и получал расплывчатый профиль, обведенный пучком контурных линий (рис. 9 — см. Müller 1898, fig. 2—4).

Гетевское понимание типа требовало отделения «общего плана» от совокупности его реализаций. И в археологии это тоже было проделано. Если Монтелиус шел здесь по пути Дарвина и представлял архетип вполне реальным предметом — предковой формой, образцом для копирования, то Чайлд, подобно Оуэну, представлял архетип мысленной моделью, понятием, идеей. Он писал:

> «Стандартизированное орудие есть само по себе ископаемое понятие. Оно является археологическим типом именно потому, что в нем воплощена идея, выходящая за пределы не только каждого индивидуального момента, но и каждого отдельного индивида, занятого конкретным воспроизведением этого орудия; одним словом, это понятие социальное. Воспроизвести образец — значит знать его, а это знание сохраняется и передается обществом» (Чайлд 1957: 30)[1].

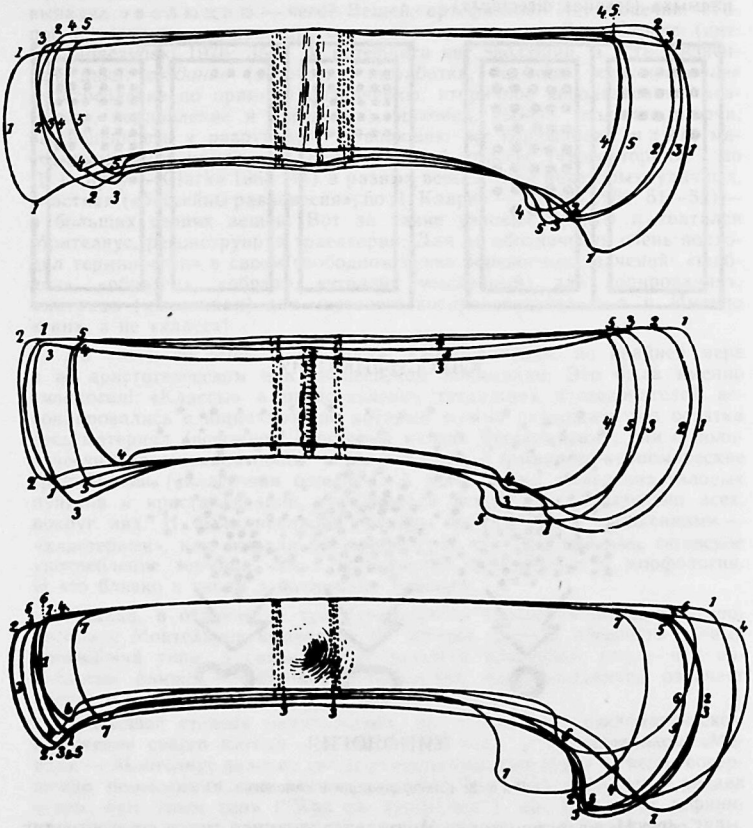


Рис. 9. Изображение типов топора у С. Мюллера (взаимоналожением контуров): a — тип S. M. 74, b — тип S. M. 75, c — тип S. M. 81 (S. Müller, 1989, p. 174—175).

[1] Приводя эту цитату, я исправил ошибку русского перевода слова concept в сочетании «ископаемая концепция»: надо — «ископаемое понятие».

Говоря об идее, лежащей в основе типа, и Оуэн и Чайлд подразумевали обладавшего ею создателя, только Оуэн имел в виду бога, а Чайлд — человека.

Эволюционистская типология была тесно связана со статистической концепцией типа, в которой он представал среднеарифметическим конструктом. Но у археологов тогда эта идея оставалась на уровне сугубо общего представления. Чем ближе они подходили к ее точной реализации, тем меньше она их удовлетворяла, так что последовательное проведение статистической концепции типа в археологии всегда становилось делом узкой секты. Почему?

Практика не поддерживала надежд и обещаний этого направления, наоборот — порождала разочарования. Казалось самоочевидным, что если заменить произвольно подобранные в духе Монтелиуса конкретные эталоны более точными идеальными конструктами, строго высчитанными на основе усреднения большого количества отдельных экземпляров, то очень многие экземпляры из этой совокупности должны оказаться вполне подобными такому идеальному конструкту, и они смогут его подменять в роли идеала, служа опять же наглядными эталонами, только более верными. Но этого не произошло. Во многих случаях в материале не находилось близких соответствий усредненному конструкту. Конкретные экземпляры сильно отличались от него то одной, то другой деталью. Конструкт оставался далекой от материала абстракцией. Более того, он не облегчал отнесение вещей к типу, не помогал идентификации. Археологи не имели строгих доказательств этого, но чувствовали это интуитивно.

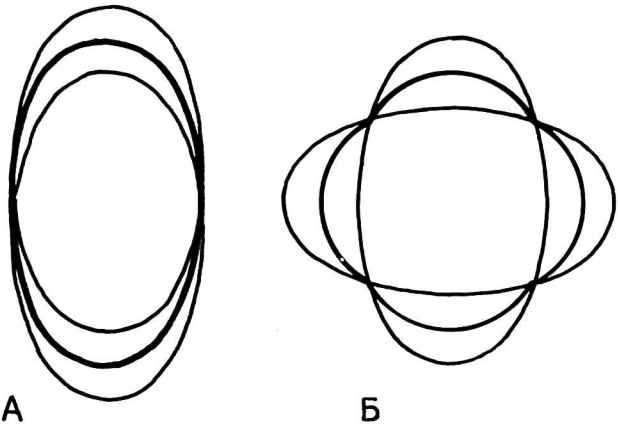


Рис. 10. Схема образования неузнаваемых средних контуров: А — усреднение при одинаковых пропорциях (средний контур узнаваем), Б — все индивидуальные контуры продолговатые, а усредненный — круглый.

Недавно антропологи установили нето подобное с большей определенностью. Когда они, следуя Гальтону (Galton 1878), стали печатать методом наложения усредненные фотопортреты этнических групп для обобщения их расовых особенностей, то с удивлением убедились, что лишь при небольших сериях (когда индивидуальные очертания еще видны) сохраняется опознаваемость микро-этносов, а при массовых сериях

(когда очертания, как и требовалось, сливаются воедино) портрет получается хотя и более четким, но неузнаваемым — диагностичность исчезает (Павловский и Перевозчиков 1977; Абдушелишвили и Павловский 1979). Они оставили этот феномен без объяснения.

Причина же, видимо, в том, что при усреднении скрадывается структура типа — система характерных для него внутренних корреляций отдельных черт у индивидов. Ведь суммарные очертания лица могут сохранить узнаваемость только в том случае, если по пропорциям все индивидуальные лица очень схожи и отличаются только по размерам (рис. 10a). Если же варьирование внутри типа имеет закономерности, выраженные негативными корреляциями (чем шире лицо, тем ниже и т. п.), как это часто бывает (толстые по сравнению с худыми, высокие с низкими и т. п.), то усреднением будет порожден контур с не существующей в действительности корреляцией черт, с несуществующими пропорциями, контур, не отражающий реальной специфики объектов (рис. 10b).

Интуитивно схватывая эти недостатки концепции варьирующего типа, основанной в принципе на усреднении, многие археологи искали другие способы определять и отображать тип — на пути устранения вариативности или с опорой на крайние проявления изменчивости и т. д. Эти поиски были обусловлены и иными, более общими, причинами, связанными с выдвижением новых общетеоретических концепций в археологии и с воздействием новых философских идей.

Все последующие археологические концепции типа сохранили, однако, и даже упрочили некоторые устоявшиеся в эволюционистской традиции установки в понимании типа, в частности его ограничение группировкой одиночных целых предметов — артефактов (не комплексов, не деталей), и притом функционально однородных.

Американские и советские археологи, не отвергая связь таких идей с зарождением фиксированных рассудочных понятий и слов, придают все же этим идеям более широкое и самостоятельное значение: американцы говорят о *«мысленных шаблонах»*, *«умственных лекалах»* (mental templates), советские антропологи — о *«следовом образе формы»* в сознании (Бунак 1966: 547).

Нетрудно понять, почему в исследовательской практике Монтелиуса и его учеников значение термина «тип» быстро сузилось. Ведь эволюцию удавалось прослеживать только по артефактам. Более того, функциональные р а з л и ч и я между артефактами почти не имели значения для эволюции, имело значение лишь функциональное с х о д с т в о: обычно горшок не сменяется ножом, а сменяется горшком другой конструкции или другого оформления. Вот эти различия внутри совокупности однофункциональных предметов и были положены в основу выделения типов. За результатами такого выделения и закрепилось понятие «тип» в археологии.

Четко сформулировал же это (кажется, впервые) Городцов. Но он не ограничился этим.

6. Типы Городцова

В 1908 г. Городцов дал первое, еще не вполне проясняющее этот смысл определение:

«Тип есть совокупность предметов, схожих по веществу, форме и назначению».

Типы он группировал в отделы, отделы — в группы, а группа была «самой высшей степенью классификации» (Городцов 1908: 11, прим. 1). В 1923 г. в книге «Археология» (Городцов 1923: 21—30), а затем в

1927 г. в своей рязанской брошюре «Типологический метод» он поставил все точки над i, жестко распределив по этим ступеням критерии выделения и введя сверху еще одну ступень, с которой и связал разграничение по функции.

> «В основу типологической классификации, — указал он, — положен «тип», понимаемый как собрание предметов, схожих по назначению, веществу и форме. (Заметили? Другой порядок перечисления. Это неспроста, что видно из продолжения. Именно по форме, только по форме и даже не по всем существенным признакам формы различаются теперь типы. — *Л. К.*).
>
> Типы, связанные одним признаком, отвлеченным от их формы, составляют отделы.
>
> Отделы, связанные одним признаком, отвлеченным от вещества, составляют группы.
>
> Группы, связанные одним признаком, отвлеченным от назначения типов, составляют категории.
>
> Все вещественные археологические памятники делятся на категории, затем категории делятся на группы, группы — на отделы и отделы — на типы. Принципом деления (principium divisionis) на категории служит н а з н а ч е н и е типов, на группы — в е щ е с т в о типов, на отделы — ф о р м а, свойственная нескольким типам, и на типы — ф о р м а, присущая одному типу» (Городцов 1927:6).

Отделы и типы здесь, в сущности, однородные понятия, так сказать, типы пошире и типы поуже. Это для более системного членения сходств и различий по форме (Городцов считал достаточным отвести для этого две ступени, на практике иногда требовалось больше — появлялись подтипы и варианты). Остальные понятия — иного рода. В пример приведены наконечники стрел: *категория* — наконечники стрел, *группа* — медные, *отдел* (по форме со стороны древка) — втульчатые, *тип* (по форме ударного конца) — трехгранный (Городцов 1927: 6). Почему типу отводится ударный конец, отделу же — противоположный, а не наоборот, остается необъясненным. Между тем на практике от подобных решений может зависеть многое (см. разницу между классификациями Глоба и Брюсова — Зиминой).

Тем не менее многие операции строго детерминированы системой правил.

Городцов не только оформил сужение термина «тип», внедренное Монтелиусом, но и сделал тип действительно ячейкой *к л а с с и ф и к а ц и и*, чего у Монтелиуса не было. Что это за классификация, где ее образец? Городцов сам открывает источник своего вдохновения:

> «В конце XIX века, изучая ботанику и зоологию, я пришел к мысли, что изучение археологических вещественных памятников возможно при помощи видового естественно-исторического метода Линнея, и провел эту мысль в своей работе «Русская доисторическая керамика»... где, по образцу естественно-исторического видового метода, была проведена также и латинская терминология, к сожалению, не пропущенная редакцией, смутившейся столь неожиданным нововведением» (Городцов 1927: 3).

Конечно, Городцов явно хватил лишку, претендуя на «открытие совершенно оригинального метода», а именно — типологического, с пятью «законами» и т. д. (Городцов: 1927: 3), над чем в свое время вдоволь поиздевался Равдоникас (Равдоникас 1Э30: 41—49), но факт, что в рязанском издании не был рабски копирован Монтелиус.

Городцов считал, что его «типологический метод ведет к выяснению закономерностей развития индустриальных явлений и раскрытия их истинного смысла путем классификации» (Городцов 1927: 6). То есть он имел в виду проводить *е с т е с т в е н н у ю* классификацию, столь же адекватно (только строже) отражающую реальные закономерности распределения материала, как это умел делать Монтелиус своей интуитивной типологией, о которой Оберг говорил, что она — не наука, а искусство (Aberg 1929: 512). Городцов хотел сделать ее наукой. Он хотел со-

единить естественность (адекватность материалу), алгоритмичность, простоту и формально-логическую стройность.

Как?

> «В правильно выполненной классификации типологического метода все классы являются основанными на едином признаке деления... и соподчиненными друг другу, а типы взаимно исключают друг друга, что вполне отвечает требованиям естественных... классификаций» (Городцов 1927: 7).

Ошибся Городцов. Не естественных. Эти жесткие требования формально-логических классификаций не всякому, а лишь очень просто организованному материалу соответствуют, в остальных же случаях порождают как раз сугубо искусственную классификацию, удовлетворяющую чисто служебным задачам: розыску информации. Система Линнея, которую Городцов принимал за образец, — вовсе не естественная, а искусственная классификация, это понимал и сам Линней (Бобров 1Э70—Микулинский 1972: 62). Линнеева классификация не рассматривалась им как генеалогическая, и не является таковой.

Вполне возможно, что под названием Линнеевой у Городцова имеется в виду просто современная (пост-линнеева) биологическая классификация, действительно естественая, а именно — генеалогическая. Но в ней от Линнея удержано немногое: принцип таксономии, бинарная номенклатура и некоторые конкретные деления в низших коленах системы. Городцов предусматривал применение своих типов для построения генеалогических линий (об этом говорят его «законы»), но сам этим не занимался. Его больше интересовала культурно-различительная и опознавательная роль типов, а эта задача близка к задаче розыска информации. Отсюда и направленность нововведений Городцова.

Искусственность ряда конкретных классификаций Городцова, с его обычно трехчленным делением. Равдоникас подметил правильно. Схема Городцова ригористичнее не только современной биологической таксономии, но даже и системы Линнея: у того не было столь жесткого распределения критериев по коленам (этажам) таксономии и столь полного единообразия во всех ветвях древа. Так что Городцов имел известные основания отмечать «самобытность» своей системы и ее отличие от линнеевой, к которой она близка «только внешней формой...» (Городцов 1927:7).

Городцов ощущает «затруднение» в определении типа:

> «По нашему определению, тип есть собрание предметов, одинаковых по назначению, веществу и форме. Вполне отвечают этому определению только такие типы, в состав которых входят предметы, отлитые или оттиснутые в одной и той же форме (Typos'e) из одного и того же вещества. Собрание таких предметов дает[1] идеально чистые типы» (Городцов 1927:8).

Вот материал, который нужен для классификации Городцова! Да, это не типы Монтелиуса или Софуса Мюллера! «Однако, такие идеально чистые типы редки...» (Городцов 1927:8). И все же «следует добиваться идеально-чистых делений» (Городцов 1927:6), и «все эти затруднения... не столь велики...» (Городцов 1927:8). «Идеально чистые типы» Городцова — это попросту формально-логические классы, а при таком понимании «идеально-чистых делений» добиться несложно. Только вот будут ли они естественными?

Схема Городцова быстро становилась нормой: подкупали стройность, строгость, а также и некоторая свобода, оставленная для деления в главном колене — по форме. В 1930 г. Арциховский выполнил по схеме Городцова классификацию и типологическое изучение вятических височных колец и других вещей: ***категория*** — браслеты, ***группа*** — медные, ***отдел*** — витые, ***тип*** — тройные (Арциховский 1930).

---

[1] Исправлено мною (в оригинале — «дадут», что бессмысленно).

Прививалась методика, терминология становилась стандартом. Потом методика изменялась, а термины продолжали жить: в самых современных работах мы находим городцовское соотношение «типа» и «категории» (Федоров-Давыдов 1965:126; Генинг 1973:116). Но даже там, где и термина нет, мы узнаем городцовскую «категорию» в том, что Д. В. Деопик систематически именует «большой очевидной группой предметов»: при конкретизации под этот термин подставляются то все топоры, то все амфоры (Деопик 1976:4).

7. Типы в Пекосе

В 1933 г. рязанская брошюра Городцова была переведена в США (Gorodcov 1933) и оказалась вне конкуренции. «Техника классификации керамики в США разработана, — отмечал в 1939 г. Клакхон. — Но я не знаю работ, кроме одной-единственной (и чьей — русского!), где была бы сделана хоть неловкая попытка рассмотреть подтекст типологического метода» (Kluckhohn 1939:338).

Работа Городцова пришлась очень ко двору в США потому, что там в это самое время реализовалась аналогичная тенденция. Как раз в 1927 г. на первой Пекосской конференции была принята таксономическая схема для керамики, сознательно построенная якобы по принципам Линнея: каждому типу давалось двойное имя —«первое имя должно указывать местонахождение с самым ярким (высшим) проявлением этого типа, в второе быть описательным в плане техники» (Kidder 1927:470). Вторая Пекосская конференция (1930 г.) развила эти идеи дальше, установив следующую таксономию: ***царство*** (Kingdom) — артефакты, ***семейство*** (Phylum) — керамика, ***класс*** (*Class*) — посуда, ***отряд*** (Order) — основное сочетание теста с примесями, ***продукция*** (Ware) — основной цвет поверхности после обжига, ***род*** (Genus) — обработка поверхности и вместо ***вида*** (Species) ***тип — подтип*** (Type and Subtype) — флагстафская Красная, Джедитто Простая и т. д. (Hargrave 1932:8). Был построен определитель, с ключом к нему, по образцу биологических определителей, и теперь каждому черепку тотчас можно было найти единственно положенное место среди ячеек классификации. Классификация работала по ее прямому, отвечающему ее структурным особенностям, назначению: делать розыск информации для опознания культур простым и безошибочным.

Но и американцы, подобно Городцову, скорее всего ориентировались, не замечая того, не на Линнееву, а на пост-линнееву биологическую систематику, соединявшую служение опознавательным задачам с генеалогическим осмыслением. Во всяком случае, они явно полагали, что их собственная классифиация, будучи инвентаризаторской, одновременно *является естественной и, не перекраивая самих типов, может служить для* установления филогенетических связей (правда, налагаемых извне на ее таксономию, то есть на ее древо отношений между типами). Генеалогию посуды культуры Юго-Западных пуэбло американец Холи излагал с полной серьезностью прямо-таки в библейских тонах:

> «И Ла-Платская Черная-на-Белом породила Ред-Месскую Черную-на-Белом, и Ред-Месская Черная-на-Белом породила Эскавадскую Черную-на-Белом, и Эскавадская Черная-на-Белом породила Голлупскую Черную-на-Белом» (Hawley, цит. по: Brew 1946:95).

Ясно, что для американцев, так настроенных, работа Городцова должна была прозвучать как долгожданное выражение их собственных мыслей, как теоретическое обоснование того, что они делали на практике. Тем самым она способствовала упрочению этих позиций и в Америке — э т о м у отношению к упорядочению материала, э т и м потребно-

стям в понятиях и терминах, э т о м у пониманию термина «тип». В 1945 г. Форд констатировал:

> «Классификация керамики по типовым группам, которые сконструированы, чтобы служить измерительными средствами для истории культуры, началась на Юго-Западе Соединенных Штатов и теперь стала стандартной практикой среди американских археологов» (Ford 1954:43).

Еще в 1960 г. в том, как Рауз трактует реальную основу классификации, чувствуется отчетливое влияние Городцова. Такой основой Рауз считает «процедуру изготовления артефактов». Он рассматривает ее как древовидную структуру последовательных выборов (возможных решений), осуществляемых на нескольких уровнях — сначала материала, затем формы и, наконец, узора (Rouse 1960, рис. 1). Схожий принцип для объективного определения иерархии и последовательности критериев типологии наметила и Викторова (1975:22—25), но у нее порядок другой: сначала идет функциональное назначение («потребности»), потом материал, за ним технология. Что же касается формы, то «форма сама по себе никогда не позволит выделить критерии типологии», но форма зависит от функции. Правда, «между формой и функцией орудий нет жесткого соответствия», поэтому конкретный выбор (в более узких пределах) обусловливают законы эволюции вещей, культурные традиции, моды и т. п. — их и надо учитывать после технологии. Та же тенденция нашла продолжение и у американских археологов — Бартры (Bartra 1964), Гарсиа Кука (Garcia Cook 1967). В книге Гарсиа Кука «Типологический анализ артефактов» материал распределяется по априорной, единой для всех культур схеме с жестко зафиксированной иерархией признаков, а порядок снова иной: высший ранг определяется веществом, из которого сделан предмет (камень, кость и т. п.), следующий — признаками функционального назначения и т. д.

Как видим, разные авторы очень по-разному устанавливают последовательность выборов. Стало быть, «объективная основа», заключенная, по Викторовой (1975:23), «в самой природе археологических объектов», не так уж очевидна. Объективны ли эти классы в качестве типов?

В несколько иной форме, но схожее понимание типа, не отличающее его от класса, мы находим в трудах Брейля, Борда и других крупнейших палеолитчиков 30—60-х годов XX в. Кантман называет их концепцию типа «классификаторской» (Kantman 1969). Доран и Ходсон делают за Борда такое определение для его типов: «группа чрезвычайно стандартизированных артефактов» (Doran and Hodson 1975:163).

В целом это изменение смысла понятий повсюду — от Рязани до Пекоса — отражает незамеченный тогда археологами общий сдвиг интересов: от эволюционистских к антиэволюционистским — миграционистским, диффузионистским, энвиронменталистским, культурно-таксономистским и др., от прослеживания эволюции вещей к выявлению культурной организации материала, от развития во времени к развертыванию в пространстве — реальном и формально-логическом (Klejn 1973:691—692). Поскольку этот сдвиг не был замечен самими исследователями, им казалось, что они говорят о тех же вещах, и они пользовались теми же терминами, хотя они вкладывали в понятия новый смысл — не отвергая старого!

Таким образом, за многозначностью терминов скрываются исторически сложившиеся подстановка и отождествление понятий, от типологического к классификационному (в этом смысле: от типа к классу), а с этим связаны попытки заставить их обслуживать разные задачи — и старые и новые, без предварительного выяснения каверзного вопроса: а возможно ли это в принципе? Происходит как бы затмение понятий: оба они порознь хорошо нам светят, но когда одно заходит за другое, опускается тьма.

Чтобы рассеять тьму, нужно развести их снова в разные созвездия, и тут оказывается, что в черном диске термина «тип» скрывалось не два понятия, а больше.

Третье проступило очень рано.

8. Идеальные типы

Еще тогда же, когда возникала статистическая концепция типа, в 1830-е годы, в русской литературной критике привилось введенное Белинским представление о «типическом» как о наиболее ярком, резком, крайнем выражении некоторого явления культуры или социальной жизни. Тип «лишнего человека» представлен в литературе не средним «лишним человеком», не одним из многих, а какой-либо наиболее интересной, выдающейся личностью этого рода — Онегиным, Печориным. Сам Лермонтов великолепно выразил суть этого понимания типа: «Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии» (Лермонтов 1957:203). Такое значение термина прижилось в эстетике (Гулыга 1975; Дубровин 1979). Редкость такого героя или даже его вымышленность не беда. Важно, что в повествовании, в воображении читателя он, реагируя на обыденные обстоятельства, заострял их оценку, а встречаясь с критической ситуацией, доводил конфликт до логического преддела, выявляя полностью суть того феномена, который представлял, и служа ориентиром при опознании, обозначении и группировке реальных людей.

Из эволюционистов немец Бастиан хотя и говорил о статистике (это было модно в 80-е годы XIX в.), но имел в виду статистику не конкретных этнографических реалий, а абстрагированных общечеловеческих «элементарных идей» (Elementargedanken), причем на первый план в исследовании выдвигал не средние, а крайние значения — пределы, выдающиеся индивидуальные достижения (Mühlmann 1968:89, 98—99).

Наиболее отчетливо эту тенденцию сформулировал на рубеже XIX—XX вв. немецкий социолог Макс Вебер, выдвинувший концепцию *«идеальных типов»*. Идеологические и харизматические (выходящие за рамки обычного) социальные явления, бывшие предметом специальных занятий этого социолога, требуют методологических средств изучения, близких к литературной типизации и литературоведческой (и искусствоведческой) типологизации.

Идеальный тип Вебера ближе к литературному типу, чем к предельным значениям Бастиана, так как он не сводится к идеальной абсолютизации какого-либо одного отношения действительности, одного элементарного представления, а образуется путем мысленного соединения целого ряда оптимально согласуемых связей в непротиворечивый, но односторонний комплекс, в котором некое явление действительности «усилено» до предела. Это не норма и даже не идеал. Это абсолют, мысленный предел развития данного явления. Реальные формы не роятся вокруг него, они сопоставимы с ним и измеряются не по степени отклонения от него (как от среднего), а по степени приближения к нему (как пределу). Идеальный тип осознанно фиктивен и может не иметь соответствия в реальной действительности (Девяткова и Штофф 1970).

> «Чем острее и однозначнее сконструированы идеальные типы, т. е. чем более они «чужды миру» в этом смысле, тем лучше они выполняют свои функции — как терминологическую и классификационную, так и эвристическую» (Weber 1922:522).

В отличие от литературных и художественных типов критического реализма, практику которых Вебер в сущности обобщил, он соотносил свои идеальные типы не с исторической действительностью, а лишь

с интересами познающего субъекта, хотя и считал желательным учитывать действительность, на которую эти интересы направлены. Видимо, концепция идеальных типов Вебера отразила общий отход либерально-буржуазных мыслителей от критического реализма в сторону идеализаторских, абстрактно-символических и деформирующих действительность течений в атмосфере реформаторского социального конструирования. «Идеальные типы» Вебера Кантман усматривает в «первичных типах» (types primaires) Лапласа (Kantman 1969).

Развитие этой идеи к середине XX в. породило две производных разновидности «идеальных типов». Первую называют ***«чистые типы»***, или ***«крайние типы»***, или, как их именует Гемпель, ***«степенные типы»*** (***«шеренговые типы»***). Они обозначают крайние полюса в сериации какого-нибудь явления и могут быть разграничены условной (но не произвольной) демаркационной линией. Реальные явления выстраиваются в шеренгу между ними. По определению эти типы должны быть парными и могут получать количественную характеристику (Hempel 1965:,58). Такие типы Кантман узнает в аналитической типологии Лапласа и близкие к этому — у Сэкета (Kantman 1969).

Другую разновидность —***«условные типы»***— особенно активно разрабатывали именно археологи (Brew 1946; Ford 1954a, 1962; Malmer 1962). Они полностью освободили «идеальные типы» Вебера от выражения особенностей материала, абсолютизировали их условность и превратили в чистый инструмент исследователя, в произвольные рамки, налагаемые на материал для порционного описания его характеристик.

Таково третье понятие, выплывшее из черного диска типа по окончании затмения. Вообще за этим диском скрывалось не два и не три понятия, а гораздо больше.

Глава III

ТИПЫ ТИПОВ

Во многом все упорядочения формально схожи. У всех есть ячейки или категории того или иного рода... Применяются схожие графы и схожий язык... Так что очень просто спутать один вид упорядочения с другим...

Р. Даннел (Dunnell 1971:107).

1. Целевое назначение

Итак, усилиями двух поколений — Монтелиуса и Городцова — применение термина «тип» сузилось и было привязано к распределению функционально однородных археологических объектов — к различающимся по форме группам объектов внутри одной «категории». Теперь к одному типу причисляются только схожие между собой и отличные от других топоры или только горшки (причем не всякие горшки) или только гребни (причем только некоторые гребни). Критерием объединения и различения оказывается не функциональное назначение (оно одно для всей категории), а конструктивное решение (одну функцию можно выполнять разными способами) и/или дизайн, который мог иметь самостоятельное художественное значение или не иметь его. Различие по конструктивному решению может быть связано с разной эффективностью и означать различие технических уровней, но может быть просто делом случая, закрепленным традицией. В обоих казусах оно сигнализирует о культурном, хронологическом или локальном различии.

Черешковый и втульчатый наконечники стрел конструктивно решены по-разному, хотя примерно одинаково служат одной цели. Пропорции и очертания пера, наличие и характер орнамента на втулке и т. п. позволяют разбить втульчатые наконечники на группы, различающиеся по дизайну. Это уже явно результат культурного обособления и традиции. Впрочем, и сейчас иногда глиняные сковороды как один керамический тип противопоставляются кубкам как другому типу, хотя различие между этими группами носит функциональный характер, и они могут рассматриваться как принадлежащие к разным категориям (поводом для сведения в одну категорию служит наличие функционального сходства).

Таким образом, современные исследователи работают с тремя видами типов, различными по характеру опознавательных компонентов: самые крупные типы — **функциональные** (совпадают с «категориями»), внутри них выделяются **конструктивные**, а внутри тех — типы, выделенные по **дизайну**, — возможно, **эстетического** значения (**стилистические**). Хотя их ранговая последовательность весьма устойчива и интерпретационные возможности различны, отдельные термины для их обозначения и для обозначения их подразделений (варианты функции, стилистические тонкости и т. п.) не привились. Всё — типы.

Это не значит, что в одной и той же терминологической системе все они именуются типами. Нет, в работе не обойтись общим понятием, без терминов для подразделений разного ранга. Ведь это влечет за собой практические неудобства. Так что обычно в каждой терминологической системе проявляется тенденция закрепить термин «тип» лишь за ячейкой определенного ранга. Только за какой именно — решается произвольно, в разных системах — по-разному. Ибо все эти ячейки, разного ранга, рассматриваются как понятия одной природы. Для более высоких

и более низких подразделений подбираются другие термины («разряд», «группа», «вид», «подтип» и т. д.). Они выступают в разных наборах, по-разному располагаются в ряд, и в зависимости от места прикрепления ключевого понятия «тип» вся шкала сдвигается вверх или вниз. С большим трудом достигается унификация в отдельных регионах и школах с помощью согласования на специальных конференциях (напр., Kidder 1927; Swanson and Butler 1962) и под влиянием отдельных значительных трудов (напр., Rouse 1939; Bordes 1950; Eggers 1951).

Встречаются рецидивы более широкого осмысления термина «тип». Так, в североамериканской «концепции типа и варианта» (type-variety concept) — классификационной схеме, разработанной для фрагментированной керамики высокоразвитых культур,— «типами» именуются группы, выделенные по сочетанию технологии (обжиг, примеси и т. п.) с композицией, мотивами и цветовым составом расписного орнамента, без учета формы сосуда (Wheat, Gifford and Wasley 1958; Phillips 1958; Smith, Willey and Gifford 1960; Gifford 1960). То есть «тип» здесь — то, что в других школах и регионах называется «сортом», или «стилем», «видом», «родом», «продукцией» (нем. Art, Gattung, англ. kind, ware).

Впрочем, за пределы работы с керамикой даже применительно к высокоразвитым культурам эта классификация не распространяется, и контраст с классификациями других категорий материала делает эту манеру употребления термина экстравагантным эпизодом.

Существенно, однако, не куда лучше приткнуть полюбившийся термин «тип» и вообще не **что как назвать**, а нечто иное. Существенно понять, **как, с какими целями мы классифицируем археологический материал.** Существенно осознать, что цели эти оказываются на деле весьма определенными, что их несколько и что, соответственно, классификационные ячейки получаются нескольких видов. Существенно также добраться до идеи, что между этими видами существует какое-то отношение, быть может ранговое.

Группировки (классификации в широком смысле) служат минимум двум разным целям: а) расположению материала, удобному для учета и последующего быстрого розыска (**«служебная», «прикладная», «вспомогательная»** группировка), б) выявлению внутренних системных отношений — функциональных, генетических и т. п.— в материале (**«исследовательская»** группировка).

В первом случае подойдет любая условная схема классификации, сколь угодно **искусственная** (не считающаяся с объективными рангами связей и границ в материале) — лишь бы она была достаточно обширной, разветвленной, открытой, унифицированной, логически строгой и ясной. Логическое древо с жестко предписанной последовательностью шагов — идеал для такой системы. Определитель и ключ к нему — ее венец. На ранней стадии своего развития (период антикварианизма) археология могла удовлетвориться этой задачей.

Однако двести лет назад археология вышла из накопительского периода и отодвинула эту задачу на задний план (в отличие от биологии и геологии так и не доведя дело до создания удобных определителей). Вперед выдвинулась вторая задача — исследовательская: выявление функциональных и генетических отношений между объектами. Предмет поиска — **естественные** разграничения, внутренне присущие материалу.

Различие целей, таким образом, ведет к различиям в методике и структуре группировки материала. В биологии и логике это расщепление давно опознано и зафиксировано в противопоставлении **искусственных** клас-

сификаций **естественным** — больше ста лет назад это различие специально рассматривал Бэр (1869). Биологи для обеих операций пользовались терминами «класс» и «классификация». Археологи стали осознавать само различие лишь недавно. И хотя в советской теоретической археологии даже наметилась терминологическая фиксация этого различения (искусственный «класс» и естественный «тип»[1]), на практике оно игнорируется. Каменецкий посвятил специальную статью (1978) критике вытекающих отсюда просчетов.

Внедрение этого осознания в практику исследований наталкивалось на влиятельность канонической схемы Городцова. Но схема не осталась каноном ни у нас, ни в Америке. Бывшая на первых порах важным шагом вперед как осознание внутрифункциональных различий и как стимул к большей методической строгости классификации, она вскоре стала тормозить совершенствование классификационных систем.

Ничего удивительного: ее создатели стремились совместить в ней качества обоих видов упорядочения — служебного (жесткость, универсальность, логическую взаимоисключаемость ячеек и т. д.) и исследовательского (естественность, отражение реальной сети взаимосвязей и т. д.). Даже для биологии совмещение их затруднительно, хоть там виды в норме не скрещиваются. Применительно же к культурному материалу, с его многообразием переходных и смешанных форм, эти задачи и вовсе несовместимы. При попытках совместить их неизбежно страдают обе цели — не достигается ни та, ни другая. Упорное и длительное стремление археологов все же совместить их привело к тому, что у нас нет ни удобных определителей, ни обоснованных типологий.

Пора и археологам по-настоящему осознать исследовательскую группировку как особую задачу. Если исходить из отмеченной выше традиции советской археологии в применении терминов «класс» и «тип», то в выполнении первой задачи — служебной группировки — с понятием «тип» делать нечего. Его место в понятийном аппарате второй задачи — исследовательской группировки (что, однако, еще не исключает применения и там понятия «класс»). И место это среди понятий должна точно указать теория.

Все ли цели (и те ли цели) открыты здесь? Верно ли нащупано отношение между видами ячеек? Только ли различием целей обусловлена разнородность ячеек? Вопросы эти остаются без ответов, проблема — спорной. Но это уже продуктивные вопросы: известно, где и как добывать ответы. Это уже рациональный спор: известно, с кем и в каком русле спорить.

Четверть века назад в небольшой статье «Типы типов» Стюард попытался определить цели классификации археологического материала и установить целевые разновидности классификационных ячеек. И цели у него оказались иными, чем здесь, и количество ячеек — другим, и отношение между ними — не ранговым. Он рассматривает эти ячейки как явления однопорядковые, конкурирующие, взаимно-пересекающиеся, независимые друг от друга и равноправные (Steward 1954). Отложив спор о целях и взаимоотношениях на дальнейшее, пока отметим лишь, что Стюард явно не все источники и планы расчленения классификационной сети учел.

2. Полнота критерия

Вот еще один план. Археологи сперва весьма беззаботно подходили к вопросу о добротности, полноте классификационного критерия и нередко

[1] Ср. противоположное толкование оппозиции этих терминов применительно к биологии у современного философа (Корольков 1979:60—69).

выделяли тип по одному яркому признаку. Об этом и говорят старые названия типов, вначале не считавшиеся условными: «воронковидный кубок» (теперь не всякий кубок с воронковидной шейкой будет отнесен к этому типу), «многогранный топор» (теперь так назовут не всякий топор с большим количеством граней) и т. д. Постепенно заметили, что такие одномерные типы нередко «не работают»— не коррелируют с другими типами, с замкнутой территорией, с периодом. А у тех, которые «работают», опознавательный признак повторяется в устойчивом сочетании не только с внешними элементами, но и внутри объекта — с другими его признаками. Такое внутреннее сочетание признаков и стали считать необходимым критерием для выделения типов, то есть от **аналитической** классификации перешли к **синтетической**.

Но чтобы обнаружить повторяющееся сочетание признаков, нужно предварительно учесть все признаки, наличные в материале, по всем доступным учету показателям и проследить их распределение по всем объектам. То есть сначала рассортировать объекты по всем признакам одного показателя (например, по форме ручки), затем их же рассортировать заново по всем признакам другого показателя (например, по цвету) и т. д. Иными словами, аналитическая классификация была признана необходимой предварительной ступенью для осуществления синтетической классификации — настоящей, полноправной, высшей. Аналитическая классификация действует на уровне атомизированных признаков, синтетическая — на уровне их сочетаний в артефактах (это как бы молекулярный уровень археологии).

Ячейки синтетической классификации структурно и функционально отличаются от ячеек аналитической. Это разные понятия. А как с терминами?

Старый термин был распространен и на новое понятие (поскольку оно приняло на себя важнейшие функции старого), но и от старого не был отделен. Долгое время и те и другие ячейки именовались типами. В лучшем случае отличали «аналитические типы» от более высоких (в принятой здесь терминологии — «синтетических»)[1] (Грязнов 1969). Теперь, однако, все более проявляется тенденция аналитические ячейки типами не именовать. Грязнов аналитические ячейки именует **«классами»**, и только синтетические —**«типами»** (Грязнов 1969). Но термин «класс» многозначен и скорее удобен для более широкого понятия.

В 1939 г. Рауз предложил отличать от типа **«вид»** (mode) или — как, пожалуй, удобнее перевести на русский —**«модификацию»**. Так он назвал ячейку классификации, во всем подобную типу, только более дробную в том смысле, что она приложима не к целым предметам, а к их деталям или связанным с ними действиям (Rouse 1939).

В 1960 г. Рауз несколько изменил свою трактовку и стал рассматривать «модификации» как результат аналитической классификации (Rouse 1960). Однако ячейками аналитической классификации являются **«признаки»** (traits, features). Зачем нужен новый термин? Чем «модификации» отличаются от «признаков»?

По Раузу, «признаки»— это любые элементарные качественные или количественные характеристики объектов, различимые исследователем и фиксируемые в его системе обозначений, то есть то, что теперь у нас

[1] Термин **«синтетическая классификация»** не встречен мною в других работах. Рауз противопоставлял аналитической классификации «таксономическую» (Rouse ,960), но последний термин сопряжен с дополнительным суживающим смысл ограничением (таксономия подразумевает иерархию признаков), и Рауз именно такое более узкое понятие имеет в виду. А аналитическая классификация — всеобъемлющая. Для логичного противопоставления уровней требуется такое же общее понятие и соответствующий ему термин.

обычно именуется «свойствами» (properties). «Модификации» же — это такие свойства, различия которых были осознаны и запланированы древними мастерами, имели смысл и значимость в культуре, формировали назначение, конструкцию или стиль предметов. Что ж, именно так теперь и трактуются «признаки». Если бы дело ограничилось этим, то все свелось бы к простой подстановке терминов: «признак» Рауза — у нас «свойство», «модификация» Рауза — у нас «признак» (ср. Бочкарев 1973). Но Рауз добавляет «виду» или «модификации» еще одну отличительную особенность: только стандартные, повторяющиеся признаки образуют «модификацию», а проявления творческого индивидуализма мастеров, сколь угодно отличные и значительные, сюда не входят. Раз они остаются в культуре без последствий, то они не интересуют исследователя.

Понятие «модификации» применимо не только к артефактам, но и к сооружениям, планировке поселков и т. п. Оно позволяет прослеживать судьбы элементарных идей. Так, применяя понятие «тип», мы можем обнаружить импорты, а применяя понятие «модификации»— влияния и заимствования, ибо редко заимствуются неизмененные типы, чаще — их черты. Однако и черты их редко заимствуются по отдельности, чаще — целыми комплектами, образующими части предмета, детали. Одинаковые детали (ручки, ушки, днища и т. п.) иногда участвуют в составлении артефактов разного функционального назначения (амфор, мисок, кувшинов и т. п.).

И вот в 1972 г. Рауз вернулся к прежней трактовке и повысил в ранге свои «модификации», рассматривая их опять уже не только как отдельные признаки особого рода, но и как сочетания признаков, не доходящие, правда, до полной характеристики целого предмета (ибо это будут уже типы).

В процедуре классификации археологического материала современному археологу чаще приходится иметь дело именно с такими деталями, ибо обычно это фрагментированный материал. Монтелиус строил свою типологию на материале оружия, орудий и украшений из кладов и погребений, это была классификация целых предметов. Современный же археолог чаще работает с материалом поселений, особенно с керамикой. Его классификация — это классификация деталей (partitive classification). Поэтому Рауз говорит о «модификациях» ручек, венчиков, обухов и т. д. и уже не рассматривает «модификации» как ячейки аналитической классификации (Rouse 1972:55—57).

3. Объем и качественный охват

Есть еще один аспект археологической классификации, развитие которого тоже сказалось на усложнении понятийной схемы и опять же слабо отразилось в терминологии. Это объем и качественный охват типа, компонентный состав выделительного критерия. Монтелиус выделял свои типы как морфологические единицы, то есть на основе формы (топологии и пропорций) (Montelius 1900:265). Орнамент, размеры, материал и технология учитывались в меньшей мере — лишь как вторичные вспомогательные признаки. «Тип есть... сочетание формы, материала и орнамента»,— заявлял Крофорд (1924:146). У Мальмера при анализе керамики именно орнамент был положен в основу классификации (Malmer 1962). У всех этих исследователей комбинаторные связи данного артефакта с другими в комплексе, ситуационные отношения артефакта, его хорология (территориальная локализация) и хронология вовсе не учитывались при выделении типа, не входили в состав критерия. С ними сверялся уже готовый тип.

Такую позицию Григорьев отстаивает как единственно правильную или даже единственно возможную:

> «Как бы мы ни формулировали свои позиции, любая археологическая классификация есть по существу классификация формальная... Наиболее точное познание возможно лишь на основе наиболее точного формального описания вещи» (Григорьев 1972:8).

Запал Григорьева обращен против бытовавшего в советской археологии прежде пренебрежения к формальному вещеведению, когда его методы осуждались как буржуазные, формалистические и т. п. (Григорьев 1972:5). Но не стоит перегибать палку в другую сторону.

Переход от вещеведения и хронологических задач к изучению всего облика культуры обращал к изучению сооружений, планировки поселков и т. п. и разрушал сложившиеся ограничения.

Кригер предложил использовать при формировании типов сразу все разновидности признаков и даже само название «тип» применять только к результатам такого полного учета. Узко морфологические классификационные понятия он именует иначе: выделительные критерии (наборы признаков) — **«рабочими схемами»** (working patterns),а выделяемые совокупности предметов — **«рабочими группами»** (working groups) (Krieger 1944). Эти термины не привились, и речь по-прежнему идет о типах. Но надо признать, что есть и типы более высокого уровня. Типы Монтелиуса — **морфологические**, типы Кригера — **генеральные**.

> «Эта идея Кригера,— отмечают Хилл и Эванс,— о том, что типы вообще не типы, если они не имеют хронологического и исторического значения, всегда была преобладающей в археологии — как в теории, так и на практике... Большинство из нас все еще представляет себе типы как то, что имеет нормативное значение и служит для сравнения во времени и пространстве; вряд ли что-либо сверх того» (Hill and Evans 1972:244).

Кригер отвергает надобность в морфологических типах. Тем самым он процедуру классификации, конечно, упрощает, но и уплощает. Исчезают интересные возможности — те, о которых Диц пишет, резюмируя выводы Сполдинга: «Археолог может достичь ограниченно формальных классификаций без строгой хронологической и пространственной проверки и все же получить некоторую культурную информацию» (Deetz 1971:42). Ссылаясь на Томаса, Доран и Ходсон относят требование «демонстративно-исторической значимости» ко второй стадии двухэтапной процедуры: «первую составит дефинирование гипотетических типов, вторую — их проверка» (Doran and Hodson 1975:166; ср. Thomas 1972). Но два ли здесь этапа? Их больше.

В сущности, по отношению к типам Кригера типы Монтелиуса могут рассматриваться как высшие из Раузовых «модификаций» (modes), то есть как части (пусть самые крупные) по отношению к целому. Вообще переход от аналитической классификации к синтетической оказывается не разовым, а постепенным, поэтажным, с освоением все более высоких уровней организации. Этим путем движется Дэвид Кларк в своей классификации кубков, сначала коррелируя детали формы между собой, затем форму с орнаментом и т. д. (Clarke 1962, 1967, 1970). Над уровнем признаков (**аналитическая классификация** и **признаки**) оказывается уровень деталей (**партитивная классификация** и **«модификации» Рауза**), еще выше — уровень специфических сторон (структур, аспектов) классифицируемых предметов — таких сторон, как морфология, технология, мотивы орнамента, техника его и композиция орнамента и т. д. (это **морфологическая, орнаментационная** и подобные **классификации** и **«типы»** Монтелиуса и Мальмера); еще выше возможны: уровень избирательной корреляции аспектов, например формы с технологией или мотивов с техникой и композицией орнамента, и уровень полного

учета внутренних структур предмета (**предметная** или **артефактная классификация**; на этих уровнях располагаются **промежуточные** и **окончательные комбинаторные «типы» Дэвида Кларка** в его классификации кубков); наконец, выше всех располагается уровень учета всех признаков, в том числе и внешних связей (**генеральная классификация** и **«типы» Кригера**).

Таким образом, в этом аспекте произошло расщепление понятий. Некоторые попытки отразить в терминологии это расщепление понятий предпринимались, но как-то обрывочно и ограничились полумерами.

4. Границы типа

Археологи-антикварии времен Кэлюса и Монфокона не встречали особых затруднений в разграничении своих классификационных ячеек и в ограничении каждой из них (тогда это представлялось одной операцией). Они имели дело с античными древностями, а греческие астиномы и римские мастера массовой продукции, с их шаблонами и стандартами, сами позаботились о четкости границ. К тому же главные задачи классификации были коллекционерски-иллюстративными, так что особая продуманность и перспективность оснований попросту не требовались.

Мортилье, Монтелиус и Софус Мюллер имели дело уже с более разнообразным и текучим материалом и распознали эту плавность переходов, даже преувеличивали ее, кое-где реконструировали; они многое строили на ней. Но они не нуждались в четких границах. Им было не обязательно раскладывать весь, непременно весь материал по ячейкам системы. Мортилье оставил втуне даже целую культуру — Ориньяк (она не влезала в схему), Монтелиусу было достаточно, чтобы каждый узловой пункт его ряда подтверждался значительной серией находок — и он знал, что здесь ядро типа, а на тех делениях шкалы форм, где находки пореже,— там периферия типа; затем может идти свободное пространство, интервал, а может — плавный переход к периферии другого типа. Проводить межу нет надобности.

Городцову и археологам его поколения потребовались «идеально-чистые деления», но затем эти ученые отдалились от того представления о культуре, которое было у эволюционистов. Теперь культура предстала перед исследователями разомкнутой во времени и разорванной в пространстве. «Археология становится изучением скорее культур, чем культуры!»— заметил Чайлд (Childe 1942:18), который сам немало содействовал этому. Такое представление давало этим ученым возможность надеяться, что в таких замкнутых культурных системах функции и нормы будут четко различаться, и типы тоже. И что, следовательно, можно приравнять по характеру культурный материал к биологическому, благо законы развития их схожи. Вот почему Городцов и полагал, что затруднения в разделении типов окажутся небольшими.

На практике же он и его единомышленники избегали затруднений двумя путями: то сугубо абсолютизировали диктат критерия, не заботясь о том, куда придутся деления в самом материале,— и получали служебную, искусственную, опознавательно-розыскную классификацию; то отвлекались от всяких правил, выделяли типы интуитивно, кое-как оформляя результат определениями задним числом,— и получали сбивчивые, нестрогие, но зачастую вполне сносные рабочие группировки. Нередко применяли первый подход на верхних этажах классификации, а второй — на нижних, где и выделяются типы и их варианты (вспомним допуск произвола в этих коленах у Городцова).

Настоящие затруднения возникли позже, когда и вариабельность

культуры стала вновь очевидной и двойственность методики перестала удовлетворять.

Выявление разнообразных культурных связей — генетических (автохтонность, миграция и скрещение), диффузионных и особенно синэкологических подготовило археологов к восприятию идей о всеобщей системной взаимосвязи в культурном материале, об относительности разрывов (Klejn 1973:695—698). Еще более подорвали прежнюю картину разрозненных культурных блоков такие новации, как модное неверие в детерминированность культурных явлений, в их обусловленность законами, нормами, обостренный интерес к индивидуальным проявлениям человеческого творчества, ко всевозможным уклонениям, колебаниям, спецификациям, словом — к вариабельности. За вариабельностью пропала плоть явлений и размылись границы. Все опять слилось воедино. «Мы движемся от изучения культур к изучению культуры»,— объявил Даниел (Даниел 1950:318), а уж этому немало содействовал он сам.

Именно споры о том, существуют или не существуют регулярности в материале, значительно ли то или иное индивидуальное уклонение, подвигли археологов на разработку точных, математических методов, а тут еще пришлось находить общий язык с физиками и кибернетиками! Эксплицитно точная методика стала лозунгом дня.

Вот когда и обнаружилось противоречие. Чтобы устранить его, потребовалось выразить в эксплицитных терминах новое представление о материале и найти соответствующий этому характеру организованности математический способ его выявления и описания. Это и сделал Д. Кларк. Образец он нашел опять же в биологии, где границы тоже были утеряны, как только с развитием экологии интересы переместились с вида (туго поддающегося скрещиванию) на популяцию.

Старое, отвергнутое представление о материале было охарактеризовано как **монотетическая** концепция, новое — как **политетическая**.

По монотетической концепции, признаки в материале очень четко сгруппированы, жестко связаны в сочетания, эти сочетания резко разделены. В одной группе предметов — одно сочетание признаков, в другой группе — другое. Есть признаки, общие для обеих групп, отличающие обе от третьей. В идеале все признаки данного набора налицо в каждом члене класса. Только такую модель считает монотетической Кларк (Clarke 1968:35—37).

На деле, возможно, в некоторых предметах выпадут проявления каких-то признаков (то есть признаки окажутся характеризующими данный класс **интегрально**, а не **дифференциально**). Возможно, даже в каждом предмете не хватает какого-нибудь или каких-нибудь признаков данного набора, так что нет ни одного предмета, в котором бы оказался весь набор признаков данного класса, и нет в наборе ни одного признака, который бы охватывал все предметы данного класса. По дефиниции Кларка, это уже не монотетическое распределение признаков. Такая трактовка вряд ли оправдана. Ведь если признак не просачивается в чуждые сочетания, если сама вероятность его появления все-таки ограничена рамками **одного** сочетания, **одного** набора и, соответственно, **одного** класса, мы вправе говорить о **монотетическом** характере материала. Разграничение классов все еще не встречает затруднений. Это хорошо заметно и на таблице самого Кларка (Clarke 1968, рис. 3, воспроизвед. в: Федоров-Давыдов 1970, схема на с. 261). Он видит на ней д в е г р у п п ы: м о н о т е т и ч е с к у ю и п о л и т е т и ч е с к у ю. Да, группы совершенно отчетливо разделены. Именно поэтому вернее считать, что на таблице д в е м о н о т е т и ч е с к и е г р у п п ы — одна с

дифференциальным распределением признаков, другая — с интегральным (рис. 11).

Вот если жесткой привязанности признака (или вероятности его проявления) к одному сочетанию нет, тогда иное дело. Тогда он то и дело выпадает из сочетания, особенно в тех случаях, где и другие признаки данного набора чаще выпадают (то есть на периферии группировки), зато появляется в чуждых сочетаниях, характеризующих смежные группировки (особенно на их периферии). Группировки проникают одна в другую, различение их становится сложной задачей. Не так уж много оказывается предметов, представляющих признаки только одного набора (возможно, даже ни одного такого предмета), и не так уж много признаков, встречающихся только с признаками одного сочетания (возможно, даже, что их вовсе нет). Именно такое распределение есть смысл отличать как политетическое.

Р и с. 11. Различие между материалами монотетического и политетического строения (по Д. Кларку — Clarke, 1968, fig. 3).

Явление политетизма также представлено у Кларка упрощенно, не вполне реалистично и не столь строго продумано, как у основоположников числовой таксономии, откуда заимствована Кларком сама идея. Весь методический аппарат надо выверить.

Начальное уточнение предприняли польские археологи. Они выявили следующие искажения, внесенные Кларком в политетический принцип Бекнера и Сокала — Снита: Кларк опустил оговорку об относительности всякой констатации политетичности (группу можно называть политетической лишь относительно такого-то набора признаков); он упростил и сузил представления о политетизме, сведя разные его виды в один — «политетическими» он именует лишь такие группы, в которых ни один признак не присутствует у всех объектов (но у Бекнера такие группы назывались «собственно политетическими»), к этому он добавил требование, чтобы ни один признак не был присущ только этой группе (чего у Бекнера вообще не было); и т. д. (Tabaczyński i Pleszczyńska 1974:14—23).

Между тем критику нужно углубить. Не только упрощенная модификация Кларка, но и исходная схема Бекнера и Сокала — Снита недостаточна. Она неспособна отразить главные особенности распределения и сочетаемости признаков в культурном материале археологов, где в отличие от биологических видов общности интенсивно смешиваются, скрещиваются и проникают друг в друга. Эта схема не различает двух видов связанности признаков — внутри группы и вне ее.

Вернемся к таблице Кларка, иллюстрирующей отличие политетической группы от монотетической.

Прямоугольная сеть координат. По одной оси отложены объекты, по другой — обнаруженные на них признаки (плюс — знак присутствия признака, минус — знак отсутствия). Монотетическая группа представлена на этой таблице плотным, как кирпич, прямоугольником, сплошь заполненным крестиками. Политетическая группа представлена ажурным прямоугольником, который изрядно продырявлен минусами — нет ни одной строчки или колонки, в которой не было бы хотя бы одного минуса, но нет и такой, в которой бы не было крестика.

И все же у Кларка о б е группы выступают четкими прямоугольниками на чистом белом поле, с в о б о д н о м от плюсов и минусов. Что означает эта свобода? Если возможность л ю б о г о заполнения знаками, то это противоречило бы дефиниции самого Кларка (он требует, чтобы ни один признак не замыкался внутри политетической группы). Если же приравнять пустую ячейку к м и н у с у (как восприняли польские критики), то возникнет вопрос еще и о значимости подобного политетизма: ведь обе группы выделяются четко, без труда. Так ли уж тогда радикально для классификации предложение Кларка?

На деле же в своих дефинициях Кларк смешал два вида политетизма, а на иллюстрации изобразил только один из них, имеющий в виду распределение признаков внутри группы.

На и л л ю с т р а ц и и у него под названием **«монотетической»** показана группа с однообразным плотным, сплошным распределением полного набора взаимосвязанных признаков по объектам — так что к а ж д ы й объект должен обладать в с е м набором этих признаков, и группа получается однородной, унифицированной. А под названием **«политетической»** показана группа с рассеянным, а ж у р н ы м распределением признаков по объектам — так что в к а ж д о м объекте представлена лишь та или иная ч а с т ь набора признаков и н и о д и н признак не представлен у всех объектов; тогда полный набор выявляется лишь суммированием характеристик объектов; и группа получается мозаичной — именно такую биологи называют **«собственно политетической»** (если не все условия равномерного рассеивания соблюдены, группа называется просто **«политетической»**). Различие сказывается при попытках выявлять классы «группировкой» (объединением по сходствам, «классификацией снизу») или характеризовать группу по отдельным ее частям. Но при разбиении («классификации сверху») эти различия несущественны.

В том виде, в котором эти группы показаны на таблице Кларка, каждая из них м о н о п о л ь н о владеет своим набором признаков, и границы ее ч е т к и. Однако вторая из этих групп может иметь и размытые границы — если признаки из ее набора встречаются (в меннее представительных сочетаниях или порознь) за ее пределами, постепенно убывая и исчезая в удалении. Когда такими оказываются границы мозаичной, «ажурной» группы, точное проведение границ становится затруднительным. Собственно, именно такую общность Кларк представляет как «политетическую» в тексте своей книги.

Таким образом, вместо двух видов распределения признаков (монотетическое — политетическое) следовало бы различать минимум три образующих, соответственно, три вида групп:

1) сплошное замкнутое (пример — молоточковидные булавки),
2) ажурное замкнутое (пример — грузики Дьякова типа),
3) ажурное размытое (пример — шнуровые амфоры).

Но и это не все. Сложность классификации, трудности проведения границ зависят не только от распределения и сочетаемости признаков,

характеризующих каждую (одну) группу, но и от соотношений между признаками смежных (разных) групп. Если при размытых границах признаки разных групп не сочетаются или очень редко сочетаются, то как бы ни были размыты границы групп, группы существуют раздельно, и разграничение их не представляет большого труда — такие группы называются **компактными** (Аркадьев и Браверман 1971:31—33). Пример — древнерусские височные кольца. Если же признаки разных групп часто сочетаются, то группы оказываются взаимопроникающими, сросшимися, **слитыми**, как на знаменитых рисунках М. К. Эсхера («рыбы-птицы» и др.), а разграничение — крайне затруднительным. Такое распределение можно было бы именовать **эсхеровым** (см. Locher 1971). Пример — колоколовидные и шнуровые кубки.

Это обстоятельство удваивает категорию размытых групп и доводит общее число главных видов групп до четырех. Если третью группу охарактеризовать компактным распределением, то добавится группа с эсхеровым распределением:

3) ажурное размытое компактное,
4) ажурное размытое, слитое с соседними (эсхерово).

Нет никаких оснований полагать, что в культурном материале археологии представлен только один из этих четырех видов или что эти различия несущественны. Особенно трудным для классификации оказывается материал с тем или иным сочетанием таких свойств, как ажурность, размытость и эсхерово распределение.

В таком материале выделение устойчивых сочетаний признаков все же возможно — с помощью комбинаторики, таблиц сопряженности. Но вот точное разграничение группировок оказывается совершенно невозможным. *Либо их надо оставить с расплывчатыми границами, то есть практически без границ, что претит точному духу времени и самому характеру классификации. Либо надо резко, но условно* **разграничивать** группировки, обычно — посредине между центрами группировок, как делает Мальмер (Malmer 1962:586), или столь же условно **ограничивать** группировки на основе произвольно, но методично намеченного отбора сгущений и охвата образующих сгущение схожих предметов, как делает Кларк (Clarke 1968:197—198). Именно такие группировки Кларк, по идее, и противопоставляет монотетическим типам предшествующего поколения как **политетические типы**, или просто **типы**. Каменецкий терминологически оформляет различие, именуя первые **классами**, вторые — **типами** (Kamenetski 1971:1—2).

5. Ступенька в таксономии

Исходя из установки на условное ограничение типа, Дэвид Кларк увидел в **числовой (нумерической) таксономии** возможность решить, наконец, заклятый вопрос о месте типа в иерархии конкретных таксонов. Этот вопрос был камнем преткновения для всех попыток унификации археологической номенклатуры. Кларк излагает суть вопроса так:

«Возьмите утверждения:

ремневый скребок — это тип артефакта,
кремневый скребок на отщепе — это тип артефакта,
кремневый боковой скребок на отщепе — это тип артефакта...

В этом ряду утверждений, как очевидно, слово «тип» применено на совершенно различных уровнях сложности, связанных только тем, что это иерархические уровни одной и той же общей системы... Который же из этих произвольных уровней в иерархии стоит обозначить «подтипом», который «типом», а который «группой типов» или «семьей»? Являются ли типы в таких разных популяциях артефактов, как кремневые скребки, бронзовые мечи, кухонные горшки и микролиты, таксонами точно эквивалентного ранга? Количество уровней, к которым можно было бы применить ярлычки «подтип», «тип» или «группа типов», почти бесконечно, и археологи сугубо непоследо-

вательны, непостоянны и далеки от согласованности (в английском тексте все три понятия выражены одним словом inconsistent.— *Л. К.*) в употреблении слова «тип» и в выборе уровня сложности, к которому они его применяют» (Clarke 1968:196—197).

Здесь есть к а ч е с т в е н н а я сторона: по **каким** показателям должно выявиться различие, чтобы мы могли констатировать два разных типа, а не подтипа? Есть к о л и ч е с т в е н н а я сторона: **сколько** нужно различающих признаков, чтобы мы были вправе говорить о разных типах, а не подтипах, **сколько** объединяющих признаков, чтобы могли отнести вещи к одному типу, а не только к одной семье (группе типов)?

Нередко вопросы эти вообще снимались: термин «тип» даже в одной таксономической системе не фиксировался жестко на каком-то одном иерархическом уровне. То есть в иерархическом аспекте он становился синонимом **«таксона»**, и конкретные типы вкладывались друг в друга, как русские матрешки.

В других случаях вопросы решались произволом исследователя. Которая из матрешек-таксонов окажется главной — внешняя, внутренняя или какая-то из промежуточных, да и сколько матрешек окажется в наборе,— все это зависело от случайных обстоятельств. Сопоставление разных наборов крайне затруднялось.

Городцов предложил качественный критерий выбора: по функциональным показателям выделяются категории, по веществу — группы, по форме — отделы, типы и их варианты. Три последних не фиксированы постоянными показателями. Мальмер и Каменецкий добавили иерархическое распределение формальных признаков, способное фиксировать и низшие уровни иерархии. У Мальмера типологическая форма выше орнамента в иерархии (Malmer 1962), у Каменецкого формальные показатели распределились по старшинству так: 1) функционально определенная топологическая форма, 2) конструктивное решение, 3) эстетическое оформление (Kamenetski 1971).

Если бы все признаки конструктивного решения или все орнаментальные всегда держались вместе, то качественного определения было бы достаточно для жесткой фиксации уровней в таксономии. Но это не так. Предметы могут различаться по одному орнаментальному элементу, могут по двум, по трем и т. д. Сколько же должно накопиться этих или других различий, чтобы из вариаций в пределах подтипа выкристаллизовалось два подтипа или вместо двух подтипов появились два типа? Сколько сходств должно накопиться, чтобы сложилась семья? Сколько — чтобы в ней сгустились типы? Сколько — чтобы в типе образовались подтипы?

Именно это и решает Кларк по примеру биологов с помощью **числовой (нумерической) таксономии**.

В основу числовой таксономии положен принцип, выдвинутый еще Адансоном: уравнять все признаки по весу, не отличать значительные от мелких. Несущественные не учитывать вовсе, а уж коль скоро признак сочтен существенным, он равноправен со всеми существенными. Это дает возможность подсчитывать признаки. У Адансона велся элементарный подсчет проявления признаков в индивидуальностях с целью отделить самые общие признаки, связывающие индивидов в большие группы (таксоны высшего ранга), от все менее широко распространенных, выделяющих таксоны рангом пониже внутри тех (Adanson 1763, ,845). Эти операции подразумевали монотетическое представление о материале. А числовая таксономия предполагает политетический характер материала. Она вычисляет корреляцию каждого признака с каждым по всей массе материала. Конечно, это требует громоздких расчетов, но современная вычислительная техника предоставила возможность проделать эти расчеты быстро и экономично.

При монотетическом (по Кларку) распределении признаков они взаимосочетаются внутри группы на 100 % артефактов. При выпадении некоторых признаков на каких-то предметах процент корреляции внутри группы понижается. Чем больше таких предметов и с более крупными зияниями будет включено в группу, тем ниже окажется процент корреляции признаков в ней. Чем меньше таких предметов — тем процент выше. Если взять кластер (сгущение) взаимовстречаемости признаков в материале и условно ограничить этот кластер так, чтобы образовалась ячейка с заданным процентом корреляции внутри нее, то получится то, что в числовой таксономии именуется **феноном**. Внутри фенона с низким процентом корреляции может оказаться один или несколько фенонов с высоким процентом корреляции. На этом и строится иерархия фенонов числовой таксономии.

Вот Кларк и предложил использовать это для фиксации рангов типологии. Его предварительная прикидка такова. Феноны с корреляцией менее 30 % должны считаться группами типов, с корреляцией от 30 до 60 %— типами, а от 60 до 90 %— подтипами (Clarke 1968:198). Кларк полагает, что это дает объективную сравнительную меру компактности таксонов и жесткую точку отсчета в иерархии.

На деле, однако, и эта попытка оставляет широкое поле произволу и ряд неясностей.

Во-первых, ничем не мотивировано количество ранговых ступеней в лестнице и высота каждой ступени. Почему «тип» — это фенон с корреляцией от 30 до 60 %, а не, скажем, от 45 до 55? Почему не включить за подтипом «вариацию» и еще что-нибудь? Кларк ожидает уточнения от эмпирических исследований, но сам способ уточнения неясен. Деопик, например, на основании эмпирических исследований считает практичным такой критерий:

> «...чтобы впервые обнаруженная разновидность формы претендовала на название типа, необходимо, чтобы эта разновидность на месте ее обнаружения представляла значительное количество, не менее 20 предметов и не менее 2 % всех изделий или (sic!— Л. К.) сосудов и т. п. на хорошо раскопанном памятнике» (Деопик 1976:6).

Почему названы именно эти цифры, каким способом установлен порог — опять же осталось неясным.

Во-вторых, нетрудно сообразить, что монотетическая группа с интегральным распределением признаков и политетическая группа будут выражены совершенно одинаковыми фенонами, хотя характер соотношения той и другой с остальным материалом явно различен.

В-третьих, сам же Кларк признает, что очень часто ядро фенона образует некая группа предметов, связанных 100 %-ной корреляцией нескольких (пусть далеко не всех) признаков (Clarke 1968:197). То есть ядро — монотетично. Однако ничто не противоречит идее обнаружить внутри него меньшие группы, каждая из которых связана более густым пучком монотетически сочетающихся признаков, а внутри тех — еще... И в обратную сторону: группа пошире, охваченная лишь частью «ядерных» признаков...

Иными словами, не исключено, что обнаружится более естественная иерархия Адансонова облика, которая, быть может, совсем или частично не совпадает с условной шкалой фенонов, а то и с их «картой» в пространстве признаков. Более того, ведь монотетический характер не требует непременно 100 %-ной корреляции признаков (дифференциальное распределение) — достаточно их 100 %-ной сосредоточенности, отделенности от других (интегральное распределение). По-видимому, явления монотетизма в культурном материале занимают большее место, чем предполагает числовая таксономия. Сам Кларк признает, что

«как естественные таксоны, так и археологические таксоны не всегда вполне политетичны, так как некоторые признаки могут быть общими для всех членов таксона. Например, у всех кремневых скребков есть ретушь, все резцы имеют резцовый скол, вся керамика изготовлена из глины и т. д.» (Clarke 1968:190).

А ведь это признаки, в культурном отношении важнейшие, нередко — решающие! Высказывалось очень резонное предположение, что чаще всего в культурном материале для нас представляют наибольший интерес как раз такие сгущения признаков, которые имеют плотное монотетическое ядро, и лишь периферия их политетична (Kamenetski 1971). Более того, именно это ядро нас в основном и интересует, а периферия — не очень. Но и этого мало. Для сопоставления и числового анализа комплексов требуется очень узкое дефинирование типов, а при таком ограничении тип почти сводится к монотетическому ядру. Таковы типы Борда, и, выявляя за него дефиницию для его типов, Доран и Ходсон пришли к простой формулировке: «группа очень сильно стандартизированных артефактов» (Doran and Hodson 1975:163).

В-четвертых, совершенно очевидно, что весь облик фенонов полностью предопределяется отбором признаков, учитываемых в корреляции. Потенциальное количество признаков бесконечно (вплоть до взаимного расположения атомов в предмете, отношения предмета к бесчисленному количеству внешних объектов и т. п.). Числовая таксономия учитывает много признаков, но не «все». Но чем гарантирована однообразность селекции, особенно при сопоставлении разных категорий материала, скажем, горшков, мечей и могильных устройств?

В-пятых, археолог на практике не может игнорировать вес признаков, их культурную ценность. Он вряд ли согласится выделить в материале таксон высокой связности по множеству мелких признаков и таксон низкой связности по нескольким важным признакам. Скорее он предпочтет противоположную оценку связности и... противоположное определение рангов. Таким образом, приходится заключить, что археологи не только все еще вольны двигать «тип» вверх и вниз по шкале таксономии, но и вправе оперировать как политетическими, так и монотетическими таксонами (причем и с дифференциальным и с интегральным распределением признаков), а к которым из них применять термин «тип»— еще надо подумать.

6. Кювье или Гете?

Но мало того. В терминологических системах разных археологов и школ термин «тип» служит для обозначения разных **сторон** структуры, выделяемой классификационными операциями. Стало быть, для обозначения разных понятий.

У одних археологов тип — это сумма схожих вещей, то есть совокупность д и с к р е т н ы х о б ъ е к т о в (артефактов, сооружений, их деталей и т. п.), относящихся к одной группе (Городцов 1927:6; Gifford 1960; Федоров-Давыдов 1970а:126). Это применение, идущее от Кювье через Городцова.

У других археологов тип — это сумма взаимосвязанных п р и з н а к о в, тот набор признаков, который и является критерием отнесения артефакта к конкретной группе (Spaulding 1960:443; Rouse 1972:48). Это применение, идущее от Гете через Монтелиуса. При таком применении сама группа — как сумма о д н о т и п н ы х артефактов — именуется либо тоже **типом** (обычно только на практике, но не в дефинициях) (Taylor 1948:115, 119—122; Кирпичников 1966:,5), либо **«классом»** (Rouse 1972:48—49, 55—57), либо **«популяцией»** (Clarke 1968:133, 149, 157 и др.). Последний термин предпочтительнее хотя бы потому, что в археологии он не имеет других значений.

Археологам, ратующим за методическую строгость и принявшим политетическое представление об археологическом материале, традиция, ведущая от Гете и Монтелиуса, несколько десятилетий казалась более плодотворной. Это *подход, группирующий признаки* (attribute-clustering approach). Сосредоточение признаков, отвлеченных от материала, создавало идеальный образ предмета, несколько расплывчатый, но легко определимый статистически. Такую статистическу природу типа отстаивали Кригер (1944) и особенно Сполдинг (1953а).

В последнее время этот подход подвергся критике: он пасует в тех случаях, когда в основу деления надо положить всего один показатель (например, при группировании людей — пол, или, скажем, возраст), а не сочетание признаков. Затруднительно следовать ему и в тех случаях, когда признаки имеют не качественный, а количественный характер.

Поэтому Доран и Ходсон предпочли восстановить, по сути, традицию, ведущую от Кювье и Городцова, положив в основу группирования непосредственно сходство конкретных объектов. Это *подход, собирающий в кучки сами объекты* (item-clustering approach). Сходство между объектами труднее выразить операционально, формальную близость между ними труднее измерить, но все же это возможно (Doran and Hodson 1975; Hodson 1980). Набор показателей, по которому измеряется степень сходства, Ходсон называет «констелляцией».

Такой набор, т. е. список связующих признаков, не очень напоминает «созвездие» — уж скорее так может быть обозначена сама связуемая группа предметов. При всей условности терминологии все же, мне кажется, термины лучше подбирать из слов, близких по смыслу; поэтому я позволил себе оставить за термином «констелляция» другой смысл — тот, который был предложен мною в первом издании этой книги.

Вопрос этот приобрел столь большую остроту в американской археологии, что ему в сущности был отведен недавно вышедший сборник (Whallon and Broun 1982), в котором Сполдинг защищал первый подход (группирующий признаки), Ходсон — второй (сближающий объекты), а Кауджил, Вуррипс, Уоллон и Браун избрали компромиссной решение: они считают, что оба подхода резонны и выбор зависит от задач, уровня исследования и характера материала.

7. Понятия и термины

Двадцать лет тому назад Даннел в своей книге «Систематика в преистории» (Dunnell 1971) предпринял, так сказать, классификацию классификаций. Исходя из идеалистического противопоставления сознания исследователя реальному миру (в первом у Даннела существует «классификация», во втором — «группирование») и различая два вида границ, Даннел построил четырехклеточную таблицу (у него — fig, 9), в которой разместил «феноны» числовой таксономии, «таксоны», «кластры» и «парадигматические классы» («типы»). Не говоря уже об искусственности его противопоставления, его классификация классификаций слишком скупа.

Предпринятый здесь обзор показывает, сколь богата и многообразна сложившаяся понятийная сетка. Она намного превышает не только систематизационную четверку Даннела, но и весь накопившийся в археологии запас классификационных терминов.

В итоге аналитического расщепления понятия «тип» у нас оказалось два неравных набора: с одной стороны — горстка т е р м и н о в, большей частью многозначных, нередко не снабженных дефинициями, с другой — множество п о н я т и й, имеющих полное право на существование в исследовании и требующих обозначения.

Термины: «тип», «класс», «популяция», «вид», «модификация», «подтип», «отдел», «группа», «семья», «категория». Даже если добавить «род», «раздел», «разновидность», «сорт», число их не превысит полутора десятков, и большей частью они имеют еще какие-то другие значения и функции.

Понятия: данному разделу в главе предшествуют 6 разделов, в каждом из которых появляется минимум 2—3 спецификации классификационных ячеек. Всего таких спецификаций здесь учтено 31. Каждая спецификация создает понятие, конечно, весьма широкое. Разнообразные сочетания этих спецификаций создают различия в значениях, образуя тоже особые понятия, более узкие. Внутри некоторых разделов сочетания невозможны (спецификации взаимоисключаются). Простейший подсчет показывает, что если учитывать только сочетания по две спецификации, то мы должны иметь дело с системой в 424 теоретически мыслимых первичных понятий (если бы не было взаимоисключаемых, это число достигло бы 465). Но ведь возможны сочетания по три спецификации, создающие более узко определяемые ячейки. То есть каждое из 424 парных сочетаний может сочетаться с любой из 31 спецификации, кроме входящих в данное парное сочетание (остается 29) и кроме несочетаемых из-за взаимного исключения с одной из входящих в пару. Таких принципиально возможных тройных сочетаний (и, соответственно, понятий) оказывается 9133. Итого уже 31 + 424 + 9133... Между тем, возможны ведь и сочетания по 4, 5, 6 и т. д. спецификаций — вплоть до 14 (31 минус взаимоисключения). Наконец, возможны также составные понятия — составленные из нескольких однозначных понятий, сознательно неразличаемых терминологически, и общее понятия — объединяющие по группам однозначные. Количество принципиально возможных понятий оказывается практически необозримым.

Понятия, образованные одной спецификацией, проще всего перечислить в столбец. Чтобы представить в обозримом виде понятия, образованные парами спецификаций, можно построить таблицу типа турнирной, с прямоугольной сетью координат — все понятия расположатся треугольником, по одну сторону диагонали, а встречам взаимоисключающих понятий будут соответствовать выемки (рис. 12). Для наглядного представления тройных сочетаний потребуется объемная модель (плоскостные варианты трехосных систем координат менее наглядны). Сочетания более высоких уровней расположатся упорядоченно в многомерных пространствах, которые наглядно не воспроизводимы. Между тем, наиболее популярные классификационные ячейки (Городцова, Рауза, Д. Кларка и др.) обычно содержат по нескольку спецификаций в своих эксплицитных дефинициях или в подразумеваемых определениях (раскрываемых в теоретическом контексте или имплицированных в практических реализациях). Применительно к предложенной таблице они будут выглядеть так:

Тип Городцова — C(+ D?)GLMNRUXГ.

Модификация Рауза — A(C + D)KSXГ.

Тип Рауза — B(C + D)KSXГ.

Класс Рауза — (A + B) (C +D)KSXД.

Тип Д. Кларка — C(+ D?)EKLMNOPTVZГ.

Они представляют собой плотные сгустки спецификаций, далеко разбросанные в многомерном пространстве упорядочения принципиально возможных понятий. Нечто вроде «голубых карликов» астрономии.

Этот анализ показывает, сколь узко целенаправлены классификационные инструменты ведущих исследователей, сколь они далеко расходятся в этой своей целенаправленности и какое огромное поле потенциальных комбинаций для создания подобных инструментов оставлено втуне, сколь велик запасной простор для выбора иных решений. В показанном контрасте между «голубыми карликами» типологии и ее космическим пространством потенциальных комбинаций, собственно, и кроется главный источник неустойчивости понятийных систем типологии. Какие только типы типов ни осуществимы в пространстве комбинаций! Многие из них вдобавок допускают различные конкретизации (в зависимости от выбора конкретных признаков в качестве критериев выделения).

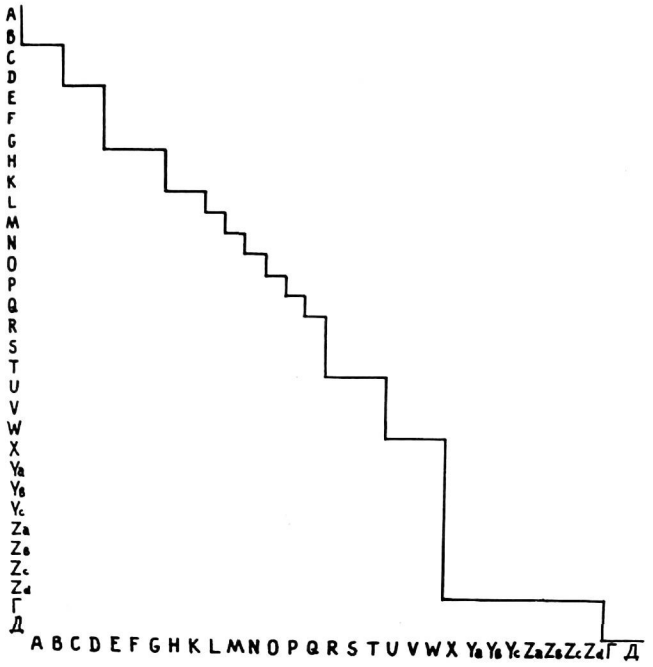


Рис. 12. Матрица возможностей образования разновидностей понятия «тип» сочетанием двух критериев.

Спецификации типов: A — партитивный, B — артефактный, C — служебный (искусственный), D — исследовательский (естественный), E — функциональный, F — конструктивный, G — стилистический, H — аналитический, K — синтетический, L — морфологический, M — по материалу, N — по орнаменту, O — по технологии, P — по сочетаемости (контексту), Q — по исторической показательности (хронологии и хорологии), R — канонический (таксономический с жестской иерархией), S — с произвольной иерархией, T — без иерархии, U — эмпирический, V — условный, W — культурный, X — монотетический сплошной, Y_a — монотетический ажурный, Y_b — такой же с размытыми границами, Y_c — такой же в эсхеровском варианте, Z_a — политетический по Бекнеру, Z_b — собственно политетический по Бекнеру, Z_c — политетический по Кларку, Z_d — политетический эсхеровский, Г — реальный (выраженный суммой вещей), Д — мысленный (выраженный сочетанием признаков).

Как же устранить этот произвол и можно ли его устранить? Какие из этих типов являются опорными, настоящими, реальными, теми, которые существуют в самом материале, и — кощунственный вопрос! — существуют ли такие? Или словами Форда:

> «Существуют ли типы в явлениях так, чтобы способный типолог мог их открыть?» (Ford 1954:42).

А если нет, то как без них обойтись?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОНЯТИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Глава IV

КРИЗИС ТИПОЛОГИИ

К концу прошлого века появились эти чужие новые божества — Типология и Хронология, бессмертные в своем родстве, и археологи склонились перед ними и творили им культ... Ну, а молодой археолог наших дней — это трезвое, умудренное, лишенное иллюзий, словом — почти человеческое существо.

Т. Д. Рид (Reed 1944:5—6).

1. Познание через тип

До недавнего времени считалось общепризнанным, что тип принадлежит к **фундаментальным понятиям** археологии и занимает среднее, ключевое место в трехчленном ряду: «признак» — «тип» — «культура» (Шер 1966; Malmer 1967:9; Федоров-Давыдов 1970:270— Массон 1972:Э; Бочкарев 1973:59; Гвоздовер и др. 1974:10, 32). «Понятие типа — центральное для формального анализа, — пишет Диц, — и оно послужило полезнейшим инструментом для археолога» (Deetz 1967:49).

Со времен Монтелиуса в обиход археологов вошел и термин **«типология»**, которым стали обозначать учение о типах, все операции с типами и саму совокупность типов конкретного материала. Постепенно типологию стали отождествлять с археологической классификацией вообще и даже рассматривать как единственную основу дальнейших выводов (не говоря уже о вещеведческом уклоне, для которого типология превратилась в суть и конечную цель археологии). «Можно называть или не называть метод Монтелиуса типологией, — писал в 1931 г. Оберг, — но другого метода в распоряжении нашей науки нет» (Åberg 1931:70).

В 1939 г. Рауз четко сформулировал положение о том, что сами по себе конкретные вещи, артефакты не имеют существенной исторической значимости; историческому исследованию подлежат скорее типы и их компоненты (Rouse 1939).

> «Тип, который есть на деле абстрактный общий наименьший знаменатель, медиана, мода или среднее серии эмпирически близких и взаимосвязанных артефактов, — пишет Тэйлор, — имеет большое значение в ходе археологического исследования... Например, только через посредство таких абстракций можем мы надеяться вывести идеи, заключавшиеся в сознании давних мастеров, и таким образом мысленно войти в их культуру» (Taylor 1948:119).

Хорошее представление о таком взгляде дают и слова Чайлда, написанные в 1955 г. (и напечатанные в 1956):

> «Плохо привинченная гайка, выпавшая из моего автомобиля сегодня утром на холме Хаверсток, банка от сардин, которую я аккуратно закопал после завтрака на лужайке в общественном парке Эшер, и воронка, оставленная немецкой бомбой, угодившей мимо цели, — это археологические источники точно так же, как лавролистный наконечник, сломанный и выброшенный солютрейским охотником на северных оленей, флоданская стена вокруг Эдинбурга и Рамессей в Карнаке... Если дождь водородных бомб уничтожит письменные источники Европы и Северной Америки, какой-нибудь фиджийский археолог в 5555 году будет ограничен такого сорта хламом, восстанавливая историю того, что мы нынче называем Англией.
>
> Конечно, он не будет в состоянии идентифицировать проф. Чайлда ни с водителем машины, гайка которой упокоилась в кювете шоссе на холме Хаверсток, ни с тем, кто закопал банку от сардин на лужайке Эшер. На деле археологи как таковые имеют дело только с абстракциями, которые мы называем типами. Мы определяем как тип не просто «гайки», а только «шестигранные гайки в 5/8 дюйма». Но для нас все гайки, отвечающие этому определению, одинаковы и являются представителями типа.

Археологам как таковым ничуть не интересны различия между отдельными гайками выделенного типа... По отдельности упомянутые куски металлолома будут означать для ученого в VI тыс. не больше, чем для ученого во II тыс. В соединении же с другими кусками того же порядка они могут приобрести значение!

Обладая не более высокой техникой, чем мои современники, археолог VI тыс. прочел бы эти обломки как документы, иллюстрирующие вид транспорта, применявшийся на дорогах вокруг огромного города, опрятное поведение некоторых его жителей и цели его безымянных врагов» (разрядка везде моя. — *Л. К.*) (Childe 1956:3—4).

2. Два направления критики

Достаточно давно началась и **критика типологии.** С самого начала типология как концепция классификации, или, лучше сказать, группировки — «типография» в терминологии Зангмейстера (Sangmeister 1967:21') — оказалась тесно спаянной с эволюционно-генетическим методом установления последовательности **(«типологический метод Монтелиуса»).** Поэтому критика развивалась по двум направлениям: в одном огонь сосредоточился на классификационных аспектах, в другом — на эволюционных и хронологических. Это второе (Müller 1884— Brögger 1926: 14—19; Бернштам 1949; Sangmeister 1967: 208—201; Kirchner 1969) к нашей теме прямого отношения не имеет, хотя под его воздействием Ессинг еще в 1946 г. пришел к выводу, что само слово «типология» «настолько утратило кредит», что лучше заменить его словом **«морфология»** (Gjessing 1946: 144). Общим для обоих направлений критики является осуждение (Brögger 1926; Wahle 1930, 1951; Равдоникас 1930: 22—28, 61—67) развивавшейся тенденции замкнуть исследование в типологических штудиях. Это уже ближе к нашей теме, потому что такая критика подрывала веру в солидность и рентабельность интенсивных типологических штудий и заостряла внимание на их слабых сторонах. Первое направление критики (поставившее под огонь чисто классификационные аспекты) развертывалось более широко и многообразно, подтачивая и размывая самые основы типологии: понятие типа оказалось чрезвычайно уязвимым.

Все это направление критики развивалось под сильным воздействием идей **функциональной** интерпретации. В археологии эти идеи имели более разнообразные истоки, чем функционализм в этнографии (или культурной антропологии). Их придерживались исследователи очень разной методологической ориентации — от сторонников «теории стадиальности» до приверженцев экологической школы, контекстного («сопрягательного») подхода и «новой археологии».

Не раз попадали под обстрел критерии выделения типов в «дескриптивной типологии» Монтелиуса, Мортилье и Борда.

Некоторые критики восстали против неопределенности, расплывчатости, «импрессионистичности» применяемых характеристик, против субъективизма (Malmer 1962; Каменецкий, Маршак и Шер 1975; Медведев 1975) — их критика направлена на усовершенствование типологии, на создание строгой «дескриптивной археологии».

Иронию и негодование других критиков вызывали случайность, произвольность выбора и пестрота решающих критериев выделения. Орудия выделяются то по внешнему облику (остроконечник), то по способу обработки (пластинка с ретушью), то по культуре или народности (скифский наконечник стрелы), то по месту первоначального обнаружения (грузик Дьякова типа), то по предположительному функциональному назначению (ручное рубило), определяемому по аналогии или по догадке и потому шаткому. Один и тот же тип разные авторы называют по-разному: «стрелка» (flèchette), «ножик со спинкой» (couteau à dos),

«пластинка Дюфур» (lamelle Dufour), проколка (pointe à piquer), острие Абри Оди (Abri Audi-Spitze) и т. д. (ср. Gimbutas, 1973).

Еще более, однако, возмущала этих критиков ограниченность критериев выделения чисто внешними морфологическими признаками, из-за чего **типология** сводилась к **топологии**. Критики видели в этом бесплодный формализм, безразличие к целям глубокого исторического познания, источник грубых ошибок в интерпретации. Они требовали принять за основу классификации не внешнюю форму, не топологию, а функциональное назначение предмета, определяемое прежде всего по следам употребления («изношенность»). Функция, определенная этим способом, в некоторых случаях не совпадала с функцией, выраженной в традиционном названии («наконечники дротиков с боковой выемкой» оказались ножами, «скребком» не скребли и т. д.).

Эта критика (Бонч-Осмоловский 1931:26—27; Семенов 1940; 1957: 12, 111, 116, 119—120, 124, 133, 158; 1968: Semenov 1970; Фосс и Ельницкий 1941:184; Laplace 1966; Cahen and Van Noten 1971), хотя и вызывала разговор о «кризисе типологии» (см. Malmer 1962), все же не была опасной для типологии (Valoch 1957; Bordes 1967, 1969, 1971; Brose 1971; Narr 1971). Унификация терминологии не противоречит принципам формальной «дескриптивной типологии» и вполне возможна на ее основе — так же, как разнобой не исключается и в рамках функциональной интерпретации. Пестрота и разноплановость названий при всей огорчительности не имеет кардинального значения для трактовки связей, надо лишь помнить, что всякая терминология условна. Действительные критерии выделения (а не наименования) в «дескриптивной типологии» иные, они — систематически организованные и комплексные, а не единичные и выборочные.

Что же касается ограничения внешними формальными признаками, то резон тут есть. *Во-первых*, это естественно для этапа первичного упорядочения материала, когда функциональное назначение еще неизвестно (оно и позже в ряде случаев остается гипотетичным).

Во-вторых, именно в устойчивых формах отложились стандарты, идеалы мастеров, формировавшиеся веками и связанные с функциональным назначением, тогда как следы на орудии могут остаться и от *эпизодического использования его не по назначению — это не редкость* в палеолите, как и сейчас. «Можно забить гвоздь головкой разводного ключа, но это не превратит ключ в молоток», — замечает Борд (Bordes 1967:25).

Составные операции всякого ручного механического труда («технемы»), число которых невелико (полтора десятка: удар, нажим, резание и др.), требуют определенных форм рабочего края и форм соединения орудий с рукой (Викторова 1975:124). Дополнительную модификацию вносят различия обрабатываемых предметов (сырья, желаемых изделий) и создание многоцелевых орудий (неточно называемых «универсальными»), а также различия в совершенстве орудий, зависящие от уровня приближения к оптимальной целесообразности формы, — это дается опытом и требует длительного времени. Тенденции такого развития прослеживает Семенов (1957:228; 1968). Так что и для Семенова формы не лишены значения. Когда он устанавливает трасологическим *анализом*, что между формой и *функцией* (в смысле: *использованием* или даже назначением) нет жесткого соответствия (Семенов 1968:4—5), то из этого логичнее было бы делать вывод не о бесполезности классификации форм, а лишь о слабости априорного или упрощенного (наглазок, по аналогии) увязывания такой-то формы с таким-то назначением, о необходимости участия массового трасологического анализа в диагностировании назначения форм. Если на всех найденных «разводных

ключах» обнаружатся следы забивания ими гвоздей, то мы все-таки поостережемся ставить диагноз: «разводные ключи». Но мы должны будем задуматься и над тем, почему у них форма, неожиданная для молотка. Мы, вероятно, предположим смену функций.

В-третьих, в формах отложились не только функции, но и культурные традиции, имеющие территориально-хронологическое и в некоторых случаях этническое опознавательное значение. Такая типология может обслуживать более широкий круг задач.

3. Тип и контекст

Более опасными для типологии оказались другие критические атаки, также связанные с идеями функциональной интерпретации, но направленные на целевые установки типологии.

Типология обобщает. Она основана на сравнении и формальном уподоблении вещей из разных комплексов, разных контекстов, даже разных стран. Возражая бельгийским функционалистам, Борд говорил:

> «Резец есть резец — во Франции, в Соединенных Штатах, в Польше и даже в Бельгии» (Bordes 1971).

Типология опирается на повторяющееся, устойчивое и отвлекается от индивидуального, беглого.

Между тем, для понимания функциональных связей необходимо изучать контексты, в которых оказываются вещи. Типология этим не интересуется. Она оставляет это последующим этапам исследования. Но как они справляются с этой задачей, если в материале, полученном ими от предшествующего этапа, сиречь от типологии, эти связи не учтены? Ведь тип включает в себя признаки морфологические, но не содержит не только технологических, но и контекстных признаков — территориальных локализаций, характеристик позиции в памятниках, отметок о сочетаемости с другими вещами и т. п. Значит, нужна какая-то иная классификация — узкая (в дополнение к типологической) или широкая (вместо нее)?

В такой постановке вопроса марксистские археологи видели способ приблизиться к материалистическим социально-экономическим реконструкциям и реализовать диалектический принцип конкретности, взаимосвязи. Идеалистически настроенных археологов в такой постановке вопроса привлекала другая сторона: выдвижение индивидуального и случайного на первый план; отход от приоритета закономерностей; восстановление в правах свободной, ничем не детерминированной человеческой воли как творческого фермента культуры. Так или иначе, критические атаки совпали.

В 1930 г., приведя цитированное выше (см. Введ., § 2) высказывание Арциховского, назвавшего тип «основной единицей» археологического исследования (Арциховский 1930:8), Равдоникас саркастически восклицал:

> «Заметьте, не комплекс и не памятник в его многосторонних связях и опосредствованиях, в его цельности и единстве, а тип... Хороши установки для исследователя, ратовавшего за метод социально-экономический реконструкции!» (Равдоникас 1930:63—64).

В 1948 г. с аналогичным сарказмом по адресу американских типологов выступил Тэйлор. Их подход он называет **«сравнительным»** (comparative), поскольку они заняты сравнением внешне схожих вещей из разных местонахождений, то есть поскольку их интересуют прежде всего аналогии **извне** исследуемого памятника. Вся их работа сводится, по Тэйлору, к составлению списка общих признаков и сверке с ним каждого конкретного объекта, дабы установить в нем наличие признаков и подвести, таким образом, объект под рамки типа или выявить степень сходства с другими объектами. Он отмечает у этих исследователей

«тенденцию опускать описания артефактов и давать вместо этого типологические ярлычки: костяное шило есть костяное шило, мотыга есть мотыга, и зачастую ни словечка о форме, размере, материале, деталях использования, изношенности или подобных сведениях» (Taylor 1948:78). «Мне, по крайней мере, — замечает Тэйлор, — представляется ложной позицией назвать артефакт рыболовным крючком и тут же уйти от необходимости выявить рыболовный комплекс...» (Taylor 1948:84).

Тэйлор противопоставил этому подход, который он назвал «сопрягательным» (conjunctive) и который сосредоточивает внимание исследователя *на связях и соотношениях вещей* **внутри** *конкретного* комплекса — поселения, могильника.

«Хотя в какой-то мере оба подхода взаимодополнительны, — пишет Тэйлор, — я считаю, что сопрягательный подход является основным и предоставляет гораздо больше возможностей, в то время как сравнительный подход неэкономичен, обладает очень узкой приложимостью и часто неэффективен даже для надобностей сравнения» (Taylor 1948:7).

С этим связан еще один упрек в адрес традиционной типологии: она занималась почти исключительно артефактами, очень мало интересовалась сооружениями и ситуациями (хотя к ним в принципе ее критерии применимы) и совершенно не разработала средств для упорядочения неартефактных археологических материалов: отходов производства, заготовок, сырья, пищевых отбросов и т. п. (Taylor 1957). Пережиток этого Рауз находит в «Аналитической археологии» Д. Кларка — это узко артефактная археология (Rouse 1970:6).

Эта критика вела к обесцениванию и падению значимости результатов типологических штудий, но не подвергала сомнению реальность самих типов.

4. Открытия или конструкции?

Параллельно с этим, однако, ряд археологов подверг сомнению само существование в археологическом материале основы для выделения типов и, следовательно, объективность и надежность типологии. Эти исследователи обратили внимание на то, что четких границ между типами на деле нет, что стандарты и идеалы были изменчивы во времени и пространстве, поэтому свойства их реализации в вещах непостоянны, что всегда находятся переходные формы, что признаки не повторяются в одной и той же группировке, а встречаются в самых разнообразных сочетаниях. Откуда же взяты наши типы? Не из материала, а из наших представлений о мире, из нашего стремления к порядку, отчасти из нашей готовности принять случайные разрывы в доступных сведениях за естественные и важные рубежи. Подозрения такого рода проскальзывали уже у ведущих таксономистов 30-х годов. Так, Киддер в предисловии ко второму тому «Керамики Пекоса» признавался:

«Деление поливной керамики Пекоса на шесть хронологически последовательных типов — это очень удобное и, на первый взгляд, удовлетворительное расположение. Какое-то время я очень гордился им — ну, настолько, что стал думать и писать об этих типах, как если бы они были категориями определенными и поддающимися описанию. Конечно, они нечто иное; это просто условные разрезы постоянно меняющегося *культурного своеобразия*» (Kidder 1936).

Но у исследователей 30-х годов это вызывало лишь разочарования по частным, конкретным поводам. Обобщил их в 1946 г. Бру.

«Никто не "открывает" культуры и никто не "находит" типы, — заявил Бру. — Исследователь не "опознает" тип, он **создает** его и **включает** в него объект. Объекты не "принадлежат" к типам и не "распадаются" на типы, их размещает по типам исследователь... Нет типологических систем, на деле внутренне присущих материалу... Классы — это сущности и реалии только в уме исследователя, у них нет другого существования... Нет такой вещи, как **тип**, к которому по необходимости "принадлежит" объект» (Brew 1946:76—77).

Два видных американских исследователя — Тэйлор и Сполдинг — выступили против Бру, но с диаметрально противоположными и несовместимыми возражениями.

Тэйлор разделил типы на два сорта: эмпирические и культурные. **Эмпирические** типы складываются из элементарных свойств, присущих материалу и доступных наблюдению и регистрации; в этом смысле они образуют объективную базу исследования. Но поскольку число этих свойств бесконечно, то их выбор и группировка зависят от произвола исследователя, и в этом смысле эмпирические типы как ячейки по необходимости субъективны. Выделение эмпирических типов — это вспомогательная и поисковая часть классификации, она относится к непосредственно наблюдаемому миру исследователя и ничего не говорит о культуре (см. Taylor 1948:116, 123—129, 145).

> «Можно сгруппировать автомобили в типы, исходя из длины царапин на их окраске, классифицировать черепки с примесями по числу песчинок в каждом или объединить все ретушированные каменные острия с боковыми выемками. Все это можно, но уместен вопрос: «Ну и что?»» (Taylor 1948:129—130).

Такие типы мы испытываем, но не такие типы мы ищем. Радача заключается в переходе от них к культурным типам.

Культурные типы — это те группировки предметов по сходству, которые были введены в материал самими творцами, создателями культуры, когда они упорядочивали и подчиняли своим нормам материал. Таким образом, культурные типы содержатся (are inherent) в материале и в этом смысле объективны. Но эти группировки в таком их качестве непосредственно распознать невозможно. Требуются какие-то опорные знания и цепь умозаключений, чтобы придать тем или иным группировкам, наблюдаемым в материале, статус культурных типов. Здесь могут возникнуть разногласия и ошибки. В этом смысле культурные типы включают в себя субъективный элемент. Они могут, конечно, оказаться и целиком искусственными, но это уже не обязательно (Taylor 1948:116, 130—132, 139).

> «Можно ли археологическим исследованием определить эти группы или нет, не отменяет факта их существования... Хоть именно классификатор, как сказано Бру, строит классификацию, это не противоречит тому факту, что есть классификации, которые содержатся в данных. Исследователь может хотеть или не хотеть отыскать и использовать их в археологическом исследовании, но они есть» (Taylor 1948:144).

Сполдинг тоже против Бру, но у Сполдинга все наоборот. Именно эмпирические типы (если они правильно выделены) сугубо объективны и целиком предопределены самим материалом, то есть упорядочивающей деятельностью древних людей.

> «Тип артефакта, — пишет он, — понимается здесь как группа артефактов, демонстрирующих устойчивый набор признаков, сочетаемые свойства которых образуют характерную конфигурацию. Этим предполагается, что даже в контексте совершенно схожих артефактов классификация по типам есть процесс открытия комбинаций признаков, предпочитавшихся создателями артефактов, а не произвольная процедура классификатора» (Spaulding 1953:305).

Кригер не видел иной возможности проверить значимость таких типов, кроме сравнения материала разных местонахождений. Сполдинг показывает, что и на материале одного местонахождения можно выделить устойчивые сочетания.

Только надо не подчиняться «навязчивым», бросающимся в глаза сочетаниям и не гнаться за описанием всех возможных сочетаний. В первом случае можно упустить нечто важное для познания культуры, во втором нас заполонят сочетания, которых создатели артефактов вовсе не добивались. Если же математическими методами устанавливать корреляцию признаков, то выявятся настоящие типы (см. Spaulding 1953: 306—307).

Эта классификация осуществляется, по Сполдингу, в три шага: на ***первом шагу*** берутся все наличные в артефактах существенные признаки и перечисляются их проявления в каждом артефакте (аналитическая классификация Рауза), на ***втором*** перечисляются и группируются в каком-нибудь порядке все наличные сочетания признаков (получается перебор всех видов сочетаний), на ***третьем*** шагу выделяет близкие и повторяющиеся, статистически устойчивые сочетания (анализ сгущений — cluster analysis) (Spaulding 1960). Это и будут естественные типы, содержащиеся в материале и имеющие культурно-историческое значение.

> «Историческое значение, по этому взгляду, в основном следует из типологического анализа; правильно установленный тип есть результат основательных выводов о нормативном поведении создателей артефактов и не может не иметь исторического значения» (Spaulding 1953:306).

В каких-либо выводах со стороны, извне формального анализа, для установления типов нет нужды. Это были бы типы искусственные и произвольные, связанные с субъективными особенностями классификатора. Зачем они нам, если в наших руках есть реальные и объективные типы? Этого мнения в наши дни придерживаются Доран и Ходсон. Отвергая математические приемы Сполдинга как неадекватные задаче, эти исследователи целиком разделяют эмпиристскую теоретическую установку Сполдинга.

> «Если явственный тип, — пишут они, — дефинирован через как можно более широкий спектр признаков и представляет компактную изолированную группу, то a priori крайне невероятно, чтобы он не имел какого-то определенного культурного значения. Вряд ли резонно было бы исключать его как тип просто из-за того, что его значение еще не выявлено. Напротив, ценность таких эвристических типов трудно переоценить. Когда речь идет о подобных отчетливых типах, проверка «состоятельности», видимо, является стадией не столько в их дефинировании, сколько в их интерпретации» (Doran and Hodson 1975:166—167).

Под проверкой, очевидно, имеется в виду сопоставление с контекстом, коррелирование с контекстными признаками. Авторы приводят пример, выделяя по пикам на трехвершинной кривой распределения размеров три типа колец:

> «Очень похоже, что у них окажется реальное археологическое значение (они, например, могут представлять собой перстни, браслеты и наножные кольца), — можно ли это подтвердить доступными свидетельствами контекста или нет» (Doran and Hodson 1975:172).

Пример не вполне доказателен. Распределение артефактов по размерам могло быть и результатом случайного набора форм в нескольких крупных мастерских, могло возникнуть вследствие систематического отбора применительно к наличным видам тары при экспорте и т. п. Но главное, здесь перед нами не типы в обычном смысле, а «функциональные» типы («категории» Городцова), назначения которых различить, конечно, легче (в данном случае сопоставив размеры с частями тела человека), чем детализировать их внутри каждого из этих типов.

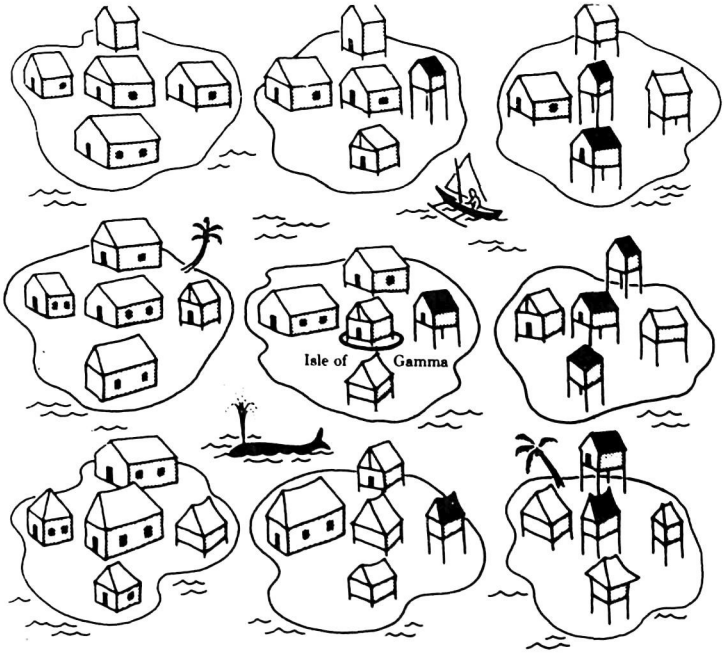
А более сильной аргументации у Сполдинга и его последователей нет.

5. Перелом

Итак, один из защитников объективности классификации признает беспомощность исследователя в оценке значения эмпирических группировок. Он признает невозможность выбора без права прибегнуть к некоторому знанию, привлеченному со стороны. А второй защитник не видит возможности и надобности сделать эту внешнюю опору надежной и замыкает гарантии объективности в рамках формального анализа эмпирических данных самого классифицируемого материала. Оба защитника исходят из наличия собственной дискретности, четкой делимости в куль-

турном материале, сети границ, обусловленной наличием социальных норм, правил, обычаев, порядка, оппозиций в давней культуре, и из возможности отделить эту сеть границ от случайных различий.

Против этого главного пункта выступил Форд. Некоторые позиции защитников объективности, а именно дискредитация значимости и «единственности» эмпирических типов и признание условности значимых, культурно-исторических типов облегчили Форду развитие и упрочение взглядов Бру. Археологи долго считали, отмечает Форд, «само собой разумеющимся, что типы и впрямь существуют в культуре и могут быть открыты изощренной методикой. Вот уж сомневаюсь» (Ford 1954:42). И Форд, построив мысленную этнографическую модель («народ гамма-гамма на острове Гамма»), разворачивает пространную картину культуры как континуума — непрерывной, постепенной и плавной изменчивости во времени и пространстве (Ford 1954) (рис. 13—15). Он также упирает на случайность разрывов, образующихся в наблюдениях и становящихся границами между типами в классификациях (Ford 1962; Форд 1962) (рис. 16).

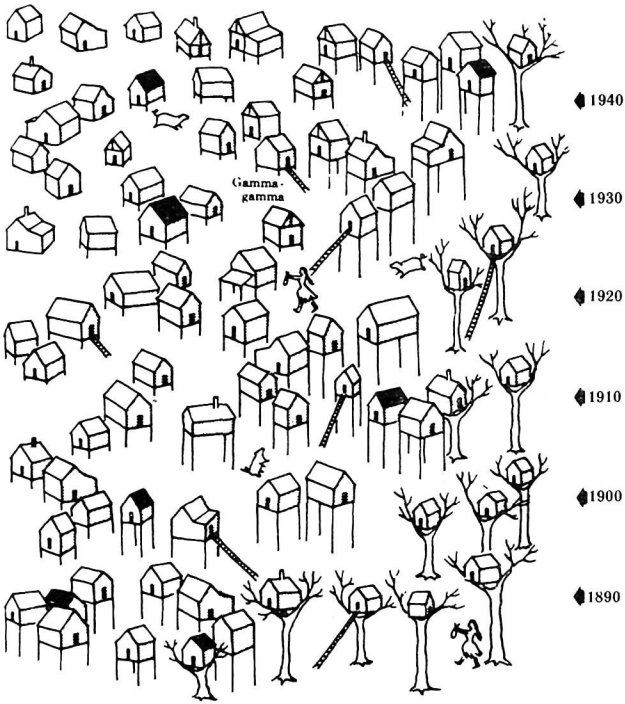


Р и с. 13. Зависимость этнографического типа от места наблюдателя в пространстве (по Дж. Форду — Ford, 1954, fig. 2).

«В большинстве археологических исследований, — заключил Форд, — форму типологической структуры определяет в большой мере случай. Тот факт, что местоположение X было в таком-то месте и представляло определенный короткий отрезок культурной истории, обусловливает природу культурных типов, дефинированных там... Типы легко различимы и выглядят естественными. Однако, когда лакуны заполнятся, так что историю можно будет рассматривать как континуум, проходящий сквозь время и пространство, наивный типолог наверняка натолкнется на серьезные трудности. Переслойка типов превратит типологию в бессмысленное нагромождение. Надо принять во внимание искусственность группировок и сознательно отбирать группы, если есть намерение создать работоспособную типологию» (Ford 1954:52).

В одном номере журнала с работой Форда «Навестив снова понятие типа» («The type concept revisited») и была помещена упомянутая выше статья Стюарда «Типы типов» (Steward 1954). Стюард находит, что Форд дал «отличное разъяснение», но относящееся только к эмпирическим *типам Тэйлора, а их произвольности и сам Тэйлор не отрицал.*

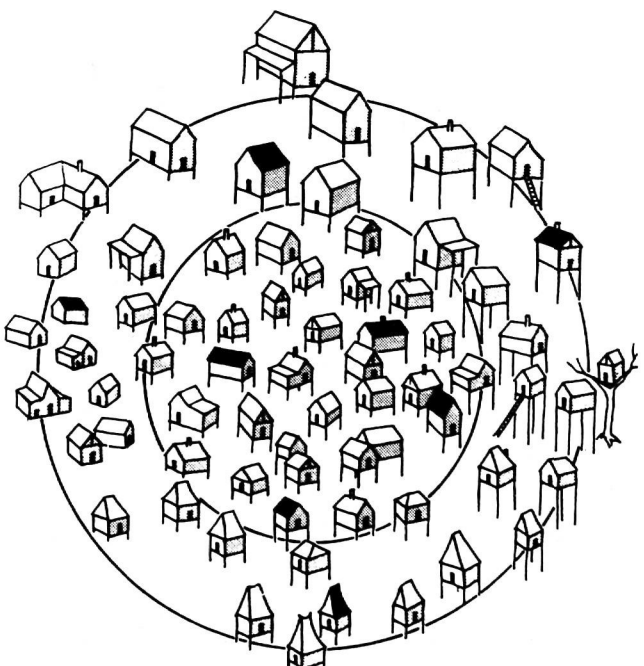
Стюард исходит не из археологического опыта (эту позицию он сознательно отверг как чересчур близкую к материалу и не оставляющую широкого обзора). Он подошел к задаче как культуролог, оценивающий извне работу археолога и предъявляющий ему требования, основанные на представлении об идеальных результатах.



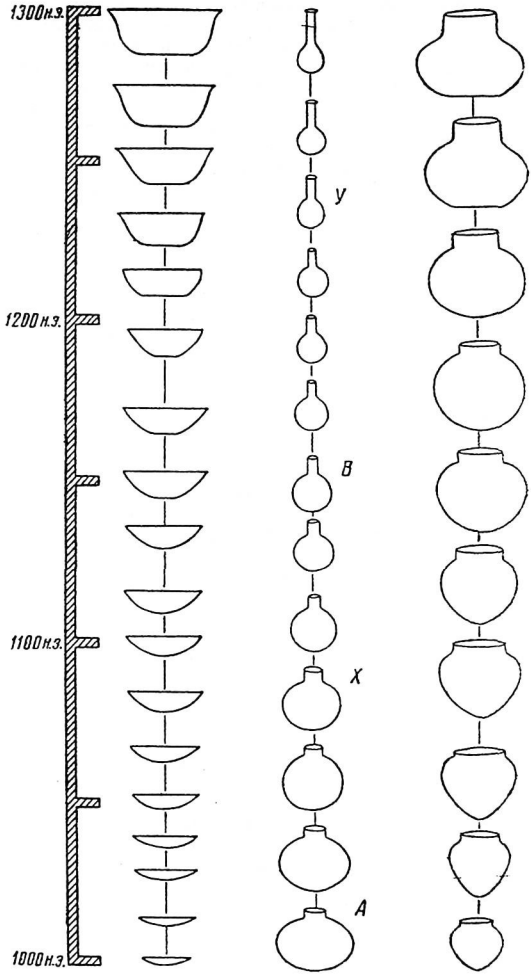
Р и с. 14. Зависимость этнографического типа от избранной позиции во времени (по Дж. Форду — Ford, 1954, fig. 3).

Стюард считает, что археологи формируют свои типы сугубо формалистически, слепо повинуясь материалу, механически и бездумно фиксируя повторяющиеся сочетания любых признаков, а повторения (да, даже повторения!) чаще всего случайны и не имеют культурно-исторического значения (в этом Стюард согласен с Тэйлором). Правда, они существуют в самом материале и открываются независимо от намерения ученого, как бы автоматически (в этом Стюард согласен со Сполдингом). Такие типы (у Тэйлора они назывались **эмпирическими**) Стюард называет **«морфологическими»** (коль скоро они навязаны формальными моментами), а Рауз — **«дескриптивными»** (Rouse 1960:317) и **«внутренними»** (intrinsic) (Rouse 1972:50).

Допуская такой подход как первичный, ориентировочный, когда функции находок еще непонятны, а задачи исследования неясны, Стюард призывает археологов заимствовать сведения у этнографов, а постановку задач — у историков.



Р и с. 15. Зависимость типа от фокуса наблюдения и от заданного уровня охвата и абстрагирования (по Дж. Форду — Ford, 1954, fig. 1).



Выделение типов хронологически изменяющихся форм сосудов

Р и с. 16. Континуум форм — основа сериации и база для случайного и произвольного установления типов (по Дж. Форду — 1962).

Выискивая в материале функционально и исторически важные диагностические признаки (известные как таковые по заимствованным сведениям), археологи должны формировать иные типы — прежде всего **«функциональные».** Функцию здесь Стюард понимает не в узко инструментальном смысле, как прямое назначение предмета, а в широком культурном смысле — как роль в механизме культуры. Поэтому функциональные типы Стюард не зависят от формы предмета, они должны выделяться не по форме. Наряду с ними — **«исторически-указательные типы»** (historical-index types), **«исторические»**, по Раузу. Они должны иметь хронологически и территориально опознавательное значение, служить чем-то вроде «руководящих ископаемых» (Leit-Fossilen, index fossiles). Диагностические типы Стюарда — функциональные и исторические, вместе взятые, — Рауз именует **«внешними»** (extrinsic) (Rouse 1972:50). Наконец, у Стюарда есть еще **«культурные»** типы, образованные из функциональных путем присоединения сведений об их происхождении, динамике развития, передвижении и т. п. Все три категории вместе — функциональные, исторические и культурные — суть разновидности **культурных** типов Тэйлора. Конечно, они в большой мере зависят от теоретических воззрений.

Таким образом, Стюард в этой статье развивает взгляды Тэйлора. Он тоже отличает эмпирические типы, доступные прямому наблюдению, от имеющих культурное значение, но непосредственно не наблюдаемых. Однако у концепции Стюарда одно существенное отличие от взглядов Тэйлора: именно эмпирические типы Тэйлора (морфологические у Стюарда), а не культурные, он и считает внутренне присущими материалу, содержащимися в нем. Эта идея, взятая у Сполдинга, приобретает в данном контексте значение, прямо противоположное сполдинговскому: как раз внутренне присущие материалу типы и оказываются произвольными и не имеющими культурного значения. Культурные же типы, во всех разновидностях, в археологическом материале не содержатся, а вводятся в материал извне и, конечно, «не являются объективной реальностью» (Steward 1954:55). Дискредитируются, стало быть, и те и другие. Стюард развивает Тэйлора в одном направлении: в сторону Форда.

После этого двойного удара по объективности типов они уже не могли оправиться.

Правда, в учебниках и обзорных статьях еще часто упоминается актуальный теоретический спор между сторонниками двух крайностей. Одни утверждают, что есть и могут быть выявлены типы «реальные» (real), «наблюдаемые» (observable), «естественные» (natural), «опознаваемые» (recognized), «открываемые» (opened), «обнаруживаемые» (discovered). Их противники вроде бы утверждают, что возможны только типы «искусственные» (artificial), «придуманные» (invented), «сработанные» (constructed), «нарезанные» (designed), «навязанные» (imposed), «сделанные» (made), «создаваемые» (created), «построенные» (built), «условные» (convenient), «произвольные» (arbitrary). На деле, однако, спор не столь четко поляризовал взгляды и застрял на позиции с перевесом в сторону ***«условных»*** типов. За двадцать пять лет, прошедших с момента выступления Форда и Стюарда, новых развернутых теоретических работ в защиту «реальных» типов не состоялось. Все большее число археологов склоняется на сторону Бру и Форда.

Вот заявление Дженингса:

> «Я рассматриваю... типы не как синонимы культурной истины, а как изобретение, сделанное анализатором для его собственного удобства» (Jennings 1957:98).

Вот credo Мальмера, воителя за строгую объективность археологии:

«Тип возникает в тот момент, когда для него формулируют точную дефиницию. Без дефиниции нет типа...» (Malmer 1962:881).

И еще:

«...Тип в археологии — гораздо более абстрактное понятие, чем типы, например, в этнологии, нумизматике или биологии. Нельзя сказать, что типы, с которыми работает археология, существуют априорно... Поэтому каждый свободен сам определять, сколь много или мало типов он различит, то есть ему принадлежит право требовать от предметов, которые должны образовывать типы, столь большего и меньшего подобия, как ему кажется целесообразным» (Malmer 1962:56—57).

И Мальмер формулирует условия плодотворности типологии:

«Целесообразность типа, касается ли исследование хронологии или культурных отношений, тем выше,
1) чем резче тип дефинирован,
2) чем многочисленнее предметы внутри типа,
3) чем более независимые друг от друга элементы он учитывает и
4) чем больше та часть общего количества независимых типологических элементов, которая у всех этих предметов идентична» (Malmer 1962:57).

Как видим, при всей строгости, здесь нет одного, казалось бы, напрашивающегося условия: соответствия границ между типами реальному членению материала, его дискретности.

В марксистской науке преобладает, по крайней мере теоретически, противоположная установка:

«Логика, в которой я рассуждал, — провозглашает Арсеньев (1969:393), — вообщее не предлагает начинать с дефиниций и классификаций».

Как отмечает Шер,

«марксистской археологической школе присуще представление о типах вещей, объектов и памятников как о реальных классах, различия между которыми порождены хронологическими, этническими, локальными, технологическими и прочими естественноисторическими условиями, а не мнением исследователя» (Шер 1970:13, прим. 7).

Оно и понятно: в теоретическом споре археологов нетрудно увидеть конкретизацию общефилософского противостояния материализма идеализму неопозитивистского и неокантианского толков.

Но, видимо, не стоит закрывать глаза на объективные условия, приведшие к перевесу концепции Бру — Форда: на наличие каких-то упрощений в математическом эмпиризме Сполдинга, на реакцию против традиционной недооценки теоретических импликаций в первичной обработке материала, на сложности археологической конкретизации философского противостояния. Пожалуй, одним из наиболее ярких показателей этого современного перевеса и этих сложностей может служить тот факт, что и в советской археологии высказываются представления об «условности» типов. Вот мнение Григорьева: классификация — это

«лишь способ упорядочения материала, а не постижения форм в том их порядке, в котором их классифицировали сами носители» (Григорьев 1972:6); «тип есть некое идеальное понятие, а не сумма похожих предметов одного класса» (Григорьев 1972:7).

Те, кто хочет «выделить типы, соответствующие реальным классам, существовавшим в прошлой жизни», по мнению Григорьева, слишком наивны: эти исследователи

«полагают, что они стремятся к постижению объективной истины и достигают ее. На деле... остаются объективно существующие вещи, а наши попытки упорядочить их, описать, классифицировать во всяком случае остаются субъективными» (Григорьев 1972:9).

Иными словами, вещи мы можем объективно воспринять, а сходства и связи вещей — нет. Странно. Разве что в археологическом материале как совокупности вещей вообще нет порядка, нет роения, нет сгущений, нет групп...

6. Типология без типов

Тем временем контекстуалисты, последователи Тэйлора, сделали на практике основной ячейкой археологического изучения site (памятник, местонахождение), locality («округу», микрорайон, обитаемый одной общиной), или попросту settlement (поселение). Родилось целое направление в археологии США — settlement archaeology («археология поселений») (Trigger 1967; Chang 1968). Сомкнувшись в этом с приверженцами «новой археологии», ученые этого направления действительно разработали плодотворную методику изучения археологического материала не на базе привычной типологической классификации. Они обходятся без типов, аналитически описывая непосредственно всю массу атомизированных элементов информации — признаков. По такой массе прослеживаются все нюансы изменчивости, вариабельности и взаимовстречаемости признаков и на этой основе строится интересная интерпретация различий (реконструкция правил расселения новообразуемых семей, реконструкция социальных структур и т. п.). (См. об этом: Клейн 1973:310—311).

По иронии судьбы, материалистически настроенным археологам именно методика Сполдинга (cluster analysis) послужила опорой для отказа от типов. И впрямь, в самой этой методике, в ее принципиальных основаниях заключено устремление к всеобщности, к уравнению признаков, к элиминации априорных содержательных ограничений. Между тем типы формировались все еще в рамках функциональных категорий (а ведь это — априорное содержательное ограничение!). Признаки, распределимые по разным категориям, — например стилистические, — теряли в весе по сравнению с сосредоточенными внутри категории. Но стоило расширить базу подсчетов — перейти от «категории» к индустрии, комплексу, слою, поселению — и зашатались основы выделения типов: рубежи между традиционными функциональными категориями оказались не столь уж глубокими.

Сэкет, одним из первых пошедший по этому пути (Sackett 1966, 1968), так сообщает о своих впечатлениях:

> «Таксономисты, вероятно, все еще находящиеся под влиянием традиционной палеонтологической модели, как будто полагают, что типы артефактов суть в известном смысле естественные ячейки, вроде биологического вида, и что, следовательно, единая типология способна обслужить все задачи» (Sackett 1968:73),

Однако анализ по методике Сполдинга, но на широкой основе, дополненный факторным, показывает,

> «что есть возможность различить между — как их можно было бы назвать — стилистическими и функциональными типологическими вариациями, и что они, кажется, в большой мере образуют взаимнопересекающиеся сетки для дефиниции типов. Стало быть, нет единой типологии, содержащейся в концевых скребках...» (Sackett 1968:73).

Сэкет уже говорит не просто об «анализе сгущений» (cluster-analysis), а вводя спецификацию, указывающую уровень, на который перенесен центр тяжести процедуры: «анализ сгущений признаков» (attribute-cluster analysis) (Sackett 1968:74). Он еще говорит о выделении типов, но уже отмечает, что «тип, дефинированный согласно этому подходу, есть на деле не более чем особая дискретная разновидность культурной деятельности» (Sackett 1968:73). Это ближе к «модификациям» Рауза, чем к традиционным типам.

Еще дальше пошел Мовиус. Разложив материал на признаки и прослеживая их соотношения, он вовсе не получил такой корреляции, которая бы позволила выделить типы. Признаки не складывались в типы (Movius a. o. 1968; Movius and Brooks 1971).

За этими новаторами следует Паркингтон.

«Многие из названий типов орудий и культур,— пишет он,— были отчеканены в девятнадцатом веке и в начале двадцатого, когда они оказались полезными опорными пунктами для дисциплины, еще бредущей ощупью в темноте. Однако возникла опасность, что эти опорные пункты станут ящичками, в которые можно будет бросать, а то и вталкивать дальнейшие данные...» (Parkington 1972:11).

И теперь по мнению Паркингтона,

«вопрос заключается не в том, как нам определить термины «ручное рубило» и «кливер» (cleaver), а есть ли вообще какие-то конфигурации изготовления орудий в комплексах нижнего палеолита, которым мы бы пожелали придать имена? Типы могут быть полезными или нет, но их применение уведет анализатора от поиска альтернативных объяснительных моделей» (Parkington 1972:11).

Поэтому Паркингтон считает, что «поиск дискретных типов орудий лишь умеренно успешен» и что надо «сфокусировать внимание не столько на категориях «типа», сколько на конфигурации признаков...» (Parkington 1972:12).

Аргументация Паркингтона неожиданна и остроумна.

«В качестве примера неясных, непроверяемых утверждений возьмем религиозные провозглашения, как, скажем, «Бог существует. Он открылся мне. Когда он откроется вам, вы тоже уверуете». По самой своей природе откровения непередаваемы, и религиозные утверждения, вроде приведенного, должны приниматься на веру или отвергаться ввиду отсутствия оной». И далее: «Типы орудий часто рождают печальные напоминания о религиозных провозглашениях. Они известны или открываются только посвященным, они используются по вере. Возьмите утверждения: «Ручные рубила существуют. Я подсчитал их частотность. Под моим руководством вы их тоже распознаете». Типологи часто думают, что проверили свои понятия, обучив других пользоваться ими; нет, не проверили... «Ручные рубила» и правда хороший пример, поскольку были распознаны еще в середине девятнадцатого века, но так и не получили определения. Пожалуй, единственным признаком, наличным у всех рубил, является бифасность, но это характеристика также и многих других орудий» (Parkington 1971:11, 12).

И вот лидер «новой археологии» Бинфорд, ученик Сполдинга, смог написать следующие строки:

«Вспоминаю, как я проводил казавшиеся бесконечными часы в работе над остриями дротиков. Я приступил к анализу, вооруженный статьей Сполдинга «Статистическое открывание типов артефактов» (1953). В изображении Сполдинга ситуация выглядела очень просто: типы артефактов — это пучки взаимосвязанных признаков. Все, что надо делать,— это применить подходящие статистические методы, и мы сможем определить конкретно эти пучки взаимосвязей.

Трудности, на которые я натолкнулся, возникли как помехи, как камни преткновения. Какой там разговор о типах наконечников дротиков, когда все, что мне удавалось выделить, было: типы крепления, типы обработки кремня, типы лезвия, — каждый из них мог иметь две или больше группировки по размерам. Правильной организованности на уровне целостного предмета, видимо, не существовало! Я могу вспомнить, как Борд рассказывал мне, что Холам Мовиус пришел к выводу, будто типы артефактов не существуют. Борд смеялся, и я тоже, но я подозреваю, что некоторая сдержанность моего смеха была обусловлена очень отличающимся кругозором. Я знал, что Холам Мовиус практиковал «разложение на признаки» («attribute-analysis») в своих материалах из местонахождения Абри Пато. Я был там; я однажды прошептал схожие удручающие выводы Марку Папуорту.

Явления организованности очень сложны; есть организованности внутри организованностей... Здесь в наконечниках дротиков были отчетливо ограниченные классы; были и конфигурации изменчивости с плавной вариацией по ходу распространения; были и морфологически отдельные классы, опознаваемые на глаз, которые по анализу явно не имели организационной целостности. Все эти пучки признаков изменялись независимо и распространялись сообща с другими классами артефактов. Эти сложности сначала показались мне удручающими сюрпризами. Когда же я поработал больше и постепенно освободился от традиционалистских ожиданий, я сообразил, что все эти сложности суть потенциальные источники новых и непривычных видов информации о прошлом» (Binford 1972:329—330).

Словом, бога нет. Бога по имени Типология.

В СССР молодой палеолитчик закончил теоретическую статью предсказанием: «вероятно... понятие «тип» будет постепенно утрачивать свое значение» (Аникович 1975:18).

Можно, конечно, называть и те ячейки, которые выделяют Сэкет и Паркингтон, типами. Но это будет игра словами; переименование не превратит эти ячейки в то, что мы привыкли считать типами. Можно называть классификацию Мовиуса и Бинфорда «типологией без типов», но это будет все-таки метафорой. Можно, наконец, сознательно отказаться от типов и типологии. Можно?

Вот тут-то и ждет нас главная неожиданность: даже самые ярые разоблачители объективности типов обычно не хотят на это идти, считают это невозможным. Показательна позиция Мальмера.

Мальмер обращает внимание на то, что все прочие методы, применяемые в археологии, — стратиграфический, радиоуглеродный, спорово-пыльцевой и т. д. — направлены в каждом случае только на один отдельный предмет.

> «...Археология же направлена на общее, она хочет изобразить важные черты существования групп людей в доисторическое время. Поэтому ясно, что центральный археологический метод — типология: учение о типах и их взаимоотношениях. Центральное археологическое понятие — тип. Без типологии как центрального и объединяющего момента все другие методы и вспомогательные науки археологии безнадежно распались бы, и археология как наука не существовала бы... Без типа нет типологии, без типологии нет археологии» (Malmer 1962:880—881).

Мальмер поясняет, почему

> «археологическая аргументация без типологических аргументов немыслима. Стратиграфический комплекс, который показывает, что сосуд А старше сосуда В, сам по себе не имеет никакой доказательной силы сверх того, что касается самих этих двух сосудов. Если же мы хотим свидетельство этого комплекса обобщить и сказать, что сосуды типа А старше сосудов типа В, то мы уже обращаемся к типологическому аргументу. Ибо двух идентичных сосудов нет, и если мы выбираем сосуды, которые, по нашему представлению, «такие же, как» А или В, то мы обращаемся к типологическому действию. Всякое занятие древностями, которое хочет восходить от одного предмета к чему-то общему, есть типология... Типология — само собой разумеющаяся предпосылка для определения культуры, а таковое, в свою очередь, — для любой интерпретации прежсторин» (Malmer 1962:47).

Итак, с одной стороны, типология переживает «кризис» и «утратила кредит», с другой — без нее не обойтись. С одной стороны, объективность и значимость типов спорны, с другой — только через типы мы познаем древние культуры. Очевидно, необходимо глубже разобраться в этом споре.

Глава V

ПРОБЛЕМА ПРОБЛЕМ

Способность рассортировать каменные орудия по «типам», как колоду карт по мастям, менее важна, чем причины, по которым орудия тянет роиться (cluster) в «идеальные формы». Не группа «ручные рубила» важна, а, как мог бы сказать Платон, «ручнорубильность» («handaxeness»).

Дж. Э. Паркингтон (Parkington 1971:12)

1. Суть спора

Не совсем точно говорить о тенденции отказа вообще от типов. Из историографического обзора, представленного в предшествующей главе, явствует, что наличия **условных** типов не отрицает никто. С другой стороны, никто не отрицает и реальности **эмпирических** типов, то есть возможности уловить в материале какие-то объективно наблюдаемые деления, сходства и различия. Представлять спор как противоборство подобных отрицаний или как войну против одной из этих крайностей было бы упрощением (такие карикатурные изображения нередко предпринимаются из желания «заострить» проблему или представить противника в невыгодном свете). Наконец, никто не отрицает и наличия **культурных** типов, отражающих социальные нормы, в любой живой культуре. О чем же, собственно, спор? Что нужно выяснить?

Не ясны прежде всего роль и место **условных** типов в археологии. Служат ли они только для вспомогательных целей — сортировки, хранения и розыска информации, совпадая с классами, или же они являются инструментом исследования, позволяют объективно описывать материал и облегчают его понимание? Материалистически настроенные исследователи обычно в этой альтернативе принимают первое решение и категорически отвергают второе. Оказываются ли все и любые культурные типы в археологии условными, искусственно нарезанными исследователем или в ней остается место и для реальных культурных типов? Релятивистски настроенные исследователи в этой альтернативе избирают первое решение и отбрасывают второе.

С другой стороны, непонятно и значение **эмпирических** типов. Совпадают ли они с культурными типами и если совпадают, то все или только некоторые? Сполдинг и его последователи отвечали: да, совпадают и притом все. Бру и Форд отвечали: нет, не совпадают вовсе. Тэйлор и Стюард отвечали: некоторые должны совпасть. Тогда возникает вопрос: какие же? И как их выявить?

Нетрудно заметить, что обе серии вопросов — идущих от **условных** типов и идущих от **эмпирических** — упираются в выявление и отождествление культурных типов. Здесь обе серии вопросов встречаются, это центральный пункт спора. Поскольку условные и эмпирические типы связаны с внешним обликом материала, а культурные — с его внутренним содержанием, движение от условных и эмпирических к культурным есть путь познания. О нем-то и спор.

В известном смысле все сводится к вопросам о том, сколь доступны выявлению реальные культурные типы в живом (этнографическом) материале, и дают ли давние культурные типы этнографического характера отчетливую проекцию в археологическом материале или их отображение на археологический материал смазано.

Но этим спор не исчерпывается. Неясен и характер **культурных** типов. Он тесно связан с предыдущими вопросами, потому что отождествление тех или иных эмпирических типов с культурными и оценка близости тех или иных условных типов к культурным зависят от наших представлений о культурных типах. А здесь нас и встречает каверзный вопрос: как опознать **настоящие** культурные типы?

Этот вопрос распадается на два.

Первый: по каким признакам можем мы опознать культурные типы в археологии? Где ключ к опознанию? Ведь создатели археологических культурных типов давно умерли, и в нашем распоряжении только эмпирические и условные типы.

И второй вопрос: существуют ли в каждом нагромождении археологического материала (и существовали ли в каждой культуре) единственно верные, настоящие культурные типы? То есть образуют ли культурные типы единую иерархически организованную сеть или составляют несколько взаимно пересекающихся сетей? Для аналитической классификации верно первое решение. А для синтетической? Возможна ли единая стандартная таксономия культурных типов, общеархеологическая систематика? Не раз раздавались сетования по поводу того, что в археологию еще не пришел свой, археологический, Линней, и некоторые археологи претендовали на эту роль. А. Оберг назвал так Монтелиуса (Åberg 1966). Но стоило бы задаться и таким вопросом: а возможен ли археологический Линней?

Все эти вопросы — итог предшествующего рассмотрения и исходная база для дальнейшего. В оставшихся главах — данной и последующих — мы и рассмотрим сформулированные здесь комплексы вопросов: о существовании культурных типов, о соотношении условных и эмпирических типов с культурными и о способах выявления последних.

Столкновение обеих основных концепций — ставящей во главу угла условные типы и отстаивающей эмпирические — мы уже проследили и ознакомились с результатом, как говорится, «на сегодняшний день». Теперь нужно разобраться в аргументации сторон. Обе стороны строили свою аргументацию на том или ином понимании природы культурного материала, на представлениях о наличии или отсутствии в нем культурных типов, ибо от этого зависит, через какие внешние типы — эмпирические или условные — должно осуществляться постижение внутренней структуры.

2. Тэйлор против Бру

Концепцию «исходной атипичности» культуры первым систематически излагал и обосновывал Бру (Brew 1946). Его аргументация, на взгляд современного исследователя, выглядит впечатляюще красноречивой и удивительно бедной. Она покоится на нескольких основных положениях:

1) Противоположная концепция («естественной классификации») заимствована из биологии. В основе ее лежит «опирающаяся на биологическое понятие вида вера в существование «истинной» («true») или «адекватной» («correct») классификации для всех объектов, культур и т. д.» (Brew 1946/1971:80). Эта концепция непригодна для археологов, ибо

а) ее перенесению на изучение культурного материала препятствует его специфика,

б) даже в самой биологии эта концепция оказалась сомнительной (Brew 1946/1971:78).

2) Специфика культурного материала состоит в том, что он создается человеком, а человек, в отличие от природы, в своем творчестве свободен, может преодолевать природные ограничения и соединять разнородные по происхождению элементы. В природе межвидовое скрещивание почти невозможно, в культуре нечто подобное осуществляется сплошь и рядом. Культура — это континуум.

3) В результате этого аналитические классы в культурном материале обычно не совпадают своими границами (Brew 1946/1971:77). Бру ссылается на старое (1941) высказывание Стюарда:

> «Если кто из нас осмеливается ставить под вопрос таксономические методы в археологии, то подозревают, что у него что-то с головой. На деле же мы не против порядка, мы только против убеждения, что классификация — синоним порядка» (Цит. по Brew 1946/1971:78).

4) Исследование вообще не является процессом пассивного отражения готовых истин, а строится на активности мышления, формирующего результат. Соответственно и классификация — не истина, которую надо открыть.

> «Классификационные системы — это всего лишь орудия, инструменты анализа, изготавливаемые и применяемые исследователями — точно так же, как лопаты, совки и кисти являются инструментами раскопок» (Brew 1946/1971:76).

5) Из обоих предшествующих положений вытекает, что для любой естественной выборки культурного материала нет «единственно верной», «истинной» («true»), «адекватной» («correct») классификации и что незачем ее искать. Требуется не меньше, а больше классификаций. Это поможет полнее описывать и анализировать материал (Brew 1946/1971:77).

С возражениями выступил Тэйлор. Он прежде всего отвел ссылку на биологию. Перенесена ли концепция из биологии или нет, состоятельна ли она в самой биологии или нет, — все это не имеет значения для оценки состоятельности этой концепции в археологии. Для этого важно одно: адекватна ли она археологическому материалу и отвечает ли задачам археологии. Более того, не все особенности биологических связей отсутствуют в культуре: эволюция и в ней происходила. Если словечко «генетические» в приложении к этой категории культурных связей кажется неудобным из-за сопряженности с половым производством потомства, можно употреблять другие термины («сродство», «корреляция» и т. п.), но нельзя же отрицать, что новые фордовские автомобили сохраняют многие черты старых! (Taylor 1948:142—143).

Дальше критика слабеет.

Свободы культурного творчества Тэйлор не отрицает. Теоретически он, правда, признает наличие социальных законов и культурных регулярностей и норм (Taylor 1948:38—39), но в его собственной концепции им отводится мало места. Превалирует интерес к индивидуальному, к изменчивости, к контексту. Вот и свой главный аргумент против Бру он формулирует уклончиво: культурные явления искусственны, созданы людьми, поэтому в археологическом материале есть присущая ему внутренняя (inherent) группировка — та, которую внесли в него древние создатели культуры. Их классификация, ими созданные типы реальны, объективно существуют и открывать их — наша задача.

В этом рассуждении об искусственности культурных явлений имплицитно подразумеваются их обусловленность мысленными шаблонами, нормами и их реализация в стереотипах поведения и типах результатов этого поведения. То есть имплицитно подразумеваются независимый от исследователя порядок в материале и ориентировка классификации на его открытие.

Поскольку, однако, соотношения этих древних норм с изменчивостью остаются неясными, возражение оказывается непрочным (его можно обойти, что и сделал Форд.) Да и сам Тэйлор ослабляет его оговорками. Каждая конкретная культура (a culture), — возражает он Бру, — не континуум, разве что в диахроническом развитии (а это важная уступка — и ее использовал Форд!). Кроме того, мир культуры в целом (the culture), по Тэйлору, все-таки континуум (еще одна уступка, хотя и неясного смысла) (Taylor 1948:130). Наконец, из того факта, что типы существуют в материале, еще не вытекает убежденность в том, что они всегда доступны нам и всегда могут быть открыты. В этом Тэйлор как раз сомневается.

> «...Сколь близким должно быть сходство, чтобы мы могли в двух обработанных камнях опознать результат одной объединяющей (разделяемой) идеи..? Как можно сказать, является ли второй камень произведением того же самого или другого мастера?.. Что именно выдают сходство или близость: одного мастера или одну идею, разделявшуюся двумя мастерами? Указывает ли разница на изменение в идее или опыте одного человека или она указывает на одну идею в уме двух человек, но с различиями в опыте?» Однако то, «могут ли быть эти группировки определены археологическим исследованием или нет, не отменяет факта их существования» (Taylor 1948:104, 144).

Такова позиция Тэйлора.

Уклончивость, неполнота и непоследовательность его возражений в неменьшей мере, чем его расхождения со Стюардом, облегчили Форду развитие идей Бру.

3. Сполдинг против Форда

Аргументация Форда строится как раз на тех основаниях, которые Тэйлор оставил нетронутыми. Форда не интересуют сопоставления с биологией. Форд признает наличие норм и упорядоченности в культуре. Он понимает, что «культура — это организованная система для удовлетворения человеческих и социальных проблем» (Ford 1954/1971:61). Вариабельность культурных явлений, колебания вокруг идеальных образцов могут иметь более или менее широкие, «но все же твердые пределы». Таким образом, в культуре есть «собственный, внутренне присущий ей порядок» (inherent order in culture), и, осуществляя «поиск типов», археолог вправе видеть в этом порядке

> «систему, в которой и должна конструироваться типология. Это и в самом деле есть тот порядок, который можно открывать применением статистики к керамике исторических поселений, на чем ныне настаивает Сполдинг» (Ford 1954/1971:62).

Все это Форд признает.

Его скепсис в отношении объективности типологии вытекает из концепции культурного континуума.

Для этнолога-наблюдателя, рассматривающего культуру каких-то аборигенов гамма-гамма в одном пункте, на определенном срезе времени и в заданном аспекте, «вполне очевидно, что есть тип дома гамма-гамма с таким-то средним значением и размахом вариаций...» (Ford 1954/1971:64). Этот размах может быть изображен трехмерной диаграммой разброса на манер роя пчел, теснящегося гуще (clustering) вокруг матки (Ford 1954/1971:63). Но это абстракция, вычленяющая дома из сложной ткани культуры, где они входят элементами в более высокие организационные структуры (поселения, семейные очаги, архитектурные стили и т. п.) и сами распадаются на более дробные элементы (способы покрытия крыши, устройство дверей и окон и т. п.). Уровень же абстрагирования задан заранее исследовательской установкой. Выделять ли типы домов или типы размещения семей или типы дверей и окон, решает сам исследователь, это не продиктовано ему материалом.

Этот выбор субъективен, и уж в этом аспекте типология субъективна, а не объективна.

Дальше — больше.

Пока наблюдатель остается на одном месте, обнаруженный им тип дома «кажется естественным подразделением в культуре» (Ford 1954/1970:65). Несмотря на весь размах вариаций домá аборигенов четко отличаются от домов миссионеров. Но стоит сдвинуться с места, и окажется, что изменчивость плавно продолжается дальше, что среднее значение типа было предопределено центральным пунктом наблюдения, а со сдвигом пункта наблюдения меняется и это значение. Дома постепенно становятся другими от местности к местности. В каждом пункте какие-то качества представлены наиболее ярко и убывают по мере удаления от этого пункта во все стороны. Они и характеризуют ядро (среднее значение) этого типа, который возникает, если поместить центр наблюдения в это место. Соответственно, размахом вариаций будут определены примерные границы типа. Выбор места произволен и случаен. Именно этим субъективным и случайным выбором подсказан тип, а не предопределен материалом.

Точно так же сказывается и эффект изменчивости во времени. В археологическом материале обычно накоплены экземпляры, изготовленные в разные времена. Смена облика происходила постепенно, рядом мелких изменений («культурный дрейф» — «cultural drift»).

> «Даже в современной культуре Запада, со всем ее теперешним ускорением изменений, неплохо оплачиваемые новаторы, контролирующие дизайн автомобилей, архитектуры и одежды, хорошо знают, что если мелкие новшества позволяют создать новые модели, то никаких заметных скачков в развитии стилистических конфигураций покупатель не потерпит» (Ford 1954 1971: 69).

Если бы археолог получил весь объем материала сразу, в виде хронологического ряда форм, центры типов можно было бы поместить на любые точки этого ряда, количество их тоже намечалось бы произвольно. На деле, однако, археолог получает не весь материал сразу, а какие-то обрывки этого ряда — уцелевшие экземпляры в лучше изученных местах и просто случайно угодившие первыми под раскопки. Эти-то экземпляры и образуют ядра типов; последующие находки распределяются в группы по сходству с этими первоначальными экземплярами. Так складывается типология — случайно, и может быть изменена — произвольно (Ford 1962; Форд 1962).

Против Форда выступил Сполдинг. Их спор, начавшийся раньше, велся с ожесточением и изобиловал резкими выпадами.

Свой подход к построению типологии Форд осуществил в монографическом исследовании, посвященном конкретным памятникам Юго-Восточных штатов. В книге содержалась также развернутая критика «Сполдинга и некоторых его сотрудников» со Среднего Запада, занятых бесцельным и бесконечным измерением и сортировкой черепков в тщетной надежде открыть объективную и единственно верную типологию (Ford 1952).

Сполдинг выступил с рецензией на эту книгу.

> «Форд не понял, — писал он, — того фундаментального принципа, что мы обладаем методом исследования, который, если применять его правильно, открывает реальные истины о реальном мире или приближается к ним» (Spaulding 1953b: 589).

Сполдинг имел в виду открывание типов с помощью статистики и корреляции (Spaulding 1953a). Отстаивать произвольную типологию, по мнению Сполдинга, могут только те, кто полагает,

> «что истину надо определять чем-то вроде голосования археологов, что плодотворность — это делать то, что делают другие археологи, и что единственная задача археологии — приносить археологам счастье» (Spaulding 1953b: 590).

Форд в своем ответе иронизировал над представлением Сполдинга, «что природа снабжает нас миром, наполненным упакованными фактами и истинами, которые можно открыть и попробовать, как пасхальные яйца, спрятанные в газоне». Абсолютные истины, по мнению Форда, можно искать разве что в религии, но никак не в науке, и всего менее — в науке о древней культуре.

> «К сожалению, культура не осязаема в том же смысле, как осязаем каменный топор, и трудно вообразить что-либо более неосязаемое, чем мертвая и забытая культура... Я думаю, что одна из причин, по которым Сполдинга так раздражает мой очерк, — это смущающее зрелище археолога, оторванного всеми его четырьмя ногами от черепка» (Ford 1954b).

(Обратите внимание на количество ног критикуемого!)

Форд имеет в виду свою критику статистической методики Сполдинга как недальновидной и наивной. Далее Форд сообщает, что Сполдинг послал ему рукопись своей рецензии с любезным письмом, в котором советовал почитать учебник Кохена и Нагеля «Введение в логику и научный метод». «К сожалению, — печатно отвечает Форд, — студент, который взял мой экземпляр, не вернул его...» (Ford 1954b).

Разъяренный Сполдинг выступил с ответом на ответ. Он подтвердил, что считает работу Форда «технически некомпетентной». «Понятие о мире, существующем независимо от наблюдателя, есть фундаментальная предпосылка научного метода». Не понимая этого, «Форд воюет с чучелом, на которое он навесил ярлычок "Сполдинг и некоторые из его сотрудников". Разбирать этот вздор значило бы входить в "личную демонологию Форда"...» (Spaulding 1954).

Конечно же, причина спора не в разной мере компетентности, а в принципиальном расхождении методологий. Сворачивая дело на недостаток образованности у противника и не желая входить в разбор предъявленных методологических возражений, Сполдинг лишь ослабил свою аргументацию. Для удержания своих позиций Форду нет надобности отрицать наличие «мира, существующего независимо от наблюдателя», да он и не отрицает этого: выше приводились его высказывания, в которых признавался в культуре «внутренне присущий ей порядок» («inherent order in culture»). Форд отрицает иное — что открытие деталей этого мира может быть осуществлено автоматически, независимо от позиции наблюдателя. Он отрицает, что в этом мире есть четкие, совпадающие в разных проявлениях границы — столь упорно совпадающие, что это могло бы свести на нет различие между позициями наблюдателей.

Сполдинг оставил эти отнюдь не легковесные возражения без анализа. Для Сполдинга совпадающие границы (корреляция признаков) во многих случаях очевидны, а там, где очевидность не столь наглядна, математика помогает выявить ее и утвердить строго и единообразно (Spaulding 1953a). Он считает, что показал это, а показав, не обязан доказывать. Между тем Форд свои положения доказывал. Что именно Сполдинг показал, сам он не вполне понял. Он показал лишь, что в некоторых случаях корреляция некоторых признаков наличествует и что выявление ее осуществимо. Но соотношение этих признаков с теми, которые были намечены древними мастерами, и место этих случаев во всей сортировке материала Сполдинг не умеет определить. Он отмечает, что не всякая корреляция признаков позволяет выявить типологию (Spaulding 1953a/1971: 44—45), но как достичь нужных условий — не объясняет. Не объясняют этого и Доран с Ходсоном.

Немудрено, что выводы Форда сохранили конкурентоспособность и притягательность. На Форда ссылаются и опираются Уилли и Филипс,

Мальмер, Рауз (Willey and Phillips 1958; Malmer 1962; Rouse 1972). Аргументацию его необходимо разобрать подробно.

4. Бегство на остров Гамма

Центральное звено в аргументации Форда — концепция континуума культуры. Именно эту концепцию он доказывает наиболее развернуто и старательно, в двух специально посвященных этому статьях (Ford 1954/1971, 1962; Форд 1962).

Но вот что примечательно: в обеих статьях он не рассматривает реальные примеры, а обращается к построению мысленных моделей. В одном случае он уводит читателя на воображаемый остров Гамма, обитаемый придуманным народом гамма-гамма и расположенный на несуществующем море Зета рядом с другими столь же призрачными островами. В другом случае он предлагает вообразить коллекцию сосудов разных пропорций, которую можно выстроить в ряд с постепенным нарастанием одних признаков и убыванием других. Приведены рисунки (рис. 12—15). Вот остров Гамма, вот соседние острова, вот дома на них — посмотрите, как плавно изменяется их облик от одного края рисунка к другому. Вот шеренга сосудов, выстроенных по ранжиру, и только поля страниц не пускают продолжить эту шеренгу вправо и влево до бесконечности.

Как удобно работать с мысленными моделями!

На примере культуры гамма-гамма Форд показывает зависимость типов, наблюдаемых этнологами, от заданного уровня абстрагирования, от места наблюдателя в пространстве и от избранного пункта времени: во всех этих трех аспектах культура представляет собой континуум, непрерывность плавных, текучих изменений. На примере шеренги сосудов Форд показывает случайность археологических типологий, условность получаемых типов. Несколько сосудов из этого ряда, доставшихся первыми археологам, станут эталонами типов. По сходству новых находок с этими эталонами будет производиться группировка материала, вокруг эталонов сгрудятся типы, между ними пробегут границы. Окажись случайно первыми находками другие сосуды — и эти другие станут ядрами типов (конечно, других типов), и в других местах пробегут границы. Возникает та или другая типологическая традиция — случайно. Имея в распоряжении всю коллекцию, всю шеренгу, археолог вправе провести границы где угодно, отбросив все прежние, если хочет...

Картина удручающе реалистична. Надо признать, что в этих моделях отражаются некоторые ситуации, встречавшиеся в истории исследований и встречаемые теперь. Отсюда и реалистичный облик картины. Следствия из анализа этих моделей формально безупречны — отсюда логическая стройность аргументации Форда. Вот почему эти модели многих убеждают — столь опытного теоретика, как Уилли, столь широкого эрудита, как Рауз, и столь придирчивого логика, как Мальмер. Но удачно моделировать отдельные ситуации, взятые каждый раз в узких границах, еще не значит передать черты нашего предмета исследований в целом.

Форд недаром взял в качестве моделей м ы с л е н н ы е объекты, нарисовал в о о б р а ж а е м ы й остров, изобразил у с л о в н ы й ряд сосудов. На воображаемом острове только берега кладут предел плавной текучести форм (о чем сожалеет Форд — Ford 1954/1971: 66); условный ряд сосудов можно мысленно продолжать за края рисунка беспредельно далеко. Р е а л ь н ы й мир культуры не таков.

Если бы Форд взял любой р е а л ь н ы й ряд горшков, то лишь на небольшом участке удалось бы набрать ровную постепенность. Очень

скоро пришлось бы признать, что у нее есть перепады, а затем выяснилось бы, что у всего ряда есть границы, за которые его ни вправо, ни влево продлить невозможно — не потому, что нехватает находок, а потому, что их не может быть.

В жизни культурный материал — этнографический и археологический — не представляет собой подобного континуума (Klejn 1973b: 315). Вариабельность всякий раз ограничена целым рядом факторов — и не только в одной точке, но и во времени и пространстве. Дискретность, прерывистость есть фундаментальное свойство материи. Это давно признали естествоиспытатели.

> «Понятие дискретности, видимо, отражает общие глубинные свойства организации материи в известной нам части Вселенной,— пишет биолог Яблоков. — Весь окружающий нас мир живой и неживой природы по существу разделен на дискретные части: элементарные частицы, атомы, молекулы, особи, популяции, виды, биогеоценозы — все это лишь формы проявления принципа дискретности, лежащего в основе нашего мироздания» (Яблоков 1974: 9).

Как же проявляется этот принцип в нашем материале в интересующем нас аспекте?

Прежде всего вариабельность ограничена функциональным назначением: никто не сможет построить «фордов ряд» от горшка к ножу и от ножа к гривне. Функции различны и удовлетворяющие им формы настолько далеки одна от другой, что промежуточные (абстрактно они, конечно, мыслимы) не годились бы ни для той, ни для другой функции. Нож, свернутый наподобие гривны, не может служить ни ножом, ни гривной.

В культуре все функции взаимно согласованы и иерархически организованы. Свои «уровни абстрагирования» (на которых выделяются типы) исследователь обычно выбирает не абсолютно свободно, а стараясь приноровить их к уровням этой иерархической организации. Можно уловить уровень дома, уровень сеней, уровень передней стены сеней и уровень входной двери, но вряд ли есть смысл заниматься уровнем центральной части передней стены, если он в данной культуре не выделен специально. Это не говоря уже о том, что в таких условиях сама необходимость выбирать «уровень абстрагирования» для решения каждой исследовательской задачи ни в малейшей мере не делает классификацию произвольной и субъективной. Вот если бы для такой цели годился л ю б о й уровень! Но этого нет. Исследователь оказывается не в положении вольного импровизатора, скользящего по грифу электрогитары в поисках необычных звучаний, а скорее в положении пианиста, старающегося правильно сыграть сочиненную не им мелодию. Перед ним широкая клавиатура, но звуки м е ж д у ступенями гаммы ему вообще недоступны, а из всех клавиш, которые он «свободен» нажать, только одна дает искомый тон.

Далее, ограничивают вариабельность социальные, этнические, территориальные и прочие групповые оппозиции. Приверженность к традиционным нормам своей группы, противостояние чужим — старый механизм культуры, обеспечивающий групповую солидарность способом (осознание «мы — они»), продиктованным законами социальной психологии (Поршнев 1966: 73—111; Moberg 1969: 194—199).

Вот парадокс: даже воображаемый мир сплошной непрерывности (гамма-гамма) Форду пришлось поместить на остров (Гамма) с ч е т к и м и берегами, о т д е л и в его морем (Зета) от реального мира перепадов и разрывов! В реальном быту непрерывность прослеживается лишь на небольших участках — между разрывами. Не всегда рубежи столь отчетливы, как пределы материка, государственные границы, «ничья земля», или Бранибор (нынешний Бранденбург), между племенами, но и расплывчатая межа остается межой: она отмечает полосу, в которой

постепенное плавное изменение характеристик сменяется резким. В жизни любое путешествие из конца в конец материка столкнет исследователя с ощутимыми порогами резкой смены культурных миров.

Наконец, и во времени нет сплошного континуума. Плавное развитие то и дело сменяется скачками, переломами, перерывами постепенности. Недаром происхождение типов и культур обычно оказывается загадкой. На констатации скачков в развитии культур строилась «теория стадиальности». Вале формулирует их как «питающие периоды», противостоящие «поедающим периодам» (Wahle 1950—51: 94), Гандерт — как моменты «типогенеза» и «типолиза», противостоящие «типостазу» (Gandert 1950). Дэвид Кларк объясняет их с помощью концепции «бассейнов равновесия» на траектории систем. В пределах этих бассейнов вариабельность порождает большое количество форм с мелкими отклонениями от нормы и может происходить медленное накопление количественных изменений. Формы с большими отклонениями немногочислены, так как бесполезны для функции данной системы. Если же система под давлением внутренних или внешних сил выберется из этого «бассейна равновесия», то она утратит основное качество, попадет в то самое поле, где оказывались нежизнеспособные формы, и если не погибнет, то будет быстро изменяться до тех пор, пока не попадет в новый «бассейн равновесия» (Clarke 1968: 51—52).

Так, из платяной щетки могла путем уменьшения произойти щетка для зубов, но на этой траектории не все формы одинаково жизнеспособны. Уменьшение от размера, сопоставимого с ладонью, до размера, удобного для введения в полость рта, должно было пройти быстро, без задержки, может быть, условно — в мыслях изобретателей, а дальнейшее уменьшение опять застопорилось: оно дисфункционально. Такие же *скачки неизбежны в развитии от ножа к кинжалу, от кинжала к мечу,* от кинжала или топора к алебарде и т. п. Свои «бассейны равновесия» есть не только на траектории функционального развития, но и на траекториях стилистического. Это нетрудно проследить по колебаниям моды. В движении моды нельзя видеть просто плавный «культурный дрейф». В ее скачках, видимо, сказывается многое: и определенность социокультурных стимулов к новациям (новые идеалы, новые кумиры), и нужда в контрастах (для ощущения обновленности), и потребность (для нормального самочувствия людей) в элементах стабильности, традиционности, привычности, в интервалах между сдвигами.

Количественные сгущения экземпляров в «бассейнах устойчивости» позволяют выявить эти бассейны статистически — графиками частотных распределений. В них и окажутся типы.

Удаление на остров Гамма есть бегство от реальности. Понимал ли это Форд? Чем он мотивировал свое решение «навестить снова тип» именно на этом острове?

> «...Чтобы облегчить задачу и попытаться прояснить основные проблемы, с которыми сталкивается типолог, это должна быть вымышленная история культуры, не подлежащая осложняющим факторам, оперирующим во всех действительных историях. Эти факторы — барьеры для диффузии, такие как: неравномерное распределение населения, естественные препятствия для коммуникации, политические и языковые границы между соревнующимися явлениями культуры различного географического происхождения. Точно так же она не подвергается действию сил, ускоряющих или задерживающих развитие, — войн, эпидемий, чужих культур высокого престижа или рекламы влиятельных инноваторов. Каждый носитель культуры был в норме инноватором по мелочам (normal minor innovator), ответственным за большинство изменений, происходивших в культурной истории» (Ford 1954/1971: 60).

Иными словами, Форд далеко не все причины перерывов постепенности учел, опустив важнейшие, а учтенные отнес к «осложняющим факторам», случайно и необязательно нарушающим нормальное раз-

витие — постепенное, плавное, «по мелочам». «Нормальной» для Форда оказывается классическая эволюция, как ее представляли позитивисты XIX века — Тайлор, Леббок, Спенсер! Но те еще поневоле довольствовались обрывочными сведениями о культурах мира и были вправе, считая разрывы лакунами в своих сведениях, перебрасывать через них идеализованную линию эволюции. Теперь же счесть такую линию нормой развития можно разве что на острове Гамма. Да и то еще надо бы спросить у народа гамма-гамма, не собирается ли он последовать примеру соседних народов альфа-альфа и бета-бета (Форд о них еще ничего не знал), и, прогнав миссионеров, выбросить в море Зета эмблемы колониальной зависимости и приступить к революционным преобразованиям общества и культуры...

5. Кое-что в защиту условных типов (Типы Мальмера)

Итак, концепция культурного континуума несостоятельна не только при наблюдении из одной точки, но и при дозволении наблюдателю двигаться во времени и пространстве. Типы в живой культуре не только существуют, но и доступны выявлению. Всегда? Везде?

Есть еще одно движение наблюдателя — так сказать вглубь материала, по ступеням выявляемой естественной таксономии, от резких рубежей к более тонким границам. Вот тут-то концепция континуума получает некоторое оправдание.

До каких уровней дробности мельчайшие детали, их сходства и различия остаются важными для изучения культуры? И соответственно: до каких пределов надо расчленять археологический материал? В американской археологии по этому вопросу шел долгий и горячий спор между «дробителями» (splitters) и «в-кучу-сгребателями» (lumpers). Первые стремились продолжать дробление как можно дальше, накапливая множество мелких типов, поскольку это предохраняет от смешивания чужеродного. Вторые возмущались: типов столько, что даже их названия невозможно запомнить, отсюда требования задержаться на немногих крупных группах материала, чтобы сосредоточиться на важнейших сходствах и различиях и решать коренные проблемы (этот спор см.: Kidder 1936: XXV—XXVI, 626; Reiter 1938: 489—490; Judd 1940: 430; Rinaldo and Martin 1941: 655; Brew 1946: 55; Taylor 1948: 126—129; Rouse 1960: 116—117; 1972: 89—90; Cowgill 1967: 48—49). В советской литературе также появлялись высказывания как в пользу дробления (Клейн и др. 1970: 300; Щукин 1974: 259—300), так и против него (Формозов 1959: 8).

Экстремальных вариантов не предлагал никто, но они маячили перед взором каждой из сторон как доведеные до логического предела (и тем самым до абсурда) идеалы противника. В самом деле, чтобы довести до крайности требование «в-кучу-сгребателей», нужно было бы ограничить разбиение первым же шагом или даже вовсе не начинать классификацию. С другой стороны, высказывались опасения, что, следуя лозунгам «дробителей», можно получить классификационное древо, в ветвях которого учтены в с е различительные признаки материала, но в конце каждой веточки находится всего о д и н артефакт.

Велись и поиски компромисса: Рауз ставил решение в зависимость от конкретных условий, Тэйлор — от аспектов классификации (дробить эмпирические типы и собирать в кучу культурные), Уоллон обращался к известным в биологии «правилам остановки» деления (stopping rules) и предлагал математические оценки предельных состояний материала (Whallon 1972: 20—22). Все они исходили из убеждения, что в самом материале объективных препятствий для деления «до дна» нет.

Между тем на самом деле в каждом большом объеме материала с заметной изменчивостью е с т ь такой уровень, дальше которого в рамках и для целей данной науки о б ъ е к т и в н о е деление на синтетических основаниях (по совпадающим наборам признаков или хотя бы по кластрам) н е в о з м о ж н о, а по многим показателям невозможно и аналитическое деление. За этим рубежом уже не остается практически различимых объективных оснований для дальнейшего размещения границ. Археолог не может и не должен делить черепок на молекулы. Это значит, достигнуто такое состояние, при котором все априорно существующие границы (или, по крайней мере, все доступные на данном уровне технической оснащенности) уже выявлены, а то, что осталось между ними, выглядит как куски континуума. Вот за этим этапом всякое дальнейшее дробление, если не прекратится, неизбежно станет произвольным: далее можно лишь нарезать условные типы.

Но это уже не вопрос об общей объективности классификации, а вопрос о пределах объективного дробления (Klejn 1973b: 315). Не стоит отождествлять его с вопросом о пределах дробления вообще. Условное дробление незачем отвергать. Оно может понадобиться для тех или иных целей: выяснить степень однородности данного участка, установить, есть ли в нем направленная изменчивость, и если есть, проследить тенденции изменения от одного края к другому. Иными словами, в археологии имеют право на существование также произвольные границы и условные типы, но значение их оказывается ограниченным, временным.

Этим разъясняется еще один парадокс, связанный с культурами боевого топора. Он касается Швеции. Здесь Мальмер (Malmer 1962) выделял свои типы боевых топоров заведомо субъективно. Он действовал сознательно и старался аргументировать не конкретные границы типов, а произвольность проведения границ. Его типы искусственны — причем сверху донизу, с первых шагов классификации (Клейн 1978). И тем не менее его классификация тоже работает — по крайней мере, типы группируются во времени и пространстве.

Главная причина заключается как раз в том, что условные типы не всегда и не во всем субъективны. Если в материале налицо направленная изменчивость, то условны р а м к и типов, но не их с о д е р ж а н и е. Произволен выбор участков для взятия замеров, но объективно то, какие замеры получаются на этих участках. Поэтому хоть границы между типами проведены искусственно, без заботы о том, чтобы они отражали реальные границы, все же е с л и удастся правильно уловить последовательность типов, то какие-то реальные тенденции изменений (пусть очень приблизительно и обобщенно), могут быть зафиксированы этой последовательностью, несмотря на случайность и неадекватность цезур, разделивших материал.

Но ведь Мальмер применил эту методику классификации не на участках заведомого континуума, между последними, самыми тонкими и мелочными, реальными границами. Нет, он разбивал условно весь материал, не считаясь с возможностью обнаружения реальных границ (поскольку, по его мнению, такая возможность вообще принципиально обманчива). Таким образом, его условные типы не дополняют и не продолжают сеть реальных, а конкурируют с ними! Но в этой конкуренции тот факт, что они работают, не является определяющим — нужно было бы показать, что они работают л у ч ш е тех. А это не показано и, видимо, не может быть показано. Они работают хуже.

Локализация типов Мальмера на картах боевых топоров не столь избирательна, как на картах Глоба. Распределение по периодам тоже не столь четкое — на «продукционных диаграммах» приходится сильно

скашивать границы между периодами бытования: почти все типы сосуществуют. Сериации с нормальным порядком ладьевидных распределений не получается. Типы кубков тоже не столь четко разделились, как у Глоба. Распределение уменьшенных днищ (очень показательного реликтового признака) по типам керамики у Мальмера оказалось подозрительно разбросанным.

Неправдоподобно и то, что смена типов топоров и сосудов у Мальмера происходит всякий раз очень постепенно, хотя в одних случаях типы развиваются друг из друга в одной социокультурной популяции, а в других налицо резкое изменение конструкции артефакта и одновременно радикальное изменение среды. Мальмер строит концепцию автохтонного в основном развития культуры со включением иногда диффузии, но без миграций. А не обусловлена ли эта концепция самой методикой классификации? Ведь при условном нарезании типов и периодов никак иного вывода, кроме автохтонистского, и не может получиться!

Беда в том, что если условные границы типов конкурируют с реальными, то это значит, что нарушается реальная дискретность материала. Такими неверными границами типов будет искажена реальная картина. Во-первых, реальные типы, угодив частями в условные, не выступают в них чистыми, а легко загрязняются примесями элементов соседних реальных типов — в результате создается иллюзия родства, преемственности, континуума там, где на деле этого нет. Во-вторых, если характеристики каждого отдельного типа искусственно составлены из разнородных и на деле не сочетавшихся элементов, то реконструкции, основанные на характеристиках каждого такого типа в отдельности, приведут к историческим фикциям. Облик этих фикций будет в большой мере обусловлен предварительными представлениями исследователя, приведшими его к данному выбору границ.

Поясним это такой аналогией.

Взять, скажем, стратиграфический разрез, в средней части которого деленность на слои незаметна, хотя состав слоя, цвет, консистенция и т. п. постепенно снизу вверх изменяются. Разбив эту часть профиля на условные пласты, археолог получит возможность измерить и удобно, по частям, описать тенденцию изменений. Операция вполне закономерна.

Но вот взять другую часть того же разреза — разрез с четко заметными различающимися слоями (хотя бы и не все они были резко разделены). Археолог, который бы пожелал следовать и здесь принципам Мальмера, разобьет и эту часть профиля на искусственные пласты произвольно и затем иссследует содержание этих пластов. Конечно, если его разбивка достаточно многочленна, он уловит общие тенденции изменения культуры и грунта снизу вверх и даже выразит их в цифрах. Его классификация будет работать в этом аспекте. Но характеристики каждого пласта в отдельности где-то случайно совпадут с характеристиками реальных слоев, а где-то будут искусственной смесью. И уж, конечно, не удастся определить, везде ли изменение шло постепенно или где-то происходили резкие переломы, и где именно, не удастся выявить нарушения стратиграфии (перекопы) и т. п. Классификация будет работать куда хуже нацеленной на выявление реальных границ.

Таким образом, неверно полагать, что для материалиста условные типы имеют т о л ь к о вспомогательное значение и что им место т о л ь к о в классификациях, облегчающих розыск информации. За этими типами необходимо также признать исследовательское значение, но ограниченное, не всеобщее, не исключительное, и не преимущественное. Эти типы тоже содержат в себе элементы объективной информации — только нужно знать и помнить, в какой части она объективна.

Вот новейший пример. Авторы публикации, среди которых такой искушенный в теории исследователь, как Бочкарев, предлагают свою группировку погребений ямной культуры (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова 1978). В публикации отмечается, что «материалы ямной культуры очень бедны и монотонны. Это очень затрудняет их классификацию» (Шапошникова и др. 1978: 19). Лучше было бы сказать, что это ставит под сомнение саму возможность и правомерность выявлять в наличном материале внутренне присущие ему типы. Их ведь может просто и не быть. Авторы не задаются этим вопросом и приступают к группппировке.

> «В качестве основы взяты две группы признаков: конструкция перекрытия камеры (два признака) и положение погребенного (три признака)».

Поясню: авторы имеют в виду два вида перекрытия и три позы погребенного. Количество типов определяется простой арифметикой: $2 \times 3 = 6$.

> «Взаимное сочетание этих признаков позволяет выделить нам шесть типов погребений. Преимущество этой классификации в ее простоте. Каждый из признаков надежно фиксируется. Классификация охватывает практически весь материал. В схему не включены только погребения, имеющие отклонения в позе погребенного, разрушенные и кенотафы» (Шапошникова и др. 1978: 19).

Далее идут сведения по каждому типу — о встречаемости (в процентах ко всему массиву), о позициях в контекстах: основные или впускные, с каким инвентарем. Авторы явно считают свои типы внутренне присущими древней реальности, выявленными посредством классификации.

> «Есть все основания полагать, — пишут они, — что выделенные типы выражают определенные особенности погребального обряда. Но их культурно-исторический и хронологический смысл не ясен: принадлежат ли они отдельным половозрастным, социальным или общественным (sic! — смысл различия на совести авторов. — *Л. К.*) группам, одновременны или разновременны?»

Соответственно авторы и поступают со своими типами: определяют последовательность методом, «одним из предварительных условий» которого

> «является типологическая классификация материала... Погребения одного типа принимаются за относительно одновременные» (Шапошникова и др. 1978: 22—23).

Между тем, такое допущение неправомерно, такие операции и осмысление непозволительны. Выделенные типы сугубо условны. Более того, они очень далеки даже от «идеальных типов», выражающих упорядоченность материала и фокусирующих реальную сочетаемость характеристик. Условные типы Шапошниковой и ее коллег, претендуя на типологический статус, на деле построены по принципам служебной классификации (отсюда охват в с е г о материала), причем не строго таксономической — с оценкой веса признаков, а застрявшей на полдороге между аналитической и таксономической. Построена рабочая, первичная, исходная матрица (на манер турнирной таблицы) координации разных планов аналитической классификации, и к а ж д а я клеточка этой матрицы условно принята за тип. То есть к а ж д о е п р и н ц и п и а л ь н о в о з м о ж н о е и чаще или реже реализуемое сочетание двух состояний разных показателей принято за культурно значимое.

Можно, конечно, проследить позицию какого-либо аналитически выделенного признака в исследуемом массиве — таковы типы Мальмера. Можно проследить встречаемость сочетания двух произвольно выбранных признаков — от этого оно не станет реальным типом. Можно перебрать каждое из принципиально возможных сочетаний такого рода — все они от этого не станут реальными типами. Даже хотя бы эмпи-

рическими: ведь не прослежена корреляция признаков. И отдельная поза покойника и такая же поза в сочетании с другой характеристикой (видом перекрытия) могла занимать определенный локус во времени и пространстве, а могла и не занимать (и поза и вид перекрытия, входя в два-три разных типа, тем не менее могли время от времени случайно встречаться вместе на стыках). Они могли иметь культурную связь, а могли и не иметь ее. Нет здесь шести реальных типов и нет их выявления. Есть условное рассечение массива характеристик на 6 кусочков — одним разрезом вдоль и двумя поперек.

Таковы ограничения, о которых нельзя забывать, работая с условными типами.

И еще одно ограничение. Так же, как эмпирические типы археолога, условные типы археолога характеризуют а р х е о л о г и ч е с к у ю культуру — мертвые, фрагментированные и трансформированные остатки живой культуры, той, в которой, как показано выше, существовали перерывы постепенности, законы, повторяемость и, следовательно, какие-то типы.

Здесь встает новая проблема.

6. Слова и вещи

Археолог не видит живой культуры. Ему предстоит оценить, в какой мере те типы, которые есть в его распоряжении, — будь то эмпирические или условные — соответствуют исчезнувшим типам некогда живой культуры. Чтобы найти критерий оценки, археолог должен прежде всего конкретизировать, с чем сравнивать. То есть в чьей формулировке следовало бы взять для сравнения культурные типы, если бы они были доступны. Любые типы — это абстракции. С чьими же абстракциями должны были бы в идеале совпасть абстракции современного археолога, чтобы можно было убедиться в их адекватности исчезнувшим культурным типам?

> «Чтобы получить параллель археологическому понятию типа, — пишет Мальмер, — мы должны, само собой разумеется, обратиться к другим наукам, которые занимаются материальными результатами человеческой деятельности (но, — подразумевает Мальмер, — не сталкиваются с отрывом этого результата от самой деятельности. — *Л. К.*). Этому отвечают нумизматика и этнология.
>
> Представление, что монеты в каком-то количестве схожи с другими, т. е. принадлежат к тому же нумизматическому типу, покоится в большинстве случаев на том, что какой-то политический властитель издал указ: да будет чеканиться известный тип! — и при этом точно указал декоративные и технические элементы, т. е. определил (дефинировал) тип.
>
> Этнологический тип в лучшем случае устроен так, что известны назначение предметов и культурный уровень их носителя, его роль и язык, часто даже название, которое им (предметам) дают те, кто их применяет. Конечно, очень редко случается, чтобы преисторический тип изготавливался на основании такого указа повелителя. Но ситуация, в которой находилось производство преисторического типа, часто оказывалась столь же обязывающей, как если бы существовал форменный указ: при данных психологических, традиционных, религиозных, хозяйственно-географических или политических отношениях человек не мог изготавливать иначе, чем это происходило» (Malmer 1962: 55—56).

Суть проблемы формулируется в следующих словах: «Цель археологического исследования — стремиться к тому, что́ (по крайней мере, в удачных случаях) у этнолога и нумизмата дано...» Даны же «культурные и политические отношения», выраженные в обобщениях преисторических ситуаций. Этим обобщениям и должны быть «конгруэнтны» (соответственны, адекватны) наши археологические типы (Malmer 1962: 56).

Спрашивается, чьи же это обобщения и конкретно как, в чем они выражены? Вот задача, которую многие западные археологи, обычно не формулируя эксплицитно, решали априорно и «простосердечно». Их решение казалось им естественным, о возможности других решений они не подозревали. Оптимальными и, пожалуй, единственно достоверными отражениями живых культурных типов они считают наименования этих типов в языке той же культуры, древнюю терминологию. Логика такого заключения ясна: те, кто создавал вещи, следуя определенному «мысленному шаблону» (mental template), конечно, должны были иметь и соответствующую идею, понятие, в своем мышлении и, естественно, обозначение для этого понятия. Были, скажем, разные типы экипажей лет сто назад, соответственно, имелись и названия для них: «бричка», «дрожки», «коляска», «ландо», «двуколка», «телега» и т. д.

Мальмер строит такую мысленную модель обусловленности производства типа артефактов в преисторическом прошлом:

> «Можно теоретически представить себе подобную конкретную преисторическую ситуацию. Сверхестественно рефлектирующий преисторический человек думает: 'Я изготовляю сейчас предмет, который в нашем языке называется так-то и так-то. Я делаю это потому, что подобные предметы сейчас необходимы для такой-то и такой-то цели. Я формую его так, ибо мы, живущие в этой области и принадлежащие к этому слою с этими социальными амбициями, всегда делаем это так. Я наношу этот орнамент на этот предмет, потому что я при его посредстве отдаю этот предмет и себя под покровительство таких-то и таких-то божественных сил'. И т. д.» (Malmer 1962: 56, прим. 87).

Любопытно, что так решали эту проблему очень разные исследователи — и те, кто считал реальной задачей «открывать» культурные типы в материале (напр., Chang 1967b: 227—229), и те, кто считал это невозможным (Malmer 1962: 55—56).

Последним легче при таком способе оценки реалистичности типологии. Мальмер запросто расправляется с теми, что считает, «что дело археологов о т к р ы в а т ь типы, а именно — типы, которые сами люди давно минувших дней различали». Он ссылается на расплывчатость обыденных обозначений, приводя в пример современные термины «книга», «брошюра» и «журнал». Ссылается и на безвозвратную утерю преисторических языков (Malmer 1963: 254—255).

В более трудном положении оказываются те, кто за «открывание» культурных типов. Для сверки нужно то, что обычно есть у этнографов — системы слов исследуемого народа. «Слова, увы, не всегда есть в распоряжении археолога» (Chang 1967b: 228). Когда речь идет о поздних культурах, еще есть возможность свериться с древней терминологией — по хроникам, эпиграфике, документам. Когда же речь заходит о более ранних культурах, можно лишь обратиться к лингвистической этимологии, реконструирующей древние термины, и к этнографическим параллелям. То есть к таким этнографическим ситуациям, в которых таким же (как обнаруженные археологами) распределениям сходств в культурном материале соответствуют стандартные обозначения в языке. Чжан Гуанчжи предлагает ориентировать типологические системы археологов на максимальное приближение к обобщенным теоретически обоснованным классификациям этнографии (Chang 1967b: 232). Тем самым археологи рука об руку с этнографами подойдут к выявлению «понятийных систем» исследуемого населения (Chang 1967b: 229).

Однако сам этот метод проверки не столь логичен, как кажется на первый взгляд. Уже высказывались (Binford 1967; 1968a: 14; 1968b; Klejn 1973b: 314) соображения о том, что поступать так значило бы принимать за идеал для ученых, за образец для подражания логические операции первобытных людей. Это значило бы, что археологам рекомендуется приноравливать свои выводы к тому, как сами первобытные

люди осознавали свои действия и произведения. Но ведь представления первобытных людей о мире и их познавательные возможности были значительно ниже, примитивнее современных, да еще научных (ср. Durkheim and Mauss 1963; Лурия 1974)!

К этому можно добавить, что в любом языке названия типов не только расплывчаты, но и нередко неадекватны реальности. В силу консервативности словаря и по другим причинам термины нередко не совпадают с понятиями. Археологи могут в порядке рефлексии обратиться к собственному жаргону: действительно ли основное деление «поселений» — это деление на кратковременные и долговременные, и действительно ли этому соответствует терминологически оппозиция «стоянки» — «селища»? Верно ли, что в отличие от английских археологов, различающих «motto» (поселок с деревоземляными укреплениями) и «ruins of city» (руины города), русские археологи не различают их, коль скоро называют одним словом «городище»?

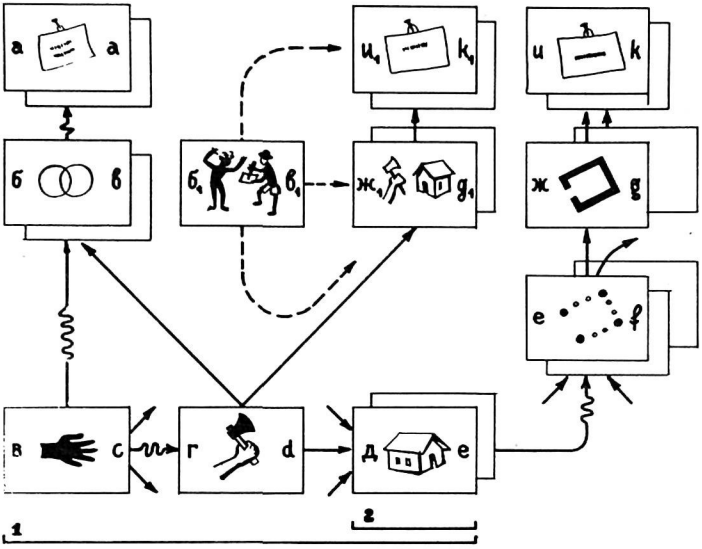
Далее, какие у нас основания связывать формирование культурных типов только с кодифицированными, изначально запланированными, осознанными и обозначенными в древности действиями людей? Даже в современной культуре значительная часть конформного поведения, рождающего стереотипные следы, не осознана самими деятелями и нередко не имеет названий. Люди нередко поступают по строгим правилам, сами того не замечая. Они стихийно планируют поселки и усадьбы, выбирают цвет одежды и т. д. Подсознательные побуждения людей тоже организованы, культурно упорядочены, межкультурно дифференцированы и ведут к стереотипам поведения и типам в культуре. На этом основано различие между «открытой культурой» (overt culture) и «скрытой культурой» (covert culture), предложенное Холлом (Hall 1959). Мы не вправе исключать из археологии типы «скрытой культуры». Более того, именно связи по типам «скрытой культуры» считаются (как более интимные) более надежными для установления генетического родства.

«Сверхъестественно-рефлектирующий» первобытный человек Мальмера сверхъестествен не столько тем, что он рефлектирует, сколько тем, к а к он рефлектирует. Чем дальше в прошлое, тем больше ситуаций, в которых первобытный человек вел себя иначе. В них он не думал даже, а подсознательно чувствовал, ощущал примерно следующее: 'Мною совершается этот поступок потому, что это нам нужно; он делается именно так, потому что иначе я не умею; а что он получается таким же, как обычно у меня, и таким же, как у моих сородичей, то одни боги знают, почему; следы же, которые от него остаются (для нынешних этнологов и будущих археологов, — мог бы он добавить), естественно, похожи на другие следы таких действий — это всякому видно'. И всё.

Что же касается мустьерских кремневых орудий (скребел, остроконечников и др.) и шелльских или ашельских ручных рубил, то хоть они и образуют явно типы, трудно предположить, что этим типам соответствовали древние понятия, четко оформленные в словах, — ведь эти орудия изготовлены не Homo Sapiens, а неандертальцами и питекантропами, вряд ли вообще владевшими членораздельной речью!

Наконец, даже там, где древнюю номенклатуру можно предположить, она не годится в качестве идеального ориентира для культурного осмысления эмпирического типа еще и потому, что не имеет непосредственной связи с эмпирическими типами археолога. Она отделена от них связующими звеньями, на стыках которых могут накапливаться сдвиги значений, несоответствия и ошибки (рис. 17). Древние **названия** (а) следуют (не очень точно) древним понятиям; эти **понятия** (б) отображают (не очень полно и не всегда рационалистически) древние

побуждения людей, определенные их культурой; в свою очередь, эти **побуждения** (в) реализуются (не всегда умело) в стереотипных **действиях** (г), дающих типические **результаты** (д) в материальной культуре. Эти результаты, имеющие культурное происхождение и смысл, взаимоналагаются и смешиваются еще в самой культуре, а затем теряются в массе других **следов** (е) формирующего и организующего воздействия на материал: систематического вмешательства случайных природных факторов (отсутствие нужного сырья, стихийные бедствия и т. п.), регулярной деформации от старения, селекции при раскопках и сборах и т. д. Границы этих формирований (е) могут даже оказаться более заметными. Обе категории следов (д + е) археолог способен выявить в материале. Выявляя какие-то из них по естественно выступающим границам наибольшей интенсивности, он получает свои **эмпирические типы** (ж), а если он не следует этим указаниям материала, а исходит из других соображений в проведении границ, то получает свои **условные типы** (з), на схеме не показанные.



Р и с. 17. Схема формирования этнографических и археологических типов. Связи между словами, идеями и вещами, лежащие в основе этнографической и археологической информации.

О б о з н а ч е н и я: а — древние (аборигенные) названия, б — древние (аборигенные) понятия, $б_1$ — объяснения аборигенов этнографам, в — побуждения, г — стереотипные действия, д — типичные результаты в материальной культуре, е — следы воздействия на материал, ж — эмпирические типы археологии и ($ж_1$) этнографии, з — условные типы археологии и ($з_1$) этнографии, и — названия типов археологии и ($и_1$) — этнографии; 1 — основное содержание жизненных типов этнографии, 2 — основное содержание культурных типов археологии.

Вот как отдалены эти абстракции современного археолога (ж + з) от первобытной терминологии (а)!

Разумно ли ориентировать абстракции современного ученого на сверку с абстракциями первобытного человека — несовершенными, далеко отстоящими и заведомо недоступными? Почему именно в них мы

должны видеть наиболее эксплицитное воплощение культурных типов? Очевидно, здесь сказывается влияние концепции Тэйлора, по которой культура — это только идеи, а действия и вещи — это уже не культура, а результаты культуры (Taylor 1948: 101—102, 110). Неплодотворность этой концепции была показана (Binford 1965). Идеалом, к которому должен стремиться в своих эмпирических абстракциях археолог, стоило бы признать абстракции, которые мог бы извлечь из информации о живой культуре современный же ученый — этнограф, культуролог, социолог, нумизмат, окажись он в прямом контакте с этой культурой. Археолог должен мысленно поставить себя в позицию этнографа, имевшего возможность наблюдать исследуемую культуру, когда она была живой.

Как же формулирует свои типы этнограф?

Он наблюдает действия и их результаты (г + д). Видя их связь между собой и сравнивая с другими действиями и результатами, он оценивает их значение для культуры в целом, их культурный смысл. На этом основании судит о побуждениях (в) людей — идеях подсознательных стимулах и т. п. — и констатирует логические цепочки, ведущие от этих побуждений через действия к материализованным результатам. Этнограф, конечно, имеет возможность сверить свои выводы о побуждениях с объяснениями ($б_1$) самих носителей культуры и с их словарем (а), но он не обязан считать эти объяснения и обозначения (а + $б_1$) истиной в конечной инстанции. Это лишь вспомогательный материал, а логические цепочки конструируются прежде всего на основе собственных наблюдений этнографа. Эти цепочки (в + г + д) и есть **культурные типы** в полной этнографической или этнологической реализации. Для археолога это лишь мысленный идеал.

Но в этом мысленном идеале есть материальное звено, в принципе доступное археологическому наблюдению и не столь отдаленное от эмпирических типов, как речь древнего населения. Это звено — последнее в указанной логической цепочке: материальные результаты (д) культурных действий. Собственно, это и есть та сторона, которой культурный тип этнографов обращен к археологу. Так он виден археологу, и можно сказать, что это и есть **культурный тип в археологическом выражении,** культурный тип для археолога.

Пусть не было этнорафа, наблюдавшего археологическую культуру, когда она была живой. Пусть никому из ученых современного склада не удалось сформулировать для нее культурные типы в этнографическом смысле. Пусть не вся информация, которой бы он для этого тогда воспользовался, сохранилась. Часть ее все-таки дошла до современности — деформированная, хитроумно упрятанная среди другой информации (е), но дошла. По ней формулировать культурные типы (д) придется самому археологу. Вот и будет с чем ему сверять его эмпирические (ж) и условные (з) типы.

Все они однородны, близки друг другу, сопоставимы, и задача сверки и ориентировки проста. Вся загвоздка в том, как эти культурные типы выявить.

Глава VI

К НАСТОЯЩИМ ТИПАМ

Типы, установленные на основе дескриптивного анализа, не становятся ipso facto культурными типами.

У. Тэйлор (Taylor 1948: 129).

1. Мираж наилучшей типологии

Если ни эмпирические, ни условные типы не становятся культурными типами в любых условиях и сами собой, то нужны специальные меры по переводу одних в другие. А чтобы такие меры изобрести, необходимо понять, почему первые не становятся ipso facto вторыми, понять, что препятствует переводу. Предложено несколько версий объяснения и, соответственно, несколько вариантов решения задачи.

Пожалуй, наиболее простой выход предложили Хилл и Эванс (Hill and Evans 1972). Большей частью археологи, проводя классификацию и пробиваясь к культурным типам, рассматривают свою цель как создание наилучшей типологии (the best typology), которая могла бы стать стандартной, универсальной, пригодной для решения любых исследовательских задач: прослеживания функционально-конструктивного прогресса, установления генетических связей, хронологических и стилистических определений и т. п. Идея афористически сформулирована американским философом Пирсом, основоположником прагматизма: «Есть множество искусственных классификаций, но только одна естественная» (Pierce 1958, § 275).

Если археологи и не декларируют это, то практически именно к этому стремятся. Нередко и декларируют. В наиболее авторитетном американском учебнике сказано:

> «Несмотря на традиционную увлеченность археологов классификацией, общепризнанную систему так и не удалось создать. Пока таковая не достигнута, археология будет и дальше задавлена описаниями, не сопоставимыми между собой» (Hole and Heizer 1969: 179).

Рдесь в лаконичной форме содержатся и формулировка цели и констатация ее неосуществленности. Отчего же она не осуществлена, несмотря на все усилия? Осуществима ли она?

Нет, не осуществима, доказывают Сэкет, Деэй и, особенно развернуто, Хилл и Эванс (Sackett 1968; Deshayes 1970; Hill and Evans 1972).

Сэкет пришел к выводу:

> «Нет одной единственной типологии, содержащейся в кочцевых скребках, и способ, которым классифицируются их типологические категории, необходимо зависит от того, к чему эти типологические категории предназначены, как они будут использоваться на последующих этапах работы» (Sackett 168: 74).

Хилл и Эванс связывают идею «наилучшей типологии» с «метафизическим представлением, что все явления (в том числе артефакты) имеют смысл или значение, содержащееся (в каком-то отношении) в них самих. Каждый, де, объект имеет одно значение или от силы несколько значений, а в археологии задача археолога — открывать эти значения» (Hill and Evans 1972: 233—234). Из этих представлений вытекает, что надо собрать данные об этих явлениях прежде, чем двигаться через классификацию к выводам, и что чем больше собрано данных, тем прочнее выводы. Классификация должна предшествовать интерпретации. Поскольку же объекты сами содержат в себе ту информацию, которую нам надлежит

открыть, их, стало быть, надо так сгруппировать, чтобы информация, которую они содержат, стала попросту более очевидной. «Этот взгляд стал почти трюизмом» (Hill and Evans 1972: 234).

Авторы показывают, что так подходили к делу многие известные теоретики — Рауз, Тэйлор, Диц и др. Рауз, например, в своей «таксономической» классификации

> «стремится к «наилучшему» из возможных классификационных делений при данной природе материала. А «наилучшей» обычно оказывается наиболее **очевидная** классификация. Никто, скажем, не присоединит красные горшки с широким горлом к белым горшкам с узким горлом — точно так, как собак к жирафам!» (Hill and Evans 1972: 235).

Авторы признают: «Этот подход к типологии, конечно, работает» (Hill and Evans 1972: 235). То есть он действительно выделяет реальные типы. Но он рассматривает их как единственно верные типы, по необходимости имеющие культурное значение, а это не так.

Что это не так, стали постепенно осознавать некоторые археологи, и «феноменологический взгляд на классификацию пришел к медленной и трудной смерти» (Hill and Evans 1972: 248). В свое время Бру и Форд выступили за множественность классификаций, но при этом настаивали на произвольности, условности, искусственности типов — такие типы нетрудно представить взаимнопересекающимися. Рауз постепенно развертывал концепцию о том, что и реальные членения в материале могут быть разнообразны — сначала это касалось у него только признаков (аналитическая классификация), затем — модов (партитивная классификация), свободных в их отношении к стабильным и универсальным морфологическим типам, наконец, коснулось немного и типов. Но Рауз был непоследователен в этом: он все же мечтал о единой, основной, наилучшей типологии.

Хилл и Эванс предлагают отказаться от этой мечты и принять идею, что «типы тоже могут быть 'многообразны'» (Hill and Evans 1972: 249) и что именно реальные культурные типы должны быть разными для решения разных исследовательских проблем. Так авторы интерпретировали идею Бинфорда о том, что реальных типов, какими они рисовались Сполдингу, собственно нет. В смысле: нет единых типов. Суть дела в том, что количество признаков, доступных фиксации, практически безгранично. Учесть их «все» невозможно. Приходится отбирать. Но те, что отброшены как «несущественные», незначимые, нерелевантные для данной классификации, вполне могут оказаться очень важными в других отношениях, для других целей.

> «Следовательно, мы не можем построить всеобщую, универсально пригодную типологию чего бы то ни было» (Hill and Evans 1972: 251).

Желая проследить прогресс или изменение деятельности, мы будем обращать внимание прежде всего на функционально важные признаки и построим соответствующую типологию. Желая же разобраться в культурных влияниях, распространении и хронологии, выделим скорее стилистические признаки — и соответствующие типы.

Более того, даже внутри одной проблематики, одного ряда признаков (например, функциональных) могут быть разные задачи и разные типологии. Возьмем, к примеру, а) отвертки и б) клещи, плоскогубцы, пассатижи. Они явно различны. Классификатор старого склада без колебаний отнесет их к разным типам, имея в виду, что они различны не только морфологически, но и по функциональному назначению. Что ж, эта функциональная типология верна. Но является ли она наилучшей? Не обязательно. Предположим, что нам надо отделить не орудия для отвертывания от орудий для захвата, а орудия электрика от орудий других мастеров. Орудия электрика должны быть более длинными, тонкими

(чтобы проникать в отверстия футляров), и у них должны быть резиновые рукояти. Имея в виду эту цель, классификатор нового склада мог бы добавить к старой новую типологию — отнести к одному типу все орудия в коллекции, имеющие признаки: 'длинный', 'тонкий' и 'снабженный резиновой рукоятью'. Сюда вошли бы и часть отверток и пассатижи. Такие функциональные типы столь же правомерны, реальны и культурны, как и первые. Разве нет? (Hill and Evans 1972: 252—253).

2. Мираж послушной типологии

Таким образом, отбор данных «направляется априорными проблемами или интересами исследователя», а отсюда вытекают разные типологии для одного и того же материала (Hill and Evans 1972: 252).

Авторы связывают это предложение с выдвигаемой «новыми археологами» методологической концепцией «позитивистской» процедуры исследования (Fritz and Plog 1970; Hill 1972), которую вернее было бы именовать «дедуктивистской». Однако в ней действительно сохранилась позитивистская основа. Авторы так излагают суть своей концепции:

> «Позитивистский взгляд заключается в том, что явления не имеют внутренних или первичных значений, которые можно было бы открывать. Скорее каждому явлению или сети явлений придается значение человеческим умом, и может быть придано столько разных значений, сколько исследователь изберет, чтобы придать. Позитивист считает, что нет единственной или наилучшей естественной типологии материалов и других явлений. Для археолога это означает, что нет внутренних значений (например, норм, шаблонов, предпочтений, функций и т. д.), которые можно было бы открыть в комплексе артефактов» (Hill and Evans 1972: 252).

Далеко ли ушли Хилл и Эванс от Бру и Форда?

Хилл и Эванс, с одной стороны, с сочувствием ссылаются на этих своих предшественников, впервые открывших множественность типологий, а с другой стороны, всячески открещиваются от этого родства, осуждая идеалистическую позицию Бру и Форда.

> «Беда с аргументацией Бру в том..., что он стал настойчиво утверждать взгляд, будто кластеры признаков, которые мы называем типами, не имеют реальности! *По его мнению, они не открываются, а, скорее, налагаются археологом на коллекцию*... Сполдинг (1953, 1954) прав, критикуя этот взгляд» (Hill and Evans 1972: 246). «...Форд... даже еще более настойчиво ратовал за полную произвольность типов...» (Hill and Evans 1972: 246).

Для Хилла и Эванса кластеры признаков обладают реальностью и существуют независимо от исследователя. Но за ними не стоят какие-либо значения помимо тех, которые им придает исследователь. Внутреннее, независимое от исследователя, смысловое содержание нереально. Но что за типы без «априорных» значений? Это ведь типы эмпирические. Выходит, что, по Хиллу и Эвансу, эмпирические типы реальны, а культурные все-таки нереальны. Культурные все-таки условны. Как мы помним, и Форд ведь не отрицал реальности эмпирических типов.

Но разве приспособляемость орудий к отвертыванию и захвату или к работе с электроприборами зависит от воли наблюдателя? Разве не вложена она изначально, «априорно» в сам набор орудий их изготовителями? «Хотя и нет о д н о й - е д и н с т в е н н о й типологии, — возразил Уотсон, — мы, будучи учеными, должны предположить, что есть о д и н - е д и н с т в е н н ы й мир». В нем группировка объектов обусловлена и ограничена их свойствами, которые имеют определенность. «Если бы это не было так, то любой объект вписывался бы в любую типологию» (Watson 1973: 210). Множественность культурных группировок и значений в материале авторы приравняли к отсутствию таковых. Возможность и необходимость выбора между ними, возможность и необходимость выбирать, которую из группировок и з в л е ч ь в данный момент из материала, авторы приравняли к свободе исследователя в в о д и т ь в материал

те или иные значения. Зависимость значений от ракурса рассмотрения приняли за зависимость от исследователя, тогда как, выбрав ракурс, исследователь выбрал тем самым лишь одно: которой из независимых от него сторон реальности он подчиняется сейчас в регистрации явлений.

Именно это имели в виду авторы книги «Объяснение в археологии», когда сформулировали свой афоризм:

> «Признаки, которые ты отбираешь для обработки, отразят твою проблему, тогда как типы, определенные этими признаками, отразят реальный мир» (Watson, LeBlanc and Redman 1971: 131).

Миражу наилучшей типологии Хилл и Эванс противопоставили мираж послушной типологии, тоже не новый.

Авторы и сами, видимо, ощущают методологическую слабость своей позиции. Они очень непоследовательны. В работе можно найти и высказывания, противоречащие их же основной идее.

> « «Если — пишут они, — исследователь избирает признаки, в которых он заинтересован, то это еще не значит, что кластеры, которые он получает, нереальны или неслучайны (или что изготовители изделий не осознавали этого факта). Неслучайные кластеры признаков наверняка имели какое-то значение помимо того, что существует в уме археолога» (Hill and Evans 1972: 246).

Стало быть, имели, и даже наверняка!

Вот и пойми, как же трактовать значения, расположенные за кластерами признаков, то есть по сути, культурные типы за эмпирическими типами. То ли как априорные, изначально заложенные в материале, то ли как продвинутые туда исследователем. То ли их открывают позади эмпирических, то ли конструируют перед эмпирическими. Признание независимого культурного смысла за каждым неслучайным (то есть устойчивым) кластером эмпирических признаков — это повторение Сполдинга, то есть противоположная крайность. Шатания между Фордом и Сполдингом не привели здесь ни к чему, кроме эклектики.

Но оставим эту методологическую неясность на позитивистской совести авторов. Допустим, что здесь просто неудачны формулировки.

Нас-то главным образом интересует, как археологу ухватить культурные типы. Какое же решение этой насущной проблемы выводится из теоретических соображений Хилла и Эванса, какими бы двойственными ни были эти соображения?

3. Дедуктивная классификация

Предполагалось, что за множеством равноправных эмпирических типологий и за множеством условных типологий можно как-то увидеть, *получить одну культурную — наилучшую, универсальную и стандартную.* Следом за Бинфордом Хилл и Эванс показали, что это не так. Оказывается, за множеством эмпирических типологий и за множеством условных типологий есть место не для одной-единственной, а для множества равноправных культурных типологий. Для Форда проблема тем бы и решалась: культурные типологии просто совпали бы с условными, тех и других может быть много. Для Сполдинга дело бы улучшилось: у него все эмпирические типы автоматически оборачивались культурными, а поскольку эмпирических типологий много, признание множества культурных типологий выправило бы ситуацию.

Ну, а для тех, кто, следуя Тейлору, считает, что культурные типы скрываются за эмпирическими и что не все эмпирические совпадают с культурными? Для этих исследователей ситуация мало изменилась. Число культурных типологий хоть и признано большим, но не безгранич-

ным. Оно по-прежнему меньше не только числа условных, но и числа эмпирических. Проблема выбора и отождествления остается.

Хилл и Эванс близки именно к этой позиции. Правда, для Тэйлора культура и культурные типы сводились к идеям, мысленным шаблонам, нормам, а Хилл и Эванс придают культурное значение и ненамеренным характерным чертам (вроде тех самых царапин на машине), неосознанным стереотипам поведения — вплоть до индивидуальных привычек, тоже оставляющих типичные следы (почерк, манера письма в живописи и т. п.) (Hill and Evans 1972: 257—258). Конечно, расширяя так категорию культурных типов, можно довести ее до такой ширины, что она совпадет по охвату с категорией эмпирических типов. Тогда каждому эмпирическому типу будет соответствовать какой-то культурный тип. *Но и при этом останется неизвестным: какой именно.*

Кроме того, даже при таком расширительном толковании культурных типов не исчезнет проблема отбора важнейших (по культурному смыслу) эмпирических типов еще и потому, что для исследования культуры отнюдь не равно важны различные виды упорядоченности: мысленные шаблоны и социальные нормы с одной стороны, и индивидуальные привычки — с другой.

Пример подобного различения можно видеть у Маршака. Применительно к керамике он придает высший ранг выделению функционального назначения сосудов, средний ранг — обособлению по конструктивно-стилистическим решениям, зафиксированным обычаями (на основе моды, локальных особенностей производственных отношений и т. п.), и низший ранг — выделению по творческим особенностям мастера, по степени его уклонения от традиционного эталона к инновациям. Эти ранги характеризуют иерархию именно культурных типов, и Маршак указывает на сложность соотношений этих ступеней с характеристиками эмпирических типов (формой, веществом, размером и т. п.) (Маршак 1965: 311—312). Выделять ли общности высших рангов в культурные типы, как это делает Тэйлор, или выделять их с р е д и культурных типов (в культурные типы особого значения) — не столь существенно. Важно, что без выделения не обойтись.

Так есть ли у Хилла и Эванса способ провести среди доступных археологу типов (эмпирических ли, условных ли) выбор и опознание тех, которые имеют определенное культурное значение? Есть ли способ отождествления некоторых из выступающих наружу типов (эмпирических или условных) со спрятанными позади них культурными? Да, есть.

Что же это за способ? Это предложение применить к данной задаче общие принципы гипотезно-дедуктивистской процедуры исследования, принятые в «новой археологии». Дело сводится к тому, чтобы поставить выделение культурных типов (все равно, трактуемое ли в декларациях как выявление или как создание) в зависимость от предварительных интересов, целей и предположений исследователя. При этом имплицитно предполагается, что у исследователя уже есть представление о том, (А) какие вообще культурные типы здесь могут быть и (Б) как могли бы выглядеть археологические выражения тех или иных культурных типов, так что ему остается лишь (В) проверить их наличие. Чтобы проверить, надо: а) отобрать соответствующие серии материалов и признаков, провести нужные измерения в намеченных рамках (нечто от получения условных типов); б) выявить среди них реальные кластеры признаков (нечто от получения эмпирических типов) и в) сопоставить полученные кластеры с наличными представлениями о возможных культурных типах и о внешних археологических признаках тех и иных культурных значений.

Откуда же берутся у археолога эти предварительные представления? Это результат прежних выводов археологии и особенно этнографии

об облике и структуре первобытных культур и о регулярностях в связях между культурными значениями и их археологическими выражениями.

Система стройна, методика импонирует своей сосредоточенностью, целенаправленностью и активностью. Этот способ, несомненно, дает ценную опору в попытках нащупывать реалистичные типологии узкого профиля, имеющие шансы на плодотворность.

Однако в самом основании этого способа есть несколько пороков, подрывающих его силу и ограничивающих приложение.

Во-первых, он пасует перед опознанием принципиально чуждых культурных типов, неизвестных ранее археологам и этнографам, типов, отсутствующих в ассортименте сохранившихся живьем культур. В этом смысле Хиллу и Эвансу можно обратить тот упрек, который Бинфорд бросил Чжану, сказав, что ставить археологическую классификацию в зависимость от этнографической значило бы уходить от приращения знаний и «загонять себя в методологический угол» (Binford 1968a: 14).

Во-вторых, дробление единственной, универсальной, «наилучшей» типологии на множество мелких узкопрофильных равноправных типологий не всем представляется столь правомерным, как Хиллу и Эвансу. Сами же авторы приводят возражения своих коллег по этому поводу. Сполдинг, Кауджилл и Плог обратили внимание авторов статьи на то, что цели археологов на деле как-то ограничены и что поэтому можно наметить какие-то стандартные категории признаков, на основе которых сложатся типы, пригодные для большей части наших проблем. Сполдинг советует отдать «стратегический приоритет» типам, пригодным для обслуживания многих гипотез, создать, как выражаются Хилл и Эванс, некую «субстратную» типологию стандартных типов, базисную для специализаций и модификаций. Кауджилл считает, что скорее всего найдется лишь с полдюжины видов проблем, и можно обойтись полдюжиной соответствующих им классификаций (Hill and Evans 1972: 263—264). На ограниченность типологий указывает и Уотсон (Watson 1973).

Дело, однако, на мой взгляд, не столько в немногочисленности возможных ракурсов рассмотрения, сколько в том, что среди проблем есть коренные и есть зависимые. Во всех науках кроме серии вспомогательных и узкопроблемных классификаций есть основные, базисные, имеющие наибольшее значение и наиболее широкое и многообразное применение. Сомнительно, чтобы материал культуры, искусственно организованный людьми, не дал оснований для подобного подхода.

В-третьих, логическая схема предусмотренного Хиллом и Эвансом отождествления предполагает, что между культурными типами и их наблюдаемыми археологическими выражениями (или между эмпирическими типами и их культурными значениями) существуют однолинейные связи, с простыми уравнениями и однозначными соответствиями. Тогда достаточно знать эти простые регулярности — и по одной стороне можно легко найти другую. Но ведь мы теперь понимаем, что этот формально-логический рай — ученая фикция. Дело не только в том, что многие регулярности имеют вероятностный, статистический характер и позволяют утверждать лишь определенную долю осуществления соответствий, причем с известной вероятностью. Уже это одно сильно уменьшило бы надежность каждого отдельного отождествления. Но дело еще в том, что решения часто многозначны с большой неопределенностью. За одинаковой археологической формой могут скрываться разные культурные значения, и один культурный тип может иметь разные наблюдаемые археологические выражения. Археологический факт полисемичен (Klejn 1973: 704).

Поэтому трудно разделить уверенность авторов в том, что с подчинением классификации предварительным проблемам и гипотезам «'типологический спор' отойдет в прошлое» (Hill and Evans 1972: 232).

4. Древеса Уоллона

Другой путь решения проблемы предложил еще один представитель «новой археологии» — Уоллон (Whallon 1971, 1972a, 1972b). Он тоже исходит из представления об отсутствии типов, сформулированного Бинфордом и другими, но развивает его иначе, чем Хиллл и Эванс, — гораздо более радикально.

Подобно Бинфорду, к пересмотру привычных представлений о типах Уоллон пришел в процессе практических исследований и неожиданно для себя, получив поразившие его результаты ("surprising results" — Whallon 1972a: 13). Он обрабатывал керамику культуры Оуаско в штате Нью-Йорк. Для этой керамики в 30—40-е годы работами Форда и Гриффина, а затем — Ритчи и МакНиша была создана детальная типология. Типы были схвачены интуитивно и затем подтверждены корреляционными таблицами наподобие турнирных (cross-tabulation), с подсчетами частот встречаемости признаков и процентными отношениями. Эта стандартная типология долго служила хорошим средством пространственно-временного распределения керамики, то есть типы коррелировали с пространством и временем.

Именно на этой конкретной основе Кригер выдвинул свое знаменитое определение типов как кластеров, то есть как устойчивых сочетаний признаков (Krieger 1944), затем подхваченное и операционализированное статистически Сполдингом (1954, 1960). Сполдинг показал, что статистическое выявление кластеров надо делать не простым подсчетом частот и процентов, а с помощью оценки по X^2 (хи-квадрат). Числовая (нумерическая) таксономия предоставила целостную систему математических операций для этого подхода. Так Сполдинг со своими коллегами и обрабатывали керамику Среднего Запада. Но в Восточных штатах Форд и Гриффин этого не делали (вспомним баталию Форда со Сполдингом), а Ритчи и МакНиш работали с частотами и процентами, то есть неправильно, недостоверно.

Уоллон переработал классификацию Оуаско заново, методикой Сполдинга — и ужаснулся: исчезли все ,6 типов Ритчи и МакНиша! Во всем материале проявился только один кластер признаков: воротничок оказался связан с плоским обрезом венчика и лощением на обрезе и внутри сосуда. Это значит, — констатирует Уоллон, — что методикой Сполдинга в этой керамике можно выделить не более двух типов: воротничковые сосуды и без воротничков (точнее было бы сказать: один тип и атипичное окружение).

Но у Ритчи и МакНиша типов было 16 и каждый имел хронологически фиксированную ладьевидную ячейку на шкале сериации. Хронология подтвердилась радиоуглеродными данными. Такой типологии не откажешь в реальности существования, не объявишь субъективным созданием классификатора — ведь она работает! Неправильная, несуществующая с точки зрения строгих критериев Сполдинга — ОНА РАБОТАЕТ! (Заметим, повторяется ситуация, намеченная в начале нашего рассмотрения проблемы: там был парадокс боевых топоров, здесь — парадокс керамики Оуаско).

Уоллон обратился к проверке теоретических оснований всех этих классификаций, и это,

«наконец, привело к возможному объяснению этой проблемы. Видимо, действительная процедура определения типа и логическая структура самой этой типологии

совершенно не соответствуют утвердившейся концепции о том, чем должен быть тип и чем он считается» (Whallon 1972a: 15).

В этой утвердившейся концепции, идущей от Кригера и Сполдинга, имплицитно подразумевается, что: а) в материале одновременно проявляются серии сильно взаимосвязанных признаков, б) все они могут и должны восприниматься сразу, в) значения парных взаимосвязей можно принять одинаковыми для всего объема материала, г) всем признакам можно придать равный вес. Классификацию, основанную на этих принципах, Уоллон называет *парадигматической,* поскольку это принципы унифицирующие. Поскольку же фокусирующая эти принципы дефиниция типа учитывает вероятностный характер сочетаемости признаков, Уоллон также называет эту систему *«статистической типологией»*. Она, ее принципы, ее дефиниция типа и поставлены под вопрос.

«Многие исследователи пытались применить эту строгую дефиницию на практике, но с относительно слабым успехом». Либо в материале не удавалось выявить существенных кластеров, либо открываемые кластеры не удавалось использовать для культурных характеристик (Whallon 1972a: 14). Доран и Ходсон обращают внимание археологов на то, что математические приемы Сполдинга (оценка по X^2) не адекватны задаче (Doran and Hodson 1975: 168—169).

Уоллон же пришел к выводу, что

«увязка признаков (the attribute association) или «сполдингов» подход и популярная ныне техника числовой (нумерической) таксономии не работают в установлении типов, которые бы отражали пространственно-временные отношения, — не работают не из-за того, что техника недостаточно развита, а потому, что основная концепция определения такого типа, на которой они строятся, неудовлетворительна» (Whallon 1972a: 13).

Он попытался рассмотреть действительную структуру той классификации, которая хорошо работает, чтобы затем смоделировать ее в более строгих, эксплицитных формах, допускающих математическую обработку. Оказалось, что типология Ритчи и МакНиша строится на совершенно иных принципах. Она подразумевает: а) что признаки различны по весу и есть иерархия их значений, которой должен следовать порядок их рассмотрения при получении типов, б) что связи между признаками неодинаковы в разных частях материала и что поэтому надо иметь возможность сдвигать от типа к типу критерии дефиниции.

Подобные заключения высказывались и раньше некоторыми исследователями на основании их практики. Амброз отмечает, что в своей классификации фибул не стал исходить

«из априорного выделения одинаковых для всего разнородного материала признаков... Жесткая, чисто формальная классификация, механически укладывающая весь разнородный материал в прокрустово ложе априорно выбранных исследователем признаков, искажает реальную связь явлений».

Так, когда Калитинский классифицировал двупластинчатые фибулы строго по количеству шипов, то «в одно звено у него попали фибулы разного времени, с разных территорий...» То есть его классификация не работает. Дело же в том, что

«в разных местах фибулы развивались по-разному: в одном месте главное внимание мастера уделяли разнообразию форм пружины, в другом разрабатывали рельефные украшения, в третьем варьировали пропорции дужки. Поэтому нельзя классифицировать все фибулы подряд только по форме пружины или по форме спинки и т. д. Ведущие признаки варьировали внутри разных групп, серий и вариантов не одинаково, а в соответствии с местными особенностями их развития мастерами древности; такая и с т о р и ч е с к а я к л а с с и ф и к а ц и я (разрядка моя. — *Л. К.*) уже давно и широко применяется археологами, в том числе знаменитая книга О. Альмгрена построена именно по этому принципу» (Амброз 1966:8).

Уоллон генерализовал и формализовал выводы. Если критерии дефиниции и их ранговую последовательность изменять от одной части мате-

риала к другой, то получается *древовидная классификация* того самого облика, который мы привыкли видеть в биологических и геологических определителях. Она строится на признании *монотетического* принципа как более адекватно отражающего структуру материала в интересующих археолога аспектах. На каждом шагу деления материала — обычно дихотомического — принимается за критерий деления какой-то один признак всякий раз — иной, причем в каждой ветви деления — особо: и последовательность, и даже состав признаков, служащих критериями деления в разных ветвях, могут быть разными.

Тут возникает коренной вопрос: чем же определяется всякий раз — в каждой ветви и на каждом шагу — выбор того признака, который ляжет в основу деления? А вот чем: этот признак должен оказаться оптимальным в достижении на данном шагу наилучшего распределения объектов — чтобы сходство объектов внутри типов было наибольшим, а между типами — наименьшим. Подходящий математический аппарат для этой задачи нашелся в экологии растений: «ассоциативный анализ» (association analysis). На каждом шагу производится перебор всех возможных комбинаций, оценивается (по χ^2) сила связей каждого из испытываемых признаков с каждым из оставшихся, учитываются значения суммы χ^2, среднего χ^2 и максимального индивидуального χ^2. Иерархия строится по принципу: от признаков с наивысшими значениями этих показателей к признакам с наинизшими значениями. Количество математических операций, требуемых для решения, огромно, но выручают компьютеры.

Уоллон приводит ряд примеров в подтверждение того, что этнографические классификации обычно — стихийно — строятся по такому же принципу (только строятся без эксплицитного формулирования и без математических доказательств).

> «... Я предполагаю, — заключает Уоллон, — что в дефиниции типов, отражающих пространство и время посредством древовидной классификационной процедуры, должно быть нечто более фундаментальное и теоретически важное, чем просто тот эмпирический факт, что она работает. Часто высказывалась озабоченность о соответствии между «типами» в археологическом материале и «типами» в культурно обусловленном мышлении изготовителей. Примеры этнографических классификаций... позволяют подозревать и надеяться, что здесь, возможно, сделан шаг вперед в достижении реального соответствия» (Whallon 1972a: 31).

В чем же реализуется этот шаг? Как осуществимы сверка и отождествление? Вместо ответа мы находим лишь поощрение к сверке:

> «Дефиниция Кригера, державшаяся так долго, может еще быть пригодной для некоторых разновидностей типов, но становой хребет нашей классификационной системы, т. е. тип, обладающий пространственно-временной значимостью, должен, вероятно, операционно определяться как ячейка, достижимая через серию шагов и решений, ведущих по древовидной структуре ветвей к «типам» на их оконечностях. Такой «тип» вполне можно рассматривать как имеющий «культурное» значение с помощью сравнения с другими этнографическими «типами», культурно дефинированными схожим способом» (Whallon 1972a: 32).

«Легкость» отождествления ничем не обосновывается, кроме возникновения сходства методических процедур в обеих науках.

Нет сомнения, что сходство это может о б л е г ч а т ь сравнение (но, конечно, этого недостаточно для о т о ж д е с т в л е н и я). Несомненно и то, что введение иерархии признаков по их **классоделительной способности** (а именно это предложил, по сути, Уоллон) выдвигает на первый план более значимые культурно признаки: ведь классоделительная способность — это в какой-то мере и есть роль признака в культурном обособлении и в выделении культурных функций. Таким образом, методика Уоллона обеспечивает лучше прежней постижение культурно-опознавательного смысла некоторых особенностей археологического материала. Но это еще не означает, что она позволяет ухватить в нем реальные культурные типы.

Ее основной недостаток не в том, что она использует все тот же критерий χ^2, приложимость которого к подобным задачам поставлена под сомнение. Можно попытаться обосновать его применимость к некоторым видам таких задач или модифицировать математический аппарат. Важнее другое.

Во-первых, если те старые древовидные классификации, которые Уоллон стремится моделировать, работают, это еще не значит, что они достигли уровня реальных культурных типов. Ведь работать могут, как мы видели, и условные классификации, с искусственным делением, с «нарезанными» типами — если в материале есть направленная неоднородность (плавное изменение от одного края к другому). Дихотомическая структура лишь подчеркивает условность этих классификаций: в культуре, конечно, складывались различные группировки, не только бинарные.

Во-вторых, подобная классификация в разработке, предложенной Уоллоном, неминуемо разрежет реальные кластеры, если они есть в материале, расслоит пучки взаимосвязанных признаков и разведет эти признаки на разные уровни, расположенные на одинаковых интервалах друг от друга. Она смажет различия в характере границ между классами (все границы приобретут одинаковую резкость) и в характере типичности объектов (все классы приобретут одинаковую однородную структуру). Некоторые из этих недостатков технически возможно устранить — например, привести интервалы между уровнями (шагами) классификации в зависимость от различий в величине классоделительной способности признаков. Но такие усовершенствования мало помогут.

В-третьих, иерархия признаков, построенная на четкости различения, не тождественна иерархии по культурной ценности. Не всегда самые резкие различия — одновременно самые важные и не всегда расплывчатые границы — самые несущественные. Скажем, границы национальных культур обычно расплывчаты, а отличие горожан от деревенских жителей — более четкое, но странно выглядела бы классификация, в которой шаг деления по характеру поселения предшествовал бы шагу территориально-национального деления на том лишь основании, что первое — более резкое. Вообще в распоряжении исследователя, действующего этим методом, нет средств определить место признака в иерархии культурных оценок — культурный ранг признака, значение, которое признак придает объектам, роль, которую этот признак играл в отнесении объекта к определенной группе — культурному типу.

Это давно показано в классическом примере Конклина — примере, который Уоллон игнорировал, но мимо которого не прошел Чжан Гуанчжи.

5. Что предпочесть — целковый или червонец?

Это не столь простой вопрос, как могло бы показаться. Сделать выбор нетрудно, если знаешь смысл цифр, сравнительную ценность металлов, историю замены монет ассигнациями, символическое значение размера денежного знака и т. п. А если этого не знать? Но ведь археолог — как раз в позиции человека, который этого не знает. Он имеет в своем распоряжении лишь материальные параметры целкового и червонца — вещество, размер, вес, форму, узор и т. д., — а узнать-то хочет их ранги в денежной системе, места в культурной иерархии. Сведений об этих характеристиках у него нет.

Конклин задался целью показать различие «между анализом семантической структуры и представлением произвольного упорядочения» (Conclin 1962), то есть между выявлением культурных типов и возможностями

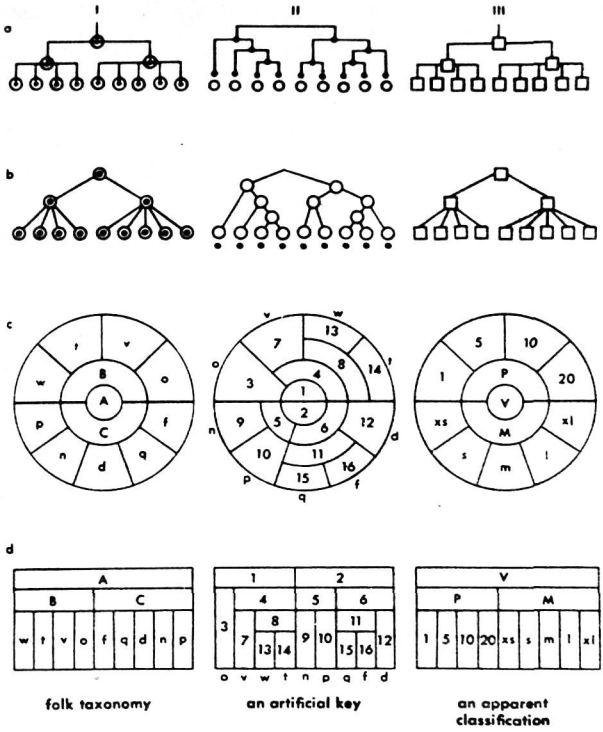
группировки по эмпирически наблюдаемым признакам. Он взял для эксперимента пример из нумизматики (как раз то, что предлагал Мальмер) — монетную систему США. Наблюдая жизнь, быт народа США, «всякий аккуратный этнограф несомненно зафиксировал бы следующие девять обиходных кличек для простейших единиц»:

№	Обиходные просторечные названия	Условные обозначения	Транскрипции	Примерные русские аналоги	Официальные американские номиналы
1	dime	d	дайм	«гривенник»	10 центов
2	fifty-cent piece	f	фифти-сент пис	«полтинник»	50 центов
3	five	v	файв	«пятерка»	5 долларов
4	nickel	n	никел	«пятак»	5 центов
5	one	o	уан	«целковый»	1 доллар
6	penny	p	пенни	«копейка»	1 цент
7	quarter	q	куортер	«четвертак»	25 центов
8	ten	t	тен	«десятка», «червонец»	10 долларов
9	twenty	w	туенти	—	20 долларов

В этом списке денежные знаки расположены в алфавитном (латинском) порядке американских просторечных названий. Конклин берет за критерий реальной культурной классификации систему просторечных названий. Выше уже говорилось о несостоятельности такого ориентира. Однако в данном примере недостатки его не сказываются, потому что народ современный, а система объектов просто и отчетливо организована: по структуре эта просторечная таксономия вполне совпадает с официальной таксономией и с реальной системой покупательных способностей. Поэтому есть резон пренебречь этим дефектом, прослеживая ход рассуждений Конклина.

Наблюдая торговые операции и денежные расчеты, опрашивая аборигенов-информаторов, этнограф установил бы, что в сознании американцев эти денежные единицы образуют иерархическую систему, которую он мог бы изобразить в виде древа или круговой диаграммы или таблицы (см. рис. 18 — схема 1), где A — money (мани — деньги, «наличные»), B — bills (биллз — ассигнации, купюры, бумажные денежные знаки), C — coins (койнз — монеты, звонкая монета, металлические деньги, «мелочь»). С этими тремя названиями количество понятий вырастает до 12. Всеми четырьмя способами (первая колонка) изображена одна и та же система отношений — с одной последовательностью единиц по старшинству (wtvo — fqdnp, т. е. 20—10—5—1 долларов и 50—25—10—5—1 центов) и одной группировкой их в блоки при трехэтажной иерархии (B — ассигнации, C — монеты). Вот та система, которую мы знаем, которую увидел бы этнограф и которую должен реконструировать археолог.

Но что археолог видит? Археолог видит множество признаков, которые распределены в объектах по-разному. Он может расположить их в разной последовательности и сгруппировать в разные блоки — в зависимости от того, в каком параметре он будет прослеживать градацию и какой признак сочтет более важным для объединения.



Р и с. 18. Сортировка американских денежных единиц тремя способами (каждый представлен в четырех различающихся лишь графически диаграммах, по смыслу идентичных): I — на основе известной исследователю «народной таксономии» (системы простонародных названий и знаний о назначениях), II — один из возможных вариантов на основе только вещественных параметров (цифрам диаграммы соответствуют цифры перечня в тексте, стоящие там в квадратных скобках), III — по вещественным параметрам с учетом знания контекстов (ранжирование единиц оказалось все же не вполне адекватным): I и II — по Г. Конклину (Conklin, 1962), III — по Чжану Гуанчжи (Chang, 1967, fig. 5).

Так, например, — рассуждает Конклин, — вполне логично (и, добавим, вполне в духе методики Уоллона) было бы построить древовидную классификацию в виде такого ключа для определителя (рис. 18 — схема II):

1a. Форма — прямоугольная 1
  2a. Рисунок — портрет, рамка — ломанный овал 3 . . . . . o
  2b. Рисунок — портрет, рамка — неломанный овал 4 . . . . .
    3a. Волосы — черные 7 v
    3b. Волосы — седые 8 . . . . . .
      4a. Шарф — черный 13 . . . . . w
      4b. Шарф — белый 14 . . . . . t

1b. Форма — дисковидная 2
  5a. Бурт (ребро) — гладкий 5 . . . . . n

6a. Портрет — профильный, безбородый 9 . . . . . n
6b. Портрет — профильный, с бородой 10 . . . . . p
5b. Бурт (ребро) — рифленый 6
7a. Реверс — с бородой
8a. Легенда — 13 букв 15 . . . . . q
8b. Легенда — 10 букв 16 . . . . . f
7b. Реверс — без бороды 12 . . . . . d

Получилась иная по сравнению с действующей структура: иная последовательность (1—5—20—10 долларов, 5—1—25—50—10 центов), иная группировка (связь монет с ассигнациями не установлена, не выделено общее понятие; в иерархии не 3 этажа, а 4). Правда, основное деление угодило на нужную грань — между долларами и центами, но это случайность: столь же логично было бы избрать первым шагом не различение прямоугольных предметов от круглых (в данном случае совпавшее с разделением на металлические и бумажные), а, скажем, разделение по наличию бороды (бородатые — безбородые) или по размеру легенды (с короткой легендой — с длинной легендой) и т. д. Да и сам отбор культурно значимых признаков не вполне хорош; для монет надо бы учесть размер и вес, цвет (состав металла), для ассигнаций — смысл арабских цифр и т. п., а наличие или отсутствие бороды, шарфа и т. п. существенно только для опознания принадлежности объекта к классу, но никак не для оценки иерархических отношений. Но как обо всем этом догадаться археологу, добравшемуся до этого материала из другой страны и другой эпохи?

6. Качество типа

И вот этот археолог прибыл. Это Чжан Гуанчжи. Он взял пример Конклина и заострил вопрос:

> «среди многих сотен и тысяч возможных искусственных ключей, которые можно создать, должно же быть несколько таких, которые имеют культурное значение; среди этих последних должен быть один такой, который бы можно было спроецировать в точности на схему I, то есть на просторечную таксономию» (Chang 1967a: 76).

И Чжан, показывая, как этот ключ **должен был бы** выглядеть, строит схему III (рис. 17— схема III).

V: Valuable objects (ценные предметы) — это известно из контекста (в частности их помещают в обычные сейфы, каждый предмет в большом количестве точных копий; так что банкноты, чеки и боны исключаются из этой категории).

P: Paper objects (бумажные предметы) — подразделяются по надписям и цифрам на ступени, но не на «куплеты» (пары в дихотомной классификации):
1. Со словом «one» (один) и цифрой «1» . . . . . o
5. Со словом «five» (пять) и цифрой «5» v
10. Со словом «ten» (десять) и цифрой «10» . . . . . t
20. Со словом «twenty» (двадцать) и цифрой «20» . . . . . w

M: Metal objeckts (металлические предметы) — подразделяются по размеру на ступени:
xs. Extra small (особенно маленький); наименьший из пяти размеров . . . . . d
s. Small (маленький); следующий по размеру . . . . . p
m. Medium (средний); следующий по размеру . . . . . n
l: Large (большой); следующий перед наибольшим . . . . . q
xl: Extra large (особенно большой); наибольший . . . . . f

Предложив этот образец, Чжан напоминает, что это лишь идеал, лишь цель. Как установить смысл или хотя бы старшинство цифровых обозначений, если они неизвестны? Как догадаться, что бумажные деньги важнее металлических? Ведь отпечатать ассигнации дешевле, чем отчеканить монету! Почему мы должны согласиться с тем, что иерархия металлических монет соответствует их рангированию по размеру и весу? Это ведь не везде главный показатель: скажем, в российской и советской монетных системах пятак больше и тяжелее гривенника, но ценится ниже. Как добраться до идеи, что белые металлические деньги («серебро») ценятся выше желтых («меди»)? Ведь на деле белые монеты — не серебро, а имитация серебра, желтые же — сплав меди с другими металлами, и соотношение по стоимости между этим белым металлом и этим желтым совсем не то, что между серебром и медью.

> «Действительный вопрос для археолога — не в том, "можно ли сделать значимые культурные классификации по физически наблюдаемым различиям" (конечно, можно — иначе как бы различали сами аборигены?). Скорее, вопрос в том, 'как нам ухватить нужный ключ среди столь многих других'. У этнографов есть информаторы, которые могут помочь, сообщив свои термины. У археолога нет информаторов и, стало быть, нет других терминов, кроме своих собственных. Ему нужны собственные средства, с помошью которых он мог бы добраться до внутреннего (т. е. культурно значимого) порядка в своих данных внутри системы» (Chang 1967: 77).

Таким средством Чжан считает сравнительный метод — «археология есть сравнение или ничто» (Chang 1967: 78). Но сравнительный метод — очень широкое и полифункциональное понятие. Конкретнее Чжан здесь имеет в виду, что сравнивая проявления некоторого обособленного признака в разных контекстах и прослеживая, как он воздействует (или не воздействует) на окружение, как сказывается его наличие (или отсутствие), мы устанавливаем его культурную значимость. Значимость (ср. Мельников 1972: 184) — еще не значение (ср. Нарский 1969), она — лишь сигнал о том, что какое-то значение есть и что оно настолько-то велико. Но сравнивая эти археологические контексты и их изменения с лучше понятными нам этнографическими контекстами и их изменениями, мы начинаем постигать и какое это значение. Впрочем, последний вопрос уже, собственно, выходит за рамки классификации.

Тэйлор и Сполдинг, как отмечает Чжан, ранее выдвинули «логический приоритет структурных типов, сформулированных изнутри, над сравнительными типами, сформулированными межкультурным сравнением (cross-culturally)». В противоположность этому Чжан утверждает, что «в археологии структурные типы очень редко можно (если вообще можно) реалистично сформулировать полностью и исключительно изнутри системы», что «типы в археологии можно рассматривать как структурно значимые, если они значимы сравнительно в терминах общей теории классификации» (Chang 1967a: 72).

Чжан вводит понятие *качества типа* (quality of a type). Он определяет его через сеть конфигураций поведения, преобладающих в системе деятельности с существенными перерывами постепенности (Chang 1967a: 79—80).

> «Структурные типы существуют как качества в системе, и именно эта внутрисистемная типология имеет первостепенную важность как в аналитическом, так и в историческом исследовании... Сутью типа является его качество, противопоставленное качеству других типов, а метод выделения типа состоит в том, чтобы найти перерыв постепенности, отделяющий члены других типов».

А поскольку каждый объект входит не в одну сеть отношений, а в несколько, «культурные черты нельзя сравнивать вне их контекста» (Chang 1967a: 80—81). Контексты же оцениваются в сравнении.

7. Типы в контексте

Сравнение археологических контекстов между собой прежде всего позволяет выявить контрасты, оппозиции, которыми оформлялись социальные нормы, как учит социальная психология. Схожие функции выполнялись по-разному в разных культурах. Естественно, мы обнаружим разные элементы в аналогичных позициях.

Возвращаясь к монетам США, Чжан отмечает, что:

> «два ключа (т. е. две классификационные схемы. — *Л. К.*), представленных на иллюстрации, — один искусственный и один реальный — были оба сформулированы в соответствии с физически наблюдаемыми контрастами и ступенчатостью (градацией), близкими обычным археологическим критериям для классификации. Что если бы мы раскопали поселение и нашли там какое-то количество предположительно ценных предметов в сейфе? И схему II и схему III вполне допустимо предположить среди результатов археологической классификации, в духе обычно производимой. Только вот в данном случае реальная просторечная таксономия известна, тогда как в обычной археологической ситуации неизвестна. Будь у нас только одно это поселение, отдельно взятое, и лишись мы знания просторечной таксономии, мы вряд ли были бы в состоянии выбрать нужный из этих двух ключей и продемонстрировать факт, что схема III идентична народной таксономии, а схема II — нет. Но столь же несомненно, что, имей мы ряд таких поселений, мы могли бы сравнить содержимое их соответствующих сейфов (в некоторых были бы американские ассигнации и монеты, в других — канадские и мексиканские) и могли бы сказать, какие критерии (например, цифры, буквы, размер и материал) исторически и сравнительно более значимы, чем другие (например, детали узоров или направление лиц на портретах)» (Chang 1967a: 84—85).

В другой работе Чжан излагает еще один аспект, в котором сравнение позволяет определять культурную значимость признаков. Это распознавание

> «в контексте изменений, то есть в контексте истории. Есть, разумеется, бесчисленные способы, которыми могут быть контрастно и иерархически структурированы элементы изменчивости, но те, которые семантически значимы в специфических культурных ситуациях, не появляются вдруг, внезапно, ни во времени, ни в пространстве; они образуют часть поведенческого наследия изготовителей, «которое те передавали от поколения к поколению и которое могло распространяться от общины к общине», как указывал Рауз. Поэтому семантически значимые признаки предстают в археологических источниках упорядоченными на большом протяжении» (Chang 1967b: 228).

Сравнению с этнографическими данными Чжан уделяет много внимания. В основе подбора этнографических параллелей он видит умозаключение по аналогии.

> «Чтобы поставить свои аналогии на твердую почву, вот о чем археолог просит этнолога: В вашей сети вариаций каждого поддающегося очерчиванию причинно-следственного участка поведения не будете ли вы столь любезны рассмотреть, учесть и выделить как можно больше физически наблюдаемых и хорошо сохраняющихся элементов? Чем больше таких элементов удастся получить, тем большее количество ненаблюдаемых можно будет восстановить и тем больше специфических и реалистических характеристик можно будет выдвинуть. Конечно, это легче сказать, чем сделать...» (Chang 1967a: 230).

Итак, три вида сравнений решают задачу, по Чжану: а) сравнение синхронных археологических контекстов (в частности, разных поселений), выявляющее оппозиции; б) сравнение разновременных археологических контекстов одной традиции, выявляющее преемственность, и в) сравнение археологических контекстов с этнографическими, выявляющее смысл.

Из всех рассмотренных попыток предложение Чжана Гуанчжи дает наиболее широкую базу для оценки культурного значения физически наблюдаемых типов. Чжан ближе других подошел к выявлению культурных типов. Он показал, что наиболее надежная опора для оценки культурного значения типа лежит не внутри него (т. е. не в его элементах — признаках), а вне его — в сети его отношений с другими типами, в его воздействиях на другие типы, в их трансформациях. Этот подход

более других соответствует системному образу мышления, приобретающему все более высокий объяснительный авторитет в археологии (ср. Binford 1962; Klejn 1973a). Этот подход также позволяет операционализировать выявление культурных значений в понятиях семиотического анализа, в духе структурной лингвистики. Такую акцию очень бегло наметил сам Чжан (Chang 1967a: 15—16, 80—81) и более детально разработали Диц и Хаймз (Deetz 1967: 83—96; Hymes 1970).

Однако и в концепции Чжана есть существенные изъяны. В ней как бы складываются методики других рассмотренных подходов — вместе с их недостатками.

К чему сводится у него сравнение объектов одного типа в разных синхронных контекстах? Решается вопрос, воздействует ли присутствие данного типа на среду, на другие типы или нет. На этот вопрос отвечает проверка корреляции типа с дополнительными признаками: территорией, датировкой, отношением к другим типам. Это, в сущности, расширение методики Сполдинга на основе принципа Кригера.

К чему сводится у Чжана сравнение объектов одного типа в разновременных контекстах одной традиции? Проверяется устойчивость типа, устойчивость данного сочетания признаков, его корреляция со средой. Это тоже мало выходит за рамки методики Сполдинга, являясь ее спецификацией.

Различие состоит в том, что Сполдинг, в соответствии с установкой Тэйлора, настаивал на возможности применять эту методику в н у т р и о д н о г о к о н т е к с т а — и получать реальные типы, а Чжан восстанавливает в правах сравнительный подход, раскритикованный Тэйлором, и требует сравнения р а з н ы х к о н т е к с т о в на большом протяжении во времени и пространстве — чтобы получать культурно значимые типы. Однако до тех пор, пока не будет найден и определен критерий д о с т а т о ч н о г о различия контекстов, их можно приравнивать к одному контексту. У Чжана этого критерия нет. В таком случае нет выхода за пределы методики Сполдинга, а она, как было показано, сама по себе не содержит ключа к переходу от эмпирических типов к культурным.

Далее, к чему сводится у Чжана сравнение археологических контекстов с этнографическими? К парным подборкам на основе умозаключения по аналогии, к простым наложениям, в которых этнографические классы составляют готовую схему для распределения археологического материала. Эта позиция, уже подвергавшаяся критике (Binford 1967, 1968b; Klejn 1973b) повторена (в данном аспекте) в позиции Хилла и Эванса, ограниченность которой показана выше.

Чжан положился во всем на аналогию по той причине, что считает каждый отдельный археологический факт уникальным и только уникальным, а каждый археологический контекст — абсолютно неповторимым сочетанием обстоятельств.

> «Коль скоро каждый археологический объект и каждая ситуация — уникальны, любая археологическая реконструкция есть аналогия...» (Chang 1967b: 239). Более того, «археология в целом есть аналогия...» (Chang 1967a: 109).

Ведь если индукция — это умозаключение от многих частных к общему, а дедукция — от общего к частным, то аналогия есть путь от одного частного к другому частному. Так что там, где каждый факт и каждый контекст осуждены оставаться уникальными, частными, аналогия остается единственным пригодным методом. В такой ситуации и проблема критерия, различающего в достаточной степени разные сравниваемые контексты, соскальзывает в пустоту: различие имеет смысл только там, где ему противопоставляется сходство.

Но верно ли схвачена Чжаном Гуанчжи природа археологии?

8. Качество контекста

Феномен человеческой личности действительно связан с возможностью выбора, с относительно высокой свободой решений, с большим разнообразием поведения — гораздо большим, чем в животном мире. Детерминация законами здесь гораздо более сложна, многостепенна и не столь жестка, как там (Маркарян 1973: 90—91). Но абсолютизировать индивидуальность культурных явлений — такое же грубое упрощение, как абсолютизировать конформность, регулярность, порядок.

В культуре отражаются не только личности и их творчество. Отражается общество, а общество — не просто сумма личностей. Само существование общества предполагает организацию. В обществе и его культуре всегда есть не только разнообразие и свобода выбора, но и упорядоченность, унификация, повторяемость, сходства, причем они не ограничиваются парными отношениями. Без этого никакое взаимопонимание внутри коллективов и, следовательно, никакая социальная деятельность не были бы возможны, и не было бы культуры (Маркарян 1969: 67—68; 1973: 50).

Группировке поддаются не только артефакты, но и контексты. Этой группировкой в большой мере определяется основное для нашей задачи *качество контекстов* — то, как ведут себя в них типы и признаки, как воздействуют друг на друга. Подобно артефактам, контексты можно группировать по-разному: на основе хронологической близости или по территориальному скоплению, по принадлежности к одной популяции или по сходству природной среды. Можно свести воедино все контексты с каким-либо одним интересным типом или признаком и посмотреть, как будут себя вести в этих контекстах другие типы или признаки.

Но среди всех этих возможных группировок две давно уже выступили на первый план как главные, базисные для других. Это группировки по *категориям комплексов* и по *археологическим культурам*.

На первый взгляд, сходства и различия древних контекстов более всего связаны с *категориями памятников*. Одни контексты представлены курганами, другие — городищами, третьи — кладами и т. д. (это всё — категории памятников). На деле рамками памятника обычно невозможно ограничить и выделить древний контекст: памятник шире. Он может включать в себя много древних контекстов, совершенно не схожих и не связанных между собою при жизни. Ведь памятник — понятие, которое непосредственно служит для установления не жизненных, а чисто археологических, посмертных соотношений между его культурными составляющими — территориальных, стратиграфических, структурных, контактных.

Археологический памятник — это такая совокупность древних сооружений, отложений и артефактов, в которой все они связаны в одно целое непосредственным соприкосновением, взаимоналожением или хотя бы взаимоперекрыванием. Эта связь могла образоваться еще «при жизни», а могла уже после выхода объектов из культурного функционирования — в результате того, что упокоение произошло на одном месте, и разнородные материальные остатки вошли в соприкосновение и даже частично перемешались. В кургане могут быть погребены люди разных народов и эпох, в пещере могут оказаться следы святилища, жилья и убежища. Археолог не в состоянии раскопать какой-то из этих компонентов памятника отдельно от других компонентов без их повреждения или без риска открыть путь бурному стихийному разрушению. Он рискует многое не понять в интересующих его частях памятника, если оставит неисследованными остальные. Таким образом, составные компоненты памятника связаны воедино не только обстоятельствами отложения,

но и предопределенными этим условиями обнаружения (Клейн 1978: 98—99).

Принято считать, что памятники объединяются в категории по функциональному назначению их главных сооружений, но и это не так. Во-первых, в памятнике может оказаться несколько разных сооружений примерно равной значимости (сложные памятники). Во-вторых, первоначальное функциональное назначение объектов нередко трудно распознать в археологическом памятнике из-за «изношенности» и позднейших разрушений. То, что выступает критерием различения категорий памятников, есть не первоначальное функциональное назначение, а сумма назначения, использования и разрушений — ***функционально-археологическая результанта*** (Клейн 1978: 102). При вычлении же комплексов из памятников археологи выявляют первоначальные функции объектов, очищают эти функции от позднейших наслоений и искажений — вычленяют функции из функционально-археологической результанты.

Различая контексты, мы оперируем не памятниками, а *комплексами*. Вещи сочетаются и располагаются схожим образом в комплексах, в основе которых лежат сооружения одного и того же функционального назначения или однотипные жизненные ситуации. Наоборот, в разнофункциональных комплексах сочетание и расположение вещей будет несхожим. Такая регулярность сочетания и расположения придает типам артефактов и сооружений устойчивость, неслучайность, культурную значимость, даже если сами функции сооружений и смысл ситуаций, стоящие за очевидными формальными сходствами и различиями, неясны. Конечно, не обязательно вещи одного культурного назначения должны непременно замыкаться в рамках одной функциональной категории комплексов, но все же они распределяются по таким категориям избирательно и систематично. Скажем, мечи могут оказаться в погребениях, на местах сражений, реже — в кладах и никак не в обычных жилищах. Таким образом, *схожие по форме вещи, регулярно занимающие определенную позицию в системе контекстов, — вот основа для культурного типа.*

Но чем определяется система контекстов? Здесь мы переходим ко второй важнейшей группировке контекстов — по *археологическим культурам*. Она приближается к универсальной, поскольку строится на сочетании типов, воздействует на их позиции в функциональной группировке контекстов и объединяет существенные особенности хронологической, территориальной, популяционной, отчасти экологической и других группировок. В основе этой ее способности лежат социальные связи и адаптация человеческих групп к условиям времени, территории, среды и т. д. (ср. Маркарян 1973: 76—83).

Именно принадлежностью к той или иной археологической культуре определяется роль конкретного типа или признака в контексте. В этом нетрудно убедиться на одном особенно ярком примере. Ренфру хотел доказать противоположное — преимущества исследования культурных элементов вне сети археологических культур (Renfrew 1969: 153). Он рассмотрел распространение обсидиана в неолите восточного Средиземноморья, игнорируя границы культур (Renfrew et al. 1965), и не заметил (ср. Renfrew 1969, рис. 1), что сильный перепад интенсивности распространения как раз приходится на границу двух археологических культур (Klejn 1970: 171).

Значит, роль типа или признака в контексте зависит от принадлежности контекста к той или иной археологической культуре. Но если так, то концепция археологической культуры оказывается решающей и в определении критерия достаточного различия контекстов для того сравнения контекстов, которое ведет к оценке культурной значимости типа.

Обратимся еще раз к примеру Конклина — к реконструкции реальной таксономии в нагромождении денежных знаков США. Что дает основание исследователю опознать их как «ценные предметы»? Нахождение в надежно защищенных хранилищах — «сейфах». Что дает основание признать за этими предметами денежную функцию? Среди прочих черт — кучное обнаружение одинаковых экземпляров (Chang 1967a: 76). Но почему мы не решаемся на аналогичную трактовку скопления медвежьих черепов в палеолитических пещерах Швейцарии? Там налицо и укромные хранилища, и кучное обнаружение одинаковых предметов. Мы не решаемся на это потому, что в данной культуре (не обязательно в данных контекстах) нет других обстоятельств, которые могли бы быть расценены как свидетельства в пользу наличия товарно-денежных отношений. А вот клады кремневых топоров шведского неолита уже могут быть рассмотрены как претенденты на такую роль. То есть целостный облик данной культуры обусловливает качества контекстов и роль тех или иных признаков в них. Это один из основных принципов системно-структурного подхода (Klejn 1973: 700).

Рассматривая пример с деньгами США, Чжан старается обойтись без понятия «культура». Но чтобы обнаружить культурную значимость некоторых признаков американских дензнаков, он прибегает к сравнению с контекстами, где в аналогичной позиции выступают другие дензнаки — канадские и мексиканские (Chang 1967a: 85). А ведь для этого не всякие «другие» контексты годятся. Нужны прежде всего контексты *других культур* — канадской и мексиканской. Конечно, некоторое количество канадских и мексиканских денег может оказаться и в границах культуры США. Но, во-первых, само существование канадской и мексиканской культур все-таки подразумевается. Во-вторых, столь интенсивное взаимопроникновение больше характерно для поздних культур, чем для ранних. А в-третьих, наилучшую возможность для выявления культурных оппозиций дает сравнение именно чистых однокультурных комплексов разных культур — поэтому археологи всегда так старательно их ищут.

Таким образом, мы приходим к выводу, что *опознать среди эмпирических типов культурные возможно только, если исходить из археологических культур*, Это значит, что, прежде чем приступить к опознанию и выделению культурных типов, мы должны обладать знанием об археологических культурах, должны иметь их уже выделенными.

Занимаясь анализом живой культуры, Безмоздин (1979: 121) пришел к аналогичному выводу: «...анализ значений и смыслов вещи и ее способности выступать в роли индикатора той или иной человеческой общности может быть осуществлен лишь применительно к конкретному типу и классу вещей, функционирующих в контексте той или иной культуры...»

Как же осуществляется выделение археологических культур? Каковы критерии выделения? Здесь мы упираемся в проблему определения археологической культуры.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ОТ ТИПОВ К КУЛЬТУРАМ

Глава VII

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА? (Проблема определения)

Подобно своей сестрице — социокультурной антропологии преистория имеет обыкновение специально изобрести для себя термин и потом спорить двадцать лет о том, что он значит, вместо того, чтобы определить этот термин заранее.

Р. Даннел (Dunnell 1971:4).

1. Значительность понятия и неясность значения

Археологическая культура... Названия (или раскрывающие подзаголовки) многих солидных или претендующих на солидность монографий построены на основе этого термина, только общее прилагательное «археологическая» заменено в них именами собственными: андроновская, бодрогкерестурская, злотская, катакомбная, михельсбергская, салтовская, скифская, среднеднепровская, тисапольгарская, трипольская, фатьяновская, ямная, культуры кубков, ямочно-гребенчатой керамики и т. д.

Что такое археологическая культура? Вопрос этот в течение последних десятилетий оживленно и неустанно дебатируется в археологической науке.

Собственно, понятие в науку вошло гораздо раньше, и вопрос о его определении возник раньше, но с рубежа 1940-х и 50-х годов можно проследить почти сплошной поток статей, где этот вопрос в той или иной форме, в том или ином аспекте вынесен в заглавие (1949 — Фосс; 1953 — Jahn; Otto; 1956 — Брюсов; 1957 — Holubowicz; Korošec; 1959 — Кнабе; 1960 — Kilian; J. Neustupny; 1962 — Клейн; 1964 — Захарук; Смирнов; 1965 — Herrmann; 1967 — Монгайт; 1968 — Fridrich, Klima, Valoch; 1969 — Грязнов; Третьяков; 1970 — Генинг; Каменецкий; Клейн; Клейн и др.; Федоров-Давыдов; 1971 — Артамонов; Klejn; 1972 — Григорьев; Гурина; Коробкова; Крижевская; Массон; Lüning; Palubicka; 1973 — Гладилин; Пиоро; 1974 — Массон; Palubicka; 1975 — Захарук; 1976 — Захарук; Tabaczyński; Angeli; 1978 — Захарук; Furmanek; Kopopka; Clermont; 1979 Brachmann; 1980 — Захарук; Брайчевский; Кравченко; Hodson; 1981 — Meinander; и после небольшого странного перерыва снова: 1984 — Ганжа; 1985 — Генинг; Ганжа; Ганжа; Кудрявцева; Холюшкин; Холюшкин и Холюшкина; 1986 —Ганжа; Growlett; 1987 — Генинг; Кудрявцева; Кудрявцева; Кудрявцева; Колпаков; Худяков; Шамиладзе; Добжанский; Hachmann; 1988 — Ганжа; Кудрявцева; 1989 — Аникович...). В те же десятилетия это понятие вошло в толковые словари и энциклопедии — под вокабулой **«Культура археологическая».**

Можно сказать, идет штурм понятия «археологическая культура». Это означает, что

а) внесение ясности в этот вопрос необходимо,

б) оно представляется возможным (вопрос оценивается как перспективный),

в) оно все-таки чем-то крайне затруднено.

Попытка за попыткой, заход за заходом, с очень небольшими интервалами. В чем главная трудность, почему каждая новая попытка оказывается неприемлемой для других исследователей?

Понятие археологической культуры относят к трем исходным, фундаментальным в классификации (Шер 1966; Malmer 1967: 373; Федоров-

МИКЛЯЕВ: Пользуюсь.

ЛЕЬЕДЕВ: Вы вкладываете в него другое содержание, чем палеолитчик, или нет? Нет. Почему же на более высоком уровне систематизации, когда встанет вопрос о культурах, не сохранится то же соотношение?

КЛЕЙН: Конкретные вещи у вас разные, но абстракции — общие» (Клейн и др. 1970:301).

Многие исследователи ограничивают приложимость понятия первобытной археологией (Cowen 1969:8; Смирнов 1954:3; Рогачев 1975:13), даже не всей — палеолит и мезолит исключаются (Брюсов 1952: 3). Действительно, долго было принято выделять в палеолите только эпохи, а не культуры. Позже, однако, стали выявлять в палеолите «локальные различия», а затем и просто археологические культуры — селетскую, ноайскую и др. Советские археологи в силу эволюционистской наследственности «теории стадиальности» сопротивлялись этому представлению дольше других.

> «Само развитие культуры, — пишет Григорьев, — представлялось однолинейным, реализовавшимся в переходе с одной ступени на другую, а единственным субъектом развития было совокупное общество, вся ойкумена (стадиалистская концепция)».

Но и в советской археологии палеолита после работ Ефименко (1956, 1960) и Григорьева (1963, 1964) произошел решительный поворот в сторону культур.

> «Развитие культуры теперь представляется совершающимся через развитие множества *археологических культур...*» (Григорьев 1969:13, ,5).

Одиночные, хотя и авторитетные, возражения против этой тенденции (Формозов 1972) только подчеркивает ее победное распространение (ср. Fridrich e. al. 1968).

В античной и средневековой археологии (европейской и восточной) исследователи и в самом деле обычно не применяют понятие «археологическая культура». Здесь исследования столь детализированы, а специализация столь далеко зашла, что внимание археологов сосредоточивается на более дробных ячейках: городе, дворце, типе, стиле. Исследователям редко приходится различать более крупные общности. Кроме того, благодаря обилию письменных источников здесь обычно известны и, казалось бы, могут быть непосредственно выделены те исторические общности (народ, государство, религия и т. п.), которые могли бы скрываться за археологическими культурами и ради опознания которых стоило бы выявлять археологические культуры. Сказываются и укоренившиеся в античной археологии (больше, чем в других отраслях) фактологизм, ограничение иллюстративными задачами и искусствоведческий уклон.

Несмотря на действие этих факторов, впечатление полной непричастности античной археологии к понятию археологической культуры неверно.

Во-первых, античная и средневековая археология постепенно избавляются от своей архаичной ограниченности интересов и ставят те же проблемы, что и первобытная археология: экономические, экологические, проблемы развития и прогресса, эволюции и революции, культурогенеза и этногенеза, столкновения и взаимодействия миров, цивилизаций с варварским окружением. В информации письменных источников по всем этим аспектам есть много пробелов.

Во-вторых, первобытная археология сейчас также на многих участках уже весьма разработана, и различия между нею и античной или средневековой археологией по этому показателю уже не столь сильны.

Что же касается, в-третьих, возможности для археологов «непосредственно» выделять и изучать народы, государства, религии и т. п.,

то это впечатление обманчиво. Как показывает Мальмер, и с ним согласен Бочкарев, «в распоряжении археологов есть только два объективно данных факта: свойства артефактов и условия их нахождения» (Бочкарев 1973:57; ср. Malmer 1967:373). Все остальное должно быть выведено из них. В археологических источниках не содержится в готовом виде историческая информация (Клейн 1978:24—25, 36). Значит, непосредственно выделить исторические общности в археологическом материале нельзя, их можно только наложить на материал извне.

Но простое наложение исторических категорий на археологический материал приводит к грубым ошибкам. Вале, Эггерс и Гахман показали, что трудность согласования исторических и археологических карт не случайна, что упорядоченность живых и мертвых культур принципиально различна.

А это значит, что археологические источники в этих отраслях только в том случае могут с определенностью дать нечто новое для познания общностей, известных по письменным источникам, если из совокупности археологических фактов будут извлечены такие систематизированные сведения, такие абстракции (представленные, однако, группами реалий), такие образы общностей, которые можно будет затем сравнивать с известными историческими общностями и по определенной методике включать в сложную связь с ними.

Что же это за археологические образы общностей? Археологи-античники и -медиевисты пользуются в таких ситуациях ярлычками «цивилизация», «круг», «мир» («египетская цивилизация», «италийский круг», «мир викингов»). Но как бы ни именовались эти археологические группы реалий и представляющие их массовидные образы, это нечто однопорядковое с археологическими культурами первобытной археологии, только не доведенное до уровня научного термина.

А все чаще вместо них и в этих отраслях появляется термин «археологическая культура». На месте периодов «элладской цивилизации» (РЭ I, II и т. д.) теперь оказались культуры Евтресни, Кораку, группа Лефканди и тиринфская культура (Renfrew 1972); славянская средневековая археология знает пражскую и роменско-боршевскую культуры, культуру корчак и культуру длинных курганов.

По мнению Кауэна, «культуры» особенно популярны там, где археология молода (Cowen 1969:8). Приведенные факты опровергают эту сентенцию. Показателен следующий эпизод. Когда в 1968 г. мы проводили дискуссию о понятии «археологическая культура» (см. Клейн и др. 1970), то перед тем, как созвать в Ленинградский университет археологов Ленинграда, мы разослали анкету. На некоторые вопросы этой анкеты два видных археолога, занимающихся поздними памятниками Азии (от энеолита до средневековья), ответили так:

1. Пользуетесь ли Вы в своих работах понятием «археологическая культура»?
   — Нет.
   — Избегаю.
2. Испытываете ли вы при этом какие-нибудь трудности?
   — Нет.
   — Не испытываю, если удается обойтись без этого понятия.
   . . . . . .
4. Необходимо ли понятие «археологическая культура» в науке?
   — Нет.
   — Не знаю.

Сейчас один из этих археологов пользуется понятием «археологическая культура», а другой является автором специальных статей об этом понятии, его значении, содержании, структуре и определении.

Распространено представление, что археологи-американисты не пользуются понятием «археологическая культура». И это не совсем так. Они избегают лишь этого термина, да и то его можно встретить даже в названиях работ археологов-американистов (например, Gladwin and Gladwin 1929; McKern 1933, 1939; Steward 1949; Willey a. o. 1954; W. R. Coe 1957; J. L. Coe 1964; Evans and Meggers 1957; Butler 1961 и др.); в наиболее известном американском учебнике находим раздел под соответствующим заглавием (Hole and Heizer 1969: 43—44). А термины, которые подменяют термин «археологическая культура» у американцев («фаза» или «фейз», «фокус» и др.), все же не так уж обособлены. Хотя они и не совсем совпадают по содержанию с европейским термином, обозначая несколько иное понятие, но это последнее обычно отличается от европейского «археологическая культура» лишь большей определенностью и спецификацией, т. е. американские понятия поуже (обычно речь идет о частном аспекте или стороне того же явления). Но так как и американцы не согласовали употребление своих терминов (разные школы придают тому или иному термину разные значения), а термин «археологическая культура» понимается в Европе широко и по-разному, то в с у м м е американские понятия с ним совпадают.

Такой компетентный знаток американской археологии, как Рауз, констатирует: «Многие археологи находят разумным группировать свои компоненты в культуры, известные в разных случаях как фазы, фокусы, комплексы, индустрии или стили» (Rouse 1965:93). Стало быть, в общем и целом так обозначается одно и то же явление.

Важность понятия «археологическая культура» для археологии в целом, фундаментальность его явно признается многими археологами. Исследуя прошлое, отыскивая, раскапывая, сортируя и интерпретируя материальные древности, археологи неизбежно наталкиваются на необходимость применить понятие «археологическая культура». Но на каком этапе этого археологического познания?

2. Место понятия

В послевоенной советской науке понятие «археологическая культура» и проблемы выделения археологических культур обсуждались почти исключительно в плане этнического осмысления этого понятия — археологи заботились о возможности надежнее, вернее выделять этносы по археологическим данным. Понятие «археологическая культура» явно оказывалось инструментом интерпретации. А ведь первая русская работа (Городцов 1924), содержавшая определение понятия «археологическая культура», называлось «Археологическая классификация»!

Только в начале 60-х годов появились у нас работы, в которых задачи формального анализа были отделены от задач этнической интерпретации (Клейн 1962), и даже те исследователи, которые отождествляли археологическую культуру с этносом, все же признали, что выделение культур относится к ранней стадии археологического исследования — стадии систематизации археологического материала (Смирнов 1964:8), стадии классификации (Грязнов 1969:20). Тем самым участие этого понятия в интерпретации — этнической и любой другой — признается вторичным.

Вскоре Шер (1965) уловил структурное сходство понятия «археологическая культура» с понятием «тип»: как тип образован устойчивым сочетанием признаков, так культура предстает в виде устойчивого сочетания типов (в этом открытии Шер мог опереться на определение типа по Сполдингу и на определение культуры по Чайлду). Несколько лет спустя Д. Кларк совершенно независимо реализовал это представ-

ление в чрезвычайно разработанной и развернутой системе (Clarke 1968; Федоров-Давыдов 1970). Теперь археологи в массе признают, что «культура — это типологическая категория» (Clarke 1967: 80; ср. Массон 1972:9; Гвоздовер и др. 1974:10).

Когда Захарук (1970:16; 1976:6) темпераментно выступает против того, чтобы приписывать археологическим культурам свойства живых этнографических культур, против представлений и разговоров о том, что археологические культуры мигрируют, развиваются, влияют друг на друга и т. п., он по существу ратует за ограничение этого понятия рамками классификационного этапа исследования.

Более осмотрительно поступает польская исследовательница Палубицка (1972, 1974). Она подметила, что в дефинициях, которые декларируются археологами, археологические культуры выступают совсем не теми, что фигурируют в реальной исследовательской практике. Первые сводятся так или иначе к совокупностям мертвых артефактов и соотношениям между ними или к отображениям этого в сознании исследователей. Вторые же явно ближе к живым культурам прошлого: они взаимодействуют, переживают подъем и упадок, позволяют прослеживать традиции и аналогии, важные для понимания их состояния и развития. Но ни традиции, ни аналогии не имели бы познавательного значения применительно к эмпирически наблюдаемым совокупностям схожих артефактов; эти понятия применимы лишь к и д е я м древнего населения, временами реализовавшимся в артефактах, т. е. к ненаблюдаемым непосредственно явлениям, к продуктам нашей интерпретации.

Палубицка не отвергает такого подхода; она лишь предлагает продумать и изменить дефиниции так, чтобы они соответствовали потребностям исследовательской практики. Этих новых дефиниций сама она не формулирует.

Однако практику она охарактеризовала не совсем точно. На самом деле и группировка артефактов занимает в ней заметное место. Представления о культурах рождаются именно в ходе такой группировки. Возникает ряд вопросов:

— Можно ли применять к одному понятию разные подходы: один в начале, другой в конце исследовательской процедуры? Можно ли манипулировать им по-разному? Можно ли поступать с ним так: формировать приемами группировки, затем включать в более «оживляющую» систематизацию и, наконец, подвергать интерпретации — и все это без изменения дефиниции и структуры?

— Одно ли понятие археологической культуры подвизается в реальной исследовательской практике или здесь два схожих понятия (или несколько), которые мы еще не научились различать, так что незаметно для себя соскальзываем с одного на другое, подменяем одним другое? Если так, то как обеспечить преемственную связь между ними в процедуре исследования?

— Или, быть может, с самого начала, вопреки поверхностному впечатлению, группировке, формирующей культуры, подвергаются не артефакты, а нечто иное, более близкое к живым культурам прошлого?

3. Постановка задачи

Конечно, если в о п р е д е л е н и и археологической культуры царят полный хаос и неразбериха, то неясность и произвол в деле в ы д е л е н и я культур естественны, к критериям выделения не подобраться.

Неразбериха-то налицо, но действительно ли в определениях царит полный хаос? Нет ли скрытого порядка под кажущимся хаосом и нель-

зя ли выявить смысл и логику в смене наиболее влиятельных взглядов на археологическую культуру, в борьбе мнений?

Поскольку в специальных статьях, посвященных этой проблеме, обычно предлагается очередной новый вариант определения и не рассматриваются все предшествующие, будет полезным сопоставить все основные предложения, вошедшие в науку. Надо выяснить, что между ними общего, в чем различие и какие из этих различий существенны, а какими можно пренебречь, так как они сводятся к расхождениям в синонимических тонкостях и отражают лишь речевую индивидуальность авторов. Это позволило бы сгруппировать предложения по главным критериям выделения, основательнее оценить достоинства и недостатки основных версий, определить перспективное направление дальнейшей разработки.

При таком сопоставлении, опирающемся на хотя бы краткий обзор истории вопроса, необходимо избежать двух обычных в этом деле ошибок. Первая состоит в том, что вместо истории понятия прослеживается история лишь одной его версии, в частности территориальной (картографической). Вторая ошибка заключается в подмене истории понятия историей термина «археологическая культура».

Именно из-за этих смещений исторические экскурсы обычно не идут далее Коссины. Правда, по мнению Смирнова (1964:3—4), первыми стали выделять археологические культуры Монтелиус и, у нас, Хвойко и Спицын, позже — Городцов и Теплоухов. По Монгайту же (1967:59), «со второй четверти XIX века было замечено, что определенные типы вещей, жилищ, погребений встречаются на определенных территориях, и комплексы таких находок были обозначены термином "культура"». Эти высказывания ближе к истине.

Однако территориальное распределение типов, наличие определенных ареалов у каждого сорта керамики, у каждого вида оружия, у каждой разновидности могил само по себе не требовало введения нового понятия сверх понятий «тип» (или «вид», «стиль» и т. п.) и «ареал». И пусть рано начали говорить о «народе» курганов или о «строителях» мегалитов, все же это еще не было введением понятия «культура». Возможность же с о в п а д е н и я ареалов разных типов, разных категорий археологического материала первым в широком масштабе установил и г е н е р а л и з о в а л Коссина (констатации его предшественников были сугубо локальными). На этой основе он выдвинул более содержательное понятие, которое в границах определенной территории охватывало уже целую группу памятников, объединенную многими категориями материала. Но это понятие в основном было лишь новой, территориальной (или картографической), версией старого понятия, уже бытовавшего в обиходе археологов. Только это понятие тогда носило другое название и по-иному определялось... Понимание этого можно заметить в кратких историографических экскурсах по данному вопросу у Даниела и Фосс (Daniel 1950:149, 239—247, 318—319; Фосс 1952:17).

4. Формально-типологические определения

Если археологическая культура есть типологическая категория, то логично предположить, что выделение культур приходилось и приходится проводить формально-типологическим анализом материала, за критериями выделения обращаться к основным формальным параметрам археологии и к описательным типологическим понятиям, а определения строить как формально-типологические характеристики. Естественно ожидать, что именно в выборе этих формально-типологических критериев проявятся главные сходства и различия накопившихся определений, выявится их решающая группировка. Действительно, при таком подходе удается уви-

деть в пестрой мозаике множества определений некий порядок, смысл, общие линии и свести это множество к нескольким основным версиям, а именно к шести.

1. Хронологическая или периодизационная версия. Систематизируя материал, археологи уже задолго до Коссины стали выделять группы памятников, схожих по многим показателям, хотя тогда хронологические границы этих групп больше интересовали археологов, чем территориальные. Пожалуй, система «трех веков» Томсена (каменный, бронзовый, железный) была первым примером такого распределения по группам. Это уже была хронологическая или периодизационная версия понятия археологической культуры. В основе выделения каждого «века» лежало то, что и осталось в основе всех последующих версий понятия археологической культуры — многообразное, многократное, комплексное сходство древностей. У эволюционистов тождественность культуры с эпохой выступила еще ярче, отражаясь уже и в номенклатуре: соответствующие группы памятников называли безразлично «мустьерская эпоха» и «мустьерская культура», «азильская эпоха» и «азильская культура» и т. д.

Конечно, применение термина «культура» к археологическому материалу стало возможным благодаря тому, что усилиями «романтиков» и «немецкой исторической школы», передавших понятие «культура» эволюционистам, это общегуманитарное понятие стало рассматриваться как реализация духа и, следовательно, включило в себя материальную продукцию людей — «материальную культуру».

Впоследствии периодизация обособилась, выделилась в самостоятельный вид археологической классификации, и понятия «век», «период», «эпоха» отделились от понятия «культура». Но поначалу эти задачи и эти понятия выступали в синкретическом, нерасчлененном виде.

Эта синкретическая концепция формировалась двумя путями: на первом, *стратиграфическом,* в качестве критерия выделения выступало одинаковое стратиграфическое распределение «руководящих древностей» (так выделял свои «индустрии» Мортилье); на втором, *корреляционно-хронологическом,* в качестве критерия выступала связь типов в замкнутых комплексах (по ним выделяли свои периоды Ворсе, Монтелиус, С. Мюллер). Вся эта концепция могла быть обусловлена не только идеями прогресса (у Томсена и Ворсе) или эволюционистскими воззрениями (у Мортилье и Монтелиуса), но и нередко просто невозможностью проследить территориальные границы из-за недостаточной обследованности края или по другим причинам.

Так, у Софуса Мюллера, который был скорее диффузионистом, чем эволюционистом, выделенные им в конце XIX века ассоциации типичных вещей и сооружений датского позднего неолита получили облик периодов, поскольку отграничения от соседних культур не требовалось: с трех сторон небольшой ютландский полуостров окаймлен морем, с четвертой — хуже изученными землями, а внутри полуострова культуры того же времени просто еще не были известны.

Публикация С. Мюллера (S. Müller 1898), несомненно, оказала влияние на Городцова, который в самом начале XX в. выделил на Донце ряд ассоциаций бронзового века тем же, что у Мюллера, методом корреляции типов керамики с устройством могилы. Так же, как Мюллер, он отразил в названиях некоторых своих комплексов их стратиграфическую позицию: после «ямных», «катакомбных» и «срубных» в материке у него идут погребения «на горизонте», затем «в насыпи» (ср. у С. Мюллера: Undergrave, Bundgrave, Overgrave — «нижние», «на почве», «верхние»). В знаменитых донецких отчетах Городцова (изюмском

1903 г. и бахмутском 1905 г.) выделение групп, позже, в 1915 г., названных «культурами» (ямной, катакомбной, срубной и т. д.), было произведено тоже в плане периодизации, а не территориального ограничения (Городцов 1905, 1907, 1915). И естественно: серия погребений была хорошо растянута и расчленима во времени (раскопаны стратифицированные курганы с разновременными погребениями), но сугубо обрывочна в пространстве — вокруг оставались сплошные белые пятна. Такой же была и схема Теплоухова (бронзовый век Минусинской котловины). Обе могут рассматриваться как поздние конкретные образцы, в которых корреляционным способом реализована старая периодизационная версия понятия археологической культуры.

Но это не самые поздние образцы. Теория стадиальности оживила *некоторые аспекты учений XIX в., построенных на идеях прогресса и* эволюции, и возродила периодизационную версию культуры. Мы узнаем эту версию понятия в «стадиях» Равдоникаса (1932) или Латынина, resp. Круглова и Подгаецкого (1935).

В теоретическом мышлении археологов идеи этой версии дожили до наших дней — правда, в ограниченном применении и лишь у одиночных исследователей.

В частности, по мнению Грязнова (1969:20—21),

> «в русской археологии с конца прошлого века термином «культура» обозначали конкретные культурно-исторические периоды в развитии древних бесписьменных племен и народов. В 30-х годах нынешнего века стали избегать употребления термина «культура» и заменяли его неудобными терминами «эпоха», «время», «стадия», «этап»... Однако... в послевоенные годы советские археологи вновь вернулись к термину «культура».

Стало быть, для Грязнова возвращение к термину «культура» означало только еще одну смену термина, а смысл остался тем же; термин же более удобен из-за своей ограничивающей и конкретизирующей определенности («стадия» всеобъемлюща и подразумевает сопоставление уровней развития). Культура — это просто период в истории конкретного отдельного общества: «Культура как термин археологический классификационный — это период в истории конкретного общества со свойственным ему своеобразным характером культуры... отличный от культуры других смежных с ним периодов и от культуры других современных ему обществ» (Грязнов поясняет, что внутри этой дефиниции термин «культура» использован в неархеологическом смысле).

Странно, но очень похожа трактовка культуры у Рауза (пережитки запоздалого американского эволюционизма встречаются и у представителей «исторической школы» Боаса и у таксономистов, к которым принадлежит Рауз). В его указателе сказано прямо: «*К у л ь т у р а*... Синоним: Культурный период» (Rouse 1972: 271).

У Генинга (1970:176, 178) культура формально не приравнивается к периоду, но стадиалистский подход к пониманию культуры выражен еще четче, чем у Грязнова: смена культур объясняется социально-экономическим скачком, то есть «культура» рассматривается как «стадия». Разграничение культур разного времени на одной территории сводится к выявлению такого скачка:

> «Период существования той или иной археологической культуры должен определяться уровнем развития общественно-экономических отношений. Здесь имеется в виду... решение вопроса, почему именно с каких-то явлений следует считать законченным развитие одной археологической культуры и начало развития следующей, хотя, может быть (sic! — Л. К.), речь идет вполне определенно об истории одного того же населения... Таким образом, переход от одной археологической культуры к другой в экономике сопровождается резким качественным скачком в развитии техники металлургии, продуктивности хозяйства». Накопление количественных изменений «приводит к качественному скачку — переходу к новой археологической культуре».

Таким образом, даже при смене населения (ср. «может быть» выше) археолог обязан констатировать новую культуру лишь в том случае, если наличествует социально-экономический скачок, а уж в истории одного и того же населения никакие другие возможности полной смены облика культуры не предусматриваются.

Приравнение культуры к периоду или стадии, чему на практике и сами современные сторонники этого понимания не следуют, устарело уже в XIX в.

2. Территориальная или картографическая версия. Постепенно хронологическая версия, страдавшая схематизмом и односторонностью (хоть и полезная в определенных границах применения), была заменена территориальной. В средиземноморской археологии это сделали Шлиман и Эванс (очертив Микенскую, Минойскую и др. «цивилизации»), севернее для неолита и более поздних эпох это осуществили Коссина и его ученики, для палеолита — Брейль и Обермайер.

Термин же «культура» не сразу и не везде утвердился за этим понятием. В пору господства хронологической версии употреблялись термины «эпоха» и «период», вначале безраздельно, а под конец — на равных правах с термином «культура» («солютрейская культура» и «солютрейская эпоха» и т. п.). Позже, в результате утверждения территориальной версии, значения терминов разошлись.

В Германии, где была сильна традиционная оппозиция трансформизму «системы трех веков», а затем эволюционизму, и где романтики и «немецкая историческая школа» представили культуру эманацией национального духа, этно-территориальный ракурс рассмотрения материала рано захватил археологов. В связи с этим там термин «культура» уже с середины XIX в. стали прилагать к территориальным и предположительно этническим общностям памятников: «культура вендских погребений» («Kultur der wendischen Gräber»). Систематическим такое употребление термина там сделал Вирхов: с 1870 г. он говорил о культуре лицевых урн: «определенная культура» («eine bestimmte Kultur») (Gummel 1938:273, 277), употреблял и термины «культурный круг» (до Ратцеля!), «тип культуры». Благодаря его авторитету в мировой археологии, обширным международным контактам, влиятельности на международных конгрессах и т. п. это словоупотребление перекинулось в другие страны. К концу века во Франции более употребительным для этой цели оказался термин «цивилизация» (civilization), в Германии — «тип культуры», «культурная провинция», «культурная группа» и «культурный круг» (Kulturtypus, Kulturprovinz, Kulturgruppe, Kulturkreis), в США — «культурный ареал», «фаза», «фокус» (culture area, phase, focus), в России и Англии — «культура» (culture) и др. Различия в определениях разных терминов не превышает различий в определениях термина «культура», а подчас трактовки разных терминов совпадают, одного и того же — расходятся. Но вернемся от терминов к понятию.

Уже в докладе 1895 года (Kossinna 1896) Коссина выявлял по распространению типов артефактов «культурные области» (Kulturgebiete), а в России то же делал (не называя их так и не декларируя методику) Спицын (1899).

Коссина, вопреки распространенному мнению, не дал определения своим «Kulturgebiete», «Kulturprovinzen» или «Kulturgruppen», он лишь указал, при каких условиях они, по его мнению, совпадают с народами (см. об этом Jahn 1953:14—17). Кроме того, он в одной из ранних работ указал, что выделяет «культурные провинции» на основании учета разностороннего материала, а не по одному признаку, не «идентифицирует горшки с народами» (Kossinna 1911:11). Однако этот грех, от ко-

торого он так открещивался, позже пышным цветом расцвел в его работах (Klejn 1974), где опять же ни определений, ни обоснования не было дано.

Определение дал за него его ученик Блюме: «Характер находок одного времени не везде одинаков — выделяются группы, своеобразные по погребальным обрядам, одежде, оружию, поселением и т. п. ... Географически резко очерчиваются культурные области (Kulturgebiete)» (Blume 1912: 1—2). В другом месте Блюме определяет «культурную группу» (Kulturgruppe) как «сумму одинаково распространившихся форм культуры» (Blume 1912:3).

Другой ученик Коссины, Ян, определяет «культурную группу», или «культурную провинцию» так:

> «Выберем только те находки, которые принадлежат одному и тому же периоду... Если области распространения целого ряда своеобразных форм совпадают и ограничиваются главным образом... территорией А, тогда эта территория А содержит особую культурную группу А, тогда эта территория образует в исследуемом периоде, по определению Коссины, «культурную провинцию» (Jahn 1953:9).

Осмотрительное напоминание о необходимой принадлежности форм к одному периоду (это молчаливо подразумевали другие единомышленники Коссины) подчеркивает родство территориальной версии с хронологической, от которой она отпочковалась введением дополнительных ограничений и переносом акцента. Критерий территориальной версии, таким образом, сложнее. Только крайние автохтонисты пытались размыть хронологические рубежи и абсолютизировать территориальный аспект, но обычно это ограничивается лишь некоторыми аспектами жизни, некоторыми местными традициями (ср. Формозов 1952:115—116).

Наиболее разработанной территориальная версия предстает у Килиана.

> «Две вещи, — пишет он, — представляются мне решающими для сути культурной провинции. Это, во-первых, общая территория и, во-вторых, количество и вид сохранившихся на ней типов находок, причем «типы находок» понимаются здесь в самом широком смысле. Как правило, для культурной провинции только те типы находок должны приниматься во внимание, распространение которых в основном совпадает» (Kilian 1960:45).

Килиан обозначает ареал распространения определенного типа термином «провинция находок» (Fundprovinz). Совпадение ареалов дает «провинции находок» второй, третьей и т. д. степеней — по числу типов, совпадающих в своем распространении. «Культурная провинция», по Килиану, это «провинция находок» высокой степени при условии, что совпавшие своими ареалами типы «отражают существенные элементы культуры» (Kilian 1960:48). Попытка ввести количественный критерий (хотя бы неопределенный) и критерий жизненной значительности учитываемых категорий выделяет определение Килиана из других определений той же версии.

Из советских археологов близкое к этим определение дает Монгайт. Археологическую культуру Монгайт (1965:273) разъясняет как

> «термин, употребляемый для обозначения общности археологических памятников, относящихся к одному времени, отличающихся местными своеобразными особенностями и сосредоточенных на определенной ограниченной территории».

Выделение культур, по Монгайту (1967:55),

> «происходит так: картографируя однотипные археологические объекты, мы замечаем, что кроме объектов широкого распространения можно обнаружить вещи, погребения, постройки, типические для замкнутого района и позволяющие отличить этот район от соседних».

Картографический стиль мышления характерен для всех сторонников этой версии: объединяющим, цементирующим элементом культуры слу-

жит совпадение ареалов отдельных типов. Все эти ученые и в самом деле усердно чертили карты.

В разъяснениях Монгайта, однако, заметна одна любопытная деталь: у него, как у У. Тэйлора (Taylor 1948:102—110), в археологическую культуру входят только идиоматичные типы, отличающие данное сообщество от других, и не входят типы, распространенные шире (у Тэйлора они входят только в культуру вообще, но не в каждую отдельную культуру). При таком подходе археологические культуры, даже все вместе взятые, в сумме, не захватят весь археологический материал; они лишь образуют срез с него, сделанный на определенном уровне и с определенной целью — выявить сеть границ, не очень заботясь о полной характеристике заполнения между ними. Монгайт здесь уловил и выразил тот подход, который характерен для всех сторонников этой версии.

Критически отмечая главную слабость таких определений, Гахман сказал:

> «Культура для них все еще как для Коссины — сумма отдельных самодовлеющих элементов культуры, которые одинаково непрерывно развиваются... Часто нехватает понимания сложных функциональных связей внутри культуры» (Hachmann 1951:100).

Правда, у всех этих авторов оговаривается или подразумевается условие предварительного установления синхронности типов, а синхронность эта должна быть установлена прежде всего по взаимовстречаемости в замкнутых комплексах. Однако эта связь элементов культуры (через замкнутые комплексы) получается вторичной, косвенной, опосредованной. Необязательной была такая связь и для периодизационной версии: ведь синхронность могла быть установлена и по стратиграфии или импортам.

При таком подходе ускользают от объединения в культуры многие археологические явления, в жизни бывшие продуктами одной группы людей. Например, следы кочевников, не образующие сплошного замкнутого ареала, а вкрапленные в ареалы других культур вперемешку с ее комплексами или даже включенные порознь в комплексы чужих культур. На первых порах изучения так могут проявиться и культуры оседлого населения, неизвестные ранее.

В 1923 г. Городцов *как бы суммировал обе определившиеся к тому* времени версии — периодизационную и территориальную — или попросту выразил уже упомянутую надстроенность второй на базе первой. В своей дефиниции он охарактеризовал археологическую культуру как «некий организм, подлежащий измерению во времени и пространстве». В чем та связность, которая придает культуре статус «организма»,— осталось нераскрытым: у Городцова она просто «слагается из вещественных памятников домашнего быта, искусства, культа и знания» (Городцов 1923б:18).

3. Стилистическая версия. Не поможет ли уловить внутренние связи культуры феномен стиля? Эта идея в XIX в. вдохновляла философов-романтиков — певцов «национального духа», повлиявших на антропогеографические представления о «культурных кругах», их диффузии и миграциях. В последней четверти века Ницше провозгласил: «культура — это единство художественного стиля во всех жизненных проявлениях народа» (Nietzsche 1924, 1:183). От него эту идею перенял Шпенглер, сделавший в XX в. тотальное единство стиля средством выражения замкнутости и взаимной отчужденности культур и, таким образом, одним из девизов циклизма.

В археологии еще С. Мюллер иной раз свои периоды северного бронзового века называл «стилевыми периодами» (Stilperioden) и отмечал

«область, в которой работа шла с этими стилями» (S. Müller 1897:376), но Мюллер не выдвигал эту сторону на первый план. Позже Флиндерс Питри, склонный к миграционистским объяснениям и трактовкам в духе циклизма, сформулировал вывод, что стили искусства — самый чувствительный индикатор для различения и распознавания культур и стадий их существования (Flinders Petrie 1911). Несколькими годами позже Шухардт в книге «Древняя Европа» (1918) выдвинул в качестве критерия выделения своих «культурных кругов» стилистическое единство — принципы тектоники форм, основные черты орнаментации и т. п.

> «Я хотел показать,— писал он,— именно стиль в культурах и типах, ибо по нему прежде всего можно выявить крупные линии развития: дуализм древней Европы» (Schuchhardt 1926:X).

Что именно Шухардт предпринял на деле такую попытку — вполне объяснимо: ведь он принес в первобытную археологию и соединил в ней учение о «культурных кругах» (Kulturkreislehre) с образованием, подготовкой и опытом археолога-классика (-античника), а в античной археологии понятие стиля было главным инструментом обобщения со времен Винкельмана, с XVIII в. По Винкельману, стиль — это эпоха. Эта идея реализовалась им главным образом применительно к формам скульптуры. У его преемников в первой половине XIX в. на основе этой идеи были разработаны расписная керамика и многие другие категории материала. Не было ни попыток связать их воедино посредством стиля — перебросить с помощью стиля мостики от одной категории вещей к другой, ни противопоставить друг другу разные стили одного времени, ни проследить их территориальное распространение.

Все это попытался осуществить в широком масштабе Шухардт, усвоивший неоромантическую идею единства национального духа, стиля и культуры. Однако его разработки этой идеи очень расплывчаты, а четких формулировок понятия у него и вовсе нет.

В послевоенное время со схожими теоретическими идеями выступил фон Услар. Для Услара первобытная археология (Vorgeschichte) сводится прежде всего к «стилевой истории артефактов» (Stilgeschichte der Artefakte). Круги форм (Formenkreise) Услар рассматривает как «стилевые провинции» (Stilprovinzen), в которых выражается «преобладание стилистической воли и единства пространства и времени» (von Uslar 1955:6, 10). Но и Услар не операционализировал свои идеи.

Операционализацию проделал представитель «американской исторической школы» Крёбер в работе 1957 г. (переиздана в 1963). Крёбер — в основном этнограф, но уделяющий много внимания истории материальной культуры.

Прежде всего он поработал над определением самого понятия «стиль». По Крёберу, объект включается в стилевую общность, когда «к его функциональной структуре и назначениям добавляется эстетически значимая форма поверхности». Из этого Крёбер выводит три особенности понятия: во-первых, говоря о стиле, «имеют в виду форму, а не субстанцию, подразумевают способ, а не содержание. Во-вторых, предполагают некоторую согласованность форм. В-третьих, ...эти формы столь согласованы, что могут интегрироваться в серию родственных друг другу конфигураций» (Kroeber 1963:4).

Крёбер соотнес понятие стиля с общим социоисторическим (или «антропологическим») понятием культуры. И хотя у него нет столь четких формулировок, как у Холлоуэя (Holloway 1969), о свободе выбора форм как одной из фундаментальных особенностей культуры, он связывает феномен стиля именно с этой особенностью:

> «Стиль — это прядь в культуре или цивилизации (в данной работе это у него синонимы. — *Л. К.*): связный, внутренне последовательный способ выражать некото-

рое поведение или совершать некоторые виды действий. Также это избирательный способ, т. е. должны существовать альтернативные, принципиально возможные выборы, хотя бы они в действительности никогда не были осуществлены. Где правит вынужденность или физическая или физиологическая необходимость, там нет места стилю» (Kroeber 1963:150).

Таким образом, Крёбер противопоставил стиль функциональному назначению.

Почти одновременно схожую идею выдвинул в небольшой заметке чешский археолог Э. Неуступны (Neustupný 1958), который различил в типологической эволюции два процесса: прогрессирующую эволюцию — в плане функциональных изменений, и циклическую (с флуктуациями) — в сфере свободного выбора форм. Позже Боузек усмотрел в этом оппозицию «функция» — «стиль» (Bouzek 1971:31—34), а впоследствии это противопоставление стало исходным пунктом для американских исследователей в трактовке стиля.

Приложимость понятия «стиль» Крёбер распространил с искусства на некоторые более прагматические отрасли культуры, но тоже связанные с эстетическими оценками: одежду, гастрономию. На примере одежды Крёбер тонким количественным анализом разобрал структуру и механизм изменения стиля в соотношении с отдельной культурой и под воздействием крупных исторических перемен в обществе. Он показал, что в стилях одежды под флуктуациями с размахом в многие десятилетия покоятся фундаментальные конфигурации (basic patterns, model patterns, ideal silhouettes) — одна для каждой крупной культурной общности (цивилизации), неизменная, инвариантная для тысячелетий. В Средиземноморье — одна такая конфигурация, в остальной Европе — другая, в Восточной Азии — третья (Kroeber 1963:7—23). В каждой — не только свой идеальный силуэт, но и свой особый вид и темп флуктуаций.

Такую цивилизацию отличают от других не только стиль одежды, но и стиль гастрономии, стиль архитектуры и т. д.

Совпадают ли они в своих границах? Нет ли у них и общности каких-то признаков? Словом, Крёбер задается вопросом: «В какой мере правомерно и в какой мере полезно распространять понятие стиля на целые культуры?» (Kroeber 1963:70). На эти вопросы Крёбер отвечает положительно. Он считает плодотворным обобщать совокупность отдельных стилей, выступающих в «цивилизации», и исследовать результат их взаимодействия в ней — «нечто вроде суперстиля», «стиля целостности», «общего стиля жизни» (superstyle, whole-style, total style of life).

Однако как раз это понятие остается у Крёбера смутным, нечетким. Ведь здесь он делает шаг от диффузионизма к циклизму, к концепции параллельных цивилизаций, к Шпенглеру. Но только шаг.

У Шпенглера монадная культура одностильна, стиль выступает как цельный образ, единый по своей природе, и выводится из одного принципа, мотива или девиза, для каждой культуры — своего.

Можно ли уловить какую-то психологическую связь между вертикалью готического собора, контрапунктом в музыке и перспективой в живописи? — спрашивает Крёбер. И отвечает уклончиво: ну, что-то в этом есть (Kroeber 1963:101), но что — не совсем понятно, а причины единства теряются во мраке (Kroeber 1963:79, 95—96). В отличие от Шпенглера он не верит в возможность выводить суперстиль из одного мотива и отвергает шпенглеровские упрощенные увязки. Суперстиль, по Крёберу, оказывается «сложным по происхождению, вторичным и производным» (Kroeber 1963:71). Это не необходимая взаимозависимость форм, а исторически сложившееся сочетание формы и качества, их ассимиляция друг к другу и к целому (Kroeber 1963:78). Он не разверты-

вается изнутри, а постепенно складывается снаружи и не захватывает всю культуру (Kroeber 1963:102—103).

Конечно, избавиться от упрощений значит избрать более реалистичную позицию. Но ведь соотношения и основы единства и разнородности в суперстиле остались у Крёбера неустановленными. Раз так, его подход, действительно более сложный, оказался лишенным цельности и последовательности, в нем есть внутренние противоречия. Если считать, что единство суперстиля не изначально, то надо предусмотреть взаимную независимость и частичное несовпадение границ составляющих его стилей (и можно найти немало подтверждающих примеров в реальности). Но тогда не так уж тесна связь каждого данного стиля с отдельной культурой. Если считать, что правомерно переносить понятие стиля с искусства на другие сферы культуры, переносить со всеми эстетическими характеристиками, то надо переносить и некоторое представление о внутренней согласованности форм, об их выведении из единой идейной установки, из цельной и мотивированной социальной психологии. Но тогда связь каждого стиля с его социальной средой, его культурой оказывается весьма тесной, а у разноотраслевых стилей одного и того же социального организма должна быть налицо некая однородность, некая одноцельность средств художественного воздействия, некая сумма формальных инвариант, дающая основу для представления о суперстиле. Усматриваем же мы нечто общее между творениями классицизма (или барокко, рококо и т. д.) в архитектуре, живописи, музыке, литературе. Не так уж трудно подключить сюда одежду, гастрономию, науку, манеры поведения...

Это как раз те соображения, которыми на практике руководствуются археологи, используя стили для выделения археологических культур.

На практике и у нас иной раз культурная общность выделяется (а ее вещи опознаются) по стилистическому критерию: например, скифская культура — прежде всего по специфическому звериному стилю, кобанская культура — по вычурно изогнутым очертаниям металлических орудий и изображениям животных. Но это делается интуитивно, на глаз.

При этом появляется риск, что заключения, сделанные на основании распространения художественных особенностей, могут быть восприняты как определяющие весь культурный комплекс, а ведь обязательность совпадения не гарантирована. Художественный стиль может характеризовать некую культуру, будучи тесно сопряжен с ее прочими компонентами, а может распространяться и с нарушением общекультурных границ. Наблюдая за практикой археологов-американистов, Клакхон установил, что во многих случаях они классифицируют археологичесие комплексы на основе сорта керамики или архитектурного стиля (включая способ кладки каменных стен).

> «Если этот факт эксплицитно отмечен,— замечает Клакхон,— то процедуру вполне можно признать очень удобной и не вызывающей возражений. Если, однако, возникает впечатление или убеждение, что эта классификация сделана на основе всего культурного комплекса, то это обманывает, ибо оказывается, что другие культурные элементы, найденные вместе с диагностическим сортом керамики, попросту притянуты уже после того, как решающий шаг сделан. Раз уж мы на деле орудуем только сортами керамики или архитектурными стилями (или комбинациями того и другого), то в интересах ясного мышления следовало бы открыто это декларировать либо терминологией, либо эксплицитной констатацией» (Kluckhohn 1962:75—76).

Любопытно, что ***сорт*** керамики (категория, не связанная с феноменом художественности) идет здесь наравне с архитектурным стилем, а в стиль включается способ кладки — характеристика в основном техническая. В этом расширении и разжижении понятия стиля кроется выход к более тесному совмещению (хотя и не отождествлению) его с понятием археологической культуры.

Эту перспективу уловил Г. Кларк. Он отметил возможность приравнять к стилистическим все те коллективные вариации форм, которые определяют археологическую культуру и обусловлены свободой выбора и контактами, а не экологическими и экономическими факторами.

> «Критерии различения прежсторических культур варьируют в частных случаях, но наиболее надежны скорее те, что выражают выбор или стиль, чем те, которые контролируются экологическими или даже экономическими факторами» (Clark 1957:169).

Кларку, энвиронменталисту по убеждениям, такая версия археологической культуры, отчлененной от экологии и экономики, потребовалась именно для того, чтобы можно было сопоставлять культуру со средой, прослеживать через экономику воздействие природы на все проявления человеческой жизни. В этой трактовке, однако, понятие стиля явно расширено, освобождено от феноменов художественности и внутренней цельности и отслоено от ***искусствоведческого*** понятия стиля. Это, конечно, делает его более операциональным и более пригодным к общей группировке археологического материала. В то же время здесь становится особенно ясным выпадение некоторых важных сведений (в частности, экономических) из анализа, орудующего таким понятием, как основной ячейкой группировки археологического материала.

Бидни критикует «эстетическую» интеграцию культуры за то, что за основу такой интеграции принимается скорее эстетическая форма культуры или стиль, чем взаимодействие реально функционирующих институтов (Bidney 1953:373). Как выявить взаимодействие?

4. Ковариационная версия. В 1929 г. еще один аспект в определении и выделении культур уловил Жуков — глава московской школы «палеоэтнологов», вносивших географические знания, культурантропологические интересы и естествоведческую методику в практическое изучение археологических памятников первобытности. В небольшой статье «Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп» (Жуков 1929а) он предложил понимать каждую отдельную культуру «как сочетание и изменчивость типичных элементов». Другая его работа того же года, более пространная — «Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики» (Жуков 1929б) — поясняет выдвинутую идею конкретной разработкой материала.

По Жукову, каждая культура как сочетание «типичных элементов» и каждая фракция культуры (каждая «индустрия», по западной терминологии) как сочетание их в одном материале, в одном веществе (например, керамике) не остаются одними и теми же во времени и пространстве, а варьируют, модифицируются, скрещиваются с соседними, рождая гибридные формы, и это, конечно, затрудняет отыскание границ. Но пока культура существует как единый «организм», и на том пространстве, где она выступает такою, ее «типичные элементы» должны изменяться согласованно. Согласованность должна быть заметна внутри каждой фракции и еще заметнее — при сопоставлении разных фракций. Где согласованность кончается, там и есть предел данной культуры: территориальная граница — если изменчивость прослеживалась территориально, хронологический рубеж — если во времени.

Хронологический аспект этой идеи через много лет возродил Брюсов (1952:20), указав, что единство составных элементов культуры заключается, между прочим, также «в однообразном (имелось в виду: единообразном. — *Л. К.*) изменении их форм с течением времени». Недавно на эту идею Жукова и Брюсова обратил внимание исследователей Каменецкий (1970:20).

Независимо от этих высказываний параллельная изменчивость элементов во времени как критерий выделения культур получила признание и гораздо более интенсивную разработку в американской археологии, еще теснее связанной с культур-антропологией, чем палеоэтнологическая школа Жукова.

Уилли обозначил такую последовательность как «традицию», сначала применительно к керамике (Willey 1945). Он имел в виду устойчивое сохранение и непрерывное развитие некоторых культурных черт или элементов в одном и том же сравнительно ограниченном районе в течение длительного времени. «Керамическая традиция, — указывал он, — содержит линию или некоторое количество линий развития керамики во времени в рамках определенных технических и декоративных констант» (Willey 1945:53). Гогин применил это понятие к целым культурам — появилось понятие «культурная традиция» (Goggin 1949).

Поскольку, однако, термин «традиция» первоначально прилагался у Уилли к явлениям небольшого территориального охвата, Беннет, чтобы легализировать применение этого термина к более крупным «культурным зонам» (culture area), ввел понятие «зональной котрадиции» (area cotradition), то есть «со-традиции», «комплексной традиции». Он обозначил этим термином взаимосвязанные (впрочем, кажется, не обязательно согласованно развивающиеся) культурные традиции обширного района, в котором отдельные составляющие культуры «взаимосвязаны в течение некоторого периода времени» (Bennett 1948:1). Хоть за Беннетом и последовали некоторые американские археологи (Martin and Rinaldo 1951), Рауз отверг понятие «зональной котрадиции» из-за подозрений в моногенетическом подтексте (Rouse 1954, 1957). Само слово «***котрадиция***», если отвлечься от спорных дефиниций, удачно подчеркивает *параллельность, взаимосвязанность, согласованность непрерывного развития* на устойчивой основе. Но суть не в терминологическом оформлении.

Просто у самого Уилли и у ряда его коллег первоначальный термин «традиция» постепенно стал применяться в том смысле, в котором у нас применяется термин «археологическая культура», но с подчеркиванием протяженности, непрерывности и единообразного изменения во времени (ср. Willey and Phillips 1958:34—38; Willey 1966, I, synchroniz. table).

Территориальный аспект взаимосвязи элементов в культуре не был выделен или специально разработан. Впрочем, согласованная изменчивость элементов от одного места к другому (ее по аналогии можно было бы назвать ***кодивергенцией***) — это то, что́ в числе прочего Л. Бинфорд и его ученики выявляют факторным анализом внутри памятника или культурного слоя. Этой методикой можно было бы охватить и более широкие массивы материала, соизмеримые с культурами. Но как раз в этих исследованиях Бинфорд и его коллеги показали, что разные части культуры и даже части одной фракции, одной индустрии (например, кремневой) развиваются и проявляют свою изменчивость в распространении по-разному, врозь, а их элементы согласуются в своей изменчивости только внутри такой части культуры или части фракции — внутри субкультуры или внутри «ранцевого набора орудий» (tool-kit), охватывающего кремневые изделия, связанные функционально (Binford and Binford 1966).

Тем самым была подвергнута сомнению надежность или, по крайней мере, простота параллельной изменчивости — ***ковариации*** (включая сюда и котрадицию и кодивергенцию) — как удобного критерия выделения культур.

5. Корреляционно-типологическая версия. Одно-

временно с ковариацией был найден еще один способ обнаружения внутренней связности элементов в культуре. Отмеченная Гахманом слабость территориального определения устранена в определении, которое в 1929 г. преложил Чайлд:

> «Мы находим определенные типы останков — ямы, орудия, украшения, погребальные обряды, формы домов — постоянно встречающимися вместе. Такой комплекс регулярно соединяющихся останков мы называем «культурной группой» или просто «культурой». Мы предполагаем, что такой комплекс является материальным выражением того, что мы сегодня называем «народом» (Childe 1929:V—VI).

Через год Чайлд повторил свое определение в несколько более развернутой формулировке:

> «Отличительные типы изделий из металла, кости, камня и керамики, постоянно находимые комплексом в могилах и поселениях на определенной территории, вместе с особенностями строения жилищ и могил, в которых они встречаются, образуют то, что называется «культурой». Предметы считаются объединенными в комплекс, если они найдены вместе в обстоятельствах, свидетельствующих об одном употреблении, т. е. *как инвентарь одного погребения, или в развалинах одного жилища»* (Childe 1930:41—42).

Еще через несколько лет Чайлд определял археологические культуры как

> «объединения специфических типов орудий, оружия, и украшений, повторяющиеся в могилах и поселениях одного рода и отличающиеся от находок, обнаруживаемых в могилах и поселениях другого рода» (Childe 1936:3).

В одной из последних своих книг Чайлд определял культуру как

> «совокупность находок (artifacts), регулярно появляющихся совместно в поселениях одного типа и с могильниками одного и того же ритуала» (Childe 1950:2).

Таким образом, Чайлд, заимствовав из старой корреляционно-хронологической версии ее преимущества (критерий выделения, учитывающий внутреннюю связь элементов культуры — через замкнутые комплексы) и, отказавшись от хронологической односторонности (так что не упущены и достижения территориальных разработок), ввел новую версию определения. В ней за основу принята внутренняя связь элементов культуры — связь, имеющая определенные границы и во времени, и в пространстве.

Корреляцию типов подразумевали и предшествующие версии определения культуры. Но их сторонникам (особенно проповедникам «трех веков» и миграционистам) культура представлялась компактной, связь типов в ней — прочной и органичной. Каждый тип той или иной культуры воспринимался как полноправный представитель этой культуры, представляющий только ее. Поэтому Коссина и считал возможным прослеживать культуру практически по любому типу артефактов из ее набора.

У Чайлда не так. «Нет надобности, чтобы все типы, причисляемые к некоторой культуре, непременно присутствовали в каждом комплексе этой культуры» (Childe 1956:33). Важно, чтобы их было здесь больше, чем в комплексах других культур, или чтобы они здесь в общем и целом составляли неповторимое вне данной культуры сочетание типов. В каждом же отдельном комплексе данной культуры тот или иной тип из характерного для нее набора появляется не обязательно, а лишь с большей вероятностью, чем вне этой культуры или чем в других сочетаниях. В комплексах есть и типы, характерные для других культур. По Чайлду, «археологическое понятие культуры является в большой мере статистическим» (Childe 1956:34). Д. Кларк сказал бы — политетическим.

Чайлду такая увязка типов в культуре потребовалась для того, чтобы отделить в каждой культуре «свои» типы от «чужих». Он ведь в годы создания этой своей концепции культуры был диффузионистом с сугубо социологическими интересами, и ему нужно было прослеживать влия-

ния одних культур на другие, не впадая в биологизацию. Этим объясняется, почему его теоретические положения близки к тому, что́ задолго до него осуществляли на практике. С. Мюллер и Городцов, тоже прибегавшие за объяснениями к «теории влияний и заимствований». Но у ранних диффузионистов, еще близких по философско-методологическому вооружению к слабевшему эволюционизму (см. Викторова 1977:5—7), понятийное оформление их новых теоретических идей отставало от их типологической практики. Это придавало их практическим достижениям частный, локальный характер и не позволяло широко и фундированно реализовать всю концепцию диффузии. Именно это сделал Чайлд в 1925 г. (Childe 1925), представив всю преисторию Европы как систему культур, охваченных и связанных волнами диффузии (см. Klejn 1976:17), а в 1929 г. он осмыслил и оформил инструмент, который послужил ему для этого построения — понятие археологической культуры в новой версии.

Исходя из статистического представления о культуре, Чайлд заключил «Нет сомнения, количественный элемент должен войти в любую дефиницию какой-то культуры» (Childe ,956:122). Но сам он шагов в этом направлении не предпринимал.

В советской археологической литературе корреляционно-типологическая версия представлена структурно менее ясными определениями. Одно из них принадлежит Удальцову:

> «Под археологической культурой мы понимаем исторически сложившуюся на данной территории, более или менее устойчивую на протяжении известного периода времени совокупность вещественных памятников, объединенных общими признаками, отличающуюся от других устанавливаемых в археологии культур» (Удальцов 1953:14).

Что собственно, сказано в этом определении? Что культура — это группа памятников, что она занимает какую-то территорию и хронологический отрезок (а не находится вне времени и пространства?) и что эти памятники объединены и отличаются от других общими признаками. Какими? В каком количестве? А если, например, двумя — елочным мотивом в орнаменте керамики и лепной техникой? Определение дано в столь общей, приблизительной и неряшливой формулировке, что определяемое понятие расплывается и становится бессодержательным.

В одной из своих первых работ я сформулировал (со ссылками на ряд предшественников) более пригодное к практике, но весьма эклектичное определение:

> «Археологическая культура — это совокупность археологических памятников, объединенных близким сходством типов орудий труда, утвари, оружия и украшений (особенно же сходством деталей в формах вещей, сходством керамической орнаментации и приемов техники), сходством типов построек и погребального обряда».

Я отмечал, что это — лишь качественная характеристика понятия.

> «Но остается совершенно неясной количественная характеристика — сколько специфических признаков, объединяющих определенную группу памятников и отличающих эти памятники от соседних групп, следует считать достаточным для того, чтобы можно было констатировать самостоятельную культуру» (Клейн 1962:31).

Попытке установить на конкретном примере количественный критерий и была посвящена цитируемая статья.

Строже и ближе к трактовке Чайлда оказалось определение, предложенное позже Сорокиным (1966:5).

> «Под археологической культурой мы понимаем совокупность археологических памятников, сходных между собой по ряду устойчиво повторяющихся признаков и отличающихся по этим признакам от других совокупностей археологических памятников со своими комплексами устойчиво повторяющихся признаков — от других археологических культур».

Но и у Сорокина нет количественных критериев выделения.

Итак, в основе этой версии определения археологической культуры — корреляция или (если точнее пользоваться терминами комбинаторики) сопряжение типов материальных древностей (артефактов и сооружений). Во времена Чайлда в археологии сопряжение проводилось на глазок, по интуиции. В наше время напрашивается идея использовать для этого более строгий аппарат комбинаторики — таблицы сопряженности, графы, математические формулы (коэффициенты сопряженности и т. п.). Простейшим примером такого подхода является работа Качаловой (1967) по выделению полтавкинской культуры. Но именно при таком подходе во многих случаях и выступает главная слабость этой версии: нет количественных критериев и неясно, как их найти.

6. Типокомплексная версия. Попытку обойти эту трудность представляет версия, очень близкая к корреляционно-типологической, — типокомплексная. Ее наметил и дал ее логико-математическое обоснование Шер. Этот исследователь констатировал: археологи давно подметили, что как особенности отдельных находок и сооружений не распределены хаотически, а регулярно сочетаются в них, образуя типы, точно так же и совпадения находок в замкнутых комплексах не беспорядочны, а характеризуются известным постоянством в определенных границах, повторяются, то есть также образуют нечто вроде типов. Вот эти более сложные образования, структурную родственность которых типам вещей и сооружений уловил Шер, и образуют, с его точки зрения, основу для понятия «археологическая культура». По Шеру, понятие культуры

> «нужно для описания некоторой исторически сложившейся и реально существовавшей во времени и пространстве совокупности материальных объектов, ставших для нас археологическими памятниками; ...выявляется на основе устойчивого сочетания существенных признаков; ...логически сводимо к понятию системы. Культуру, видимо, следует понимать ...как систему типов памятников, объектов и предметов» (Шер 1966:264).

Таким образом, если для Чайлда культура конституируется как устойчивое сочетание типов, регулярно связанных друг с другом через замкнутые комплексы, но сами эти комплексы могут быть весьма различными, то для Шера культуру образует устойчивое сходство самих сочетаний в комплексах, сходство самих комплексов. В первом случае в основе культуры выступает комплекс типов, во втором — тип комплексов. Первый представляет собой более обобщенную ассоциацию, более отвлеченную от реальных сочетаний в комплексах; второй ближе к ним и, соответственно, уже.

Возникло даже искушение противопоставить понимаемый так «тип памятника» (на деле имелся в виду тип комплекса) археологической культуре. На дискуссии 1968 года в Ленинграде с этим выступил Микляев. Разгорелся спор:

> «ГРИГОРЬЕВ: Чем отличается тип памятника от культуры?
>
> КЛЕЙН: Не есть ли это замена термина, а понятие остается примерно тем же?
>
> МИКЛЯЕВ: Тип памятника — более точное определение: территория нам еще неизвестна ...мы не собираемся говорить об этносе и языке... ограничиваемся сугубо техническими задачами сравнения памятников.
>
> ШЕР: Вы не соглашаетесь с определением В. С. Сорокина, но говорите о том же, только другими словами.
>
> ГРИГОРЬЕВ: ...Этнос тут не при чем, так как и в определения археологической культуры его не все вносят, а язык — все не вносят» (Клейн и др. 1970:301).

Позже и независимо от Шера (не зная о его предложении) английский археолог Ходсон предложил такое же понимание археологической культуры — как кластера схожих комплексов (Hodson 1980).

Конечно, выделять типы комплексов легче, математический аппарат для этого может быть и весьма простым (например, методика сопостав-

ления процентных соотношений типов в комплексах у Борда), может и вообще не потребоваться. Но выделяемые ассоциации по необходимости должны быть односторонними: нельзя же выделить один «тип памятников» или «тип комплекса» на основе обобщения городищ и петроглифов! Другое дело, что реальность нередко преподносит археологам такие ограниченные возможности и задачи. Есть культуры, известные только по могильникам, есть — только по поселениям. Но археологи рассматривают такие системы представлений как ущербные, а такие ситуации — как временные, которые надо преодолевать. Так оно и происходит: то все же обнаруживаются недостающие виды памятников — могильники (в дополнение к поселениям), поселения (в дополнение к могильникам), клады, отдельные находки и т. п., то сами комплексы одного типа оказываются достаточно богатыми информацией, чтобы разносторонне охарактеризовать жизнь древнего населения. «Городища Дьякова типа» (с грузиками Дьякова типа на них) уступают место «дьяковской культуре».

Это показывает не только родственность понятия «тип комплекса» понятию «археологическая культура», но и ограниченность подхода к археологической культуре через тип комплекса.

Кроме того, все перечисленные версии определения археологической культуры оставляют у археологов-практиков чувство неудовлетворенности как из-за своей несхожести, пестроты, так и из-за своей поверхностности. Многие советские археологи относятся к этим версиям критически, полагая, что в таком подходе к проблеме сквозит чрезмерный формализм, что для сторонников этих версий за формально-типологическими отношениями вещей не стоят реальные общественные отношения людей, что в этих версиях формально-типологический анализ археологических материалов оторван от живых явлений истории.

Где же выход?

5. Этнизирующие определения

Выход многие исследователи видят в том, чтобы ввести в определение понятия археологической культуры непременное условие ее соответствия конкретной этнической общности — племени или народу, а в ряде случаев понимают это как соответствие также языковой общности. Исходный принцип этих исследователей четко выразил Брайчевский (1965:31):

> «Под археологической культурой мы понимаем такие ассоциации археологических явлений, которым безусловно соответствуют определенные этнические единства. Культуру, которой бы не отвечала одна и только одна этническая общность людей, мы не признаем культурой».

Решив усовершенствовать таким способом старые определения археологической культуры, одни исследователи избрали исходным объектом для усовершенствования территориальную (картографическую) версию, другие — комплексную. Так возникли две новые версии: этнотерриториальная (или этнокартографическая) и этнокомплексная.

1. Этнотерриториальная (этнокартографическая) версия. В сущности эта версия означала возвращение к трактовке старших учеников Коссины — Блюме и Яна, с одним лишь (но существенным) отличием: обязательное соответствие этносу, у тех подразумевавшееся и учитывавшееся, здесь было введено в само определение. Ведь еще Блюме отмечал, что совпадение границ распространения типов не может иметь иного объяснения, кроме этнической (соотв. языковой) общности: племенное родство и единство языка облегчали культурный контакт, а их отсутствие — затрудняло; поэтому этническая граница большей частью должна была оказываться препятствием распростране-

нию типов, значит, где совпадают границы распространения многих типов, там — этническая (соотв. языковая) граница.

Это рассудочное построение, безупречное с точки зрения формальной логики и «здравого смысла», не выдержало столкновения с фактами этнографии — науки, кооперацию с которой Коссина отвергал,— да и самой археологии. Уже один из старейших учеников Коссины Ян был вынужден в недавнее время признать реальность бурных контактов в границах первобытных групп населения, расплывчатость культурных границ, наличие переходных зон, смешанных культур и т. п. (Jahn 1953). Накопление исторических и этнографических свидетельств того, что очень многие ареалы типов (даже совпадающие) не имеют этнического значения (Wahle 1941; Толстов 1946; Eggers 1950; Левин и Чебоксаров 1955), побудило современных сторонников картографической версии (Килиана, Монгайта) отказаться от принципа обязательного соответствия культуры этносу.

Возвращение к этому принципу оказалось мыслимым только при существенной перестройке самого понятия археологической культуры — на базе учета всех указанных осложняющих обстоятельств. Поэтому этнокартографическая версия нового времени строится на отсеивании элементов, не имеющих этнического характера. В основе понятия стараются оставить только те элементы, которые непременно должны иметь этническое значение. Поиски таких элементов привели к полнейшему разброду: что ни исследователь, то свой выбор ***«этнических признаков»***.

Примером этнокартографического подхода может служить статья А. П. Смирнова. Он исходит из картографического определения, приведенного со ссылкой на общее мнение:

> «Большинством археологов термин «культура» применяется в отношении памятников одного времени, расположенных на строго очерченной территории и отличающихся своеобразными чертами материальной культуры» (Смирнов 1964:4).

Далее автор, уже от себя, подчеркивает, что главным способом выделения археологической культуры и стоящего за ней этноса должно служить картографирование.

Впоследствии Смирнов возражал против отнесения его к сторонникам чисто этнического истолкования культуры: «Автор... нигде не говорил, что археологическая культура характеризует только этнос» (Смирнов 1968:70, прим. 38). Действительно, в самой статье 1964 года у него есть оговорки о том, что для первобытного общества культура — показатель не только этноса, но и языка (между тем для большинства археологов язык — один из главных признаков этноса), и что позже обязательность совпадения исчезает (но ведь он только первобытным обществом и ограничивает существование культуры). Во всяком случае, по общему смыслу статьи 1964 года (поиск «этнических признаков» для выделения культуры), ее приходится понимать именно как пример этнокартографического подхода.

Но какие же «своеобразные черты» при картографировании надо выделить как характеризующие этнос и, с л е д о в а т е л ь н о, археологическую культуру?

Перебрав ряд элементов культуры и отбросив их, исследователь останавливается на лепной керамике (имея в виду, очевидно, ее формы), потом с колебаниями и сомнениями добавляет к этому погребальный обряд. У других исследователей на роль важных «этнических признаков» (или даже основного, а то и единственного) претендуют другие элементы культуры: только керамика (Kehoe 1959) или только керамическая орнаментация (Жуков 1929б; Чернецов 1951:25; Фосс 1952:65, 69—77), тех-

ника выделки керамики (Кожин 1964)[1], кремневые орудия труда (Формозов 1957; ср., однако, против этого Фосс 1952:67—69) и произведения искусства (Формозов 1959:20—21), устройство жилищ (П. Н. Третьяков 1962а; Сальников 1954:251; ср., однако, против этого Фосс 1952:66; Горюнова 1956:4; Формозов 1959:21), способ погребения (Артамонов 1948:133, 142; Крупнов 1957:69), оружие и одежда (D. Clarke 1968:393) и т. д.

Все это очень напоминает спицынскую методику выделения славянских «племен» по височным кольцам (Спицын 1899), раскритикованную П. Н. Третьяковым (1937) и поддержанную Арциховским (1937). Да и Третьяков-то критиковал спицынские выводы не за принцип выделения, а за хронологическое несовпадение ареалов колец с летописными «племенами». Еще более это напоминает принцип Коссины, иронически выраженный его противниками в формуле «ein Volk, ein Topf» («один народ — один и горшок»).

Таким образом, защитники этнокартографической версии делают шаг назад от определений Яна, Килиана и Монгайта к позиции самого Коссины, которую даже тот не защищал открыто — он отрекался от нее — и лишь de facto реализовал в своих поздних работах. Отличие их позиции в этом вопросе от позиции Коссины невелико. Тот исходил из принципиального совпадения всех форм культуры между собой и с этносом и поэтому считал возможным выявлять этнос по любому элементу культуры (то по типу копья, то по форме сосуда, то по боевым топорам и т. п.), не вводя это в определение культуры. А современные исследователи выбирают какой-нибудь один признак, отсеивая остальные как не этнические, и открыто или имплицитно вводят этот один признак в определение культуры, делая критерием выделения культур. Но в такой трактовке понятие археологической культуры по сути сводится к понятию ареала того или иного типа, т. е. исчезает право на введение какого-то особого, принципиально нового понятия сверх понятия «ареал типа».

Логически последовательной в этом вопросе приходится признать ту оригинальную позицию, которую заняла Фосс. Эта исследовательница считала возможным и единственно правильным выявлять первобытные этносы только по керамической орнаментации, но термин «культура» к выявленным ареалам не находила нужным прилагать: зачем, когда для них подходят термины «ареал типа» и «этнос»? Термин же «археологическая культура» она оставляла за более сложным и общим понятием, не имеющим непременного этнического значения.

> «За последнее время,— указывала она,— под археологической культурой стал подразумеваться определенный комплекс археологических предметов, бытовавших в пределах ограниченной территории на определенном отрезке времени, и сложившийся в результате обособленного существования населения» (Фосс 1952:17).

Рассмотрев возможности этнической трактовки этой обособленности и решив его отрицательно, Фосс (1952:19) резюмировала:

> «В итоге выяснения значения термина культура приходим к заключению, что под ним следует подразумевать общность, которая возникает в материальной культуре в силу самых различных причин и которая наблюдается в археологических памятниках, бытовавших на определенном отрезке времени и объединенных общей территорией».

Однако, если отвлечься от терминологического аспекта, то в части выделения этносов по одному признаку позиция Фосс разделяет все недостатки с другими вариантами концепции «этнических признаков», а в части выделения археологических культур в общем совпадает с комплексной версией определения и должна получить ту же общую оценку,

[1] Но Кожин не противопоставлял этот признак другим.

что и вся версия (конечно, если иметь в виду только основной критерий выделения и не оценивать частности, детали формулировки и т. п.).

Концепция «этнических признаков» подверглась острой и справедливой критике в статьях Кнабе (1959:249) и, особенно, Захарука (1964:15). Отмечались: методологическая порочность отождествления части с целым (pars pro toto); разрушение логической основы для самого понятия «археологическая культура» с ликвидацией синтетического подхода; внутренняя противоречивость в самой позиции сторонников этой версии, обычно считающих необходимым (дань времени) оговорить свое теоретическое согласие с принципом учета всего комплекса данных (ср. Артамонов 1948:97—98; 1949: 11—12; Формозов 1959:18—19; Третьяков 1963б и др.). К этому необходимо добавить два существенных обстоятельства, сводящих на нет правомерность концепции «этнических признаков».

Во-первых, само понятие «этнос» оказывается чрезвычайно неопределенным. Одни считают этнос по сути своеобразной модификацией языковой общности (слегка усложненной: добавляются в качестве второстепенных некоторые дополнительные признаки, лишь иногда приобретающие дифференцирующее значение,— например, в отделении австрийцев от немцев); другие отождествляют этнос с общностью биологического происхождения (исходя, например, из отнесения всех евреев к одному этносу); третьи считают этнос чисто культурной общностью, оставляющей точный сколок в материальной культуре (в этом случае тезис о совпадении археологической культуры с этносом означает просто тавтологию). Наконец, в недавнее время распространилось мнение, что этнос вообще не имеет четкого и постоянного смысла, являясь отражением разных типов общности в коллективном сознании — в одних случаях одного (*скажем, языка*), *в других — другого* (*скажем, политического единства*), в третьих — третьего (скажем, религии) и т. д. (Козлов 1967а, 1967б; Росенко 1968; Чистов 1972 и др. — см. Klejn 1980).

Во-вторых, какой бы из этих признаков этноса ни взять (кроме, разумеется, самой материальной культуры), его совпадение с элементами культуры также не подчиняется постоянным правилам. Каждый из исследователей, выдвигавших тот или иной элемент культуры на роль этнического показателя, мог привести некоторое количество этнографических примеров в пользу своего предложения — но лишь примеров. Всегда находятся и контрпримеры. Суть дела, очевидно, в том, что с этническими признаками (скажем, с языком) в одних случаях действительно совпадает в своем ареале керамическая орнаментация, в других — техника выделки керамики, в третьих — устройство жилищ, в четвертых — способ погребения и т. д. В каждом отдельном случае приходится искать этот показатель (или показатели: они могут и совпасть) заново, особым исследованием — сопоставляя с письменными источниками, если есть, с данными лингвистики, с археологическими и антропологическими свидетельствами о миграциях и автохтонности и т. п. Но это уже следующий этап работы — интерпретационный, а не тот ранний, классификационный, на котором мы приступаем к выделению археологических культур.

Действительность оказывается гораздо сложнее столь желанных для нас схем. Хозяйственные общности, обязанные своим возникновением приспособлению к географической среде, затем могут закрепиться, стать традиционными, утратить адаптивное значение, распространиться в иную географическую обстановку вместе с языком или без него, снова подвергнуться изменению и выйти из традиции и т. д. В этой действительности нет места постоянным, единообразным и всеобщим «этническим признакам».

2. Этнокомплексная версия. Исходный пункт этой другой современной версии, увязывающей археологическую культуру с этносом,— как будто был намечен уже у самого Чайлда, в его первом определении. Однако это лишь на первый взгляд. Чайлд только предполагал за «культурой» «народ», и это предположение никак не было выражено в самой структуре понятия «культура» и в методике выделения культур (точно так же, как оно присутствовало, но не было выражено у ранних сторонников территориальной версии — Блюме, Яна и др.). Иное дело — этнокомплексная версия. Для нее основополагающим и классическим является определение Брюсова, которое поэтому целесообразно привести здесь целиком несмотря на громоздкость.

> «Под археологической культурой,— писал этот ученый,— я понимаю единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени, обычно в несколько сот лет, реже — к тысячелетию и более. Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках (поселение, могильник, жертвенное место, клад и т. д.), в сходстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени (преемственность типов, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению). Это сходство не может ограничиваться только общими чертами, которые нередко возникают в силу близости ступени развития производительных сил общества и форм хозяйсства, а отчасти вследствие однообразия окружающей природной среды. Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей — орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники.
>
> Археологические культуры, понимаемые таким образом, отражают в своем единстве своеобразие техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определенной этнической группы, обычно группы родственных племен, в процессе их конкретного исторического развития, начиная со ступени полного расцвета родового строя в неолитическую и бронзовую эпохи» (Брюсов 1952:20).

Оставаясь на базе комплексного понимания археологической культуры и введя в определение принцип непременного соответствия с этносом, Брюсов почувствовал необходимость реализовать этот принцип в отыскании формальных гарантий такого совпадения, т. е. в выдвижении ограничивающих оговорок — своего рода логического эквивалента «этнических признаков». Такой эквивалент он открыл в условии, что «сходство не может ограничиваться только общими чертами», а должно проявляться «в деталях форм вещей — орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники». Но ведь это то же, что выдвигали Фосс, П. Н. Третьяков и др. Таким образом, «этнические признаки» все-таки проскользнули в его определение, только не по отдельности, а скопом. Принимается за достоверное, что уж в таком узком понимании археологическая культура непременно совпадет с этносом (по крайней мере, для неолита и бронзового века).

Но оба обстоятельства, приведенные мною выше в опровержение концепции «этнических признаков», полностью и даже в еще большей мере относятся и к этому ее варианту. Кроме того, приходится констатировать, что при столь резком сужении понятия «археологическая культура» пострадают общности, пусть не столь монолитные, зато выявляемые по показателям, жизненно более важным, чем орнамент и детали форм. Эти общности как бы признаются недостойными названия археологической культуры. А так как иных понятий не предложено ввести, то эти общности оказываются за бортом и выпадают из классификационного рассмотрения, да и вообще из сферы интересов археолога.

Таким определением одного из фундаментальных понятий археологии крайне сужаются задачи и рамки археологического исследования (что не раз отмечалось относительно концепции отождествления археологи-

ческой культуры с этносом вообще). Этим трактовка Брюсова невыгодно отличается от трактовок Килиана, Монгайта и Фосс[1].

Захарук предпринял интересную попытку усовершенствовать эту версию определения археологической культуры и, развивая дальше, освободить ее от указанных здесь недостатков, которые он в значительной мере сознает (Захарук 1964:21—22, 26). Объективную основу его исследования составляет детальная — пожалуй, наиболее детальная из всех существующих — разработка комплексного понимания культуры в духе представлений Чайлда и Шера.

Главной структурной ячейкой формирования археологической культуры Захарук предлагает считать «археологический комплекс памятников» (АКП), под которым понимается как можно более полный набор остатков жизни и деятельности конкретной первобытной общины, представленной на ее поселении и связанном с ним могильнике (орудия труда и оружие, керамика, остатки фауны и флоры, украшения, предметы искусства и культа, формы поселений и жилища, погребальные сооружения и погребальный обряд) (Захарук 1964:18—22). Не совсем понятно, почему сюда не включены остатки древних мастерских, поля древнего земледелия, дороги, святилища, укрепления и т. п., но это уже частности непринципиального значения.

По своей научной функции, по месту в системе, понятие АКП Захарука схоже с тем, что современные американские археологи выделяют как низшую единицу культурной классификации и по-разному реализуют и именуют. У приверженцев «Среднезападного таксономического метода» Мак-Керна (McKern 1939) это «компонент» (component), т. е. однокультурная часть материала из одного памятника или местонахождения (компонент его и культуры), у калифорнийских археологов (Heizer 1959:98—99) — «поселок», «колония» (settlement), в системе Филлипса и Уилли (Phillips and Willey 1953) — «окру́га», «резиденция» (locality).

У Мак-Керна однотипные «компоненты» объединяются в «фокус» (focus), родственные «фокусы» группируются в «аспект» (aspect), близкие «аспекты» — в «фазу» (phase), а «фазы» — в «композицию», «патерн» (pattern). У калифорнийцев в соответствующем порядке за «поселком» следуют: «фация» (facies), «провинция» (province) и «горизонт» (horizon); ряд, начатый «округой», продолжают «регион» (region) и «ареал» (area). Есть и другие системы.

АКП Захарука ближе всего напоминает именно «резиденцию» (или «округу») — весь комплект памятников, оставленных одной территориальной общиной на месте и в окрестностях ее постоянного обитания: ее поселок, укрепления, могильник, святилище, мастерские, поля, узел дорог и т. п. (только у американцев самим термином подчеркнут территориальный аспект понятия, а у Захарука — вещественный). Точно так же, как в американских системах, популярных в 30—50-е годы[2], и для Захарука его АКП служит структурной ячейкой иерархически организованного ряда все более значительных общностей.

Захарук констатирует наличие однотипных АКП — близко схожих (во всем существенном — тождественных) по своему облику, по всему составу. Совокупность АКП одного типа выступает как определенная

[1] Отмеченная выше эклектичность моего прежнего определения археологической культуры (Клейн 1962) проистекает из того, что это определение появилось не как непосредственное продолжение традиции Чайлда, а как попытка очистить этнокомплексную версию Брюсова и др. от этнизации (при этом упор на «детали форм» был мною тогда оставлен в определении).

[2] У ряда американцев позже появляется тенденция сделать «поселок» или «резиденцию» единственным и конечным законным объектом изучения (Chang 1967 a:38—56; 1967b:231).

культурная группа (у американцев это «фокус», «фация» или «регион»). Возможность применения к ней термина «археологическая культура» Захарук обсуждает (Захарук 1964:39—40), но отвергает. Он исходит при этом из отношений, представленных в базисной для его анализа трипольской культуре, весьма монолитной на огромных территориях. Захарук предпочитает считать культурные группы, соответствующие типам АКП, лишь вариантами археологической культуры, а последний термин относить к более обширной общности, но принцип объединения в эту общность остается тем же.

Каждый тип АКП имеет определенные территориальные и хронологические границы и определенные отношения к другим типам АКП. В ряде случаев эти связи настолько тесны, что могут трактоваться как генетические (очевидно, следовало бы еще добавить в качестве критерия выделения резкое отличие от каких-то других типов АКП, ибо только в сопоставлении познается степень близости объединяемых типов АКП). Эти связи простираются как по горизонтали, объединяя родственные синхронные типы АКП, так и по вертикали, соединяя типы АКП, являющиеся последовательными этапами трансформации одного и того же. Совокупность таких взаимосвязанных типов АКП и является археологической культурой, по Захаруку. Предусматривается и возможность дальнейшего укрупнения («культурные провинции»).

До этого места изложенные рассуждения Захарука вполне соответствуют чистому комплексному пониманию культуры, и в этой части его построение действительно свободно от недостатков трактовки Брюсова. Этническая интерпретация, не вошедшая в это построение Захарука органичным компонентом, присоединена к этому построению механически, как внешняя пристройка, хоть и включена в окончательную формулировку определения.

Дальнейший ход рассуждений Захарука таков.

Археологический комплекс памятников (АКП) должен быть моноэтничным, так как оставлен жителями одного родового поселка. Культурная группа, состоящая из однотипных АКП, обладая общностью территории и культуры, очевидно, оставлена племенем, фратрией или племенной группой.

> «Если же конкретные территориальные группы однотипных памятников действительно отражают племенную организацию населения, которое их оставило, то тогда, очевидно, вся совокупность таких территориальных локальных групп однотипных памятников отражает **межплеменную** организацию и структуру группы родственных племен. Что же касается языка, то, очевидно, язык каждой конкретной племенной группы следует рассматривать как диалект одного языка» (Захарук 1964:36).

Отсюда и определение археологической культуры:

> «археологическая культура представляет собою совокупность территориально и хронологически взаимосвязанных археологических памятников (комплексов) определенного типа, которые отражают территориальное распространение и этапы исторического развития группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка» (Захарук 1964:39).

Между тем моноэтичность АКП не безусловна. В первобытном родовом поселке могли жить иноплеменники и иноплеменницы, прибывшие благодаря экзогамным бракам — племя не всегда эндогамно (Thurnwald 1935, II:141, 153, 176; IV:93; Wenskus 1961:23—25). Здесь же могли проживать усыновленные пленники; бродячие кузнецы; гости, прибывшие издалека для обмена, для приобретения дефицитных изделий или сырья; военные союзники и т. д. Бывают и более разительные казусы — как, скажем, двуэтничные поселки племен хопи и тано (Артановский 1967:14).

Соответствие культурных групп подразделениям одной племенной организации также не достоверно — хотя бы потому, что роды переводились из одного племени в другое, союзы племен изменяли свой состав, да и вообще племенная организация на манер американских индейцев — не всеобщий и обязательный стандарт, а лишь одна из разновидностей первобытно-общинной социальной структуры (Морган 1934:30—108; Бутинов 1951; Кушнер (Кнышев) 1951:43—44).

Еще менее неизбежно соответствие культурной близости типов АКП этническому (и языковому) родству племен и племенных групп. Этнография поставляет множество противоположных примеров, когда родственные племена резко различаются в культурном отношении, а неродственные обладают одной или очень сходной культурой. (Левин и Чебоксаров 1955; Монгайт 1967).

Захарук, кажется, единственный из всех сторонников этнического истолкования культуры, кто выдвинул методологическое возражение против исследователей, скептически относящихся к этой идее и отстаивающих более широкие возможности интерпретации культуры.

«Не останавливаясь детально,— пишет Захарук,— на разных концепциях исторического содержания археологических культур (это может и должно быть предметом отдельного исследования), считаем необходимым подчеркнуть, что указанные концепции имеют существенную ошибку методологического порядка. Она заключается в том, что социальные, религиозные, хозяйственные и другие «группировки» рассматриваются как равнозначные с этническими. История человеческого общества никогда не знала чисто хозяйственных, религиозных, расовых или политических общественных группировок, которые бы существовали отдельно и наряду с этническими общностями. Они являются лишь отдельными сторонами функционирования человеческих общностей, которые всегда выступают в соответствующей этнической форме» (Захарук 1964:13—14).

Нетрудно заметить, что «ошибку методологического порядка» делает в данном случае сам критик, когда полагает, что ***форма*** человеческих общностей может быть ***только*** этнической. Возьмем, например, религиозные группировки. У таких реально существующих религиозных группировок, как христианские (католическая, православная, протестантская и др.), мусульманские, буддийские и проч., религиозное содержание (зачастую весьма схожее) облечено в различную форму, и эта исторически сложившаяся форма не только ***не является*** этнической, но и, как правило, ***не совпадает*** в своих территориальных границах с этнической. История человеческого общества «никогда не знала чисто хозяйственных, религиозных, расовых или политических общественных группировок, которые бы существовали отдельно и наряду с этническими общностями», но ведь она никогда не знала и чисто этнических общностей, которые бы существовали «отдельно и наряду» с хозяйственными, политическими и т. д. История человеческого общества не знала таких «чистых» группировок, но наука их выделяет из среды и «очищает» для исследования. И в этом смысле вполне правомерно рассматривать «социальные, религиозные, хозяйственные» и иные группировки «как равнозначные с этническими».

Упрек в формализме, который сторонники отождествления археологической культуры с этносом обращают против противников этой идеи, также неоправдан. Во-первых, у нас нет иных путей постигать внутреннее содержание, кроме как через внешнюю форму (разве что через Бога?). Во-вторых, методически правильные исследования осуществляются поэтапно, и этап формального анализа (критика источников, классификация и систематизация материалов) исторически и методически предшествует этапу интерпретации. Понятия, которые необходимо вводить на первом этапе, не должны зависеть от результатов, которые можно достичь только на втором этапе. Казалось бы, азбучные истины...

Версии определения археологической культуры, основанные на идее о ее обязательном совпадении с этносом, приходится признать несостоятельными.

Означает ли это необходимость вернуться к корреляционной версии Чайлда как наиболее удачной и перспективной? Или к комплексной? Или к другой? Но каждая из них излишне конкретизирована: связь, объединяющая типы, сведена к одной форме — скажем, через замкнутые комплексы. Пусть эта форма отражает наиболее существенные, глубинные связи в реальном мире — можем ли мы принять ее за единственно возможную, единственно реально существовавшую, а если нет, то вправе ли мы отбросить все другие, вывести их из сферы изучения? Отбросить, например, стилистическую связь (через стилистическое единство форм и орнаментации)? Или территориальную связь одинаково датированных вещей (через совпадение ареалов), на которой строили свои «культуры» сторонники территориальной версии? Есть немало областей и периодов, в обильном материале которых замкнутые комплексы пока немногочисленны — значит ли это, что в таких случаях связи между типами нельзя выявлять?

Словом, все перечисленные версии ограниченны и односторонни, каждая по-своему. Что такое археологическая культура — остается неясным. Вероятно, можно было бы привести еще несколько аргументов в пользу или против одной из перечисленных версий. Быть может, удалось бы придумать еще одну такую же версию, усмотрев еще одну незатронутую сторону в ассоциировании артефактов. Но вряд ли это помогло бы снять главные трудности.

Размах расхождений, многочисленность и разнообразие предложений, какая-то аморфность их группировки, нередко бедность и обрывочность аргументации, наконец, все возрастающая повторяемость мыслей и даже выражений в работах, посвященных этому вопросу, и при этом все-таки настойчивое обращение исследователей к нему все снова и снова — все это свидетельствует о том, что исследование данного вопроса зашло в тупик и что он в рамках прижившихся методических концепций и привычной исследовательской практики решен быть не может. Нужно сменить принцип подхода.

Глава VIII

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА?
(Проблемы структуры)

Для Бога истина лишь одна, для человека же у нее много сторон.

Питер Гейль (Geyl 1985:1).

Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах.

В. И. Ленин (1914/1973:216).

1. Синтез и расслоение

Если те дефиниции, которые сами по себе резонны и отвечают каким-то реальностям, все же оказываются по отдельности односторонними и ограниченными, то, очевидно, явление, подлежащее исследованию, нужно признать многосторонним. Как расширить охват сторон в рассмотрении? Как снять границы, сужающие понимание? Сумма дифиниций еще не дает знания о целом. Нужно как-то установить соотношение и связь между разными дефинициями.

Очевидно, мы нуждаемся в более общем определении, по отношению к которому территориальная, стилистическая, ковариационная, корреляционная и комплексная версии будут лишь частными случаями, ибо каждая из них отражает и генерализует лишь часть истинно существовавших связей. Мы нуждаемся в определении, которое помогло бы ухватить внутреннее единство культуры и ее многосторонность, разнообразие ее проявлений, а значит — ее структуру.

Не случайно все чаще в определениях последнего времени мелькает слово «система» и наблюдается тенденция к максимальному обобщению (Шер 1966; Clarke 1968).

В 1970 г. я тоже использовал слово «система», когда, опираясь на выявление и сводку основных версий формально-типологического определения археологической культуры, попытался выявить в этих определениях инвариантные структурные схемы и на их базе предложил наиболее общее определение (Клейн 1970; Klejn 1970)[1]. Все же под «системой» я имел тогда в виду не организм (органическую систему), а просто упорядоченную совокупность. Чем порожден этот порядок (разумом исследователя или проявлением некой древней органической системы) — особый вопрос, отделявшийся мною от задачи определения. Позже я приблизился (Klejn 1973a) к современному пониманию «системы» (Блауберг и Юдин 1973). Именно его я и имею в виду, подходя к задаче синтеза разных трактовок в генеральном определении археологической культуры.

Согласно этой новой версии — к о р р е л я ц и о н н о - с и н т е т и ч е с к о й (или г е н е р а л ь н о й) — мы должны будем определить искомое понятие на базе *упорядоченной совокупности устойчиво (регулярно) взаимосвязанных типов явлений материального мира, данных нам в археологических остатках,* т. е. типов вещей и сооружений и типов отношений между вещами и сооружениями. Определенное таким обра-

[1] Кое что из тогдашних моих предложений (термины «система» и «сопряженность элементов», оценку основных версий и некоторые фактографические частности) принял мой учитель М. И. Артамонов (1971:16—19, 21), но это не изменило его позицию, в целом — совершенно иную (о ней будет речь дальше). Терминологические совпадения не устраняют различные подходов.

зом понятие будет достаточно всеобъемлющим, чтобы гарантировать полноту охвата связей в материале, но слишком общим, чтобы удовлетворять всем нуждам конкретных исследований. Напрашивается мысль о необходимости его членения, расслоения, дифференциации различных аспектов такой общности.

Видимо, имея в виду именно эту потребность, Хокс сказал:

> «Ежели и в самом деле культуры как жизненное понятие можно приспособить к тому, чтобы их удавалось распознавать, то только если дефинировать их путем полного перечисления их частей» (Hawkes 1973: 177).

Здесь мы подходим к существенному недостатку всех доселе предлагавшихся версий — к общему недостатку всей постановки вопроса об археологической культуре. За последние полвека археология пережила колоссальное усложнение материала и исследовательских интересов, а соответствующего усложнения системы понятий не последовало. Мы остались с тем же набором понятий, которым оперировали археологи во времена наших дедов. На месте понятия «археологическая культура» должна вырасти целая система взаимно координированных понятий. Ведь ассоциация, которую надо описать ими, очень сложна.

Во-первых, здесь должны быть группы понятий, соответствующие ее разным формам, дифференцированным поаспектно:

а) по главной связи, легшей в основу выделения (хронологической, территориальной, стилистической, ковариационной, корреляционной, типо-комплексной);

б) по охвату компонентов, их количественной и качественной оценке (одно дело взаимосвязь нескольких типов украшений, другое — всех основных фракций: керамики, металла, типов могил и жилищ и т. п. — с этим связан вопрос о культу́рах и вариантах);

в) по виду размещений (сплошным ли, замкнутым ли ареалом или рассредоточенно, с взаимопроникновением в другие ареалы);

г) по силе сопряженности (по плотности связей) и по интенсивности своеобразия, т. е. по степени отличия от других подобных ассоциаций; и. т. д.

Во-вторых, что еще важнее, надо выделить и обозначить специальными терминами постоянные структурные компоненты общего понятия (в этом больше преуспели американцы): один термин должен употребляться для определяющего комплекта типов (как «фокус» у американцев), другой — для каждой совокупности материала, которой этот набор типов представлен в отдельном памятнике (у американцев «компонент»), третий — для группы комплексов, охваченных этим набором типов («культурная группа» у немцев), четвертый — для всей совокупности материала этих комплексов («фация» в некоторых школах), пятый — для занятого ими ареала (или ареалов: отдельно для поселений, погребений, отдельных находок) и т. д.

Нужда в таком умножении понятий в какой-то мере отразилась в одной особенности того разнобоя, который царит в накопленных наукой определениях археологической культуры. Дело в том, что они различаются не только критерием выделения, но и выбором той или иной основы для конструирования понятия, т. е. того, что́ по этому критерию выделяется. У одних авторов археологическая культура — это совокупность *типов*: «сумма ... форм культуры» (Блюме), «определенные типы останков», «комплекс ... останков», «типы изделий ... вместе с особенностями строения жилищ и могил» (Чайлд), «система типов» (Шер). У других — совокупность *памятников*: «общность археологических памятников» (Монгайт), «единство археологических памятников» (Брюсов), «совокупность археологических памятников» (Клейн, Сорокин, Захарук). У третьих — *территория*: «территория... (культурной провинции. — *Л. К.*) содержит ... культурную группу» (Ян, также Килиан).

У четвертых — совокупность *находок:* «определенный комплекс археологических предметов» (Фосс), «комплексы ... находок» (Монгайт). У пятых — *неопределенная общность*: «ассоциация археологических явлений» (Брайчевский). По сути это стихийный поиск системы понятий, который можно сравнить с попыткой одним пальцем взять на рояле аккорд. Аккордом и будет развернутая система понятий.

Попытаемся наметить структурную схему для такой системы понятий. Здесь придется ввести (подыскать) целый ряд совершенно новых (для археологии) и потому странных, непривычных терминов. Несомненно, многие из них не найдут в ближайшее время практического применения. Но они нужны для полноты понятийной схемы, а кроме того эти понятия и термины образуют теоретический задел. В будущем они могут и на практике пригодиться.

2. Артефакт и архема

Исходной, первичной единицей культурной классификации или типологии многие археологи считают *артефакт*. «Основной единицей археологического исследования является артефакт»,— четко сформулировал эту идею Уокоп (Wauchope 1956: 36). По ряду причин такая категоричность опрометчива, и трудно принять эту идею за основу.

Во-первых, разные археологические школы полагают исходной единицей разные объекты, в их числе не только артефакт, но и признак, замкнутый комплекс, поселок или резиденция (locality).

Во-вторых, само понятие «артефакт» многозначно и в разных археологических школах имеет разные значения, а часто — несколько значений сразу (см. Клейн 1978: 83—85, 98).

В-третьих, даже если принять за основу одно его значение («отдельная портативная вещь» или иное: «любой отдельный объект, изготовленный людьми»), этого недостаточно для полного охвата культурных явлений, представленных в археологическом материале. Скажем, положение покойника в могиле интуитивно ощущается всеми археологами как культурное явление, важное для характеристики и выделения археологических культур, но ни покойник, ни его положение в могиле не подходит под понятие артефакта — никак.

В-четвертых, к артефактам, и вообще к древностям, в археологии двоякий подход: их воспринимают как современные, существующие ныне объекты, сохранившиеся от прошлого (памятники, находки, источники), а затем их представляют продуктами (артефактами в буквальном смысле) и объектами деятельности (вещами, орудиями и т. п.) древнего человека, придавая им, соответственно, другие характеристики — другой облик, другие время, место, функции и т. д., но сохраняя тот же термин. Это и ведет к смешению задач служебной группировки (артефактов в первом смысле) с задачами исследовательской группировки (артефактов во втором смысле), а также классификации — с типологией. Некоторые исследователи усматривают какую-то противоречивость в природе самих артефактов и их совокупностей, говорят о «парадоксах» артефакта и археологической культуры (Захарук 1978). Нет противоречивости в природе артефакта, а есть нечетность в исследовательском мышлении. «Парадоксы» надуманы и решаются просто: надо расчленить слитые понятия.

Правда, нередко артефакту в качестве первичной единицы группировки противопоставляют *тип* или *комплекс* и т. п. Можно соглашаться или не соглашаться с переносом центра тяжести исследований, со сдвигом концентрации внимания, но сразу же напрашиваются вопросы:

тип чего? комплекс чего? И это нечто — будь то артефакт, сооружение, деталь и т. п. — опять же обладает двойственностью (которая переходит на «тип», «комплекс» и т. д.) и нуждается в расчленении.

Требуются парные понятия, способные покрыть в каждом из двух аспектов любые явления, подлежащие типизации.

Аспект первый — проекция на прошлое.

Для типологической систематизации древнего культурного материала (в его давних функциях, в проекции на прошлое) важны не только типы вещей, но и типы их деталей, типы сооружений и их деталей, типы положения покойников в могиле, планировки поселков и т. п. А для методологического анализа проблемы желательно выявить общее во всех этих типах и в их культурообразующих функциях. Ввиду этого любое такое явление, выступающее (и доступное вычленению) в археологическом материале, спроецированном на прошлое, обозначим словом **«архема»** — по аналогии с лингвистическими терминами: «фонема», «лексема», «морфема», «семема»[1], — отвлекаясь пока от задачи необходимого и в археологии дальнейшего классификационного различения разных видов архем и аспектов типизации архем (в связи с чем далее придется сузить и приложимость самого термина «тип», ограничив ее уровнем артефактов как вещей и сооружений).

Чтобы избежать недоразумений, оговорю сразу же: архемы — это не сами исторические объекты прошлого (семьи, общины, народы) или исторические события и обычаи (похороны, обменные связи и т. п.), а только оставленные ими материальные следы, мысленно фиксированные в момент отложения.

Аспект второй — *современное состояние материала.*

Рассматривая систему археологических таксонов Д. Кларка, Муберг отметил, что «таксон» как понятие влечет за собой шлейф биологических характеристик, способных помешать социокультурному анализу.

> «Чтобы избежать биологизаторских осмыслений 'таксона',— пишет он,— я бы предпочел "*археограммы*" как вполне ясное и более нейтральное слово. Таким образом, любая описательная ячейка — от ассоциации признаков до "технокомплекса" Дэвида Л. Кларка — есть *археограмма*».

И Муберг задается вопросом: «Сколь далеко заходит соответствие *археограммы* чему-либо интересному за пределами собственно археологии?» (Moberg 1970: 21).

Не думаю, чтобы борьба с тенью биологии требовала отказа от привычных терминов, собственно, уже ставших общенаучными. Но обусловленные самим составом слова **"археограмма"** его смысловые связи с понятиями древности и описательности делают этот термин удобным для оформления отсутствующего в биологии раздвоения понятий, в частности — для выражения описательного аспекта. Это как раз тот аспект, которым занимается часть археологической процедуры, именуемая Мубергом «археографией» (Moberg 1969: 41, 1970: 21)

Муберг соотносит свои археограммы непосредственно с историческими общностями — народами и т. п. Его статья (1971) так и называется: «Археограммы и исторические общности». «Археографии» же противопоставляется собственно археология, предметом которой, по Мубергу, являются «люди в системе» (Moberg 1969: 157). Я уже отмечал, что в «собственно археологии» Муберга слиты археология и история (или преистория) (Клейн 1973в).

---

[1] Хотя ближайшим семантическим соответствием термину «архема» будет в лингвистике «глосса».

Более целесообразным мне представляется соотносить археограммы непосредственно не с историческими общностями, а с архемами, и только через них — с историческими общностями.

Таковы два необходимых понятия, базисных для дальнейшего построения. Соотнесем оба с артефактами.

Сполдинг в статье «Параметры археологии» (Spaulding 1960: 438) пишет:

> «Кажется совершенно ясным, что предметом археологии являются артефакты в самом широком смысле этого термина — как любые материальные выражения человеческой культурной деятельности...»

В таком «самом широком смысле» «артефакт» Сполдинга близок нашей «археме», но дальнейшая разработка этого понятия у Сполдинга показывает, что он все-таки не различает здесь двух понятий, а лишь приписывает археограммам некоторые особенности архем, т. е. смешивает два подхода.

Сполдинг утверждает, что у артефактов в археологии в общем три параметра:

> «Форма в смысле любых физико-химических свойств артефакта, место во времени (temporal locus) (имея в виду датировку преисторических событий, выводимую из артефактов, в частности время изготовления, время использования и время упокоения артефакта или класса артефактов) и место в пространстве (spatial locus) (позиция артефакта в трехмерном мире)».

Между тем Григорьев (1927:7) утверждает: «Лишь форма изделия дана нам объективно», а Мальмер и следом на ним Бочкарев исходными параметрами археологии считают «только два» — свойства артефактов и условия их нахождения (Malmer 1967: 373; Бочкарев 1973: 57). Значит, количество и суть **параметров** археологии, а также исходность организованных по ним данных (как основ всего здания археологии) не так уж очевидны. Схема Сполдинга более развернута, чем другие, но все-таки недостаточно продумана.

Не отличая артефакты (археограммы) как современные объекты от артефактов (архем) как древних явлений, Сполдинг смешивает непосредственно определимые характеристики с выводными. Попытаемся расчленить их.

У артефактов как **археограмм** семь параметров — три *собственных*, установимых по отдельно изучаемым экземплярам: 1) топологическая форма со включением размеров, пропорций и структуры, 2) физико-химические характеристики, 3) локализация в пространстве, — и четыре *реляционных*, установимых только при сопоставлении с другими артефактами: 4) схожесть, 5) сочетание в комплексе, 6) стратиграфическое соотношение и 7) расположение на древней дневной поверхности — все это к моменту обнаружения.

Локализация во времени (в смысле, указанном у Сполдинга), а также функция, технология изготовления, применение и т. п. — это характеристики выводные, им в параметрах археограмм не место.

У артефактов как **архем** все параметры выводные — в том смысле, что все характеристики перенесены на прошлое, соответственно откорректированы (реставрацией и первичной реконструкцией), совмещены на одной проекции и подвергнуты стяжению (некоторые непосредственно установленные целиком заменены выводными из них же).

Получается пять параметров — три *собственных:* 1) материально-техническая характеристика (форма, вещество и технология изготовления), 2) предполагаемая функция и 3) локализация в пространстве и времени, — и два *реляционных:* 4) схожесть и 5) сочетание в комплексе, понимаемое как соучастие, и позиция в контексте (включая состав комплекса и расположение его компонентов).

Вот те исходные данные, с которыми мы на деле работаем при типологической группировке, выделяя археологические культуры. (Далее ограничим «архемы» уровнем артефактов.)

3. Комплекс и контекст

Давно было замечено (Ворсе, Монтелиус, Софус Мюллер), что артефакты часто бывают связаны совместным нахождением и обстоятельствами (залегание в одной яме, непосредственно под сгоревшим перекрытием и т. п.), говорящими о совместном участии в событии, которое привело к отложению этих артефактов (похороны, пожар и т. п.). Еще Ворсе догадался, что так можно выявлять одновременность упокоения артефактов (у Ворсе — вещей, у Монтелиуса — также сооружений). Такая совокупность артефактов и условий их залегания получила название ***«замкнутый комплекс»***. Замкнутый комплекс выступал тогда только как инструмент установления хронологии. Исследователей интересовал исключительно состав комплекса — сочетание артефактов в нем, но не их позиции. При обработке материала для группировки использовались параметры артефактов как наблюдаемых ныне объектов (археограмм).

Однако с течением времени интересы археологов расширились, встала задача реконструкции быта, событий, социальных структур, археологи приступили к вскрытию широкими площадями, к детективному анализу следов и остатков — и в поле зрения вошло расположение вещей и сооружений в комплексе. Теперь надо было оценивать позицию каждой архемы в контексте, различать комплексы по этим показателям. Теперь уже работа пошла с параметрами архем как объектов, спроецированных на прошлое. Замкнутый комплекс, собственно, теперь стали понимать как определенный ***культурный контекст*** — хотя и поврежденный, неполный, частично искаженный, но все же ценный не только самим фактом своей причастности к прошлому, своим экзотическим обликом и своей артикулируемостью (способностью подвергаться манипуляциям, податливостью на логичное расчленение), но и своим смысловым содержанием, своей информацией о прошлом.

И артефакт (соотв. архема) и замкнутый комплекс (соотв. культурный контекст) имеют нечто общее — это вещественные, всегда конкретные объекты, только разного уровня сложности; они всегда дискретного характера, и их локализация во времени и пространстве (locus) имеет резкие границы, а во многих отношениях (особенно в пространственном аспекте) может быть приравнена к точечной.

4. Элементы

Давно замечено также, что по многолинейному сходству основных формальных признаков, как правило, архемы-артефакты группируются в какие-то совокупности. Внутри такой совокупности каждая архема связана теми или иными сходствами со многими из остальных архем, а в целом все архемы такой совокупности больше связаны сходствами друг с другом, чем с архемами, не входящими в совокупность. Если связь через замкнутые комплексы отражает через общность упокоения какую-то общность в давнем обращении и применении (вещей и сооружений), то сходство форм, сходство материально-технических характеристик отражает какую-то общность изготовления и назначения — функционально-технического и семантического (знакового).

В этом сличении артефактов ли, архем ли выявляются и обособляются их элементарные характеристики (traits) — «свойства» (properties) или «признаки» (attributes). Термины эти используются обычно как

равнозначные, но в последнее время наметилось их различение (мы рассмотрим его дальше). Здесь нет надобности подробно разбирать задачу выявления этих элементарных характеристик, тем более, что это недавно сделано в подробной разработке (Каменецкий и др. 1975; ср. Клейн 1977а). Можно ограничиться лишь самым необходимым.

Каждая такая характеристика есть результат отдельного акта сличения, реального или воображаемого, и, как минимум, требует такой возможности в принципе. Регулярность в реализации таких актов ведет к понятийному оформлению разновидностей таких характеристик. Принципиальными возможностями и потребностями сличения определяются количество и качественная определенность таких характеристик, их выбор для каждой категории материала. Каждый артефакт, каждая архема описываются соответствующим набором таких характеристик, и в принципе описание может быть сколь угодно полным, хотя на практике для удовлетворительного описания достаточно ограниченной выборки элементарных характеристик.

Увязка археограмм или архем в группы по многолинейным сходствам сводится к тому, чтобы выявлять у объектов множественность общих для них характеристик. Это означает, говоря языком математиков, — понижать размерность исследуемой совокупности, сжимать информацию о ней (Устинов и Фелингер 1973: 88—90, 99).

Такое выявление может производиться двумя способами.

Первый способ заключается в обнаружении закономерных связей между элементарными характеристиками, в установлении их сочетаемости на артефактах (или на архемах). Американские археологи называют этот способ R-mode analysis (Dumond 1974), заимствовав представление о методе и его название из психологической статистики. Советские математики характеризуют этот способ как «понижение числа признаков описания совокупности» и в числе конкретных методов такого понижения приводят компонентный, регрессионный и факторный анализы (Устинов и Фелингер 1973: 87—98). Выше я говорил об этом способе как о подходе в традиции Гете — Монтелиуса.

Второй способ заключается в непосредственном обнаружении широких (множественных) сходств между объектами (артефактами, архемами) — устанавливается близость этих объектов друг другу в пространстве признаков. Американцы называют этот способ Q-mode analysis (Dumond 1974), а советские математики характеризуют как уменьшение «числа объектов совокупности, рассматриваемых как различные», и определяют как «распознавание образов», точнее как «оптимальное группирование объектов совокупности в так называемые образы» или как «задачу таксономии» (Устинов и Фелингер 1973: 98—112). Выше я говорил об этом способе как о подходе в традиции Кювье — Городцова.

Казалось бы, результат работы обоими способами должен быть один, но это не совсем так. Первым способом формируются более обобщенные, отвлеченные от конкретного материала представления — patterns («конфигурации», «патерны»), которыми удобно охарактеризовать сложную упорядоченность диффузного материала, лишенного простых группировок. Образное представление таких патернов не имеет смысла: они будут слишком далеки от реальных объектов. Вторым способом формируются образы, весьма близкие реальным объектам, как бы усредненные объекты, но он вообще неспособен выявить упорядоченность в таком материале, где нет четких групп, поддающихся усреднению.

Важнее и привычнее для археологов другая — по Даннелу, «фундаментальная» — дихотомия группировки (Dunnell 1978), более прису-

щая как раз группировке архем. Попытаемся сначала сформулировать ее, опираясь на эмпирическое знакомство с исследовательской практикой археологов. Имеется в виду парность понятий «тип» и «стиль».

5. Тип и стиль

Группируясь по формальным сходствам с учетом общего для всех групп функционально-технического назначения, то есть не выходя за пределы «категории» — архем одного функционально-технического назначения (рукоятки, ножи, горшки, жилища и т. д.), объекты образуют совокупности, обобщая которые археолог получает понятие ***«тип»*** (такой-то тип ножа, другой тип ножа и т. д.). Внутри «категории» типы могут различаться по конструктивным решениям или по сознательно или неосознанно предпочитаемым особенностям оформления (дизайн), могшим иметь и семантическое и художественное значение (Каменецкий 1972; Лебедев 1979: 79—80). Традиционно типы выявлялись и представлялись в виде образов, так что обращение в последнее время к типам-патернам было воспринято как нечто чуждое типам (что и привело Л. Бинфорда и других к дискредитации самого понятия «тип»). «Рой признаков» (attribute-cluster) — вот в каком виде выступает тип как патерн.

Группируясь же по формальным сходствам без учета функционально-технического назначения, то есть не считаясь с границами «категорий», архемы образуют совокупность, обобщая которую археолог получает понятие ***«стиль»***.

Это структурное сопоставление «стиля» с «типом» вытекает из историографически выявленной схожести ролей обоих в формировании понятия «археологическая культура».

В отличие от понятия «тип» понятие «стиль» мало разработано в археологической литературе, а в исследовательской практике применяется с гораздо большей неуверенностью и сбивчивостью. Археологов долго пугала зыбкость искусствоведческих представлений о стиле и смущала непохожесть стиля на другие ячейки классификации — избирательность и обрывочность проявления в разных видах культурного материала, сугубая растворимость и смешиваемость. «Понятие стиля, как оказалось, особенно неуловимо для археологов», — пишет Сэкет (Sackett 1973: 321). «Признаки стиля очень важны для интерпретации, но они труднее других формализуются», — подтверждают советские авторы (Каменецкий и др. 1975: 117). Поэтому представляется очень важной и перспективной возможность дать понятию стиля формальное определение в археологическом плане, исходя из сопоставления с понятием типа.

Архемы одного «стиля» (или одного вкуса, одной трактовки) объединены иногда прижившимися модулями широкопрофильного конструктивного решения, чаще — сознательно или неосознанно предпочитавшимися особенностями оформления, которые могли иметь семантический смысл, могли иметь художественное значение, а могли и не восприниматься такими. Стиль в понимании археолога, таким образом, не вполне совпадает с искусствоведческим понятием стиля, будучи гораздо более широким и свободным.

Такое понимание, намеченное, как показано выше, Г. Кларком, сформулировано более четко как оппозиция «стиль» — «функция» в работах американских археологов (Binford 1962: 217, 220; 1965: 207; Sackett 1973; Jelinek 1976; Dunnell 1978).

«Любой артефакт, — пишет Сэкет, — можно рассматривать с двух противоположных, но вполне взаимо дополнительных точек зрения. Во-первых, мы можем рас-

сматривать его со стороны его роли и значения в непосредственной культурной обстановке, в которой мы его нашли... Во-вторых, мы можем рассматривать артефакт не ради его самого, а как показатель исторических или «генетических» связей его культурной обстановки... Эта сеть связей называется культурной традицией (хотя на подмену часто идут альтернативные термины, варьирующие от 'филума' или 'культуры' до 'суб-традиции' и 'фации' — все это в зависимости от относительной временной и географической величины 'этой совокупности' и от степени ее исторической независимости...).

Есть смысл в том, чтобы эти две противоположных перспективы (с одной стороны, артефакт в действии, с другой — артефакт как показатель культурной традиции) рассматривать как свойства или параметры самих наших явлений. Поэтому я буду называть первый параметр *функциональным аспектом* артефакта, а второй — его *стилистическим аспектом*. Эти аспекты, по логике дела, простираются и на изменчивость артефакта, так что вполне резонно говорить о 'функциональных' или 'стилистических' аспектах отдельных формальных признаков артефактов» (Sackett 1973: 320).

Сэкет рассматривает стиль «как аспект каждого патерна, наблюдаемого в любой археологической ситуации». Ведь в культуре одну и ту же цель можно достичь разными средствами, и выбор той или иной из них часто определяется традицией — историко-генетической обстановкой.

«Таким образом, любое утверждение, касающееся способа, которым изменчивость артефактов характеризует традицию, есть по определению стилистическое утверждение» (Sackett 1973: 321).

Терминологически Сэкет, подобно другим американцам, кроме Рауза (Rouse 1965), противопоставляет «стиль» не «типу», а «функции». Понятие же «тип» он употребляет для обеих разновидностей ячейки — выделяемой по стилистическим основаниям и выделяемой по функциональным. То — тип, и это — тип. «Любой данный тип, да и любой отдельный признак формы внутренне двойствен и, в зависимости от угла зрения, может репрезентировать либо функциональный аспект, либо стилистический», Сэкет говорит о «многослойной типологии» (manyfold typology). В ней «два типа, к которым данный артефакт будет отнесен, по необходимости оказываются взаимопересекающимися категориями» (Sackett 1973: 324—325). Сэкет здесь следует Бинфорду, который говорил о «стилевых типах» (Binford 1962: 220).

Такое словоупотребление противоречит традиционной практике и неудобно тем, что смазывает эту важную демаркационную линию в номенклатуре.

Другая слабость рассуждений Сэкета состоит в ограничении стиля детерминантами культурной традиции, генезиса. Это не вяжется с бинарностью оппозиции, с дихотомией «тип» — «функция», несоразмерно обедняя один полюс. Ведь не все, что противостоит функциональному аспекту, определено традицией. Надо же предусмотреть и решение новых культурных задач, а при решении таких задач неизбежно на выборе средств (из нескольких функционально равноценных) сказывается не только диктат прошлого, но и случайное стечение обстоятельств в разобщенных между собой сообществах людей.

Даннел избегает этой слабости, указывая на связь функции с эволюционными процессами, а стиля — со стохастическими процессами (Dunnell 1978: 192).

«*Стиль* обозначает те *формы, которые лишены опознаваемой важности для* естественного *отбора. Функция* же выступает как те *формы, которые прямо воздействуют на дарвинову приспособляемость популяции, в которой они появились*... Дихотомия взаимоисключительна и является исчерпывающей в принципе» (Dunnell 1978: 199).

Суммируя все эти соображения, можно структурно определить **стиль** с точки зрения археолога как **устойчивую ассоциацию архем, связанных не по функциональным особенностям — имеющим приспособительное значение, а по особенностям, определяемым случайностью, произвольным**

выбором, контактами и традицией. Эта структурная дефиниция операциональна, но недостаточна.

Определяемый так стиль мог бы и не иметь *внутреннего единства, связности, цельности.* На деле он чаще всего их имеет. Суть в том, что в структурной дефиниции стиля не учтен генеративный аспект. На формировании стиля сказываются факторы, ограничивающие случайность и направляющие выбор. Это факторы социально-экономические, исторические, географические, в некоторой мере и биологические (темперамент, внешний облик людей, определяющий форму и цвет одежд и украшений). Все вместе они воздействуют на социальную психологию и через нее предопределяют общие детерминанты стиля.

Таким образом, если у разных компонентов стиля и нет формальных сходств, инвариант, общих черт, все же связь между ними есть — опосредованная, через социальную психологию. Иными словами, *объединены общими чертами стоящие за формальными явлениями идейные мотивировки,* обычно неосознаваемые создателями и носителями данного стиля. Эти мотивировки — не что иное, как социальные нормы, духовные ценности, этические императивы, а к ним примыкают эстетические идеалы, от которых их отделяет очень тонкая грань. За нею — разновидность общекультурного понятия стиля — *художественный стиль.* Это близко родственные понятия.

Согласно предложенному определению стиль может в некоторых конкретных случаях совпасть с типом: ведь в этом определении стиля нет запрета на группировку внутри одной «категории». На практике, однако, такого совпадения, как правило, не проходит.

Во-первых, в отличие от типа стиль как раз выступает обычно не в виде образа, а в виде более абстрактной конфигурации — патерна; соответствующими математическому образу в таком анализе выступают ***«мотив»*** (применительно к неодушевленному изображению или к детали любого изображения или оформления), ***«образ»*** (применительно к одушевленному целому объекту изображения) и ***«сюжет»»*** (применительно к многофигурной или просто составной композиции).

Во-вторых, вступает в силу более узкое понимание «типа» — только в приложении к целым артефактам (вещам и сооружениям). При группировке таковых отдается предпочтение понятию «тип», при группировке же отдельных комплексных характеристик материала (на основе сортировки фрагментов) — понятию «стиль» или — таковы здесь его синонимы — **«сорт», «вид»** (ware).

В-третьих, и в случае ограничения рамками одной категории понятию «стиль» придается более широкое значение: несколько типов объединяются одним стилем, противопоставляясь другим типам той же категории, лишь при наличии очень резких различий между этими группами типов, особенно если это подкрепляется распределением хронологическим, территориальным, этническим, социальным и т. п. Тут иногда применяются как синонимы ***«серия», «облик», «трактовка», «манера».***

Если уж говорят о «стиле», то при этом подразумевается, что различия столь отчетливы и такого характера, что могли бы (и должны были бы) сказаться и в других категориях архем, даже в других фракциях материала, если бы анализ был на них распространен. Иными словами, археолог подсознательно имеет в виду, что стиль все-таки должен в принципе п е р е с е к а т ь границы категорий и даже фракций и связывать архемы р а з н ы х категорий и фракций, отражая общие для этих разных подразделений культуры формообразующие тенденции и вкусы создателей. В искусствоведении (где «стиль» тоже имеет разные значения) такому пониманию больше соответствует по формату синоним *«течение»,* чем *«трактовка».*

Таким образом, надо бы различать несколько значений слова «стиль» в археологии: стиль как трактовка или манера, стиль как сорт (ware) или стиль как течение.

Оба явления — и тип и стиль — отличаются от архемы и комплекса своей обобщенностью, суммарностью, множественностью проявлений. Это не значит, что тип и стиль нематериальны, неконкретны или недискретны. Но природа этой конкретности и дискретности другая. Границы явлений не столь отчетливы, как там. Явление размельчено, разомкнуто, разверстано, разметано в пространстве и времени, изменчиво в них. Оно предстает как бы результатом тиражирования, размножения и варьирования одной архемы или одного набора приемов. Но эта воображаемая архема или этот набор приемов, представляя идеалы мастеров, при всей своей реальности заключены в материале лишь в виде инвариант.

Эти инварианты могут получить однообразный, целостный, дискретный облик лишь в сознании современного археолога — как зыбкий *образ*. Его осознание, очистка, фиксация и логически строгое оформление дают *понятие*. Это результат обобщения, абстрагирования, усреднения и т. п. В этом смысле они имеют идеальный характер. Соотношение этих идеальных образов и понятий с реалиями служит, как уже было продемонстрировано выше, темой нескончаемых дебатов в английской и, особенно, американской археологии.

Как бы ни оценивать степень реальности такого совокупного явления (этой проблеме будет посвящена следующая глава), здесь достаточно будет отметить, что оно занимает определенную, так сказать, ячейку, камеру, палату во времени и пространстве. Локализация всего явления, всей совокупности его проявлений во времени и пространстве носит иной характер, чем у архемы или замкнутого комплекса: здесь куда меньше возможностей свести локус к точке — он всегда имеет объем, протяженность, габарит.

В общем у таких совокупных (или суммарных) объектов изучения более сложная структура, чем у отдельностей — архем и замкнутых комплексов. Совокупный объект не только зернист, развернут и разомкнут в пространстве и времени; он также расчленен на идеальный объект и совокупность материальных объектов. Идеальный объект содержит в своей основе некую идею, древний идеал («мысленный шаблон» — mental template). Последний, однако, доступен познанию только опосредованно через свою наличную материализацию, материализован же он в инвариантах совокупности материальных объектов, а те дошли до нас неполностью, в поврежденном состоянии и т. д. Так что древний идеал и тот облик, в котором предстает нам идеальный объект, не одно и то же. Пример второго — эмпирический тип. Первый лежит в основе культурного типа. Сумма материальных объектов (обычно репрезентативная выборка из полной совокупности всех реализаций древнего идеала) является основой для реконструкции древнего идеала посредством абстрагирования. Кстати, и сам древний идеал отнюдь не был абсолютно единым.

Для правильной, как говорят американцы, артикуляции этих сложных объектов археологического изучения (т. е. для корректного манипулирования ими на основе их четкого различения и знания их составных частей) нужно выделить и обозначить их главные составные части.

По традиции, наименования этих совокупных объектов (*тип* и *стиль*) сохраняются за их идеальными частями, учитывая репрезентативную функцию идеала, иногда с дополнительной спецификацией (тип как

идеал, идея типа)[1], и расслоение идеального объекта тоже отмечается спецификацией (*эмпирический тип, условный тип, культурный тип*). Идеалообразующий набор инвариант (соотв. свойств или признаков архем) также обычно терминологически не отличается от общего понятия. И нередко это оправдано контекстом употребления. Однако иногда отличение требуется — тогда говорят о *типе как системе признаков*, о *критерии типа* или, менее ясно, о *структуре типа*. Удобнее будет для такого набора элементов, формирующих тип, использовать термин ***«декрет»*** (вспомнив аналогию с монетным типом предложенную Мальмером и приведенную выше), а для такого набора, формирующего стиль, использовать термин ***«ордонанс»*** (близкий к применяемому в более узком значении историками архитектуры термину «*ордер*»).

Совокупность однотипных артефактов Д. Кларк называет «*популяцией*». Учитывая биологическую традицию, этот термин удобно сохранить за совокупностью однотипных архем, оказавшихся в одной среде (границы которой определяются задачами изучения). А всю совокупность экземпляров архем одного типа или одного стиля предлагаю называть его *контингентом*.

Место, которое данный контингент занимает в пространстве и времени, — ***локус*** — отличается от локуса архемы или замкнутого комплекса своей, так сказать, объемностью: немного найдется исследовательских ситуаций, в которых этот локус правомерно было бы принять за точечный — ни в аспекте времени, ни в пространственном аспекте. И тип и стиль, как правило, занимают своим контингентом определенную территорию — ***ареал*** — и определенный отрезок времени — ***интервал***.

Локус здесь имеет и определенный ***габарит*** — размер объема.

Культурно-археологическому пространству присущ плоскостной характер: при картографировании обычно рельеф местности не передается отображением с отдельной вертикальной осью координат или вовсе не учитывается. Поэтому в локусе типа и стиля различению и шкалированию подлежат три оси (две пространственные и одна — времени), и локус имеет трехмерный облик. При условном уравнении шкал он может быть представлен в виде *куба* (ср. Deetz 1967: 55—56; Klejn 1971: 338—339; Soudsky 1973: 204—205, fig. 1, 2). Поэтому в моей работе 1971 года он был обозначен именно так, и это представление понравилось Соудскому, а его усложненные кубы были расцвечены и вынесены на суперобложку сборника о моделях в преистории — то ли из-за декоративности, то ли как удачная передача моделей культуры кубами. Сейчас, однако, мне представляется, что ввиду многозначности этого слова термин «локус» удобнее.

6. Парадигма структур

Группируясь, архемы объединяются и в замкнутых комплексах, и в типах и стилях, но по-разному.

Рамкнутый комплекс не то чтобы сложнее, он просто крупнее и содержательнее архемы, но схож с ней по своей дискретной природе. Тип и стиль много сложнее архемы и отличаются от архемы и замкнутого комплекса по своей природе, образуя над архемами как бы следующий этаж в категоризации археологического материала (именно над архемами, поскольку комплексы не служат структурными ячейками в формировании типов и стилей). Еще выше этажом располагаются образования, представляющие археологическую культуру: в их формировании

[1] Биологический термин «архетип» больше соответствует нашему «культурный тип».

Р и с. 19. Структура понятия «археологическая культура».

участвуют в качестве структурных ячеек не архемы, а комплексы, типы и стили. Они, как показал историографический обзор концепций археологической культуры, образуют сложную сеть связей, точнее, несколько взаимнопересекающихся сетей. Каждая из этих сетей представляет особую структуру, узлы которой надо распознавать, а для этого их требуется обозначить.

Ввиду того, что эти сети имеют родственные функции (служат структурами одного явления — археологической культуры), можно ожидать, что между ними обнаружится некоторое изоморфное соответствие, и в одной статье я попытался показать, что это так (Klejn 1971); правда, ныне мне это соответствие представляется несколько иным, чем изображенное там.

Таким образом, требуется построить некую парадигму понятий, большей частью новых, и далее придется ввести ряд новых терминов (узлы этих структур до сих пор исследователи почти не выделяли, во всяком случае, не определяли, не вводили в систему и не оформляли терминологически). Это загромоздит далее изложение и затруднит чтение, но придется пожертвовать легкостью речи ради смысловой четкости.

Начнем со связей по встречаемости (рис. 19).

Связанными совместным нахождением в замкнутом комплексе оказываются архемы разных типов, разных категорий, разных фракций (позже мы сможем добавить: разных культур). Давно замечено, что архемы сочетаются в комплексах не беспорядочно, не как попало, а подчиняясь определенным закономерностям: одни типы встречаются вместе чаще, другие — реже, третьи вовсе не сочетаются.

Типы, связанные друг с другом (непосредственно или косвенно) частой встречаемостью, образуют систему сочетающихся типов — назовем ее ***концерн.*** Совокупность входящих в него типов (отвлеченную от связей между ними) будем именовать ***констелляция.*** Все замкнутые комплексы, охваченные этой системой, требуют особого обозначения — назовем эту совокупность ***федерацией*** концерна.

В такой системе может и не быть близкого сходства между всеми (или многими) замкнутыми комплексами как цельными объектами, может и не быть одного «привилегированного» сочетания типов, наиболее часто повторяющегося в комплексах — целиком или основным своим составом. Когда оно есть, то такое наиболее часто повторяющееся (хотя бы в своих основных чертах) сочетание, отличное от других подобных, дает основу для иного обобщения. Результатом этого обобщения (для которого введем еще серию обозначений) является определенный набор типов архем. Этим набором выделяется и характеризуется тип замкнутого комплекса — ***трафарет***. Все типы архем, входящие в эту систему, — ***компания.*** Все замкнутые комплексы, охваченные ею, образуют ***федерацию*** трафарета. Эта федерация будет ядром или одним из ядер федерации концерна.

Разница между трафаретом и концерном аналогична разнице между типом-образом и типом-патерном. Так что вся эта структура:

замкнутый комплекс	трафарет (тип замкнутого комплекса)	концерн (система сочетающихся типов архем)

в значительной мере параллельна структуре:

архема	тип архемы (образ)	тип архемы (патерн, «рой признаков»).

Но, располагаясь на более высоком уровне классификационной иерархии, новая структура оказывается сложнее.

Обратимся к другому аспекту этой параллели, состоящему в том, что пара:

архема — тип архемы (образ) (патерн)

это только часть трехчленной структуры:

архема — тип архемы стиль (трактовка)

Вторая пара этого трехчлена тоже усложняется на уровне обобщения замкнутых комплексов (вместо архем) и увязки типов (вместо элементарных характеристик), ибо к стилистической связи добавляются соотношения по локализации во времени и пространстве.

Связь типов по стилистическому сходству образует систему, которая нуждается в особом названии, и может быть обозначена как «ансамбль» типов. Стиль здесь раскрывается близко к искусствоведческому понятию «течение» (trend). А для совокупности одностильных типов лучше иметь иной термин — ***«консонанс»***.

Связь между типами выявляется и по их параллельной согласованной (когерентной) изменчивости — ковариации. Такая когерентность позволяет выделить систему коварьирующих типов — ***когеренту***. Совокупность типов, входящих в нее, — ***консорция***.

Наконец, есть еще один вид связи между типами — это связь территориально-хронологическая, через совпадение или близкое взаимоналожение локусов (не ареалов, как нередко трактуют, а именно локусов). В основе этой увязки лежит та же идея, что и в основе обращения к связи через сочетаемость в замкнутых комплексах: типы, распространенные в одно и то же время на одном и том же пространстве, в одних и тех же пределах, скорее всего были оставлены одним и тем же населением и, следовательно, были между собой как-то связаны в жизни (в обращении и в применении). Оговорка «скорее всего» напоминает о том, что связь-то здесь все-таки косвенная (могло просочиться иное население, могли сказаться ошибки в датировке).

Механизм выявления этой связи выглядит так: совпадение локусов нескольких типов позволяет выделить один сводный локус этих типов. Объединенные такой связью типы составляют систему взаимоналагающихся типов архем — ее можно назвать ***«буклетом»***, а набор типов, входящих в буклет, — ***«компликацией»***.

7. Археологическая культура

Нетрудно заметить структурное сходство всех этих систем типов — концерна, трафарета, ансамбля, когеренты и буклета. Каждая из них выделяется по особому виду связи между типами — сопряженности, схожей сосредоточенности в комплексах, стилистическому родству, ковариации (когерентности), территориально-хронологической совмещенности. У каждой из этих систем есть свой набор типов, способный служить критерием причастности к ней: констелляция, компания, ансамбль, консорция и компликация. Каждая система охватывает некую совокупность комплексов — федерацию — и занимает определенный локус.

Ясно, что концерн, трафарет, ансамбль, когерента и буклет, отражая различные формы взаимосвязи типов, представляют собой по сути разносторонние проявления одной и той же общей реальности — системы взаимосвязанных типов архем (рис. 19). Если учесть научную традицию и обобщить накопившиеся концепции археологической культуры, то именно эта система и вправе претендовать на то, чтобы ее рассматривали как ***археологическую культуру,*** а все частные системы — концерн, трафарет и т. д. — как ее аспекты.

Соответственно, все наборы типов (констелляцию, компанию и т. д.) придется рассматривать как прикидки к выявлению и как варианты одного общего набора типов — *кодекса.* Кодекс — то же для археологической культуры, что декрет — для типа и ордонанс — для стиля (трактовки).

Обобщить надо и федерации концерна, трафарета и т. д. в общую совокупность комплексов археологической культуры. Собственно говоря, *федерация* культуры ближе всего к тому, что нередко именовалось «культурной группой». Федерация — то же для археологической культуры, что контингент — для типа и для стиля (трактовки).

Таков результат теоретической экспликации системы понятий, кристаллизующейся в структурно-типологическом анализе культурного материала археологии.

Здесь с особенной очевидностью выступает связь нескольких основных противостоящих друг другу определений археологической культуры, выдвинутых различными группами ученых: территориального определения Блюме — Яна — Килиана, стилистического определения Шухардта — Кребера, комплексного определения Чайлда. Признать одно из них верным, остальные ложными было бы упрощением. Все они подходят с разных сторон к одному и тому же сложному явлению, выступающему в археологическом материале, и определяют его, базируясь на одном из его выражений. Дефиниций много, потому что в предмете много сторон. Увидев их соотношения в единой системе, мы можем прийти к более общей, генеральной дефиниции, учитывающей все доступные нам сегодня стороны явления и их связь. Но главное — не сама по себе новая дефиниция. Главное — увидеть связь всех этих сторон явления между собой и связь всех этих понятий с фактическим материалом. К цитированному в эпиграфе замечанию о дефинициях Ленин добавляет: «Философия же должна все доказывать и выводить, а не ограничиваться дефинициями» (Ленин 1914/1973:216). Именно это и следует иметь в виду, оценивая реальное значение системы взаимосвязанных типов архем. Хотя она и вправе претендовать на статус археологической культуры, на практике далеко не все системы подобного рода признаются археологическими культурами. Понятие нуждается в спецификации.

Связь типов внутри такой системы может характеризоваться (а) слабой или (б) сильной сопряженностью (в неточном, но более распространенном словоупотреблении — слабой или сильной корреляцией). Этой связью может быть охвачено (а) всего два или несколько типов, а может быть — (б) целый ряд типов. Это могут быть (а) типы мелкого и сугубо частного характера (как, скажем, ориентировка покойника, наличие бофров, применение углубленного пролощеного орнамента, мотив спирали, ручка в виде птичьей дужки, рикассо и т. п.), а могут быть — (б) сложные и существенные по их месту в жизни (положение покойника в целом, вид могильного сооружения или даже способ погребения в целом, характер жилища, массовые типы керамики и т. п.). Они могут относиться (а) к одной лишь из основных категорий археологического материала (имеются в виду: керамика, способ погребения, облик жилища и поселения, набор орудий, оружия и украшений т. п.), а могут (б) охватывать сразу несколько из этих категорий, т. е. отражать связь нескольких

важнейших сторон жизнедеятельности первобытного населения, параллельность явлений в нескольких из важнейших сфер жизни.

Разумеется, и те системы типов, в которых выступают более с л а б ы е (а) характеристики по всем или некоторым из перечисленных возможностей, заслуживают изучения, а следовательно, нуждаются в специальной терминологии (возможные наименования: *узел, букет*). Но гораздо более важны и интересны те системы (б), которые характеризуются с и л ь н ы м проявлением всех перечисленных показателей. Такие системы я предлагал именовать *культурными комплексами* (Клейн 1970; Klejn 1971); к этому значению близко американское употребление термина «фокус».

В таком понимании ***культурный комплекс*** или ***фокус*** — это система, состоящая из значительного ряда существенных типов, связанных сильной корреляцией и относящихся по крайней мере к нескольким из важнейших категорий археологического материала.

Типы, входящие в фокус, могут появляться в памятниках и разрозненно, могут встречаться совместно с типами других фокусов, причем в разных пропорциях. Соответственно, в одних памятниках мы увидим лишь отдельные архемы, принадлежащие, возможно или наверняка, к одному или нескольким типам данного фокуса, в других — целые серии таких архем, но все еще количественно уступающие архемам других фокусов. (Для таких групп, конечно, стоило бы подыскать соответствующие термины, скажем, *эпистола, ауреола* и т. п., но не это сейчас моя задача). И лишь в какой-то более узкой группе памятников или, точнее, замкнутых комплексов и отдельных находок мы увидим господство типов данного фокуса. Такую группу я ранее предлагал именовать *культурной группой.*

В таком понимании ***культурная группа*** — это совокупность замкнутых комплексов и отдельных находок, объединеных и отличающихся от прочих исключительным или преобладающим проявлением одного фокуса или даже отдельных, но характерных только для него сложных компонентов.

Так эксплицируется понятие «федерация культуры». Мы уже говорили о структурном родстве этого понятия с понятием «контингент», обозначающим совокупности экземпляров одного типа или одной манеры. Но в отличие от тех совокупностей федерация культуры сложнее: каждый комплекс имеет определенный состав, не обязательно целиком из типов данного фокуса. Поэтому надо различать: *пленум* — совокупность всего материала (всех архем) данного фокуса; *кассу* — совокупность только тех архем данного кодекса, которые обнаружены в комплексах данной федерации; *конвент* — совокупность всех архем, обнаруженных в комплексах данной федерации (включая архемы чужих кодексов, прибывшие в качестве импортов и опознаваемые по своей принадлежности к идиомам чужих кодексов); *ассамблея* — совокупность всех материалов, причастных к самой культуре, т. е. как обнаруженных в данной федерации, так и принадлежащих к данному кодексу вне зависимости от федерации.

Если необходимо отыскать в этой системе понятий место для термина «культура» ввиду его привычности, то, очевидно, следовало бы учесть, в каком употреблении он практически чаще всего используется и к какому из понятий данной системы это употребление ближе всего. Но на практике термин «культура» применяется и в значении, близком к нашему «культурному комплексу» (фокусу), и в значении, близком к нашей «культурной группе», — пожалуй, в равной мере. Поэтому самым рациональным было бы трактовать «культуру» как более общее понятие, включающее в себя оба рассмотренных — и «культурный комплекс»,

и «культурную группу». А так как на практике во многих случаях не требуется более детальное различение (между культурным комплексом и культурной группой), то в таких случаях термин «культура» можно подставлять на место любого из них (это, однако, не означает свободы обратной замены).

В предложенной системе определений важную роль играет различение между слабыми (а) и сильными (б) проявлениями целого ряда показателей: силы сопряженности, величины набора типов, их сложности и существенности и т. д. Такое различение немыслимо без количественных критериев. Как же их-то определить? Вправе ли мы устанавливать их произвольно или надо считаться с некими независимыми от нас опорами? С какими?

Вполне очевидно, решение этого вопроса зависит прежде всего от эпистемологического статуса самого понятия *«археологическая культура»*: отражает ли это понятие некую прошлую реальность или является сугубо условным, чисто служебным, т. е. инструментом исследования и только. А уж затем можно будет выяснить, есть ли какие-то ориентировочные константы размера в той сфере, где, как окажется, генерируются археологические культуры, т. е. в прошлой действительности или в современной исследовательской практике.

Глава IX

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА? (Проблема статуса)

...Начинать с вопросов: что такое общество, что такое прогресс? — значит начинать с конца... Пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли a priori общие теории, всегда оставававшиеся бесплодными.

В. И. Ленин (1894/1971:141).

1. Инструменты или факты?

Так что же такое все-таки археологическая культура? Отображение прошлой реальности или научная фикция, коренящаяся в современном сознании? «А есть ли в действительности штуки, называемые "культурами"?» — спрашивает С. Хокс (C. Hawkes 1973:177).

Когда речь идет об основных понятиях науки и назревает смена концепций, то это значит, что проблема из методической перерастает в методологическую, и необходимо заново продумать теоретические основы исследований, а в этом деле археолог, если он хочет серьезно разобраться, не может обойтись без обращения к философии (ср. Энгельс 1878/1961:11—14; Овчинников 1968: 32—33).

Если археологическая культура — типологическая категория, то можно ожидать, что при ее углубленном анализе встанут те же вопросы, которые встают и при анализе других типологических категорий. Так оно и есть. Мы уже сталкивались с вопросами о реальности, объективности, «априорности» типа, о степени условности, субъективности, инструментальности понятия «тип». Теперь с аналогичными вопросами сталкиваемся применительно к археологической культуре.

Итак, встает коренной философский вопрос типологии — соотношение ее понятий с действительностью, т. е. проблема объективности всей системы понятий. И в частности — высшего понятия иерархии. Отражается ли в понятии «археологическая культура» какая-то объективная реальность или это понятие — всего лишь инструмент, произвольно конструируемый исследователем для более удобной классификации материала? Иными словами, выявляются ли археологические культуры в материале или навязываются ему археологом?

Это считается одним из традиционных, можно сказать классических, жгучих вопросов археологии в американской науке. Значительная часть американских археологов и некоторые английские не верят в объективность понятия археологической культуры, считают его субъективным произведением исследователя. Так, один из виднейших английских археологов Даниел пишет:

> «Встречается иногда тенденция рассматривать понятие культуры в преистории как последнее достижение археологической методологии, но, вероятно, оно окажется всего лишь понятийным инструментом, каким были и эпохи. В самом деле, вполне может статься, что организация преистории в эпохи характеризует геологический подход к преистории, организация преистории в культуры — антропологический подход к преистории, и что мы в нашем новом, историческом подходе к преистории должны довольствоваться скорее историческим контекстом и культурой, чем эпохами и культурами» (Daniel 1950:246).

То есть предлагается рассматривать первобытную культуру в целом, без деления на отдельные культуры и эпохи, а в каждом частном мелком случае проводить отдельно увязку с «историческим контекстом».

Это тесно смыкается с общей установкой Даниела и ряда других зарубежных археологов на отрицание возможностей археологии в познании социальных структур и частных исторических закономерностей, на понимание преистории как неорганизованной совокупности индивидуальных событий (Daniel 1962). Дальше Даниел еще раз повторяет свой вывод, но уже в более категоричной формулировке:

«...Выявление и описание культур — не проблема преистории; культуры современного археолога, как и периоды и эпохи его предшественников, — всего лишь понятийные инструменты» (Daniel 1950:246).

Американцы Филипс и Уилли поясняют, почему они тоже придерживаются такого взгляда. Взять, скажем, определение территориально-хронологической протяженности культуры. Принято считать, что археологи делают это после того, как дефинировали свои культуры.

«Сколь бы разумной ни казалась эта теория, — возражают авторы, — на практике она таким способом не работает. Рабочая процедура, как знает каждый археолог, состоит в первоначальном формулировании, обследовании пространственных и хронологических параметров, переформулировании, переобследовании пространственных и хронологических параметров и т. д. без конца... На этом же месте, но хронологически до или после существования данной общности, были схожие общности, содержимое которых сливалось с ее содержимым в так наз. переходных периодах, которые почти невозможно точно выделить; по соседству с ней были другие одновременные общности с подобным же слиянием на стыках, точно так же трудные для разграничения. Но мы утверждаем, что фиксация этих пространственных и хронологических границ, сколь бы она ни была трудна, составляет существенную часть дефиниции этой общности.

Ничего удивительного, — заключают Филипс и Уилли, — что неизбежно произвольная природа таких операций привела многих археологов к убеждению, что археологическая общность — не более чем фрагмент, вырезанный из пространственно-временного континуума, фрагмент, о котором нельзя сказать, что он существует как объект, пока археолог не наименовал и не дефинировал его» Willey and Phillips 1956:14—15).

Швед Мальмер заявляет:

«Названия и понятия культур — это ведь только вспомогательные средства в наших попытках исследовать жизненные отношения первобытных людей» и эти средства не всегда целесообразны (Malmer 1962:747).

И в своем капитальном труде он запросто отступает от рассмотрения материала по культурам, рассматривая, скажем, керамику.

«Диспозиция, — констатирует он сам, — направлена в первую голову не на культуры или культурные группы. Членение в большой мере чисто географическое: сообщается, какие феномены автор зарегистрировал внутри данных границ» (Malmer 1962:824).

Границы же избраны произвольно, в основном по современной административно-политической карте. Эта произвольность не смущает автора: культуры ведь в его представлении тоже произвольны, только обманчивы, так как выдаются за не произвольные, выдаются за факты. А они — не факты.

«Предположим, например, что мы спрашиваем: Каковы известные нам факты относительно среднего неолита в Южной Скандинавии? В большинстве археологи, вероятно, ответят: Главный факт — что имеются три культуры: воронковидных кубков, ямочной керамики и боевого топора». А затем, определив тип их хозяйства, заспорят о том, факт это или гипотеза. «На деле же... все вышесказанное, даже само существование этих трех культур — это только серии более или менее правдоподобных гипотез, никоим образом не факты» (Malmer 1967:373).

Более того, это даже не совсем гипотезы. Ведь как возникают культуры в наших представлениях? Точно так же, как возникает тип в момент определения.

«Тип может быть определен только перечислением типологических элементов, обусловливающих принадлежность к этому типу, возможно, с добавлением перечня типологических элементов, исключающих такую атрибуцию. При том же подходе наиболее практичное понятие культуры можно получить перечислением типов, обусловливающих принадлежность к данной культуре, возможно, с добавлением перечня типов, исключающих такую атрибуцию» (Malmer 1967:373—374).

Но так как ареалы типов обычно не вполне совпадают, то от того, какой тип мы положим в основу определения культуры, будут зависеть и границы культуры, ее состав и определение. Сколько типов налицо для выбора, столько и возможных дефиниций. «Которая же из них в таком случае верная?» (Malmer 1967:376). Любая, не так ли?

«Само по себе не является ошибкой определять культуру по одному типу...» (Malmer 1967:377). И Мальмер так и поступает, по крайней мере при определении вариантов культуры. А тип определяет по одному признаку. Значит, и культуру — по одному признаку?

Конструкции, которые возникают в результате, с одной стороны, вроде бы опираются на факты (признак объективен), а с другой стороны, эфемерны в силу незначительности признака и произвольности его выбора. Положить ли его в основу выделения общности или проигнорировать — кому как угодно. Он не является необходимой основой культуры, а культура не связана необходимо с ним.

Получается так: объективно даны только типологические элементы и их соотношения (Malmer 1967:373). И только.

> «Преисторические типы или группы ни в коем случае не существуют априорно. Каждый исследователь имеет благое право различать так много или так мало групп, как ему кажется целесообразным, лишь бы он только считался с законами логики» (Malmer 1962:6, сн. 14).

И вывод:

> «Вопросы вроде: была ли культура воронковидных кубков земледельческой? или были ли люди культуры боевого топора пришельцами? — очень легко могут оказаться бессмысленными. Их во многих случаях можно уподобить задачам, у которых нет рационального решения — просто потому, что задача неверно сформулирована» (Malmer 1967:377).

При таком понимании археологической культуры равно правомерны два выхода: либо ввести полный произвол в распределение материала по культурам («организацию в культуры»), либо отказаться от этого понятия вообще. Мальмер избрал первый выход. Многие американские археологи тоже избрали первый выход и соревнуются в том, кто предложит наиболее удобную, практичную и изящную схему группировки материала в культурные общности с разнообразными подразделениями. Даниел, как мы видели, предпочитает второй выход — отказаться вовсе от выделения культур.

В зарубежной науке противоположное понимание культуры ярче всего было представлено Чайлдом:

> «Культура — это не априорная категория, выработанная в исследованиях философов, а затем навязанная извне археологам-практикам. Культура — это наблюдаемые факты» (Childe 1936:3).

Известно, что творческая биография Чайлда характеризовалась постепенным движением к марксизму, однако в 30-е годы, когда были написаны приведенные слова, Чайлд находился в самом начале этого пути, да и позже его освоение марксизма оставалось очень самобытным. Простое указание на факты — это аргументация, характерная для стихийного или наивного материализма, а не для марксизма.

Таково же кредо Кребера:

> «...Я абсолютно верю в реальность и значимость конкретных стилей... Я также верю, что египетская и китайская и эллинская цивилизация существовали, хоть мы и можем спорить, будет ли наше понимание лучшим, если мы включим римскую цивилизацию в эллинскую или если будем рассматривать ее отдельно и в соподчинении с той... Их реальность неопровержима, и если история имеет какой-то смысл, то цивилизации — это поистине содержательные макрофеномены, пусть даже их края часто размыты...» (Kroeber 1963:174—175).

Аналогичную позицию занял Сполдинг, но он предъявил более развернутую аргументацию, выступив против Уилли и Филипса. Те в статье 1953 года (Phillips and Willey 1953) заявили, что хотя соответствия между понятиями археологов и реальностью возможны, они плохо поддаются проверке, и, следовательно, «археолог ныне на более твердой почве, если придерживается концепции культуры как произвольно дефинированного сегмента совокупного континуума». Сполдинг направил авторам эмоциональное письмо, в котором настаивал, что при научном подходе к делу процесс культурной классификации «уж никак не произволен» (anything but arbitrary) и должен считаться с «последовательностью дискретных типов культур» (a succession of distinct culture types) («типы культур» — так Сполдинг называет то, что другие именуют «культурами»).

Да, развитие идет непрерывно.

> «Но широко признанная теория культуры указывает, что нормальная конфигурация такова: относительная стабильность, затем быстрый рост благодаря введению нового элемента, вызывающего кризис, так что за этим элементом очень скоро следует ряд других новых элементов, потом период относительной стабильности и т. д.».

Археолог должен зафиксировать волны на такой кривой развития, и «сегменты, выявленные так, — явно не результат произвольной классификации: изменения в наклоне линии столь же характерны, как и ее непрерывность».

Переходя далее к пространственному аспекту проблемы, Сполдинг признает: верно, пространство-то само — континуум,

> «но культура не распределена однообразно в этом континууме. Чтобы начать с сокрушительного удара: нет археологических местонахождений в середине Атлантического океана — ни на поверхности, ни на дне. В более умеренной плоскости: *археологическому материалу свойственно появляться дискретными скоплениями* (clusters) — мы называем их «местонахождениями» (sites) — в пространстве... Вполне возможно, что в культурных характеристиках компонентов есть однообразная или постепенная изменчивость..., но я не уверен, сколь это важно на деле. Я думаю, этнографические свидетельства твердо указывают, что если учесть значительное число компонентов, то классификация ...выявит очень даже четкое роение (fairly neat clustering), а не простую поляризацию или радиацию...
>
> Словом, ваш путаный и огульный разговор о произвольном нарезании континуума ведет к смешиванию ряда важных проблем культуры и имеет следствием методологическое затемнение, а не прояснение».

И что же? Каков результат аргументации Сполдинга?

Уилли и Филипс поместили в своей книге (Willey and Phillips 1958: 15—16) пространную выдержку из письма Сполдинга (откуда и взяты мои цитаты) и чуть изменили свою первоначальную формулировку статуса культуры. Теперь она приобрела такой вид:

> «...археолог на более твердой почве, если придерживается концепции культуры как предварительно дефинированного сегмента совокупного континуума, конечная оценка которого будет зависеть от степени надежности, с которой можно показать, что его внутренние параметры пространства и времени совпадают с существенными вариациями в природе и темпе культурных изменений в этом континууме. Проще говоря, это дело самого археолога — памятовать о произвольной природе своих понятий о ячейках и в то же время быть чутким к возможности сделать их менее произвольными» (Willey and Phillips 1958:16—17).

Невелика уступка!

Ни Чайлд, ни другие археологи не нашли иных путей обоснования объективности археологической культуры, кроме простого указания на очевидность фактов. Противники ссылались на неменьшую очевидность трудностей и неопределенностей в трактовке этих факторов, на явную свободу выбора.

Не будем упрощать. Конечно, сторонники объективности культур понимают, что сами понятия не обязательно и не во всем адекватно

отражают реальность, что субъективный вклад может оказаться в них значительным, что в некоторых аспектах возможен и даже допустим момент произвольного выбора, условности. Со своей стороны, и сторонники инструментальности культур понимают, что за понятиями существует реальный материал, что в нем существует изменчивость и возможна некая упорядоченность, что наши понятия служат тому, чтобы получать об этом какие-то объективные сведения. Спор идет о том, каков характер этой изменчивости, какова степень этой упорядоченности, есть ли в реальности то, чему должны быть адекватны понятия, к чему их надо примеривать и есть ли возможность, корректируя, примеривать их надежно, усиливая объективную суть за счет субъективных примесей.

2. В защиту культур

Для решения вопроса об объективности культуры есть смысл обратиться к разработанной в марксизме теории отражения. Энгельс отмечал, что представление о субъективности наших понятий

> «трудно, по-видимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде, чем люди стали аргументировать, они действовали... И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его. The proof of the pudding is in the eating.[1] В тот момент, когда, сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи, мы употребляем ее для себя, — мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, —тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью...» (Энгельс 1892/1962:303—304).

Критикуя махистскую позитивистскую абсолютизацию опыта, проти вопоставляя ей марксистскую теорию познания — теорию отражения, Ленин заключал:

> «Вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой» (Ленин 1909/1973:109—110).

Итак, с точки зрения диалектического материализма, критерий объективности надо искать не в каких-либо словесных, чисто логических аргументах и не просто в опыте (в простых указаниях на факты), а в практике, в деятельности, в продвижении по дороге познания. Ленин пояснял, что под практикой следует здесь разуметь не только непосредственные производственные и бытовые занятия людей, но и научные исследования: «в практику, служащую нам критерием в теории познания, надо включить также практику астрономических наблюдений, открытий и т. д.» (Ленин 1909/1973:143). Очевидно, также наблюдений и открытий археологических.

Вопрос, следовательно, ставится так: в силах ли мы выявлять в археологических материалах группировку, которая бы подтверждалась дальнейшими археологическими наблюдениями и открытиями? История нашей науки показывает, что выявляемая культурная группировка именно такова. Случаи, когда бы пришлось «разрушать» выявленные культуры как ошибочные, просто наперечет (напр., казус с томашовской или межановицкой культурой). Это редчайшие исключения. Как правило, культуры, выявленные археологами по некоторому количеству памятников, затем подтверждаются дальнейшими открытиями — вещи тех же типов обнаруживаются все снова и снова в тех же сочетаниях и на

[1] Проверить пудинг значит съесть его (англ. пословица).

той же территории. Применение статистики позволяет даже вычислить вероятность, с которой можно предсказать появление новых открытий определенного типа в определенных пределах (Malmer 1963:183—192, рис. 12). Культуры оказываются живучими — таковы трипольская, волосовская, срубная, ананьинская и др. Изменения если и осуществляются, то чаще всего идут по пути детализации, уточнения и дробления — так обстояло дело с культурами ямочно-гребенчатой керамики, катакомбной, афанасьевской и др.

Правда, с точки зрения сторонников субъективности, условности, «инструментальности» понятия культуры, такие подтверждения ничего не доказывают, так как могут быть обусловлены одинаковостью принципов группировки, а сам выбор этих принципов произволен. В другой системе группировки будет другой результат, и он будет равно правомерен.

Но если бы было так, то конкретные распределения материала по культурам у разных исследователей, в разных системах, должны были бы коренным образом различаться, подчиняясь произволу исследователей. Между тем они не совпадают лишь в деталях. Даже у самых ярых апологетов «свободы выбора» эта свобода осмысливается больше в теории, чем в конкретных исследованиях. Кроме того, ясно, что заранее сконструировать искусственную схему, весьма детализированную и конкретизированную и в то же время пригодную для удобного включения самых неожиданных новых открытий, просто немыслимо. Схема поневоле сможет учесть и обобщить лишь особенности наличного материала, а вслепую предугадать возможные новые открытия — это практически невероятно. Если же на деле не приходится поминутно в корне разрушать старые схемы распределения материала, старые схемы разбивать на культуры и строить новые, то, очевидно, лишь потому, что эти схемы не есть продукт «свободного творчества», что они не произвольны, что в них отражаются реальные структурные особенности материала — те же, которые должны будут сказываться и в новых открытиях.

Сам Даниел пишет:

> «Чтобы поставить точку в дискуссии: обычно принято в описании до-римской Британии выделять в первой половине II тыс. различные «культуры» — такие, как культура Уиндмилл-хилл, культура Питерборо, культура Скейра Брэй, культура кубков, западная или мегалитическая культура и т. д.». Здесь Даниел делает сноску: «Автор этих строк повинен в том, что различал ряд мегалитических культур, тогда как все, что он изучал, было лишь региональными различиями в плане могил и в погребальном инвентаре». И Даниел вопрошает: «Культуры ли это на деле, или археолог всего лишь злоупотребляет понятием культуры, применяя его к региональным вариациям материальных предметов?» (Daniel 1950:246).

Пожалуй, можно отвлечься от вопроса о рациональности использования в археологии термина «культура» для рассматриваемого понятия (это вопрос, безусловно, меньшей важности). Можно отвлечься в данном контексте и от вопроса о качественном объеме понятия культуры (сводимо ли оно к материальным предметам). Лучше обратим внимание на примечательное обстоятельство: сам Даниел признает, что изучал «региональные различия в плане могил и в погребальном инвентаре», «региональные вариации материальных предметов». Заметьте: не конструировал, не искусственно создавал, не условно вводил в материал ради удобства рассмотрения, а «различал» и «изучал».

Нет, я не собираюсь ловить Даниела на слове (от слова ведь нетрудно и отказаться — мало ли! Допустим, неточность выражения!). Достаточно обратиться к самим работам Даниела о мегалитических культурах (см.: Daniel 1941, 1950b, 1958, 1963 и др.), и сразу станет ясно, что в серьезных конкретных исследованиях Даниел действовал не в духе свободного конструирования, а выявлял связи в материале. Когда же

ему потребовалось опровергнуть наличие таких связей, то он не смог предъявить фактов в пользу свободы выбора, а прибег к софистическим спекуляциям по поводу соотношений термина и понятия. Вот что бы ему взять да перекроить те же материалы по-другому, иначе разбить их по группам, сконструировать другую сеть культур (или, если угодно, «региональных вариаций») или даже несколько сетей! Ведь это было бы решающим аргументом! Так нет, не стал этого делать великолепный практический исследователь Даниел и предоставил теоретику Даниелу выкручиваться за счет спекулятивных рассуждений...

Итак, «чтобы поставить точку в дискуссии»? Нет, выходит, рано было ставить точку!

3. Рефлексия Григорьева

Некоторое пренебрежение к философской стороне проблемы — как следствие засилья эмпиризма в советской археологии 50—60-х годов (см. Клейн 1977б) — сказалось в том, что своеобразная модификация «теории конструирования» («теории инструментальности») понятия культуры появилась и в советской археологической науке.

Наиболее отчетливо эту позицию сформулировал Григорьев в своем знаменитом докладе 1971 года «Культура и тип в археологии: категории анализа или реальность?» (Григорьев 1972). Он признал культуры категориями анализа, а не реальными совокупностями сходных памятников, и заранее парировал возможные возражения:

> «Кажется, что, приняв типы и культуры за выделенные нами явления и потому субъективные, мы вносим субъективизм в нашу науку».

С точки зрения Григорьева, это только кажется: субъективизм не вносится этим признанием, он органически присущ археологической классификации.

> «Подход, который предполагает с самого начала, что выделяемые единицы анализа — следствие применения определенной методики и при другом подходе могут получиться иные типы и иные культуры, предпочтительнее потому, что у исследователей есть основания уяснить причину расхождения, а не считать свою точку зрения истинной, а все другие — ошибочными» (Григорьев 1972:8).

Рефлексия Григорьева не столь преисполнена агностицизма, как это представляется некоторым его критикам, не столь идеалистична и не столь решительно повергает исследователя к стопам субъективизма.

Ведь Григорьев не сомневается в реальности (независимой от нашего сознания) собственно вещей, в их дискретности и в возможности адекватного выделения сознанием из окружающей действительности. Оббитые кремни — для него реальность, а не просто наши впечатления. Он не отрицает возможности объективной регистрации свойств этих вещей, т. е. их простых соотношений с другими вещами, как не отрицает этого и Мальмер. Который сосуд больше, который меньше, насколько; каковы у них пропорции тулова, состав глины и т. п. — все это объективные данные, а не наши догадки. Не отрицает Григорьев и того, что эти соотношения неодинаковы, неравномерны, что по ним можно объективно выявлять какие-то сходства, сгущения, что вещи группируются по сходствам и встречаемости, что в самом археологическом материале есть сеть каких-то связей и границ.

Против чего Григорьев возражает — это против представления, что сеть этих соотношений в культурном материале проста и однозначна, что она предопределяет единственно верную группировку этих вещей — общеобязательное распределение по типам и по археологическим культурам. В этом смысле *наши* типы и культуры для него — не априорные реальности, а результат нашего выбора: это мы, исследователи,

выбираем признаки, подлежащие учету, и мы выбираем, какую между ними установить иерархию, а это становится критерием выделения типов. Ратем мы точно так же выбираем и распределяем по весу типы, когда формируем культуры. Таким образом, доля нашего субъективного вклада нарастает: в культурах она выше, чем в типах. Вот, собственно, суть возражений Григорьева.

Но тогда его вопрос «категории анализа или реальность?» оказывается упрощенным.

Григорьев не дал бы повода к лишним недоумениям и кривотолкам, если бы прибег к более точным, хотя и менее задорным, формулировкам своей мысли. Если бы подчеркнул, что вообще-то наличия априорных группировок в материале, однопорядковых с теми, что обычно именуются типами и культурами, он не отрицает. Если бы также подчеркнул, что он не утверждает, будто за нашими категориями «тип» и «археологическая культура» нет вообще никакой реальности.

Тогда стало бы ясно, что смысл его выступления сводится к иному: он считает, что реальные группировки в материале (так сказать, реальные типы и культуры) сложнее и богаче, чем те категории, в которых мы эти реальности моделируем. Что у нас нет способов сходу ухватить эти реальности нашими категориями анализа (мы налагаем их на материал наобум), и не надо строить себе иллюзий на сей счет — это вредно. Что *наши* конкретные культуры (волосовская, срубная, зарубинецкая и др.) являются в первую голову категориями анализа, а в какой мере они также являются адекватным отражением реальных связей и границ в материале (обычно все же являются), подлежит каждый раз проверке. Что те, кто упирает на заведомую и полную *реальность* этих культур, на деле не считается с *реальностью* исследовательского процесса.

В этой мысли немало справедливого — здравые констатации, ценные предостережения от наивного эмпиризма. Но не содержится ли здесь и уклон к противоположной крайности? И этот уклон не только в дразнящих, чрезмерно заостренных формулировках.

Даже при произвольно избранных признаках их корреляция не зависит от исследователя. Тут мы получаем относительную истину, являющуюся частью абсолютной истины. Но подумаем еще и о другом: так ли мы свободны в выборе признаков? Так ли всевластны в установлении иерархии? Нет ли в наших вопросах, в специфике материала, в исходной картине мира — нет ли во всем этом неких устойчивых регуляторов выбора, на которые приходится ориентироваться? Не обнаруживается ли какая-то заметная корреляция между культурными общностями, выделенными по разным критериям? Когда мы начинаем подбирать типы, увязывать их в культуры, действительно ли мы совершенно свободны в этом или на нас *оказывают давление некие образы целого? Некие, пусть не очень отчетливые*, но тем не менее сильные представления об очевидных реальностях — крупных и плотных сгустках, конфигурациях в культурном материале? Каждый, кто работал с материалом, знает, что это так. Вся история нашей науки показывает, что это так.

Вопрос лишь в том, как сделать этот механизм более отчетливым, более разумным и более надежным.

Было бы неразумно впадать в противоположную крайность и с позиций наивного эмпиризма вовсе отрицать инструментальную сторону наших абстрактов — их выводной характер, их неизбежную отвлеченность от материала и связанную с этим некоторую субъективность, односторонность, возможность ошибок, позволительность иных трактовок и т. п. Конечно, наши абстракты — это категории анализа, понятийные инструменты. Суть дела, однако, в том, только ли инструменты или также отра-

жения неких реальностей, пусть не всегда вполне адекватные отражения. Конечно, наши абстракты субъективны, в известной мере зависят от предпочтений исследователя, от избранного им ракурса рассмотрения и т. п. Суть дела, однако, в том, только ли субъективны, т. е. вполне произвольны, сугубо условны, фиктивны, или у них есть также объективная основа.

Это старый вопрос о соотношении относительных истин и абсолютной истины — вопрос, решаемый диалектическим материализмом в том смысле, что с процессом познания накопление, сопоставление и корректировка относительных истин приближают нас по асимптоте к абсолютной истине о познаваемых сторонах действительности, и, таким образом, абсолютная истина (своими частями) содержится в относительных истинах.

Конечно, если забывать инструментальную сторону и выводной характер понятия «археологическая культура», то у исследователей появляется искушение «считать свою точку зрения истинной, а все другие — ошибочными», как справедливо замечает Григорьев. Но если абсолютизировать «служебность» понятия, забывать о его объективной основе, то возникает впечатление, что все точки зрения равно правомерны.

4. Парадокс археологической культуры?

Неожиданно Захарук, остро критиковавший Григорьева, выступил в 1975 г. с повторением тезисов Григорьева, только в другой, более туманной форме и с другой, более запутанной аргументацией. Доклад Захарука, опубликованный трижды (1975, 1976, 1978), в самой пространной публикации даже названием и структурой названия повторяет вопрос Григорьева, только в иной словесной одежке: «Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая?» (Захарук 1976).

Правда, если судить по терминологии, то можно было бы подумать, что это совсем другой вопрос: ведь противопоставление «онтология — гносеология» не является перифразом оппозиции «реальность (вещи, материальные предметы) — идеи (представления, понятия, категории, отражение, сознание)». О б а раздела философии (и онтология, и гносеология), каждый по-своему, охватывает с о о т н о ш е н и я бытия с сознанием: онтология решает вопрос о первичности (существует ли материальный мир независимо от сознания, является ли сознание продуктом мыслящей материи, зависит ли от бытия, воздействует ли на него), а гносеология разбирает вопрос о возможностях и способах познания, о законах работы сознания при получении картины бытия.

Но дело в том, что у Захарука очень своеобразное представление об онтологии и гносеологии, свое собственное, индивидуальное, отличное от общепринятого в марксистской науке понимание этих терминов. Из контекста указанных работ Захарука и из более определенных высказываний в других его работах видно, что он как раз отождествляет онтологию с характеристикой б ы т и я, реальности, а гносеологию — с характеристикой с о з н а н и я, представлений о реальности. Так, «определенный фрагмент *изучаемой наукой объективной реальности*» для него «оказывается понятием онтологическим», а «научные знания о ней... гносеологическим» (Захарук 1973б:44). Следовательно, название его статьи переводится с идиоматического диалекта Захарука на общедоступную речь так: «Археологическая культура: объективная реальность или элемент нашего сознания?» Что и спрашивал Григорьев. Только у Григорьева еще и про тип...

Каков же ответ Захарука? А тот же, что у Григорьева, только не так ясно сформулированный. В тезисах к докладу (Захарук 1975: 14) сказано:

> «Статус археологической культуры определяет не объективное существование составляющих ее систему следов и останков, а их исследованность и значение как исторических источников» (тез. 9).

Оставим на совести автора грамматику и логику этого тезиса (где здесь подлежащее? что чем определяется?), равно как и грамматику тезиса 6 (нагромождение определений без определяемого)[1]. Важен итог: «Установление гносеологической природы археологической культуры» (тез. 10).

А чем он аргументирован? Попробуем вылущить суть из очень невнятно, неряшливо сформулированных и потому сложных рассуждений.

Во всех указанных работах Захарук всячески подчеркивает некую двойственность археологической культуры, ее противоречивость, парадоксальность: она и существует в реальности и не существует, она датируется давно прошедшим временем, но исследуется в настоящий момент. «Налицо парадокс», — глубокомысленно замечает автор. Правда, он скоро спохватывается: на практике что-то никто эту парадоксальность не ощущает. «Если это так, то, может быть, вообще никакого парадокса не существует, а сама проблема надуманна?» (Захарук 1978: 50). Он так не считает. Сама статья названа: «Парадокс археологической культуры», и в конце предлагается «разгадка парадокса»: «быть в настоящем в качестве свидетеля прошлого» (Захарук 1978: 53). Все три публикации развертывают эту идею.

В археологическом материале, по Захаруку, две составных части, два мира:

,) следы и останки прошлого как мертвые, статичные, лишенные прежних функций и назначения фрагменты (тез. 6) — это объективно существующие (тез. 9) и непосредственно доступные познанию реальности настоящего (тез. 4);

. 2) феномены исчезнувшей действительности, тоже объективно существующей (тез. 7), но недоступной научному познанию (тез. 4).

Этот второй мир содержит «просто культуру» прошлого — то, что аналогично этнографической культуре современности.

Оба мира, по Захаруку, имеют «онтологический» статус: они «суть категории онтологические, указывающие на объективное, независимое от познающего субъекта существование их феноменов» (Захарук 1976: 5). В первом мире нет порядка, так как функциональные связи фрагментов разорваны. Во втором мире есть порядок, система, функциональные связи, но они все в прошлом, непосредственно недоступны исследователю. Остается в отображении заново внести их в этот второй мир посредством систематизации первого мира.

Тут-то и появляется «археологическая культура». Она не принадлежит ни к тому, ни к другому мирам, она лишь связана с ними: с первым — организационно (охватывая и упорядочивая его феномены), со вторым — «генетически» (будучи следствием существования прежних обществ) (Захарук 1976: 4—5). Она представляет собой «совокупность должным образом *исследованных* и научно *зафиксиро-*

[1] Конспектируя «Науку логики» Гегеля, Ленин выписал замечание:«Логика похожа на грамматику тем, что для начинающего это — одно, для знающего язык (и языки) и дух языка, — другое» (Ленин 1914/1973:90). Не потому ли грамматика и логика так схожи, что родственны и тесно связаны? Уж если они хромают, то зачастую вместе.

ванных и приведенных в определенную систему ископаемых археологических объектов...» (тез. 8).

Откуда же берутся этот порядок, эта система, если в первом мире их нет, а из второго их не достать? Очевидно, из головы исследователя, из «гносеологии»!

В пространной публикации 1976 года позиция та же, только полностью перевернута терминология: в тезисах 1975 года автор называл первый мир настоящей «исторической действительностью», а второй мир — «ископаемой действительностью». В статье 1976 года первый мир называется то «настоящей», то «ископаемой действительностью», а второй мир — «исторической действительностью». Такие перестройки, конечно, не облегчают чтения.

В третьей публикации все то же, но под самый конец внесена поправка:

> «Если бытие (быть в наличии) отражает онтологический статус следов и останков прошлого, то их исследование отражает уже гносеологический, познавательный статус... Этими двуедиными качествами и обладает археологическая культура» (Захарук 1978: 54).

Автор, видимо, сам почувствовал неловкость от того, что отрицание «онтологического» статуса (т. е. в его понимании — объективной реальности) археологической культуры завело его слишком далеко в глубь острова Гамма, где его уже давно ожидали Форд, Мальмер и Григорьев и где он оказаться не хотел. Однако поправка осталась чисто словесной уступкой: изменена формулировка, а не содержание.

В самом деле, как же «бытие», «наличие» «следов и останков» наделяет археологическую культуру онтологическим статусом, если в них нет того порядка, без которого археологическая культура немыслима и который является в ней главным (груда артефактов, без связи и порядка, — не археологическая культура)? Какое отношение археологическая культура имеет к живым культурам прошлого, как выявляется ее «генетическая» связь с ними, если эти давние культуры с их порядком недоступны непосредственному познанию, а в посреднике — «следах и останках» — порядка нет?

Вся соль именно в том, что Захарук явно переборщил с полным отрицанием связей и порядка в археологическом материале, в следах и остатках как непосредственно воспринимаемых реальностях настоящего. Другое дело, что это не все связи и не совсем тот порядок, что были в живой культуре, но это база для реконструкции!

Не впервые в методологической рефлексии историков оказывается камнем преткновения «раздвоенность» источников — хронологическая отделенность их объективной регистрации от событий, о которых эти источники свидетельствуют. Отделенность наблюдаемой ныне, сейчас, формы источника от застрявшего в прошлом содержания. Не впервые появляется искушение исходить из идеи, что факты прошлого не являются реальностью в настоящем, что теперь они есть только в голове у историка.

В эту *западню уже полвека назад попались американские историки* (К. Беккер, И. Берд), абсолютизировавшие оторванность от прошлого, сиюминутность как следов и остатков прошлого, так и знаний о прошлом, и названные за это «презентистами». С развернутой критикой презентизма выступали и американские ученые (библиографию приводит Гуревич 1969: 71—77) и ученые социалистических стран (Шафф 1955; Кон 1959: 238—239; Ирибаджаков ,972).

Решающими аргументами против этой позиции мне представляются следующие.

Во-первых, в этой системе рассуждений разные концепты существования сведены к одному. Между тем действительно (и даже нередко реально существует) не только то, что непосредственно эмпирически воспринимается, но и то, что постигается выводным знанием.

Во-вторых, нельзя считать, что констатация источника означает только непосредственное наблюдение, а сведения о прошлом, полученные от него, — только выводное знание. На деле обе стороны источников — и констатация их современного состояния и их относящееся к прошлому содержание — обе (хотя и в разной мере) предстают в науке (и в голове исследователя) как информация обоих видов: отчасти непосредственно воспринимаемая, а в значительной части носящая выводной характер.

В-третьих, поскольку исследователь не вправе придавать сведениям источника о прошлом абсолютно любой облик, какой захочется, т. е. поскольку имеются определенные пределы толкованию, очевидно, что объективная основа информации заключена в самом источнике и сохранилась от прошлого как некая реальность. Эта реальность настоящего — часть прошлой действительности. Таким образом, прошлое было реальностью и оно действительно в настоящем.

В-четвертых, настоящее в принципе сводится к моменту, все остальное, включая каждую только что проведенную регистрацию источника, принадлежит прошлому. Если все прошлое теперь недействительно, то в каждый момент надо регистрировать источник заново (а это абсурд); если же хотя бы кончик прошлого действителен, то действительно и все остальное прошлое.

В-пятых, прошлое вплетено в нашу актуальную жизнь как несомненная реальность не только следами и остатками, но и множеством продолжающихся процессов, функционирующих институтов и вещественных предметов, нашими генами и идейным наследием и т. д.

5. Когда исходят из понятий

Есть еще одна причина, по которой разбор взглядов Григорьева и Захарука по этой проблеме представляется мне необходимым, несмотря на их исключительность как развернутых теоретических построений в советской археологической литературе. Они не случайны, и это не просто крайности. В обобщенной и заостренной форме они презентируют и последовательно выражают тенденцию, в общем все-таки заметную в советской археологической литературе последних десятилетий.

Некоторые советские исследователи настойчиво подчеркивают, что «археологическая культура» — это «условный термин» (Монгайт 1955: 13), что он имеет «служебный характер», что само понятие, лежащее в его основе, — лишь инструмент, средство для систематизации материала (Смирнов 1964: 3). С этой трактовкой, естественно, соединяются сетования на «несогласованность» определений, на «терминологическую недоговоренность» относительно этого понятия — в ней-то некоторые авторы и видят главное зло: стоит лишь условиться, «договориться» (Смирнов 1964: 9, 17) о едином значении — и проблема будет решена. Захарук (1970: 10—11) также представляет себе задачу «унификации археологической номенклатуры и терминологии» как задачу «согласования» терминов, понятий и т. п., употребляемых разными исследователями, в частности, понятия «археологическая культура».

Для тех, кому археологическая культура представляется сугубо искусственным, чисто служебным понятием, условно вводимым исключительно для удобства труда, конечно, «наличие нескольких ее опреде-

лителей... не так страшно. Ведь наличие вершков и сантиметров не мешает оценивать объективную величину предметов» (Рыбаков, цит. по А. К. 1967: 70). Итак, «определители» культуры приравниваются к условным мерам. А между тем, и вершки и сантиметры суть меры длины и вполне соизмеримы, а разные «определители» культуры построены на разных явлениях и столь же поддаются взаимному пересчету, как вершки, минуты и килограммы! (Как мы видели, между разными определениями культуры, и притом не всеми, есть связь, но совсем иного характера...). Можно было бы отнести подобные высказывания к неудачным, неточным (или неверно понятым мною) выражениям, если бы они не отражали методическую установку, последовательно проводимую в ряде разработок данного вопроса.

Еля авторов этих разработок характерен обычный в советской методологии недавнего прошлого схоластический подход к постановке вопроса. Они исходят то из вычитанных или давно заученных представлений и идей, то из конструкций, самостоятельно изобретенных (на основании каких-то впечатлений или для нужд какой-то концепции), и стараются найти определение, наиболее подходящее к проступающим из этого тумана параметрам. А затем отбирают в археологическом материале то, что должно подойти под построенное таким способом определение. Таким образом, они исходят из предвзятых представлений вместо того, чтобы исходить из объективного анализа материала.

Для них «археологическая культура» существует априорно в нашем теоретическом арсенале, в нашем исследовательском инструментарии, и надо лишь познать ее смысл, очертить ее границы и содержание, найти наиболее «правильные» и устраивающие всех формулировки — словом, ответить на вопрос: *что такое археологическая культура.* А тогда *уже нетрудно будет увидеть соответствие ей в археологическом материале.* Эти авторы, собственно, стараются выяснить не то, какие реальные отношения существуют в археологическом материале, а то, какими они должны быть, чтобы отвечать заданной теоретической категории под названием «археологическая культура». Эта заданность нередко обусловлена научной традицией, весьма эклектичной.

А. П. Смирнов с самого начала ограничивает сферу применения понятия «археологическая культура» первобытной археологией, так как соответствующие категории материальной культуры Древнего Востока, античного времени и средних веков имели, по его мнению, совсем иной смысл (Смирнов 1964: 3). Другие авторы указывали, что для палеолита соответствующие понятия — также иного содержания (Монгайт 1955: 16). Здесь нет стремления выяснить, имеются ли в разных отраслях археологии наряду с различными также однотипные в своей основе общности; за понятием заранее закреплен определенный «смысл», коему за пределами данной отрасли быть не положено.

Ясно, что такой подход широко распространен и в зарубежной теоретической археологии, коль скоро там много сторонников «условности», «служебности» таких понятий, как «тип» и «культура». Мальмер формулировал принцип априорности дефиниций очень четко. Тоска по такой априорной дефиниции пронизывает и цитату из труда Даннела, которую я предпослал эпиграфом к главе VII.

Еще Маркс отвергал подобные «схоластические» приемы исследования. Критикуя вагнеровский учебник политической экономии, он писал:

> «Естественное стремление немецкого профессора политической экономии заключается в том, чтобы вывести экономическую категорию «стоимости» из какого-нибудь «понятия»...» (Маркс 1879—1880/1961: 378). «Под всеобщей теорией стоимости он понимает мудрствование насчет слова «стоимость», что дает ему также

возможность заниматься традиционным и обычным для немецких профессоров смешением «потребительной стоимости» и «стоимости», так как обе они имеют общее слово «стоимость»... Ир понятия стоимости следует, по мнению г-на Вагнера, сначала вывести потребительную стоимость и затем меновую стоимость, а не, как у меня, из конкретного товара...» (Маркс 1879—1880/1961: 372, 376).

Этим «схоластическим упражнениям» Маркс противопоставил свой подход:

«...я исхожу не из «понятий»... Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, — это «товар». Я анализирую последний, и притом сначала в той форме, в которой он проявляется» (Маркс 1879—1880/1961: 383).

Энгельс также критиковал априорный метод,

«согласно которому свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения *их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия* предмета. Сперва из предмета делают себе понятие предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета. Теперь уже не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием» (Энгельс 1878/1961: 97).

Да, в нашей науке бытует издавна понятие «археологическая культура», но если мы хотим добиться его определения — познать свойства этого предмета, — то было бы методологически неправильно выводить их из самого понятия и подводить только такие факты в материале под это понятие, которые отвечают нашему предвзятому представлению о нем.

Вот хороший образчик такого подхода. Обратимся еще раз к уже цитированному выше заявлению Брайчевского:

«Под археологической культурой мы понимаем такие ассоциации археологических явлений, которым, безусловно, соответствуют определенные этнические единства. Культуру, которой бы не отвечала одна и только одна этническая общность людей, мы не признаем культурой» (Брайчевский 1965: 31).

Просто и мило! Как видим, данному автору не приходит на ум сначала выяснить, а отражаются ли вообще этнические общности в археологическом материале столь однозначно, чтобы такая установка стала реальной. Ему не интересно и то, какие вообще явления (помимо этнических) могут скрываться за археологическими общностями. У него уже a priori есть готовое представление об археологической культуре, и соответствующие этому представлению факты непременно должны отыскаться в материале. Горе материалу!

Такую же «археологическую культуру», хотя и не столь голословно, пытались «доказать» (не скажу «отыскать» или «изобрести», потому что она уже существовала для них априорно) Артамонов, Брюсов, П. Н. Третьяков, в известной мере Фосс (Артамонов 1949: 11—12; Брюсов 1952: 20; Третьяков 1962: 3—16; Фосс 1952: 6—7, 17—18, 64—67) и др. Что такое археологическая культура, они в принципе уже *знали заранее, и задача состояла в том, чтобы найти наиболее практичные* формулировки и уточнить детали.

У Ленина осуждается именно такой подход и как раз о подобных вопросах («что такое общество, что такое прогресс») говорится, что начинать с них — «значит начинать с конца». Исходить нужно из анализа фактов, из реальных соотношений в материале, а не сочинять a priori «общие теории», которым суждено всегда «оставаться бесплодными».

«Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, — спрашивал Ленин, — когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?» (Ленин 1894/1971: 141).

Известный советский языковед Щерба рассуждал аналогичным образом:

«Смешно спрашивать: «что такое предложение?». Надо установить прежде всего, что имеется в языковой действительности в этой области...» (Щерба 1958: 9—10).

Это не значит, что Ленин считал только индуктивные обобщения единственно закономерным путем исследования, что он советовал исходить из частностей и только затем эти частности обобщать. Вовсе нет. В другом месте Ленин пишет:

«Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя натыкаться на эти общие вопросы» (Ленин 1907/1972: 368).

Из контекста, однако, явствует, что это другие общие вопросы: не конструирование априорных общих понятий, а выработка общих методологических принципов и установление общей картины реальной действительности, с охватом широкого круга материалов.

Несовместимость двух подходов — кажущаяся. Ленин в обоих случаях исходил из методологического принципа, разработанного и примененного Марксом. Ленин говорил о логике «Капитала» и пояснял, что в этом труде «применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма» (Ленин 1915/1973: 301).

Маркс же сам изложил этот принцип так:

«Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д... Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений... Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» (Маркс 1857/1968: 36—37).

Именно этим путем я старался двигаться в этой книге, и применительно к археологическим культурам предшествующая глава представляла собой максимум абстрагирования и точку отталкивания для обратного пути. Мальмер выступал против априорных конкретных культур, не замечая, что защищает априорные же понятия о культурах. Я отстаиваю противоположный путь. В то же время, как всякое общее понятие, археологическая культура — не просто обобщение связей в археологическом материале, но и отвлечение от него, творение интеллекта, инструмент исследования и прогноза.

6. Материал и запросы

Мне представляется, что рассмотренная и подвергнутая здесь критике тенденция не случайно оказалась столь заметной и влиятельной не только на Западе, но и в советской науке. У истоков этой тенденции лежит не только небрежение к философскому образованию со стороны археологов. При всех своих слабостях отмеченный уклон имеет и объективную основу в самой исследовательской ситуации — точно так же, как и противоположный подход.

Обратившись к истории вопроса, мы можем заметить, что к понятию культуры археологи шли с двух разных сторон. Одни шли от археологического материала, от потребностей его обработки — от группировки, от выявления в этом материале каких-то совокупностей, превышающих «памятник» или «тип». Стихийно нащупывались разновидности таких совокупностей и подыскивались термины: группы, культуры, цивилизации, круги, стили и т. п. Иногда в силу особенностей материала преимущественное внимание обращалось на хронологические границы без территориальной определенности — появлялись «культуры-эпохи», периоды, горизонты и т. п. Иногда, наоборот, на первый план выдвигалась территориальная определенность: культурная провинция, ареал, очаг. Дальнейший путь — к интерпретации этих явлений.

Другие исследователи шли от исторических интересов, часто весьма узко направленных: они хотели отыскать в археологическом материале конфигурации определенных этносов, в группировке материалов узнать этническое деление оставившего эти материалы населения. Само по себе правомерное, это желание на практике, сталкиваясь со встречным направлением, идущим от группировки материала, выливалось в упрощенный рецепт: наличную в материале группировку и признать этнической. Или, в лучшем случае, опознать среди классификационных рубежей деления, которые бы можно было счесть этническими, а остальные оставить без внимания. Во всяком случае, термина «культура», по мнению этих ученых, заслуживает только этническая общность.

В какой-то мере этот спор был частным проявлением борьбы двух нормативных схем процедуры (плана) археологического исследования: индуктивной и дедуктивной, — борьбы наиболее ярко и четко выступившей в споре «новой археологии» с традиционной (см. Hill 1972). В литературе уже были предприняты попытки снять крайности и, рассмотрев проблему более широко, очертить объективно роль и место каждой из конкурирующих схем (Le Blanc 1973; Клейн 1974в). В данном случае археологи, идущие от потребностей обработки материала, имплицитно придерживались индуктивной процедуры, а идущие от исторических запросов в поисках древних этносов — дедуктивной.

Спор осложнился еще тем, что в начальный период с обеих сторон предполагалось возможным наличие только одного вида общностей; поэтому необходимым оказывался только один термин, и из всех поначалу применявшихся выжил и получил общее признание в советской археологии только один — «культура».

Между тем вскоре этого оказалось недостаточно. Чем дальше, тем больше видов общностей стало выявляться в материале, и одновременно больше запросов стало предъявляться материалу. Но в распоряжении исследователей оказался только один термин. И началось соревнование, бой за этот термин, за право приклеить его к тому или иному из намечающихся понятий. Поэтому споры о культуре выродились в талмудические толкования термина — что лучше называть культурой, что вернее называть культурой и т. п.

Рождается еретическое искушение: а если вообще отставить этот термин, что тогда?

Но как и при всяких спорах об именах, под этими спорами скрываются столкновения более важных идей, только затуманенные и смазанные. Их надо вскрыть и прояснить.

Совпадает ли принципиально культура с этносом? Если термин «культура» многозначен, а термин «этнос» неясен, конечно, можно добиться такого их толкования, при котором они принципиально совпадут, можно вообще «организовать» тавтологию, но что толку? Доказать противопо-

ложное при таких условиях тоже нетрудно, но зачем? Это будет спор о словах.

Под этим спором о соотношении этноса с культурой я склонен видеть как основу его столкновение двух подходов, указанных мною в начале, — от материала и от запроса. Идущим от запроса необходимо принципиальное совпадение. Идущим от материала тяжело на это согласиться. В тоске по согласованию (надобен же единый язык в науке!) они выдвигают компромиссные предложения — подтянуть этнос к культуре (избавить его от языка как необходимого признака) или указать среди типов культур этнические, ограничить хронологически действие закона совпадения и т. п. Это опять же споры о словах.

Из стремления непременно уложить этносы в кружево культур рождается насилие над этим кружевом, перекраиваются его узоры, меняются акценты. Частично отсюда идут разговоры об условности, «служебности» культур — так обосновывается право на перекройку, на подтягивание культур к этносам. Культура превращаетсся в нечто навязываемое материалу, а не открываемое в нем.

Между тем суть спора в том, какой из двух подходов обеспечивает более объективное, всестороннее и плодотворное исследование. На мой взгляд, *при выборе материала — подход от запросов, при обработке* материала — подход от материала.

В правильной постановке, освобожденная от борьбы за термин, эта проблема сводится к решению следующих задач:

1) нужно ли строго выделять классификацию материала в особый этап каждого исследования, предшествующий историческому истолкованию, или можно этот этап миновать?

2) выявляются ли в материале на этом этапе реальные совокупности, превышающие «тип» и «памятник», или нет?

3) если выявляются, то в каком количестве разновидностей — одна или несколько, много?

4) нужны ли специальные термины для их обозначения, вводимые на этом этапе еще до исторического истолкования и, следовательно, до увязки с этносами? И много ли таких терминов необходимо?

Как я в принципе отвечаю на эти вопросы — кажется, уже понятно.

Что же касается судьбы термина «культура», включать ли его в этот набор (и если да, то на какую роль) или оставить для этапа исторической интерпретации, то это вопрос менее важный. Я склонен к тому, чтобы включать, и притом как наиболее общее понятие, так как его обычное употребление на практике именно таково, и для интерпретационного этапа он не очень-то и нужен. Там есть большой набор терминов (этнос, народ, государство, церковь и проч.), и нашу «культуру» даже трудно сунуть в этот набор так, чтобы избежать тавтологии.

Правда, есть понятие этнографической культуры. Мы узнаем в нем почти то, что видим в археологическом материале (mutatis mutandis). Но это тоже понятие классификацционное. Сказать, что археологическая культура совпадает с этнографической, значит ничего не сказать, потому *что и на уровне этнографии вопрос о соотношении культуры с этносом*, государством, хозяйственной общностью, географической средой и проч., об основе сложения и существования культуры сохраняет ту же сложность (см. Левин и Чебоксаров 1955: Монгайт 1Э67). Хозяйственно-культурные типы, историко-этнографические общности и этнические культурные общности то совпадают в своих границах, то нет. Более того, они еще вдобавок часто не различаются типологически — по составу своих приз-

наков. Пока неясно, как распознать те или иные из них в археологическом материале и можно ли распознать.

Положение Каменецкого (1970:33—36) о том, что вероятность совпадения археологической культуры с этносом повышается с древностью, выглядит правдоподобным, но доказано лишь спекулятивно-теоретически и нуждается в фактологическом обосновании.

Некоторые археологи в сердцах ставят вопрос так: если культуры — не этносы, то к чему их тогда изучать и не теряет ли археология смысл (Ляпушкин 1961:6). Такие отчаянные отказы представляются мне крайними преувеличениями и упрощениями. Разве изучение судеб этнографических культур, их связей и развития не интересно само по себе для историка и разве оно позволяет судить об исторических процессах только при условии обязательного и всеобщего совпадения с этносами? Нет, не только. И без того в конфигурациях культур будут видны общие черты группировки населения, заметны неравномерности в развитии, проступят связи и контакты, миграции и влияния, прогресс и застой, многие события конкретной истории.

Решая, какие понятия, какая система понятий нам нужны, надо исходить и из специфики нашего материала и из характера наших исследовательских задач. Надо непременно учитывать оба эти фактора. Если мы будем учитывать только специфику материала, его дискретность, мы незаметно для себя подменим глубокий материализм пошлым и плоским позитивизмом; если будем исходить только из задачи — впадем в уклон к доктринерскому дедуктивизму неокантианского толка (говоря так, я, конечно, не забываю, что материализм бывает не только глубоким, позитивизм — не во всем пошлый, а неокантианство содержит и плодотворные идеи).

Во всяком случае, те археологи, которые к выявлению общностей, больших, чем тип и памятник, шли от материала, видимо, оказались ближе к тому «серьезному фактическому изучению» конкретных общностей, «реальных соотношений в материале», которое, по мысли Ленина, должно предшествовать определению общих понятий.

Глава X

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА?

(Проблема содержания и объема)

...Ни из чего не видно, что сосчитывая два равные по количеству множества, мы непременно получим в обоих случаях одно и то же порядковое (...не количественное) число; о возможности же всегда, при равных множествах получать один и тот же кратный тип порядка — говорить тем более не приходится.

П. А. Флоренский (1922—1971: 509).

1. Исходя из реальных соотношений

В советской археологической литературе есть лишь несколько попыток подойти к общей проблеме выделения археологических культур, отталкиваясь от специального изучения группировки памятников конкретной культурной общности. Одна такая попытка, основанная на изучении катакомбных памятников бронзового века, принадлежит автору этих строк (Клейн 1962; 1970б); из общей проблемы она берет сравнительно ограниченную задачу (поиск критериев объема понятия). Вторая попытка осуществлена Генингом (1962; 1970, гл. 5, § 2:175—188) на материале пьяноборской культуры Прикамья; исследователь занят задачей отыскания объективной, содержательной основы для комплексного критерия выделения культур. Третью попытку предпринял Захарук на материале культуры воронковидных кубков и, главным образом, трипольской культуры; его статья представляла собой интересную, основательную разработку стержневых вопросов общей проблемы определения культуры (Захарук 1964).

Еще два автора — Гурина (1970) и Крижевская (1970) — озабочены в своих попытках подбором и сортировкой показателей, которые позволили бы выделять в лесном неолите культурные общности разного ранга по керамике. Высказывания этих исследовательниц не сопровождаются детальными разработками материала и развернутой аргументацией.

Обратимся к трем первым попыткам. Некоторые их особенности весьма примечательны.

Так, любопытно, что авторы всех трех исследований, специально посвященных проблеме археологической культуры, старались на протяжении почти всего текста своих работ обойтись если не без этого понятия, то, по крайней мере, без этого термина. Не потому, что в материале не оказалось явлений, которые бы могли оправдать существование такого понятия в той или иной форме, а потому, что таких явлений, видов таких явлений оказалось слишком много.

Тут-то и обнаружилось, что за последние десятилетия материал не только количественно возрос, но и усложнился, и сильно обогатились исследовательские возможности и интересы. А набор классификационных понятий остался почти тем же, что в начале века. Мы пытались обойтись одним понятием «археологическая культура» там, где нужна целая система взаимно координированных понятий (Клейн 1970б:50). К аналогичному выводу пришел Шер (1966).

Далее, в этих разработках (могу судить, по крайней мере, по своему опыту) оказалось грубо ощутимым, что вопрос выделения (а вместе

с тем — и определения) археологических культур не является ни терминологическим, ни инструментальным (вопросом о создании наиболее удобных рамок для группировки объектов). Существование и своеобразие донецкой катакомбной, пьяноборской и трипольской общностей не подлежало ни малейшему сомнению ни для авторов этих разработок, ни для их коллег и оппонентов. Точно так исследователям лесного неолита не требовалось проверять, схожи ли между собой памятники Каргополья и отличаются ли они от волосовской и льяловской общностей.

Более того, не вызывало особых забот даже проведение границ между всеми этими общностями, хотя уж тут-то в накопившихся результатах существовали некоторые неясности, недоделки, затруднения. Не везде границы были выявлены эксплицитно, методически грамотно, обоснованно, с расчленением механически смешанных, переплетенных и взаимоналагающихся, но типологически разнородных ассоциаций. Не всегда и обособленность одних групп от других в самом материале была четкой — с резкими рубежами, с совпадением разных показателей. А при размытых границах, с плавными переходами от одних общностей к другим, далеко не во всех случаях условные границы были нарезаны рационально и осознаны как условные. И тем не менее все это меньше волновало исследователей.

Основной спор шел, как правило, не о существовании общностей, не о реальности их границ (в пространстве и времени) и даже не о точности их проведения, а об их сравнительной ранговой оценке. К этому сводился на практике вопрос о выделении конкретных археологических культур. «Катакомбная культура или катакомбные культуры?»— гласило название одной из моих статей по этому вопросу (Клейн 1970). «Одни исследователи считают, что все памятники на территории всего Прикамья в послеананьинское время необходимо объединять в одну пьяноборскую культуру», — констатировал Генинг (1970:175), приводя перечень этих исследователей (Худяков, Прокошев, Смирнов, Калинин, Мажитов), — «другие же находят возможным выделять здесь две культуры: гляденовскую в верхнем и пьяноборскую в нижнем течении Камы» (следует перечень: Шмидт, Бадер, Оборин). А сам Генинг выделяет в пьяноборской общности четыре культуры: чегандинскую, караабызскую, осинскую и гляденовскую. По отношению к трипольским памятникам ставился вопрос: являются ли усатовская, горо́дская и еще ряд подобных культур позднетрипольскими или послетрипольскими. И т. д.

Этот вопрос, собственно,расчленялся на два: конкретно-археологический и теоретический.

В моем случае к о н к р е т н о - а р х е о л о г и ч е с к а я задача сводилась к следующему: выяснить, есть ли у катакомбных памятников некая специфика и в чем она состоит; подтверждается ли выявленная на глазок обособленность этой ассоциации при более строгом формальном исследовании; какова реальная группировка этих памятников — обнаруживаются ли некие более частные общности и какие именно, примерно равного ранга или с иерархическим соподчинением, сколько их — словом, каковы реальные соотношения между комплексами и между группами комплексов в материале.

Т е о р е т и ч е с к а я оценка полученных соотношений сводилась прежде всего к тому, чтобы установить, следует ли рассматривать намечающуюся группировку как выявление вариантов (скажем, локальных) в катакомбной культуре или как расчленение общности, принимавшейся за единую культуру, на несколько катакомбных культур — донецкую, предкавказскую и др. Собственно, это тоже не вполне теоретический вопрос: он зависит и от конкретных соотношений катакомбных памятников

нашей территории с памятниками отдаленных земель, от генетических связей отдельных катакомбных групп (одни и те же или нет) и т. п. Но в нем есть теоретическая основа — вопрос о том, как отличать вообще культуры от вариантов.

На первый взгляд, это все-таки чисто терминологический вопрос: как назвать те или иные общности; которые из них заслуживают названия «культур» — более обширные или более узкие. И действительно в этом вопросе есть терминологический аспект, но это поверхностный аспект — так сказать, верхний слой вопроса. Под ним залегает второй слой: ведь вопрос о том, заслуживают ли те или иные общности н а з в а н и я «культур» означает: заслуживают ли они з в а н и я культур, а это вопрос не чисто терминологический. Это вопрос о том, какие вообще группировки бывают или могут быть в материале. Общности каких рангов. И сколько таких рангов можно предполагать или должно быть установлено (ну, и, конечно, с которым из этих рангов рациональнее связать термин «культура»). Но вопрос о рангах, о сравнительной оценке важности, значительности границ сводится к вопросу о критериях такой оценки — об определении понятия «культура», о выборе и взвешивании характеристик, об их качестве, интенсивности и количестве. Что же это за характеристики, которыми различаются археологические культуры? Элементами системы археологической культуры являются прежде всего типы. Стало быть, речь идет о них. Так открывается третий слой первоначального вопроса, совсем не терминологический, а формально-типологический. Но чем определяется этот выбор характеристик, их вес, их значение? Очевидно, конечными целями исследования — культурными значениями типов, теми самыми, которые неизвестно как постичь. Это четвертый, самый глубинный слой в поставленном вопросе, самый глубокий его аспект — содержательный.

Формально-типологический и терминологический аспекты рассмотрены выше. Займемся тем, что осталось.

2. Провинция — культура — вариант

Совершенно очевидно, что археологическая культура — основная ячейка археологической группировки (классификации в широком смысле) на уровне, соответствующем выделению обособленных групп человечества — отдельных обществ, социальных организмов, государств, этносов, религии и т. п. Вскоре после того, как археологи открыли существование этой ячейки, им пришлось убедиться в том, что это ячейка нежесткая, нестандартизированная: одни культуры — «большие», другие — «маленькие», одни охватывают огромные территории, другие представлены одним-двумя комплексами, одни растянуты на тысячелетия, другие мимолетны, одни замкнуты в сплошном ареале, другие разбросаны клочками, та культура однородна, эта выглядит пестрой совокупностью комплексов или разделенной на группы и не очень тесно связанной в единое целое. Появилось естественное желание как-то стандартизировать, нормализовать основную ячейку, придать ей некие нормативные границы. Но это все равно что объявить: не все культуры — культуры. То есть пришлось признать, что и на уровне культур есть своя группировка: культуры соединяются в более крупные совокупности и делятся на более дробные подразделения.

Поначалу это не было закреплено жесткими критериями и не было оформлено понятийно и терминологически. Когда надо было расчленить исследуемую культуру, говорили о ее частях, районах или группах памятников, о ее этапах или просто: «раннее триполье», «поздняя линейно-ленточная». Когда надо было соединять ячейки, говорили о груп-

пах культур или о кругах культур или просто во множественном числе: «культуры кубков».

Трехранговая схема культурной классификации сложилась стихийно— как простое оформление этой традиции. Никто не задумывался над тем, сколько на самом деле рангов в естественной, внутренней организованности культурного материала археологии. Все, что крупнее культуры, стали упорядочивать ячейкой более высокого ранга, все, что мельче культуры, — ячейкой рангом ниже. Итого три. Чем фиксирован основной, средний ранг, чем должна культура отличаться от смежных ячеек — рангом выше и рангом ниже — оставалось неясным и решалось интуицией.

Можно было бы думать, что налицо просто недоговоренность между археологами о том, какие виды археологической общности именовать культурами, какие — вариантами культур и т. п.

Но и в этом случае спор нельзя было бы считать чисто терминологическим — столкновением разных терминологических систем. Бывает, конечно, что безразлично, как назвать понятие, — лишь бы под этим термином все понимали одно и то же. Поскольку, однако, в нашем распоряжении не отдельные случайные термины, а системы взаимосвязанных терминов (ср. «вариант культуры» — «культура» – «провинция» или «группа культур» и т. п.), выбор их не совсем безразличен. С каждым из этих терминов связано определенное, закрепленное традициями отношение к объекту, определенное понимание степени его самостоятельности и связанных с ним исследовательских задач. Поэтому не все равно, назвать ли, скажем, предкавказскую группу «предкавказской катакомбной культурой» или «предкавказским вариантом катакомбной культуры». В первом случае мы уже самим названием в какой-то мере предопределили бы, например, что вопрос о происхождении этой группы надо решать как самостоятельный вопрос, хотя бы и потребовались сопоставления с другими, родственными, схожими группами. Во втором случае этот вопрос решался бы в рамках более общего вопроса о происхождении катакомбной культуры, составляя его ответвление, его часть, или он даже решался бы сам собой в итоге решения этого более общего вопроса о происхождении катакомбной культуры.

Действительно, неразработанность понятия «археологическая культура» состоит еще и в том, что совершенно не определен объем понятия — не нормирована величина подходящих под него конкретных общностей, необходимая и достаточная степень их однородности, плотности, густоты роения их элементов, «жирность» их внешних (территориальных и хронологических) границ. Неясно, сколько специфических признаков, объединяющих определенную группу памятников и отличающих эти памятники от соседних групп, следует считать достаточным для того, чтобы можно было констатировать самостоятельную культуру. В связи с этим возникают недоразумения при попытках установить таксономические, а вместе с тем и терминологические различия между культурами и их хронологическими вариантами (этапами), во-первых, и культурами и их локальными вариантами, во-вторых (Артамонов 1949:11; Бадер 1950:64—65; Брюсов 1952:11—12; 1956:15—16).

Впрочем, некоторые опоры в решении подобных вопросов существуют. Так, например, вполне естественно, что по отношению к каждой из общностей, которые различаются между собой лишь одним, хотя бы и существенным признаком или же большим количеством мелких черточек, термин «культура» обычно не применяется — они трактуются как варианты одной культуры. С другой стороны, общность, которая связана только одним, хотя бы и существенным признаком или несколькими незначительными признаками, тоже не заслуживает названия культуры —

ее уместнее именовать группой культур, зоной или провинцией и т. п. Но даже при этой фиксации крайних точек все еще остается достаточно свободного места на шкале типов археологических общностей для движения терминов «группа культур», «культура», «вариант культуры» вверх и вниз.

Преодолеть произвол вознамерился Д. Кларк. В 1968 году он предпринял грандиозный опыт формализации и математизации археологической теории, предложив в числе прочего количественные нормативы для определения типа артефактов (Clarke 1968:198), рассмотренные выше (гл. III. § 5). Кларк сугубо абсолютизировал количественную сторону: его не интересует при определении типа, не только какие показатели свойств учитываются, но даже сколько их. Его интересуют только количество позитивных состояний каждого свойства и процент их встречаемости: 30—60-процентный фенон есть тип.

Многоэтажная теоретическая конструкция Кларка отличается сугубой регулярностью: на всех этажах, на всех уровнях интеграции более сложные ячейки складываются из более простых по одним и тем же правилам. Муберг сказал даже, что «"иерархия" Кларка — это продукт повторения одного и того же рассуждения на 200 страницах» (Discussion... 1970:360). Археологическая культура Кларка во всем повторяет тип: на более высокий уровень спроецированы те же структурные схемы, те же процедуры, та же терминология. Естественно было бы ожидать, что сюда будут перенесены те же количественные нормативы и для констатации культуры потребуется от 30 до 60 % встречаемости типов. Но этого требования нет!

Произвольно установить лимиты помешала традиция: вряд ли удастся радикально перекроить карту выявленных культур. И Кларк предпочел нормировать культуру, исходя из желательности ее соответствия этнографическому племени — радиусом ее ареала от 20 до 200 миль, предположительным количеством ее носителей — сотни и тысячи людей, но не десятки тысяч (Clarke 1968:331, 365). Он отметил, что, по данным этнографов, в материальной культуре живого этнографического племени, которому должна соответствовать археологическая культура, совпадения типов в комплексах охватывают обычно от 65 до 95 % материала, но смущает, что весь археологический материал представляет примерно лишь 15 % материала живой археологической культуры (Clarke 1968: 365—388), а пропорциональность переноса отношений полной культуры на сохраняемую в археологическом материале часть не гарантирована.

У Кларка есть рамки для более крупных и слабее связанных общностей: *культурная группа* (или, точнее, *группа культур*) с 30—65 % совпадений, *технокомплекс* с 5—30 % совпадений. Есть и более плотная ячейка — *субкультура*; для нее остается уровень совпадений свыше 95 % или, может быть, свыше 87 % (ср. Clarke 1968:188, 372).

Но ведь все это основано на нормативах, вычисленных по материальной культуре племен американских индейцев, а где гарантия, что эти нормативы имеют универсальное значение? Кроме того, как разумно ограничить список типов, свести их к единообразию, отбросить несущественные, уравнять остальные, и можно ли все это сделать, не искажая культурных соотношений?

Так что надежные и разумные количественные критерии и Кларку не удалось установить.

В советской археологии понятийное осознание той же проблемной ситуации и ее терминологическое оформление начали Воеводский и Формозов (1950:52—54; см. также Формозов 1959:23,115—116), предложив термины «культурная область», «зона» и «провинция». Их под-

держали другие археологи; при этом они безразлично употребляли все три термина для ячейки высшего ранга. Но Формозов (1959:11—24, 115—116) детализировал различия в их функциональном назначении. У него *«культурная область»* — это объединение нескольких археологических культур на основе этнографического сходства, позволяющего (по убеждению автора) судить об этническом или генетическом родстве, — таков же «культурный круг» Чайлда (Childe 1956:142); *«культурная зона»* — объединение нескольких культур на основе сходств, не имевших этнического характера, а свидетельствующих лишь об одинаковости занятий населения, — таков же «технокомплекс» Д. Кларка; *«культурная провинция»* — район, в котором на протяжении длительного времени несмотря на смену ряда культур сохраняются некое единство, специфичность и общие традиции, — нечто близкое к этому представляет «котрадиция» американских археологов (Bennett 1948). Все же в качестве наиболее подходящего термина для надкультурной общности безотносительно к этническому истолкованию удержалась «провинция».

Но когда я использовал термин «провинция» в этом смысле и, различая «катакомбную культуру» и более обширную «катакомбную провинцию», предложил «среднеднепровскую группу не включать ни в катакомбную культуру, ни в катакомбную провинцию», то это было «исправлено» в редакции «Советской археологии» так: «...ни в ее провинцию» (см. Клейн 1962:38; ср. 1970:165, прим. 1). То есть слово «провинция» было понято в смысле «периферия», «окраины». Это показывает, что в общем вся эта терминологическая схема оставалась не очень употребительной и известной.

Постепенно, однако, она привлекла больше внимания, и в ее трактовке появились новые особенности.

Во-первых, наметилось *стремление найти фиксированные критерии* для рангового распределения общностей. Так, Массон, используя идею Д. Кларка, предложил исходить из статистической сочетаемости типов: для локального варианта принять критерием 100—50 % совпадений «в сочетаемости типов по изучаемым памятникам», для культуры — 50—30 % «для культурной общности» — 30—20 %. «Разумеется, эти величины должны быть уточнены в ходе конкретных исследований» (Массон 1972:10). А что тут «уточнять»? Ведь цифры взяты, в отличие от Кларка, не приблизительно (ориентируясь на некие объективные рубежи), а произвольно.

Во-вторых, коль скоро подчеркивается произвольность всей трехчленной схемы, возникло впечатление о ее недостаточности. Как и у Д. Кларка, был добавлен четвертый, высший ранг, хотя использованы введенные ранее термины: вытянулись в одну линию «вариант» — «культура» — «культурная область» — «зона» (Формозов 1972; Гладилин 1973). Формозов (1972:13) поясняет: «Думается, что так же, как в биологии, существует подразделение на виды, роды, семейства и т. д., для археологии необходима подобная градация локальных вариантов разного территориального охвата, включающих, а не отменяющих друг друга (культура, культурная область, зона и т. д.)».

Именно эта тенденция издавна и последовательно развивалась археологами-американистами США. Принимая за исходную ячейку не археологическую культуру, а памятник (или резиденцию, комплекс, компонент), они двигались от него, естественно, не в обе стороны, а в одну, и воспринимали его не как среднее звено триады, а как концентр, наращивая на нем ячейки все более обширные, все более высоких рангов. Обычно их четыре: у Глэдвина фаза — ветвь — ствол — корень (phase — branch — stem — root), у Мак Керна фокус — аспект — фаза — конфигурация (focus — aspect — phase — pattern), у Хейзера фация —

провинция — фаза — горизонт (facies — province — phase — horizon). Но у Филипса и Уилли рангов только два: компонент и фаза, соответственно в территориальном делении — регион и ареал (region, area) (Gladwin and Gladwin 1934; McKern 1939; Heizer 1959; Phillips and Willey 1958).

На самом же деле количество возможных рангов на этой шкале зависит от размера шкалы (т. е. от охваченной территории, с чем связана глубина различий в культуре) и от широты шага между делениями шкалы. Безотносительно к избранной системе невозможно установить, правомерно ли именовать такую-то конкретную общность «фазой», к ячейке какого ранга она относится и сколько еще рангов расположено над нею. Таким образом, фазы, фации, аспекты и т. п. фиксированы на шкале культурной иерархии не более прочно и привязаны к конкретным общностям не более объективно, чем культуры, варианты и провинции.

С другой стороны, так ли необходима постоянная и жесткая субординация среди археологических общностей? Надо ли вводить для них какую-то «табель о рангах», как это упорно пытаются сделать некоторые археологи?

Идеалом для них служат биологические классификационные схемы — ясные, строгие, логически единообразные, фактологическим оправданием — строгая система родо-племенной организации, зафиксированная у многих первобытных племен: союз племен и народность — племя — фратрия — род — семья...

Что касается этого оправдания, то, во-первых, далеко не у всех народностей эта система носила такой строгий и жесткий характер: роды разрастались и превращались в племена, переводились в другие племена, союзы племен изменяли свой состав и границы, во многих местностях вообще такой субординированной организации не было, а были более сложные взаимоотношения между первобытными общинами (Морган 1934:30—108; Knabenhaus 1919; Бутинов 1951). Во-вторых, эти ячейки относятся к этнической сфере, а выше уже говорилось о недоказанности прямого и адекватного отражения этой сферы в археологическом материале.

Остается ссылка на опыт биологических наук. Но ведь в живой природе вид обособляется генетически (нет межвидовой гибридизации) и экологически; при сегментации естественный отбор быстро устраняет промежуточные формы. Биологические семейства, роды и виды в норме не смешиваются между собой, не обмениваются признаками, не переживают резких и быстрых трансформаций. Иное дело — человеческое общество. Здесь все гораздо сложнее, гораздо более сопряжено с диалектическими противоречиями.

Незачем уподоблять археологическую классификацию жесткой армейской субординации, которую напоминает классификация биологическая. Вид не может входить одновременно в два рода, в разные семейства. Батальон не может быть частью одновременно двух полков или дивизий. Но одна и та же археологическая группа по одному набору признаков может рассматриваться как вариант одной культуры, по другому набору — как вариант другой. Классификация должна быть достаточно гибкой, диалектической, чтобы служить орудием исторического исследования. Принцип Линнея здесь не подходит: надо учесть не только различные разновидности генетического родства человеческих обществ, более сложные, чем те, с которыми имеет дело биология, но и длительные контакты, изменявшие облик культур.

Одна и та же культурная группа может уходить корнями в разные предковые культуры и уже хотя бы поэтому состоять в качестве локаль-

ного варианта в разных более широких общностях одновременно — может быть, именно так обстоит дело, например, с полтавкинской группой. Включая полтавкинские памятники в катакомбную культуру, мы вовсе не зачеркиваем возможности считать их одновременно вариантом (локальным или хронологическим) какой-то другой культуры — ямной или срубной или даже их обеих.

Кроме того, история человеческих обществ гораздо разнообразнее и богаче жизни биологических видов. Все индивиды одного вида в одинаковых условиях ведут себя одинаково. Дробить вид и изучать его отдельные части бессмысленно. Животные и растения не имеют биографий. В изучении человеческих общностей важно и интересно не только установление общих закономерностей. Зачастую здесь степень конкретизации зависит от размеров осведомленности и имеет пределом сегодняшнюю изученность материала — величину отнюдь не постоянную. Это значит, что та общность, которая вчера рассматривалась как вариант культуры, сегодня уже вправе называться культурой: задачи исследования ее приобрели вполне самостоятельное значение, в ней выделяются, в свою очередь, варианты и т. д.

В этом свете замена *«культуры* ямочно-гребенчатой керамики» *«культурами* ямочно-гребенчатой керамики», происшедшая в последние десятилетия, вполне закономерна. Нечто подобное произошло с катакомбной культурой (Клейн 1970а), затем с ямной (Клейн 1975в).

При этом, конечно, вовсе не исчезают задачи синтеза, задачи изучения общих закономерностей, присущих бывшей «культуре», ставшей «группою культур». Просто эти закономерности уже не рассматриваются как последний доступный нашему наблюдению уровень исторических процессов. Под ним появился еще один, стало быть, прежний поднялся на ступеньку выше.

Но это означает, что в принципе всякая археологическая общность может рассматриваться как «вариант культуры» по отношению к более широкой общности (или общностям) и как «культура» или даже «группа культур» по отношению к своим подразделениям. Предпочтительность того или иного наименования в каждом отдельном случае зависит от степени самостоятельности исследовательских задач, от характера концентрации исследовательских интересов в данной отрасли науки, в изучении данного круга источников. Здесь проявляется тот «принцип иерархичности», который недавно осмыслен как один из устоев системного мышления (Mesarovic a. o. 1970; Садовский 1972:134; 1974:234—235) и раскрыт как следствие «принципиальной релятивности системных отношений» (Садовский 1974:212).

В этом смысле термин «археологическая культура» отличается от термина «археологическая общность» только тем, что первый — относительный, а второй — безотносительный. Собственно, на практике именно так и обстоит дело: трудно назвать такую археологическую общность, к которой не применялся бы термин «культура». И это достаточно удобно.

Не назвать ли нам кошку Кошкой?

3. Объединять или разбивать?

Установление ранговой позиции археологической культуры (и ее принципиальной относительности в этом плане) тесно связано с выбором методических директив группировки: в каком направлении двигаться и сколь далеко. Некоторое приближение европейских шкал, сбалансированных на осевом положении «археологической культуры», к амери-

канским шкалам, построенным на продвижении от отдельного памятника, не случайно: в нем сказалась возросшая авторитетность «принципа объединения» в европейских культурных классификациях. Этот принцип как раз требует продвижения от отдельного памятника к группам и неразрывно связан с пресловутыми операциями «поиска аналогий», «подбора аналогий» — операциями, засилье которых в традиционной археологии красноречиво выражено афоризмом Чжана Гуанчжи: «вся археология и есть аналогия» (Chang 1967:109).

В чем состоит этот «принцип объединения» памятников? Берется один памятник, подыскиваются аналогичные ему по соседству и группируются вокруг него, к ним присоединяются более отдаленные по территории (и облику!) и т. д. Территория общности все расширяется во все стороны, пока не окончатся сходства, не оборвутся связи и не будут найдены границы.

Этот принцип коренится в нескольких особенностях современных археологических исследований. Во-первых, при сильно возросшей дифференциации науки и не наладившемся у нас выделении археологов-теоретиков (какими были Монтелиус, Коссина и Чайлд), практически каждый археолог в течение ряда лет занимается полевым исследованием одного памятника, и для него отправляться в индуктивных поисках от этого памятника, подыскивать ему аналогии, становится естественным. Во-вторых, дискредитация догматизированной «теории стадиальности» без замены ее новой археологической теорией привела к известному восстановлению престижа эмпирического метода. А для этого метода постепенное расширение частных исследований является одним из главных требований.

Может показаться, что это требование находит поддержку в приведенном выше высказывании Ленина о невозможности «подойти к серьезному фактическому изучению» общей категории, не изучив «ни одной» частной ее разновидности. Однако это не так. Во-первых, у Ленина идет речь об определении понятия, а не о выделении его конкретных образцов. Во-вторых, противоположным для слов «ни одной» вовсе не обязательно должно оказаться: «одну», — может быть и «многие». Именно марксистская диалектика требует ведь рассмотрения всех явлений во взаимосвязи и взаимозависимости: «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему... всякое отдельное тысячами переходов связано с другого ***рода*** отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» (Ленин 1915/1963б:318). Это с необходимостью влечет за собой иной подход — цельный охват всей картины, широту взгляда, движение от общего к частному и, что важнее, от общего к главному. Маркс отмечал в «Капитале» еще одну сторону этого вопроса.

> «...Если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой... внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах» (Маркс 1894/1962:395—396).

В археологической классификации общая слабость принципа движения от частного находит специфическое выражение в следующем. Культурные общности далеко не всегда окружены резкими территориальными границами и «ничьей землей», они нередко соединяются плавными переходами, со взаимопроникновением, полосой смешанных комплексов и т. п. При движении от центра через такую зону и постепенном убывании признаков исследователю очень трудно решить, где же остановиться. Он иной раз и не останавливается. Новая общность присоединяется к прежней. Другим поводом для присоединения соседней общности как варианта той же культуры служит обнаружение каких-то знакомых элементов. При дальнейшем движении исследователь попадает в третью

общность, где этих элементов уже нет, но зато есть явные общие черты со второй общностью — естественно, и она присоединяется к той же культуре, и т. д. И когда, наконец, кто-то удосужится провести проверку и захочет установить общие для всей этой культуры черты, то выяснится, что таковых нет, так как скреплены между собой связями лишь соседние звенья. Такими, в частности, оказались катакомбная и ямная культуры традиционных представлений (Клейн 1970б, 1975).

Очевидно, что избегнуть подобных ошибок можно лишь руководствуясь противоположным принципом классификации — ***принципом выделения*** ячеек, ***разбиения*** множества. Что же касается «методики аналогий», то ее уже не раз жестоко критиковали за логическую бездоказательность, интуитивность и субъективность (Binford 1972:70; Каменецкий и др. 1975:10—11, 16).

Бесперспективный (в качестве руководящего) «принцип объединения» памятников находит три частных выражения в разработках понятия «археологическая культура».

Первое заключается в том, что памятник (в лучшем случае комплекс или резиденция), а не тип претендует на роль основного структурного элемента археологической культуры.

Второе можно видеть в том, что почти все определения археологической культуры строятся на указании о б щ н о с т и признаков, сходства черт, единства и т. п. и не включают указания на о т л и ч и я данной группы от других (несколько редких исключений — дефиниции Чайлда, Удальцова, Клейна, В. С. Сорокина).

Третье выражение этого принципа имеет вид правила, что «нельзя выделять культуры по единичным памятникам» (Смирнов 1964:7). Точнее было бы сказать: единичные памятники нельзя объединять в культуры. Действительно, если памятник один, то с чем же его объединять?

Эта установка — непременно «объединять» — приводит иногда к любопытным казусам. Приведу один такой казус из своей педагогической практики. Студент, которому было поручено провести классификацию памятников, сумел «объединить» их в несколько групп. Но после этого у него еще осталось четыре памятника, столь своеобразных, что они «объединению» не поддавались. Как быть? Группу они не составляют (слишком различны), каждый из них отдельно не может считаться результатом «объединения» (один памятник — не группа) и не может быть поставлен на одну доску с группами. Студент разрубил Гордиев узел, разбросав эти памятники безразлично по выявленным группам и все дальнейшие обобщения проводил уже по материалам «укрупненных» таким способом групп...

Смягченным проявлением той же недооценки одного памятника в качестве полномочного представителя особой культуры является обычное воздержание от констатации особой культуры, если она представлена небольшим количеством памятников. Предпочитают говорить о «группе», «памятниках такого-то типа» и т. п. в ожидании, пока материала накопится достаточно для провозглашения новой культуры. А сколько это — достаточно?

Если же исходить из идеи *выделения,* р а з б и е н и я множества ячеек, то и один памятник может оказаться самостоятельной классификационной единицей наряду с группами. Правом на выделение будет служить его отличие от других. Правда, по одному памятнику трудно судить, какие его признаки являются индивидуальными для этого памятника, а какие — общими для представленной им группы (выяснится потом), но это затрудняет не задачу выделения, а лишь

задачу определения, характеристики и внутреннего членения представленной им группы.

Я отнюдь не хочу сказать, что объединение, «группирование» в узком смысле (или «классификация снизу»), по Харвею (1974::322—327), есть дурная процедура, и на нее должен быть наложен запрет. Обнаружение близко схожих комплексов и *объединение* их в одну группу — неплохой первый шаг в поисках места «своего» памятника среди других. Но уже это есть в то же время и *выделение* данной группы из среды всех памятников, только выделение ограниченное, упрощенное, не по всем возможным критериям, без учета разнообразия отношений данной группы к другим, без учета ее позиции в иерархии. Желательно поднять такую операцию на более высокий уровень, расширив кругозор, охват материала и связей, введя как можно раньше ориентировку на как можно более обширную совокупность материала. Словом, не заходить слишком далеко на пути от памятника, как можно раньше наложить на полученные результаты структуру, возникающую при противоположном движении, и превратить те результаты в ее компонент.

Я совсем не против объединения комплексов, я против того, чтобы оно было руководящим принципом, методической директивой.

Конечно, и разбиение, «классификация сверху», если эту процедуру абсолютизировать, может привести к бесполезным и даже абсурдным результатам: вся совокупность материалов будет охвачена одной богато разветвленной схемой, будут учтены все замеченные признаки, но на конце каждой веточки окажется по одному памятнику.

Здесь проблема выбора между объединением и разбиением оборачивается другой проблемой: сколь далеко есть смысл заходить в разбиении (*или, соответственно, с какого уровня начинать объединение*), *какие* ячейки выделять в качестве конечных для разбиения (или исходных для объединения). Иными словами, предпочитать ли вообще для исследования более дробные или более крупные ячейки, более разветвленную, мелочную или более простую, грубую классификацию. Это старый спор «дробителей» (splitters) и «в-кучу-сгребателей» (lumpers) в американской археологии (Kidder 136:XXV, XXVII, 626; Reiter 1938:489—490; Judd 1940:430; Rinaldo and Martin 1941:655; Brew 1946:55; Taylor 1948:126—127).

Абсурдность возможного результата предельного разбиения вроде побуждает признать правоту «в-кучу-сгребателей». Однако абсурдным этот результат окажется лишь в том случае, если все веточки разойдутся непосредственно от одного центра и все их концы будут одинаково от него удалены, то есть если не удастся добиться многостепенности. Если же иерархия будет установлена, то совокупность отдельных памятников, связанных такой сетью отношений, отнюдь не равноценна как материал для выводов сумме тех же памятников, рассматриваемых по отдельности, изолированно! Имея дело с такой сетью, исследователь в состоянии обобщить характеристики любой объективно связанной группы на любом уровне иерархии.

Правда, вес признаков, становящихся критериями выделения, а вместе с тем и ценность выделения, значимость выделяемых групп убывают по мере продвижения к отдельным памятникам и за каким-то пределом, чаще всего далеко не доходя до отдельных памятников, практически сводятся к ничтожным величинам, а то и к нулю. За этим пределом классификация становится бессмысленной, исследователь делает массу лишней работы, погрузившись в которую может завязнуть. Что ж, в логике и математике уже выработаны некоторые «правила остановки» (stopping rules). Приметами бесполезности дальнейшего продвижения

могут служить: исчезновение различий в классоделительной способности разных признаков, утрата возможностей культурного истолкования оставшихся расхождений между объектами и т. п.

Все же и в советской археологии раздаются громкие голоса «в-кучу-сгребателей». Намечается тенденция повернуть от изучения «микрокультур» к изучению обширных культурных областей.

Так, Формозов, критикуя увлечение археологов выделением «все новых и новых» узколокальных культур и возражая против «излишней детализации в изучении культур», пишет:

> «Легко понять, к чему должно привести это направление исследований. Очевидно, микрокультур будет выделено столько, что даже специалист-археолог не сможет запомнить не только их характерные черты, но даже их названия. А что это *реально даст для понимания древней истории, кроме уже установленного... факта* существования узколокальных племенных культур...? Мы не можем проследить историческую судьбу каждой небольшой группы первобытных людей... Следовательно, принятое в настоящее время направление исследований может дать для восстановления истории первобытного человечества меньше, чем изучение больших групп родственных культур, исследование их происхождения, изменения их границ на протяжении времени и т. д.» (Формозов 1959:8—Э).

В ленинградской дискуссии 1968 года Грач эмоционально восклицал:

> [За последние годы[«археологи наплодили уйму культур и культурочек. Что ни деревня — то культура. Исследователи, утратившие широкий взгляд на вещи, стали увековечивать свои имена в искусственно создаваемых дробных культурах. Новые культуры надо регистрировать в Полевом Комитете, как новые памятники!» (см. Клейн и др. 1970:300).

Я тоже за изучение крупных конфигураций. Я тоже против мини-культур, за которыми нет ничего сверх претензий открывателя на приоритет, нет доказательств существенного своеобразия, очевидных для археологической общественности. Я понимаю мотивы, стоящие за рассуждениями Формозова и Грача.

Однако, на мой взгляд, именно в таких рассуждениях таится опасность отхода от методически правильного пути исследований, ибо в каких-то аспектах это может прозвучать как призыв к скороспелым обобщениям, к синтезу без предварительного анализа. Ведь что значит заняться, скажем, сразу определением хозяйственного облика такой большой общности? Это значит принять за аксиому, не требующую доказательств, что эта большая общность едина по типу хозяйства. А между тем возможно, что такого единства нет, и, определяя по средним цифрам экономические показатели этой общности, мы не заметим замаскированных в этой смази резких отличий тех или иных локальных частей этой общности, если такие отличия существуют.

А вот если идти противоположным путем и сначала определить тип хозяйства каждой такой части (как особой культуры) то, обобщая затем эти результаты, мы при любом исходе получим правильные выводы. Если по типу хозяйства эти локальные группы одинаковы, мы заключим, что таков тип хозяйства всей общности и что она едина по типу хозяйства, — в этом отношении мы ничего не потеряем. Зато если какие-то локальные группы отличаются от других, то мы и увидим, проследим порайонно сложность экономической структуры этой общности. Если же, наконец, не только тип хозяйства, но и другие показатели, окажутся резко различными, мы, быть может, и вовсе выведем данную группу из этой общности.

То же можно сказать и об изучении идеологических представлений этих групп населения, их антропологического облика, происхождения и т. п. Да и вообще именно детальное изучение каждой такой узколокальной культуры, создающее возможность последующего сопоставления их по многим показателям, и представляет собой по-настоящему прочную

базу для выделения крупных общностей и определения их характера — культуры ли это или круги культур, «зоны», «провинции» и т. п. Меньше риск грубых ошибок. Так что сначала анализ, а уж на его базе — синтез. Такова, по-моему, правильная постановка вопроса.

Одна из причин, тормозивших изучение катакомбных культур, в частности вопроса об их происхождении, и заключалась, мне кажется, в суммарном к ним подходе в этом вопросе. Ведь наибольшая, пожалуй, трудность в разрешении этого вопроса сводилась к необходимости объяснить соединение в одной культуре элементов самого различного происхождения, восходящих к нескольким весьма удаленным друг от друга культурным очагам. Расчленение «катакомбной культуры» позволяет уменьшить эту трудность, ибо часть этих элементов теперь очевидно распределится по разным катакомбным культурам: одни теперь оказываются преимущественно характерными для одной культуры, другие — для другой (курильницы — преимущественно для предкавказской, шуровая керамика и топоры — для донецкой и т. д.). Так что определяя происхождение одной из этих культур, теперь незачем заботиться о непременной генетической увязке ее элементов с генезисом элементов другой катакомбной культуры. Они могут быть и не связаны по происхождению.

Констатация же одного культурного явления в нескольких из этих культур теперь не обязательно предполагает общее происхождение этих нескольких культур: это явление могло попасть в них различными путями, могло распространиться из одной такой культуры на соседние и т. п. Последняя возможность, в частности, не исключается и для катакомбного способа погребения.

Конечно, тенденция к широкому взгляду на вещи, к обобщениям, к выявлению крупных конфигураций истории и культуры заслуживает всяческой поддержки. Она знаменует прогресс в археологии и определяет магистральный путь сближения археологии с историей. Но эту тенденцию незачем противопоставлять детальному изучению небольших культурных групп, доступному и рациональному на сегодняшнем уровне археологического изучения прошлого. Все дело в нахождении разумной меры.

Впрочем, указанная тенденция сама по себе более органично связана как раз скорее с разбиением, чем с объединением, ибо разбиение, «классификация сверху» предполагает путь от целого. Но этот путь отнюдь не сводится к «классификации сверху». Более того, это не самый важный его аспект. Важнее тот, в котором, как можно было бы ожидать, будут раскрыты культурные значения типов.

4. Содержание понятия

Здесь опять перед исследователем открывается два пути.

А. На одном исследователь признает понятие археологической культуры чисто классификационным, то есть компонентом *формального* анализа. Далее возможны два варианта:

либо а) исследователь ставит на этом точку, полагая, что больше ничего нельзя сказать, и вопрос о содержании этой формальной категории вообще неправомерен, поскольку оно нам недоступно (это все равно, что его нет);

либо б) он признает наличие и неоднозначность культурного смысла формальных категорий, в частности археологической культуры, и трудность постижения этого смысла.

В этом случае (б) исследователь, конечно, понимает, что за общностями, покрываемыми порознь этой формальной ячейкой, скрываются некие культурно-исторические реальности, что они-то и суть содержание

этой формы. То есть что некое содержание у нее есть. Но исследователь осведомлен о полисемизме археологического факта, о сложности исторических закономерностей и об их переплетении со случайностью, о неоднозначной детерминации культурных явлений, о многоступенчатом преобразовании информации на пути от древних событий к археологическим источникам, к выявленным в их массе археологическим культурам (Клейн 1975; 1978:40—41, 54—55, 60—62).

Поэтому исследователь не берет на себя смелость утверждать, что он знает, какие именно реальности в каждом случае за данными ассоциациями археологического материала стоят, не решается даже сказать, что это во всех случаях один и тот же вид культурно-исторических общностей. То есть исследователь не решается однозначно определить это содержание. Он не может включить его в дефиницию археологической культуры и должен оставить продвижение к нему дальнейшим этапам исследования, где конкретные общности, сформулированные и обозначенные в соответствии с данной ячейкой, будут не конечным результатом, а исходным пунктом работы. Сложной, многоэтапной работы.

Б. На втором пути исследователь, опасаясь впасть в формализм, старается заранее, априорно, наделить свою формальную ячейку *культурно-историческим содержанием*. Он признает это содержание неразрывно слитым с данной формой, ищет в самой этой форме признаки (структуру, связи, детали), адекватные такому-то и только такому содержанию — этносу или племени, отдельному обществу, социальному организму и т. п. В таком случае понятие археологической культуры окажется не чисто классификационным, даже не чисто археологическим, а непосредственно культурно-историческим.

Этот подход также возможен в нескольких вариантах:

либо а) исследователь не очень озабочен проблемой адекватности своих понятий древним реалиям. Он полагает, что если культуры выявлены добротно, по целому набору показателей, то они наверняка должны совпадать в принципе с этими древними явлениями и что иначе и быть не может, так что это незачем специально оговаривать (так думали Чайлд и Городцов);

либо б) исследователь в борьбе с иными точками зрения старается обосновать и утвердить правильность своего подхода. Он пытается, соответственно, изменить сами формальные критерии определения археологической культуры и требует внести декларацию содержательности в само определение.

К такому подходу, в том или другом его варианте, склоняются сейчас многие советские и зарубежные исследователи. Реализация этого подхода связана с ажиотажем вокруг феномена «оживления» археологических абстрактов, с крайностями в отстаивании и критике такого «оживления».

5. «Оживление» типов и культур

Многие пытаются представить археологическую культуру как систему в смысле системного подхода, т. е. как органическую систему — обнаружить в ней функциональные связи и уловить ее взаимодействие со средой. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в эволюционизме («оживление» типов артефактов), в миграционизме и диффузионизме и особенно — в «новой археологии» («оживление» культур). Адепты этого последнего течения расчленяют археологическую культуру на субкультуры, выявляют в ней различные «ранцевые наборы орудий» (tool-kits), обособленности которых придают функциональное значение. Далее

они сопоставляют разные хронологические состояния одной и той же культуры и, проведя сквозь них «траекторию», трактуют ее изгибы как реакции культуры на стимулы внешней среды. В менее резкой форме эта манера «оживления» археологических систем проявляется и в советской археологии. Это было особенно ярко у Жукова (1929а, 1929б), которого еще Равдоникас (1930:77—78) обвинял в биологизации, и это обвинение поддержал Формозов (1959:6; 1962:120). Но культуры «живут» и у других, современных археологов.

Критики этой манеры иронизировали над уподоблением мертвых артефактов и культур живым существам, протестовали против приписывания археологическим культурам способности «развиваться», «мигрировать» и т. п.

Любопытно, что именно «новые археологи» и близкие к ним культурантропологи, готовые «оживлять» археологические культуры, особенно часто иронизировали над археологами традиционного направления, оживлявшими типы вещей.

> «Слишком часто, — восклицает С. Бинфорд, — преисторики усматривают в кремневых индустриях «развитие» во времени, как если бы кремни содержали генетическую материю и были способны к мутации» (S. Binford 1968:49).
>
> «...В прошлом, — поддерживает Де Вор, — нам представляли каменные индустрии, которые, судя по их описаниям, бракосочетались, гибридизировались, развивались, адаптировались и производили потомков» (De Vore 1968:346).

Еще резче у Сэкета:

> «...Археологическая терминология часто намекала на практику половых сношений между каменными орудиями» (Sackett 1968:67, прим. 4).

В советской археологии критике подверглось «оживление» культур. По мнению Захарука (1976:6),

> «нет, пожалуй, более распространенного и ошибочного взгляда на различные категории археологических предьетов как на развивающиеся, изменяющиеся, распространяющиеся, влияющие друг на друга объекты. Особенно широко распространены подобные взгляды по отношению к археологической культуре...»

И в другом месте он так характеризует «наиболее распространенную методологическую ошибку археологических исследований»:

> «...Исследователи переносят качества и свойства предмета на сами понятия о нем... Оказывается, что развиваются, расширяются, передвигаются и ассимилируются не человеческие общества, деятельность которых только отражается в археологических источниках, а сами археологические культуры» (Захарук 1970:16).

А ведь ирония-то во многом напрасна, несправедлива. От Монтелиуса до Борда археологи в большинстве уподобляли живым существам вовсе не артефакты, не кремневые орудия. Это было бы и впрямь глупо. Артефакты в археологическом смысле (древние вещи) действительно мертвы *и в идеале неизменны. Мы к этому идеалу стремимся, консервируя их.* Классы артефактов фиксируют эту неизменность. В архемах мы констатируем изменения, но лишь как у всяких индивидов: от возникновения к гибели и разложению. Так же ведут себя и современные вещи. А вот *типы* (вещей) и *культуры* в ряде отношений изменяются подобно видам и популяциям живых организмов. Если типы — овеществленные *идеи*, то естественно, что они передаются, движутся, заимствуются, сливаются, разветвляются и т. п. Да, кремни не содержат «генетическую материю», но типы, стили и культуры содержат *культурную информацию,* во многом подобную *генетической информации,* содержащейся в клетках живых организмов.

Это предполагает информационный подход к культуре. Здесь не место сталкивать разные точки зрения на культуру вообще, разбирать их слабости и достоинства (этому я посвятил другие работы, подготовленные

к печати). Приведу лишь (без аргументации) свое определение культуры. Я рассматриваю ***культуру*** как *систему средств социального программирования деятельности и поведения людей, получаемую каждым индивидом от общества.* Это определение представляется мне наиболее широким.

Таким образом, не стоит так уж иронизировать над «миграциями», «влияниями» культур и т. п.

Но, продолжая эту критику, Захарук угодил в самую суть обиходной ошибки:

> «Всякое изменение в материальном комплексе археологической культуры зачастую рассматривается как непременное свидетельство изменения в самом составе древнего общества, носителя данной культуры».

В последние годы лидеры «новой археологии» отошли от этого упрощения. Д. Кларк призвал к разработке теории, которая бы учитывала пост-депозиционные изменения археологических материалов, характер сбора или раскопок и т. п. (Clarke 1973). Бинфорд выпустил специальный сборник, посвященный выявлению того, как подобные факторы сказываются на неартефактном материале археологии (Binford 1977). Концепцию интерпретации археологического материала, построенную на учете пост-депозиционных изменений в нем и условий обследования, разрабатывает М. Шиффер (M. B. Schiffer 1976).

Многие зарубежные и советские археологи, представляя археологические культуры *системами*, явно смешивают разные значения этого слова: *«система как упорядоченное множество» и «органическая система»* (ср. Блауберг и Садовский 1972:173—182). Первое значение вполне применимо к археологической культуре, но лишь второе значение допускает и оправдывает применение методов *системного анализа.*

Исключение археологической культуры из системного анализа было бы абсолютным, если бы не одно обстоятельство. В некотором аспекте археологическая культура принадлежит к тем объектам, которые Уемов (1978:166) называет *«вторичными системами»*: ее важнейшее системообразующее отношение реализовано в ее субстрате еще до ее возникновения, а в ней оно преобразовано (искажено или даже разрушено действием ее собственных отношений) и не проступает без соотнесения с соответствующей первичной системой.

Этой своей стороной археологическая культура подключается к системному анализу, но не прямо, не непосредственно. Сама по себе она статична и не органична. Поскольку, однако, археологическая культура предстает археологу в разных хронологических срезах, репрезентирующих разные состояния живого социокультурного организма, ее можно охарактеризовать как *условно динамическую систему.* В ее упорядоченности косвенно отражены некоторые аспекты органической системы живой культуры прошлого, а в условную динамику археологической культуры вошла составным вектором реальная динамика живой культуры прошлого.

Собственно говоря, сама трактовка исторических реалий как содержания «археологической культуры» не столь уж безусловна. Логики, различая *объем* понятия и *содержание* понятия, имеют в виду под содержанием как раз отображенную в нашем сознании *совокупность существенных признаков и отношений,* объединенных в одну цельную мысль о совокупности предметов. *Определение* и есть логический прием, который раскрывает такое *содержание* понятия. С этой точки зрения содержание понятия «археологическая культура» раскрывалось всеми приведенными выше определениями исчерпывающе.

В этом смысле не так уж неправы Каменецкий и его соавторы, когда обо всех работах, посвященных таким определениям, пишут: «все дискус-

сии об «археологической культуре» ведутся, в основном, на содержательном уровне», без «формализованного подхода» (Каменецкий и др. 1975:82). Формальным анализом для них являются математические и т. п. операции с признаками. По отношению же к дальнейшей интерпретации оба понятия — «культура» и «тип» — выступают как форма, которую надо наполнить историческим, социологическим и т. п. содержанием, а разбор структуры понятий оказывается формальным (Клейн 1977:316).

Призывы вывести археологическую культуру из сферы формального анализа, вскрыть в ней функциональные связи раздавались как среди западных археологов (выше приведено высказывание Гахмана), так и среди ученых социалистический стран.

Герман из ГДР в согласии с Гахманом констатирует, что

> «...археологические культуры... составлены как результат в значительной мере формального анализа, механическим плюсованием перекрывающих друг друга кругов форм — и не только в практике исследований, но и в теории» (Herrmann 1965:103).

Арешян из Армении сетует:

> «Сама категория «археологическая культура».., обладающая бесспорным познавательным значением в рамках традиционной археологии, оказывается во многих конкретных случаях лишенной специфики исторического содержания, т. е. та или иная археологическая культура почти не несет в себе конкретной исторической информации... Совершенно незначительное социально- и культурно-историческое содержание имеют и другие традиционные категории археологии» (Арешян 1978:34).

Украинский археолог Сайко выражает ту же мысль более развернуто:

> «Ряд исследователей выступает против неправомочного использования[1] определения[2] «культура» к явлениям, выделенным по второстепенным признакам. Однако, выделяя культуру в категориальные явления, мы не можем характеризовать ее как сумму признаков. Необходима выработка теоретического понятия культуры.., основанного на выявлении не комплекса признаков, а сущностных сторон, в которых заключены генетические корни и тенденция развития этого явления. ...Нельзя сумму характерных признаков в явлениях культурного порядка выделять в культуру. Необходимо выработать понятия разных объемов (таксономическая система, по М. П. Грязнову), для характеристики явлений культурно-исторических различий, среди которых теоретическое понятие «культура» займет определяющее положение прежде всего в силу того, что в нем отражается не обобщение признаков (найденных путем сопоставления отдельных предметов), а сущность, внутреннее единство многообразия... Очевидно характер, состав и структуру предметной деятельности, изучаемые археологически, необходимо учитывать при определении понятия «культура»».

Связь культур с этносами Сайко считает «неполной», так что в содержание понятия «культуры» он больше включает социально-экономические явления:

> «направленность и состав всей предметной деятельности, направленность хозяйства, в том числе и в связи с экологическими условиями, стабильность уровней производства...» (Сайко 1973:61).[3].

В своих позитивных предложениях этот автор явно не различает «археологическую культуру» и «культуру» в этнографически-культурологическом смысле, а в объекте своей критики смешивает воедино «археологическую культуру», представляемую в виде простого обобщения материала, простой суммы признаков, и «археологическую культуру», понимаемую как система, упорядоченное множество со сложной структурой. Он не видит разницы между слитными, синкретиным рассмотрением формы с содержанием и расчлененным исследованием, требующим постепенного, сторого обоснованного на каждом шагу продвижения от формы к содержанию.

---

[1] Автор явно хотел сказать: приложения.

[2] Автор хотел сказать: понятия.

[3] Точности ради отмечу, что, цитируя, я исправил несколько опечаток: инициалы проф. Грязнова и падежные окончания в словах «путем» и «структуру» (в тексте было «М. Г.» и несуразные «путей» и «структура»).

6. Еще раз о месте понятия

Соревнование двух описанных здесь подходов можно обнаружить и в зарубежной, и в советской археологии.

Когда две группы археолгов стали работать над созданием археологических атласов — польского («Археологический атлас мира») и гамбургского («Атлас древнейшей истории»),— вспыхнул спор между руководителями этих коллективов Антоневичем и Эгерсом. Антоневич считал главной задачей картирования выявление этнических общностей и стремился сразу же определить и обозначить на картах этнические характеристики археологических культур, их родство и генетические связи (залить одинаковым цветом ареалы этнически родственных групп, указать названия этносов в надписях и т. п.). Эгерс же считал возможным оперировать лишь с археолого-географическими группами, оставляя свободу интерпретации на будущее — с тем, чтобы дальнейшее развитие методов позволило интерпретировать эти группы в историко-культурных отношениях, в том числе и в этнических. Он сознавал, что последнее — лишь одна из возможностей (Eggers 1960).

В 1968 году на ленинградской дискуссии о культурах разгорелась аналогичная полемика, но в более общем плане. Приведу стенограмму (в сокращенном для публикации виде):

«ШЕР: «Представление о памятниках — это явление реальное». [Далее следует обобщение данных.] «Признак, тип, культуру руками не потрогать, это — абстракции». [Но] «каждое из этих понятий имеет исторический смысл. Если мы построим уравнение, величины которого выражены сами собой, то такое уравнение не будет иметь смысла. Я думаю, что необходимым критерием понятия культуры должен быть определенный исторический смысл... Мы должны иметь перечень определенных вещей, которые за ним (понятием,— *Л. К.*) скрываются».

БОЧКАРЕВ: На мой взгляд, это основное классификационное понятие... Это — емкое понятие... Тут два момента: а) археологическая культура как реально существующее явление и б) что можно из этой сущности извлечь. Это часто путается... Археологическая культура — это основное понятие археологической классификации, а не историческое.

ГРАЧ: Уничтожить историчность понятия нельзя, это приведет к вещеведению.

МИКЛЯЕВ: ...Может быть, в целом археологическая наука не доросла до историзма.

ЛЕБЕДЕВ: [Археологическая культура — классификационное понятие.] Значит ли это, что за культурой не стоит историческая реальность? Нет, не значит, но культура — это понятие такого уровня исследования, на котором историческое содержание мы вскрыть не можем.

ШЕР: При каком же условии понятие культуры раскроет историческое содержание?

ЛЕБЕДЕВ: В самом понятии «культура»... мы его не раскроем. На уровне культуры мы не вправе делать такие суждения. Следующий этап исследования и понятия этого следующего этапа дают возможность раскрыть историческое содержание.

ШЕР: Что это за следующий уровень?

ЛЕБЕДЕВ: Интерпретационный.

КЛЕЙН: Речь идет о том, что в основу единства понятия или группы понятий мы должны положить совокупность связей, корреляцию типов. Затем классификационный уровень сменяется интерпретационным, извлекаются определенные частные выводы. На этой базе становится необходимым сопоставление накопленного и сгруппированного материала с материалами других наук: этнографии, социологии, лингвистики и т. д., и только тогда, когда будут такие сопоставления, окажется возможной более полная историческая интерпретация материала — исторический синтез.

ЛЕБЕДЕВ: Причем первая ступень — классификация — необходимое условие перехода к следующим этапам. Это особый этап, требующий своих понятий. Одно из них и есть «археологическая культура».

ГРЯЗНОВ: Я бы с этим согласился, если бы тип и культура — это были термины чисто классификационные. Но тогда нам надо подыскать другие термины (дать названия) явлениям исторического процесса... У нас обычно бывает так: по одну сторону классифицируем горшки и обряды, по другую — изучаем истори-

ческий процесс... Термин «культура» все же лучше оставить за основными историческими делениями.

КЛЕЙН: Для исторических общностей не надо подыскивать термины — они есть: народ, этнос, государство, церковь, язык, диалект и др.» (Клейн и др. 1970:300—301).

Мне и сейчас представляется, что позиция моя и моих единомышленников в этом споре была методически более строгой и перспективной, чем позиция наших оппонентов. Однако и наша позиция была ослаблена некоторой односторонностью, создававшей эффект перегиба. Это и оставляло за противоположной концепцией притягательность в одном частном, но важном отношении. В наших рассуждениях не был четко определен механизм перехода от классификационного этапа к интерпретационному, не были продуманы гарантии такого перехода, не было уточнено, как усовершенствовать классификационные понятия, чтобы они смогли эффективно работать на следующем этапе, и не было выяснено, должна ли классификация, рассчитанная на эту перспективу, отличаться от классификации, замкнутой в себе.

Дело в том, что мы тогда, различая эмпирические и условные типы, не отличали их от типов культурных, отождествляли эмпирические с культурными, не видели необходимости и трудности перехода от первых ко вторым. Точно так мы подходили и к культурам. Уже в дискуссии 1974 года (о понятии типа) я более полно учел и продумал накопленные в мировой литературе разработки и предложил более дифференцированный подход к понятию «тип». Естественным следствием явилось аналогичное понимание культуры, разработанное после дискуссии (Клейн 1979). Сложились и представления о путях перехода.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ТИПЫ В КУЛЬТУРЕ

Глава XI

АЛЬТЕРНАТИВА

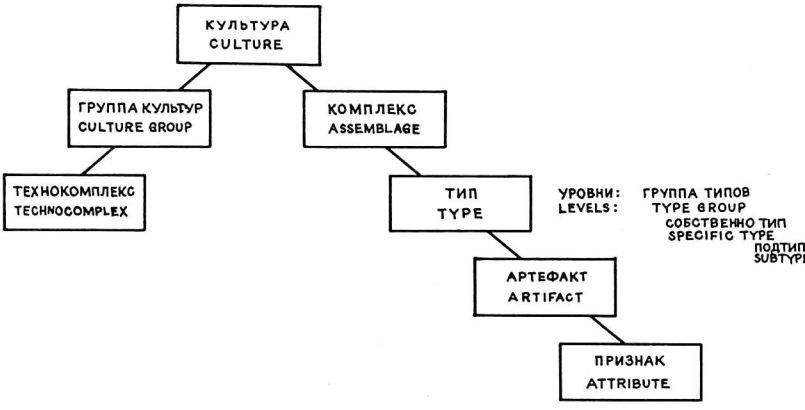
Главной проблемой было, конечно, отсутствие эксплицитной и ясной теории о том, что такое тип.

Р. Уоллон (Whallon 1972b:262).

1. Типы в системе понятий

Чтобы понять, что́ препятствует переходу от эмпирических и условных типов к культурным, надо сравнить эти понятия по их структуре, способу образования и основе определения. Коль скоро все эти понятия — фундаментальные, исходные, ясно, что для такого изыскания требуется выход на смежные уровни интеграции.

Наиболее известная схема уровней интеграции представлена у Д. Кларка в его «Аналитической археологии» (Clarke 1968:188, fig. 40). На его схеме нанесено семь понятий («признак» — «артефакт» — «тип» — «комплекс» — «культура» — «группа культур» — «технокомплекс»), причем понятия расположены углом: сначала лесенкой в в е р х от «признака» до «культуры», а затем от «культуры» лесенкой в н и з к «технокомплексу» (рис. 20). Обычно читатели воспринимают эту схему



Р и с. 20. Схема уровней интеграции археологического материала у Д. Кларка (Clarke, 1968, fig. 40). Упрощено (текстовые пояснения сняты).

как семичленную структуру с однолинейным построением, изогнутым лишь из прагматических соображений (ради удобства размещения на странице). Они воспринимают это как движение мысли по семи уровням, через семь однопорядковых понятий, каждое из которых выше (и полнее) предыдущего и включает его в себя (Discussion... 1970, выступление Ж.-К. Гардена). Низшим считают «признак», высшим — «технокомплекс» (рис. 21). Это впечатление поддерживается всей структурой первой (большей) половины книги Кларка: ее главы следуют этой схеме, последовательно рассматривая соотношения между парами ее смежных звеньев.

Р и с. 21. Обычное (ложное) восприятие «схемы уровней интеграции» Д. Кларка.

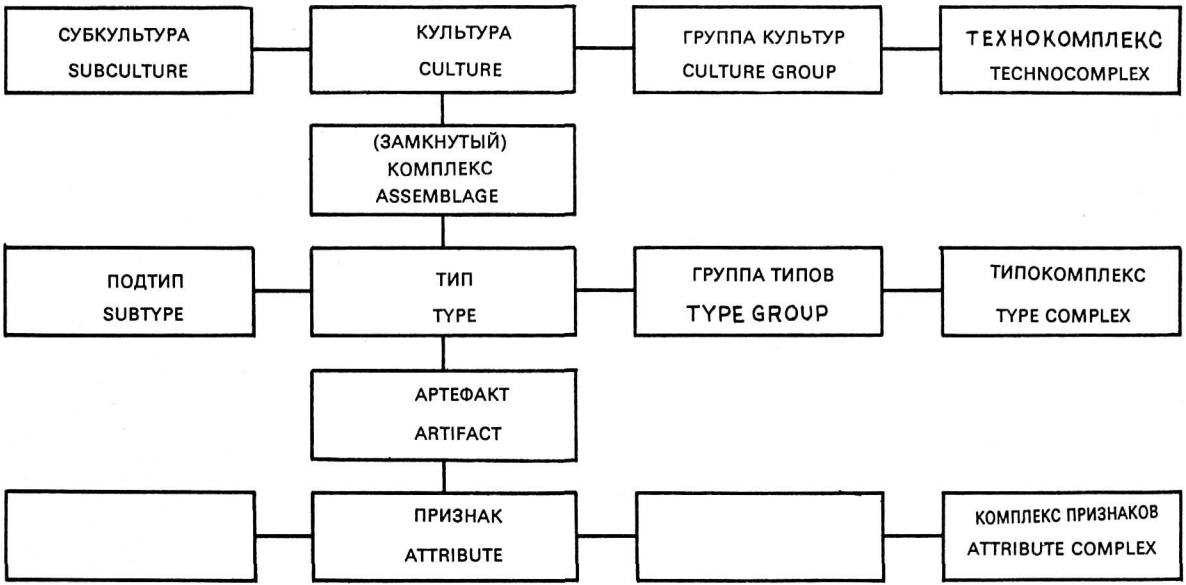
Между тем это впечатление обманчиво. Кларк не случайно, не из-за нехватки площади на странице поместил «культуру» в высшей точке схемы. В его схеме не семь уровней, а пять. Если всмотреться в детализирующие схему тексты (под названиями понятий) и вчитаться в текст книги (Clarke 1968:141, 145, 186, 198, 227—228, 234, 283, 285, 320, 331, 355—357), то станет очевидно, что «технокомплекс» и «группа культур» — это лишь боковое ответвление от верхнего звена схемы (от «культуры»), к тому же неполностью изображенное (в противоположную сторону должна отойти веточка с «субкультурой»). Такие же, параллельные ответвления задуманы, но не изображены на нижележащих уровнях: на уровне «типа» это «типокомплекс» (type complex), «группа типов» и «подтип», на уровне «признака»— «атрибутокомплекс» («комплекс признаков»). Схема Кларка в таком прочтении приобретает совсем другой вид (рис. 22).

Почему же он не изобразил ее так? Была бы гораздо яснее его мысль. Почему он изобразил только верхний ярус от «субкультуры» к «технокомплексу» (т. е. «комплексу культур») и лишь намекнул на существование нижних ярусов?

По-видимому, его смутила необходимость некоторых нарушений симметрии, заставляющая сомневаться в правильности схемы. По крайней мере, требующая объяснений, которых у него не было. Он не мог подыскать реалии, которые бы подходили под напрашивающиеся таксоны: «группу признаков» и «подпризнак» («subattribute») — эти места оставлены пустыми в его системе понятий. И он не мог удовлетворительно объяснить, почему на уровнях «артефакта» и «комплекса» не развернуты такие же ярусы производных понятий.

Тут-то и загвоздка.

Это преткновение свидетельствует о том, что «артефакт» и «комплекс» — явления не однопорядковые с «признаком», «типом» и «культурой»: признаки соединяются в артефактах, а типы — в комплексах не так, как артефакты в типах, а комплексы в культурах. Кларк не уловил этого различия и построил в одну линию понятия, принадлежащие к двум разным рядам: по одну сторону должны быть «артефакт» и «комплекс» — обозначения *конкретных одиночных реалий,* по другую — признак, тип и культура, которые суть обозначения *суммарных реальных объектов,* обозначения, сводящие их к *одиночным идеальным объектам* посредством обобщения, усреднения и абстрагирования. В ряду идеальных объектов остается все та же стабильная триада: «признак» — «тип» — «культура».



Р и с. 22. Истинная экспликация «схемы уровней интеграции» Д. Кларка (в основном с его рис. 40 на с. 188, дополнение по тексту его книги). Основные пять понятий образуют одну вертикаль, однако лишь три из них («признак», «тип», «культура») имеют фенетические разновидности, т. е. имплицитно выделены в особый ряд.

Итак, у Кларка, в сущности, учтены три уровня интеграции и имплицитно выявлены два ряда понятий: для реальных одиночных объектов и для идеальных объектов, репрезентирующих суммарные объекты. Но у него эти ряды не разомкнуты эксплицитно, а между рядами не установлена параллельность, симметрия: в одном ряду два понятия, в другом — три. Есть, однако, и третий вид конкретного объекта — это «фрагмент», в керамике — «черепок». У некоторых археологов он выступает на равных правах с «артефактом» (например, Ford 1952; Spaulding 1953:306; Orton 1979 и др.). Таким образом, с точки зрения полноты отражения функциональных связей (а значит, по богатству культурно-познавательных возможностей), в сущности, археологи различают три вида конкретных одиночных археологических объектов: *фрагмент, артефакт* и *комплекс.*

Это то, что Бочкарев (1973:59), несколько иначе определив состав, метко назвал «*натуральным рядом*» археологии. Суть иерархии «натурального ряда» понял и сформулировал еще Д. Кларк (Clarke 1968:188, fig. 40, legend). Каждый объект в этом последовательном ряду полнее предыдущего сохраняет отражение функциональных связей и богаче предыдущего по тем культурно-познавательным возможностям, которые он предоставляет исследователю.

Соответственно этим трем рубрикам (фрагмент, артефакт, комплекс) разбиваются и классификации. Многие классификации керамики рассчитаны именно на обработку фрагментированной керамики. Основная систематика археологии обычно группирует *артефакты*, т. е. целые вещи и сооружения. Культурное упорядочение имеет дело с замкнутыми *комплексами.*

На этой основе выработаны обобщения, абстракции, идеальные объекты археологии. Естественно, их тоже три: *признак, тип, культура.*

Не совсем, однако, понятно, почему обощение фрагментов приводит к абстрагированию признаков — элементарных характеристик. Ведь фрагмент, деталь артефакта или сооружения гораздо богаче отношениями и связями. Рауз не без основания выдвинул на это место в системе идеальных объектов не элемент, не признак, а «*мод*», «*модификацию*» (mode) — комплект элементов, так сказать, тип детали или стандарт одного аспекта в конструкции или орнаментации какого-либо артефакта (вещи) или сооружения.

Опять преткновение.

А секрет в том, что если присмотреться к нашей практике, то окажется, что на самом деле различимы не три, а семь главных видов[1] конкретных археологических объектов («*конкретов*»): «*след*», «*фрагмент*», «*деталь*», «*артефакт*» («целый предмет»), «*стратема*», «*комплекс*» и «*памятник*». Именно *след* и составляет основу для идеализации одной *элементарной* характеристики объекта: отрезка очертаний, веса или (если следом служит прах) вещества. Следы и есть проявление таких отношений между вещами, в которых (отношениях) и выступают порознь элементарные характеристики этих вещей.

Упорядочивая материал, археологи проводят генерализацию, абстрагирование и на этой основе конструируют идеальные археологические объекты («*абстракты*»), суммарно отображающие реальность. Их конструируют, конечно, тоже на семи уровнях — соответственно тому, чего каждый из семи видов конкретов позволяет достичь в идеализации. Получается семь уровней интеграции и семь видов

[1] В статье 1979 года я различал три главных вида, в английском издании этой книги считал, что есть «минимум пять» видов, сейчас усматриваю семь и полагаю, что это полный перечень.

а б с т р а к т о в: «элемент», «мод» (mode), *«мерон», «тип», «хронема», «культура»,* и *«надкультурное образование»* — и, соответственно, семь уровней группировки:

1) *уровень элементов* — «аналитическая классификация» Рауза, «парадигматическая классификация» Даннела, «анализ (поведения) признаков» (attribute analysis) Бинфорда и др.;

2) *уровень модов* —«типо-вариантная классификация» керамики (type-variety classification) Гифорда и др.;

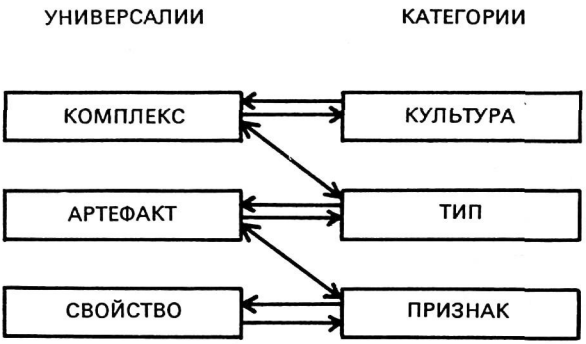
3) *уровень меронов* —«подетальная классификация» Рауза;

4) *уровень типов* —«таксономическая классификация» Рауза, «статистическая классификация» Кребера —Сполдинга, «анализ роения признаков» (attribute-cluster analysis) Сэкета, «типология» Мальмера и др.;

5) *уровень хронем* — выделение хронологических горизонтов Рейнеке, типологических рядов Монтелиуса и др.;

6) *уровень культур* — выделение «культурных провинций» Коссины и «культур» Городцова и Чайлда, «средне-западный таксономический метод» Мак-Керна, «культурная классификация» Рауза и др.;

7) *надкультурный уровень* —«система трех веков» Томсена—Ворсе, выявление «культурных кругов» Шухардта и Чайлда, «культурных провинций» и «зон» Формозова, «технокомплексов» Д. Кларка и др.



Р и с. 23. Схема уровней интеграции и бинарных отношений в археологическом материале по Бочкареву (1973).

Такова система координат, в которой нетрудно сформулировать о б щ е е о п р е д е л е н и е т и п а для исследовательской группировки: в археологии ***тип*** выступает как *результат идеализации (абстрагирования, суммирования и усреднения) целых артефактов предположительно одного назначения, объединяемых по их сходствам между собой и отличиям от других артефактов того же или иного назначения.* Привязка к назначению предопределена культурологическими задачами исследовательской группировки — нацеленностью на выявление функциональных связей в материальной культуре. Этим же предопределена неизбежная неполнота и недостаточность общего определения, возможность и необходимость спецификации (и, соответственно, расслоения понятия «тип») применительно к разным уровням глубины познания и к разным связям со смежными уровнями интеграции.

Попыток взять аккорд, по возможности полный, было немало (рис. 23).

ROUSE 1939

УР.	РЕАЛИЯ			
3	КУЛЬТУРА			
2	ТИП / КЛАСС			
	МОД (модификация)	ВНЕШНИЙ	ВНУТРЕННИЙ	ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
1	ЧЕРТА			

В ЛИНГВИСТИКЕ

УР.	ФОНЕТИКА	ФОНЕМИКА
3		
2	СЛОВО	ЛЕКСЕМА
	СЛОГ	МОРФЕМА
1	ЗВУК	ФОНЕМА

DEETZ 1967; HYMES 1970

УР.	ЭТНЫЕ	ЭМНЫЕ
3		
2		
		ФОРМЕМА
1		ФАКТЕМА

Р и с. 24. Уровни интеграции и аспекты восприятия
Наметки разных авторов в проекции

Выделяя понятие «культурный тип» и противопоставляя его в основном «эмпирическому типу», с одной стороны, и «мысленному шаблону» — с другой, Тэйлор набросал схему аналогичного распределения еще на двух уровнях — ниже и выше (Taylor 1948:116), но сделал это невразумительно, с причудливым и сбивчивым употреблением терминов[1]. Во всяком случае, после его «Исследования археологии» (Taylor 1948) археологи стали различать на уровне артефакта три вида идеализации: «эмпирический тип», «условный тип» и «культурный тип».

Уровнем ниже Рауз различил «моды» (модификации, modes) по трем разновидностям: «внутренние» (intrinsic), «внешние» (extrinsic) и «осоз-

[1] Ниже типа у него оказывается «форма» (эмпирическое проявление — «элемент», «признак», «ячейка», «единица», идейное содержание — «мод»), выше — «класс» (эмпирическое проявление — «группа типов», идейное содержание — «архекласс», «конфигурация»).

TAYLOR 1948

УРОВЕНЬ		ЭМПИРИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ	ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
3	КЛАСС	ГРУППА ТИПОВ	АРХЕКЛАСС
2	ТИП	ЭМПИРИЧЕСКИЙ ТИП	КУЛЬТУРНЫЙ ТИП
1	ФОРМА	ЭЛЕМЕНТ (признак, ячейка, единица)	МОД

CLARKE 1968

УР.	БЕЗ ОТВЕТВЛЕНИЙ	С ОТВЕТВЛЕНИЯМИ
3	ЗАМКНУТЫЙ КОМПЛЕКС	КУЛЬТУРА
2	АРТЕФАКТ	ТИП
1		ПРИЗНАК

БОЧКАРЕВ 1973

УР.	"УНИВЕРСАЛИИ" (эмпирически наблюдаемые)	"КАТЕГОРИИ" (культурно значимые)
3	ЗАМКНУТЫЙ КОМПЛЕКС	КУЛЬТУРА
2	АРТЕФАКТ	ТИП
1	СВОЙСТВО	ПРИЗНАК

КЛЕЙН: ЭТНЫЕ АБСТРАКТЫ
КОНКРЕТНЫЕ ОБЪЕКТЫ
ЭМНЫЕ АБСТРАКТЫ

(уровни познания) археологического материала.
на трехуровневую матричную схему.

наваемые» (cognitive), что приблизительно соответствует «эмпирическим», «условным» и «культурным» разновидностям типов (Rouse 1972:283).

Самый нижний уровень поддавался такому различению труднее всего. Потребовалось, чтобы к археологическому материалу был более отчетливо применен подход, выработанный в структурной лингвистике.

«Словам» и «слогам», различимым по звучанию, лингвисты противопоставляют «лексемы» и «морфемы», различимые по смыслу (и «семемы»— сами смысловые значения). Соответственно (уровнем ниже), «звукам» противопоставляют «фонемы», которыми слова различаются по смыслу в данном языке. Скажем, «быт» и «бит» для русского различаются по смыслу и содержат разные фонемы: «ы» и «и». Для англичанина же это будут только разные произношения термина «bit», с разными звуками в пределах одной фонемы («аллофонами»). Звуками за-

уровни интеграции	КОНКРЕТЫ (одиночные реалии)	АБСТРАКТЫ (соотв. :суммарные реалии)			
		их общие обозначения	их спецификации		
			ЭМПИРИЧЕСКИЕ (этные)	КУЛЬТУРНЫЕ	УСЛОВНЫЕ
7	ПАМЯТНИК	КУЛЬТУРНАЯ ФОРМАЦИЯ СЕКВЕНЦИЯ	КУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ КОЛОННА	КУЛЬТУРНЫЙ КРУГ ТРАССОВАЯ СЕКВЕНЦИЯ	РЕГИОН ЭПОХА
6	КОМПЛЕКС	КУЛЬТУРА	ЭМПИКУЛЬТУРА	АРХЕКУЛЬТУРА	РАМОКУЛЬТУРА
5	СТРАТЕМА	ХРОНЕМА : горизонт, вереница	типологический горизонт, цепочка	культурный горизонт, караван и традиция	хронологический горизонт серия
4	АРТЕФАКТ	ТИП	ЭМПИТИП	АРХЕТИП	РАМОТИП
3	ДЕТАЛЬ	МЕРОН	ЭМПИМЕРОН	АРХЕМЕРОН	РАМОЧНЫЙ МЕРОН
2	ФРАГМЕНТ	МОД (модификация)	БЛОК	ФОРМЕМА	ВЫРЕЗКА
1	СЛЕД	ЧЕРТА	СВОЙСТВО	ПРИЗНАК (фактема)	СТАТЬЯ

Р и с. 25. Полная матричная схема уровней интеграции и аспектов восприятия археологического материала (Клейн).

нимается «фонетика», а фонемы — это особый аспект («фонемика», «фонология»). Пайк (Pike 1955) подметил, что эти два аспекта можно увидеть не только в языке, но и во всей культуре. Отделив корень «фон», он получил названия для этих аспектов широкого охвата: для глубинного, осмысливающего (культурные значения) — ***«эмный»*** (emic — из phonemic) и для поверхностного (эмпирические наблюдения) — ***«этный»*** (etic — из phonetic). Термины привились в культурологии.

Рассмотрев «эмный» аспект в археологии, Диц и Хаймз для уровня модов ввели *«формемы»*, а для уровня элементов — *«фактемы»* (аналогично «морфемам» и «фонемам» лингвистики), но «этный» аспект обобщений они не разработали: не сумели в нем отойти от конкретов (Deetz 1967:83—101; Hymes 1970:91—120).

Следующий шаг сделал Бочкарев (1973:59; 1975; Массон и Бочкарев 1978:39—40). Он отличил на уровне элементов эмпирически наблюдаемые *«свойства»* (этный аспект) от культурно-значимых *«признаков»* (эмный аспект). Это привело его к идее параллелизма во всей системе фундаментальных понятий археологии и позволило предложить взамен однолинейной (хоть и с ответвлениями) схемы Д. Кларка (рис. 22) двурядную схему соотношений на трех уровнях (рис. 24). Однако в остальном и он не сумел разграничить конкреты и эмпирически наблюдаемые абстракты — объединил их в «универсалиях» (и противопоставил вместе идеальным объектам — «категориям»). Над «свойствами» он поместил конкретные «артефакты» и «комплексы», тогда как «свойства» регулярно выражаются в отношениях (Копнин 1973:116, Уемов 1978:88), познаются путем отвлечения от субстанции, интересуют археолога именно как идеальные объекты и так же ведут к «эмпирическим типам», как «признаки» — к «культурным типам». Кроме того, у Бочкарева в «натуральном ряду» всего три ступени вместо семи.

Требуется более сложная схема (рис. 25). По ней легко заметить, что не все уровни одинаково разработаны в археологии — не все обеспечены нужными терминами (ср. обилие описательных выражений) или хотя бы равно оснащены понятиями. Эта схема, даже если ограничиться тремя более разработанными уровнями (первым снизу, четвертым и шестым), помогает яснее проследить и подвергнуть структурному анализу разлом между эмными и этными понятиями — разлом, через который так трудно навести мост.

2. Традиционные стратегии

Корень противоречий и затруднений лежит в ограниченности традиционных[1] стратегий группировки, развиваемых в современной теоретической археологии.

Первая (*древовидная*) продолжает Городцовскую стратегию группировки, но обычно с отказом от ее канонической жесткости процедуры. Классификация строится по древовидной схеме (дендрограмме) с произвольным размещением критериев по шагам и ветвям дендрограммы. Ритчи и МакНиш в Америке, Глоб в Дании, Борд и Сонневиль-Борд во Франции придерживались этой процедуры в ее интуитивном варианте, Уоллон формализует ее.

Проводя эту концепцию, Арциховский (1930:7) писал:

> «Субъективность и неточность, скрещивание терминов и пропуски неизбежны, если не построена схема типологической классификации».

[1] Обычно «традиционной» называют только одну из них — первую в моем перечне (см., напр., Kozlowski 1972), а две другие — новыми или современными, но это продолжается так долго, что они уже тоже стали традиционными, и пора сменить этикетки.

Здесь явно предлагается рассматривать тип в контексте общей логической схемы и двигаться «сверху вниз»— от всей совокупности объектов, путем ее разбиения. В этой концепции тип структурно о п р е д е л я е т с я как *узел или ветка дендрограммы*, т. е. дефинируется цепочкой иерархически последовательных характеристик, приуроченных к отрезку дендрограммы выше узла. Иерархия предопределяется либо предполагаемой последовательностью выборов, стоявших перед мастером в процессе изготовления артефакта, либо классоделительной способностью характеристик (т. е. четкостью и богатством их связей). Методический ключ — здравый смысл. По сути, это не тип, а к л а с с.

С типами имеют дело две другие стратегии.

Одна из них *(аналитическая* или *индуктивная)* диктует восхождение от уровня элементов через уровень типов к уровню культур. Идея состоит в том, чтобы на основе учета и строгой корреляции всех «существенных» элементов получить типы, а затем таким же индуктивно обусловленным комбинированием типов подняться к культурам (Чайлд, Д. Кларк, Шер и др.). В плане структурообразования тип рассматривается здесь редукционистски — со стороны элементов и о п р е д е л я е т с я только через них: как *статистически устойчивое сочетание равноправных элементов.*

Собственно, приверженцы этой стратегии выражались иначе: как статистически устойчивое сочетание равноправных признаков.

Но археологам п р и з н а к и в непосредственном наблюдении не даны. Даны с в о й с т в а. Обычно археологи не делают этого различия и перечисляют те и другие вперемежку (так и у Каменецкого и др. 1975; ср. Клейн 1977). Между тем их надо различать.

Признаки отличаются от свойств тем, что имеют культурную значимость. Уже в работе Каменецкого содержались некоторые идеи для их систематизации в этом плане (Каменецкий 1972; Kamenetski 1971); отчетливо сформулировал и обосновал систематизацию Лебедев (1979). По его заключениям, признаки делятся на: а) ф у н к ц и о н а л ь н о - т е х н и ч е с к и е, б) к о н с т р у к т и в н ы е (обусловливающие разные решения одной технической задачи), в) с е м и о т и ч е с к и е (выражающие социальную функцию предмета — служить знаком престижа или передавать другие идеи, связанные с идеологическими представлениями, и т. п.), г) признаки д и з а й н а — оформительские, которые выражают эстетические вкусы людей, несут художественную нагрузку. Наиболее явно функциональность выступает в группах (а) и (в), но в некотором смысле все четыре функциональны, даже группа (б) (ведь разнообразие имеет адаптивное значение), и все они в какой-то мере семиотичны.

Свойства же перечислены выше при отличении архем от артефактов. Это характеристики: а) морфологические — топологические, размерные и относящиеся к пропорциям; б) физико-химические; и т. д.

В отличие от свойств признаки не очевидны буквально. Когда Львова (1979) отличает эмпирически наблюдаемые признаки от выводных, она *в сущности говорит об отличии свойств от признаков, по терминологии,* употребляемой здесь.

На уровне элементов никак не удается обнаружить культурные критерии для отбора признаков (для превращения свойств в признаки) и для оценки веса признаков (введения иерархии в упорядочение). Поэтому вывести культурные типы из самостоятельного, как бы самопроизвольного коррелирования элементов (без привлечения постороннего знания о культуре) принципиально невозможно. Весь процесс группировки и упорядочения, предусматриваемый данной стратегией, в чистом виде

может протекать только по этному руслу. Сам по себе он в эмное русло не перейдет и к эмным абстрактам не приведет — ни в начале, ни в конце, то есть ни внизу, ни вверху. Полученные абстракты (центральными среди них оказываются *«эмпирические типы»*) могут иметь культурное значение, а могут и не иметь; ранговые различия рубежей между ними в эмном плане остаются неизвестными.

Другая стратегия группировки — *гипотезно-дедуктивная* (ученики Бинфорда) или *«рационалистическая»* (Мальмер). Обязуя исследователя работать только с «условными» абстрактами, она рекомендует как бы ставить вопросы материалу, исходя из неких гипотез. Эти вопросы выражены в форме трех выборов: а) наложенная на материал искусственная сеть ячеек, б) отбор единиц нижележащего уровня, подвергаемых учету, и в) принятая для них иерархия (не исключая и нулевую).

Гипотезы могут быть осознанными — тогда вопросы (выборы) предопределены (Л. Бинфорд). Гипотезы могут быть смутными, имплицитными, многозначными — тогда вопросы почти произвольны (Мальмер). В первом случае утвердительным ответом было бы ожидаемое (предсказанное) распределение материала по ячейкам, во втором случае —«идеальное», «наилучшее» распределение материала (сходство внутри ячеек наибольшее, между ячейками — наименьшее).

В этой стратегии не предусматриваются непременными (хотя и не исключаются) ни подъем с уровня на уровень, ни спуск. Гипотезы и их ожидания (вопросы) дедуцируются не обязательно из моделей вышележащего уровня или из результатов моделей нижележащего уровня (ведь ни там, ни тут не содержится культурных значений). Скорее они приходят со стороны — из социологии, этнографии, а по Гемпелю, которого с сочувствием цитирует Л. Бинфорд,— откуда угодно, «хоть из снов или галлюцинаций» (Binford 1Э72:90).

Р и с. 26. Современные стратегии типологического группирования и неприступность эмных понятий (неподдающихся надежному выявлению этими средствами).

С т я ж е н н а я с х е м а: взяты только три наиболее разработанных уровня. Стрелками показаны основные ходы умозаключений, дополнительной рамкой — неприступность эмного аспекта.

Тип как понятие в этом случае выводится из задачи исследователя, рассматривается релятивистски, а структурно о п р е д е л я е т с я только со стороны исследовательской деятельности — как *условная рамка, посредством которой делается выборка материала — объединяются схожие артефакты.* В качестве показателя для рамки может послужить

произвольное сочетание элементов, может и один элемент. Получается, конечно, *«условный тип»*, и он обречен оставаться таковым.

Из логики известно, что подтверждение ожидания лишь поддерживает гипотезу в конкуренции с другими, не становясь полным ее доказательством. Распределение материала по ячейкам может быть признано «наилучшим» также лишь в сравнении с другими распределениями. В силу произвольности оснований такой перебор гипотез, выдвигаемых *на пробу, не имеет разумного предела. А главное, эти гипотезы,* призванные уловить культурно значимые связи и группировки в материале, переносят на прошлое схемы, взятые из современных культур. Между тем такое допущение, правомерное в этном аспе-те, совершенно отпадает в эмном: приурочение форм к значениям в каждой культуре свое (ср. выше пример с английским и русскими словами). Таким образом, у каждой такой гипотезы шансы на удачу ничтожно малы. Получается бесконечный перебор маловероятных догадок.

Для обеих этих стратегий абстракты эмного аспекта остаются неприступными (рис. 26).

3. Дешифровка культуры

Сторонники всех трех стратегий обычно недоумевают по поводу неприступности культурных типов: ведь если в культурных типах материально объективированы идеи, то почему нельзя ухватить эти материальные объективации непосредственно — интуицией, эмпирической индукцией или хотя бы методом постепенных приближений?

Но вся беда в том, что в культуре идеи материально объективированы не для всех, а только для членов данной культурной общности, причем в археологической ситуации это общность исчезнувшая. С точки зрения информационного подхода, культура — не просто сообщение, а зашифрованное сообщение (Holloway 1969:395, 399, 405; Арутюнов и Чебоксаров 1972). Чтобы понять его, надо знать код, а код утерян. Ситуация та же, что в дешифровке древних письменностей.

Из опыта дешифровки известно, что даже при наличии билингвы проецирование конкретных схем из современных языков на прошлое (*этимологический метод*) возможно лишь, если удалось установить прямых родственников. Если не удалось, то остается только *комбинаторный метод* — сравнение текстов между собой с учетом реальных контекстов обнаружения и с опорой на знание общих законов развития языка и письма (Фридрих 1961:9, 152—157).

В дешифровке археологического материала билингву создает привлечение богатых письменных источников (для части поздних культур). В роли этимологического метода выступает подыскание «этнографических параллелей»— проецирование конкретных схем из культуры современных народов на прошлое, причем вне оговоренных условий этот метод здесь столь же обманчив, как там. Остается идентифицировать соответствие комбинаторному методу.

В теории археологической группировки не все новейшие исследования пошли по пути поиска готовых внешних схем для отбора и оценки веса признаков. Есть и попытки обнаружить внутреннюю базу в самом материале. Если часть «новой археологии» усматривает спасение в перенесенных из этнографии моделях («дедуктивная классификация» Дж. Хилла и Р. Эванса — Hill and Evans 1972), то другая часть — в классоделительной способности элементов, проявляющейся в ходе корреляции («древовидная классификация» Р. Уоллона — Whallon 1972). Это, однако, не выводит за пределы этного аспекта. Противостоящая «новой

археологии» на Западе «археология поселений» подошла ближе к решению вопроса, наметив искомое средство в сравнении *археологических контекстов* («сравнительная классификация» Чжана Гуанчжи — Chang 1967:71—88). Но это узкие локальные контексты, взятые вне сети археологических культур.

Все эти новейшие попытки помогают лишь в решении некоторых частных задач культурной группировки, но не в решении всей проблемы.

4. Новая стратегия

Единственно возможным общим решением проблемы представляется смена всей стратегии группировки. При дешифровке комбинаторным методом без билингвы, как известно, для успеха желательно, чтобы тексты были как можно пространнее, а реальные контексты разнообразнее. В аналогичной археологической ситуации элементы получают культурный смысл (и опознаются как признаки) лишь из более широкого культурного контекста, то есть со следующего, вышележащего уровня, где они артикулируются наиболее четко в составе культурных типов. А последние, в свою очередь,— с еще более высокого уровня — из состава и сопоставления исторических культур (см. здесь конец гл. VI).

Поэтому аналитическую и дедуктивную стратегии группировки должна сменить *системная стратегия,* которая находит более общее методологическое обоснование и освещение в некоторых принципах материалистической диалектики (Блауберг и Юдин 1973:18—19, 32—101; Садовский 1974:7—8; Klejn 1973a:692, 700—704). Эта стратегия ведет не снизу вверх — от элементов через типы к культурам, а наоборот — сверху вниз. Сверху не в смысле: от целой совокупности к подразделениям (как в древовидной классификации), а с более высокого уровня интеграции — уровня культур. Только такой процесс может протекать в эмном русле. Как в лингвистике, где фонемный анализ в отличие от фонетического возможен лишь при движении от целостного восприятия данного языка. Как в теории распознавания образов. Специалисты по ней уже давно пришли к выводу, что, когда образы не элементарно сопоставимы, а нуждаются в преобразованиях для сопоставления, узнающая «система должна заранее знать, ч е м р а з л и ч а ю т с я к л а с с ы». При «нечетко поставленной задаче», когда неясно, какой признак следовало бы считать существенным, самая совершенная узнающая система не может надежно получить желаемый результат. Она как бы имитирует мышление шизофреника, разбивая совокупность объектов по признакам, несущественным и странным для того, кто знает искомые функции объектов этой совокупности. Чтобы этого не было, система должна «с с а м о г о н а ч а л а обладать некоторыми сведениями о свойствах совокупности задач... О большой совокупности задач» (Бонгард 1967:32,102).

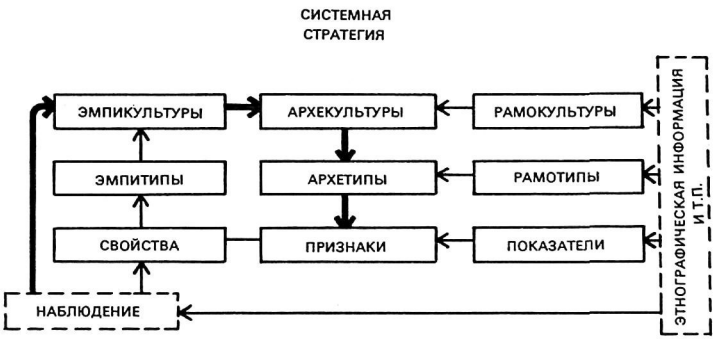
Распознав культуры, можно выделить в них типы, имеющие культурную значимость, а зная культурные типы, уже не столь трудно расчленить их на культурно значимые признаки. Только после этого становится целесообразным обратный путь — как способ уточнения (рис. 27).

Не возобновляется ли здесь просто старый спор: разбиение («классификация сверху») против объединения («классификация снизу», «группировка», по Харвею, 1974:323—327)? Нет, то был спор о том, двигаться ли в сторону возрастания или убывания схожести, в сторону большего или мменьшего охвата материала н а о д н о м у р о в н е и н т е г р а ц и и (например, от «типокомплекса» через «типы» к «подтипам» или наоборот — см. рис. 22). Здесь же речь идет о восхождении или нисхождении п о л е с т н и ц е у р о в н е й и н т е г р а ц и и. В предложенной стратегии типы рассматриваются с вышележащего уровня и о п р е д е л я-

ются как *устойчивые схемы соответствия облика артефактов их позициям в характерных культурных контекстах.*

Тут возникает вопрос: а почему бы тогда не вернуться к предложению Кригера — выявлять тип сразу по сопряжению всех видов его свойств, включая контекстные отношения? Не будет ли это равносильно предлагаемой стратегии?

Нет, это не одно и то же.



Р и с. 27. Системная стратегия типологического группирования (Клейн). Жирными стрелками показаны основные ходы умозаключений, тонкими — корректируемые.

Во-первых, предложение Кригера имело в виду только ближайший контекст артефактов (сочетаемость в комплексах, стратиграфию) и не подразумевало соотнесение с археологическими культурами.

Во-вторых, единовременная, нерасчлененная, сомкнутая корреляция не дает тех возможностей, которые обеспечиваются корреляцией поэтапной. Одна из этих возможностей — гипотетическая реконструкция типичной серии акций («функционального ряда») по созданию артефакта (см. Лебедев 1972; 1975) и мысленной последовательности выборов, предпринимавшихся мастером при изготовлении артефакта. Как пишет Маршак (1970:25), классификация должна выделить признаки, по которым не только современный археолог различает, но и древний мастер различал группы артефактов, в частности, группы сосудов. Имеются в виду

> «те особенности сосудов, которые являются результатом выбора мастера, делавшего данную вещь или основавшего традицию изготовления таких вещей. Описывая сосуд перечнем признаков, мы стремимся отразить каждый момент выбора».

При сокращении списка признаков или упрощении процедуры возникает опасность:

> «Но тогда мы..., возможно, не фиксируем один из моментов выбора. В списке признаков исчезает фиксация выбора «сделать ли кувшин?» и сохраняется только фиксация выбора: "какой кувшин сделать?"» (Маршак 1970:25).

5. «Типологические революции»

Итак, сопоставление эмпирических типов с культурными подвело нас (конец гл. VI) к выводу, что опознать культурные среди эмпирических и сконструированных можно только при одном условии — если исходить из археологических культур. Теперь этот вывод, получен в раз-

вернутом виде и обоснован. Сделав этот вывод, мы тем самым признали, что прежде, чем приступить к опознанию и выделению культурных типов, мы должны обладать знанием об археологических культурах, мы должны иметь их уже выделенными.

Но этот вывод вступает в коренное противоречие со всей традиционной теоретической археологией, со всеми ее основными стратегиями группировки.

Разумеется, его никак не согласовать с *канонической* схемой Городцова, априорной и жесткой — настоящей классификацией, а не типологией. Она не нуждалась в предварительном знании культур. Претендовавшая на естественность, она ведь на деле, будучи ригидной, вообще не учитывала ни специфики того или иного материала, т. е. действительных отношений в нем, ни разнообразия исследовательских задач. Ее заслугой была стимуляция систематики, рождение типологии как таковой — не эволюционно-типологического метода, а просто типологии. Чжан Гуанчжи называет это «первой типологической революцией». Он считает, что Клакхон «в значительной мере был инициатором первой типологической революции в археологии в 1930-е годы» (Chang 1967:83). Однако первая теоретическая работа Клаккона, важная в этом плане, появилась в 1939 г. и Клакхон в ней (Klackhohn 1939:338) инициатором называет Городцова — создателя канонической стратегии (в начале 20-х годов).

Преимуществом и пороком этой стратегии была ее потенция унификации. Обязанная этому преимуществу своей живучестью (40 лет) и экспансией (от Рязани до Нью Мексико), она из-за этого же порока утратила господство, уступив его другим стратегиям, родившимся сразу вслед за ней и под ее воздействием.

Это прежде всего продолжающая ее, но более свободная *древовидная* классификация, которой многие исследователи пользуются вот уже почти полвека.

Это, далее — и особенно — *аналитическая* стратегия. Она была введена в археологию американцами Кригером и Сполдингом, подхвачена в Англии Чайлдом, а ее отражением была идея в о с х о д я щ е г о движения по трем уровням интеграции культурного материала: от *признаков* через *типы* к *культурам*. По этой идее, сначала нужно раздробить материал на элементарные признаки, затем объективной корреляцией признаков выявить типы, а уж потом, проследив группировку типов, обнаружить культуры. Аналитическая стратегия запрещала обращаться к предварительному знанию о культурах. Подкупавшая многих именно гарантиями объективности, эта стратегия легла в основу капитальной «Аналитической археологии» англичанина Д. Кларка. Она же подразумевается как естественная и единственно возможная во многих опытах создания дескриптивной археологии, в частности, французских и советских.

Эта стратегия за почти полвека своего эксплицитного существования в археологии показала свою полную неспособность справиться с задачей выявления системы реальных культурных типов и зашла в тупик.

Ее пытались заменить другой стратегией — *гипотезно-дедуктивной*, релятивистской по духу и на деле вообще не направленной к выявлению реальных культурных типов. Эта стратегия, введенная в археологию американцами Бру и Фордом и наиболее фундаментально разработанная шведом Мальмером, привлекала многих своей формальной строгостью и подчиненностью задачам исследования. Этим ее условные типы подра-

жали «идеальным типам» Вебера. К лестнице интеграции культурного материала она подходила как бы сбоку — от смежных наук, подменяя заимствованными оттуда моделями скрытые во тьме прошлого реальные культуры археологии и их типы. Но все эти «идеальные типы», условные типы, модели — все это для археологии лишь подсобные инструменты. Ей подавай культурные типы. А к ним и этой стратегией за 40 лет пробиться не удалось.

Пора заменить и ее. По мнению Чжана Гуанчжи, Клакхон не только в значительной мере был «инициатором первой типологической революции», но и «предвидел многое из второй в своем очерке "Применение типологии в антропологической теории" (1960)». Но когда же наступила (и наступила ли) эта «вторая типологическая революция»?

Выбрав из очерка Клакхона все предложения, оканчивающиеся вопросительными знаками (очень остроумный прием!), Чжан Гуанчжи едко заметил:

> «С тех пор, как Клакхон поставил эти вопросы, антропологи, между тем, не работали сверхурочно, чтобы ответить на них. Но я опасаюсь, что если бы они это и сделали, ответы не были бы определенными, и добавочные новые вопросы присоединились бы к старым» (Chang 1967:82—84).
>
> Среди вопросов Клакхона (Kluckhohn 1960) были такие:
>
> — Близок ли горшок больше всего к «идеальному типу» Уингейтской Черной-на-Белом или к похожей, но другой категории посуды?
>
> — Что явно несовместимо с чем другим?
>
> — Какие сочетания культурных элементов явно «невозможны»? ...О каких никакая догадка — тем или иным способом — неправомерна?»

Не пора ли все-таки и ответить на эти вопросы? Не будет ли это знаменовать «вторую типологическую революцию»? Но для этого нужно открыть и оценить фундаментальные принципы, лежащие в основе археологического познания организованности древнего культурного материала, осознать их и реализовать.

6. Запреты и дозволения

Необходимо прежде всего понять и признать, что некоторые методические пути, некоторые стратегии, считавшиеся перспективными, на самом деле вообще не могут вывести к типологии археологического материала, наполненной культурным смыслом. Причем эти стратегии не могут вывести к такой типологии не потому, что они до сих пор недостаточно усовершенствованы или что были погрешности в их применении, а потому, что получить этими способами ожидаемые результаты принципиально невозможно. То есть суть дела в неких *принципах невозможности.*

Первый принцип. Нельзя игнорировать специфику вещественной части археологического материала, т. е. специфику древностей культурных (не затрагивая материалы антропологические, палеонтологические и геологические). Учитывая специфику этих культурных древностей — их диффузность, переплетенность, синкретизм, —надо признать, что нельзя разложить их безусловно и без остатка по ячейкам логически строгой классификации так, чтобы не нарушить какие-то культурно значимые связи и деления в материале. Точнее — так, чтобы гарантировать, что никакие из этих связей и делений не будут нарушены, что все будут выявлены, опознаны и учтены или хотя бы что среди них окажутся главные. Конечно, может статься, что такая схема адекватна структуре какого-то массива данных, но она не может быть адекватной любому массиву.

Видимо, это один из фундаментальных принципов систематизации всякого культурного материала, не только археологического. Впрочем, он действителен не только в культуре, но в ней — особенно. Его можно обозначить как *принцип невозможности осуществления в культурном материале двух дел зараз — прагматического упорядочения и эвристического познавательного поиска* или *принцип невозможности решения задач естественной группировки такого материала средствами искусственной классификации,* принцип невозможности совмещения классификации (в узком смысле) с типологией.

В естествознании о различии между искусственными и естественными классификациями и об их несовместимости писал еще Бэр (1819). В археологии, кажется, первым на это различие указал Грязнов (1969), хотя в отличие от Бэра он не отметил несовместимость обеих методик. Поскольку Бэр был одним из основоположников первобытной археологии в России, собирая и классифицируя в своем Анатомическом кабинете Академии Наук древности каменного века, пожалуй, будет справедливо присвоить изложенной идее название: ***принцип Бэра — Грязнова.***

Второй принцип. Учитывая полифункциональность культурных компонентов, их поливалентность, разнопричинность возникновения и т. п., надо признать, что их никак нельзя связать одной стройной (простой, непротиворечивой) сетью иерархических отношений, включить в одну иерархию. Иными словами, по отношению к любому отдельно взятому массиву культурного материала нельзя построить универсальную естественную классификацию (группировку). Т. е. нельзя построить такую одну полную классификацию, иерархически (и притом просто) организованную, которая бы учитывала и упорядочивала все культурно значимые особенности материала — независимо от исследовательских задач, от аспекта рассмотрения, от выбора и оценки признаков.

Ясно, что можно построить множество искусственных классификаций одного массива (это пропагандировал Бру). Ясно, что можно построить и много естественных его классификаций — неправильных. Но можно построить и много правильных естественных классификаций одного массива. Нельзя вот что: построить такую одну, которая была бы единственно правильной для него, рассчитанной на любые запросы. Этот *принцип невозможности универсальной, единственно правильной естественной классификации, независимой от исследовательских задач,*— тоже один из фундаментальных принципов археологии. Первыми его сформулировали и обосновали для археологии Хилл и Эванс (Hill and Evans 1972), поэтому его можно назвать ***принципом Хилла — Эванса.***

Вместе с первым принципом он запрещает стратегию, ведущую к априорным универсальным классификациям-типологиям типа канонической городцовской.

Третий принцип. Учитывая, что код всякой культуры всегда условен, а ключ к коду ископаемой культуры утерян, надо осознать, что в археологии эмпирическое выявление корреляции элементарных свойств, сколь угодно технически изощренное и полное, само по себе не может привести к реальным культурным типам. Видимо, и это — один из фундаментальных принципов археологии. Его можно охарактеризовать как *принцип невозможности самопроизвольной интеграции реальных культурных типов прошлого из массы элементарных эмпирически наблюденных свойств археологического материала.*

Этот принцип, отсекающий индуктивную стратегию, был впервые сформулирован Тэйлором, указавшим, что эмпирические типы не являются ipso facto культурными типами (Taylor 1948:129). Напрашивается название: ***принцип Тэйлора.***

Четвертый принцип. Надобно учесть также, что условные типы представляют собой разновидность моделей. Но всякая модель лишь в каких-то отношениях подобна объекту моделирования, а когда объект удален и труднодоступен или сложен, степень сходств и их существенность не даны заранее. Их надо определять многообразной сверкой поведения объекта и модели (их изменчивости, реакций и т. п.). В рамках классификации (группировки) это невозможно. Необходимы многократные далекие выходы за ее пределы ради поштучного исключения ошибочных вариантов. Если нет прочной опоры для сознательно ориентированного, целенаправленного поиска, если модели взяты (или построены) наобум или на основе далеких, ненадежных аналогий (а именно так получаются условные типы), то ясно, что все предприятие превратится в движение наощупь, с тщетной надеждой быстро наткнуться на случайную удачу.

Правда, можно было бы представить условные типы как просто предварительные наброски, «рабочие гипотезы» сугубо временного значения (именно так и рисует дело Мальмер). Такие черновые наброски могут, конечно, использоваться, скажем, при выработке эмпирических типов, но такие приемы психологической эвристики не составляли бы проблемы для теоретической археологии. Суть условных типов явно не в этом: они же на практике (у того же Мальмера) немедленно поступают в работу как исходные данные для следующих этапов проработки материала — в их рамках проводятся измерения, картирование, истолкование...

Следовательно, условные типы осуждены оставаться условными. Принципиально невозможно посредством условных типов — нарезая ли искусственные ячейки или создавая «идеальные типы»— пробиться к культурным значениям далекого прошлого. Это *принцип невозможности вполне адекватной подмены древних культурных типов — реальных носителей культурных значений древности — условными типами, т. е. произвольно выбранными сегодня в ткани древнего культурного материала узлами связей,* принцип невозможности адекватной — без утраты культурной информации — подмены действительных культурнозначимых границ произвольно намеченными.

Этот принцип дезавуирует дедуктивную стратегию, упование на условные типы как на верный путь к точному знанию и пониманию прошлого. В литературе я не нашел формулировок этого принципа. Тэйлор лишь отстаивал существование культурных типов от нападок сторонников дедуктивной стратегии. Хоть возражения против условных типов и выдвигались (Сполдингом), но лишь с позиций аналитической стратегии и абсолютизации эмпирических типов.

Таковы четыре принципа невозможности, фундаментальные для археологии, для упорядочения и познания изначальной организованности и культурных значений археологического материала.

Согласно современным представлениям, те или иные «принципы невозможности» лежат в основе каждой науки. По словам Эйнштейна, термодинамика представляет собой систематический ответ на вопрос: какими должны быть законы природы, чтобы вечный двигатель оказался невозможным. «Принцип дополнительности» Гейзенберга тоже принадлежит к числу «принципов невозможности»: он гласит, что нельзя точно определить положение и скорость микрочастицы одновременно. Уитикер не побоялся заявить, что из нескольких правильно подобранных принципов невозможности можно вывести всю совокупность физических законов.

«Согласно старым представлениям, — пишет К. Форд, — фундаментальные законы природы должны быть законами *дозволения.* Они определяют, что может

(и должно) происходить в природе. Согласно новой точке зрения, наиболее фундаментальные законы носят характер *запретов*. Они определяют, что *не может* происходить в природе» (Форд 1965:112).

Есть серьезная аргументация этого предпочтения. Законы дозволения разрешают немногое, ставят процесс в жесткие рамки. Запреты же более «демократичны»: запрещая немногое, не ограничивают многообразие направлений — при сохранении некоторых величин (Баженов и др. 1973:134). Отрицание

«допускает любой процесс, лишь бы не изменялась определенная величина. Как это ни парадоксально, запреты оказываются менее строгими в своем ограничительном усердии, чем разрешения. Они оставляют свободу выбора...» (Шибанов 1974:17).

7. Законы сохранения

«Объявляя какие-то возможности несуществующими, любой отрицательный принцип вместе с тем сигнализирует о непознанных еще явлениях, обусловливающих эту невозможность... Любой принцип невозможности хорош лишь тогда, когда он подкрепляется абсолютно надежным положительным знанием. А такое знание заключено обычно в законах сохранения» (Шибанов 1974:16—17).

Утверждая неизменность некоторой величины, закон сохранения отрицает возможность процессов, ведущих к ее изменению. Современная методология приходит к выводу, что «научное познание должно быть ориентировано на законы сохранения как на важнейшие, глубокие законы природы» (Баженов и др. 1973:134). Нет оснований, однако, ограничивать эту сентенцию сферой природы и отказываться от ее приложения к сфере социокультурной.

Какие же законы сохранения соответствуют нашим принципам невозможности?

Первый закон сохранения. Из принципа Бэра — Грязнова т. е. принципа невозможности совмещения классификации с типологией, можно было бы вывести следующий закон. Если наложить на археологический материал (на большой массив его) априорную иерархически построенную сеть классификационных ячеек, то она непременно разрежет какие-то связи, присущие данному материалу. При всяком таком наложении априорной схемы на материал в нем остаются какие-то части, которые нельзя строго и полностью распределить по ячейкам классификации, т. е. материал остается не вполне упорядоченным. Это *закон сохранения неупорядоченности археологического культурного материала при наложении на него априорной классификационной иерархической схемы.*

Второй закон сохранения. Принцип Хилла — Эванса можно следующим образом переформулировать в закон сохранения: Любая группировка археологического материала, адекватная в каком-то отношении его структуре и отвечающая некоторой цели исследования, не обязательно будет соответствовать структуре материала также во всех других отношениях, она не может удовлетворять любым целям исследования. В материале непременно останутся какие-то связи, несогласуемые с этой группировкой. Это значит, что *при всяком изменении целей исследования сохраняется возможность перегруппировать материал по-новому в соответствии со структурой материала.* Это *закон сохранения связей и рубежей в археологическом материале* сверх тех, которые могут быть выделены любой одной иерархически организованной группировкой, соответствующей одному виду исследований, одной группе однородных задач.

Третий закон сохранения. Соответствует принципу Тэйлора, т. е. принципу невозможности самопроизвольной интеграции куль-

турных типов из массива элементарных характеристик. Его можно было бы сформулировать так: *При всякой интеграции эмпирических типов из элементарных свойств, не ориентированной введением дополнительного знания с уровня культур, культурная значимость типов и свойств должна сохраняться неопределенной.* Это *закон сохранения культурной неопределенности типов и элементов* при восходящей, аналитической стратегии классификации. Применительно к эмпирически выявляемым свойствам и их сочетаниям он сохраняет возможность различных культурных интерпретаций до тех пор, пока «сверху» не будет спущена спецификация.

Четвертый закон сохранения. Выводится из принципа невозможности адекватной подмены культурных типов условными. По этому закону, в археологии сохраняется *условность произвольно очерченных типов относительно искомых культурных значений* при любых преобразованиях границ, при любых перераспределениях материала, при любых образцах (источниках идей) для моделирования. Никакие данные об аналогиях на том же уровне интеграции (уровне сортировки целых артефактов), вводимые в моделирование со стороны, «сбоку» — из смежных отраслей знания (этнография, лингвистика, психология, здравый смысл и знание современной культуры собственного окружения исследователя) — сами по себе не позволяют снять условность. Даже аналогии в археологическом материале ненадежны для прямого переноса, если они относятся к другому времени или другой территории. Так, молоточковидные булавки бронзового века на Кавказе оказываются в погребениях у головы покойного — видимо, они там были компонентом прически, а на Украине они располагаются между бронзовыми бляхами на конце нитки пронизей, свисавшей от шеи к поясу покойного — видимо, *как амулет или нечто подобное. Функциональные назначения разные, а* значит и типы разные. Спецификация невозможна без сведений о контекстах, о границах и содержании археологических культур, т. е. без информации «сверху» — из вышележащего уровня интеграции. Это верно и по отношению к эмпирическим типам, и по отношению к условным.

8. Идея нисхождения

Таким образом, намечается противоположная, новая стратегия группировки — стратегия, которую можно было бы назвать ***системной***. Ее стержнем является идея нисхождения: от системы к субсистемам и элементам — от культуры к типам, а затем от типов к признакам. По этой идее, сначала нужно выявить культуры, затем — опираясь на них — выделить в них культурные типы, а уж затем, зная культурную значимость типов, расчленить их на признаки.

Разумеется, полученные понятия будут нечеткими, расплывчатыми, поскольку к каждому типу мы будем подходить снаружи, не имея предварительных точных сведений о его внутреннем элементном составе. Зато у нас будет подготовлен критерий для оценки элементов, которая придаст смысл всей работе. Только после этого, достигнув уровня признаков и разобравшись в их культурной значимости, отсортировав признаки от свойств («эмные» элементы от «этных», на языке Пайка), мы можем начать обратное движение: от признаков через типы к культурам. Иными словами, сначала *выявив* культуры, мы *выделяем* в них типы, а типы *расчленяем* на признаки, но затем, проводя суммирование и *систематизацию* признаков, мы поворачиваем вспять и корреляцией признаков *определяем* типы, после чего, имея по-новому сформулированные типы, через их корреляцию *уточняем* наши культуры.

Разумеется, сразу же возникает вопрос: а как же мы схватываем культуры, если не через предварительно выделенные типы? Логически напрашивается дальнейшее наращение уровней дискретности: если мы подходим к культуре не снизу, от типов, то значит — с противоположной стороны, сверху. То есть от более широкой совокупности материала на том же уровне интеграции, либо с вышележащего уровня интеграции.

Первый путь проще. Правда, здесь теоретически до недавнего времени не предполагалось общностей, более крупных, чем культуры. Однако на практике уже давно стали выявляться территориальные группы синхронных родственных культур — «культурные круги», «культурные провинции», «культурно-хозяйственные зоны» и т. п., в недавнее время нашедшие признание и в теоретических схемах. Мною было предложено понятие «секвенции» для последовательных рядов культур, связанных территориальной или генетической преемственностью (Клейн 1973 а: 17—1973 б: 229—300; Klejn 1973 a: 4; 1973: 698; 1974 a: 47; 1976). У Д. Кларка самым широким является понятие «технокомплекс» (Clarke 1968: 188, 321—357). Таким образом, можно сказать, что к выявлению культуры нужно идти от этих более широких общностей.

Естественно, встанет вопрос, от каких же еще более широких общностей надо исходить для выявления культурных кругов, секвенций, технокомплексов и т. п. Что ж, очевидно, от всей совокупности мировой культуры во всей ее глобальной и исторической протяженности. Но тогда встанет еще один вопрос: а эту совокупность из чего вывести?

Очевидно, здесь неизбежен переход на более высокий уровень интеграции. По отношению к культуре это могут быть: социокультурная сфера в целом (культура и общество в их взаимообусловленности и взаимодействии), экосистема (культура, общество и природа) и т. д.

Видимо, просто бессмысленно продолжать это наращение до философских понятий наивысшей общности. На какой-то ступени, скажем, на мировой культуре, лучше остановиться и сказать: а она нам попросту дана как нечто очевидное и исходное, интуитивно схватываемое. В известной (все меньшей) мере это справедливо и по отношению к понятиям нижележащих уровней. Во всяком случае, применительно к культуре это еще достаточно реалистично.

— Как! Интуитивное восприятие вместо точной регистрации! — возмутится здесь строгий пурист (nomen omen), воспитанный в духе аналитической стратегии и логического позитивизма (Форд сказал бы: «стоящий всеми четырьмя ногами на черепке»).

Ответ прост. Да, интуиция здесь — отправная площадка. Но ведь и у вас, в аналитической стратегии, все тоже начинается с нее, ибо, по всеобщему признанию ее активнейших теоретиков, выявление и отбор признаков неформализуемы и остаются делом интуиции (Шер 1970: 10 — 11; Маршак 1970: 31; Watson a. o. 1971: 127). Что сверху, что снизу — все равно в начале начал интуиция.

Системная стратегия классификации вправе не стесняться этого. У нее найдутся свои слабые стороны. В частности, ей, по самой ее природе, видимо, присущи изрядная расплывчатость исходных ячеек (убывающая к нижним уровням) и риск утери культурной информации, не аккумулированной в типах. Поэтому нужно искать способы разумного дополнения и корректирования этой стратегии обеими прежними (рис. 25). Но из трех только она добывает, что корректировать, ибо она открывает путь к смыслу культурных явлений.

Глава XII

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

> Хорошая теория, однако, ... должна реализоваться в Хорошей Классификации.
>
> С. Хокс (Hawkes 1973: 176)

1. Соотнесение с практикой

Здесь пора обратить внимание на то, что эта новая, *системная стратегия группировки,* в сущности, не вполне нова. Новыми являются лишь ее эксплицитное выражение и теоретическое обоснование.

Ведь те исследователи, которые давно создали удачные, работавшие (и нередко работающие до сих пор) классификации, собственно говоря, поступали в духе этой стратегии: выделяя типы, ориентировались на имевшийся у них заранее целостный образ культуры. Они делали незаконную, с точки зрения прежней стратегии, вещь: подглядывали вперед, стараясь уловить, как будет себя вести намечаемый тип в культуре, в каких ситуациях окажется (в одинаковых ли, или, по крайней мере — эквивалентных ли), с какими явлениями будет коррелировать. И, поймав положительную реакцию, выделяли тип наперекор любым логическим рамкам действовавшей классификационной процедуры, нарушая все правила и сбивая формальные, кодифицированные критерии.

На деле эти исследователи не из эмпирических корреляций выводили свои типы, подставляя под культурное определение, а наоборот — тайком (нередко подсознательно) выхватывали типы из культурной системы и налагали на эмпирические корреляции. А уж затем они старались найти логичное обоснование такого именно выделения и представить дело так, будто бы каждый тип с культурной значимостью выделился в ходе эмпирической корреляции самопроизвольно.

Вот почему Софус Мюллер и Глоб положили в основу классификации каменных боевых топоров профиль, а не фас топора: еще Мюллер подметил, что именно этот показатель коррелирует со стратиграфией. Вот почему работоспособной оказалась классификация Городцова — Крайнова: они ничто же сумняшеся нарушали правила логической, но неадекватной стратегии, повинуясь интуиции.

Проницательные исследователи порой сами подмечали эту нацеленность подбора критериев, связанную с осознанием тех или иных целей данной классификации.

Чайлд указывал, что типы, выделяемые как «руководящие ископаемые», это вовсе не обязательно те, что важны для характеристики экономики или адаптированности к природной среде. Их функция — хронологическая; схожим образом и культурноразличительная функция требует особого подхода, своих критериев.

> «Менее всего позволительно характеризовать культуру несколькими типами — руководящими ископаемыми (types fossils). Но эти типы — ископаемые — единственные приметы, по которым можно одну культуру опознать и отличить от другой» (Childe 1956: 34). «Многие типы, указывающие на чрезвычайно значимое культурное поведение, ... бесполезны для классификации культур, хоть и имеют первостепенное значение для их описания . Другие явления, менее значимые сами по себе ... оказываются привязанными к одному горизонту в ряде стратифицированных местонахождений и к ограниченному сплошному ареалу. Такие явления и используются со времен Мортилье как типы-ископаемые для определения археологических периодов и культур» (Childe 1956: 33).

Доран формулирует эту мысль проще:

> «Если классификация должна помочь установлению хронологии, то ее и надо соответственно направить, т. е. найти такие черты артефактов, которые особенно обладают хронологическим значением» (Doran 1970: 63).

В теоретических работах теперь, задним числом, можно усмотреть даже более далеко идущее предвосхищение системной стратегии. Так, Кригер в 1944 г. признавал:

> «разделительная линия между серией типов должна основываться на поддающихся демонстрации исторических факторах, а не, как это часто делается, на указаниях аналитика или на тонкостях описательного упорядочения» (Krieger 1944: 272).

> «Проще говоря, — пояснил Тэйлор в 1948 г., — археолог сперва разделяет свой материал эмпирически на основе территории, определяя локальную группу людей; затем он разделяет его по логике на основе культурных качеств, определяя культурную группу; потом он конструирует культурный контекст для этой культурной группы; и, наконец, он сравнивает этот контекст с другими, схоже развитыми, разделяя его на типы и классы, чтобы выявить то, что, как он считает, есть культурные отношения этого контекста» (Taylor 1948: 147).

Однако эти высказывания не были развиты их авторами и проскользнули незамеченными. Тэйлор тотчас вслед за своим высказыванием (приведеным только что) настаивает на том, что «первостепенную заботу археолога должна составить задача, как отобразить культуру человеческой группы, представленной на отдельном поселении, или ее фракцию, не помещая культурные явления в широкую панораму археологических поселений» (Taylor 1948: 147). И понятно: его сопрягательный подход противостоит сравнительному. Приведя высказывание Филипса о том, стратиграфический и аналитический подходы к классификации несовместимы, и один из них должен иметь приоритет, Тэйлор отрицает этот конфликт (Taylor 1948: 138), тогда как, с точки зрения системной стратегии, конфликт очевиден, и приоритет отдается стратиграфии (ср. практику Софуса Мюллера и Глоба).

Высказывания в духе системной стратегии перемежались у Тэйлора с такими:

> «разделительная линия между теми несходствами, которые позволяют дифференцировать типы, и теми, которые не позволяют, не «дана». Вернее будет сказать, что никто не способен изложить закон в этом деле, так что каждый археолог должен быть сам своим судьей, полагаясь на такие путеводители, как собственные сознание и опыт» (Taylor 1948: 129).

Конечно, такая сбивчивость и всеядность не способствовали освещению пути к новой стратегии классификации и не проясняли проблему для практиков — тех, которые, по выражению Резерфорда, «больше делают, чем понимают».

Практикам, однако, желательны не только освещение пути и прояснение проблемы, но и конкретные методические рекомендации. Это значит, нужна операционализация предложенных методологических принципов.

В частности, требуется конкретизировать два ряда операций. В о-п е р в ы х, надо уточнить, как выявлять культуры без предварительного эксплицитного знания всей совокупности эмпирических типов. В о-в т о р ы х — как из определенных таким способом культур выводить культурные типы. В обоих случаях нужно установить состав и последовательность операций, условия объективности работы, меру и способ возможной формализации. Это нелегкая задача, которая сама потребует не менее пространной разработки, чем та, что уже проделана и изложена здесь. Однако контуры этой разработки можно наметить уже сейчас.

2. Априорные культуры

Займемся сначала первым рядом операций — априорным выявлением культур.

Все теоретические схемы классификации обычно строятся на основе допущения идеальной (хотя и не оптимальной) ситуации. Принимается за нечто само собой разумеющееся, что весь материал, подлежащий классификации, поступает к археологу в абсолютно перемешанном виде, как хаотическое нагромождение, в котором нет никакого порядка, кроме скрытного в сходствах и различиях форм. И до сих пор в данной работе мы исходили также из этого допущения.

Между тем, оно не может служить ни отражением всегдашней или обычной реальной ситуации, ни ее нормированным (усредненным) выражением — тем, которое в чистом виде почти никогда не встречается, но очень близко к реальности. На деле материал поступает к археологу обычно в сильно структурированном состоянии, с густой сетью пространственно-временных связей и разломов, и в этой сети отражаются связи и дискретность некогда живших культурных систем. Вот почему становится возможным априорное выявление культур.

Прежде всего, материал изначально, так сказать, кластерирован территориально — образует локальные сгустки. Это — следствие трех причин: а) неравномерной заселенности в прошлом (существование «Браниборов», «ничьей земли», Дикого поля и т. п.), б) неравномерной сохранности разных категорий памятников в тех или иных условиях, в) неравномерной добычи археологических материалов вследствие различий в хозяйственной эксплуатации земель и в интенсивности исследований. Раскопки и разведки никогда не покрывают сплошь огромных территорий и никогда не образуют сплошной сети репрезентативных выборок (со случайным распределением). Поэтому обычно сначала возникают небольшие *нуклеарные участки* хорошей изученности, вокруг которых долго еще простираются сплошные белые пятна. Даже если бы существовал континуум культуры, эти участки различались бы четко в силу своей удаленности и изолированности друг от друга. Поскольку же континуума нет, и эти участки подобны гигантским зондам, опущенным в прошлое и имеющим большие шансы угодить в разные культурные очаги, постольку резкие различия между их остатками обычно очевидны.

Форд расценивал этот эффект как причину возникновения искусственных границ, как фактор искажения реальности. На деле же этот эффект лишь усиливает и подчеркивает реальную дискретность исследуемого мира и, высвечивая (пусть в случайной последовательности) реальные контрасты, помогает ухватить эту дискретность.

Далее, археологический материал изначально предстает расчлененным, распределенным и разделенным во времени. Верно, конечно, что в отличие от территориального параметр времени не дан археологу непосредственно (Chang 1967 a: 23). Верно и то, что во многих случаях в памятниках осуществлен феномен компрессии — разновременные элементы сведены в один пласт (Захарук 1975: 5). Но столь же верно, что параметр времени весьма наглядно воплощен в стратиграфии (особенно в вертикальной, но также в горизонтальной и сравнительной) и в распределении материала по категориям памятников (ср. палеолитические стоянки, курганы бронзового и железного веков и древнерусские города) (Klejn 1978). Кроме того он имеет внеархеологическую опору в эпиграфике, указаниях письменных источников, а ныне — и в естественно-научных методах датировки. Таким образом, эта распределенность археологического материала тоже обладает преимуществом априорности по отношению к задачам построения генеральной типологии.

Когда есть многослойные поселения, горизонтально стратифицированные плоские могильники и курганы с разновременными и особенно разнокультурными погребениями, в нуклеарных участках возникают *стратиграфические колонки — простые, составные* (приведенные к форме простых) и *обобщенные* (посредством сравнительной стратиграфии). Когда в стратиграфической колонке, обобщающей все колонки нуклеарного участка, удается расчленить материал покультурно, то есть различить разные культуры, последовательно сменявшие здесь друг друга, в распоряжении археолога оказывается то, что мною было предложено называть *колонной секвенцией* (Клейн 1973 а: 1; Klejn 1973 a: 698; 1976: 18—20).

Именно так были построены ставшие классическими колонные секвенции: Софуса Мюллера в Дании (мегалиты — погребения в грунте — погребения на горизонте — погребения в насыпи), Городцова на Донце (ямная — катакомбная — срубная — скифская — сарматская — позднекочевническая культуры), Теплоухова в Минусинской степи (афанасьевская — андроновская — карасукская и т. д.), Мильденбергера—Фишера в бассейне Заале (баальберг — зальцмюнде — вальтернинбург-бернбург — шаровидные амфоры и шнуровая керамика — шенфельд, колоколовидные кубки — унетицкая культура — курганная культура — поля погребений...), Георгиева в Южной Фракии (Кремиковцы — Веселиново — Караново IV — Марица/Боян — Коджа-Дермен/Гумельница/Чернавода и т. д.).

Между колонными секвенциями («колоннами») провешиваются поисковые *траверсы* — горизонты синхронизации, ареалы в картографировании и т. п. В этих колоннах и траверсах проступают границы культур.

Возникает вопрос: а как же можно сколько-нибудь доказательно различить культуры внутри колонной секвенции или траверса, если не прибегать к какому-то поэлементному описанию и сравнению этих культур? Действительно, это невозможно: ведь границы слоев и даже стерильные прослойки могут расчленить и однокультурный материал, и в то же время граница между разнокультурными напластованиями может оказаться размытой и незаметной.

а) Выявленные по свойствам и блокам.

Однако, во-первых, по признанию Кауджилла, для «хронологических типов», нужных, чтобы построить хорошую сериацию, требуется очень малая толика информации. Достаточно учесть лишь некоторые показатели, и если придерживаться определенных правил, то трудно впасть в грубые ошибки (Cowgill 1972: 386). К этому можно добавить, что (и это еще более важно) описание и сравнение материала разных слоев и разных условно выделенных пластов может быть осуществлено на языке не *признаков*, а *свойств* — средствами общеархеологического «дескриптивного алфавита», не претендующего на непременную культурную значимость. Желательно, чтобы этот алфавит составлен был все-таки с учетом выявленной опытным путем и логически выводимой вероятности культурного осмысления физических свойств и чтобы регистрируемые в данном конкретном наблюдении параметры были достаточно многочисленны, разнообразны и взаимонезависимы (точнее, чтобы они не могли иметь иной зависимости, кроме культурной). Если это обеспечено, то весьма высок шанс, что выявленные сильные и многочисленные корреляции имеют культурную значимость и что основные рубежи между культурами не ускользнут от фиксации.

Скажем, археолог подметил, что в раскопе ниже 2-метровой отметки изменяются цвет и консистенция культурного слоя, одновременно расписная керамика сменяется монохромной с рельефной орнаментацией,

планы жилищ становятся другими, появляются не встречавшиеся выше костяные пряжки и шилья, зато исчезают пастовые бусы, и т. п. Он констатирует, что сменилась культура, хотя полный облик ни перекрывающей, ни подстилающей культур он определить не может.

Такие же заключения он вправе делать при расширении «нуклеарного участка» и нащупывании территориального рубежа между данной культурой и синхронными соседними.

б) Выявленные по эвидентным типам.

Во-вторых, многие типы сами по себе столь стандартны, столь узко центрированы, их экземпляры столь однообразны и столь резко отличаются по форме от вещей других типов, что эти (первые) типы сразу же распознаются как данности, и никакой нужды в их специальном выявлении и ограничении просто не возникает. Например, даже такой ярый сторонник математической обработки археологических материалов, как Ренфру, в своем монографическом исследовании кикладской цивилизации не стал применять статистических процедур к классификации раннекикладских вещей.

> «Понятие типа, — пишет он, — применяется здесь без дальнейшего анализа: одна из наиболее ярких черт раннекикладских находок — это характер их действительного разделения на типы. Среди многих сотен горшков, известных из группы могил, называемой Пелосской, есть на деле только четыре формы. Время от времени публикуются предположительно уникальные формы, но другие экземпляры снова показывают что это надо рассматривать как типы... Так что, хоть детальный анализ артефактов по кластерам признаков и мог бы принести больше интеллектуального удовлетворения, вряд ли стоит сомневаться, что результаты были бы сугубо теми же, как при прямом и интуитивном разбиении на типы, принятом здесь» (Renfrew 1972:135—136).

Таковы же многие типы древнегреческой керамики, древнерусские височные кольца, овручские шиферные пряслица и т. п.

Это не значит, что они вообще не заслуживают детальных измерений и математической обработки. Такая обработка, возможно, позволит установить дробные хронологические деления, выявить разные центры производства и мастерские, проследить племенные различия и т. п. Но для грубого предварительного различения культур она не требуется. Такие типы можно было бы именовать «эвидентными» (от лат. evidentus — явный, очевидный, засвидетельствованный). Распределение эвидентных типов по слоям и комплексам говорит само за себя, и старая идея «руководящих древностей» (index antiquities, Leittypen, types directeurs, types-fossils) не так уж наивна.

в) Выявленные по категориям.

В-третьих, для выделения культур типы вещей не так уж необходимы, как мы привыкли считать. Часто вполне достаточно иметь хорошо артикулированный набор категорий, а категории из-за их обусловленности разными функциями отделяются друг от друга и по формам значительно ярче и проще, чем типы. Конечно же, легче отделить сковороды от рюмок и ножи от ложек, даже не зная их функций, чем одни типы рюмок от других. То же можно сказать и о сугубо археологических категориях — фибулах, амфорах, боевых топорах, скребках и резцах.

Более того, если присмотреться к реальным исследованиям, посвященным описанию археологических культур, то можно заметить, что на практике археологи при этом и работают часто именно с категориями, а не с типами (на это обстоятельство обратил мое внимание А. А. Ковалев — самый молодой член моего семинара). И это можно понять: ведь внутри культуры каждая категория в каждый данный период нередко (хотя и не всегда) представлена всего одним типом — в культурном комплексе (фокусе) оказывается только один вид меча,

один вид серпа, один вид пряслица и т. д. Просто потому, что больше не требовалось. В таких ситуациях категория просто совпадает с типом.

Конечно, это при описаниях и интерпретации так. При выделении же культур как-никак различия типов внутри одной категории могут иметь культуроразличительное значение. Однако культуры могут различаться не только разными типами в одних и тех же категориях, но и разными категориями, разными наборами категорий. Скажем, в одном *фокусе представлены мечи и щиты, а в другом, синхронном, их вообще* нет (так, их не было у предков славян — в пражской культуре VII — VIII вв. н. э., хотя у их соседей германцев мечи и щиты тогда были). В одних культурах неолита предпочитались лук и стрелы, в других — праща, в одних каменные боевые топоры-молоты, в других — дротики с кремневыми наконечниками, и т. д. Многие категории распределены очень избирательно по культурам. А это значит, что и по комбинациям категорий в комплексах можно различать и выделять археологические культуры.

г) Выявленные по стилям.

В-четвертых, пора припомнить, что как типы и их сочетания, так и категории — не единственное средство выявления археологических культур. Вот где способны весьма пригодиться другие средства их выявления, другие версии определения археологической культуры — особенно стилистическая, но также картографическая, ковариационная.

Относя цивилизации (культуры или группы культур) к наиболее сложным из всех явлений, о которых мы знаем, Кребер добавил:«Возможно, они даже скорее тонкие, чем сложные» (Kroeber 1963: 1). Тонкость он явно связывал с причастностью к стилю. Это стиль — сугубо тонкая вещь. Тонкость заключается, помимо прочего, в том, что стиль нередко хорошо опознаваем даже если трудно определим. Как пишет Бэгби,

> «часто мы оказываемся в состоянии узнать культуру без анализа ее черт — примерно так же, как мы узнаем лицо друга, стиль живописи. Подобные объекты обладают системой неопределяемых качеств, которые сразу привлекают к себе наше внимание; пожалуй, наилучшим общим словом для обозначения этих качеств и является "стиль"» (Bagby 1958:108).

А Даннел заключает:

> «Элегантная простота стиля в поведении материала и возможность отличать верный ответ от просто элегантного сделали стиль коньком археологов (Dunnell 1978: 199).

Опознаваемость стиля, преодолевающая даже его формальную трудноопределимость, связана, видимо, с несколькими вещами: с широтой выбора форм, способных удовлетворять одной и той же функции, с практической неповторимостью сочетаний таких форм и с их объединением опознаваемыми эмоциональными предпочтениями и оценками на базе цельной социальной психологии конкретной общности людей. Выше было показано, что и формальную неопределенность стиля можно снять или, по крайней мере, сильно уменьшить.

3. Типы в культурах

Обратимся теперь ко второму ряду операций — *дедуцированию типов из культур.*

Проще всего обстоит дело с эвидентными эмпирическими типами. Уже сама ясность их формального обособления делает чрезвычайно вероятной их культурную значимость. Если же распределение их по выявленным культурам оказывается четким или хотя бы упорядоченным, если они по этому распределению коррелируют друг с другом, с индикациями

времени и пространства и с указанными выше изолированными дескриптивными элементами (физическими свойствами) остального материала, то вероятность превращается в достоверность. Мы можем смело считать, что это реальные культурные типы.

> «Чтобы быть диагностическим по отношению к культуре, — пишет Чайлд, — тип должен быть (1) способен к остенсивной дефиниции (его формальные черты должны быть воспроизводимы в диаграмме), (2) исключительно связан с двумя или более схожим образом дефинированными типами и (3) распространен на основе опознаваемой конфигурации» (Childe 1956: 36).

Несколько сложнее дело обстоит с тем материалом, в котором хотя и есть четкие границы признаков и даже есть плотные кластеры — эмпирические типы, но физически регистрируемых свойств необозримо много, границы эмпирических типов многократно пересекаются, таксономические ранги этих границ неизвестны — не говоря уже о том, что культурная значимость каких-либо из эмпирических типов не проступает. Кстати, эта ситуация наиболее обычна.

Вот здесь-то и оказывается решающей возможность опереться на хотя бы приблизительное, грубое знание целых культур.

Прежде всего исследователю необходимо выявить ***структурно-контекстную схему*** рассматриваемой археологической культуры. Эта схема отличается от *пространственно-временной структурной схемы,* описанной Захаруком (1Э64, рис. 4), от *структурно-типологической схемы,* описанной Шером (1Э66) и Д. Кларком (Clarke 1968), и от *синтезно-концептной структурной схемы,* описанной мною (Klejn 1971: 339).

Предложенная Захаруком пространственно-временная структурная схема отображает членение археологической культуры на ее собственном уровне интеграции (ср. рис. 21 и 23) во времени и пространстве, а также ее генетическую связность. Вне зависимости от намерений Захарука, его схема хорошо показывает, что обычные попытки разделить культуру на локальные варианты или на этапы или на те и другие являются неправомерным упрощением. На практике такие попытки, обычно предпринимаемые порознь, ведут к тому, что первое по времени деление (территориальное ли, хронологическое ли) утверждается как рамка для последующих и подавляет их. По завершении делений материал рассекается многократно крест-на-крест и обнаруживается тенденция распределять материал культуры по четкой прямоугольной сетке с заполнением всех клеток: все локальные варианты проходят через все этапы (обычно их почему-то три), каждый в своем районе. Такие стройные конструкции всегда вызывают подозрение своей искусственностью.

По схеме Захарука, основанной на структурном анализе развитой и хорошо изученной трипольской культуры, видно, что культура состоит из типологических подразделений (культурных вариантов, типологических вариантов), разнообразно размещенных во времени и пространстве и находящихся в разных генетических взаимоотношениях. Именно эта структура и подлежит выявлению, т. е. выявление типологических подразделений должно предшествовать хронологическим и локальным распределениям.

Аналогичную схему можно видеть у Соудского (Soudsky 1973: 206, fig. 2).

Структурно-типологическая схема — как она представлена у Шера или у Кларка (Clarke 1968, fig. 40 и здесь, рис. 21) — раскрывает механизм интеграции археологической культуры, т. е. показывает, каким образом археологическая культура сформирована из единиц нижележащего уровня интеграции — из типов, соответственно корреляционному пониманию археологической культуры (корреляционно-типологическому по Чайлду или типокомплексному по Шеру). Аналогичный характер носят схема Бочкарева (см. здесь, рис. 22) и моя (рис. 23). Очевидно, что

такие же схемы можно построить и в соответствии с другими версиями определения археологической культуры. Схемы этого рода облегчают археологам их старания придать смысл, строгость и целенаправленность типологическим операциям.

Синтезно-концептная схема была построена мною для выявления и показа многосторонности проявлений археологической культуры в разного рода связях архем, для установления взаимодополнительности разных подходов к определению археологической культуры. В том обобщенном виде, в котором она представлена здесь (рис. 18), она показывает и структуру археологической культуры, но в ином разрезе, чем те схемы. Она сопоставляет различные проявления культурной общности (или, что то же, разные виды связи, разные культурные структуры), как то: корреляцию типов, совпадение ареалов, стиль и т. п., — а также различные аспекты культурной общности (или, что то же, культурообразующие формы) как то: фокус или культурный комплекс (с его версиями по видам связи — концерн, транспарант, ансамбль и др.), конфедерацию (культурную группу), кодекс и т. п. Такая схема, как мне представляется, могла бы помочь упорядочению и уточнению понятий и терминов для описания и классификации археологического материала.

В отличие от всех этих трех схем, схема структурно-контекстная, необходимая для выявления культурных типов, носит более конкретный и менее графический характер — настолько, что ее даже трудно изобразить в общем виде так, чтобы изображение не оказалось банально простым или, наоборот, совершенно не наглядным. Эта схема указывает и характеризует обычные для данной культуры виды контекстов, их частотность, распределение по ним основных физически различимых фракций материала (керамики, металлических изделий, костей и т. п.). Структурно-контекстная схема культуры может рассматриваться как основа и/или результат группировки и обобщения контекстов. Эти контексты: поселения, могильники, клады, поля древнего земледелия, дороги, руины укреплений, пожарища, святилища, костища, хранилища припасов, мастерские, помойки, строительные горизонты и т. п. Все это остатки и следы различных обособленных по локализации и характеру видов деятельности древнего населения — серий взаимосвязанных акций.

В формировании этой схемы участвует пять факторов:

1) теоретические соображения о возможных видах деятельности носителей данной культуры, основанные на приложении общих законов, добываемых социологией и культурологией, к конкретным условиям данной среды;

2) частные «этнографические параллели», которые тем более ценны, чем яснее подчинены теоретическим построениям и чем теснее вплетены в их ткань;

3) впечатления «здравого смысла», обычно извлеченные из частного, неполного, имплицитного обобщения контекстов своей собственной живой культуры, а также некоторых отсталых культур и реликтовых субкультур (обладая преимуществами наглядности, непосредственности и готовности, эти соображения таят в себе опасность грубых ошибок и нуждаются в неусыпном контроле);

4) проецирование на материал данной культуры контекстно-структурных схем других археологических культур — особенно чем-то близких: соседних, синхронных, родственных, синстадиальных, однотипных и т. п.;

5) обобщение и эмпирическая группировка контекстов самой данной культуры.

Когда контекстно-структурная схема исследуемой культуры создана, можно приступить к сравнительному изучению ее контекстов.

При таком сопоставлении (А) однородных контекстов внутри одной культуры, особенно при охвате разных местностей, разных условий обнаружения и т. п., повторение данного признака или сочетания сигнализирует о его культурной значимости: культурный тип устойчиво связан с определенной функцией, а потому и с определенным видом (или с определенными видами) контекста. Такие признаки и особенно их кластеры должны быть преимущественно разными в контекстах разного рода и чаще повторяться в контекстах одного рода (например, скопления денег — в «сейфовых» контекстах).

Стало быть, такое сопоставление контекстов одного рода в одной культуре позволит наметить культурный тип как функционально обусловленную дискретность (нечто близкое к городцовской «категории»).

Сопоставление таких контекстов (однородных, однокультурных), относящихся к разному времени, к разным периодам существования данной культуры, позволяет проследить изменение частотности того или иного признака, изменение его встречаемости с другими. Если выявляются длительность существования и нормальное распределение во времени (ладьевидная гистограмма), то это подтверждает культурную значимость типа, его статус культурного типа. О том же говорит и его генетическая связь с предшествующими и последующими типами. Данные, добытые прослеживанием такой эволюции, могут помочь и в корректировке самих функциональных значений и рангов иерархии (так, типологические ряды свяжут современную белую и желтую «мелочь» со старыми монетами из настоящих серебра и меди).

При сопоставлении (В) контекстов некой культуры с аналогичными контекстами других культур, особенно соседних, в аналогичной природной среде, учет различий позволяет выделить те признаки, которые имеют культурноразличительное значение и, следовательно, явно участвуют в формировании культурных типов. Такое сопоставление даст возможность разграничить «типы» внутри «категорий» и выдвинет на первый план те признаки, которым в далеких от исследователя культурах придавался некий не очевидный для него смысл. Ведь такие значения условны, определены случаем, произволом личностей и коллективов или обусловлены традицией. Поэтому они в разных культурах выражены по-разному.

Именно так Чжан Гуанчжи в своем мысленном эксперименте использовал сопоставление денег США с мексиканскими и канадскими. Сравнив деньги США с деньгами соседних стран, несведущий в этом материале *наблюдатель смекнет, что различие изображений и надписей чем-то* важно для аборигенов.

Однако, как видно хотя бы и из этого примера, для культурных типов имеют значение и те признаки, которые схожи у многих культур в аналогичных контекстах: и в США, и в Мексике, и в Канаде есть металлические круглые монеты и бумажные прямоугольные ассигнации, есть цифры на них и т. п. Пожалуй, наблюдатель выделит эти признаки как еще более важные, чем те, идиосинкратические, и будет недалек от истины. Подобными признаками различаются не культуры, а средства выполнения разных функций, каждая из которых присуща многим культурам. Такие признаки выявляются сопоставлением однородных контекстов разных культур и сравнением полученных обобщений между собой. Однако такое сопоставление не может выявить те функции, которые специфичны для той или иной культуры.

Уловить культурную иерархию признаков, их смысл в древней культуре, конкретизировать отраженные в них функции и приблизиться к значениям культурных типов в основном помогает сопоставление (С) разнородных контекстов одной культуры. Заметив, в каких контекстах появляются монеты и ассигнации, а в каких — нет, в каких выступают бумажные деньги, а в каких металлические, исследователь поймет, что первые артефакты важнее: их строже хранят, меньше используют в ситуациях, связанных с обращением легко производимых продуктов, старательнее накапливают, тогда как накопления металлических монет у каждого индивида очень ограниченны.

Ну, а для более полного и глубокого понимания смысла культурных типов не обойтись без привлечения аналогий из известных, живых культур, без построения моделей и т. п. Взять хотя бы пример с деньгами: надо же знать, что такое обмен, торговля, деньги, стоимость, цена, металлургия, какую роль играют благородные металлы, и т. д.

Конечно, однозначная увязка функций с контекстами — это упрощение. На деле почти всегда средства реализации той или иной функции (а с тем и культурные типы) повторяются не в одном, а в нескольких видах контекстов (например, даже древние деньги, не говоря уже о современных, обнаруживаются скоплениями в «кладах торговцев», в «домашних кладах», в «сейфах» — храмовых и дворцовых сокровищницах, а разрозненно — также в погребениях и в культурном слое поселений). Однако число таких контекстов обычно сугубо ограниченно. А вот те физические свойства материала, которые налицо во всех контекстах (скажем, что все артефакты состоят из атомов и молекул, что все имеют электрические и магнитные характеристики и т. п.), или те, которые распределяются по разным контекстам абсолютно беспорядочно (скажем, удельный вес артефактов), явно не имеют культурного значения в данных культурах.

4. Типы в диффузном материале

Задача оказывается гораздо более трудной применительно к тем частям материала, где нет вообще четких границ, где эмпирические типы расплывчаты в своем формальном обособлении (слабые взаимоисключающиеся кластеры) или где налицо даже континуум форм. Такая постепенность может простираться в плоскости пространственно-временных параметров (когда плохо различимы всякие формы, близкие друг другу по датировке и локализации), а может — еще и в плоскости функционального и социального распределения (когда в одном и том же микрорайоне и одном периоде многие функции и социальные нормы представлены широкими диапазонами форм, и крайние вариации разнофункциональных диапазонов смыкаются).

В первом случае (при пространственно-временном континууме) первоначальные границы можно провести лишь условно — руководствуясь намеченными ранее границами культур. Те признаки и пучки взаимосвязанных признаков, которые демонстрируют направленную изменчивость во времени и/или пространстве, будут выявлены сравнением этих условно нарезанных кусков материала: по ним можно различать культуры. При более дробном условном делении выявятся различия между краями культур, а также между ранними и поздними проявлениями культур. Все эти культурные типы условны в том смысле, что условны их границы, но их культурная значимость вполне реальна.

Выявив эту значимость некоторых параметров и направленность изменчивости в этих параметрах, можно затем попытаться проверить, нет

ли на этих направлениях перерывов постепенности (перепадов в формальных значениях), совпадающих с границами культур, но слабых и потому не замеченных вначале, или перерывов другого рода — не совпадающих с границами культур (по крайней мере — с априорными границами). Если это удастся, то тем самым выявятся культурные типы, реальные и в своих границах совпадающие с некоторыми эмпирическими.

Во втором случае (при функциональных и социальных сплавах и пересечениях) задача выглядит безнадежной, но и к ней можно подобрать ключи. Прежде всего надо разделить два варианта такой постепенности. Один — с более глубоким основанием: постепенность в нем образована за счет прижизненного скрещивания культур и носит органический характер. Другой — с основанием помельче: постепенность в нем образована за счет посмертного механического смешивания материала под воздействием феномена компрессии (сплющивания слоев, сведения разновременных артефактов к одному горизонту). Теперь можно разобраться в каждом.

Вариант первый. Поскольку такой континуум в реальности существует лишь на некоторых участках, всегда есть возможность расширить обследуемый район, раздвигая границы в разных направлениях — в поисках такого участка, где функциональные диапазоны и социокультурные нормы все-таки уплотняются и расслаиваются. Найдя такой участок и установив типологическую структуру его культурного комплекса, исследователь затем проецирует эту структуру на плохо структурированный участок.

Вот пример такой проблемной ситуации.

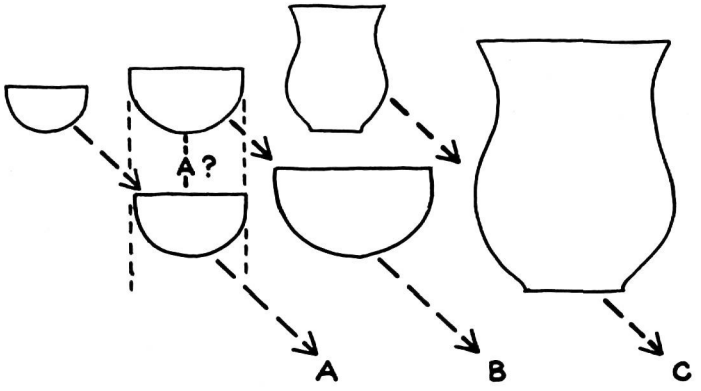
До тех пор, пока раскопки курганов «со скорченными и окрашенными костяками» велись в Приднепровье, Приазовье и Нижнем Подонье, уловить разделение на культуры, а в культурах выявить основные типы керамики не удавалось: в этих районах культура и впрямь носит смешанный характер. Только когда Городцов затеял раскопки на Донце, где культуры четко разделены, их удалось выявить порознь, а после этого стало возможным разделить по этому образцу материалы и в других районах. Если бы Городцов угодил зондом своих раскопок в Калмыкию, где через полвека копал Синицын, он бы нашел там одну культуру с ямами и катакомбами и керамику с широчайшим спектром форм, почти нерасчленимым на типы. Потребовалось бы продвижение на северо-запад, чтобы выйти в перспективный район Донбасса (ср. Клейн 1976б).

Разумеется, проекции реальных границ на реальный материал — это все же условные границы, но значения внутри них можно считать — с какой-то вероятностью — реальными. Степень вероятности зависит от многократности проецирования соседних структур на этот материал, от их собственной четкости и близости этому материалу.

Вариант второй. Здесь диапазоны изменчивости форм, узкие при жизни культуры, расширились за счет двух обстоятельств. Во-первых, сдвиг диапазонов во времени привел к их расширению. При жизни культуры оно не имело реального значения, но в силу компрессии разновременные смежные узкие диапазоны наложились друг на друга и сомкнулись в один суммарный широкий диапазон. Как это происходит, показал Виноградов (1979) на примере изменения одежды. Во-вторых, небольшие и медленные территориальные сдвиги населения приводили к такому же скапливанию на одном месте артефактов с гораздо более широким диапазоном изменчивости, чем реально бытовавшие

в одном коллективе. В итоге образуется континуум форм в материале, полученном археологами из одного места.

Границы в нем не видны: они закрыты сдвигами. Но этот диагноз подсказывает нам и способ обнаружения границ. нужно убрать сдвиги. Нужно изолировать горизонты. Нужно выделить одномоментные и одно-комплексные срезы в материале. То есть контексты: погребения, жилища, хозяйственные ямы и т. д. В каждом из них отдельно древние реализации разных функций (и, соответственно, проявления разных культурных типов) четко разделены. Сравнивать эти реализации надлежит не со всеми элементами совокупного материала из этого микрорайона, а только с теми, которые расположены на соответствующих (изоморфных) местах в сродственных контекстах.



Р и с. 28. Различение типов из континуума по позициям в контекстах.

Например, ряд форм керамики может быть длинным и постепенным, но в каждом погребении всего три формы: чаша для питья, кувшин и миска. В каком-то из погребений миска (как и оба других сосуда) может быть очень маленькой, в каком-то другом чашка (как и оба других сосуда) — очень большой. Если они схожи по форме, то между этой миской и этой чашкой почти не будет разницы. Не будь сведений об их роли в могилах, вряд ли удалось бы развести их в разные классы. Коль скоро же их позиции в контекстах известны (рис. 28), взаимоналожение диапазонов изменчивости снимается. Маленькая миска возвращается на край одного диапазона, большая чашка — на край другого. Континуум разрывается.

Догматический теоретик требует от методики, чтобы она, приступая к классификации, непременно предварительно перемешивала материал, превращала его в некую суспензию и в этом континууме чистым сравнением элементов находила внутренний порядок, имеющий культурную значимость. Приняв эти догмы к неукоснительному исполнению, практик не мог бы ступить и шагу. Он потому и находит границы культурных типов, что сравнивает не отдельные элементы в идеальном континууме, а целые контексты с априорно заданными структурами. Эти структуры определены в результате обобщения данного рода контекстов в исследуемой культуре. Культура первична, а типы вторичны.

Только на этой основе типы окажутся «настоящими» — в том смысле, в каком понимал это слово Кригер (Krieger 1944:273): реальными и культурными, «имеющими историческое значение». Практик находит их и сейчас, но с трудом и со многими ошибками, ибо он бредет наугад и действует ощупью, спотыкаясь в темноте и стесняясь своего непослушания Догматической теории. «Хорошая теория» должна осветить ему путь.

5. The proof of the pudding

Чтобы пояснить (и прояснить для себя) пути операционализации изложенной здесь системной стратегии группирования, члены моего семинара, работавшего в Ленинградском университете с 1964 по 1981 г., предприняли свои опыты реализации выдвинутых принципов, а результаты предложили для опубликования в этом труде в качестве отдельных разделов. Испробованы разные пути и возможности. Специального подбора тем не было. Каждый взял тот материал, над которым и до того работал. Так что, хотя стратегия в целом и предопределена общей целевой установкой, в каждом отдельном случае избранные решения в рамках системной стратегии подсказаны в большой мере спецификой материала и конкретной проблемной ситуацией. И, конечно, индивидуальной изобретательностью.

Лесман последовал рассмотренному выше примеру Глоба — нашел опору для типологии в хронологических индикаторах. Бианки путь к типологии прокладывал от функционально-археологической результанты, т. е. в конечном счете от определения роли своих объектов в культуре.

У Виноградова материал (керамика раннежелезного века) удобно распределен по разным категориям комплексов внутри одной культуры — по разным видам погребений, поминальникам, поселениям. Это позволило исследователю обнаружить культурно значимые признаки среди множества свойств путем сопоставления культурных контекстов. В распоряжении Лебедева, Алексеева и Боковенко не было такого разнообразия культурных контекстов. Но используя специфику своего материала (мечи и металлические котлы протоисторического времени), они смогли в определении культурных типов опереться на внеархеологические данные. Ведь когда исторические культуры сравнительно неплохо известны по разным источникам, то такая неархеологическая информация может помочь в опознании культурно значимых свойств и границ в археологическом материале.

Балонов предпринял группирование одного значительного локального массива кладов бронзового века по их категориальному составу с целью проверки реальности их традиционной, общепризнанной разбивки по функциональным разновидностям. Не имея достаточно данных о различиях культурных контекстов и желая придерживаться системной стратегии, Балонов был вынужден исходить из целостной картины наличного массива и только из нее в оценке сходств и различий отдельных объектов (в данном случае кладов) по их культурному значению (в данном случае функциональному). В этих целях он разработал методику для оценки комплексообразующей роли каждого признака (в данном случае наличия той или иной категории в кладе) по отношению ко всему массиву, т. е. с учетом его связей по взаимовстречаемости со всеми другими признаками. В результате традиционное деление кладов по функциональным разновидностям на основе категориального состава не подтвердилось применительно к данному материалу.

За время, истекшее после того, как мой труд был опубликован в Оксфорде без разделов, подготовленных участниками Семинара, не-

которые из них успели отдать свои работы для публикации в другие издания, частью уже вышедшие в свет (см. Колпаков 1987; Kolpakov, Vishnyatsky 1989). Нет смысла воспроизводить их здесь, но для полноты картины отмечу и их выводы. (Эти исследователи — Е. М. Колпаков и Л. Б. Вишняцкий, кандидаты истор. наук, работающие — первый в Университете, а второй — в Институте археологии; там же и Е. Ю. Гиря, а А. А. Ковалев руководит научно-исследовательским археологическим объединением при Ленинградском отделении АН СССР).

У Колпакова и Вишняцкого, классифицирующих палеолитический кремневый материал, подход от целостного восприятия культуры к выделению типов выразился очень своеобразно и даже парадоксально — в отказе от общего тип-листа (стандартного списка типов в методике Борда). *В их материале культуры слабо различимы, но гарантирована* однокультурность каждого памятника. Как в таких условиях обеспечить продвижение к выделению типов от общего представления о данной культуре? Видимо, в каждом случае ограничить исходный анализ одним памятником. Это еще не решит всех проблем выделения, но, по крайней мере, задаст нужные рамки. Исходя из того, что на эмном уровне в разных культурных комплексах значения одних и тех же формальных элементов могут быть разными, Колпаков построил для каждого памятника отдельный тип-лист — соответственно формальным особенностям материала данного памятника, и только затем обобщил эти тип-листы в один. В результате некоторые типоделительные рубежи общего тип-листа, стандартного для данного региона, выпали — оказались не имеющими культурного значения применительно к данному массиву материала. Вишняцкий пошел еще дальше, отказавшись и от сведения индивидуальных тип-листов, построенных для отдельных памятников, в один и предпочтя этому парные сопоставления индивидуальных тип-листов для определения степени культурной близости между памятниками.

Ковалев, имея дело с культурной смесью бронзового века, догадался подвергнуть комбинаторному анализу совокупность эвидентных категорий (т. е. таксонов, более широких, чем типы) и через различение культурных комплексов, полученное таким анализом, пришел к различению двух культурных типов внутри одной из категорий (курильниц). Гиря тоже исходит из категорий, но движется к культурным типам иным путем. Он прослеживает последовательность операций по изготовлению вещей, полагая, что такая последовательность может иметь как культуроразличительное значение (разные трудовые традиции), так и непосредственно типоразличительное: реконструированная программа операций может в каком-то отношении лучше отражать «мысленный шаблон» (и, следовательно, культурный тип), чем итоговая внешняя форма готового изделия, да еще в дошедшем до археолога состоянии.

Предпринятый коллективный опыт сознательного применения системной стратегии оказался поучительным в ряде отношений.

Несмотря на сознательное желание всех «испытателей» придерживаться принципов, изложенных в предшествующих главах этой книги, все же во всех предпринятых опытах за малым исключением обнаружилось некоторое совмещение задач типологии и классификации. Стремясь к выведению типов преимущественно с уровня культур к установлению культурно значимых типов (цель типологии), исследователи, получив их, затем все-таки стараются собрать вокруг них «однотипные» артефакты и, ограничив эти совокупности как к л а с с ы, распределить по ним весь наличный материал четко и недвузначно (задача классификации). Этому способствует живучесть самого понятия «однотипные артефакты», кореняющаяся в традиционном неразличении типо-

логии и классификации, типа и класса. Строго-то говоря, «однотипных» артефактов нет — есть «одноклассные».

Коль скоро типы здесь использованы как критерии в последующей классификации, получается как бы **«вторичная классификация»** — видимо, явление нередкое в археологической практике. «Вторичной» я называю ее потому, что в основном классификации предшествуют типологии, будучи служебными (для хранения и розыска) или подготовительными (аналитические — для описания или для целей той же типологии). А здесь классификация следует за типологией.

Главным стимулом для «вторичной классификации» служит некий психологический эффект — отсутствие готовности возвращаться к прежним или таким же новым искусственным классификациям археологического материала после того, как в нем уже выявлена типологическая структура, культурно осмысленная, а задачи служебного упорядочения не сняты с повестки дня. Теперь и в служебной сортировке материала представляется наиболее естественным придерживаться полученных структур культурного упорядочения — тем более, что это оказывается и практически удобным: может пригодиться в хранении, розыске и дальнейшем использовании материала (для проверки выводов, для музейной экспозиции, публикаций и т. п. — многие запросы будут теперь ориентироваться именно на культурную принадлежность, на культурную определенность находок). Между тем, в типологических структурах далеко не всегда заложена сеть границ, подобная классификационной.

Впрочем, и с точки зрения экономии усилий представляется наиболее целесообразным воспользоваться выявленными типами как критериями классификационного упорядочения: основная работа уже, собственно, проделана, теперь достаточно провести условные границы между типами, чтобы превратить тяготеющие к ним (типам) совокупности артефактов в классы.

Что ж, сами по себе и постановка задачи и операции такого рода законны и не могут считаться порочными или запретными. Их опасность, однако, в том, что при такой фиксации достигнутого упорядочения (со сдвигом статуса) условность границ легко может быть забыта, разница между классом и типом окажется стертой, классификация станет и в исследованиях подменять типологию. исчезнет текучесть явлений, отраженных в понятиях типологии, а к новым пополнениям материала методы типологии и классификации будут применяться в смеси.

Если же оговоренность «вторичной классификации» как вторичной, ее статус и границы приложимости не упускать из виду, то, вероятно, с таким возвратом к классификации через типологию можно примириться. Строго говоря, это и есть ***«типологическая классификация»*** в узком смысле слова, и я считаю этот термин нужным и полезным именно для фиксации указанных оговорок (Клейн 1987).

Так обстоит дело с общими целевыми установками в предпринятых опытах операционализации. Теперь об этапах и методах движения к типам через культуры — по итогам предпринятой реализации.

Примечательно, что из одиннадцати исследователей только одному (Ковалеву) пришлось решать проблему выделения культурной группы, проблему культурного разграничения, заново; в двух случаях (Колпаков и Вишняцкий) культуры уже вчерне разграничены, а распределение памятников по ним не составляет основной проблемы; в пяти случаях (Виноградов, Лебедев, Алексеев, Боковенко, Лесман) археологическая культура была принята как заведомо установленная; в двух

случаях (Балонов и Бианки) установление культурной принадлежности не требуется по условиям задачи.

В основном усилия сосредоточились на дедуцировании типов. Всем трем видам сравнения контекстов нашлись соответствия в представленных примерах: внутри-культурному сравнению схожих контекстов (Боковенко), кросс-культурному сравнению таких же (Ковалев) и внутрикультурному сравнению различных контекстов (Виноградов). Нескольким исследователям пришлось иметь дело с диффузным материалом — непрерывным во времени и пространстве (Лебедев), и представляющим слияние норм или функций, в частности, из-за «прижизненных» скрещений (Колпаков и Вишняцкий) и из-за «посмертного» смешивания (Ковалев, Гиря, Балонов).

В поисках решений исследователи вышли за пределы моих предложений, обнаружив еще несколько интересных путей определения культурной значимости и установления иерархии признаков. Трое нашли опору во внеархеологическом знании и вывели «мысленные шаблоны» из представлений об исторических культурах, а конкретно — из анализа фольклора (Лебедев), изобразительного искусства (Алексеев) и письменных источников (Боковенко). Двое максимально сблизили системную стратегию с индуктивной: оба движутся от признаков, даже свойств, к типам, но один (Бианки) налагает на элементы упорядоченность, добытую функционально-технологическим анализом, а другой (Балонов) вводит в совокупность признаков информацию о культурных связях в массиве материала.

Предпринятый коллективный опыт реализации системной стратегии показал, что в реальной практике исследований, очевидно, последовательных задач на пути системной стратегии меньше, чем предусмотрено в моем обзоре, а возможностей — больше. Может быть, в самом деле это «Хорошая Теория»?

Глава XIII

ДВА ЭТЮДА О СОСУДАХ

Наутро говорит работник: «Эй, хозяин! Ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяин сосчитал — сорок тысяч наработано... Ровно в полночь опять закричал нечистый громким голосом; сбежались к нему со всех концов чертенята, перебили все горшки, покидали черепье в печь и давай обжигать... На другой день... хозяин приходит смотреть — все сорок тысяч горшков стоят целы, один одного лучше.

Сказка «Горшечник» (Афанасьев 1957, Ш:143).

Вот откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищей братии: чем больше из раздают, тем больше их прибавляется.

Сказка «Скрипач в аду» (Афанасьев 1957, Ш:141).

А. Этюд о таштыкской керамике (А. В. Виноградов)

1. Задача. К «таштыкской эпохе» на Енисее (Кызласов 1960) принято относить весьма разнообразные виды погребальных памятников: 1) *грунтовые могилы*, содержащие индивидуальные (с полным комплектом инвентаря) погребения одного-двух, реже трех человек (включая детей) по обряду трупоположения; 2) *большие склепы* — коллективные усыпальницы многих десятков (обычно более ста) человек по обряду трупосожжения на стороне (с последующим сжиганием самого склепа); 3) *малые склепы,* содержащие погребения нескольких десятков человек по смешанному обряду; 4) индивидуальные *погребения «под каменными выкладками»* по обряду трупосожжения на стороне; 5) *детские грунтовые могилы* по обряду трупоположения (предположительно примыкающие к склепам — Грязнов, 1977: 84; Вадецкая 1986: 135). Кроме того, к памятникам этой эпохи принадлежат: 1) *поминальники*, представляющие собой ряды вертикально стоящих каменных плит, к каждой из которых примыкает ямка с остатками жертвенной пищи; и 2) *поселения* с четко выраженным культурным слоем.

Пестрота погребальных памятников и отразившихся в них обрядов объяснялась исследователями хронологическим разрывом (Теплоухов 1929: 50), различием социального статуса погребенных (Сосновский 1933: 40; Киселев 1951: 474), разноэтничностью населения данного региона в «таштыкскую эпоху» (Кызласов 1960: 72). Тем не менее, известные сходства в инвентаре и его датировке заставили исследователей рассматривать все отмеченные категории памятников как проявления одной археологической культуры. Вот почему термин «таштыкская эпоха», осторожно примененный Киселевым (1951) и Кызласовым (1960), постепенно был вытеснен термином «таштыкская культура» (Арцихов-

© А. В. Виноградов (стр. 248—256).

ский 1954: 132; Липский 1956: Э; Вадецкая 1971, 1986; Грязнов 1971, 1977, 1980; Алексеев 1973: 220; Кызласов 1975: 46; Авдусин 1977: 162).

Получившаяся археологическая совокупность выделена по чисто территориальному критерию (локализация преимущественно в пределах Минусинской котловины) с некоторым общим учетом хронологии (гунно-сарматское время), и неизвестно, совпадали ли территориальные и хронологические границы некой культурной группы с этими пределами. Выбор критериев классификации керамики произволен: в одних случаях за основу взяты несущественные детали форм (как отмечалось в разделе 3 гл. I), в других — слишком общие морфологические признаки (Грязнов 1971: 96, рис. 1). Эта произвольность предопределила итоги классификаций глиняной посуды — единственного массового материала: безразличное распределение выделенных «типов» по категориям памятников поддерживало идею о единстве, однокультурности последних. Исследователям не приходило в голову подозревать, что безразличие было всего лишь следствием произвольности, случайности критериев, не угодивших на культурноразличительные особенности материала.

Новые данные, полученные в результате работ Красноярской экспедиции Института Археологии АН СССР, настоятельно требуют объяснения. Почему, например, «в больших склепах часто оказываются фаланги (находимые в сочленении), т. е. отрезанная плюсневая часть ноги коня или барана, а в малых склепах — пяточные и таранные кости быка, также в сочленении, т. е. вырезанная из ноги быка пятка» — другая часть ноги другого животного? (см. Грязнов 1972: 27). Если это различие в отборе видов и частей жертвенных животных отражает реальные различия в идеологии енисейских племен «таштыкской эпохи», то эти последние различия могли каким-то образом проявиться и в *других категориях инвентаря. Выявление этих различий дало бы* возможность распределить известные памятники по отдельным культурным комплексам.

Здесь представлена попытка решить поставленную задачу с помощью классификационных процедур. Рассматриваемый материал — таштыкская глиняная посуда из раскопок Красноярской экспедиции — представляет основные виды памятников: поселение Унюк в устье р. Сыды, грунтовые могилы на увале «Мысок» близ дер. Аешка и у бывшей дер. Новая Черная, а также могильник у горы Тепсей, включающий большие и малые склепы, детские могилы и поминальники.[1]

2. Методологические предпосылки. Для правильного выбора критериев классификации необходимо уяснить, какого рода сходства и различия в материале могут выявиться в ходе анализа. Применительно к глиняной посуде можно выделить три группы факторов, определяющих сходство и различие:

а) *функционально-конструктивные,* отражающие различие формы сосудов в зависимости от их назначения и сходство сосудов одного назначения; могут допускать вариации в достаточно широких пределах;

б) *социоструктурные* (семантические, «престижные»), отражающие действие социальной нормы, выработанной данным обществом, данной группой, в оппозиции к нормам иных обществ, иных групп (Виноградов 1979: 94); этот ряд факторов как правило не затрагивает признаков функционально значимых, иногда может касаться сферы тради-

[1]Материал для анализа любезно предоставлен М. П. Грязновым и Л. П. Зяблиным.

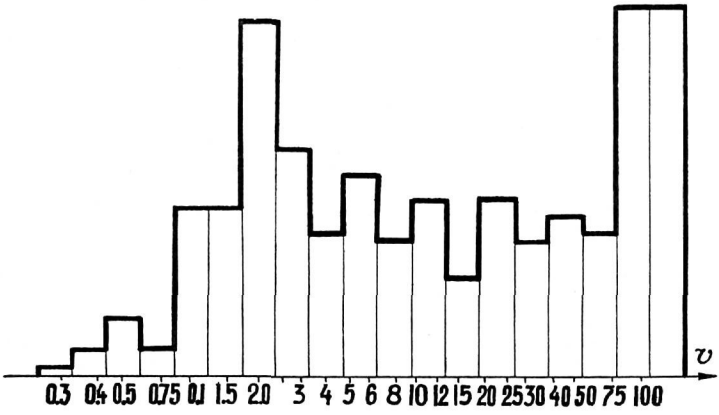
ционной технологии и более всего влияет на признаки, не несущие утилитарной, функциональной нагрузки;

в) *технологические,* действующие в процессе производства изделий — от момента формирования образа будущего сосуда в сознании мастера на основе выработанной обществом социальной нормы и до получения готового изделия; они зависят от индивидуального уровня сенсомоторного развития мастера и определяют вариабельность любой серии стереотипных изделий (Виноградов 1983: 100).

Можно предполагать, что в разных археологических культурах мы найдем наборы глиняной посуды, испытавшие практически одинаковое воздействие факторов вариабельности группы «в»; найдем комплекты функциональных категорий, определяемые факторами группы «а», которые могут совпадать в разных культурах; и лишь факторы группы «б» определяют *рамки* вариабельности признаков, принципиально разные в разных культурах.

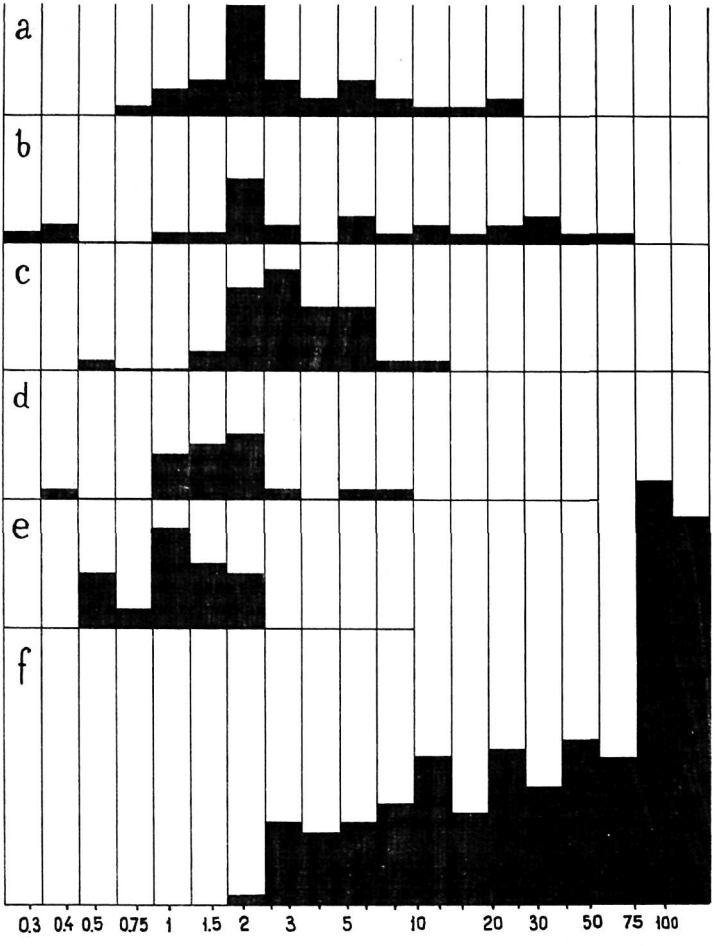
Чтобы выявить закономерности отбора материала живой культуры ее носителями для включения в тот или иной обряд, необходимо ограничить круг рассматриваемого археологического материала рамками одной морфологической категории. Ведь мы не знаем ни конкретных закономерностей связи формы таштыкских сосудов с их назначением, ни возможностей взаимозаменяемости сосудов, конструктивно различных по форме.

Удобнее всего для анализа сосуды баночной формы: они наиболее многочисленны и встречаются во всех категориях таштыкских памятников. Для установления возможных функциональных различий в генеральной совокупности есть смысл провести ее анализ по заведомо значимому признаку функционального назначения — вместимости сосуда.



Р и с. 29. График распределения объемов таштыкских баночных сосудов.

3. Контекст и функция. Представленный на рис. 29 график распределения емкостей показывает, что этот признак варьирует в огромных пределах — от 0,3 до 100 и более литров. Несомненно, здесь представлено несколько функциональных категорий, но выделить их по многочисленным пикам распределения не представляется возможным.



Р и с. 30. Графики распределения объемов таштыкских баночных сосудов по различным категориям памятников: a — большие склепы, b — малые склепы, c — поминальники, d — грунтовые могилы, e — детские могилы, f — поселение.

Вот тут-то и требуется дополнительная информация, заложенная в контекстах данной культуры.

Если взглянуть на графики распределения емкостей банок по различным категориям таштыкских памятников (рис. 30), то вырисовывается картина, вполне объяснимая с точки зрения наших представлений о древней живой культуре в целом. По всем категориям погребальных памятников отчетливый пик в распределениях обнаруживается на значении емкости около 2 литров (это полная емкость сосудов до краев, полезная емкость была на 15—20 % меньше). Для индивидуальных памятников (поминальников и погребений в грунтовых могилах) это единственный пик. Можно предполагать, что посуда такой вместимости была в индивидуальном пользовании таштыкцев.

Вместимость сосудов из детских могил неравномерно варьирует в пределах от 0,4 до 2 литров. Это посуда специально детская, а вариации емкости сосудов, видимо, отражают разницу в возрасте погребенных: от младенчества до зрелости.

В поминальниках значительная часть сосудов имеет отклонение от «индивидуальной нормы» в большую сторону — до 3—4 и даже до 8—9 литров. Для поминальников — памятников индивидуальных — такое отклонение может объясняться либо стремлением родственников отобрать в пределах одной функциональной категории наиболее крупные сосуды для совершения поминального обряда, либо наличием еще одной, пока не поддающейся выделению, функциональной категории — сосудов, предназначенных для дальней дороги (кстати, в их числе значительно чаще встречаются специфические сосуды с ушками для подвешивания).

В склепах — больших и малых — в отличие от индивидуальных памятников встречается гораздо более разнообразный набор емкостей сосудов. Наряду с индивидуальной посудой (около 2 литров) значительная часть сосудов имеет вместимость 20—40, а единичные экземпляры до 70 литров. Это либо сосуды для богов, либо людская посуда общего пользования. Если верно последнее, то, по представлениям таштыкцев, склеп — не просто сумма отдельных индивидуальных погребений, а комплекс, связанный с представлениями о коллективном характере отношений умерших: приношения (в отличие от грунтовой могилы и поминальника) предназначены не частным лицам (или, по крайней мере, не только частным лицам), а всей совокупности «обитателей» склепа, коллективу. Не исключено, что эта деталь погребального обряда указывает на большую архаичность институтов родового строя у таштыкцев, хоронивших в склепах, по сравнению с теми, чьи погребения мы находим в грунтовых могилах.

От этой картины резко отличается распределение емкостей баночных сосудов в керамике с поселений. Рдесь явно преобладают крупные сосуды. Около половины из них имеют емкость 100 и более литров. Это связано с характером археологизации глиняной посуды: во-первых, при равных физических условиях падения мелкие сосуды разбивались реже, чем крупные, во-вторых, у скотоводов, каковыми были таштыкцы, значительная часть сосудов индивидуального пользования разбивалась на стороне.

Таким образом, мы видим в числе только одной морфологической категории таштыкской глиняной посуды несколько отдельных функциональных групп. И если границы этих групп размыты, то это может быть связано с погрешностями наших измерений — ведь емкость многих сосудов определялась по фрагментам.

4. Трактовка результатов. Что дает подобная функциональная классификация?

Во-первых, она показывает, насколько осторожно следует подходить к сопоставлению материалов поселений и погребальных памятников: их различия могут оказаться обусловленными не хронологией или локализацией, а разницей функционального назначения.

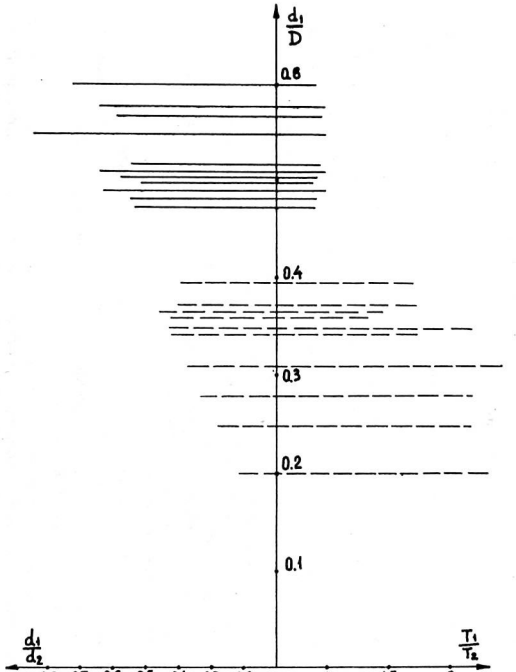
Во-вторых, классификация дает некоторые аргументы для суждения о месте детских могил в системе погребальных памятников. Автор раскопок у горы Тепсей отнес детские могилы ко всем склепам комплекса (Грязнов 1977: 84). Согласно другому мнению, основанному также на микродистрибутивных отношениях в могильнике, детские могилы должны связываться лишь с одним из видов малых склепов (Кызласов 1975:41). Анализ же распределения функциональных категорий по различным погребальным памятникам показывает, что специально детская посуда имеется в малых склепах, но практически отсутствует в больших, хотя вероятность попадания ее в большой склеп выше в связи с большим объемом выборки. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов возможность того, что наличие коллективных приношений в сосудах общего пользования освобождало таштыкцев от необходимости помещать в склепы специально детские сосуды. Но если логика отбора посуды для больших и малых склепов была одинакова (а это не противоречит общепризнанному мнению о существенном сходстве в мировоззрении таштыкцев, оставивших большие и малые склепы), то отсутствие детской посуды в больших склепах надо объяснять различиями в погребальном обряде. Если группа таштыкцев, воздвигавшая малые склепы, хоронила в них и взрослых и детей, то группа, воздвигавшая большие склепы, помещала в них только взрослых покойников, а детей хоронила иначе, где-то на стороне. Это соображение побуждает связывать с большими склепами (и только с ними) близлежащие детские грунтовые могилы.

Однако функциональная классификация в данном случае не дает возможности судить о степени сходства и различия керамической посуды больших и малых склепов, так же как и о связи тех и других с поминальниками. Очевидно, здесь требуются более тонкие аналитические процедуры и критерии, определяемые группой «а» факторов вариабельности.

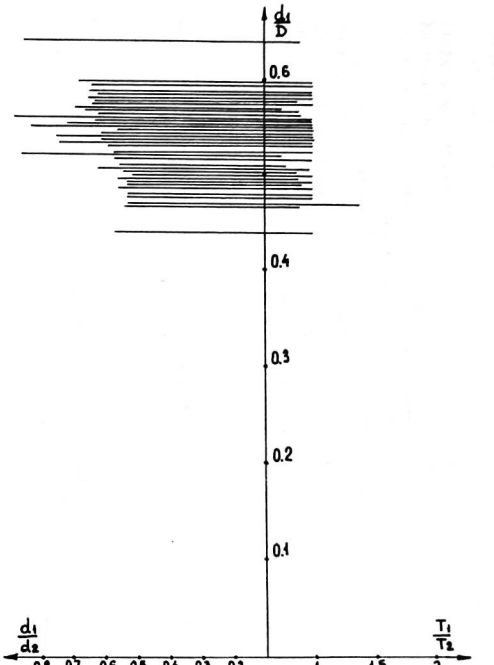
5. К искомой дискретности. Сопоставляя длинный ряд всевозможных признаков глиняной посуды больших и малых склепов, можно обнаружить среди этих признаков те, которые наиболее ярко отличают оба вида комплексов друг от друга: качество теста, чистота примесей, качество обжига, доля окислительного обжига, качество обработки поверхности, характер лощения, толщина стенок и отношение ее к емкости сосуда, *отношение толщины стенок к толщине донца*, *утолщенность* стенки на переходе ее в венчик и в донце, относительные размеры донца в сравнении с общими размерами сосуда и т. д. Как видим, это оказались в первую очередь признаки технологические, что не противоречит их социальной обусловленности через традиционные формы процесса изготовления глиняной посуды.

График взаимоотношений некоторых из этих показателей (которые можно охарактеризовать количественно) в системе координат на плоскости (рис. 31а) обнаруживает дискретное различие характеристик между керамикой из больших и из малых склепов.

Остается проверить этот вывод анализом наиболее свободного от утилитарной нагрузки и потому наиболее выразительного социоструктурного признака — орнаментации. Чтобы избежать длинного описания таштыкских орнаментов, можно воспользоваться традиционной схемой клас-



Р и с. 31 a. Соотношение основных показателей формы таштыкских баночных сосудов из склепов: больших (сплошная линия) и малых (штриховая линия).



Р и с. 31 b. Соотношение основных показателей формы таштыкских баночных сосудов из поминальников у горы Тепсей.

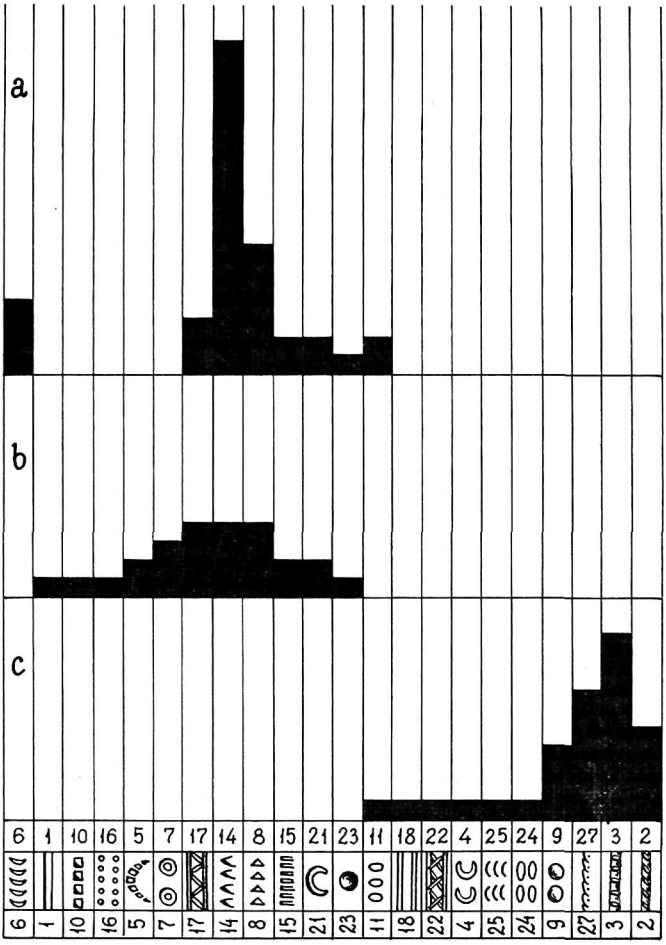


Рис. 32. Распределение элементов орнаментации таштыкских баночных сосудов по категориям погребальных памятников у горы Тепсей: a — поминальники, b — большие склепы, c — малые склепы.

сификации таштыкских орнаментов (Кызласов 1960: 57—67), построенной в духе типологического метода Городцова (1927). Как показывают гистограммы распределения типов орнаментации (рис. 32), всего 2 из 19 типов являются общими для сосудов из больших и из малых склепов: тип 11 (овально-ямочный) и тип 18 (линейный резной) — орнаменты весьма простые, широко распространенные у разных народов в разные исторические эпохи.

Теперь, когда достаточно четко вырисовывается дискретное различие керамической посуды больших и малых склепов, нужно решить вопрос об отношении к ним комплекса глиняной посуды из поминальников. Прежде исследователи устанавливали связь между этими памятниками, исходя либо из дистрибутивных соображений (Грязнов 1971а: 203), либо из хронологических (Кызласов 1975: 40—41). Для решения вопроса средствами типологии достаточно на исходные схемы (рис. 31а) наложить характеристики рассматриваемого комплекса (рис. 31в). Оказалось, что глиняная посуда всех поминальников практически идентична посуде из больших (и только больших) склепов!

6. Выводы. Итак, вырисовывается облик погребального комплекса таштыкской культуры у горы Тепсей: это два больших родовых склепа, содержащие останки многих десятков взрослых людей; к этим склепам примыкают детские грунтовые могилы и многочисленные поминальники с остатками жертвенной пищи для погребенных в склепах. Малые склепы представляют совершенно особое культурное явление. Люди, погребенные в них, хотя и переживали сложный период перестройки традиционных форм культуры (что нашло отражение, например, в неустойчивости погребального обряда), однако находились в отношениях социопсихологической оппозиции к носителям таштыкской культуры больших склепов. Возможно, они жили в данном регионе в иное (хотя и весьма близкое время. Но если, согласно мнению Грязнова (1971: 96), памятники у горы Тепсей синхронны, необходимо будет признать сосуществование в одном регионе двух различных по культуре и, возможно, разноэтничных социальных общностей, во многих отношениях близких, но находящихся в положении взаимного противостояния. Контакт между носителями этих двух культурных общностей так же очевиден, как и их противопоставление. Что касается таких категорий памятников, как поселения и грунтовые могилы, то пока еще недостаточно материалов для решения типологическим путем вопроса об их культурной принадлежности. Лишь в первом приближении можно судить, что поселение Унюк по облику глиняной посуды ближе к таштыкской культуре больших склепов, а грунтовые могилы — к культуре малых склепов.

Б. Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья

(Н. А. Боковенко)

1. Материал. Литые бронзовые котлы наряду со знаменитой «скифской триадой» являются одним из характернейших элементов степных культур Евразии скифской эпохи (VIII-III вв. до н. э.). Скифские котлы имеют полусферическое или эллипсоидное тулово на высоком поддоне. Ручки прикреплены либо сбоку, либо к верхнему краю тулова. Встречаются ручки петлевидные гладкие, с одним или тремя выступами и ручки в виде скульптурных фигурок животных (зооморфные). Поддоны бывают конусовидные, воронковидные и в виде ножки от рюмки.

© Н. А. Боковенко (стр. 256—263).

На некоторых котлах тулово украшено орнаментом в виде «веревочки», валика или «зигзага». Иногда встречаются котлы со сложным орнаментом: сочетание «сетки» с «веревочкой»», валиком или сочетание «зигзага», валика с букраниями или пальметками (элементы греческого орнамента). Высота котлов колеблется от 20 см до 1 м.

Всего учтено 69 котлов,[1] в дальнейшей работе и типологической классификации использовано только 45, остальные исключены из-за *отсутствия полных сведений о них: или они найдены во фрагментах*, или же известны по кратким упоминаниям в литературе. Большинство котлов найдено в погребальных комплексах, остальные — случайные находки.

Котлы часто упоминаются в археологической литературе как один из атрибутов погребальных комплексов. Специально посвященных котлам работ немного. Коллекции скифских котлов Государственного Эрмитажа посвящена статья Манцевич (1961:145—150), где дана общая характеристика этой категории вещей и они расчленены на две группы: первая — архаическая, куда включены котлы келермесского типа; вторая — классическая, типа котла из кургана Солоха. Позднее М. С. Синицын среди скифских котлов по внешнему виду тулова котлов выделяет четыре типа: 1) котлы, напоминающие шар, верхняя часть которого срезана; 2) котлы, приближающиеся к эллипсу; 3) котлы, напоминающие разрезанное поперек яйцо; 4) котлы, напоминающие большую чашу (Синицын 1967: 47). Классификация, предложенная в совместной статье ряда авторов (Петриченко и др. 1970: 67—77), построена уже на основе семи морфологических признаков (форма тулова, поддона, ручек и орнамента). Скифские котлы, по мнению этих исследователей, группируются только в один единственный тип — скифский. Интуитивно ощущается *поверхностность этой схемы, многообразие учтенных в ней признаков* позволяет сходу, грубо, наглазок, но реалистично выделить несколько типов котлов. Поэтому возникает необходимость создания строгой типологии или классификации скифских котлов с учетом предыдущих классификаций и исходя из учета пространственно-временной определенности доставшихся нам объектов, выделяемых признаков, типов, прежде всего, определения значимости и места древних объектов (в данном случае котлов) в скифской культуре как функционирующей системе.

2. Контексты: I. Сведения письменных источников. В основном представлены сообщениями Геродота (IV, 61). Геродот сравнивает некие скифские котлы (λέβητες) на основе их внешней формы, очертания с лесбосскими кратерами — сосудами для разбавления вина (λέςβτοτ κϱῆτηϱες). К сожалению, что имел в виду Геродот, говоря о лесбосских кратерах, неясно: то ли сосуды, привезенные с о. Лесбос, то ли определенный лесбосский тип. Однако в общем сравнение с кратерами позволяет судить, что речь идет о крупных открытых сосудах с ручками — это вполне соответствует облику тех котлов, которые предстают в археологических комплексах.

Котлы упоминаются у Геродота в связи с обрядом жертвоприношения *богам, который у скифов был примерно одинаков* (Геродот IV, 60), и в этом обряде котлы выступают как один из элементов ритуального инвентаря.

Котлы — «туземного», местного, производства, то есть производились где-то в пределах Скифии. И действительно, находки фрагментов бронзовых котлов, следы их изготовления зафиксированы, например, на Камен-

[1] Видимо, учтены не все откопанные котлы, но те, которые учтены, можно полагать, достаточно широко представляют разнообразие форм скифских котлов.

ском городище (Граков 1954:123). Кроме того, котлы, по Геродоту, редкость: «не всегда есть под рукой». Возможно, это говорит об их высокой стоимости.

3. Контексты: II. Археологические источники. В Северном Причерноморье котлы находят в комплексах скифского времени на территории от Кубани до Молдавии. Единичные находки известны в Румынии и Венгрии.

Бронзовые котлы обычно являются частью наиболее богатых скифских погребальных комплексов (Келермесские курганы, Чертомлык, Куль-Оба, Патинноти, Солоха, Толстая могила, Андрусовка и др.), где престижность высшей аристократической знати подчеркивается не только монументальностью надмогильных сооружений, сложностью погребального обряда, но и пышностью сопроводительного инвентаря. Импортная греческая посуда, прекрасно выполненные и богато украшенные оружие, конское снаряжение, навершия, золотая посуда, бляшки, накладки — все это в зверином стиле или с изображением богов скифского пантеона, мифическими, эпическими сценами. Все вместе эти вещи в достаточной степени свидетельствуют об особом положении погребенных.

Структурный анализ произведений искусства некоторых скифских богатых комплексов (Чертомлык, Толстая могила, Куль-Оба, Гайманова могила, курганы у Воронежа и др.), произведенный Мачинским (1978:232—240; 1978а: 131—148), позволяет говорить о высокой степени их сакрализованности, о тесной связи с культами. Существенно, что во всех этих комплексах найдены бронзовые котлы.

И в сообщении Геродота об обряде жертвоприношения богам, и по археологическому контексту вырисовывается жертвенно-поминальная функция бронзовых котлов. С этим, видимо, согласуется семантика зооморфных ручек некоторых котлов. Стало быть, котлы могут выступать своеобразным индикатором, указывающим на деятелей, так или иначе связанных с обрядом жертвоприношения, на хранителей культов, традиций, а это должно привлекать внимание к орнаменту.

Поскольку известны функция котлов и их местное производство, можно предположить, что изменчивость котлов способна отражать этнокультурную группировку местного населения. Можно ожидать выделения нескольких культурных типов с вариациями ручек и орнамента.

4. Типология. Методическая процедура данной работы состоит из тех же простых математических методов, которые уже использованы при исследовании котлов сарматского времени (Боковенко 1977:228—235)[1]. При выделении типов учтены только признаки морфологические (образующие внешний вид, очертание, форму) и элементы орнамента предмета. Из-за отсутствия информации о других особенностях котлов не учтены технологические признаки.

Выбор признаков вытекает из понимания целостности исследуемого объекта (котла) как функционирующей единицы, состоящей из взаимосвязанных компонентов. Составные компоненты (тулово, поддон, ручки, орнамент) вступают между собой в функциональные связи с определенной иерархией. Наличие большого широкого тулова, функционально исходное, требует надежных и больших ручек (часто больше двух), устойчивого (расширяющегося в основании) поддона, определенной толщины стенок и т. д. Внутри функционально обусловленных пределов изменчивости возможен выбор форм (варианты тулова, ручек, поддона, орнамента).

[1] Отметим ошибку, вкравшуюся в таблицы указанной работы; на рис. 2 и рис. 3 связи 0,9 не должно быть.

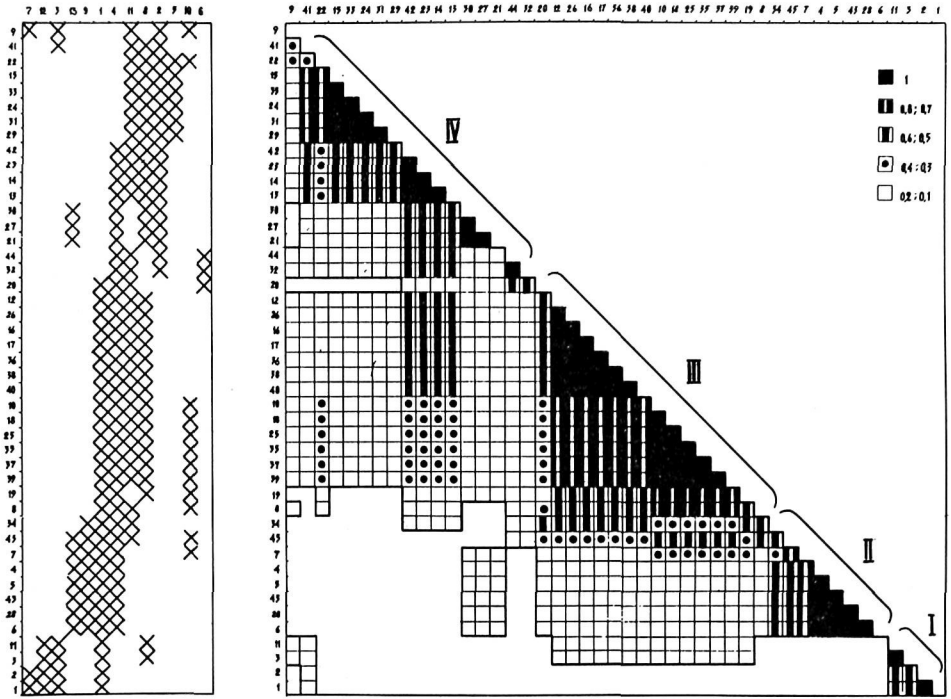


Рис. 33. Распределение и связь признаков скифских бронзовых котлов Северного Причерноморья: А — исходная матрица (по вертикали — номера котлов, по горизонтали — номера признаков), В — упорядочение котлов по сходствам.

Местонахождения котлов: 1—3 — Бештау; 4—8 —Келермес; 9 — Елизаветинская, кург. 9; 10 — Елизаветинская, кург. 10; 11 — Терновый; 12 — Ростовская область; 13—14 — Куль-Оба; 15 — Патинноти; 16— Частые курганы, кург. 11; 17 — Частые курганы, кург. 3; 18 — Мастюгино, кург. 4; 19 — Андрусовка; 20 — Малая Цимбалка; 21—25 — Солоха; 26 — Днепропетровская область; 27—29 — Чертомлык; 30 — Раскопана Могила (Бабы); 31 — Днепроруд-ный; 32 — Орловский, кург. 6; 33 — Толстая могила; 34 — Орджоникидзе; 35 — Мартоноши; 36 — Довжка; 37 — Тишки; 38— Аксютинцы, кург. 2; 39 — Волковцы, кург. 1; 40 — Волковцы; кург. у Смелы; 41 — Капитоновка (Турия); 42 — Верхнеднепровский; 43 — Костелу; 44 —О-Сень; 45 — Якобени.

Этот выбор определялся скорее всего культурно-историческими факторами. Такие варианты форм и орнаментации и приняты за признаки. На основе предварительного неформального сопоставления котлов разных районов, с целью выявить наиболее изменчивые и сопряженные с территориями характеристики, выделено по четырем показателям 13 признаков: А. Тулово: 1 — полусферическое, 2 — эллипсоидное. Б. Поддон: 3— конусовидный, 4 — воронковидный, 5 — рюмочный. В. Ручки: 6— вертикальные петлевидные без отростков, 7 — вертикальные петлевидные с одним отростком, 8 — вертикальные с тремя отростками, 9— вертикальные зооморфные, 10 — горизонтальные на боку тулова, 11 — отсутствие горизонтальных боковых ручек. Г. Орнамент: 12 — одной рельефной «веревочкой», 13 — сложный орнамент «зигзагом», «сеткой».

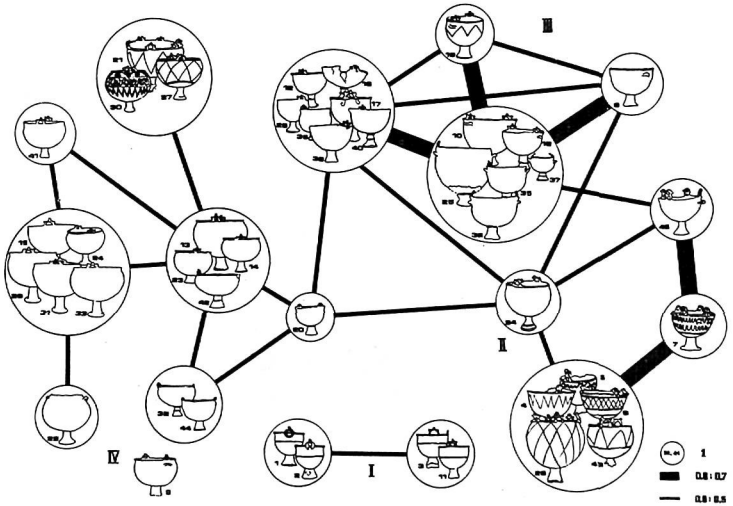


Рис. 34. Граф классификации скифских бронзовых котлов Северного Причерноморья Номера котлов те же, что на рис. 33.

Предстоит проверить эффективность выбора и сопряженность выделенных признаков с регионами и между собой.

Составим матрицу, в которой по вертикали будут расположены объекты (котлы), а по горизонтали — признаки, и проведем упорядочивание объектов по их наибольшему сходству между собой (рис. 33а). Оно вычисляется по функции сходства $f = s^2/k \times l$, где f — степень сходства двух объектов, s — количество признаков, одинаковых для обоих объектов, k — общее количество признаков первого объекта, l — общее количество признаков второго объекта. Результаты представлены на таблице (рис. 33b). Она позволяет выделить четыре группы котлов со взаимосвязанными признаками.

Наглядное представление о связях внутри каждой группы и между группами (типами) дает граф (рис. 34). Принято, что граф строится до тех пор, пока две какие-нибудь группы не окажутся связанными между собой, а более слабые связи (в данном случае меньше 0,5) не представлены. В каждом типе существуют ядро и периферия. Ядро

типа — группа котлов, образующая в графе замкнутую фигуру, периферия — вся остальная часть, примыкающая к ядру. У каждого типа есть также определенный минимум характерных или ведущих признаков, присутствующих в основном только у него и почти не представленных в других типах. Признаки же, присутствующие в двух и более типах, являются лишь связующими звеньями, показывающими степень плотности связей при данном уровне обработки материала.

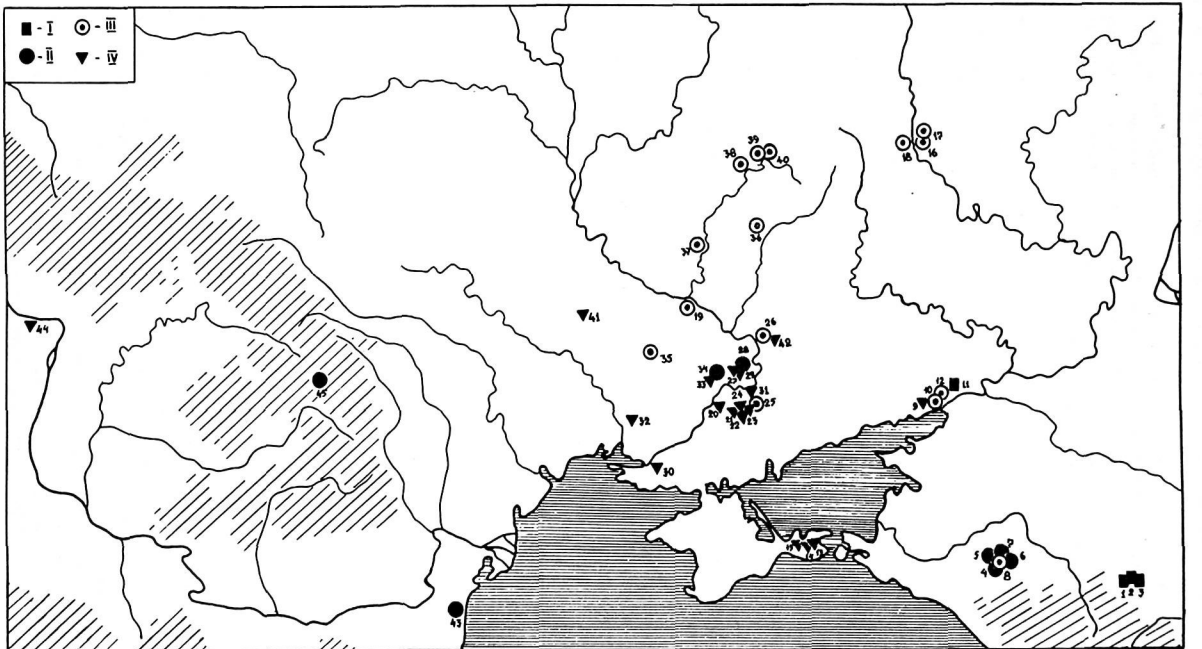
5. Характеристика типов. 1. Котлы с полусферической формой тулова, конусовидным поддоном, вертикальными ручками (дуговидными с одним или тремя отростками, либо кольцевидными) с орнаментом в виде рельефной «веревочки» на тулове. К этому типу относится 4 котла (рис. $34_{1, 2, 3, 11}$). Высота котлов — до 45 см. Характерными признаками первого типа являются: конусовидный поддон, кольцевидные или петлевидные ручки с одним выступом.

2. Котлы с полусферической формой тулова, воронковидным поддоном, вертикальными зооморфными ручками, сложным орнаментом в виде зигзагообразной «веревочки» или «сетки». Некоторые котлы вообще без орнамента (рис. 34_{34}), а другие имеют зооморфные ручки, чрезвычайно стилизованные, с переходом от зооморфности к геометрической фигуре с тремя выступами (рис. $34_{34, 43}$). Высота котлов — 37—96 см. Всего к этому типу относится 8 котлов (рис. $34_{4-7, 28, 34, 43}$). Характерными признаками его являются: зооморфные ручки и сложный орнамент в виде «зигзага» или «сетки».

3. Котлы с полусферической формой тулова, воронковидным поддоном, вертикальными ручками с тремя выступами; отдельный вариант этого типа составляют котлы с горизонтальными ручками на боку тулова. К этому типу относится 15 котлов (рис. $34_{8, 10, 16-19, 25, 26, 35-40}$). Высота котлов 20—55 см. Характерными признаками этого типа являются: сочетание конусовидного поддона с боковыми горизонтальными ручками, отчасти вертикальными с тремя выступами.

4. Котлы с эллипсоидной формой тулова, воронковидным или рюмочным поддоном, вертикальными петлевидными ручками с тремя выступами. В редких случаях некоторые котлы имеют либо горизонтальные боковые ручки (рис. 34_{22}), либо вертикальные с одним выступом (рис. 34_{9}), либо конусовидный поддон (рис. $34_{9, 41}$). К этому типу относится 17 котлов (рис. $34_{13-15, 20-24, 27, 29-33, 41, 42, 44}$). Сюда же можно отнести и котел из кургана 9 ст. Елизаветинской по характерному признаку — эллипсоидности тулова (рис. 32_{9}). Высота котлов — 30—65 см. Характерными признаками этого типа являются: эллипсоидная форма тулова, рюмочный поддон.

Выделенные М. С. Синицыным по форме тулова четыре типа скифских котлов частично совпадают с предложенной здесь типологией. Так, первый тип Синицына — шаровидные — можно сопоставить с четвертым типом данной типологии (рис. 34), только тулово этих котлов лучше не называть шаровидным — ведь они, как в профиль, так и в плане, эллипсоидны (Синицын 1967: 42, рис. I_1). Второй тип Синицына (1967:42, рис. I_2; 44, рис. $2_{3, 4, 6}$) находит некоторое соответствие во втором и третьем типах данной типологии (рис. 34). Так же обстоит дело и с третьим типом Синицына (1967:42, рис. I_3). Котлы четвертого типа Синицына (1967:42, рис. I_4) вообще трудно сопоставить с каким-либо типом скифских котлов, так как вытянутость тулова книзу, низкий поддон и форма ручек характерны для более поздних периодов — позднесарматского и гуннского.



Р и с. 35. Карта местонахождений бронзовых котлов скифского времени. Номера те же, что на рис. 33.
(I, II, III, IV — типы котлов)

6. Результаты. Каждый из выделенных типов занимает в скифской культуре вполне определенное пространственно-временное положение (рис. 35).

Первый тип котлов найден в комплексах Северного Кавказа (Бештау), единичная находка имеется на Нижнем Дону (хут. Терновый), и многочисленные аналогии известны в азиатских степях, в частности, в Минусинской котловине, где подобных котлов более 30. Бештаугорские комплексы датируются VIII—VII вв. до н. э. (Иессен, Крупнов, Тереножкин). Примерно такова дата и восточных аналогий, что позволяет их все относить к начальному этапу формирования скифской культуры.

Второй тип котлов сосредоточен в районах Нижнего и Среднего Поднепровья и Кубани, единичные находки встречаются в Румынии. Комплексы с котлами этого типа относятся в основном к VI в. до н. э., некоторые — к V—IV вв. до н. э.

Котлы третьего типа найдены в скифских памятниках Среднего Поднепровья. Посулья, близ Воронежа, отдельные находки котлов — на Нижнем Дону. Много восточнее имеется целый ряд аналогичных бронзовых котлов из Средней Азии и Казахстана (Спасская 1956, табл. 1). Комплексы с котлами данного типа датируются V—III вв. до н. э.

Четвертый тип котлов преобладает в памятниках Среднего Поднепровья и Восточного Крыма, датируемых V—IV вв. до н. э.

Итак, выделенные типы котлов занимают разные ареалы Северного Причерноморья, которые совпадают с территориями культурных групп, выявленных на основе комплексного учета археологического материала (Археология УРСР, II, карта 2). Это позволяет полагать, что выделенные типы котлов скифского времени отражают реальные культурные типы этой категории вещей в Северном Причерноморье.

Глава XIV

ЭТЮДЫ О МЕЧАХ И «КИНЖАЛАХ»

— «Любовь в лесу» читал?
— Да. Это про то, как они ложатся спать и кладут между собой обнаженный меч?
— Хорошая книга, Уиллидж.
— Книга замечательная. Только я не понимаю, какой им толк от этого меча? Ведь его все время надо держать лезвием вверх, потому что если меч положить плашмя, то через него можно перекатиться, и тогда он ничему не помешает.
— Это символ, — сказал Ник.
— Наверное, — сказал Уиллидж. — Только здравого смысла в этом ни на грош.

Хемингуэй. Трехдневная непогода (1968:46).

А. Этюд о «кинжалах» (А. М. Бианки)

1. Проблема. Кажущаяся простота и первичность классификационных (группировочных) задач в археологическом исследовании поддерживаются в последние годы математиками с их лозунгом «любая классификация возможна». Но задачи классификации (группирования) все более осознаются как очень сложные. Они оказываются лишь одним из этапов на пути исследования, причем не только не конечным, но и не начальным.

По-видимому, именно в фазах исследования, предшествующих собственно классифицированию, группированию, и кроются наибольшие трудности. На предклассификационном этапе исследования у исследователя культуры быстро наступает априорное ви́дение конечного результата труда, а методически строгий путь к нему, операции, которые могли бы оправдать это «забегание вперед», отсутствуют. К тому же не исключено, что этот путь вообще не может быть пройден до конца, и что задача эвристична в принципе. Возможно, логическую нечистоту могут компенсировать только апостериорная проверка и коррекция результатов классификации, а также содержательная и методическая разработка предклассификационного этапа исследования вообще. Здесь будет предпринята попытка проанализировать сам подступ к группированию бронзовых «кинжалов» — одной из самых массовых категорий артефактов в памятниках среднего бронзового века Предкавказья.

2. «Кинжалы» и их культурный контекст. Термин «кинжалы» условен, как и все другие обозначения этой категории артефактов, встречающиеся в литературе. В общем ее можно назвать «клинковые орудия». Предметы эти представляют собой единственную категорию бронзовых клинковых орудий в памятниках катакомбных культур, культуры многоваликовой керамики и синхронной им северокавказской. Все эти культуры первой половины II тыс. до н. э. принадлежат среднему бронзовому веку. Всего в сводке, легшей в основу исследования

© А. М. Бианки (стр. 264—271).

(о нем см. также Бианки 1986, 1987), около 150 клинков. Практически все обнаруженные в комплексах кинжалы происходят из погребений, а остальные, называемые в музейной документации «случайными находками», — вероятно, из разрушенных погребений.

Для значительной части клинков проделаны спектральные анализы состава металла (в основном работы Черныха и Кореневского), которые позволили сделать вывод о принадлежности указанных культур не только к одному горно-металлургическому центру (Черных 1966), но и к одному, катакомбному, очагу металлообработки (Черных 1978). Мастера эпохи средней бронзы Предкавказья пользовались одним рудным источником — одной группой месторождений меди Большого Кавказского хребта, были носителями одной горно-металлургической, технологической и, вероятно, типологической традиции, или, в другой терминологии, были представителями одного промысла (Бианки 1986). Таким образом, использованный в названии термин «Предкавказье» вполне правомочен, поскольку в данную эпоху археологические культуры на всей территории от Ингула до Нижней Волги и от границы лесной полосы до Большого Кавказа представляли собой единый культурно-исторический регион.

Таким образом, уже на этой стадии работы — т. е. еще до обращения к проработке самих артефактов — можно сформулировать определенное «типологическое ожидание», определенное априорное представление о формах кинжалов катакомбного очага металлообработки. Прежде всего, с достаточно высокой вероятностью можно надеяться, что все многообразие кинжалов (а оно на первый взгляд кажется очень большим) сводится к относительно небольшому числу типов: ведь здесь единая природная зона, явно близкие в культурном и хозяйственном отношениях археологические культуры. Можно также надеяться, что типы эти связаны в некую систему: ведь это продукция одного промысла металлообработки. Ожидаемое типологическое древо будет не просто фиксировать морфологическую связь разных группп кинжалов, а отражать единую традицию дизайнерского творчества, а тем самым какие-то изменения в культуре древнего населения Предкавказья.

С другой стороны, поскольку катакомбный очаг металлообработки обслуживал значительное число археологических культур (до 10 синхронных групп), мы вправе ожидать, что выявятся локальные варианты типов, соответствующие этим культурам. Тем более, что погребения литейщиков встречаются практически в любой из этих культур. Поскольку все катакомбные клинки обнаружены в погребениях, представляется, что они имели в древнем обществе высокий семиотический ранг, -не меньший (а, может быть, и больший), чем кинжалы в культуре народов Кавказа XVIII—XIX вв. н. э. Это заставляет предполагать, что утилитарные функции этих орудий были мало развиты, а следовательно, что мало вариабельны и «рабочие части» орудий. Разнообразие кинжалов, как можно ожидать, будет выражено через те части орудия, которые не имели утилитарного назначения. Значит, описание и классификация катакомбных кинжалов будут осуществляться как бы внутри совокупности однофункциональных вещей. Таким образом, получится группирование не столько орудий, сколько символов (интересно соотнести его результат с группированием погребального обряда и сооружений). А гипотеза о единстве промысла металлообработки позволяет надеяться на единую систему типологичеких признаков, работающую на всех уровнях группирования.

Таков первый этап предклассификационного анализа катакомбных бронзовых кинжалов. Второй этап — анализ собственно находок.

3. «Кинжалы» как артефакты. Уже вначале можно заметить большую однородность рассматриваемой сводки артефактов. Почти все они — не менее 90 % — представляют собой небольшие пластинки металла, вытянутые по линии лезвие — черенок и сделанные из бронз, незначительно различающихся по цвету. Клинки прокованы, следов литья не видно — можно предполагать отливку в слабо профилированные формы. Нет ни нервюр, ни ребер жесткости (характерных, например, для бронзовых клинковых орудий майкопской культуры и поздних северо-кавказских памятников), так что катакомбные кинжалы можно назвать плоскими. Форма сечения клинка ближе к острию линзовидная, черенка — подпрямоугольная, практически всегда со слабо скругленными краями. Важно отметить общую симметричность кинжалов относительно вертикальной оси (линии передачи усилия) и плавность контура. Вещи хорошей сохранности часто покрыты благородной патиной. Окисление сильно меняет форму, разрушая ее. У многих находок боковые стороны острия сходятся к концу под острым углом, что можно интерпретировать как результат стачивания в процессе работы. Стачивание приводило к разрушению консервирующего поверхностного слоя окислов. Сточенные вещи всегда окислены в местах стачивания и продолжают сильно окисляться после раскопок (для сравнения можно посмотреть на те места кинжалов, где не было трения — в отличие от острия и от окончания черенка они почти не разрушаются).

Естественно, что какая-то доля находок не может быть использована для типологического исследования из-за слишком сильных утрат, влияющих на форму. В то же время значительную часть кинжалов можно графически реконструировать и не зная их типы — это увеличивает базу исследования (методика графической фиксации и реконструкции форм катакомбных кинжалов будет изложена в отдельной работе).

Уже на этой фазе наблюдений можно сделать несколько выводов, существенных для последующей классификации. Во-первых, мастера катакомбного очага металлообработки изготовляли кинжалы, по-видимому, в два этапа: сначала отливали, а затем проковывали для придания вещам большей твердости и окончательной формы. Это оказывало влияние и на формотворчество. Во-вторых, покрытые благородной патиной вещи скорее всего не прошли утилитарного использования, не изнашивались, и потому могут служить хорошей опорой для анализа форм. В-третьих, у сточенных кинжалов практически всегда острия одинаковы и стороны их сходятся под острым углом. Таким образом, форма рабочей части катакомбных клинков — признак не типологический, точнее — не обусловленный изготовлением.

Еще один вывод: поскольку все кинжалы, относимые к той же территории и той же эпохе, но не попадающие под сформулированное здесь определение, сильно различаются по форме и характеризуются несравненно бóльшей выраженностью признаков настоящего кинжала, они, безусловно, не принадлежат к продукции катакомбного очага металлообработки и в степных памятниках представляют собой импорты. Эти вещи необходимо изъять из сводки и не рассматривать при учете признаков для описания и классифицирования.

Наиболее существенным для последующей работы именно с данной категорией артефактов является возможность при описании и анализе форм кинжалов ограничиться только рассмотрением их контуров, поскольку внутри контуров, как уже отмечено, кинжалы не имеют каких-либо существенных различительных черт. Таким образом, задача описания катакомбных кинжалов сводится к аппроксимации их контуров до некоего минимального набора существенных точек и к измерению их коор-

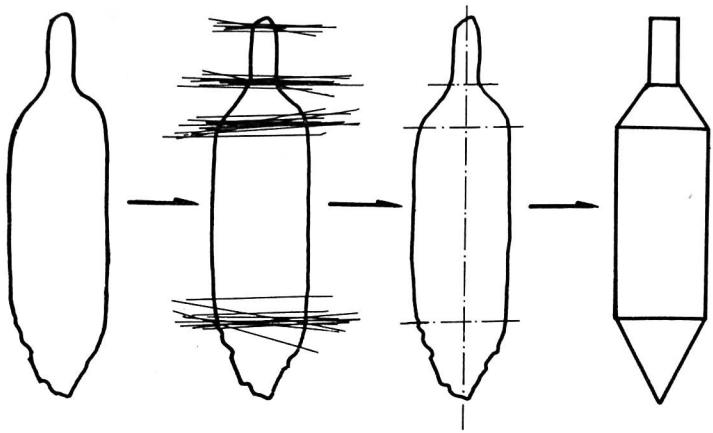
динат. Методика выделения их должна и может быть обоснованной, последовательной и единой для всей совокупности.

4. Роль контура в восприятии предмета. В археологии известно множество построенных так систем описания артефактов. В классической работе Шеппард с описанием керамики (Sheppard 1957) и в работе Анати об облике кинжалов на статуях и наскальных изображениях (Anati 1972) к описанию форм артефактов применен тот же метод. Сюда же можно отнести большое количество работ, где археологи его используют, хоть и не говорят прямо о «принципе контурности» в описании. Уже это приводит к предположению, что данный метод имеет в основе не просто случайное удобство или только прагматическую ценность, а опирается на какие-то более глубокие закономерности в культуре и человеке.

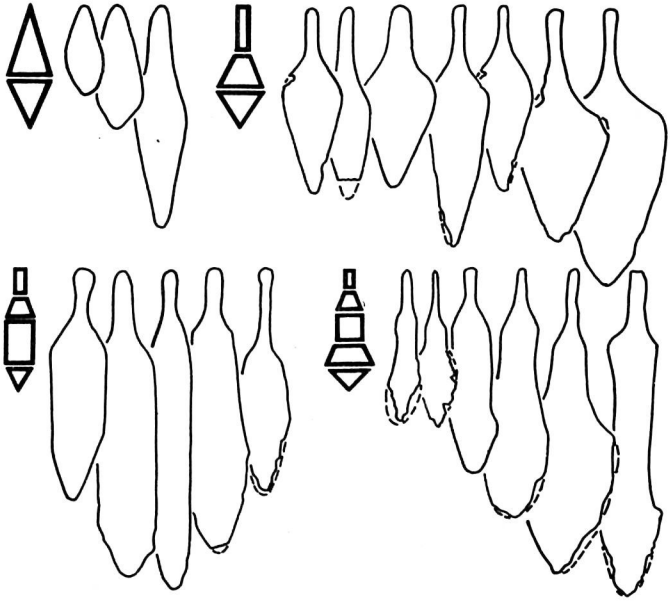
Психологи — специалисты по проблемам зрительного восприятия и мышления человека показали, что именно такой способ описания форм предметов наиболее соответствует механизмам работы человеческого мозга вообще. Именно «контур представляет собой наиболее информативную часть зрительного объекта», а «первой операцией обработки зрительного объекта является выделение контура» (Грановская 1974:28). «Имеется много оснований предполагать, что одной из врожденных операций при обработке зрительного объекта является выделение его контура с помощью пространственного дифференцирования точек световой интенсивности методом сканирования по градиенту» (Грановская и др. 1981:162). Безусловно, дело здесь не только в специфике человеческого восприятия, а в том, что в процессе эволюции система «глаз — мозг» человека адаптирована к выделению наиболее существенных, информативных частей объектов, каковыми и являются контуры.

Если форма предмета в сущности выражается его контуром — а в нашем случае и вообще сводится к нему, — то контур в свою очередь аппроксимируется соединением некоторых существенных точек прямыми. При этом «основной смысл контура сохраняется» (Грановская 1974:30), а формируемая таким образом модель-описание артефакта становится существенно проще и контрастнее. Для любого контура такие «существенные точки» — это *точки изгиба*. Соединение их прямыми разбивает контуры на элементарные геометрические фигуры. Каждая вещь, таким образом, описывается трояко: а) списком таких фигур, б) определенным их сочетанием и порядком, в) размерами и пропорциями их. При такой постановке вопроса оказывается методически неверной широко распространенная в археологии традиция сначала устанавливать список существенных признаков, а затем уже заниматься группировкой их носителей — артефактов. Описание, группировка и называние групп оказываются неразрывно связанными в единый процесс формирования понятийной системы.

5. Мерономия «кинжала». Реальна ли возможность методически правильно выделить эти точки перегиба на контурах кинжалов (или на их изображениях)? Для ответа на вопрос был проведен эксперимент, при котором 20 человек получили наборы контурных рисунков катакомбных кинжалов (в каждом наборе — рисунки 10 разных по сложности и форме кинжалов) с заданием разбить предложенные контуры на элементарные геометрические фигуры. Число и форма этих фигур не оговаривались, каждый испытуемый работал, не видя другого. Результаты — наборы калек с горизонтальными линиями разбиений — были подобраны соответственно исходной форме рисунков и на световом стекле сведены в 10 рисунков, расположение и густота поперечных



Р и с. 36. Эксперимент по выявлению мерономии «кинжалов».



Р и с. 37. Группирование бронзовых «кинжалов» катакомбного очага металлообработки. Предварительные результаты.

линий на которых должны были быть ответом на поставленную задачу. Эксперимент показал, что все 20 человек работали «в одном ключе» и практически одинаково выделили точки изгибов контуров (рис. 36). Таким образом, выделение этих точек и всю методику описания катакомбных кинжалов можно считать в достаточной степени строгими.

Некоторые поперечные линии пришлось все же отбросить и не использовать в дальнейшей работе, поскольку они слишком дробили рисунки кинжалов. В основном этот беспорядок вносили расклепанные концы черенков. Вероятно, эта расклепка связана с необходимостью утоньшить черенок, чтобы воткнуть его в деревянную рукоятку. Как легко заметить при осмотре находок, форма окончаний черенка не коррелирует с формой клинков.

В результате получена методика описания кинжалов, при которой рисунок каждого конкретного орудия надо разбить на элементарные геометрические фигуры поперечными линиями (от 1 до 4 в зависимости от сложности формы кинжала) перпендикулярными к вертикальной оси (линии передачи усилия), а точки пересечения этих линий с контурами и осью служат для измерения значений признаков.

В результате мы получили следующий набор фрагментов:

1) черенок (вытянутый прямоугольник или треугольник);
2) переход от черенка к полотну клинка — «гарда» (трапеция);
3) собственно тело клинка — «полотно» (прямоугольник либо сильно вытянутая трапеция);
4) выделенный переход от полотна к острию (трапеция);
5) острие (треугольник).

Каждый из выделенных фрагментов несет определенную функцию как часть конструкции кинжала, т. е. является не только приемом описания формы, но и деталью орудия. Если в дальнейшем группирование (классификация, типология) будет осмыслена как хронологическое разделение, то разнообразие конструкций кинжалов в рамках единой идеи покажет прогресс в дизайнерском творчестве мастеров-металлистов катакомбного промысла.

На данном этапе группирования катакомбных кинжалов оказалось, что все их разнообразие, кажущееся огромным, сводится к 4 группам и может быть описано четырьмя наборами деталей, четырьмя геометрическими схемами: (A) треугольник + треугольник, (B) треугольник + трапеция + прямоугольник, (C) треугольник + прямоугольник + трапеция + прямоугольник, (D) треугольник + трапеция + прямоугольник + трапеция + прямоугольник. Если мы сведем эти схемы в таблицу, а описательные (геометрические) термины заменим названиями деталей, то получим типологический ряд, возможно, эволюционный:

A	B	C	Д
1+2) черенок--гарда	1) черенок	1) черенок	1) черенок
5) острие	2) гарда	2) гарда	2) гарда
	5) острие	3) полотно	3) полотно
		5) острие	4) «вторая гарда»
			5) острие

Таким образом, полученная схема помогает не только описать многообразие форм катакомбных кинжалов, но и делает это в терминах конструкции артефактов и, более того, сводит всю продукцию промысла в единую систему (рис. 37).

6. Историко-культурный смысл полученного группирования. Только группирование, имеющее культурно-исторический смысл, может считаться законченным. Обретение такого смысла — не только задача следующих за группированием этапов работы археолога, но и обязательная часть собственно группирования. Похоже, что «забегание вперед» оказывается нормой, тогда как последовательность методически чистых этапов работы вряд ли мыслима даже как идеал.

Обратившись к периодизации памятников эпохи средней бронзы Нижнего Дона (Братченко 1976), легко заметить, что общий ход предложенного группирования действительно имеет хронологический смысл: наиболее сложные клинки ($D = 1 + 2 + 3 + 4 + 5$, по терминологии Братченко, «с выемками у основания лезвия») принадлежат наиболее поздним памятникам, уже с многоваликовой керамикой. Более простые формы (по намеченной выше схеме, $B = 1 + 2 + 5$) встречаются на разных этапах или ($C = 1 + 2 + 3 + 5$) только на предшествующем позднему.

В самом общем виде к такому выводу пришел и Кореневский, исходивший из другого принципа группирования (Кореневский 1978:33—48). Наиболее сопоставимая с моей группой D группа 2 классификации Кореневского оказывается наиболее поздней (культуры катакомбная, полтавкинская и многоваликовой керамики) и наиболее широко распространенной.

Таким образом, полученная дескриптивная схема оказалась группированием, имеющим культурно-исторический смысл. Она, безусловно, не является конечным этапом типологии или классифицирования, поскольку описывает хоть и всю совокупность кинжалов, но явно слишком упрощенно. В каждой из полученных четырех групп оказывается значительное число достаточно легко читаемых подгрупп, различающихся пропорциями и размерами деталей. И, несмотря на то, что данная схема (4 группы на 1/2 тысячелетия), говоря условно, вдвое более дробна, нежели классификация Кореневского (4 группы на целое тысячелетие), это только первый этап типологической обработки катакомбных кинжалов, который должен быть продолжен на основе анализа конкретных значений указанных признаков. Упомянутая нечеткость форм клинков приводит к значительным техническим трудностям в процессе дальнейшего группирования. Задача не может быть решена без машинной обработки и будет рассмотрена отдельно (предварительное сообщение см. Бианки, Дождев 1979).

Кроме того, не выполнено весьма правдоподобное предположение о соответствии полученных групп распространению археологических культур столь большого региона, как причерноморские и предкавказские степи и предгорья. Это также приводит к необходимости дальнейшего дробления.

7. Методические выводы. Проделанный анализ классификационного этапа исследования показывает, как кажется, важность и эвристичность этого этапа. Он также может быть разработан методически.

Идея о неограниченности пригодных для археологической типологии признаков представляется верной только на самом верхнем уровне исследования — реально выбор ограничен и исходно, а по мере анализа и еще уменьшается. Предклассификационный анализ предмета исследования можно рассматривать как последовательное и обосновываемое

упрощение и структурирование списка признаков, сведение его до некоторого минимума.

Ограничение выбора признаков, безусловно, зависит от информационного богатства данной категории артефактов. Вычурный индонезийский ирис сложнее катакомбного «кинжала», а панафинейская амфора — простой амфорной тары для масла. Свойственные человеческому глазу и мозгу механизмы восприятия и переработки зрительной информации, в принципе единые для всего человечества, экономны и также позволяют отбросить ряд признаков. В общем случае, вероятно, необходимо выбирать культурно-значимое из значимого физиологически. В рассмотренном примере «культурный» и «физиологический» подходы совпали.

Типологизацию можно понимать как самообучение исследователя распознаванию образов остатков древней культуры, руководимое нашим знанием обо всем контексте изучаемой эпохи и культуры.

Б. Этюд об акинаках
(А. Ю. Алексеев)

1. Материал и задача: С VII в. до н. э. в евразийских степях получили распространение мечи-акинаки, ставшие вскоре (с некоторыми модификациями) традиционным оружием многих народов. Акинак — слово, вероятно, западноиранского происхождения (Литвинский 1968:84). Оно употреблялось античными авторами как по отношению к персидскому мечу (Геродот VII, 54), так и по отношению к оружию других ираноязычных народов — бактрийцев, согдийцев, каспиев (Литвинский и Пьянков 1966), а также и скифов (Геродот IV, 62, 70). Во всех русских переводах «Истории» Геродота вместо точного «акинак» (в рукописи ἀκινάκης) употреблен термин «меч», что, по-видимому, явилось одной из причин отказа некоторых исследователей (Черненко 1979:90) от перенесения названия «акинак» на скифские мечи и кинжалы. В данном разделе термины «меч» и «акинак» используются как равнозначные.

Исследователи неоднократно обращались к этой категории, обычно рассматривая ее в комплексах вооружения, характерных для отдельных районов и различных этнических общностей Евразии (Ростовцев 1918; Сокольский 1954; Смирнов 1961; Мелюкова 1964; Литвинский 1968 и др.). Известна лишь одна попытка рассмотреть мечи и кинжалы скифской и последующих эпох на широком фоне — историческом, хронологическом и территориальном (Ginters 1928).

Основными задачами всех указанных работ были классификация и определение хронологии «скифских», «савроматских», «меотских», «сакских» и т. п. мечей и кинжалов. Стремление получить четкие и узкие датировки отдельных видов акинаков приводило к чрезвычайно дробному делению каждой из рассматриваемых групп мечей (например, Мелюкова выделила 11 типов мечей и кинжалов).

В настоящее время накоплен достаточный материал, имеются необходимые хронологические разработки, позволяющие обратиться к изучению акинаков в целом и на всей территории их распространения. Предстоит исследовать не только функциональные, технологические, конструктивные особенности мечей, говорящие об их военном функционировании, но и их знаковую сторону, их символику, поскольку имеются многочисленные данные, свидетельствующие о дополнительном, культовом использовании акинаков, особенно в скифской культуре.

© А. Ю. Алексеев (стр. 271—280).

О поклонении мечу у скифов, савроматов, аланов писали Эвдокс, Помпоний Мела, Лукиан, Климент Александрийский, Гай Юлий Солин, Арнобий, Эпифаний, Аммиан Марцеллин (Латышев 1906:123, 276; ВДИ 1948, 1:303, 308; 1948, 2:281; 1946, 3:251; 1948, 3:245; 1949, 3:305). Меч и чаша упоминаются Лукианом как атрибуты обряда побратимства у скифов (ВДИ 1948, 1:429). Геродот среди атрибутов того же обряда (стрелы, копье, секира и чаша) первым называет акинак (Геродот IV, 70). Геродот описал жертвоприношение скифскому «Аресу» (IV, 62). О мече-кумире этого божества сказано: «на... холме водружен древний железный меч». Указание на древность может послужить намеком на то, что древний меч заметно отличался от современного Геродоту, и это осознавали его скифские информаторы. Вот еще один аспект знаковой функции меча — хронологическое маркирование.

Классификация Мелюковой, принятая многими исследователями, основана на выделении признаков двух групп (форма навершия определяет отдел, форма перекрестья — тип) и восходит к предложенной еще в 20-е годы типологической схеме Городцова (Городцов 1927:6). В сходной, но менее отчетливой и строгой форме этот принцип группировки акинаков был использован уже Ростовцевым (Ростовцев 1919а). Идея Ростовцева получила развитие в работе Гинтерса (Ginters 1928), также считавшего форму перекрестий (сердцевидную) неизменной и выделившего несколько видов наверший: овальные, прямые, антеновидные. Мелюковой в равной мере было использовано разнообразие как наверший, так и перекрестий скифских мечей и кинжалов. В целом эта классификация недалеко отошла от аналитической, в своей таксономии она условна. Она объективно локализует каждый признак во времени и прекрасно «работает», решая задачу установления даты того или иного отдельного меча, но непригодна для определения группировки вещей, осознававшейся самими варварами, имевшей для них смысл. А для выделения таких групп необходимо изучать контексты, в которых вещи оказались (Клейн 1979:69). Примером реализации этого принципа и является предлагаемая типология акинаков.

Несмотря на распространение акинаков не только у скифов, интерпретация полученных групп-типов будет в основном опираться на скифский материал, так как, во-первых, скифский меч — это исходная форма акинаков, определившая дальнейшее развитие, а, во-вторых, культовое, ритуальное использование меча именно у скифов наиболее отчетливо засвидетельствовано в источниках.

В работе учтены 256 акинаков, наиболее «читаемых», т. е. обладающих максимальным набором признаков. Основное внимание уделено ранним формам мечей и кинжалов (VII-V вв. до н. э.). Вся территория их распространения разбита на шесть грубо разграниченных культурно-территориальных зон. Критерием для деления явились общие представления об этнокультурной группировке древнего населения. Эти зоны: 1) Центральный и Северо-Восточный Казахстан, Средняя Азия, Памир («сакские» акинаки — 25 экз.); 2) Поволжье, Приуралье, Левобережье Нижнего Дона («савроматские» акинаки — 45 экз.); 3) Волго-Камье («аньинские» акинаки — 18 экз.); 4) Предкавказье, Кавказ, Закавказье, Передняя Азия («кавказско-мидийские» акинаки — 47 экз.); 5) Северное Причерноморье («скифские» акинаки — 82 экз.); 6) Центральная и Юго-Восточная Европа («западные» акинаки — 39 экз.).

2. Разбивка на элементы. В специальной литературе до сих пор не существует общепринятой терминологии для обозначения деталей акинаков. Не всегда понятно, что подразумевается под такими названиями, как «сердцевидное», «бабочковидное», «почковидное» перекрестье. Поэ-

тому необходимо специально оговорить терминологию, применяемую в настоящем исследовании, тем более, что в список элементов (табл. 1) здесь включены формы, ранее не выделявшиеся в качестве самостоятельных.

Сторона, обращенная к клинку, у всех перекрестий в основном одинаковая: две сомкнутые дуговидные выпуклости с угловой выемкой посредине между ними, в которую входит осевая линия клинка. Различаются перекрестья по стороне, обращенной к рукояти.

Сердцевидным перекрестьем (№ 38) называется такое, у которого сторона, обращенная к рукояти, выступает углом с дуговидными образующими (выпуклыми или вогнутыми), плавно переходящими в полукружия противоположной стороны.

Почковидное перекрестье (№№ 31—33) — это такое, у которого сторона, обращенная к рукояти, не угловатая, а округлая.

Восьмеркообразное перекрестье (рассматривается здесь как разновидность почковидного) — такое, у которого со стороны рукояти такая же угловая выемка, как со стороны клинка.

Полупочковидное (№ 34) — такое, у которого сторона, обращенная к рукояти, образована прямой линией.

Псевдосердцевидное (№ 34) — у которого сторона, обращенная к рукояти, выступает углом, образованным двумя прямыми, а переход их к полукружиям противоположной стороны не плавный, а резкий (переломом).

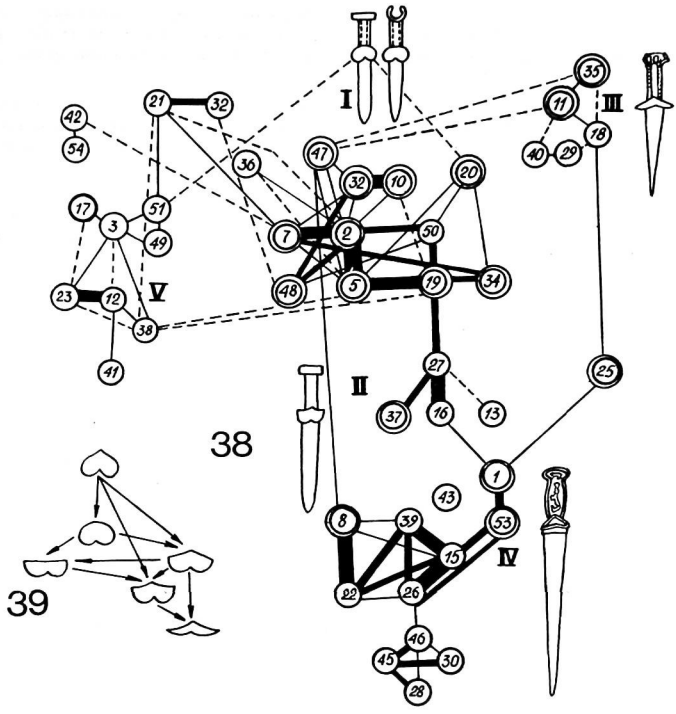
Бабочковидное (№№ 35—37) — у которого сторона, обращенная к рукояти, выступает углом с вогнутыми (втянутыми) образующими, а переход их к полукружиям противоположной стороны резкий.

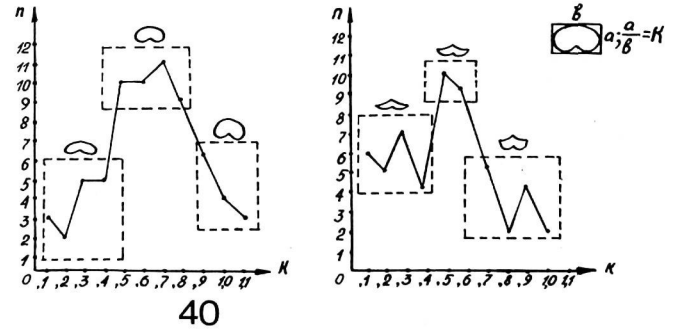
Остальные формы достаточно четко были определены в классификации Мелюковой. Выделение трех разновидностей внутри групп почковидных и бабочковидных перекрестий основывается на измерении отношений сторон четырехугольников, в которые перекрестья вписываются (рис. 38). Все элементы рассматриваются как равноценные, так как их вес не определен.

3. Корреляция. Определим взаимосвязь выделенных элементов, измеряя близость по функции сходства $f=s^2/kl$, где s — количество случаев совстречаемости на мечах одного элемента с другим, k — количество наблюдений первого элемента, l — количество наблюдений второго элемента. Построен граф, демонстрирующий соотношения элементов мечей, и найдены соответствующие совокупностям этих элементов формы акинаков (рис. 39). Ядра полученных групп дискретны, связь между группами осуществляется за счет небольшого числа признаков. Таким образом, в результате корреляции были определены устойчивые наборы элементов, отражающие качественные отличия различных форм акинаков. Выявленные группы мечей отчасти соответствуют отдельным типам классификации Мелюковой и являются эмпирическими. Но не исключено совпадение некоторых из них или всех с «культурными» типами.

4. Включение в культуру. Задача заключается в переходе от эмпирических типов к типам культурным. Логически путь должен идти через культурные контексты, которые бы позволили выявить значимость элементов-признаков, их важность в разных ситуациях, их смысловую нагрузку.

Напрашивается идея проследить позиции акинаков в археологических комплексах. Но в данном случае комплексы трудно использовать, так





Р и с. 38. Признаки акинаков. Граф связей. Показатели сходства: прерывистая линия — связи с f = 0,05 — 0,2; тонкая линия — с f = 0,21 — 0,3; жирная линия — с f = 0,31 — 0,45; черная лента — с f св. 0,45. В кружках — номера признаков, в двойных кружках — номера типообразующих признаков.

Р и с. 39. Схема развития перекрестий акинаков.

Р и с. 40. Распределение почковидных и бабочковидных перекрестий по пропорциям (n — количество наблюдений).

как они либо слабо зафиксированы, либо разрушены, либо нерегулярны. Позиция акинаков в погребениях (там, где она известна) оказывается нестандартизированной (справа от погребенного, слева, у черепа, поперек таза, акинак воткнут в стену, находится в тайнике и т. п.); каких-либо соответствий между формой меча и его положением найти не удается. То же относится и к территориальному распространию мечей и кинжалов.

Но проявления культурного контекста многообразны. Для включения вещей в контекст древней культуры годится все, что позволяет судить о функционировании этих вещей в культуре, о роли тех или иных деталей и особенностей, об их смысле. Конкретные культуры различаются по возможностям, которые они предоставляют в этом плане исследователю.

В частности, занимающая нас эпоха богата изображениями акинаков, а ведь это тоже некий культурный контекст, и весьма интересный. К разработке и оценке образа акинака в сознании древних можно привлечь изображения акинаков на скифских антропоморфных изваяниях (Шульц 1967, 1976; Елагина 1959; Шульц и Навротский 1973; Мелюкова 1964; Марковин и Мунчаев 1964; Бокий 1974; Ильинская 1975 и др.), на персепольских рельефах (Schmidt 1953, 1957, 1970), на предметах античной торевтики с изображениями варваров, а также данные письменных источников (прежде всего свидетельство Геродота о культе меча у скифов).

Исследователи раннего железного века отмечают близкие соответствия между формами и деталями других предметов культового или престижного значения (топоры — «символы власти») и изображениями этих предметов на стелах (Ильинская 1961:41—42; Халиков 1977:179).

Действительно, хотя изображения мечей на скифских изваяниях схематичны, все же они достаточно ясно передают контур и основные детали акинаков различных видов. Детали, положенные в основу этих изображений, мы вправе в совокупности рассматривать как необходимый набор признаков, имевших решающее значение для узнавания и стало быть составлявших образ меча в сознании их владельцев и создателей. То, что таких деталей воспроизводилось немного и что некоторые подробности оформления оружия не получили отражения, указывает на определенный (сознательный или неосознанный) отбор признаков мастерами, изготовлявшими стелы. На изображениях акинаков подчеркивались наиболее важные с точки зрения древних мастеров признаки, комплект которых (при возможной замене или изъятии отдельных элементов) воспринимался как целое и являлся, собственно, сложившимся образом предмета.

Несоответствие между «натуральными» акинаками и воспроизведенными на стелах, состоящее в исчезновении некоторых деталей на изваяниях, свидетельствует о том, что эти детали были дополнительными, что они должны были усиливать восприятие и создавать информационную избыточность, необходимую для надежного воздействия в натуре; в изображениях без нее можно было обойтись. Например, в изображениях на изваяниях у мечей с антеновидными навершиями ни в одном случае не прорисованы кружки в основании навершия, передающие форму глаза. Между тем этот элемент часто встречается на железных акинаках, где, по-видимому, играл роль дополнительного в сочетании с антеновидными навершиями, имеющими форму птичьего когтя или клюва. Анализ деталей воспроизведенных акинаков позволяет выделить ряд ведущих, «типообразующих» признаков (с точки зрения не современного исследователя, но древнего мастера и владельца меча), произвести их своеобразное «взвешивание». Такими типообразующими признаками являются: 1, 2, 8, 10, 11, 19, 20, 25, 32, 34, 35, 37, 47, 48, 54. Дополнительно

в этот список может быть включен признак 53 — наличие золота в оформлении рукояти, имевший, несомненно, престижный характер.

Те сочетания элементов на графе, которые выделены и очерчены этими признаками, могут рассматриваться как имеющие определенное культурное содержание, т. е. как «культурные» типы. Вот их перечень (рис. 40).

1. Акинаки с почковидными (и полупочковидными) перекрестьями, прямым или антеновидным навершием, гладкой прямой или двухваликовой рукоятью, клинком, суживающимся в последней трети (реже треугольным), — I отд., 1 тип; II отд., 1 тип, по классификации Мелюковой. Почковидных перекрестий много — 35 % всех перекрестий, вместе с полупочковидными — 47 %. На изображениях также подавляющее большинство всех акинаков имеет почковидное перекрестье.

2. Мечи, основу которых составляет широкое бабочковидное перекрестье (3). На некоторых экземплярах рукоять и ножны украшены золотыми обкладками с изображениями — частично входят в I отд., 2 тип, по Мелюковой.

3. Мечи с овальным (круглым) плоским навершием, овальной или прямой рукоятью, ложнотреугольным перекрестьем, треугольным клинком, наличием золота в оформлении — I отд., 3 тип, по Мелюковой.

4. Мечи и кинжалы со сплошным антеновидным навершием, рукоятью с рифлением, узким бабочковидным перекрестьем, треугольным клинком — II отд., I подотд., 2 тип.

В самостоятельную группу на графе выделились признаки-элементы, которым соответствуют акинаки: 1) с сердцевидным, 2) реже — с сегментовидным перекрестьем (рис. 41). Последние имеют локальное распространение. Связаны эти две разновидности материалом, из которого изготовлялись, — они бронзовые или биметаллические. Наиболее интересны акинаки с сердцевидным перекрестьем. В бронзовом варианте они немногочисленны, но распространены на широкой территории (1, 2, 4, 5, зоны). Учитывая материал, из которого мечи этого вида изготовлялись, мы вправе считать их в целом наиболее ранними (VII—VI вв. до н. э.), хотя на железных мечах сердцевидные перекрестья встречаются и позднее — в V в. до н. э. Эта разновидность тесно связана с мечами, имеющими почковидные перекрестья, и может рассматриваться как исходная форма для последних.

В данном случае типами оказались дискретные совокупности признаков, слабо связанные между собой.

5. Семантика и эволюция перекрестья. I тип. Уже высказывались предположения, что некоторые конструктивные элементы мечей приобрели свою форму не случайно. Исследуя антеновидные навершия, Мерперт трактовал их как имитацию когтей хищной птицы. Этот мотив он связывал с колюще-режущей функцией акинаков — «удар меча подобен удару орлиного когтя» (Мерперт 1948:78). Граков отмечал, что рукояти украшались изображениями когтей, а также орлиных голов (Граков 1947:79—80). Навершия акинаков, где волюты трактовались в виде птичьих голов, выделял еще Ростовцев (Ростовцев 1918а:57). Но никто из археологов не рассматривал с точки зрения семантики перекрестья акинаков, форма которых не могла быть вызвана исключительно требованиями функционального или конструктивного характера. Между тем надо объяснить факт преобладания и широчайшего распространения акинаков I т и — п а с почковидными перекрестьями.

Если рассматривать почковидное (а также восьмеркообразное и сердцевидное) перекрестье в композиции с клинком акинака, то контур этого сочетания очень точно соответствует скифской схеме изображения

фаллоса. Почти на всех фаллических антропоморфных изваяниях (Шульц 1976, рис. 1.—1; 7.—1; 1967, рис. 1, 2; Бокий 1974:264; Артеменко 1977, рис. 2) у поясов изображены кинжалы с почковидными и близкими к ним по форме перекрестьями (рис. 42). Возможно, эта связь не случайна, и позволительно задаться вопросом, не является ли создание мечей с почковидными перекрестьями результатом стремления придать мечу форму, соответствующую фаллическим изображениям на скифских изваяниях. К подобным выводам, но в ином варианте и на основе иных данных, пришел Мачинский (1978:128). С мотивом фаллоса он связывает ножны меча с бутеролью на нижнем конце и с отходящей в сторону лопастью на верхнем (профильное представление половых органов).

Рис. 41. Изображения мечей и кинжалов на скифских изваяниях.

Источники: Мелюкова, 1964, табл. 5_5, $_6$, $_8$; Шульц, 1976, рис. 7_1; Советская Археология, 1973, № 4, с. 190, рис. 1, 2; 1974, № 4, с. 266, рис. 2; Краткие Сообщения ИИМК, № 48, 1952, рис. 39.

Рис. 42. Акинаки с почковидными и сердцевидными перекрестьями и скифские изваяния с изображениями фаллосов.

Источники: мечи — Мелюкова, 1964, табл. 15_5, 20_4, $_7$; МИА № 30, 1952, табл. 21_{14}, № 101, 1961, рис. 1_1; Краткие Сообщения ИИМК № 61, 1956, с. 12, рис. $3_{2,6}$; Ильинская, 1968, табл. 1_1; изваяния — Советская Археология, 1974, № 4, С. 266, рис. 2; 1977, № 4, с. 20, рис. 2; Шульц, 1976, рис. 1_1, 7_1.

В представлениях других индоевропейских народов не удалось обнаружить прямых соответствий этим ассоциациям. Было бы очень заманчиво трактовать с точки зрения фаллической символики кельтские мечи с антропоморфными и псевдоантропоморфными рукоятями (Filip 1956: obr. 5), но нет дополнительных данных, которые могли бы подтвердить такую трактовку.

Есть еще одна возможность восприятия перекрестья в качестве компонента фаллической композиции: если перевернуть меч и рассматривать не клинок, а рукоять как имитацию ствола фаллоса. Тогда фаллическое значение приобрело бы также навершие. Если учесть характерную для скифов многоракурсность рассмотрения предметов с несколькими изображениями, эта трактовка не исключает обе другие.

Фаллическая символика акинака — кумира одного из скифских богов — согласуется с сущностью и функциями этого бога. Для греков его соответствием был Арес, но функции скифского «Ареса» не ограничивались исключительно военной областью. Скифский «Арес» был божеством, функционально тождественным индоиранскому и индоевропейскому божеству бури, грозы, ветра, которое способствовало военным удачам, но также оказывало влияние на плодородие и на рождение людей (Алексеев 1980:39—40). Меч, водруженный на алтаре из хвороста (Геродот IV, 62), являлся продолжением и составной частью сакральной оси, соединявшей через воздушное пространство две плоскости мира — землю и небо. Ассоциируясь с молнией, будучи атрибутом божества грозы и бури, акинак символизировал оплодотворяющее слияние двух плоскостей вселенной, и естественно, что его представляли в виде фаллоса. У индоариев божеством грома был Индра, вооруженный дубинкой «ваджрой», у германцев — Тор, вооруженный боевым молотом. Фаллическое значение молота Тора известно (Paulsen 1956:219).

2 тип. Его основой является широкое бабочковидное перекрестье, характерное для переднеазиатских акинаков. Этот тип мечей, распространенный на территории Закавказья, Передней Азии, — боковая ветвь ствола развития, несомненно, повлиявшая на скифские образцы. Он был выработан в Передней Азии во время восточных походов северных кочевников и не мог служить прототипом для скифских мечей и кинжалов (Черненко 1979:90—91). В скифских комплексах встречены подобные, переднеазиатские по происхождению, акинаки — мельгуновский, келермесский, чертомлыкский.

Мидийско-персидский тип меча был достаточно устойчивым и неизменным. По свидетельству Курция Руфа, лишь в начале царствования Дария III была изменена по образцу греческой форма персидских ножен для акинака, что впоследствии связали с неудачами персов в борьбе против греков (Квинт Курций Руф 1963:27). В Ахеменидском государстве акинак, по-видимому, обладал функцией показателя правового и социального положения владельца. По рассказу Геродота, Ксеркс заключил соглашение о дружбе с жителями города Абдеры, в знак чего пожаловал им шитую золотом тиару и золотой акинак (Herod., VIII, 120). Ношение меча в качестве символа власти восходит к старой иранской традиции, которая засвидетельствована Авестой (Литвинский и Пьянков 1966:38).

3 и 4 типы акинаков были характерны для варварского вооружения V—IV вв. до н. э.

3 тип может быть отнесен к категории парадного оружия, так как одним из присущих ему признаков являются золотые обкладки рукояти. Этот тип оформился под влиянием эллинского оружия: греческие ксифосы имели овальные рукояти (Черненко 1977:123); некоторые акинаки 3 типа являются однолезвийными, что связано, по-видимому, с влиянием меча-

махайры (Ginters 1928:36—37; Мелюкова 1964:59). Подтверждением этому является, например, обычный для махайры клинок меча из кургана близ села Шульговка. Но декор золотых обкладок оформлен в скифском орнаментальном стиле. Датируются мечи этого типа второй половиной IV в. до н. э.

4 тип акинаков мало связан с предшествующими ему формами. Его возникновение явилось результатом проникновения в Скифию мечей, изготовлявшихся в греческих мастерских по скифским образцам, которые имели антеновидные навершия (Исмагилов 1978:232—233). Некоторые акинаки этого типа также являются парадным оружием. Датировка: V—IV вв. до н. э.

Таким образом, единственным исконно скифским типом меча является тот, основу которого составляли почковидные и сердцевидные перекрестья. Остальные разновидности представляют собой производные формы, образовавшиеся в результате разрушения первоначального образа, связанного с фаллической символикой.

Таблица 1.

Список черт

№ п/п	Черта	Кол-во наблюдений
1	меч	24
2	кинжал	230
3	акинак бронзовый	12
4	рукоять бронзовый	5
5	акинак железный	239
6	» деревянный	2*
7	навершие прямое	144
8	» овальное	14
9	концы навершия опущены вниз	5
10	навершие простое антеновидное	65
11	» сложное »	21
12	» сегментовидное	5
13	» в виде голов животных	2
14	геометрический орнамент на навершии	2
15	изображение животных на навершии	7
16	растительный орнамент на навершии	3
17	обоймочка у основания навершия	5
18	«глазной» орнамент на навершии	18
19	рукоять прямая гладкая	132
20	» » двухваликовая	87
21	на рукояти больше двух валиков	24
22	рукоять овальная	10
23	» имеет волнистые края	3
24	V — образный орнамент на рукояти	1

* в работе не учитывались

Продолжение таблицы 1.

№ п/п	Черта	Кол-во наблюдений
25	рифление по краям (на валиках) рукояти	16
26	изображение животных на рукояти	9
27	«растительный» орнамент на рукояти	4
28	«циркульный» орнамент на рукояти	4
29	рифление между валиками	7
30	«сетчатый» орнамент на рукояти	1
31	перекрестье почковидное (1)	10
32	» » (2)	61
33	» » (3)	19
34	» полупочковидное	31
34	» псевдосердцевидное	19
35	» бабочковидное (1)	22
36	» » (2)	30
37	» » (3)	10
38	» сердцевидное	21
39	» ложнотреугольное	9
40	» прямое	5
41	» сегментовидное	9
42	» сломанное под углом	8
43	изображение животных на перекрестьи	9
44	«растительный» орнамент на перекрестьи	1
45	спиралевидный » »	3
46	«глазной» » »	6
47	клинок треугольный	113
48	» суживающийся в последней трети	132
49	» расширяющийся к середине (пламевидный)	3
50	сечение клинка овальное	127
51	» » ромбическое	73
52	» » » с продольным ребром	24
53	золотая обкладка рукояти	17
54	на клинке продольные нарезы	11

В. Этюд о мечах викингов (Г. С. Лебедев)

1. Проблема. Мечи — лишь один из элементов культуры викингов, правда, яркий, массовый и уже потому удобный для культурного моделирования. Это заботливо украшенные и достаточно сложные вещи. Как изготовление, так и применение их требует высокой квалификации и фиксированных традицией навыков. Основная функция однозначна, бесспорна и почти не подвержена изменениям в течение рассматриваемого

© Г. С. Лебедев (стр. 280—304).

периода, хотя имелись различия по технике в конном и пешем бою. Однако основная функция — не единственная, были и другие. По богатству и устойчивости дескриптивных характеристик мечи занимают среднее место между орудиями труда, изменяющимися медленно (в основном под воздействием технологических факторов), и украшениями, более динамичными в развитии (особенно деталей). Чтобы проследить эволюцию мечей, нужно сначала разработать их систематику, сгруппировать их (классифицировать, создать типологию).

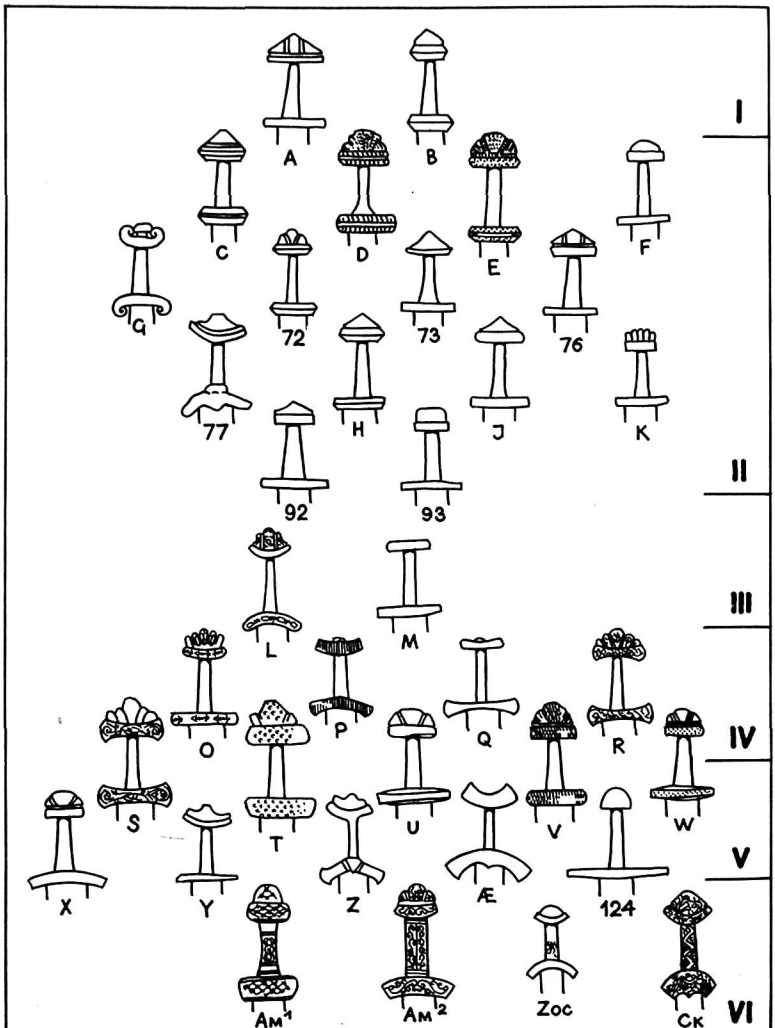
Что может дать их типология и выявленная на ее основе эволюция для лучшего знания древнесеверной культуры? Этот вопрос представляется естественным. Но пытаясь получить на него ответ, мы должны будем увидеть за ним другой вопрос (представляющий собой как бы зеркальное отражение первого): что может дать знание культуры викингов для классификации принадлежавших к ней мечей?

2. Одноэтажная типология Петерсена. Для скандинавских мечей давно уже разработана дробная типологическая схема, созданная одним из первоклассных мастеров северной археологии Яном Петерсеном (Petersen (1919) и используемая до сих пор (Кирпичников 1966). Типы Петерсена выделены на основе массовых находок (около 2000 экземпляров), хронология их установлена по хорошо документированным комплексам.

Типология Петерсена, эмпирическая по методике, основана на интуитивном визуальном выделении типов и нестрогом словесном (дополненном воспроизведениями вещей) описании признаков. Некоторые важные функциональные характеристики сознательно не учитывались (длина, ширина, конструкция клинка): «При большом разнообразии рукоятей лезвия мечей почти одинаковы» (Кирпичников 1966:19). Рукояти состоят из устойчивого набора компонентов: стержня, перекрестий (нижнего, или гарды, и верхнего) и навершия, иногда отлитого вместе с верхним перекрестьем. Диапазон колебаний устройства, формы и декора этих элементов достаточно велик для образования как безусловно дискретных типов, так и типов, «которые можно было объединить в одну группу» (Кирпичников 1966:19).

Типы Петерсена выделены на основании размеров, профилировки и декора рукоятей мечей. Их всего 32; из них 25 обозначены буквами норвежского алфавита, от A до Æ; 7 форм выделены как особые или редкие — Sœrtyper (в дальнейшем они обозначаются по номеру рисунка: 72, 73, 76, 77, 92, 93, 124). Ян Петерсен не составил сводной таблицы типов, но такую таблицу легко реконструировать (рис. 43). Типы Петерсена сгруппированы в более крупные подразделения по хронологическому принципу: 1) исходные формы (типы A и B); 2) мечи ранней эпохи викингов (C, D, E, F, G, H, I, K и особые формы первой половины IX столетия: 72—77, 92, 93); 3) мечи второй половины IX в. (L, M); 4) мечи X столетия (O, P, Q, R, S, T, U, V, W); 5) мечи поздней эпохи викингов, со второй половины X до середины XI в. (типы X, Y, Z, Æ и 124). Таким образом, его типологии придан, в духе времени, характер хронологического упорядочения. Само алфавитное обозначение типов навевает идею об однолинейном развитии.

В целом типологическая цепочка создает впечатление довольно динамичного развития от сравнительно простых форм (типы A, B) к рафинированным и сложным (R, S, T) и затем снова к простым (X, Y, 124). Однако ни на глазок, ни с помощью объективных приемов нельзя детализировать этот процесс. Многие смежные звенья (C и D, G и H, K и L, M и O, X и Y и другие) никак, по-видимому, не связаны. Трудно судить и о доминирующей закономерности внутри хронологи-



Р и с. 43. Типология мечей викингов по Петерсену.

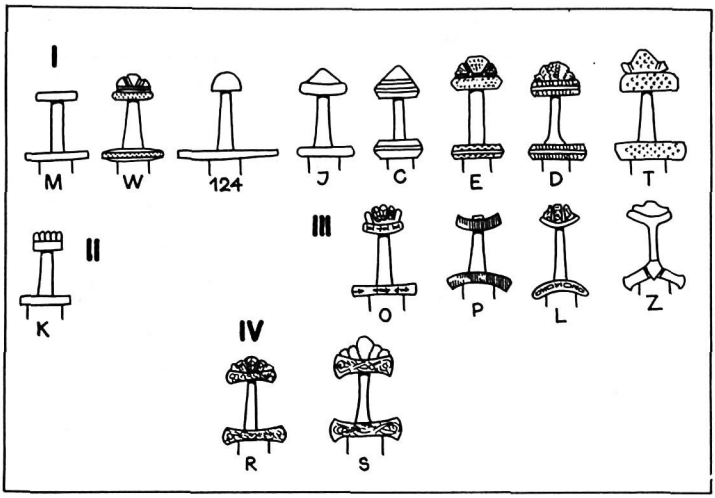
ческих подразделений. И в начале, и в конце цепочки для каждого отрезка времени можно найти простые и сложные, «восходящие» и «нисходящие» типы, но лишь отдельные из нарушающих то или иное плавное движение могут быть трактованы как заимствованные (тип К). На деле же развитие оказывается многолинейным: попытка выстроить типы Петерсена в «монтелиев ряд» не удается, рядов получается несколько. Мы явно имем дело с параллельным развитием нескольких конструкций меча, и эти ряды, пересекая границы выделенных хронологических групп, остаются «скрытыми» в эмпирической типологии Петерсена. Хронология не выделена из этой типологии, а наложена на нее извне как надстройка. Типология Петерсена не содержит в себе критерия для иерархии типов (все они однопорядковые, одного уровня) и остается одноэтажной.

3. Формализованная типология Мора. В середине 1970-х годов Марк Мор предпринял новую попытку типологической классификации мечей викингов (Maure 1977). Визуальным критериям Петерсена был противопоставлен строго формальный анализ клинков и рукоятей серии из примерно 100 мечей. Основой деления на типы стали морфологические характеристики наверший и гард. В тех и в других оказалось по три группы (навершия: прямые, выпуклые и вогнутые; гарды: прямые, выпукло-вогнутые, вогнутые), а внутри групп выделяются типы наверший и гард, различающиеся по размерам, пропорциям и другим объективно фиксируемым показателям. Комбинации «навершие — гарда» образуют собственно типы мечей. Это очень напоминает классификацию ямных погребений, критически рассмотренную в § 5 гл. V.

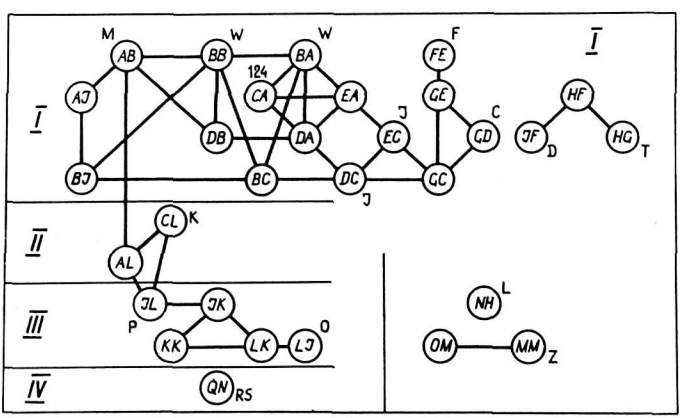
Мор достаточно строго реализовал стратегию разработки условной формально-типологической классификации. Выделенные объективными методами условные типы, не охватывающие в данном случае всей совокупности материала, в большинстве случаев совпали с эмпирическими типами Петерсена (Maure 1977:111—112). Но у Мора второй этаж возведен на опорах первого. Положенные в основу формального описания функциональные признаки (кривизна гарды влияет на характер удара) позволили объединить выделенные типы мечей в четыре морфологические группы, внутри которых типы мечей взаимосвязаны между собой по типологическим признакам (рис. 44). В первую группу входят мечи с прямой гардой и прямым основанием навершия (из типов по Петерсену — M, W, I, C, E, D, T), во вторую — с выпукло-вогнутой гардой и прямым основанием навершия (тип K), в третью — с выпукло-вогнутой гардой и выпуклым основанием навершия (типы L, O, P, Z) и в четвертую — с вогнутой гардой и вогнутым основанием навершия (типы R, S) (рис. 45).

Четыре группы Мора объединяют типы мечей по функциональному принципу. Это, безусловно, *шаг вперед по сравнению с классификацией* Петерсена. Мы можем судить о военной, технической функции мечей, можем сгруппировать по этому принципу разновременные типы, по количественному распределению групп судить о тактике викингов, способе боя, уровне развития раннесредневекового оружейного дела. Однако условно нарезанные типы, вырванные из широкого культурного контекста, не позволяют еще судить о культурно-историческом процессе, морфологические группы не раскрывают динамики скандинавского общества; мы полнее и глубже узнали оружие викингов — но еще не самих викингов.

4. Культурно-историческая типология: подход. Эту задачу может решить лишь культурно-историческая типология, целью которой является обнаружение не эмпирических и не условных, а «культурных» типов, т. е. тех типов, взаимосвязь, развитие и смена которых отразили реальные



Р и с. 44. Типология мечей викингов по Мору (Maure, 1977). Типы и группы типов.



Р и с. 45. Типология мечей викингов по Мору. Граф связей.

культурные процессы (смену ценностной ориентации, движение социальных групп, формирование, расцвет и упадок культуры)[1].

Сложность проблемы в том, что сами по себе эти процессы археологу не даны. Они закодированы особым образом в археологическом материале, который выступает для нас как своего рода запись, код давно прошедшего культурного процесса. Признаки суть «алфавит», типы — «слова» этого кода. Однако построить связный текст, т. е. культурно-историческую типологию, путем комбинирования признаков и типов невозможно. Дополнительным условием является введение, так сказать, «экстраморфологической информации» (сведений о хронологии, топографии, культурном контексте типов).

Более того. Уже выделяя типы, мы должны в общих чертах представлять себе образ культуры, этапы ее развития, ценностные ориентации создателей (для эпохи викингов здесь неоценимую информацию дают письменные источники; впрочем, археологические — тоже).

Но и этого мало. Сама процедура выделения, описания, классификации типов должна быть соотнесена с общим представлением о культуре, о взаимосвязи структуры типа с живой некогда культурой, его выработавшей.

Эта взаимосвязь устанавливается при выделении четырех структурных уровней признаков, образующих тип: *функционального* (f), *конструктивного* (c), *декоративного* (d) и *семантического* (s). Тип выступает как структурная модель культуры. Его признаки соотносятся с различными структурными компонентами культуры — такими, как идеальное содержание, духовная культура, материальная культура, реальная объективация явлений культуры. Тип как совокупность признаков должен быть исследован как функция культуры.

Процедура такого исследования была разработана (Лебедев 1970, 1977, 1979) и в 1974 г. использована для культурно-исторического анализа типологии мечей викингов.

5. Конкретизация. В этих разработках соотношения и связи четырех структурных уровней признаков рассмотрены в общекультурном плане. Для целей же культурной типологии требуется конкретизация применительно к контекстам д а н н о й культуры.

Вся суть в том, какие признаки исследуемой категории относить к функционально-техническим, какие — к конструктивным, а какие — к декоративным или к семантическим, но это как раз зависит от конкретных особенностей той или иной категории вещей и той или иной культуры.

В данном случае это затушевано интуитивной понятностью основной функции меча, хотя сама эта понятность просто обусловлена распространенностью меча в средние века и нашим общим знакомством со средневековой культурой. Сохранялось до недавнего времени холодное клинковое оружие в военной практике европейских народов, сохранилось его применение в спорте (фехтование). Однако способы применения разных видов клинкового оружия различны, способы применения средневековых мечей в бою были отличны от использования позднейших сабель, шпаг, эспадронов и рапир, а в деталях различалось и применение разных видов мечей. К тому же боевая функция меча была в средние века не единственной и иногда даже оказывалась не главной. Вся эта детализация, важная для определения функциональных признаков, уже не

[1] Десять лет спустя после выполнения данной работы, и через пять лет после публикации её основных результатов (Лебедев 1985:125—128), аналогичное исследование осуществил (со сходными результатами) шведский археолог Микаэль Якобсон (Jacobsson M. 1990).

входит в наше обыденное знание. Еще отчетливее необходимость представлений о конкретной культуре выступает при сравнении мечей викингов со скифскими в других аспектах — в отличении признаков конструктивных и декоративных от семантических: форма перекрестья у скифских мечей, видимо, обусловлена фаллической семантикой.

Итак, материальные признаки, характеризующие артефакт, важны для нас как отражение его функций в культуре. Но для того, чтобы правильно разделить признаки и оценить их роль в классификации, мы должны представлять себе эти функции. Для эпохи викингов у нас имеется счастливая возможность решить эту задачу без применения археологических средств, до археологической работы.

Ни одна другая варварская культура не сохранила столь обильной информации о своих мечах (мы знаем, впрочем, что и скифы поклонялись акинаку). Меч буквально пронизывает все сферы культуры викингов. Он оказывается частым мотивом, даже активным действующим лицом преданий, песен и саг.

6. Функция меча в культуре викингов. Для анализа были отобраны случаи упоминания меча в песнях «Эдды» и в сагах (из выборки, включающей пять «саг об исландцах»).[1] Меч фигурирует здесь более 300 раз, что составляет достаточную базу для исследования. Его результаты будут опубликованы особо. Для данного этюда имеют значение лишь конечные выводы, которые иллюстрируются отдельными примерами. Использовано дополнительно несколько примеров из других источников. В материале проступает ряд основных функций меча в древнесеверной культуре.

I. ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ: МЕЧ — ОРУЖИЕ, ИНСТРУМЕНТ УБИЙСТВА. В этой функции меч в сагах и «Эдде» упоминается более 100 раз. На протяжении всей своей жизни герои энергично действуют мечом, нанося удары, угрожая, отбиваясь от противников, и в конце концов нередко сами погибают от меча. С этой функцией связаны многочисленные поэтические кеннинги меча, типа «огонь подножья Хругнира», «змея крови», «рыба бурана Одина», «дракон шлемов», «пламя шелома». Смертельная угроза доспехам, телу, жизни героя в битве («буре Одина») — безусловно, основная функция оружия. Она и чаще всего реализуется в жизни.

Можно выделить следующие группы и варианты поэтических формул, фиксирующих эту функцию.

Действие мечом. Это самая многочисленная группа простейших формул типа «ударил его мечом», «пронзил мечом», «меч вонзил» и т. п. Иногда действие мечом индивидуализировано, оговариваются подробности: «вынул меч и повесил его на руку» (ЭС, 57, 65; ГрС, 21); «обнажил меч и стал рубить обеими руками» (ЭС, 53, 54; ГрС, 60); «размахнулся мечом и зарубил» (ГрС, 59), «взмахнул мечом и отсек ему голову» (ЭМ, 45).

Мечи встречаются с мечами, сходка (тинг) мечей. «Мечи с мечами в сечах ищут встречи» (ЭС, 48). «Те победят, чьи очи зорки, кто в сходке мечей строится клином» (РР, 23).

[1] Сокращения: ЭС — Сага об Эгиле, ГлС — Сага о Гуннлауге Змеином Языке, ГрС — Сага о Греттире, ЛС — Сага о людях из Лаксдаля, НС — Сага о Ньяле; ПВ — Пророчание вельвы, РВ — Речи Высокого, РГ — Речи Гримнира, ППоХХ — Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга, ПХсХ — Песнь о Хельги, сыне Хьервара, ВПоХХ — Вторая Песнь о Хельги Убийце Хундинга, РР — Речи Регина, РС — Речи Сигрдривы, КПС — Краткая Песнь о Сигурде, ПО — Плач Оддрун, ВПГ — Вторая Песнь о Гудрун, ТПГ — Третья Песнь о Гудрун, ГПА — Гренландская Песнь об Атли, ПР — Песнь о Риге, ПХ — Песнь о Хюндле, ПХл — Песнь о Хледе (Исландские саги. Сага о Греттире. Старшая Эдда).

Меч и копье. «Эгиль надел меч на руку, оставив его висеть на кольце. Он схватил копье» (ЭС, 57). «Гуннар попеременно метал копья и рубил мечом» (НС, 30).

Изучая эти формулы, можно установить основные способы (технические приемы) работы мечом и представить необходимые для этого формы, детали и качества меча. Мечом рубили и кололи, держа его одной рукой или двумя. Клинок должен был выдерживать столкновение с другими клинками; руку от таких ударов защищала гарда. В середине рукояти (ЭС, 57) имелось кольцо (вероятно, ременное), которым меч был закреплен на руке, так что он оставался висеть на ней, когда ее нужно было освободить для других действий, не пряча меч в ножны.

Словом, именно эта функция диктовала структуру меча, его материал и форму, набор основных деталей — обоюдоострый клинок, рукоять, *перекрестье (гарда), навершие, кольцо, ножны. Изменения в этих основах* можно было ожидать лишь при изменении самой функции.

[II. ФУНКЦИЯ ЭТНОПОПУЛЯЦИОННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: МЕЧ — АТРИБУТ ВИКИНГА-СКАНДИНАВА[1]. Можно было бы ожидать, что своими мечами викинги, воины-скандинавы, отличались и от воинов тех народов, которые пользовались другим оружием, и от тех народов, которые владели мечами другого вида, от своих современников и предшественников. Можно было бы также ожидать, что разные популяции викингов различались своими мечами. Отличие одной группы от другой по оружию могло быть вызвано не только иными приемами боя, но и иными конструктивными способами реализации той же военно-технической функции, случайно утвердившимися. Таких различий и их осознания можно было бы ожидать. Но в исследуемой выборке и практически вообще в сказаниях и песнях викингов этого нет.

Игнорирование в скандинавском предании этнопопуляционной функции понять можно: мечи распространялись очень широко, пересекая границы и нивелируя популяции, а различение эпох было чуждо скандинавским певцам и сказителям. Между тем, традиционные случайно утвердившиеся предпочтения тех или иных конструкций, равноценных по эффективности и трудоемкости, конечно, отличали если не одну популяцию от другой, то одну эпоху от другой и один производственный центр от другого.

В выборке встречена все же формула: «Вальским клинком воин ударил» (ПО, 18).

Эпитет «вальский» (букв. «кельтский»), возможно, в данном случае обозначает «франкский» клинок. Это может указывать не только на происхождение, но прежде всего — на конструктивные особенности *продукции рейнских мастерских, более совершенной (по сравнению с местной)*. «Каролингские клинки» с фирменными клеймами мастеров ценились особенно высоко. Впрочем, эпитет «вальский» имеет скорее эпически-сакральный оттенок (ср. «вальские кольца» для обозначения золота).]

II [III]. ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МАРКИРОВКИ: МЕЧ — ФАКТОР ПРЕСТИЖА. В этой функции меч упоминается примерно вдвое реже, чем в первичной, но все же довольно часто (49 раз в пределах выборки). Можно выделить следующие группы формул.

[1] Здесь и далее в квадратных скобках помещены вставки Л. С. Клейна в текст Г. С. Лебедева. Лебедев выделяет в своем материале четыре функции, Клейн добавляет еще две, не выраженные в материале Лебедева, но в принципе возможные при анализе другого подобного материала и поэтому необходимые с точки зрения более широкого подхода, по мнению Клейна. Соответственно, функциям далее придана двойная нумерация.

Меч — атрибут воина. Этот атрибут маркирует специализацию. «Торговые люди сказали, что он здорово рубит, совсем как конунговы люди» (ГрС, 37). «Пусть не отстанет никто из воинов, из тех, чьи мечи наносят удары!» (ППоХХ, 51). «Руке той привычна меча рукоять, а вовсе не палка, что жернов вращает!» (ВПоХХ, 3). «Гудмунд, сначала коз пасти ты..., милей тебе это, чем сходка мечей!» (ВПоХХ, 22). Таковы же кеннинги, обозначающие воина, типа: «древо меча», «сшибки мечей вершитель», «Фрейр смерча мечей» и пр. «Воин в буре боя меч вздымает смело» (ГлС, 13). Естественно, маркируется и возрастная категория: «Ему было тогда двенадцать лет, но он был совсем как взрослый силой и разумом, так что немало было людей, которых нельзя было счесть настоящими мужами по сравнению с ним... При нем был также меч Фотбит» (ЛС, 59). Когда пятнадцатилетний Харальд Сигурдарсон готовился к битве, он попросил привязать к мечу обе руки, чтобы был в состоянии поднять его («Сага о Харальде Сигурдарсоне»).

Меч в наборе оружия. Для воинов, объединенных в королевскую дружину, воителей-профессионалов, атрибутом является не просто меч — он включен в состав полного набора оружия. Функция социальной маркировки подчеркнута тем, что наряду с естественной ситуацией боя мы встречаем этот набор и в ином контексте, далеком от военного. Лица определенного социального статуса (от независимого «одальбонда» и до властителя, даже — божества) выступают во всеоружии, находясь на корабле, в дороге, на тинге. Оружие хранится на почетном месте в доме. «Над постелью у Торфинна висит рогатое копье, которым владел еще Кар Старый. Есть там шлем, и кольчуга, и добрый меч» (ГрС, 19).

Один «стоял на горе, в шлеме, с мечом» (РС, 14). «Были на тканях воины князя, щиты червленые, гуннов воители, с мечами и в шлемах, княжья дружина» (ВПГ, 15). «Олав встал на носу, и вот как он был вооружен: он был одет в броню, и на голове у него был позолоченый шлем; он был опоясан мечом, рукоятка которого была украшена золотом; в руке у него было копье с великолепными украшениями на наконечнике; перед собой он держал красный щит» (ЛС, 21). «Хлед родился в гуннской земле, в священном лесу, с ножом и мечом, остро отточенным, в шлеме украшенном, в длинной кольчуге и с резвым конем» (ПХл, 2).

Оружие — изначальная принадлежность знатного мужа, его наследственное достояние, оно рождается вместе с ним. В мече, доспехах, сокровищах материализован социальный статус полноправного скандинава.

Оружие и одеяние воина. «Траин очень любил красивые и богатые вещи и всегда разъезжал в синем плаще и золоченом шлеме, с копьем, которое ему подарил ярл, красивым щитом и мечом у пояса» (НС, 91); ср. ЭС, 81 и др.). «Подобны князьям воины Лангбарда: в красных плащах, кольчуги их — в золоте, острые шлемы, мечи — у бедра» (ВПГ, 19).

Итак, меч — это социальный атрибут высшего скандинавского общественного строя воинов (от дружинников до «вождей дружины», ярлов и конунгов).

Эта функция реализовалась уже самим наличием доброго меча, но, разумеется, выразительнее осуществлялась при улучшении внешнего вида меча — при обогащении рукояти и ножен, усложнении декора. Поэтому она поощряла разработку этих компонентов.

Примечательна в этом плане трансформация меча Фотбит. Сначала им владел Гейрмунд. «Гейрмунд... всегда был одет в пурпурное одеяние, и сверху на нем был меховой плащ, на голове — шапка из медвежьего меха, а в руке — меч. Это было мощное и хорошее оружие. Рукоятка у него была из моржового клыка. На нем не было серебряных украшений, однако клинок его был острый и не ржавел. Меч этот он называл Фотбит, и никогда не выпускал его из рук» (ЛС, 29). Итак, меч был отличный по качеству, но внешне скромный.

Далее он переходил из рук в руки. Болли, сын Болли, последний из владельцев меча Фотбит и первый исландец, побывавший в варяжской дружине византийского императора, счел нужным отметить такое повышение своего социального статуса: он украсил гравировкой и филигранью рукоять наследственного меча.

«Болли превосходил их всех. Он был в тех дорогих одеждах, которые ему подарил конунг Миклагарда. Кроме того на нем был пурпурный плащ, а за поясом у него был меч Фотбит. Его перекрестье и навершие были украшены золотой резьбой, а рукоять была обвита золотой нитью. На голове у него был золоченый шлем, а на боку красный щит, на котором был изображен золотой рыцарь. В руке у него была пика, как это принято в других странах. Везде, где они останавливались, женщины оставляли все свои дела и только смотрели на Болли, и на его великолепие, и на его сотоварищей» (ЛС, 77).

Подобные усовершенствования мечей не затрагивали боевые качества, но, порождая отклонения от стандарта и придавая им престижность, вызывавшую подражания, приводили к изменению стандарта.

[IV. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ: МЕЧ — ДРАГОЦЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ. Изготовление такого оружия требовало изощренной технологии, большого вложения труда, незаурядного мастерства — словом, значительных затрат квалифицированного труда и материалов. Поэтому мечи превращались в материальные ценности, в богатство, и обретали соответствующие функциональные возможности: их можно было накапливать как сокровища, дарить, отдавать и брать в уплату или награду: «конунги дают в награду за хвалебную песнь дорогие вещи, ценные мечи или золотые кольца» (ГлС, 10). «Конунг снял с руки золотое запястье, которое весило одну марку, и дал его Хаскульду. Он также дал ему второй подарок — меч, который стоил полмарки золота» (ЛС, 13). «Я хочу половину наследия Хейдрека: доспехов, мечей, скота и приплода, сокровищ казны, жерновов скрипящих, рабов и рабынь с их ребятами вместе, и лес знаменитый, что Мюрквид зовется, на готской земле могилы священные; камень чудесный в излучинах Данпа, кольчуг половину, у Хейдрека бывших, земель, и людей, и блестящих колец!» (ПХл, 7, 8).

Эта функция не требовала каких-то особых качеств помимо того, что диктовалось первичной, военно-технической функцией, но поощряла дополнительные вложения труда и материалов сверх необходимого для инструментального использования — эти дополнительные затраты могли идти на украшение, могли просто вкладываться как ценность: «У нас семь палат, полных мечами, их рукояти в резьбе золотой» (ГПА, 7)].

III [V]. ФУНКЦИЯ КОММУНИКАЦИИ: МЕЧ — СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ. И прежде всего — внутри высшей, вооруженной общественной группы. Смерть или рана от боевого удара мечом почетны и не всякому положены. Состарившись, полуослепший Старкад был так озабочен тем, чтобы не умереть в постели, «на соломе», а погибнуть от меча, что повесил себе на шею кошель с золотом, который мог бы соблазнить какого-нибудь убийцу («Сага о Гаутреке»). Лучше всего привилегированность раны от клинка меча подчеркивают негативные ситуации — когда субъект недостоин такого удара. Против него меч поворачивают рукоятью: «Торбьерн узнал Шумилу (кличка слуги) и, подойдя к нему, ударил его рукоятью меча по уху: — «Эй, вставай, сволочь!» (ГрС, 82). Сигурд, догнав бегущего в битве Старкада, рукоятью меча выбил ему клыки и велел убираться прочь («Прядь о Норнагесте»).

Меч — орудие мести. Значительная часть убийств, о которых рассказывается в сагах, была осуществлением кровной мести, одной из важнейших социальных обязанностей членов родового общества. Иногда роль меча в этой функции выделена особо: «Хегни мечом бы отмстил за обиду» (ТПГ, 8). «Меч он вонзает, мстя за отца» (ПВ, 55).

Меч разрушает связи. «Мечом рассечь нами данные клятвы» (КПС, 17) собираются бургундские конунги, замыслив убить Сигурда.

Меч запрещает связи. «Юноша с юга меч положил обнаженный на ложе меж ней и собой; женщину он не целовал, не обнимал гуннский конунг; деву сберег он для сына Гьюки» (КПС, 4).

Меч изменяет характер связей. Так происходит, когда Эгиль ждет возмещения за гибель брата, павшего в битве за конунга. По нормам родового права, виру за убитого должен платить убийца или его родичи. Но их, естественно, нет во дворце, где пирует после победы конунг. Выплата виры конунгом связала бы его и Эгиля отношением «родич убийцы — родич убитого». Чтобы избежать этого, «конунг вынул меч из ножен, снял с руки большой дорогой браслет и надел его на конец меча... и над огнем протянул меч с браслетом Эгилю. Эгиль встал, обнажил меч... продел меч в браслет и притянул его к себе» (ЭС, 55).

Дарение меча как форма социального общения между современниками. Мечи в сагах дарят младшие — старшим (ЛС, 23), равные — равным (НС, 30, 152; ГрС, 41 и др.), но чаще всего герой получает меч из рук высшего по рангу. Знатный покровитель Эгиля норвежский херсир «Аринбьярн подарил Эгилю меч, который назывался Драгвандиль. Торольв, сын Скаллагрима, дал его Аринбьярну, а раньше его получил Скаллагрим от своего брата Торольва, а Торольву дал этот

меч Грим Бородач, сын Кетиля Лосося. Кетиль Лосось владел этим мечом...» (ЭС, 61). Меч здесь воплощает не только вертикальные и горизонтальные связи внутри воинской иерархии, но и по наследству переходит из поколения в поколение (от Кетиля — к Гриму, от Скаллагрима — к Торольву).

Этот замечательный меч — подарок конунга. Особо ценится меч, подаренный конунгом. «Конунг произнес: — Вот тебе меч, Кьяртан. Ты должен взять его от меня на прощанье... Это была великолепная драгоценность, богато украшенная» (ЛС, 43).

«Вот как одет был Олав: на нем было пурпурное одеяние, которое конунг Харальд подарил ему. На голове у него был золотой шлем, а в руке он держал меч, который ему подарил король Мюркьяртан» (ЛС, 23; ср. ЛС, 21, 44; ГлС, 9, 10, 16; ПС, 86; ЭС, 61).

Меч — наследственная родовая собственность, средство связи между поколениями. «— Этим мечом владел еще Екуль, мой дед, и первые жители Озерной долины, и он приносил им победу. Хочу я теперь отдать меч тебе. Пусть он тебе послужит! — Греттир поблагодарил ее за подарок и сказал, что для него это лучше любого сокровища, пусть самого дорогого» (ГрС, 17). «Тут выложил он на стол все взятые из кургана сокровища... Торфинн увидел меч, просиял весь, ибо это была их родовая драгоценность, и она никогда не покидала их рода...— Но ты должен совершить какой-нибудь подвиг, прежде чем я дам тебе этот меч. Ведь я сам так и не получил его от отца, покуда он был жив» (ГрС, 18).

«Сначала расколется щит сверкающий, и с холодным копьем столкнется копье, и воинов много падет на траву, прежде чем Тюрвинг (наследственный меч.— *Г. Л.*) начну я делить, или дам тебе, Хумлунг, половину наследства!» (ПХл, 9).

Функция коммуникации в общем не требовала какого-то особого приспособления меча к ней. Но все же некоторые ее реализации — например, дарение меча конунгом и — особенно — превращение меча в родовое наследие, стимулировали индивидуализацию этих предметов: выбор (а стало быть, изготовление) особо приметных экземпляров, с какими-то внешними отличиями от стандарта, появление на них особых отметин, дополнительных украшений и т. п.

IV [VI]. САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ: МЕЧ — НОСИТЕЛЬ СУДЬБЫ. В эпоху викингов он нередко оказывался таковым в самом прямом смысле: «Острая сталь судьбы в сшибке мечей вершила» (ГрС, 80). Но не только воинский утилитаризм определял отношение к мечу. Можно проследить различные оттенки и степени мистической связи оружия с миром богов и потусторонних сил. Самая могущественная из них и в то же время самая близкая людям — Судьба героя.

Ценность меча объясняется его сверхъестественно замечательными качествами. Они обеспечивают непобедимость воина, и от них зависит жизнь владельца меча.

Меч нес в себе личную Судьбу воина. При этом — не предопределенную свыше, а неразрывно связанную с его собственной доблестью, силой, мужеством; но — неотвратимую. Ни один не мог сделать больше, чем ему суждено, не мог добиться своей отвагой и предприимчивостью больше, чем судила ему его Удача — личная и родовая. Высшие духовные устремления скандинавов эпохи викингов направлены на преодоление и приятие судьбы. Главное содержание их преданий и песен — деяния героя, «один на один встречающего свою судьбу, и все сосредоточено на том, как он ее встретит — от этого зависела его посмертная слава» (Гуревич 1979:11).

Меч — носитель Судьбы неизбежно связан со сверхъестественными силами и сам обладает сверхъестественными свойствами. На это намекает целая группа формул.

Меч — Судьба воина. «— Не будет тебе счастья, если ты увезешь с собой меч.— Она сказала, что готова на это.— Тогда пусть этот меч... отнимет жизнь у того мужа в вашей семье, чья смерть будет для вас самой тяжкой утратой и причиной самых больших несчастий» (ЛС, 30).

«Друг тебя предал: вижу я меч прежнего друга, кровью покрыт он!— Конунг Гейрред сидел, держа на коленях меч, наполовину обнаженный. Услыхав,

что Один тут, он встал, чтобы оградить его от огня. Меч выскользнул у него рукоятью вниз. Конунг упал ничком, а меч пронзил его» (РГ).

Герой не должен оставлять свой меч или его часть в чужих руках. «Его меч Фотбит висел рядом с ним. Турид ... взяла меч и унесла его с собой... Тогда Гейрмунд позвал Турид и попросил ее вернуться на корабль и отдать ему меч Фотбит: — Много добра я бы согласился отдать, прежде чем решился бы расстаться с этим мечом» (ЛС, 30). «В то время, как Кьяртан был очень занят этим, у него не было при себе меча, подарка конунга, хотя вообще он не привык выпускать его из рук. Затем... меч исчез». Потом его нашли, вернули, но ножны пропали. «Кьяртан с тех пор не ценил уже свой меч так, как прежде» (ЛС, 46).

Герой непобедим, покуда у него есть этот меч. «Пусть не разит меч твой в битве, разве что сам ты сражен им будешь» (заклятье, «обращающее», меняющее с отрицательным знаком свойства меча — ВПоХХ, 33).

Гибельна утрата замечательного оружия. На первый взгляд, дело в его превосходных боевых качествах, потеря которых сама по себе невосполнима. В своем *последнем бою «Кьяртан выхватил свой меч, но подарка конунга при нем не было...* Кьяртан наносил страшные удары, однако меч никуда не годился. Ему приходилось все время расправлять клинок ногой... И Кьяртан отбросил от себя оружие... Болли ничего не ответил... и нанес ему смертельный удар» (мечом Фотбит) (ЛС, 49). Но героя, потерявшего свой меч, смерть неотвратимо находит не только в бою. После похищения меча Фотбит «Гейрмунд и все, кто был на корабле вместе с ним, утонули» (ЛС, 30).

Наделение Удачей через меч. Непобедимость, вместе с мечом, может быть дарована герою свыше; наделяет этим даром конунг: «Пусть этот меч служит тебе, и я думаю, что никто никаким оружием не победит тебя, пока ты держишь в руках этот меч» (ЛС, 43).

Дар вообще (и меча, в частности) был сакральным актом: передавая меч, конунг вручал воину часть своей Судьбы-Удачи (Heimingja). Судьба-Удача от рождения до смерти сопровождала каждого. Но наиболее богаты этими качествами — «счастьем», «везеньем» — были, по представлениям викингов, короли (Гуревич 1979:185). Конунг был высшим носителем Судьбы-Удачи на земле; он излучал, распространял, раздаривал ее — через мечи и другие драгоценные вещи. Конунг возводил свой род к богам-асам, через него смертные сообщались с высшим миром. Врученный конунгом меч связывал героя с этим миром непосредственно.

«Тогда Хакульд велел принести золотой браслет, сокровище Хакона, а также меч, сокровище того же конунга, и дал их своему сыну Оларю, а также завещал ему удачу свою и своих родичей» (ЛС, 26). Меч выступает в числе даров Одина наравне с мужеством, разумом, победой: «Ратей Отца попроси о милости! Золото воинам он раздает. Шлем дал он Хермоду, дал и кольчугу. Сигмунду меч разящий вручил он. Победу — одним, другим же — богатство, иным — красноречие и разум дает он. Ветер — пловцам, песнопения — скальдам, и мужество в битвах — воинам многим!» (ПХ, 2, 3).

Меч воплощает в себе сакральную связь воинов — с богами, асами, прежде всего с божеством воителей, Одином.

Другие сверхъестественные свойства меча. Они выступают чаще всего в «негативном виде»: меч вступает в контакт с потусторонними силами, поддаваясь их вредоносному воздействию. Берсерки (одержимые воители) и «живые мертвецы» обладают властью затупить, обезвредить клинок. Но этой власти можно противопоставить другую, столь же сверхъестественную, силу, а в крайнем случае — личную Судьбу (так Греттир одерживает победу, приняв мрачное предсказание Глама). Власть над оружием восходит к Одину: «Знаю и третье (заклинание): оно защитит в битве с врагами, клинки их туплю, их мечи и дубины в бою бесполезны!» (РВ, 148). Один наделяет этим даром конунгов: «Кон юный ведал волшебные руны, мог он... мечи затупить» (ПР, 43).

Но мечи — не только пассивный объект воздействия сверхъестественных сил. Сами они тоже обладают пророческими и волшебными свойствами, они входят активным элементом не только в мир людей, но и в мир запредельный, подают вести и помощь оттуда, могут служить средством общения с этим миром. «Будем мечами ткань подбивать»— поют валькирии за ритуальной работой, предвещая битву (НС, 147). Волшебными свойствами славился меч Скавнунг: «Но такова природа этого меча, что солнце не должно освещать его рукоять, и что его нельзя обнажать в присутствии женщин. Если кто-нибудь будет ранен этим мечом, то рана не может зажить, если ее не коснуться чудодейственным камнем, который есть на мече» (ЛС, 57). Скавнунг, похищенный из могилы языческого конунга, теряет свои свойства после того, как хозяином его становится христианин. В дохристианское время меч был надежным средством общения с асами: залогом их помощи были «руны победы... вырежи их на мече рукояти, и дважды пометь именем Тюра!» (РС, 6).

Наконец, мечи — часть космического миропорядка. Они ограничивают пространство, реальное и мифологическое: «льется с востока поток холодный, мечи он несет,

Слид ему имя» (ПВ, 36). Они воплощают время, равно конечное для героев и богов: «век мечей и секир... до гибели мира» (ПВ, 45).

Сакральная функция требовала, несомненно, безупречной целости меча, полноты соответствия меча идеальному прообразу. Кроме того она требовала индивидуализации экземпляров — иначе было бы психологически трудно помещать в данный меч индивидуальную Судьбу воина или долю в Удаче конкретного конунга. Наконец, эта функция стимулировала (а иногда прямо требовала) покрывать некоторые части меча специальными знаками и символическими изображениями или орнаментами, имевшими магическое значение. Это способствовало развитию декора.

7. «Идеальный меч» и индивидуализация. Проникнувшись духом «Эдды» и саг, мы можем представить себе «идеальный меч» викингов. Это должно быть великолепное, неотразимое оружие с острым, разящим, прочным клинком, рукоятью, удобной для сильных и неожиданных ударов, легкое и надежное в обращении. Оно позволяет воину проявить все свое умение, оказаться непревзойденным в поединке. «Это был человек рослый, сильный и очень искусный в бою. Он рубил мечом обеими руками (правой и левой — *Г. Л.*) и в то же время метал копья, если хотел. Он так быстро взмахивал мечом, что казалось, будто в воздухе три меча» (НС, 19). «Гуннар быстро отвел щит с застрявшим в нем мечом в сторону, и меч сломался под рукоятью. Тогда Гуннар нанес ответный удар, и казалось, что не один, а три меча в воздухе, и Вандиль увидел, что ему нет спасения» (НС, 30).

Столь высокое воинское искусство заслуживает общественного признания. Меч, и таясь в ножнах, должен подчеркивать доблесть владельца. При взгляде на рукоять опытный ценитель должен сразу увидеть: меч — искусной работы, это — доброе оружие, оно по руке умелому воителю. «Болли могучий и ловкий боец, а его меч — надежное оружие» (ЛС, 55).

В иерархии воинов наш викинг занимает строго определенное положение (или претендует на более высокое). Эти претензии также выражаются во внешнем виде меча: он должен быть драгоценным, богато украшенным. Искусно пригнанная к руке рукоять должна сохранять место для золотой или серебряной орнаментации, инкрустации, узоров. Меч — основной документ, удостоверяющий ранг владельца. «Он был опоясан мечом, рукоять которого была украшена золотом» (ЛС, 21).

Но что же позволило воину достигнуть высокого положения? — Его Судьба-Удача, сакрализованная личная доблесть, воплощенная в мече. Орнаменты и знаки — не просто украшение, они одновременно — магические символы, азбука асов (руны ею и были; но, несомненно, и все изобразительные средства скандинавов вещали на одном с рунами языке). Меч доблестного, высокого воителя должен быть украшен магическими узорами. «Мечи лежат на Сигарсхольме, четырьмя там меньше, чем пять десятков; есть там один, самый лучший, золотом убран, гибель для копий; с кольцом рукоять, храбрость в клинке, страх в острие для тех, чьим он станет; на лезвие змей окровавленный лег, другой обвивает хвостом рукоять!» (ПГсХ, 8, 9).

В сознании сказителя, как и его аудитории, постоянно присутствовала структура меча: клинок, рукоять (с перекрестьем и навершием), ножны. К каждой из частей оружия прилагается свой набор качественных характеристик.

Меч как явление, наделенное самостоятельной силой и жизнью (даже именем!), воспринимался в то же время как безусловно конкретная вещь. Это — оружие, хорошо знакомое, его видят и оценивают во всех подробностях. Конечно, достаточно было назвать меч, чтобы тут же пред-

ставить его. И тем не менее в сагах и песнях немало внимания уделено деталям: в реализации функций меча каждая деталь играла свою, особую, роль, и соответствие этим функциям осознавалось и обозначалось.

Клинок подробнее всего описывается с точки зрения его первой функции — полезности в бою. Он может быть короткий или длинный (это качество даже выделено в имени одного из мечей). Он гнется, и его приходится расправлять ногой. Он светлый или заржавелый; испорчен *зазубриной*; *потерял закалку*, *ненаточен*.

Шкала достоинств: закален в огне, закален в крови, «закален как можно крепче и заточен как можно острей», остро отточен, острый и никогда не ржавеет.

Клинки редко и скупо украшались. Но и к ним прилагается эпитет «убранный золотом». Как и меч в целом, наряду с практическими, боевыми функциями (определяющими квалификацию, ранг, статус, а в конечном счете — судьбу воина) клинок выполняет и определенные знаковые функции (выражающие эту квалификацию, ранг, статус, судьбу). У клинка есть и «надматериальные», магические, свойства (клинок Скавнунга нельзя обнажать при женщинах). Реже упоминается убранство клинка, явно обладающее определенной семантикой: «На лезвие змей окровавленный лег»— вот едва ли не единственное в нашей выборке указание.

Рукоять, как и клинок, описывается также под углом зрения разных функций меча. Ее «прилаживают к мечу» (реальные рукояти подгоняли по руке, перемещая перекрестье и закрепляя его). Она снабжена кольцом для подвешивания на руку. В обоих случаях речь идет о приспособлении рукояти к выполнению первичной, основной функции меча. Рукоять может быть без *«серебряных украшений»*, *или «украшена золотом»*, «в резьбе золотой», обвита золотой нитью. Рукоять меча Фотбит была сделана «из моржового клыка». Семантика декора («змей», «знаки», руны) смыкается с надматериальными свойствами рукояти: вделанный в нее камень обладает чудесной силой; рукоять (Скавнунга) не должна освещаться солнцем.

Детали рукояти — перекрестье (гарда) и навершие названы лишь однажды; и в том и в другом случае выделены декоративные характеристики (золотая резьба).

Ножны меча также отмечены и, несомненно, связаны со всеми его функциями. Мечи прячут в ножны и извлекают из них (первичная функция). Их хранят в ножнах, выходя на люди. В пиршественном зале, в определенных ситуациях (но не перед схваткой!) герои сидят, наполовину выдвинув меч из ножен. Ножны хранят клинок от вредоносного воздействия; утраченные ножны могут лишить меч, по крайней мере частично, его сверхъестественной силы.

«Идеальный меч» воплощался в тысячах индивидуальных мечей. Они приближались к идеалу в различной степени. Но это приближение во всех случаях должно было выражаться в материальных характеристиках, признаках, свойственных каждой детали оружия. Размеры и пропорции клинка, схема устройства, пропорции элементов рукояти, ее очертания, орнаментированные и декоративные поверхности, материал, узоры и композиции — все это есть материальное выражение совокупности взаимосвязанных функций оружия. И в то же время для археолога все эти материальные характеристики выступают как археологические признаки артефакта; они позволяют группировать дошедшие до нас мечи в типы, они позволяют сквозь совокупность типов разглядеть контуры культурно-исторического процесса древности.

Индивидуализация мечей, стимулированная несколькими их функциями, хорошо выражена тем, что мечи имеют собственные имена. Можно проследить биографии знаменитых мечей: они передавались из поколения в поколение, участвовали в распрях и порождали их. Как раз эти «мечи-герои» известны поименно: Драгвандиль, Фьярсвавнир, Фотбит, Грам, Хротти, Ридиль, Скавнунг, Скрюмир, Тюрвинг и др.; семантика имен нередко прозрачна («усыпитель жизни», «ногорез», «длинный», «ехидна» и пр.). Лучшие мечи приравниваются к людям; но и сопровождают они — лучших мужей, героев, а восходят (как Скавнунг) — к конунгам, к миру асов.

Не каждый меч заслуживает имени. В «сообществе мечей» существует иерархия, во многом подобная иерархии воинов. Место меча на ее ступенях определяется наилучшей приспособленностью к выполнению всей совокупности функций этого оружия. Есть мечи плохие (виновники поражения и гибели героя). Весьма развита шкала оценок надежных мечей. Меч может быть «хороший», «добрый», «крепкий», «мощный», «разящий». Его боевые достоинства подчеркиваются эпитетами, отражающими труд мастера: меч «закаленный», «остро отточенный», «острейший». Еще более общие характеристики касаются не только боевых качеств, но и убранства меча: «ценный», «искусной работы». Они также могут быть дополнены и развиты: «богато украшенный», «убранный золотом», «драгоценный» (и здесь, наряду с реальной ценностью, например, «полмарки золота», подразумеваются уже и сакральные, сверхъестественные качества меча, связанные с его функциями). Все это фиксируется и археологически.

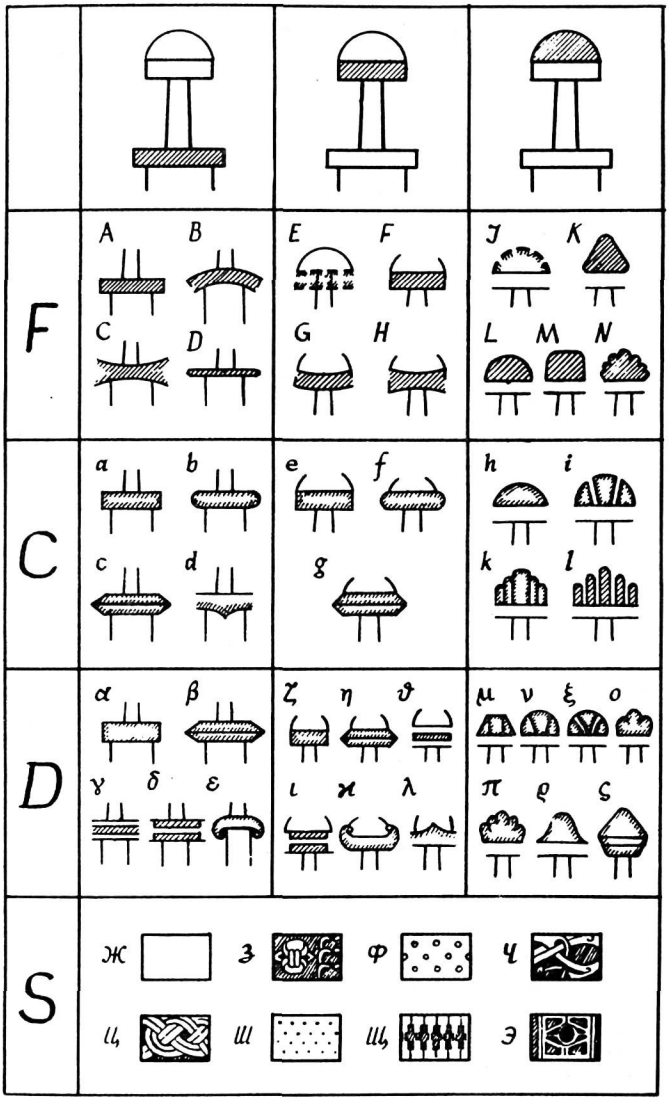
8. Археологические признаки. Сводя вместе замечания о реализации каждой функции в материальных признаках, можно увидеть, что эти функции по-разному проецируются на приведенную выше схему уровней признаков. Первичная функция концентрируется своими реализациями на одном уровне, другие рассредоточиваются по разным и на некоторых выступают совместно.

Для мечей викингов предлагается следующее распределение признаков по уровням (рис. 46).

I. Функционально-инструментальный (— технический) уровень (f). Это признаки, от которых зависят боевые, военно-технические качества меча. Оставляя в стороне (вслед за Петерсеном и Кирпичниковым) характеристики клинков, мы можем выделить признаки рукоятей, от которых зависят характер и сила удара: это пропорции и кривизна гарды, верхнего перекрестья и яблока навершия (этот уровень совпадает с признаками, взятыми за основу в типологии Мора).

II. Конструктивный уровень (c). Прямая гарда может быть сложной или составной, гладкой или граненой; ее концы могут быть прямыми, скругленными, скошенными или остроугольными. Те же признаки могут характеризовать изогнутую или выпукло-вогнутую гарду. Сами по себе они не влияют на основную функцию оружия, но позволяют различать разновидности мечей.

Конкретные технические решения, которые при данной функциональной характеристике создают разные варианты форм, рассматриваются как конструктивные признаки. Эти варианты (более или менее сложные) требовали разных трудовых затрат, разных операций, различной квалификации мастера. Их выбор определялся то «социальным адресом» меча, то престижными тенденциями к обновлению, то случайными обстоятельствами в той или иной среде.



Р и с. 46. Распределение признаков мечей викингов по структурным уровням.

III. Декоративный уровень (d). При одной и той же конструкции рукоять может нести разный по насыщенности и композиции орнамент. Она должна быть определенным образом приспособлена для декорировки. На уровень «декоративных признаков» выносятся способы и виды обработки гарды, верхнего перекрестья и яблока навершия, которые обусловливают декоративный эффект и размещение орнамента на мече. Эти признаки — результат дизайнерских решений и операций, которые предопределяют облик и соотношение декоративных композиций. Декор иллюстрировал градации внутри социальной страты воинов, то есть задавал отношения между разными социальными группами. Площадь, места и очертания поверхностей для нанесения орнамента — своего рода «сигнал» для лиц, вступавших в контакт с владельцем меча, устанавливавших с ним отношения.

IV. Семантический уровень (s). Мотивы орнамента выражают смысл этих отношений в знаках, символах, образах, драгоценных материалах. Эти знаки не всегда поддаются расшифровке, но требуют фиксации.

Набор выделенных признаков, закодированных буквами латинского (прописными и строчными), греческого и кириллического алфавитов, необходим и достаточен для описания мечей викингов. Сохранено деление на типы Петерсена (подтвержденное позднейшими типологиями). На этой основе последовательно описаны все 32 типа мечей. Типы объединены в группы. В пределах группы два соседних типа различаются не более чем по одному признаку на одном из четырех уровней. При различиях хотя бы по одному признаку на каждом из четырех уровней описания выделяется следующая группа. Последовательность типов и групп мечей представлена в матрице типов (рис. 47).

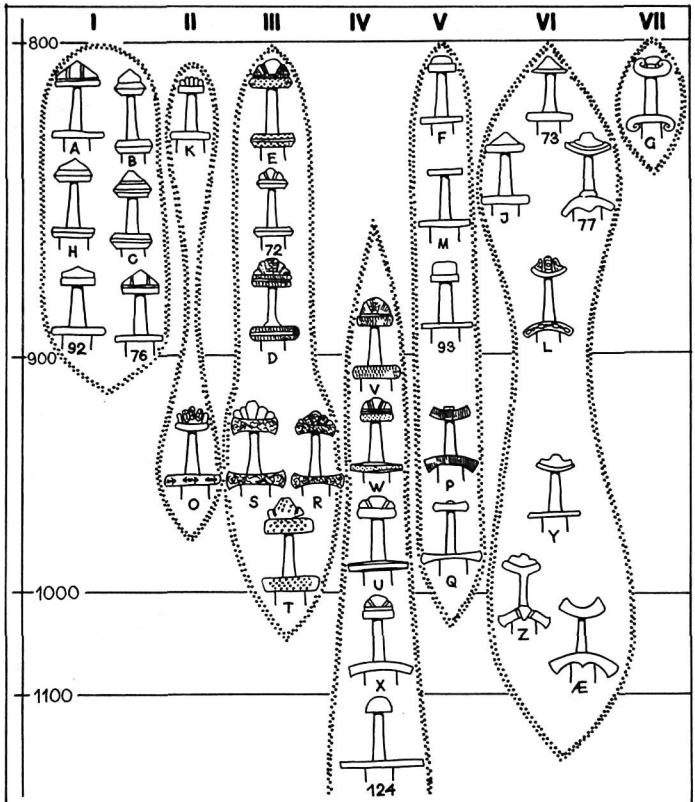
9. Результат (типология и интерпретация). Полученная синтетическая группировка (основанная на взаимосвязи всех четырех уровней признаков) делает возможными многие дальнейшие исследовательские операции. Она позволяет установить отношения между типами и между группами типов по признакам разных уровней: выделить морфологически близкие типы мечей по функциональным признакам (как в типологии Мора); проследить распространение решений конструктивных (например, признак f в серии типов) или декоративных (d) в типах, относящихся к разным группам); выделить семантические элементы, связанные с распространением художественного стиля, моды и т. п. Наиболее интересные возможности заключаются, во-первых, в группировке типов по максимальному числу признаков, характеризующих разные сферы культуры (развитие военного дела, оружейного ремесла, художественных приемов, знаковую насыщенность оружия); во-вторых, в возможности дальнейшего структурного анализа типов: уровни признаков заполнены неравномерно, в пределах групп можно выделить типы более простые и более сложные по структуре (например, D с развитой структурой и C с «сокращенным» набором элементов), проследить линии усложнения, обогащения типов (77—L) или упрощения, деградации (A, B, C).

Сами по себе все эти операции, однако, становятся необходимыми и возможными только по завершении культурно-исторической типологии (рис. 48). Полученные группы должны занять позиции, обусловленные их контекстом в культуре. В данном случае можно ограничиться их хронологической дифференциацией, установленной для каждого из отдельных типов Яном Петерсеном.

I *группу типов* в культурно-исторической типологии мечей викингов составляют ранние формы мечей с прямой гардой, таким же верхним перекрестьем и простым треугольным навершием (типы A, 76, 92,

Group	type	F			C			D			S		
I	A	A	F	K	b	f	h	α	ζ	μ	ж	ж	ж
	H	A	F	K	b	f	h	α	ζ		ж	ж	ж
	92	A	F	K	b	e	h	α	ζ		ж	ж	ж
	76	A	F	K	a	e	h	α	ζ	μ	ж	ж	ж
	B	A	F	K	c	g	h	β	η		ж	ж	ж
	C	A	E	K	c		h	β		c	ж		ж
II	K	A	F	N	a	e	i	α	ζ	π	ж	ж	ж
	O	B	G	N	a	f	l	γ	ϑ		ʒ	ʒ	ʒ
III	72	A	F	L	b	f	h	β	η	μ	ж	ж	ж
	E	A	F	L	b	f	i	δ	ι	ν	ф	ф	ф
	D	A	F	L	c	f	h	δ	ι	μ	ʒ	ʒ	ʒ
	V	A	F	L	b	f	h	δ	ι	o	щ	щ	щ
	R	C	H	L	b	f	k	γ	ϑ	o	ц	ц	ц
	S	C	H	N	b	f	k	γ	ϑ	π	ч	ч	ж
	T	A	F	N	b	f	i	γ	ϑ	o	ф	ф	ф
IV	U	A	F	L	b	f	i	α	ζ	ν	ж	ж	ж
	W	A	F	L	a	f	i	γ	ϑ	ξ	ш	ш	ж
	X	B	F	L	a	e	i	α	ζ	ξ	ж	ж	ж
	124	D	E	L	b		h	α			ж		ж
V	F	A	F	M	a	e	h	α	ζ		ж	ж	ж
	93	A	F	M	c	f	h	β	ζ		ж	ж	ж
	M	A	F	I	a	e		α	ζ		ж	ж	
	P	B	G	I	a	e		α	ζ		ж	ж	
	Q	C	H	I	b	f		α	ζ		ж	ж	
VI	73	A	E	K	a		h	α		ρ	ж		ж
	J	A	F	K	a	f	h	α	ζ	ρ	ж	ж	ж
	77	B	G	K	d	g	h	α	ζ	ρ	ж	ж	ж
	L	B	G	K	b	f	l	γ	ζ	μ	ц	ж	э
	Z	B	G	K	a	f	h	α	ζ	ρ	ж	ж	ж
VII	Y	A	G	K	b	f	h	α	ζ	ρ	ж	ж	ж
	Æ	B	G	I	a	e		α	ζ		ж	ж	
	G	A	F	M	b	f	h	ε	χ		ж	ж	ж

Р и с. 47. Распределение признаков разных структурных уровней по типам. Группировка типов.



Р и с. 48. Культурно-историческая типология мечей викингов (Лебедев 1985).

Н, В, С). Заметна тенденция к упрощению типов. Бытование их ограничено IX столетием, в основном его ранней частью. Это массовое оружие дружин викингов, первоначально сравнительно демократических по природе, осуществлявших — независимо друг от друга — грабительские набеги на побережья Англии, Ирландии, Франкского государства (где они и познакомились с ранними формами «каролингских мечей»).

II *группа типов* (К—О) демонстрирует переход от заимствованной в IX веке британской формы к характерному для первой половины X века варианту со сложной рукоятью, изменениями в конструкции, богатым декором. Тип О — один из примеров парадного оружия дружинников X столетия. Отмеченные здесь новшества (изгиб гарды и верхнего перекрестья, сложная профилировка навершия, богатая орнаментация) характерны еще для значительной серии мечей второй половины IX—X столетий.

III *группа типов* демонстрирует все эти новшества в наиболее полном и развитом виде. Это, по-видимому, ведущая группа мечей в культурно-исторической типологии. Уже в IX веке сравнительно простые, близкие первой группе исходные формы (вариант 72) сосуществуют с богато украшенными мечами типа E, D, V; во второй половине IX в. в среде викингов распространяются типы богато украшенного оружия. В X веке совершенствуется его конструкция (вогнутые гарды, сложнопрофилированные навершия). Мечи типов R, S, T, W мы находим в богатых воинских погребениях дружинников высокого ранга, в могилах нового общественного слоя: военных предводителей и воинов-профессионалов, выдвинувшихся из первоначально демократической военно-дружинной среды и консолидирующихся постепенно в королевских дружинах. Во второй половине X в. в связи с наметившейся тенденцией к обособлению военно-дружинной организации, с концентрацией ее общественных функций намечается тенденция к возрастанию утилитарных качеств оружия. Из средства различения воинов разного социального статуса и ранга (вооруженный свободный «одальбонд»,— или рядовой викинг, вождь вольной дружины, морской конунг,— или королевский «гирдман», военачальник, ярл и т. д.) меч становится атрибутом сравнительно узкого и в социальном отношении четко дефинированного раннефеодального слоя. Сокращается его семантическая многозначность, возрастают требования к утилитарным, функциональным, боевым качествам.

IV *группа типов* отчетливее всего запечатлела именно эти тенденции. Она выделяется в процессе эволюции III группы, отделяясь от нее в X столетии. Развитие типов Æ и 124 идет в направлении все большей специализации этого оружия за счет декоративных и семантических признаков. Конечное звено — мощный рубящий меч тяжеловооруженного воина — фиксирует смену эпохи виков (набегов и походов викингов) эпохой феодальных рыцарских войн. Богатое парадное оружие, распространенное в викингской среде, выходит из употребления, так же как сошли со сцены в борьбе с королевской властью дружины викингов.

V *группа типов* (F, M, 73, 93) демонстрирует примерно ту же линию развития, что и первая группа. Это военно-демократическое оружие, наиболее характерное для ранней эпохи викингов и к концу ее исчерпавшее всякие возможности развития. Мечи сходных форм удерживались в социальной практике норвежского средневековья в качестве так называемого «народного оружия» (folkvapn). В эпоху викингов они представлены главным образом в IX столетии и по мере распространения роскошного оружия III—IV групп выходят из употребления.

VI *группа типов* — интересный пример развития оружия, связанного с теми же социальными категориями, что и предшествующая группа, но получившего новый функционально-технический импульс. Исходные формы (типы I, 77, P) возникли, видимо, на основе мечей V группы под восточным воздействием. Выпуклое навершие, выпукло-вогнутая гарда — это конструктивные особенности кочевнической сабли (Arne 1914:31). Взаимодействие западных (каролингских) и восточных форм оружия, вероятно, объясняется участием скандинавских викингов в событиях, связанных с образованием Древнерусского государства («призвание князей» в Ладогу или Новгород, походы многоплеменных войск Олега, Игоря, Святослава, Владимира и Ярослава). Может быть, первые проявления этого взаимодействия следует искать в IX в., когда в русских древностях появляются первые экземпляры каролингских мечей (типы B, H), а на Севере —«гибридные формы» 77, L, P. Именно этим взаимодействием можно объяснить, почему простые типы VI группы прогрессируют (I, L) за счет новых для Севера конструктивных элементов.

Восточноевропейское оружие, очевидно, дало тот импульс, который обеспечил жизнеспособность одной из разновидностей скандинавских «крестьянских» мечей в течение двух с половиной столетий эпохи викингов. Не случайно, видимо, к этой же группе типологически тяготеют и собственно древнерусские богато украшенные мечи, найденные в Восточной Европе: типы Z особый и «Скандинавский» с орнаментированной в северном духе рукоятью и клеймом русского мастера на клинке (Кирпичников 1966:37—41).

К VII группе отнесен редкий на Севере тип G, дополняющий набор ранних исходных форм мечей викингов.

10. Обсуждение результата. Итак, согласно полученной культурно-исторической схеме исходное разнообразие сравнительно простых типов ранней эпохи викингов (A, B, 72, E, F, 77, G) сменяется к XI веку жестким набором немногих, специализированных форм (124, A, E). Наиболее интенсивно развитие оружейного ремесла викингов проходит со второй половины IX до второй половины X века. При этом новые формы вырабатываются на базе III, IV и VI групп типов, в то время как мечи I, V, VII групп выходят из употребления. Изменения охватывают все четыре уровня признаков. Происходит сначала унификация и оптимизация, а затем дифференциация функциональных признаков рубящего оружия. К X веку господствующими становятся специфические для эпохи викингов конструкции мечей с расчлененным навершием. С рубежа IX и X веков эту разновидность мечей начали оформлять богатым набором устойчивых и своеобразных декоративных приемов. Это время распространения роскошно орнаментированных мечей, с ярко выраженными семантическими признаками.

Развитие новых форм идет за счет вытеснения простых, «демократических» типов мечей (folkvapn норвежских источников). Однако к концу X в. социальная среда, выработавшая господствующие формы оружия эпохи викингов, очевидно, исчерпала свои возможности. В XI столетии основным потребителем специализированного боевого оружия выступает новый, узкий господствующий слой — феодальное войско.

Мечи викингов отразили один из поворотных моментов в истории скандинавского общества. Бурная и яркая эпоха была одной из форм революционного перехода от доклассового общества к раннефеодальному. Походы викингов — форма социальной активности широкого общественного слоя скандинавских «бондов», свободных общинников, из среды которых в X—XI вв. выделились дружины воинов-профессионалов. Эти дружины, по мере укрепления их организации, становятся оппозицией традиционному племенному строю и опорой раннефеодальной государственности (Лебедев 1974:181—183).

Расцвет «мечетворчества» скандинавов строго синхронен времени их самых жестоких и опустошительных набегов и войн — от середины IX до середины X века. Появление специальных, «дружинных» форм мечей связано с упадком «народного оружия». Простые клинки, с которыми крестьянские парни отправлялись в IX веке за добычей и славой в неведомые земли, уже в середине этого столетия стали недостаточно престижными для опытных и отважных воинов. Народное оружие в скандинавском обиходе удержалось до XIV века. Однако в качестве «социальной нормы» его ведущие формы заняли подчиненное, второстепенное место уже в X столетии. Процесс «выслаивания» из свободной общины особой, стоявшей над ней военной организации отразился с зеркальной точностью в эволюции оружия. В Скандинавии он развернулся с середины IX столетия и завершился к концу X — в первой половине XI века.

11. Проверка типологии. Наметились этапы эволюции культуры и в связи с ней — социальной структурой северного общества: начало IX века — исходный рубеж; середина IX века — оформление специфических форм «культуры викингов»; вторая половина IX — середина X века — расцвет этой культуры; вторая половина X века — утверждение новых форм, связанных с укреплением раннефеодальной королевской власти, опирающейся на дружины воинов-профессионалов; и конец X — первая половина IX века — время торжества этой власти и упадка «движения викингов».

Эти рубежи выступают при анализе не только оружия, но и других групп древностей.

Примерно те же этапы обнаруживаются в эволюции, скажем, скорлупообразных фибул. Их распространение в Скандинавии начинается накануне IX века с появления разных по происхождению исходных форм. Многообразие их возрастает к середине IX века. Тогда же определяется ведущая линия развития (типы 37—51), представленная пышным «букетом типов» второй половины IX — первой половины X века. После середины X века, к рубежу XI столетия социальная среда, культивировавшая эту разновидность женских украшений, сходит с исторической сцены. Это отмечено поздними, деградировавшими и упрощенными типами фибул (Petersen 1928).

Сходная динамика обрисовывается и при анализе монетного импорта (Stenberger 1958), и в динамике роста площади, застройки, укреплений торгово-ремесленных центров, таких как Бирка в Швеции или Хедебю в Дании (Jankuhn 1963:114—119), в эволюции и смене форм погребального обряда, отразивших изменение социальной структуры (Лебедев 1977). Данные анализа разных групп археологических источников (так же как и письменных) во многом совпадают по своим конечным результатам, хотя, естественно, в каждом конкретном случае дает себя знать специфика не только источника, но и тех сторон, граней культуры, которые он отражает.

Есть еще один способ проверки действенности полученной культурно-исторической типологии — рассмотреть древнерусские мечи IX — первой половины XI века. Они бытовали в иной культурно-исторической среде и подчинялись иным закономерностям и нормам по сравнению с мечами викингов, хотя, конечно, русско-скандинавские связи сказывались на подборе форм и динамике распространения «каролингских» мечей в Древней Руси.

Определены (в основном по типологии Петерсена) типы 87 мечей IX — первой половины XI века, найденных в пределах Киевской Руси (Кирпичников 1966:74—84). Они распределяются по группам нашей типологии следующим образом: I группа (типы B, H) — 20 экз., II группа не представлена, III группа (типы D, E, S, T-1, T-2) — 31 экз., IV группа (типы U особый, V, W, X) — 21 экз., V группа не представлена, VI группа (Y, Z) — 5 экз.; в отдельную группу РФ («русские формы») выделены мечи собственно древнерусских типов: Z особый, A-1 местный, A-2 местный и «Скандинавский» (9 экз.).

В предшествующих исследованиях не было проведено раздельное картографирование типов мечей (см. Кирпичников 1966:22, рис. 2). Картографирование групп мечей по полученной здесь типологии дает следующие результаты (рис. 49).

Мечи I группы концентрируются в основном близ ранних торгово-ремесленных и дружинных центров на «Пути из варяг в греки» и не распространяются к югу от линии Киев—Чернигов—Муром. Их компактное расположение отразило ранний этап проникновения варяжских дружин

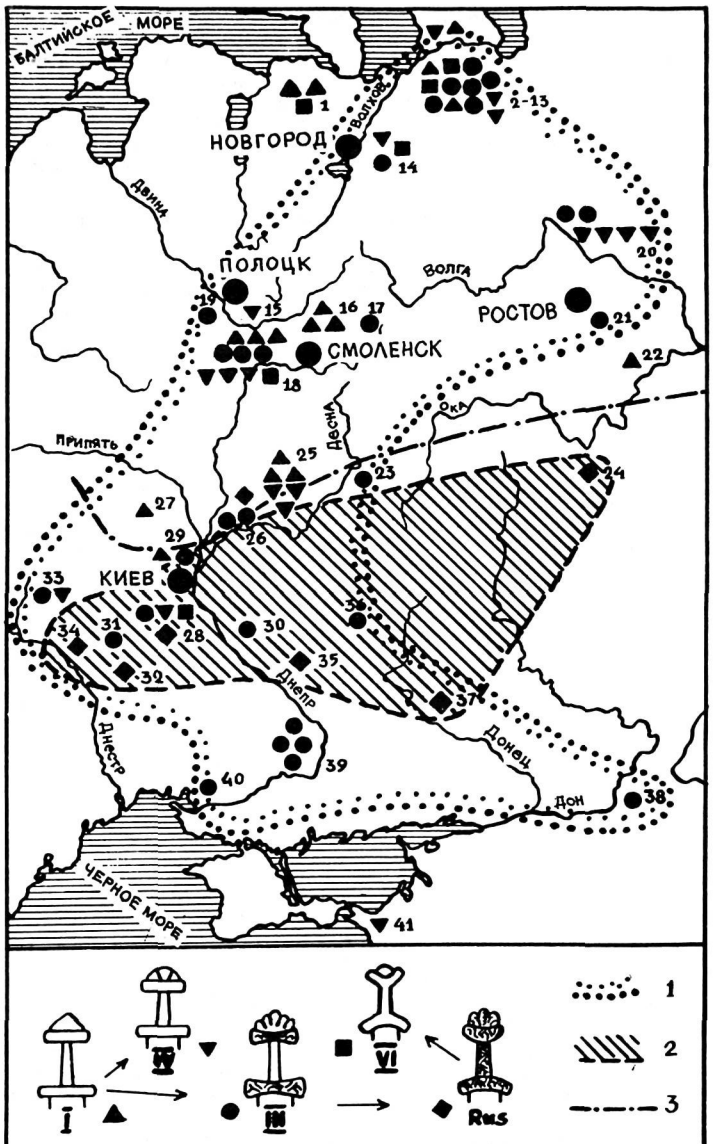


Рис. 49. Карта распространения мечей на землях Древней Руси. R — мечи «русских форм». 1 —ареал мечей типа III, 2 —Русская земля Среднего Поднепровья, 3 —Северная граница чернозема.

в IX веке на Волховско-Днепровский (а в районе Оки, возможно, и на Волжский) путь.

Мечи IV и VI групп сосредоточены в тех же центрах (включая могильники Ярославского Поволжья). Как и I группа, они связаны с присутствием на Руси варяжских дружин и отражают разные этапы скандинавской инфильтрации в древнерусскую военно-дружинную организацию и культуру.

Мечи III группы (центральной, ведущей в Скандинавии) получили общерусское распространение. Их ареал довольно точно вписывается в границы Древнерусского государства и гораздо более равномерно заполнен находками, по сравнению с более кучным расположением I, IV и VI групп. Видимо, в конце IX—X веке принесенная варягами мода на роскошно украшенное оружие утвердилась как культурная норма в дружинной среде, и русские дружинники разнесли ее по всей территории Киевского государства. Эти мечи найдены не только в крупных центрах, вместе с мечами I, IV и VI групп, но и в «глубинке», сигнализируя о начавшемся феодальном освоении племенных земель.

Мечи группы РФ найдены только к югу от линии Киев—Чернигов—Муром. Их ареал точно соответствует первоначальной государственной территории, «Русской Земле», вокруг Киева, Чернигова и Переяславля («Внутренней Руси» Константина Порфирогенета). Эти мечи — безусловно, местного, русского производства. Среди них — древнейший русский подписной меч (Кирпичников 1966:41—42). За пределами Древней Руси мечи группы РФ известны в Финляндии, Прибалтике и Польше, то есть на землях, испытавших культурно-политическое влияние Киевского государства.

Итак, в IX веке вместе с варяжскими дружинами, стремившимися к водным магистралям Восточной Европы, на Русь начинает поступать каролингское оружие. Распространяются новые нормы дружинной культуры, сначала представленной в немногих, наиболее развитых центрах. В конце IX — начале X века эти нормы приобретают общерусский характер (при том, что в торгово-ремесленных и дружинных поселениях со смешанным населением ощущается еще вполне самостоятельное присутствие варягов). Во второй половине X — начале XI в. древнерусская дружина вырабатывает собственные, специфические культурные нормы. Они представлены в центральной области Древнерусского государства (граница ареалов I группы и мечей РФ довольно точно совпадает с северной границей распространения черноземных почв; «Русская Земля» находилась в центре развитой земледельческой зоны). Феодальный класс, создававший эту культуру, был в основном восточнославянского происхождения.

Применение полученной типологии к древнерусскому материалу позволяет, таким образом, раскрыть новые детали исторического процесса, которые оставались неясными при использовании обычных эмпирической и условной типологий.

12. Обобщение. Культурно-историческая, или системная, типология не подменяет и не отменяет методов прежних стратегий классификации — ни эмпирической, ни условной. Скорее, она включает их в себя, подчиняя новым принципам. Она обращена к тому же материалу, но задает ему для начала иные вопросы. Не «сколько типов можно в нем выделить по сгущениям признаков?» и не «как удобнее нарезать в нем типы и ограничить каждый?», а «как, по каким признакам следует выделить в нем типы, чтобы они имели культурно-исторический смысл?».

Для этого приходится искать проявления типов в контексте культуры — в нем прослеживать поведение признаков. Благо, если есть воз-

можность ухватить этот контекст по его отражениям в древнем сознании, полнее передавшим жизненные связи и культурный смысл. Если этой возможности нет, надо искать в археологическом материале то, что ближе всего к этим жизненным связям, к проявлениям смысла — широкие конфигурации, группировку комплексов, сопоставление археологических культур.

Это единственная стратегия, которая позволяет строго перейти к пониманию места типов в культурно-историческом процессе, к способности раскрыть этот процесс в развитии, распространении и смене типов.

Мы движемся от некоего общего знания данной культуры, которое позволяет наполнять содержанием и разумно уплотнять и упорядочивать наши сведения о таких частных проявлениях культуры, как те же мечи. Именно на основе этого целостного знания мы обращаемся к более детальному и точному, в то же время более широкому постижению культуры в ее частных проявлениях. Этот подход может показаться пугающе сложным. Но думать об этой сложности — отраднее, чем представлять себе типологию подсобным средством музейной каталогизации или респектабельной игрой в цифры и графики. Археологическая типология — в конечном счете средство исторического познания. Все еще действенное.

Глава XV

ЭТЮД ОБ УКРАШЕНИЯХ
(Ю. М. Лесман)

Век не веревкой мерян.

Русская народная пословица.

1. История вопроса. Первые работы по систематизации древнерусских украшений Новгородской земли были предприняты Спицыным в конце прошлого и начале нашего века (Спицын 1895:149—153; 1896; 1903). Он поставил перед собой задачу дать максимально полную сводку типичных образцов погребального инвентаря, прежде всего для установления хронологии славяно-русских древностей. Параллельно с этой работой, оставив в стороне проблему хронологии, Спицыну удалось выделить ряд типов височных колец, отличающихся регионами распространения. Эти типы он предложил рассматривать как характерные для различных летописных племен (Спицын 1899). При этом задача строгого вербального описания типов, принципов и процедуры их выделения им не ставилась, да, по-видимому, и не осознавалась. Достаточно было дать максимально полную сводку рисунков-образцов.

Типология и хронология Спицына с честью выполнила свой долг, отслужив без малого столетие. Однако отсутствие четкого описания процедуры выделения типов, а также критериев отнесения вещи к тому или иному типу было осознано уже в конце 1920-х годов, когда Арциховский (1930) в рамках концепции Городцова (1927) предложил свою типологию древнерусских украшени. Простота и четкость классификационных схем обеспечили большую популярность этой работы. Под ее влиянием в течении нескольких десятилетий археологи (преимущественно московские) выполнили целую серию исследований (Рыбаков 1932; Успенская 1953; Русанова 1966 и др.). Классификация Арциховского строилась как строго иерархическая четырехуровневая: *категории,* выделяемые по назначению, состоят из *отделов*, выделяемых по материалу, отделы состоят из *групп*, выделяемых чаще всего по поперечному сечению украшений, группы — из *типов*, выделенных по прочим особенностям формы. Каждое украшение можно легко поместить в определенную ячейку классификации. Однако вопрос о содержательном значении классов сразу же вызвал дискуссию (Равдоникас 1931: 63—66).

В 1967 г. вышла из печати совместная работа коллектива сотрудников Отдела археологии ГИМа, посвященная металлическим украшениям сельского населения Руси (Очерки 1967), находящаяся в целом в русле, намеченном Арциховским. Сохранена строго иерархическая структура классификации, но и число иерархических уровней, и основания деления претерпели изменения. Несущественным, в частности, оказалось деление металлических украшений по материалам (медные, серебряные и т. д.). Выявились несуразности. Например, для браслетов одинаковое оформление концов встречается у изделий «разных отделов, независимо от характера заготовки и общего вида самого браслета». Однако же это не побудило авторов отказаться от однозначности деления и жестких иерархических принципов (Левашова 1967:209). В то же время далеко не всегда удалось однозначно определить основания деления: так, например, «для одних фибул в отношении их датировки и происхождения наиболее характерным признаком является форма головок-концов, для других фибул — дуга, ее поперечное сечение и характер орнамента, для третьих во внимание приходится принимать все признаки» (Мальм 1967:152).

© Ю. М. Лесман (стр. 305—314).

Следующим этапом постепенного размывания строгой классификационной схемы стали работы Седовой, посвященные ювелирным изделиями Новгорода (Седова 1959; 1978; 1981 и др.). Выполненная ею группировка вещей не обладает ни строгой иерархичностью (есть лишь элементы иерархических структур), ни жестким набором критериев. Однако, несмотря на то, что Седова обратила внимание на независимые от типов особенности орнамента, однозначность принадлежности каждой вещи к одному определенному типу сохраняется. Сохраняется также и представление о единой однозначной типологии как об универсальном, не зависящем от поставленных задач способе группировки вещей. В известной мере, можно сказать, что начиная с 1960-х годов происходит постепенное возвращение к принципам выделения типов на которые опирался еще Спицын, однако с той существенной разницей, что каждый тип теперь представлен не только рисунками типичных образцов, но и описан на вербальном уровне.

2. Постановка задачи. Отправной точкой типологического анализа древнерусских украшений для автора является понимание типа как сводного набора сходных свойств артефактов, служащих *диагностическим индикатором*. При этом круг индицируемых явлений охватывает все аспекты человеческой деятельности. Сходные свойства артефактов проявляются в процедуре исследования как близкие значения признаков. Такое толкование можно рассматривать как расширение определения типа, данного Суарцем: «Тип — это сводный набор повторяющихся свойств артефактов, служащий хронологически-пространственным индикатором» (Swartz 1967:490). Тогда, прежде чем приступать к разработке типологии украшений, необходимо определить, какие из явлений или процессов предполагается исследовать с помощью создаваемой типологии. Новгород и Новгородская земля, благодаря хорошей стратиграфии и дендрохронологии городского культурного слоя, а также массовости и разнообразию находок (как в городе, так и в сельских погребальных памятниках), наиболее благодатны для изучения хронологических процессов. Учитывая это, представляется целесообразным в первую очередь рассматривать процедуру хронологического типологизирования ювелирных изделий, т. е. процедуру выделения *хронологически значимых типов*. Под последними понимается сводный набор сходных свойств артефактов, служащий хронологическим индикатором, а с инструментальных позиций — сводный набор близких значений признаков, служащий хронологическим индикатором.

Сами по себе артефакты и даже их комплексы еще не дают информации о том, является ли рассматриваемый набор свойств каким-либо индикатором. Показательна в этом отношении внутренняя противоречивость эмпирического толкования типа как устойчивого сочетания признаков. Ведь выделение такого сочетания зависит и от критериев устойчивости и от выбора признаков. Учитывая практическую бесконечность набора признаков, мы можем получить целую серию независимых разбиений рассматриваемого материала на типы — устойчивые сочетания признаков. В синхронном плане представлениям о группах вещей могло соответствовать не одно такое разбиение, а целый их набор (например, одна группировка украшений отражала возрастные группы, другая — половые, третья — социальные, четвертая — стилистические и т. д.) Лишь имея информацию об обществе и его культуре в целом, можно надеяться получить работоспособные типологии.

С другой стороны, индикаторами различных аспектов человеческой деятельности могут служить не только устойчивые сочетания признаков, но и отдельные признаки или сочетания признаков, не обладающие статистической устойчивостью. В то же время одним из путей поиска древних мысленных шаблонов и подсознательных стереотипов служит выявление

устойчивых сочетаний признаков, однако не всех, а лишь функционально и технологически независимых, причем получаемые группы являются лишь претендентами на то, чтобы именоваться культурными типами.

Аналогичным образом выделяемые в процессе сериационных исследований сочетания признаков (или объектов) нельзя еще признать хронологически значимыми типами (группами), так как линейная последовательность подобных типов (групп), даже если она достоверно фиксируется в материале, еще не обязательно отображает хронологическую последовательность (Лесман 1984: 120—122).

При разработке хронологии целесообразно различать *хронологически значимый тип* и более узкое понятие *датирующего типа*, т. е. типа, для которого в определенных границах (в первую очередь, географических) установлены временной интервал его бытования или вероятностное распределение его массовости во времени.

3. Процедура хронологической типологизации. Древнерусские памятники Новгорода и Новгородской земли позволяют лучше, чем в большинстве других случаев, проследить процедуру выявления датирующих типов. Культурный слой Новгорода с его дендрохронологией и стратиграфией, охватывающими период более чем в полтысячелетия, массовые находки вещей, в частности быстро меняющихся ювелирных изделий, позволяют выделить несколько сотен хронологически значимых типов, а также установить если не вероятностные распределения их во времени, то по крайней мере интервалы бытования (Колчин 1959; 1968; 1971; 1982; Щапова 1956; Седова 1981; Лесман 1984; 1990; 1991 и др.).

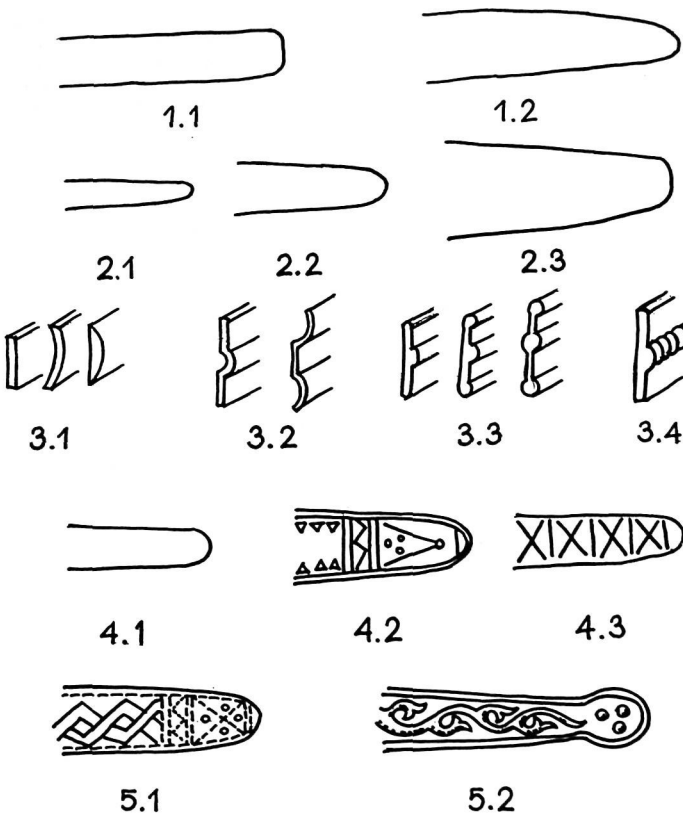
Суть процедуры выделения *хронологически значимых признаков* составляет выявление *значений* (для качественных признаков) или *интервалов значений* (для количественных признаков), которые, в сочетании с другими признаками, достаточно компактно локализуются в стратиграфии и, соответственно, во времени. Значения признаков могут при этом не носить альтернативного характера. Хронологически значимый тип определяется отдельным признаком (в этом случае он идентичен хронологически значимому признаку) или группой признаков, не сводимой к их простому набору. Несводимость заключается в том, что дата такого типа уже, чем взаимоналожение дат признаков. А в случае рассмотрения вероятностных распределений вероятностное распределение даты типа формально невыводимо из распределений дат признаков (Лесман 1987). Т. е. типами являются некоторые из ячеек многоаспектной классификации.

Рассмотрим в качестве примера типологию бронзовых браслетов. Для них, как, впрочем, и для остальных категорий новгородских ювелирных изделий, ни одна из априорно заданных иерархий признаков себя не оправдывает, хотя сами признаки в значительной мере сохраняют свое значение. В типологии использованы особенности конструкции, формы, размеров и декора браслетов. Условно выделяются четыре основные большие конструктивные группы: браслеты *пластинчатые, проволочные, крученые, массивные*. Внутри этих групп осуществляется классификация вещей, но сквозь все эти группы проходит сплошное разбиение на *замкнутые и незамкнутые* браслеты, сквозной является также группировка по форме концов браслетов. Сводный перечень хронологически значимых признаков браслетов, являющихся основаниями классификации, представлен ниже.

А.1. Пластинчатые браслеты (кованые и литые). Для них выделяются шесть признаков.

А.1.1. По общему контуру пластины браслеты делятся на *ровные* (*ленточные*) (А.1.1.1 — рис. 50.1.1) и *с сужающимися концами* (А.1.1.2 — рис. 50.1.2).

А.1.2. По максимальной ширине пластины выделяются три качественно различных значения, границы между которыми формально-статистически неуловимы (рис. 52): *узкие* — от 4 до 7 мм (А.1.2.1 —



Р и с. 50. Браслеты пластинчатые. Датирующие признаки.

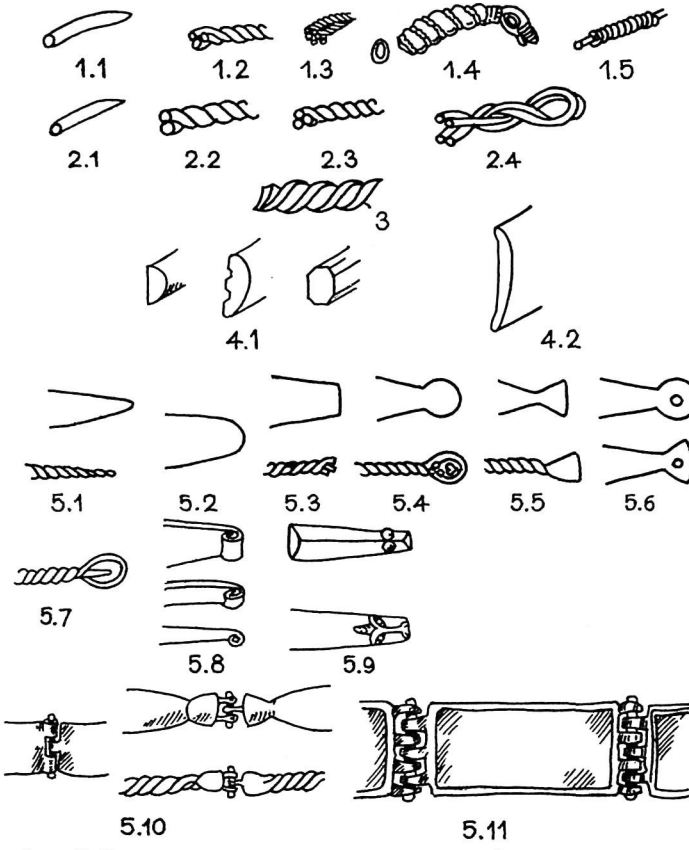
рис. 50.2.1), *средние* — от 8 до 16 мм (А.1.2.2 — рис. 50.2.2) и *широкие* (А.1.2.3 — рис. 50.2.3).

А.1.3. По сечению пластины браслеты делятся на *гладкие* (А.1.3.1 — рис. 50.3.1), *с продольными выпукло-вогнутыми* (А.1.3.2 — рис. 50.3.2) или *выпуклыми валиками*, в том числе *гладкими* (А.1.3.3 — рис. 50.3.3) и *ложновитыми* (А.1.3.4 — рис. 50.3.4).

А.1.4. По размещению орнамента в поле браслета выделяются, помимо *неорнаментированных* браслетов (А.1,4.1 — рис. 50.4.1), браслеты *с четко выделенной* поперечными линиями центральной *орнаментальной зоной* (А.1.4.2 — рис. 50.4.2) *или без* таковой (А.1.4.3 — рис. 50.4.3).

А.1.5. По рельефности декора выделяются браслеты *с углубленным* (А.1.5.1 — рис. 50.5.1) и *с выпуклым литым* (А.1.5.2 — рис. 50.5.2) *декором*.

А.2. Проволочные браслеты и примыкающие к ним литые ложновитые классифицируются на основе трех хронологически значимых признаков.



Р и с. 51. Браслеты проволочные, крученые и массивные. Датирующие признаки и группировка браслетов по концам.

А.2.1. По конструкции браслеты подразделяются на *простые однопроволочные* (А.2.1.1 — рис 51.1.1.), *витые* (А2.1.2 — рис. 51.1.2), *плетеные* (А.2.1.3 — рис. 51.1.3), *ложновитые*, в том числе *сплошные* (А.2.1.4) и *полые* (А.2.1.5 — рис. 51.1.4), в виде *стержня с обмоткой или оплеткой* (А.2.1.6 — рис. 51.1.5).

А.2.2. По количеству проволок браслеты делятся на *однопроволочные* (А.2.2.1 — рис. 51.2.1), *двухпроволочные* (А.2.2.2 — рис. 51.2.2), *трехпроволочные* (А.2.2.3 — рис. 51.2.3) и *многопроволочные* (А.2.2.4 — рис. 51.2.4).

А.3. К р у ч е н ы е б р а с л е т ы (рис. 51.3) не поддаются дифференциации.

А.4. М а с с и в н ы е б р а с л е т ы подразделяются лишь по ширине и форме сечения на *узкие* и *средние* (А.4.1 — рис. 51.4.1) и *широкие* (А.4.2 — рис. 51.4.2).

Б. З а м к н у т о с т ь б р а с л е т о в подразделяет их, соответ-

ственно, на *замкнутые* (сплошные, завязанные, створчатые и т. д. — Б.1) и *незамкнутые* (Б.2).

В. Концы браслетов для всех конструктивных групп подразделяются на:

простые (В.1), в том числе *острые* (утончающиеся) (В.1.1 — рис. 51.5.1), *округлые* (В.1.2 — рис. 51.5.2), *обрубленные* (В.1.3 — рис. 51.5.3);

щитковые (В.2), в том числе *овальные* (В.2.1 — рис. 51.5.4) *треугольные* (В.2.2 — рис. 51.5.5), а также *с отверстиями в щитках* (В.2.3 — рис. 51.5.6);

петлевидные, в том числе *собственно петлеконечные* (В.3.1 — рис. 51.5.7) и *загнутые* (В.3.2 — рис. 51.5.8);

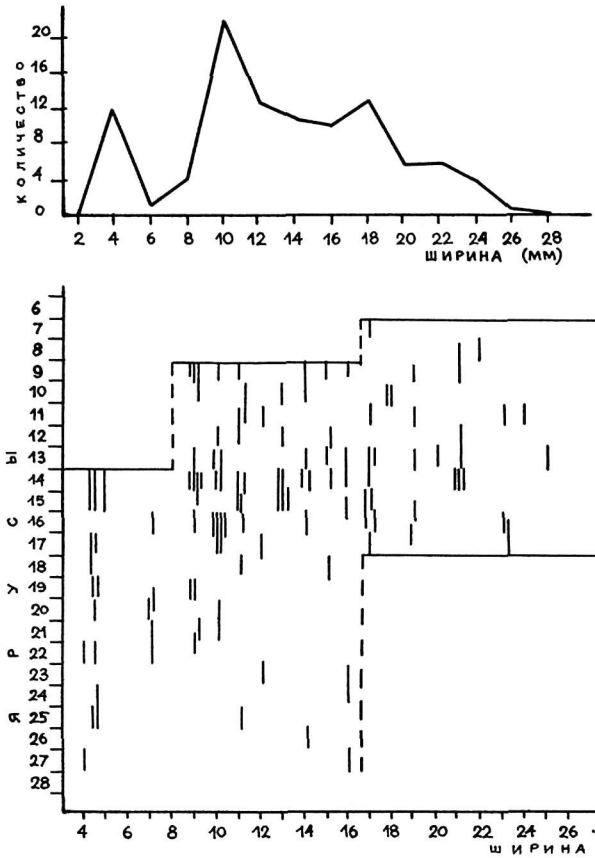
звериноголовые, среди которых и концы в форме головы, и концы с изображением головы (В.4 — рис. 51.5.9);

створчатые — с шарнирным соединением концов (В.5), среди которых уже независимо от формы концов выделяются *одночастные* (В.5.1 — рис. 51.5.10) и *многочастные* (В.5.2 — рис. 51.5.11).

В результате выделяются 34 хронологически значимых типа (Табл. 2. Подробнее см.: Лесман 1990), хотя, исходя из анализируемого набора признаков, число типов могло бы превысить тысячу. Однако часть ячеек полной типологической матрицы либо не заполнена материалом, либо заполнена единичными находками, либо, хотя находки и массовы, не поддается хронологической локализации, так как представлена во всей толще культурного слоя. В ряде случаев сочетания признаков представлены достаточно массово, но даты этих претендентов на хронологически значимые типы являются простым взаимоналожением дат признаков или дат типов, определяемых менее полным набором признаков.

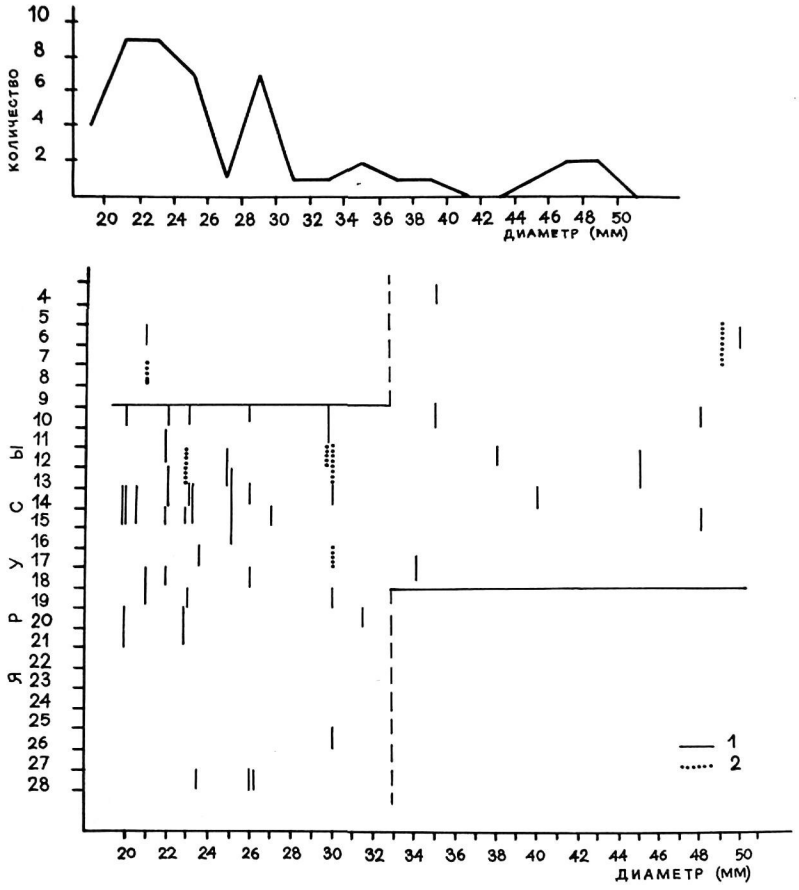
Самостоятельными хронологически значимыми типами браслетов становятся лишь те разновидности, даты которых невыводимы из дат других типов. При этом в аспекте хронологии типы могут быть иерархически организованы. В частности, пластинчатые браслеты представлены в Новгороде в слоях, датирующихся временем до 1396 г. (даты условны и отражают лишь синхронизацию с соответствующими ярусами мостовых Неревского раскопа). Даты же различных групп пластинчатых браслетов у́же: остроконечные датируются 1116—1396 гг., округлоконечные — до 1369 г., щитковоконечные 1134—1313 гг. и т. д. С другой стороны, наличие щитков у браслетов всех разновидностей (пластинчатых, проволочных, массивных и др.) само по себе выделяет хронологически значимый тип с датой 1025—1313 гг. Пересечение дат пластинчатых и щитковоконечных браслетов дает 1025—1313 гг., однако дата, полученная из распределения находок в слое, у́же, что позволяет говорить о самостоятельном типе пластинчатых щитковоконечных браслетов. Аналогичным образом все проволочные незамкнутые браслеты датируются *временем после 1055 г., а проволочные щитковоконечные 1096—1313 гг.*, что также у́же взаимоналожения дат, которое соответствует 1055—1313 гг.

Многоаспектный характер классификации, лежащей в основе типологии, охватывает не только вещи внутри одной категории. Наиболее нагляден он, если рассматривать весь комплекс ювелирных изделий, так как значительная часть хронологически значимых типов является межкатегориальной. Критерии выделения межкатегориальных типов (меронов) разнообразны. Это могут быть особенности технологии изготовления (имитационные изделия, эмали), детали конструкции (шарнирные соединения, завязанные концы изделий и др.), морфология вещи в целом или ее части (наличие форм квадрифолия, луновидных, плоской спирали и др.), а также используемые мотивы и композиции декора (различные геометрические, растительные, зооморфные и антропоморфные мотивы, знаки) (Лесман 1989а; 1991).



Р и с. 52. Распределение пластинчатых браслетов по ширине.

Выделяемые хронологически значимые типы далеко не всегда соответствуют статистически устойчивым значениям или сочетаниям признаков. Наиболее наглядно это можно проследить на типах, в основу которых положены количественные признаки — размеры украшений. По максимальной ширине пластинчатых браслетов, имеющих в той или иной мере расширенную середину и сужающиеся концы (независимо от их формы), выделяются три хронологически значимых типа (рис. 52, низ): *узкие* (максимальная ширина пластины от 4 до 7 мм), представленные в слоях, датирующихся до 1268 г.; *средние* (максимальная ширина пластины от 8 до 16 мм), представленные в слоях до 1369 г.; *широкие* (ширина пластины не менее 17 мм), представленные в слоях 1177—1396 гг. В то же время статистический анализ распределения браслетов по ширине (рис. 52 верх) не дает достаточных оснований для подобного разбиения и скорее даже подсказывает хотя и близкое, но несколько



Р и с. 53. Распределение круглых привесок по диаметрам: 1 — сплошные, 2 — прорезные.

иное: 4—5 мм, 6—15 мм, 16 мм и более,— которое не имеет хронологического значения. Если рассмотреть распределение круглых привесок по диаметру, то оно дает хронологически значимые типы во взаимосвязи с разграничением сплошных и прорезных (рис. 53, низ): до 33 мм для сплошных монетовидных привесок (представлены в слоях до 1340 г., экземпляр диаметром 21 мм, происходящий из датирующегося 1396—1409 гг. 6 яруса, переотложен) и более 33 мм для сплошных и прорезных привесок (представлены в слоях после 1161 г.). Это разбиение статистически не является единственно возможным. Не менее обоснованной была бы граница, проведенная по рубежу 28 мм (рис. 53, верх), однако она ничего не дала бы для хронологии.

4. Система датирующих типов. Упоминавшиеся выше типы, исходя из их компактного распределения в толще культурного слоя, можно признать хронологически значимыми, однако их определение в качестве датирующих требует дополнительного обоснования. Прежде всего необходимо обосновать, что интервалы их представленности в слое соответствуют интервалам их бытования или, по крайней мере, не уже. Статистические критерии малоприменимы из-за ограниченности выборки и плохой известности механизмов ее формирования. Основным инструментом обоснования служит проверка полученной хронологической системы на непротиворечивость в комплексах однократного формирования, к которым относятся погребения, слои разрушений, клады (с учетом специфической датировки бытования входящих в клад типов), а также отдельные вещи, относящиеся одновременно к нескольким типам (Лесман 1981). При этом желательно, чтобы проверяемая хронологическая система охватывала изделия ремесленников разных специальностей, изготовленные из разных материалов, в разных местах (непосредственно в районе находки, в местных ремесленных центрах, импортные). Если непротиворечивость достигается в некоторых хронологических и территориальных границах, то в этих границах и можно говорить о входящих в систему типах как о датирующих. В процессе проверки вырабатываются также правила формирования хронологически значимых типов, становящихся датирующими, т. е. определяется минимальная массовость типа, а также правила установления верхних и нижних дат.

Проверка системы хронологически значимых типов новгородского вещевого инвентаря (включая наряду с ювелирными изделиями различные группы вещей из железа, стекла, камня, кости) показывает, что на территории Новгородской земли хронологически значимые типы этой системы являются датирующими (Лесман 1988). Система датирующих типов охватывает конец X—XIV в. (для этого интервала мы имеем достаточную для проверки серию комплексов и самих типов). Однако попытка применения ее вне границ Новгородской земли — на территории Смоленской, Владимиро-Суздальской земель, Эстонии и даже для памятников подчиненной Новгороду, но культурно в известной мере обособленной Карельской земли — приводит к появлению противоречий (Лесман 1989б). Это и определяет территориальные границы, в которых хронологически значимые типы новгородских находок являются датирующими. Параллельно процедура проверки позволяет отсеять недостаточно массовые хронологически значимые типы (таковыми оказались типы, представленные в Новгороде в 9 и менее экземплярах, даты которых ненадежны), а также отработать процедуру определения хронологических границ датировки типов. В частности, случайны и не характеризуют период бытования отдельные находки вещей в культурном слое Новгорода, если они оторваны от основной серии, и величина разрыва в ярусах превышает число этих находок (Лесман 1984: 124).

Описанная выше методика создания системы датирующих типов, отработанная на материалах древнерусских памятников Новгородской земли, позволила уточнить и сузить даты подавляющего большинства инвентарных погребальных комплексов Северо-Запада, однако она применима и в иных регионах и для других эпох.

Таблица 2

Датирующие типы браслетов

Номер типа	Датирующие признаки	Дата (гг.)
1	А.1	до 1396
2	А.1.1.2; В.1.1	1116—1396

Таблица 2

Датирующие типы браслетов

Номер типа	Датирующие признаки	Дата (гг.)
3	А.1.2.; В.1.2	до 1369
4	А.1.1.2; В.1.3	1177—1396
5	А.1; В.2	1134—1313
6	А.1.2.2/А.1.2.3; В.3.2	1177—1369
7	А.1.2.1	до 1268
8	А.1.2.1; В.1	1006—1268
9	А.1.2.2	до 1369
10	А.1.2.3	1177—1396
11	А.1.3.3/А.1.3.4; В.1/В.2/В.3/В.4	1116—1313
12	А.1.3.4; В.1/В.2/В.3/В.4	1116—1299
13	А.1.3.2/А.1.3.3; В.1/В.2/В.3/В.4	1238—1369
14	А.1.4.1	до 1281
15	А.1.4.2; В.1/В.2/В.3/В.4	1161—1382
16	А.1.5.2	1116—1313
17	А.2.1.1; А.2.2.1; Б.2; В.1	до 1340
18	А.2.1.2/А.2.1.3/А.2.1.4/А.2.1.5; Б.2	после 1055
19	А.2.1.2; А.2.2.2; Б.2	1116—1268
20	А.2.1.1/А.2.1.3; А.2.2.4; Б.2; В.3	после 1197
21	А.2.1.2/А.2.1.4; А.2.2.2./А.2.2.3; Б.2; В.1.1	1096—1340
22	А.2.1.2/А.2.1.3/А.2.1.6; В.2	1096—1313
23	А.2.1.2; А.2.2.3; Б.2; В.1.3	1076—1313
24	А.2.1.2; А.2.2.3; Б.2; В.3.1	1055—1396
25	А.2.1.5	после 1224
26	А.3	1116—1369
27	А.4.1	до 1177
28	В.3.2	1006—1369
29	В.2	1025—1313
30	В.2.2	1116—1313
31	В.2.3	1096—1299
32	В.4	1161—1396
33	Б.5.1	после 1197
34	Б.5.2	1177—1382

Глава XVI

ЭТЮД О КЛАДАХ
(Ф. Р. Балонов)

Значимое — не что иное, как богатое соотношениями...

Томас Манн. Очерк истории моей жизни (1960:121).

1. История проблемы. Замечено, что «явно или неявно каждый археолог по-своему занимается классификациями больших количеств сложных предметов» (Балонов, Шер 1978:278). Это относится и к классификации кладов эпохи бронзы. В группировании кладов на основе функций (назначения) нет единодушия. Интересно проследить причины этого и попытаться найти приемлемый выход из затруднения.

В работах археологов второй половины XIX — начала XX в. делаются попытки распознать генезис кладов. Для этого выяснялись условия, заставлявшие владельцев вещей зарыть, спрятать их в землю. Это стремление побуждало хотя бы приблизительно установить принадлежность этих кладов.

Как представляется, первое разделение кладов на категории было сделано в 1875 г. Шантром. Он делил все клады на две категории: *сокровища* и *тайники,* или *клады литейщиков* (Chantre 1875—1876:68). Разделение кладов на категории можно найти и в «Путеводителе по древностям отдела бронзового века Британского музея» (A guide... 1904:38). Здесь они подразделяются на *личные клады, клады купцов* и *клады литейщиков. Дешелет посвятил вопросам классификации кладов отдельный* параграф своего учебника (Dechelette 1910:163—165). Он излагает существовавшие в его время точки зрения относительно кладов, в частности, мнение Шантра, с которым не склонен полностью соглашаться.

«Нам кажется предпочтительнее разделить их (клады. — *Ф. Б.*) всего на две категории:[1] клады литейщиков и просто клады, причем последние состоят из вотивных или религиозных приношений, возможно, весьма многочисленных, и тайников, или сокровищ.[2] К первой категории относятся клады, содержащие остатки литья, целые литейные формы, шлак или слитки, а также, возможно, и те, которые содержат разбитые предметы, предназначенные к восстановлению или только что вышедшие из формы и имеющие необработанные литейные швы. Вторая категория состоит из находок, которые не содержат никаких предметов со следами индустриальной эксплуатации» (Dechelette 1910:165).

Гордон Чайлд первым после Дешелета подверг проблему кладов детальному рассмотрению. Этой теме он отводит главу в своей книге «Бронзовый век» (Childe 1930:43—45). Чайлд выделяет *домашние* клады, *вотивные* клады, клады *торговцев* и клады *литейщиков,* причем за последними он признает распространение только в позднем бронзовом веке и допускает, что часть их могла, вероятно, принадлежать группе бродячих медников.

В работах, посвященных бронзовому веку, выходивших в свет после книги Чайлда вплоть до настоящего времени, археологи часто обраща-

© Ф. Р. Балонов (стр. 315—337).

[1] Это замечание Дешелета удивляет тем более, что Шантр делил клады также «всего на две категории».

[2] Таким образом, у Дешелета получается не две, а три категории: а) *клады литейщиков,* б) *вотивные клады,* в) *тайники* (*сокровища*).

лись к проблеме классификации кладов, но назвать сколько-нибудь значительное детальное исследование этой проблемы затруднительно. Чаще всего археологи освещают отдельные вопросы темы: распространение кладов на какой-либо отдельной территории, культурные связи, датировку, проблемы металлургической типологии...

Китлицова в работе «Хронология и функции кладов» (Kytlicova 1970:681—684) исследовала распространение кладов в Чехии и Моравии, их датировку, культурные связи, *а также отдельные функции* отдельных категорий кладов, особенно кладов сырья и лома и кладов браслетов. В статье «Клад», написанной ею же для энциклопедии Филипа упоминается, что клады интерпретировались по-разному: «как клады сырья или готовых изделий, как клады товаров, клады драгоценностей и вотивные клады и т. д.» (Filip 1966:277—278).

Если внимательно присмотреться к тому, в чем исследователи расходились, разбивая клады на группы, можно обнаружить, что даже в одной и той же классификации для такого подразделения использовались различные критерии (состав клада, местонахождение его, функция и т. п.). Исследователи не придерживались строго какой-либо логической схемы анализа. Отчетливо видно, что они смешивали два разных уровня исследования: уровень наблюдения и уровень интерпретации сделанных наблюдений. Тут, говоря словами Томсона (1958), «наиболее опасный источник ошибок — записывание выводов вместо наблюдений».

Описания кладов, фиксирующие их предметный состав, явно относятся к *уровню наблюдения*. Описания же, раскрывающие смысл кладов, их функции, — к *уровню интерпретации*.

Рассмотрим, как это проявляется у разных авторов. Из таблицы 3 явствует, что во многих случаях исследователи, игнорируя уровень наблюдения, обращаются сразу к уровню интерпретации. Именно этим путем идет большинство исследователей и сейчас. Между наблюдением и интерпретацией фактов потеряно весьма существенное звено — анализ сделанных наблюдений.

Бóльшая часть современных исследователей данной проблемы, позаимствовав терминологию и понятийный аппарат предшественников, некритически переносит их на материал, обнаруженный в совершенно ином культурном, хронологическом и/или региональном контексте. За время, прошедшее от исследований Шантра, Дешелета и Чайлда, во многом изменились и расширились наши представления о древних культурах. Естественно, что понятийный аппарат, «работавший» хорошо 50—100 лет назад, начинает давать сбои или вовсе отказывается работать.

Назрела, по-видимому, необходимость пересмотреть установившуюся, ставшую традиционной классификацию кладов, разобраться в имеющихся определениях, вернее — в кроющихся за ними понятиях.

2. Задача. Идея ревизии существующих классификаций кладов эпохи бронзы родилась в 1968 г. при обсуждении проблемы неудовлетворительности наличных классификаций в беседе Бочкарева, Клейна и автора настоящей главы. Собеседники пришли к убеждению, что правильная интерпретация кладов как археологического и культурного явления невозможна до тех пор, пока не существует четкой классификации кладов, проведенной на объективном основании. Следовательно, требуется произвести такую классификацию, опираясь на объективные признаки, выделенные в самом изучаемом материале. Представлялось, что такой пересмотр невозможно осуществить, не прибегая к статистико-комбинаторным методам исследования (Балонов 1971:24—25; 1981:24—28).

Параллельно Бочкарев решал ту же проблему традиционными археологическими методами. Впоследствии предполагалось объединить, проанализировать и интерпретировать данные, полученные статистическими и собственно археологическими методами.

Проделанная мной работа связана с классификацией свойств и отношений вещей и комплексов, представленных в виде логико-математических моделей, которые в конечном счете дают г о м о м о р ф н у ю картину (отражение) познаваемых объектов.

Я исходил из того, что классификацию вещей (или комплексов вещей) должен предварять «анализ данных, непосредственно в вещах не представленных, а получаемых из сопоставления разных вещей и разных групп вещей между собой, а также из положения этих вещей в комплексах» (Doran & Hodson 1975:267—348; ср. Балонов, Шер 1978:279), из топографии местонахождения комплексов, их географического положения и т. п. Сущность объекта (в нашем случае — функции кладов) может проявиться в многообразных формах. Форма же создается свойствами и отношениями объектов между собой, наконец, отношениями признаков, которыми она описывается. Следовательно, прежде чем познать сущность объекта, необходимо проанализировать и сопоставить его свойства, выявить взаимоотношения его признаков. В самом деле, «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» (Маркс 1962:384). Во-вторых, я отталкиваюсь от того, что «классификация вещей имеет производный от классификации свойств и отношений характер» (Уемов 1971:16), и поэтому необходимо в первую очередь провести классификацию свойств и отношений.

Не зная априори, на какое число классов должна распасться совокупность изучаемых объектов, и желая исключить предвзятый подход, надо из всех возможных видов классификации объектов выбрать объективную *классификацию на незаданное число классов*. Но и такую классификацию каждый исследователь может провести по-своему. Поэтому встает задача выбора о п т и м а л ь н о й объективной классификации. Принципы такой классификации хорошо известны (Аркадьев, Браверман 1971:110). Классификация тем лучше, чем: 1) ближе друг к другу расположены классифицированные объекты внутри каждого класса; 2) дальше отстоят друг от друга классы, получившиеся в результате классификации.

Одно из основных и непременных условий проведения объективной классификации — наличие репрезентативной выборки из общего множества рассматриваемых объектов. Такая выборка должна отвечать нескольким условиям:

1) число входящих в репрезентативную выборку объектов должно быть не менее 50 (обеспечивается применимость закона больших чисел);

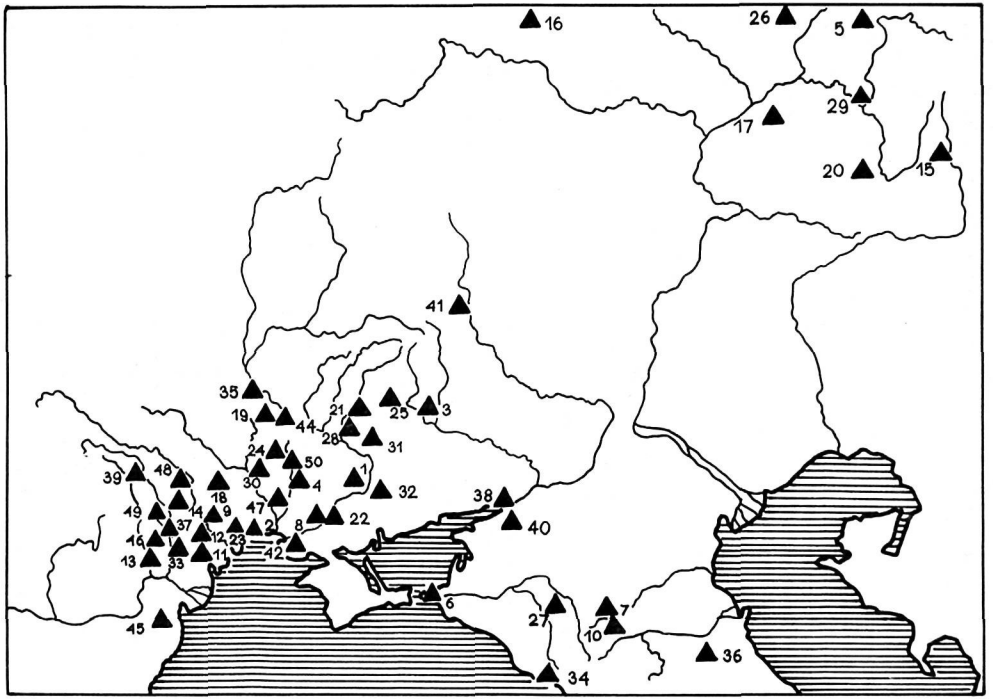
2) требуется выборка с широкой территории (чтобы исключить на первом этапе исследования кладов возможность концентрации их локальных или региональных особенностей, если таковые объективно существуют);

3) выборка должна охватывать объекты, датируемые разными периодами эпохи бронзы (чтобы исключить на первом этапе исследования кладов возможность концентрации их временны́х особенностей, если такие объективно существуют);

4) выборка должна быть составлена из достоверных комплексов, что означает:

а) рассматриваемый объект является действительно *комплексом* вещей, а не коллекцией, т. е. должен быть кладом, а не собранием воедино разрозненных находок,

б) комплекс является именно *кладом*, а не погребальным инвентарем и т. п.,



Р и с. 54. Распространение кладов бронзового века в Восточной Европе.

в) в системе задаваемых ниже признаков признаки комплекса должны давать однозначный ответ на вопрос о его наличии/отсутствии — «да» или «нет» (в выборку не включаются комплексы, в отношении которых из-за неполноты описания, утери хотя бы части вещей и т. п. нельзя дать однозначного ответа хотя бы по одному из задаваемых признаков).

3. Материал. Подобрана репрезентативная выборка из 50 кладов, отвечающая всем упомянутым условиям. Клады относятся к разным периодам эпохи бронзы и происходят с широкой территории: от Восточной Румынии до Приуралья и от Прикамья до Кавказа (рис. 54). Сбор комплексов был выполнен Бочкаревым, подборку достоверных комплексов осуществили совместно Бочкарев и автор настоящей работы. Приводим перечень включенных в выборку кладов (табл. 4). Порядковый номер клада в перечне соответствует номеру на карте и в последующих таблицах.

Непосредственно в исследуемом материале было выделено 77 признаков клада (табл. 5). Выделение признаков осуществлялось совместно с Бочкаревым и Клейном. К табл. 5 даны пояснения и примечания по отбору и выделению признаков. Составлена таблица (рис. 6), в которой отмечено наличие/отсутствие выделенных признаков в каждом кладе.

Примечания к табл. 5:

слитками считаем формованные и бесформенные куски сплава; слитки в форме «лепешек» выделяются особо (см. ниже);

лом — какие именно предметы сломаны, можно считать несущественным;

предметы бытового обихода — это посуда, бритвы, предметы конского снаряжения (удила, псалии и пр.) и т. п.

Везде, где можно, я стремился выделить признаки объективные, и лишь в отдельных случаях признаки выделяются искусственно. Чтобы признаки 8—20 не оказались *искусственными,* по номенклатуре Балковского (1964) мною были построены диаграммы (рис. 55—58). Из орудий труда выделены лишь кельты, топоры, серпы как наиболее часто встречающиеся в кладах категории вещей. В идеале надо было бы выделить и все другие категории, но поскольку они раритетны и не играли определяющей роли в хозяйстве эпохи бронзы, их можно рассматривать и вкупе. Параметры, которыми определяются признаки, выведены на основе диаграмм по пикам распределений. Этим еще раз обеспечивается объективность подхода к выделению признаков, ставятся препятствия субъективности подхода, исключается предвзятость (намеренная или подсознательно обусловленная) по отношению к материалу.

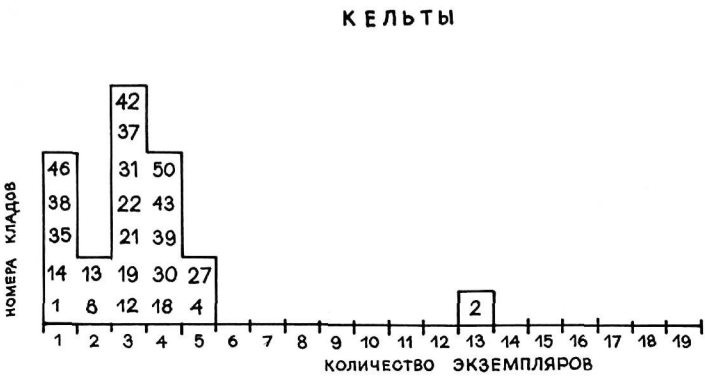
Признак 21 обусловлен нормой груза, который человек может нести самостоятельно. Массон (1972:6), например, отмечает, что древневосточные нормы груза составляли 30 кг на носильщика.

Признак 22 обусловлен нормой груза, для перемещения которого необходимо было прибегнуть к транспортным средствам. По замечанию Массона (1972:7), ослы в Месопотамии везли груз весом 60 кг.

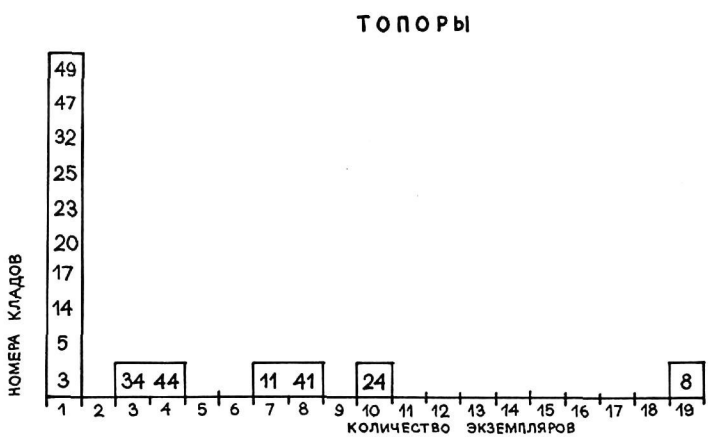
Наименование *признака 27*: «отдел» — первая ступень систематизации, по Каменецкому (1970:29). Ступени систематизации у него таковы: отдел (например, оружие), категория (мечи) и т. д.

В наименовании ряда признаков под «*преобладанием*» понимается количество вещей одного отдела, составляющее более 2/3 от общего количества вещей, входящих в клад. При этом вещи, употреблявшиеся в наборе (бусы, удила и т. п.), принимаются за единицу, если нет доказательств, что они принадлежат двум или более наборам. Разбитые вещи подвергались совместно с Бочкаревым мысленной реконструкции на основе описаний, рисунков, фотоснимков и непосредственных наблюдений.

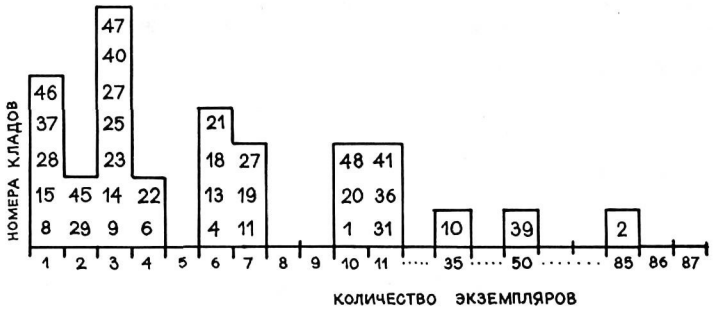
При выделении *признаков 51—53* мы исходили из того, что древние торговые пути проходили по рекам (почему и упомянуты суда) и вдоль рек.



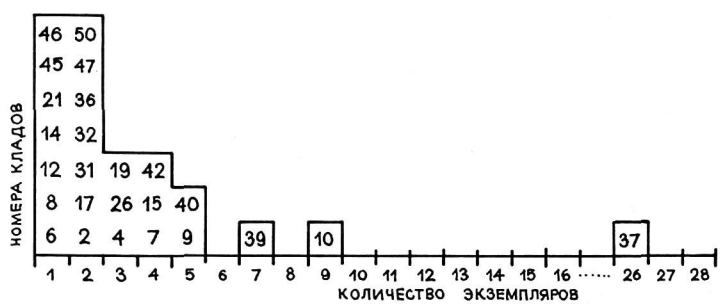
Р и с. 55. Количественное распределение кельтов в кладах.



Р и с. 56. Количественное распределение топоров в кладах.



Р и с. 57. Количественное распределение серпов в кладах.



Р и с. 58. Количественное распределение оружия в кладах.

Расстояние в 4 км — видимое до линии горизонта с высоты человеческого роста. Владельцу клада необходимо и достаточно было удалиться от торгового пути (реки) на такое расстояние, чтобы его потеряли из виду (предположим, грабители). *Расстояние в 30 км* — дневной переход пешехода с поклажей. *Свыше 30 км* — расстояние дневного перехода конника или повозки.

Во всех случаях функциональное определение имеется в виду лишь несомненное.

По номенклатуре Балковского (1964), наши признаки получили бы такие обозначения:
простые — 23, 35, 36, 38—41, 43, 44—48, 50, 62, 69, 70, 72, 73, 77;

простые диагностические — 1—7; 54, 55, 61; 74—76 (третья группа к тому же — признаки *групповые*);
групповые диагностические альтернативные — 8—20;
простые альтернативные — 57—60;
искусственные простые — 21, 22, 51—53, 56, 63—67;
искусственные альтернативные — 24—26, 28—34, 37, 42, 49;
комплексные — 71;
искусственные групповые — 27.

4. Методика (Балонов 1971; 1981). Для определения взаимосвязей признаков (исследование свойств и отношений) необходимо прежде всего вычислить *коэффициент связи* для каждой пары признаков. Количество таких пар определяется по формуле:

$$q = \frac{n(n-1)}{2},$$

где n — количество признаков.

Так как у нас выделено 77 признаков, q = 2 962.

Расчет коэффициента связи можно производить по разным формулам (Рейхман 1969:279—280; Дайменд 1970:131; Абезгауз 1970:9), суть которых сводится к отношению между двумя стандартными отклонениями. Формула, предложенная Юлом и Кэнделлом (1960:48—79), более чутка к изменению величины указанного отношения:

$$Q = \frac{AB \cdot \alpha\beta + A\beta \cdot \alpha B}{AB \cdot \alpha\beta - A\beta \cdot \alpha B},$$

где AB — все случаи сочетания двух признаков, αβ — все случаи отсутствия двух признаков, Aβ — все случаи наличия первого признака без второго, αB — все случаи наличия второго признака без первого в каждой расчетной паре.

Эта формула удобна и тем, что не требует больших предварительных расчетов. Все значения (AB, αβ, Aβ и αB) легко подсчитываются на основе рис. 59.

Здесь

$$\alpha\beta = S - q_\alpha - q_\beta + AB,$$
$$A = q_\alpha - AB,$$
$$B = q_\beta - AB,$$

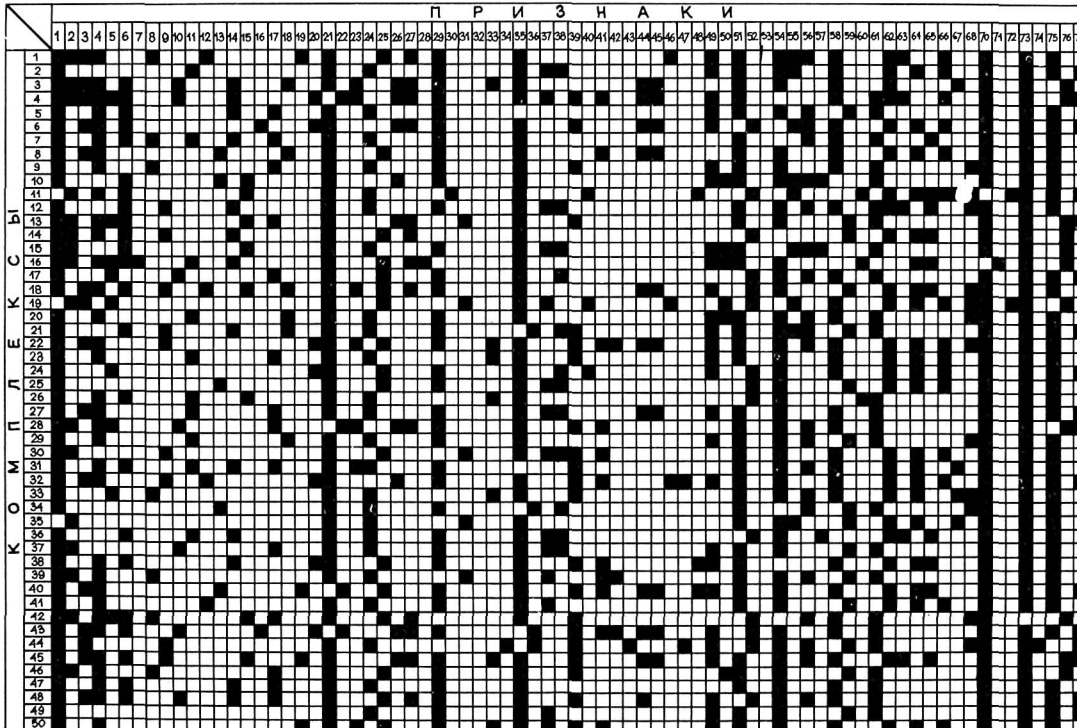
где S — общее количество комплексов, q_α — случаи (количество) наличия первого признака в расчетной паре, q_β — случаи (количество) наличия второго признака в расчетной паре.

Коэффициент связи принимает значения:

$$-1 \leqslant Q \leqslant +1.$$

Когда Q = 0, связь между признаками отсутствует, т. е. они независимы. Если Q = —1, это значит, что при наличии одного из признаков вероятность наличия второго полностью исключается. Если Q = +1, это значит, что при наличии одного из признаков обязательно должен быть и второй. Все остальные значения Q показывают различные степени вероятности появления двух признаков вместе.

5. Результат классификации свойств и отношений. Для каждого из выделенных признаков был рассчитан коэффициент его связи (Q) с остальными 76 признаками. Графически эквиваленты значений Q были сведены в схему (рис. 60). Так как задачи нашего исследования ограни-



Р и с. 59. Наличие выделенных признаков в кладах.

Р и с. 60. Матрица: поля «готовых» признаков в кладах.

чены выявлением положительных связей, значения отрицательных и независимых связей между признаками не рассматриваются, хотя коэффициенты связи Q были вычислены, разумеется, все. Для более четкого выделения полей признаков введена пороговая величина t=0,4, так как все значения $Q < 0{,}4$ дают значительный «шум».

Рис. 60 отражает *взаимосопряженность признаков*. По наибольшим значениям Q признаки, как видно из таблицы, распадаются на два поля. Три признака (32, 53, 69), как явствует из рис. 59, не отмечены ни в одном из комплексов нашей выборки. Все значения Q каждого из этих признаков с остальными 76, естественно, равны 0. Поэтому эти признаки не включены в рис. 60.

Общий алгоритм и принципы группировки признаков по силе связи предложить трудно. В каждом конкретном случае требуется принимать решение, сообразное обстоятельствам. Необходимо перебрать множество вариантов в перестановке столбцов и строк таблицы, строить многочисленные ряды, прежде чем будет достигнут удовлетворительный результат. Бесспорным представляется то, что разбиение на классы, удовлетворяющее принципам оптимальной классификации, т. е. достижение максимальной плотности внутри каждого класса и максимальной удаленности одного класса от другого, осуществимо лишь с помощью компьютера. Как отмечал Д. Кларк, «такие процедуры едва ли возможны при помощи

ручной калькуляции и манипуляции просто потому, что на них затрачивается громадное количество повторяющихся маневров и человекочасов» (Clarke 1968:534). Насколько мне известно, и по сей день не разработана программа для решения задач такого рода на компьютере.

Тем не менее, как явствует из рис. 60, получившиеся поля достаточно плотны внутри и дискретны по отношению друг к другу.

6. Анализ результатов. Чтобы выяснить природу этих полей, необходим анализ их структуры. Прежде всего встают вопросы: Все ли признаки, вошедшие в поле, являются для него определяющими, характерными именно для него? Не характеризует ли тот или иной признак не только данное поле, а всю совокупность рассматриваемых комплексов? Какие именно признаки характерны только для данного поля?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, очевидно, произвести *оценку («взвешивание») признаков*. Однако до сир пор нет сколько-нибудь общепринятых критериев *«веса»* признака, а равно и *алгоритма его оценки* («взвешивания»). Шер отмечает, что значимость (вес, оценка) признака определяется, как правило, интуитивно (1970:11—13). Подольский предлагает не определять, а назначать вес признака (1972:396—397), причем «таким образом, чтобы фактическая мера его значимости соответствовала желаемой» (sic!). Смирнов считает часто встречающийся признак заурядным и поэтому малозначимым и признает больший вес за признаком редким (1969:15, 176). На мой взляд, оценка признака по частоте встречаемости не верна в принципе. Могут быть случаи, когда редко встречающийся признак может оказаться более значимым, чем признак, встречающийся часто, и наоборот. Редко встречающийся признак может фиксировать и некую аномалию, а часто встречающийся может оказаться девальвированным.

Осуществима ли вообще выработка общих критериев оценки признаков и алгоритма этого процесса?

7. Методические предложения. Одного взгляда на рис. 60 достаточно, чтобы убедиться в том, что некоторые признаки (например, 7, 71, 73) выходят далеко за пределы своих полей, хотя и имеют очень высокие коэффициенты связи с другими признаками. Причина этого кроется, видимо, в том, что такие признаки характеризуют не только тот класс объектов, свойства которого отражены в поле готовых признаков, включающем и диффундирующий, но и всю совокупность исследуемых комплексов. Или же диффундирующие признаки указывают на какой-то комплекс, занимающий обособленное положение? Например, признак 7 (см. рис. 59) присущ только одному комплексу нашей выборки — галичскому кладу. Признак 73 присущ большинству комплексов (49 из 50) и поэтому характеризует практически всю выборку.

Но это — крайние случаи. Все остальные, видимо, располагаются между этими крайними значениями. Как выявить место, а значит и вес, значимость признаков, которые диффундируют за границы своего поля или полностью укладываются в поле? Для определения веса признака необходимо вычислить равнодействующую, отражающую соотношение признака с остальными n—1 признаками в множестве признаков M.

Обозначим вес признака через E. Тогда:

$$E_{Mj} = \frac{\frac{R_1K_1}{n-1} + \frac{R_2K_2}{n-1} + \ldots + \frac{R_xK_x}{n-1}}{A} = \frac{R_1K_1 + R_2K_2 + \ldots + R_xK_x}{A(n-1)},$$

где

$\sum_{i=1}^{x} R$ — общее количество вычисленных для данного признака коэффициентов Q в границах всего множества признаков M (иначе: количество всех Q, превышающих установленную пороговую величину t),

$\sum_{i=1}^{x} K$ — абсолютное значение Q в принятой шкале дискретности шкалы значений Q,

n — количество признаков в множестве M,

A — количество дискретных единиц (диапазонов) в шкале значений Q.

Для примера рассчитаем вес какого-либо признака, например, 10-го.

В нашем множестве $M_{\text{П}}=74$ (три из 77 признаков, как отмечено выше, дают нулевой результат и из расчетов весов признаков поэтому исключены).

A=3: коэффициенты в наших расчетах имеют дискретность 0,2; весь ряд (1,0; 0,8; 0,6) насчитывает три дискретных единицы.

$K_1=1,0$; $K_2=0,8$; $K_3=0,6$.

Значения $R_{1,2,3}$ находим подсчетом в рис. 60. Для признака 10 $R_1=5$, $R_2=10$, $R_3=8$. (Значения всех R для удобства можно свести в дополнительную таблицу).

$$E_{10} = \frac{5,1 + 10,08 + 8,06}{3,73} \approx 0,081.$$

Таким образом были рассчитаны веса всех 74 признаков.

По той же формуле вычисляется и вес каждого признака, входящего в то или иное поле (подмножество m_x). В подмножестве остаются инвариантными значения лишь K и A, значения n и R уменьшаются. Вес признака в подмножестве по сравнению с весом того же признака во всем множестве M может: 1) уменьшаться, 2) увеличиваться, 3) остаться тем же. Это зависит от того, насколько велика «диффузия» признака в другое поле.

Полученные значения (E, e, ε) являются *относительными* весами признака в множестве M, подмножествах m_1 и m_2, m_3 соответственно.

Абсолютный вес признака (W) определяется разницей e и ε:

$$W = e_j - \varepsilon_j,$$

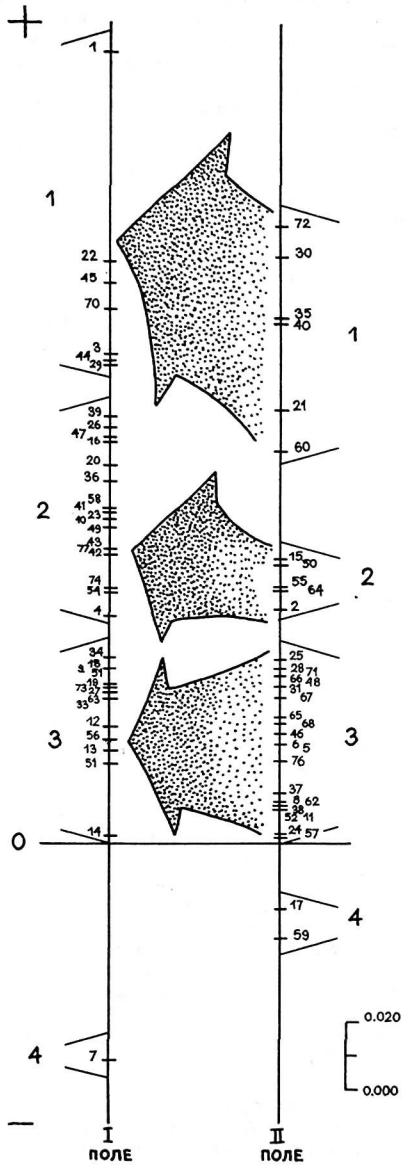
поскольку чем больше признак вписывается в свое поле и чем меньше «диффундирует» в другое, тем больше он определяет и характеризует поле, в которое он входит.

Абсолютный вес признака 10, таким образом, равен:

$$W_{10} = 0,126 - 0,032 = 0,094.$$

Относительные веса E используются при анализе их взаимосвязей во всем множестве M исследуемых признаков, а также при сопоставлении их значимости в множестве M и подмножествах $\sum_{i=1}^{x} m$ при содержательном анализе материала (Балонов 1981: 27).

8. Дополнительный результат и его анализ. Полученные абсолютные веса признаков (W), входящие в I и II поля (m_1 и m_2), располагаем в виде двух вертикальных осей (рис. 61), где выше пересекающей их горизонтали



Р и с. 61. Распределение признаков по абсолютному весу.

(нулевой уровень) размещаем положительные значения W, а ниже — отрицательные. На вертикальной оси образуются сгущения точек, соответствующие конкретным весам признаков. Условимся считать все признаки, которые располагаются в основной массе положительных значений на вертикальной оси, признаками, *характеризующими* поле, а признаки, значения которых располагаются выше, — *ведущими* признаками поля. Все признаки, располагающиеся на вертикальной оси ниже характеризующих, не характеризуют поле, выпадают из него и отражают свойства лишь отдельных комплексов нашей выборки. Это *объектные* признаки.

Обратимся к содержательной стороне ведущих, характеризующих и объектных признаков полей I и II.

Поле I. Как видно из рис. 61, этому полю должны соответствовать клады, в которых есть:

орудия труда (признак 1), причем орудия труда составляют квалифицированное большинство вещей комплекса (признак 29);

слитки (признак 3), слитки-«лепешки» (признак 44), причем часть их разбита (признак 45);

вещи, имевшие только практическое назначение (признак 70), а вес всего клада составляет свыше 30 кг (признак 22).

Все эти признаки и есть ведущие признаки поля I. Клад, свойства которого здесь отражаются, должен обладать всем набором ведущих признаков данного поля. По-иному обстоит дело с признаками характеризующими. Если клад обладает любым из характеризующих признаков этого поля, любым их набором, этого достаточно (при соблюдении условия об обладании ведущими признаками), чтобы включить такой клад в класс, отражаемый этим полем. Такова идеальная модель комплексов класса, отраженного полем I. В реальности только три клада из нашей выборки отвечают критериям этой идеальной модели. Это ингульский (№ 4 в табл. 4), самарский (№ 40) и сосновомазинский (№ 43) клады. Остальные комплексы имеют лишь некоторые из ведущих признаков поля I.

Для выхода на тип этого достаточно. Если же перейти к типологической *классификации*, то возникает некоторая трудность: какие клады могут быть включены в один класс с вышеупомянутыми на равных правах? Чтобы ответить на этот вопрос, придется прежде ответить на другой: какими из ведущих признаков поля I клад должен обладать, чтобы его можно было включить в тот же класс, что и «идеальные» клады?

Очевидно, наличия у клада только одного из ведущих признаков, какой бы ни выбрать, мало для включения этого клада в такой класс, так как это заставит нас все остальные клады, не обладающие выбранным признаком, объединить в другой класс, который рискует получиться весьма пестрым. Если положить в основу классифицирования наличие двух любых из ведущих признаков, можно составить 21 такую пару сочетаний признаков, что легко вычисляется по формуле числа сочетаний из различных элементов, в которых каждый элемент используется только один раз.

Аналогичным путем шел Клейн, рассматривая варианты катакомбных культур (1970:172—176).

Не будем разбирать здесь несостоятельность некоторых из этих пар с точки зрения археологической семантики, например, пары (1, 70), где первый элемент сам по себе соответствует второму. Это значительно сократит число таких пар. Остановимся подробнее на паре (3, 29), которая представляется наиболее значимой. Составляющие ее элементы (наличие в кладе орудий труда, составляющих квалифицированное большинство вещей комплекса и наличие слитков) могут многое сказать

о функциональном назначении комплексов. Кладов, имеющих оба эти признака, в нашей выборке 13. В табл. 6 показано распределение остальных ведущих признаков в этих кладах.

Подобную же задачу решал Д. Кларк при определении политетической структуры британской культуры кубков (Clarke 1970).

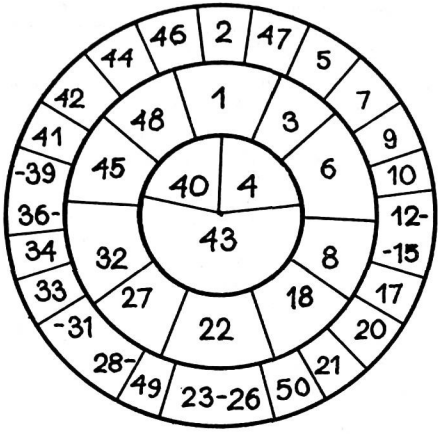
Из таблицы видно, что остальные (помимо 3 из 29) ведущие признаки поля I распределились в этой группе довольно равномерно. Лишь три клада (№ 4, 40 и 43) имеют, в отличие от остальных, вес свыше 30 кг, в двух кладах (№ 1 и 32) «лепешки» вообще отсутствуют и в одном (№ 48) отсутствуют разбитые «лепешки». Все комплексы имеют признаки 1 и 70. Таким образом, приходим к заключению, что а) данный класс кладов и отражен полем I и б) для включения в этот класс других кладов из генеральной совокупности кладов (не охваченных в этом исследовании) необходимо и достаточно, чтобы клад имел следующие четыре признака: 1 — наличие в кладе орудий труда, 3 — наличие в кладе слитков, 29 — орудия труда должны составлять в кладе квалифицированное большинство, 70 — чтобы входящие в состав клада вещи имели практический, а не культовый характер. Кроме этого, такие клады в большинстве случаев, по-видимому, будут иметь в своем составе «лепешки» (целые или разбитые) и будут весить до 30 кг. Остальные признаки поля I придают кладам этого класса индивидуальную окраску.

Поле II. Обратимся вновь к рис. 61. В этом поле ведущими признаками являются: 72 (наличие в кладе вещей из драгоценных материалов), 30 (оружие в кладе составляет квалифицированное большинство вещей), 35 (наличие в кладе вещей, достоверно бывших в употреблении), 40 (наличие в кладе неметаллических вещей), 21 (вес клада до 30 кг), 60 (клад найден в лесной зоне). В нашей выборке только один клад (бородинский) обладает всеми этими признаками, и то при условии отнесения района находки этого клада к лесной зоне, так как этот район по обилию лесов подобен геродотовой Гилее.

Следуя далее тем же путем, что и при анализе ведущих признаков поля I, приходим к заключению, что в поле II ведущим является лишь один признак — 35. Но обладающих этим признаком комплексов в нашей выборке из 50 кладов — 46, что явно многовато для отдельного класса в пределах нашей выборки. То же количество кладов обладает признаком 21 (вес до 30 кг). Но разбиение кладов на группы только по весу выглядело бы очень искусственным. Обоими признаками (21 и 35) обладают 40 из 50 кладов. Это также слишком большое число для одного класса. Впрочем, у классов нет предельного объема.

Неизбежен вывод о том, что ведущие признаки поля II имеют подчиненное положение по отношению к ведущим признакам поля I. Соответственно в зависимости находятся и характеризующие признаки полей I и II. Иначе говоря, признаки поля II могут уточнять и дополнять признаки поля I. Если теперь сравним таблицу распределения ведущих признаков поля I (табл. 6), добавив к ней общие признаки 3 и 29, с таблицей ведущих признаков поля II (табл. 7), то обнаружим гомогенность распределения. Здесь не обладает признаком 35 лишь клад из Текиргиола (Румыния). Итак, сравнение подтверждает взаимосвязь *признаков поля I с признаками поля II. На рис. 61 выделим эти* взаимосвязи по группам.

Что касается признаков, вес которых выражается отрицательной величиной, то можно заметить: самый большой (в абсолютном значении) вес у признака 7. Это и естественно, так как данным признаком



Р и с. 62. Разбиение исследуемой выборки кладов на группы.

(наличие культовых вещей) обладает в нашей выборке только один клад — уникальный галичский из с. Туровское Костромской губернии. Меньший по абсолютной величине и, в результате, больший в положительном отношении вес у признака 59 (местонахождение клада в лесостепной зоне). Данным признаком обладают 15 кладов, и, казалось бы, трудно поддается объяснению тот факт, что этот признак имеет отрицательный вес. Но он не столь богат соотношениями, как признаки, вошедшие в табл. 6 и 7. Вместе с тем, если для кладов, имеющих этот признак, составить таблицу, подобную табл. 6—7, то получится аналогичная картина распределения признаков (ср. Каменецкий, Маршак, Шер 1975: 60). Значит, клады лесостепи можно, с точки зрения их функционального назначения, рассматривать вкупе с кладами, происходящими из других природно-климатических зон. И, наконец, признак 17 (наличие в кладе 1—4 серпов). Этим признаком обладают 14 кладов. Наиболее сильные связи этот признак имеет с теми, которые характеризуют небольшие (по количественному составу и весу) клады (исключением является лабойковский клад), расположенные в границах очага металлообработки и имеющие в своем составе либо 1—2, либо 5 и более кельтов (наряду с 1—4 серпами). Остальные связи очень слабы, что и сказалось на величине веса этого признака. Это говорит о том, что клады с таким набором серпов малозначимы в рамках всей генеральной совокупности. Здесь отражаются, видимо, сельскохозяйственные функции: 1—4 серпа — такой набор этих орудий труда удовлетворял, скорее всего, потребностям одной семьи.

9. Итоги анализа. Итак, в результате проделанного исследования удалось выделить два поля «готовых» признаков, характеризующих группу объектов, ядро которой составляют 13 кладов. Их условно можно *назвать «производственными» (рис. 62): авраамовский* (1), *айдарский*/райгородский (3), антоновский/ингульский (4), таманский/ из с. Батарейка (6), бериславский (8), из с. Журавлинки (18), князе-григорьевский (22), костромской (27), ореховский (32), самарский (40), сосновомазинский (43), текиргиолский (45), христический (48).

Из этих кладов 4, 40 и 43 соответствуют идеальной модели клада класса *«производственных»*. Ядро этого класса окружает большинство кладов рассмотренной выборки, примыкающих к ядру по совокупности многих показателей. В эту оболочку ядра не входят клады галичский (16), бородинский (11), зелевкинский (19) и клад из с. Подгорцы (35). Большую часть бородинского клада составляют предметы вооружения, причем парадного характера, и украшения. Зелевкинский клад состоит из украшений, сложенных в бронзовый сосуд, помещенный, в свою очередь, в обломок глиняного. Клад из с. Подгорцы — небольшой комплекс,

Р и с. 63. Сравнение двух моделей группировки кладов.

состоящий из трех предметов украшений, которые были сложены в один глиняный сосуд, закопанный на берегу реки. Нельзя исключить, что три последних клада имели, как и галичский, *вотивный* характер. В то же время они могли быть и просто *спрятанными сокровищами.* Их я включаю во второй подкласс класса, представленного галичским кладом (рис. 63). Этот класс можно назвать *«вотивно-парадным»*, а его подклассы — *«вотивными»* (а) и *«парадно-бижутерийными» (б).*

В результате вместо четырех независимых классов, обычных в прежних классификациях (рис. 63 верх), получилось два, совершенно иного характера (рис. 63 низ), внутри которых выделяются соподчиненные подклассы. Проделанная работа показывает, кроме того, что при использовании предложенного мною метода оказывается несущественным, используются ли признаки искусственные или естественные, простые или сложные (таксономические признаки, по номенклатуре Балковского).

Более детальная, чем приведенная здесь, интерпретация кладов не входит в задачи моего исследования. Интенсивное применение компьютеров позволит, на мой взгляд, провести детальный анализ громадного количества (около 3000) всех пар связей выделенных здесь признаков. Это позволило бы для кладов эпохи бронзы создать модели классов, отражающие реальность практически изоморфно.

Полученный мною результат, как мне представляется, более адекватен реальной картине функций и назначения кладов эпохи бронзы, чем прежние классификации. Поэтому, как можно надеяться, открывается возможность выяснить цели и условия помещения этих комплексов в землю.

10. Возможности и перспективы. Изложенный выше подробным образом метод прошел апробацию и на совершенно ином археологическом материале, которым я прежде не занимался и особенностей которого я не знаю. В качестве «пробного камня» я взял работу Лебедева (1970) по типологии погребального обряда могильника викингов, результаты которой, как мне было известно, были одобрены и приняты специалистами.

Взяв вычисленные Лебедевым коэффициенты связи признаков, описывающих характерные черты погребального обряда могильника Бирки, я приложил к ним свой метод взвешивания признаков. В результате получились группы (типы), адекватные выделенным у Лебедева (1981:28).

Таким образом, метод доказал свою «работоспособность» и объективность, поскольку мною производилось взвешивание признаков, выделенных другим исследователем, и без обращения к их содержательной стороне.

Апробация метода на разных материалах свидетельствует о том, что он может быть применен при классификации и, вероятно, при типологических исследованиях археологических таксонов разных уровней: от самых простых (артефактов) до самых сложных (культур и культурных общностей). А помимо археологии предложенный метод взвешивания признаков, очевидно, мог бы найти приложение и в других научных дисциплинах.

Таблица 3

Автор	Уровень наблюдения	Уровень интерпретации
Э. Шантр		литейные мастерские, или тайники литейщиков
«Путеводитель по древностям ...»		клады личные, —»— купцов, —»— литейщиков
Ж. Дешелет		клады литейщиков, «просто клады»: а) вотивные, или религиозные приношения, б) тайники, или сокровища
В. Г. Чайлд		клады вотивные, —»— торговцев, —»— литейщиков, —»— домашние
О. Китлицова в энциклопедии Я. Филипа	клады сырья, —»— готовых изделий, —»— драгоценностей	клады вотивные, —»— товаров
О. Китлицова: 1970	клады сырья и лома, —»— браслетов	

Продолжение таблицы 3

Автор	Уровень наблюдения	Уровень интерпретации
Советская историческая энциклопедия (СИЭ 1965)	клады боевого и парадного оружия, —»— топоров, —»— серпов, —»— слитков меди, —»— украшений и т. д.	

Таблица 4

ВЫБОРКА АНАЛИЗИРУЕМЫХ КЛАДОВ

№ п/п	Место находки	Год находки
1	с. Авраамовка Днепропетр. р-на Днепропетр. обл	1880-е
2	с. Рыбаковка (б. Аджияск) Березанск. р-на Николаевск. обл.	1915
3	р. Айдар у г. Райгородка Луганск. обл.	1926
4	с. Антоновка Баштанск. р-на Николаевск. обл. (ингульский клад)	1964
5	д. Ерыклы Билярск. р-на Татарской АССР	1925 (?)
6	с. Батарейка Темрюкск. р-на Краснодарск. края	1965
7	ст. Бекешевская Лермонтовск. р-на Ставропольск. края (б. Кубанская обл.)	1877
8	с. Берислав Херсонск. обл.	1925
9	с. Бецилово Раздельнинск. р-на Одесск. обл.	1934
10	ст. Боргустанская Лермонтовск. р-на Ставропольск. края	1941
11	с. Бородино Тарутинск. р-на Одесск. обл. (б. Аккерманск. уезд Бессарабск. губ.)	1912
12	с. Бульбока Бендерск. р-на Молдавской ССР	1940-е
13	община Бэленеи, р-н Бужор, обл. Галация, Румыния	1963
14	с. Валя-Русулуй Фалештск. р-на Молдавской ССР	1956
15	пос. Верхне-Кизыльское Агаповск. р-на Челябинск. обл	1924
16	с. Туровское Галичск. уезда Костромск. губ. (галичский клад)	1835
17	ус. Дербедень Татарской АССР	?
18	с. Журавлинки Ольшанск. р-на Кировоградск. обл.	1929
19	ст. Зелевкинская Черкасск. обл.	1946
20	с. Ибракаево Стерлибашевск. р-на Башкирской АССР	?
21	Кабаковские хутора Полтавск. обл.	1914
22	с. Князе-Григорьевка Высокопольск. р-на Херсонск.	1865
23	с. Коблевка (тилигульский клад)	1856
24	ур. Козорезово, с. Привольное Баштанск. р-на Николаевск. обл.	1856
25	с. Колонтаево Богодуховск. уезда Харьковск. губ.	1890

Продолжение таблицы 4

№ п/п	Место находки	Год находки
26	дер. Коршуново Белохолуницк. р-на Кировск. обл. (б. Вятск. губ.)	?
27	ст. Костромская Лабинск. р-на Краснодарск. края	?
28	с. Лабойковка Царичанск. р-на Днепропетровск. обл.	до 1940
29	дер. Миловка Уфимск. р-на Башкирской АССР	1883 (?)
30	с. Ново-Григорьевка Вознесенск. р-на Николаевск. обл.	1914
31	Ново-Павловская волость Павлоградск. уезда Екатеринославск. губ.	до 1905
32	г. Орехов Запорожск. обл.	1967
33	с. Павловка Аккерманск. уезда Бессарабск. губ.	1891
34	г. Пицунда (мыс Пицунды) Абхазск. АССР	1935
35	с. Подгорцы Киевск. губ.	1889
36	с. Привольное Медвеженск. уезда Кубанск. обл.	1894
37	с. Рышешти, р-н Хуши, обл. Яссы, Румыния	1949
38	г. Ростов-на-Дону	1963
39	с. Рэдени, обл. Яссы, Румыния	?
40	ст. Самарская Ростовск. обл.	1963
41	дер. Скакун Землянск. р-на Воронежск. обл.	1891—1892
42	с. Солонец Цюрупинск. р-на Херсонск. обл.	1956
43	с. Сосновая Маза Хвалынск. уезда Саратовск. губ.	1901
44	с. Сосновка Чигиринск. уезда Киевск. губ.	1896
45	с. Текиргиол, Румыния	1959
46	ур. Ульми-Литени, с. Белчешть, р-н Хырлэу, обл. Яссы, Румыния	1956
47	с. Ульяновка Еланецк. р-на Николаевск. обл.	1959 (?)
48	с. Христич Сорокск. р-на Молдавской ССР	1961
49	ур. Чорань, с. Туфешть, р-н Аджуд, обл. Бэкеу, Румыния	1956
50	балка Щетково в Херсонск. губ. (Кировоградск. обл.)	1893

Таблица 5

Поле «сырых» признаков, подлежащих анализу

№ п/п	Наименование признаков
	Наличие в составе клада:
1	орудий труда
2	украшений
3	слитков
4	лома

Продолжение табл. 5

№ п/п	Наименование признаков
5	предметов бытового обихода
6	оружия
7	культовых вещей
8	1—2 кельтов
9	3—4 кельтов
10	свыше 4 кельтов
11	1 топора
12	3—4 топоров
13	свыше 4 топоров
14	1—2 экземпляров оружия
15	3—5 экземпляров оружия
16	свыше 5 экземпляров оружия
17	1—5 серпов
18	6—7 серпов
19	10—11 серпов
20	свыше 11 серпов
	Вес клада:
21	до 30 кг
22	свыше 30 кг
	Наличие в составе клада:
23	намеренно разбитых вещей
24	2—10 вещей
25	11—20 вещей
26	более 20 вещей
27	более трех отделов вещей
	Преобладание в составе клада:
28	культовых вещей
29	орудий труда
30	оружия
31	украшений
32	предметов бытового обихода
33	лома
34	слитков
35	Наличие в составе клада вещей, достоверно бывших в употреблении (исключая лом)
36	Клад, состоящий целиком из новых вещей
37	Клад, состоящий преимущественно из новых вещей
38	Клад, состоящий целиком из целых вещей

Продолжение таблицы 5

№ п/п	Наименование признаков
	Наличие в составе клада:
39	брака производства
40	неметаллических вещей
41	«полуфабрикатов»
42	Клад, состоящий преимущественно из «полуфабрикатов»
	Наличие в составе клада:
43	формованных слитков
44	«лепешек»
45	разбитых «лепешек»
46	целых слитков
47	разбитых слитков
48	вещей, бывших в ремонте
49	Клад, в составе которого одна из категорий вещей преобладает
50	Клад, найденный на поселении
	Находка клада на расстоянии:
51	до 4-х км от реки, пригодной для плавания древних судов
52	до 30 км —»— —»— —»— —»— —»— —»— —»—
53	свыше 30 км —»— —»— —»— —»— —»— —»—
54	Клад, состоящий из вещей одного центра производства
55	Клад, содержащийся в сосуде
56	Находка клада в густом скоплении кладов (свыше 1 на 1 тыс. кв. км)
57	—»— —»— в горных или предгорных районах
58	—»— —»— в степной зоне
59	—»— —»— в лесостепной зоне
60	—»— —»— в лесной зоне
61	—»— —»— в границах очага металлообработки
62	—»— —»— в сфере влияний очага —»— —»— —»— —»—
63	—»— —»— во внутренней половине сферы влияния —»— —»—
64	—»— —»— во внешней части сферы влияния —»— —»—
65	—»— —»— на расстоянии 1 недели пути от очага —»— —»—
66	—»— —»— на расстоянии 1 месяца пути —»— —»— —»—
67	—»— —»— на расстоянии более месяца пути —»— —»— —»—
68	—»— —»— в зоне границ археологических культур
	Клад, состоящий из вещей:
69	только культовых
70	только практического назначения
71	и культовых, и практического назначения
72	Наличие в составе клада вещей из драгоценных материалов

Продолжение таблицы 5

№ п/п	Наименование признаков
	Клад, состоящий из:
73	практически синхронных вещей
74	вещей одной категории
75	вещей 2—6 категорий
76	вещей более 6 категорий
77	Наличие в составе клада вещей, отлитых в одной форме

Таблица 6

№ признаков \ № кладов	1	3	4	6	8	18	22	27	32	40	43	45	48
1	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×
22	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	×	—	—
44	—	×	×	×	×	×	×	×	—	×	×	×	×
45	—	×	×	×	×	×	×	×	—	×	×	×	—
70	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×

Таблица 7

№ признаков \ № кладов	1	3	4	6	8	18	22	27	32	40	43	45	48
21	×	×	—	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×
30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
35	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	—	×
40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
72	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для меня важна здесь не полнота системы, а только полнота принципов для системы.

И. Кант (I. Kant 1964: 176).

1. Итоги

Я заканчиваю эту книгу с двойственным чувством — испытывая и удовольствие и неудовлетворенность.

Я доволен тем, что покидаю эту тему лучше освещенной, чем она была, когда я за нее брался. Я собрал, проработал и использовал всю основную теоретическую литературу по археологической типологии и смежным темам. Кажется, мне удалось преодолеть некоторые главные трудности этого дела, распутать самые сложные узлы и предложить работоспособную программу. Во всяком случае, это, насколько я могу судить, новый для археологии подход.

Выявление связи между разными аспектами одного явления — культуры — и увязка на этой основе разрозненных методик позволили полнее и глубже понять культуру как предмет археологического изучения.

Новой в теории является сформулированная здесь системно-культурная стратегия группировки (классификации). Впервые представлена развернутая система основных типологических понятий археологии — многорядная и семиэтажная. Надеюсь, что пересмотр основных параметров археологии также окажется полезным. Сформулированные здесь «принципы невозможности» и «законы сохранения» призваны придать больше строгости исследовательскому рассуждению в археологии.

Моя неудовлетворенность связана с тем, что у меня не хватило времени и сил самому испытать монографически эту программу на конкретном материале, а этюды, предпринятые моими учениками, не вполне последовательно и полно ее реализуют, так как были начаты задолго до окончания основного текста этой книги. Они запланированы под влиянием идей, сформулированных тогда еще не столь отчетливо, как сейчас, и далеко не столь развернуто. Поэтому представленные здесь этюды, при всей самостоятельной ценности, все же для целей данной книги остаются частными иллюстрациями отдельных идей, эскизами, и лишь ориентируют в задуманном направлении, но не могут сойти за готовые эталоны типологий, предполагаемых новым подходом. Я не могу даже обещать читателю, что через несколько лет проделаю такую работу. Нет у меня таких планов: слишком сильно меня влекут к себе другие проблемы теоретической археологии, и я буду работать над ними.

2. В системе общей теории

Археологическая типология в моем представлении является частью общей теории археологии — должна поддерживаться и обосновывается содержанием других частей, равно как в ней они должны находить опору. Ее включенность в корпус общей теории археологии существенна для ее собственной прочности и значимости. Поэтому разработка остальных частей общей теории представляется мне не менее важной, чем реализация какой-то из них в конкретных исследованиях. Теоретические разработки на других участках я вел параллельно с подготовкой «Типологии» и намереваюсь их продолжать.

Структуру общей теории археологии я представляю себе членимой на-трое: *параархеологическая* теория устанавливает вне археологии закономерности, приложимые к целостным объектам и процессам прошлого, оставившим материальные следы и интересующим археологию; *эндоархеологическая* теория нацелена на сами эти следы, на познание специфики археологического материала и выработку способов продвижения от него к оставившим его целостным объектам и процессам прошлого; *метаархеологическая* теория имеет предметом не археологический материал, а саму археологическую науку и, обобщая ее особенности и развитие, а также используя опыт науковедения и результаты философии, предписывает методологические принципы работы.

Метаархеологическая теория определяет предмет археологии (Клейн 1977 г; 1978в; 1986), ее методологическую природу, строение и характер археологического факта (Викторова 1975; Шер 1985), вникает в суть археологической теории (Клейн 1978а; 1979б; 1980), оценивает значение археологии и устанавливает ее связи с другими науками. Между тем в предмет археологии входит ключевым компонентом культура. В этом находит свое обоснование ориентировка археологической типологии на выявление культурных типов. Большое значение для выбора разумных способов классификации приобретает философский вопрос о реальности и объективности ее ячеек. Устанавливая методологическую природу археологии — ее соотношения закономерного со случайным, теоретического с эмпирическим и т. п., мы тем самым в большей мере обусловливаем характер классификации. Делимость археологического факта также предопределяет во многих аспектах классификацию — ее возможности, условия и задачи.

В параархеологическую теорию войдут: теория культуры (Клейн 1987а), социологические модели, теория исторического процесса теория этноса (Klejn 1981в).

Археологические приложения и модификации этих теорий имеют свою специфику, и археологическая типология не остается в стороне от их воздействия. Если целью археологической типологии является выявление культурных типов, то естественно, что строение культуры, соотношение в ней норм со свободой выбора, стереотипов с новациями и т. п. крайне важно для понимания типов. Этнокультурные различия служат основой археологической систематики, а периодизация культурно-исторического процесса может быть рассмотрена как культурная классификация, развернутая во времени.

В эндоархеологическую теорию должны войти: выяснение сущности, состава и познавательного потенциала археологических источников (Клейн 1978 г), разработка археологической типологии (Клейн 1979; 1982; 1987 б), проблематика хронологии и культурной эволюции, особенно теория секвенций, теория системы археологических культур (Клейн 1972; 1975в; 1981а; 1981б) и модели происхождения археологической культуры. Эти теории (и их ответвления — археологические теории миграций, диффузии и т. п.) образуют основу для теоретического определения роли археологии в решении проблем этногенеза (Клейн 1978д, 1988, Klejn 1981а).

Вне всего этого комплекса строений здание археологической типологии представляется мне незавершенным и недостаточно устойчивым.

Таковы некоторые причины, по которым я предпочел продолжить теоретические разработки на других участках вместо того, чтобы заняться реализацией построенной теории в конкретных исследованиях.

3. Vingt ans après

Да, я помню, что у многих, так же как у Кригера, есть «предубеждение против теоретиков, не способных продемонстрировать свои рекомендации действительной проработкой материала» (Krieger 1960: 145). Но мне незачем ссылаться в оправдание на Эйнштейна, который долго не мог продемонстрировать свою теорию относительности на практике — на это ссылается Чжан Гуанчжи (Chang 1967: 84). Ближе к нам, в археологии, Вале выдвинул в 1941 году идею несовпадения археологической культуры с этносом (Wahle 1941), а в 1950 году Эггерс и Вале сформулировали новые принципы соотнесения этих общностей и новую программу исследований (Eggers 1950; Wahle 1950—1951). Но только через 20 лет после Вале три других исследователя реализовали эти принципы в конкретном монографическом исследовании (Hachmann, Kossack und Kuhn 1962) и лишь через 20 лет после Эггерса один из них применил эту программу к решению задачи, отвечающей характеру программы (Hachmann 1970; ср. Klejn 1974). Новаторская книга У. Тэйлора появилась в 1948 г., а полную реализацию его «сопрягательный» и контекстный подход нашел только у других археологов через 20 лет — в «археологии поселений» 60-х годов (ср. Chang 1968). Я могу лишь высказать надежду, что мне не придется ждать еще 20 лет, чтобы увидеть хотя бы частичную реализацию своей программы. Этюды моих учеников поддерживают эту надежду.

Оглядываясь назад, я с удивлением замечаю некоторую периодичность в появлении крупных или влиятельных работ по археологической типологии. Примерно через каждые 20 лет появлялась такая работа или сразу несколько.

В 1960 г. это важные работы Клакхона, Кригера, Сполдинга и Рауза (Kluckhohn 1960; Krieger 1960; Spaulding 1960 a, 1960; Rouse 1960), а также большая работа Килиана о культурах (Kilian 1960). Почти тогда же появился капитальный труд Мальмера с усовершенствованием типологического метода Монтелиуса (Malmer 1962). Двадцатью годами раньше вышли «Статистическая классификация» Кребера (Kroeber 1940) и теоретическая декларация Клакхона (Kluckhohn 1940), а за год до них появилась знаменитая книга Рауза с рядом новых положений (Rouse 1939). Около 1920 г. находим работу Кребера о порядке в культуре в связи с законами эволюции моды (Kroeber 1919) и размышления Городцова о культурной классификации (Городцов 1923а, 1923б). На рубеже веков застаем спицынскую инструкцию по разборке и сортировке археологического материала (Спицын 1898) и знаменитые развернутые изложения типологического метода Монтелиуса (Montelius 1900, 1903). Опустившись еще на 20 лет глубже, обнаруживаем первые формулировки типологического метода (Montelius 1881, 1885 с рукописи 1878 г. — ср. Gräslund 1974 : 225, 237) и метода комбинации комплексов (S. Müller 1876, 1884).

Во всяком случае первая работа с подзаголовком «Типологические штудии» появилась ровно за сто лет до моей книги (Montelius 1880—1882). Промерив время от этого пункта двадцатилетними шагами к нашим дням (1880—1900—1920—1940—1960—1980), мы находим, что была самая пора сделать очередной шаг. Таким образом, моя книга должна оказаться своевременной. Примечательно, что одновременно с ее первым, оксфордским изданием (1982) появился солидный сборник кэмпсвильского семинара «Исследования по археологической типологии» (Whallon and Brown 1982) со статьями Сполдинга, Ходсона, Кауджилла, Рида и др.

В науковедении уже подмечено, что несмотря на бурную интенсификацию исследований и экспоненциальный рост многих параметров науки

принципиальные теоретические нововведения появляются в простой линейной прогрессии (Яблонский 1977: 76—78). Интервалы между ними туго поддаются сжатию и весьма постоянны, по крайней мере для каждой крупной эпохи и каждой отрасли. Наша константа (20 лет), видимо, как-то связана с отмеченной выше обычной задержкой в практической реализации новых теоретических положений. Необходимо полное выявление потенций нового подхода, чтобы проявились его слабости и ограниченность, чтобы обнаружились неподвластные ему факты, прежде чем будет осознана потребность в следующей смене стратегий.

Из чего складывается это двадцатилетие? Несколько лет уходит на путешествие литературы к читателю, чтение и обсуждение. Появление рецензий свидетельствует о том, что этот этап завершен. Еще несколько лет требуется на изменение планов опытных работников и подготовку молодых исследователей для новой программы. Далее ряд лет занимают проведение по ней экспедиций и первичная обработка добытых материалов. Когда начинается обобщение практической реализации, трудности проступают сразу, и параллельно с обобщающей работой практиков теоретики начинают искать новые пути. На это уходит немало времени, и еще несколько лет у тех и других займет продвижение результатов в печать.

Все это так же трудно сейчас, как сто лет назад. Отсюда совпадение сроков. Возможно, некоторую роль играет и накопление изрядного психологического контраста между генерациями исследователей, а то и попросту достаточно радикальное биологическое обновление научной популяции для отхода от прежней теоретической установки. Смена мушкетерам приходит «Двадцать лет спустя».

Дожить бы до следующего рубежа, чтобы увидеть, широко ли использованы родившиеся сейчас идеи в археологии 2000 года. Конечно, это зависит главным образом от того, окажутся ли предложенные идеи плодотворными. Но немного также от того, сумеют ли идущие на смену понять и оценить.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Предлагаемый здесь словарь терминов делался уже после того, как текст книги поступил в печать. В раскрытие некоторых терминов внесены уточнения и усовершенствования по сравнению с изложением по главам. Поэтому в случаях расхождений нужно отдавать предпочтение словарной экспликации.

Словарь построен не в алфавитном порядке (для поисков по алфавиту приложен указатель), а следуя логике общего структурального обзора системы понятий: от более фундаментальных к производным, от общих к частным, кое-где — от простых к сложным, от материала к интерпретации.

Этот словарь не представляет собой сводку различных версий той или иной экспликации и не содержит версий, предлагавшихся теми или иными авторами и приведенных в предшествующих главах. По возможности учтено общепринятое или наиболее прочно утвердившееся и широко распространенное словоупотребление (приложены все старания как можно меньше от него удаляться). Но это не всегда оказывалось возможным: словарь задуман как единая система предложений нормативного характера, соответствующая основным идеям книги, собственной теоретической концепции автора. Для теоретической концепции и для терминологии желанными достоинствами оказываются противоположные и трудносовместимые качества: хорошо, чтобы концепция о б н о в и л а науку; хороша у с т о й ч и в а я терминология. А чем оригинальнее концепция, тем труднее обойтись в ее разработке традиционным набором терминов.

В экспликации некоторых общепринятых обозначений предложены сдвиги границ (сужения, расширения объема и т. п.); относительно некоторых многозначных терминов осторожно отмечена предпочтительность одного из значений, а для других значений даны дополнительные термины. В систему введены отдельные термины, предложенные другими авторами (Д. Кларком, К. А. Мубергом, В. С. Бочкаревым и др.) и не вошедшие в широкий обиход; они не всегда использованы здесь в том же смысле, что у их творцов. Термины, введенные впервые здесь, отмечены звездочкой*.

В распоряжении археологов есть не только моя система понятий, она — не единственная в современной археологии, и я хорошо представляю, что не каждый археолог предпочтет мою. Поскольку многие термины, применяемые в других системах, — те же, что здесь, но значения их часто иные, может возникать путаница, разве что в каждом случае будет приводиться дефиниция или ссылка на нее. Конечно, любой текст окажется перегружен ссылками и объяснениями терминов, если все термины, отклоняющиеся от традиционных, придется сопровождать полными отсылками или тотчас разъяснять. С другой стороны, есть всего стопка книг, специально посвященных типологическим понятиям и содержащих систему дефинированных терминов. Поэтому я предлагаю приписать каждой из этих систем специальный буквенный символ, и тогда исследователи смогут указывать свой источник термина (и подразумеваемую дефиницию) путем добавки (надписывания) символа к термину. Чтобы не путать такие символы с обычными обозначениями типов буквами и цифрами (например, «тип В»), символ, обозначающий систему, должен быть поставлен выше строки, как в математике обозначение степени. Например, «мод^{R}» будет означать «мод в смысле Рауза» (вместо ссылки на эту книгу или вместо цитирования дефиниции оттуда), «попу-

ляция^{C}» будет означать «популяция, как это понятие употреблял в своей книге Дэвид Кларк», и т. д. Это сбережет место и облегчит точное понимание. Вот список наиболее употребительных источников (с обозначениями):

C — Clarke D. L. Analytical archaeology. London, Methuen, 1968.

D — Dunnell R. C. Systematics in prehistory. New York — London, Free Press — Collier — Macmillan, 1971.

G — Gardin J.-C. Archaeological constructs. Cambridge University Press, 1980.

M — Malmer M. P. Jungneolitische Studien. Bonn-Lund, Habelt-Gleerup, 1962.

R — Rouse I. Introduction to prehistory: a systematic approach. New York, McGraw — Hill, 1972.

Для этой моей книги предлагаю символ «K».

Я прекрасно понимаю, что моя система понятий и терминов чрезвычайно громоздка, и, пожалуй, она производит впечатление слишком детализированной, возможно, переусложненной. Но, по крайней мере, она имеет ясную и единую структуру, тщательно продумана и открыта добавлениям, поправкам и упрощениям. Во многих частях она может показаться слишком развернутой, слишком развитой, если иметь в виду практические нужды археолога, чересчур изобилующей узкими понятиями и новоизобретенными терминами. Понимание их, не говоря уж о применении, требует скрупулезного разбора, нередко воспринимаемого археологами как заумь. Но при внимательном рассмотрении предлагаемой системы читатель заметит, что понятия расположены в ней ярусами, все более развернутыми, и он всегда может выбрать ярус, подходящий для его нужд — емких понятий или более специфических и узких.

И вполне может быть, что как-нибудь в своих занятиях при типологическом препарировании своего материала, встретившись с задачей глубокой разработки какой-то сферы или испытывая методы исследования, читатель приятно удивится, найдя необходимые понятия и термины готовыми в моей системе. Система, как я надеюсь, содержит кроме понятий и терминов для немедленного практического применения также и такие, в которых сейчас у нас нет срочной нужды, но которые можно рассматривать как заготовленные впрок и хранимые для последующего развития нашей дисциплины. Может быть, они даже смогут стимулировать такое развитие.

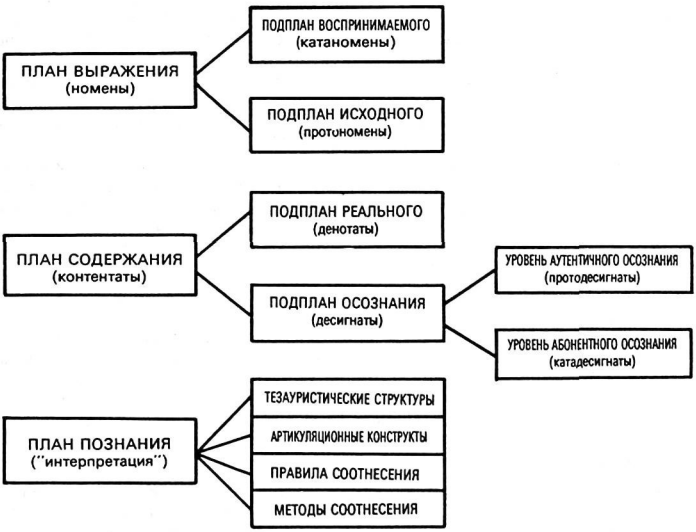
В то же время я понимаю, что в системе могут оказаться лакуны, пропуски, главным образом потому, что она задумана не как общая система теоретических терминов для археологии, а скорее как ее часть: включены только термины, необходимые для типологии и классификации. Поскольку я намереваюсь также построить и другие части общей системы, оставлены в стороне некоторые группы понятий и терминов, которые в ином случае было бы желательно рассмотреть здесь, например, относящиеся к развитию и локализации типологических объектов. Ну а периодизация и хронология, картографирование и т. п. должны получать собственные развитые системы взаимосвязанных понятий и терминов. Так что здесь я опустил их, надеясь когда-нибудь разработать их тоже.

В систематизации понятий здесь сочтено наиболее удобным применить семиотический подход, успешно работающий в структурной лингвистике. В группировке вещественного материала для последующей обработки и историко-культурного осмысления перед археологами стоят аналогичные задачи — восприятие и описание вещей как источников информации и, следовательно, как знаковой системы, как языка, проблема понимания этого языка («языка вещей»), проблема перевода (на дру-

гие языки), проблема дешифровки (поскольку код утерян). Отсюда расположение понятий здесь — по трем планам: плану выражения, плану содержания (семантическому) и плану познания («интерпретации»). Разумеется, специфика археологии требует существенной модификации как организационной схемы структурной лингвистики, так и понятий, составляющих эту схему.

1. Семиотические понятия метаархеологии

ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ — совокупность и сфера действия материальных носителей археологической информации. В семиотике таким носителем считается материальная основа знака — о з н а ч а ю щ е е, н о м е н (букв. имя). Это материальный, чувственно воспринимаемый объект, который символически представляет обозначаемый предмет (тело, явление, свойство, отношение) и условно отсылает к нему. Степень близости



Р и с. 64. Семиотические понятия метаархеологии.

номена к обозначаемому предьету может быть разной — от такой, где предмет представляет самого себя, через такой, где он чем-то схож с ним, до такой, где их связь чисто условна. В языке таким носителем информации выступают звуки и письмена, в археологии — древние вещи. В отличие от языка они могли бы в принципе представлять и сами себя, а не только другие предметы. Поскольку, однако, в археологии древние вещи выступают в преобразованном виде — пострадавшими «от воздействия времени», они, строго говоря, не представляют сами себя, а план выражения распадается в археологии на два подплана:

ПОДПЛАН ВОСПРИНИМАЕМОГО* — совокупность и сфера действия *катаномен*ов* — дошедших до нас состояний, остатков и следов прежних номенов.

ПОДПЛАН ИСХОДНОГО* — совокупность и сфера действия *протономенов**, т. е. номенов в их прежнем, первоначальном состоянии — том, в котором они приобрели удержанную затем связь со своими означаемыми; это как бы катаномены, спроецированные на прошлое.

ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ — совокупность и сфера действия содержимых (*контентатов**) — тех реальных объектов (явлений, тел, свойств, событий, процессов, отношений), о которых передается информация, и понятий, которыми их схватывает сознание субъектов информационного процесса (информаторов и получателей). Между предметами и их отражением в сознании есть зависимость, но нет полного и обязательного соответствия. Из этой двойственности плана содержания вытекает его расслоение на два подплана:

ПОДПЛАН РЕАЛЬНОГО* — совокупность и сфера действия означаемых *(денотатов)* — конкретных предметов или явлений объективной действительности (для археологии — реального прошлого).

ПОДПЛАН ОСОЗНАНИЯ* — совокупность и сфера действия *десигнатов* — понятий, концептов, идей, в которых аккумулируется смысл, суть денотатов.

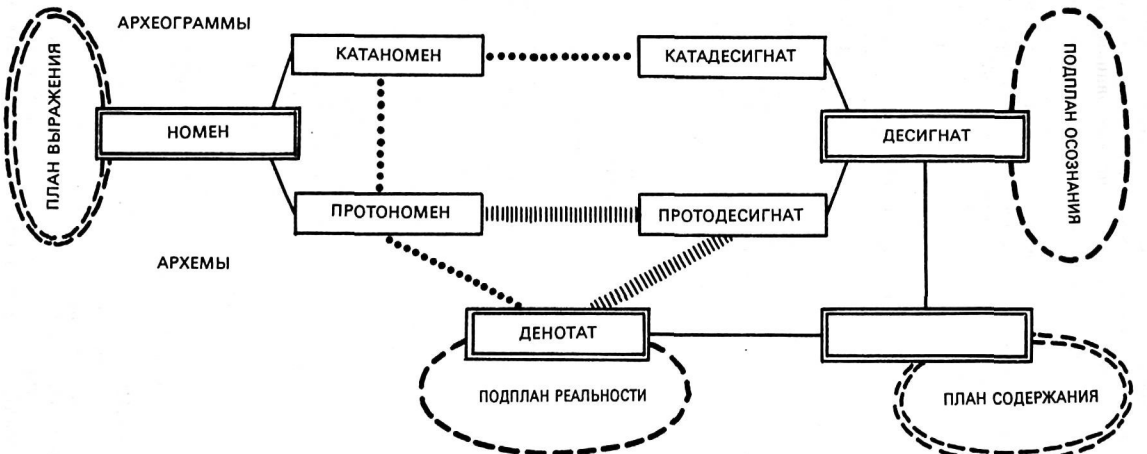
В ряде ситуаций (и археологические принадлежат к их числу) информаторы и получатели столь далеки друг от друга и столь чужды друг другу, что их десигнаты могут существенно различаться, и совмещение их становится трудной проблемой. Соответственно, подплан осознания распадается, в свою очередь, на два уровня:

УРОВЕНЬ АУТЕНТИЧНОГО* ОСОЗНАНИЯ — совокупность и сфера действия *протодесигнатов* — десигнатов, принадлежащих сознанию отправителей информации, т. е. сознанию субъектов (в археологии — древних людей), создавших протономены и вольно или невольно связавших их, соответственно своей системе десигнатов, с означаемыми (денотатами). В данном контексте аутентичное не равнозначно адекватному.

УРОВЕНЬ АБОНЕНТНОГО* ОСОЗНАНИЯ — совокупность и сфера действия *катадесигнатов* — десигнатов, принадлежащих сознанию получателей информации (в археологии — исследователей). Непосредственно катадесигнаты могут быть связаны только с катаноменами, а с денотатами их связь — опосредованная, через протономены, частично опирающаяся на стороннюю информацию.

ПЛАН ПОЗНАНИЯ («ИНТЕРПРЕТАЦИИ») — совокупность и сфера действия вторичной, исследовательской увязки (сопоставления и соотнесения) плана выражения с планом содержания — при отсутствии прямого знания их первичной увязки (т. е. соответствий, заложенных создателями номенов — отправителями информации). Средства этой увязки выступают как теоретические образования нескольких видов:

1) тезаурические структуры — схемы и ячейки, позволяющие организовать учет, хранение и розыск компонентов плана выражения и плана содержания, т. е. создавать предметный тезаурус;



Р и с. 65. Схема соотношений между семиотическими понятиями метаархеологии.

2) артикуляционные конструкты — идеальные объекты, которые, позволяя формулировать разные возможные соотношения компонентов плана выражения и плана содержания (внутренние для каждого плана и межплановые), в совокупности обеспечивают возможность описать реальные связи компонентов (совпадения, несовпадения, частичные совпадения и т. п.); к таким конструктам относятся охватывающие понятия, понятия для частей и пр.;

3) правила соотнесения — представления о регулярностях соответствия между компонентами разных планов, а также знания об условиях применимости этих представлений, оговорках и ограничениях, вытекающих из общих методологических установок и практики;

4) методы соотнесения — исследовательские операции и их организация в процедуры.

2. Некоторые из фундаментальных понятий археологии

КУЛЬТУРА — пластичная и многозначная фиксированная в нормах программа деятельности индивидов, формируемая, хранимая, накапливаемая и передаваемая обществом на основе общественной практики, в частности, и общественного производства. Она уделяется обществом каждому члену общества и гибко детерминирует индивидуальное поведение. Это особая система средств хранения и передачи социального опыта, превращающая его в орудие гибкого программирования обществом поведения индивидов и в орудие частичного предопределения жизни последующих поколений устоявшимся опытом предыдущих (традицией). Эта система средств отличает человека от других животных главным образом тем, что является искусственной, условной, допускает изрядную свободу выбора, сопряжена с символизацией. Конкретно эта система выражается в вещах, искусственных объектах, поведении, идеях и соматике людей (телесном облике). Ее продукты суть в то же время ее компоненты и ее орудия. Системность носит организационный характер и выражается в функциональных связях между компонентами культуры, в частности, и в *функциях* вещественных объектов.

Культура — фундаментальное понятие ряда наук, в том числе археологии.

АРТЕФАКТ — конкретный вещественный объект, т. е. материальный объект, сделанный человеком в соответствии с нормами *культуры*. Букв.: нечто искусственно (arte-) сделанное (-actum). Понятие сформировано следующими признаками:

1) материальность, вещественность,

2) искусственность (изготовленность человеческим трудом, производством),

3) культурная нормативность (обусловленность и подчиненность облика предмета системе норм культуры),

4) отдельное значение, обособленность, известная самостоятельность в прежнем функционировании.

В археологии термин появился в XX в. в связи с растущей специализацией археологии, отделением ее от сугубо гуманитарных наук и с необходимостью выработки собственных фундаментальных понятий.

Строго говоря, артефакт — не чисто археологическое понятие, оно подходит любому изучению вещественной культуры (этнографии, истории материальной культуры, истории техники, искусствоведению и т. п.), но преимущественно используется археологами. Используется для обозна-

чения конкретных вещественных культурных объектов. Благодаря самостоятельности значения артефакт оказывается центральным среди *конкретов*: прочие рассматриваются либо как его части и элементы, либо как его сочетания с другими и, соответственно, предстают производными понятиями.

Последовательная реализация и абсолютизация этой центральной роли понятия на основе связи объекта и самостоятельной *функции* приводит к тому, что на практике понятие применяется с дополнительными ограничениями: так обозначаются только орудия, оружие и украшения, но не сооружения, заготовки, отходы производства и т. п. То есть если в теории бытует употребление термина в широком смысле (в сущности так может быть обозначен любой конкретный собственно *археологический*, культурный объект самостоятельного значения), то на практике — в узком смысле (портативный искусственно сделанный предмет самостоятельного функционального назначения). Широкий смысл является предпочтительным, так как для узкого есть другие термины: *вещь* и (еще уже) *изделие* (в англ. — specimen).

Артефакты (в широком смысле) бывают двух видов: *вещи* и *сооружения*.

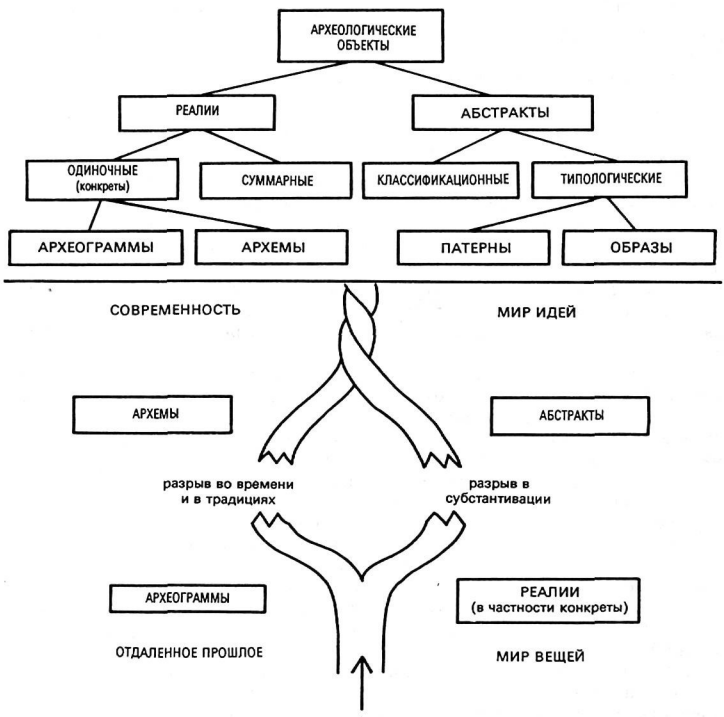
ИСТОЧНИК (англ. record) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ — древний вещественный (т. е. культурный материальный) источник информации; вещественный объект, относительно которого информация о его функциях и связях в культуре, о близко родственных ему объектах утрачена или сильно пострадала и трудно поддается восстановлению (для восстановления требуется особая система методических средств). В обиходе принято прилагать обозначение «археологический источник» к каждому конкретному вещественному объекту по отдельности, но нет теоретических препятствий к тому, чтобы это обозначение прилагалось и к совокупностям вещественных объектов. Вообще в исследованиях это понятие фигурирует обычно в грамматической форме множественного числа: «археологические источники».

Основная специфика археологических источников (как источников информации о далеком историческом прошлом) заключается в том, что нить понимания их информации разорвана дважды — в традициях (разрыв между далеким прошлым и нашим временем) и в объективации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми оперирует наука). Этот двойной разрыв создает значительные трудности познания и вызывает необходимость выделения этих источников в особую категорию, которой ведает специальная наука — археология.

Для того, чтобы справиться с указанными двумя разрывами, нужно их отчетливо выявить, понятийно обозначив разомкнутые концы нити — сопоставимые явления по обе стороны разрыва. Для временно́го разрыва это оппозиция: *археограмма — архема,* для разрыва в объективированности это оппозиция: *реалия* (в частности *конкрет*) — *абстракт*.

Информационная природа археологических источников позволяет приложить к ним семиотическое членение, выработанное структурной лингвистикой: в них можно различить план выражения, план содержания и план познания.

Это одно из фундаментальных понятий археологии. Им выделяется главное средство обеспечения археологических исследований базой фактов. На его основании возникают производные понятия, и ближайшее производное — *археологический объект*.



Р и с. 66. Объекты археологии. Общие понятия.

3. Обозначения объектов. Общие понятия[1]

ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ — обособленный объект, подлежащий ведению археологии. Так он обозначается в ситуациях общего и первичного рассмотрения (с использованием общенаучного термина «объект» и отраслевой спецификации «археологический»). Это понятие шире понятия *«археологический источник»*, так как включает в себя не только вещественные объекты, служащие первичными источниками информации о далеком прошлом, но и производные объекты, создаваемые самой археологией в процессе познания.

По объективированности археологические объекты распадаются на *реалии* и *абстракты*.

РЕАЛИЯ (в археологии) — конкретный обособленный *объект*. Реалии различны по структуре — они распадаются на *одиночные* (или *конкреты*) и *суммарные*.

РЕАЛИЯ ОДИНОЧНАЯ — см. *конкрет*.

РЕАЛИЯ СУММАРНАЯ — реалия, состоящая из совокупности *конкретов*, связанных друг с другом по сходствам, т. е. группа конкретов (см. *группа*). Лежит в основе *абстракта*.

КОНКРЕТ* — конкретный одиночный *археологический объект*, одиночная *реалия*. По структуре конкрет может быть *цельным* (воспринимается как один предмет) или *составным* (воспринимается как сочетание сравнительно самостоятельных предметов, пространственно и функционально взаимосвязанных). Из конкретов состоят *суммарные реалии*. Получается два вида структурных связей между конкретами: связи цельных конкретов внутри составных (по контактности) и связи любых конкретов в соответствующих суммарных реалиях (по сходствам).

В современной культурной практике конкрет предстает как *археологический памятник* (в широком смысле), в изучении отдаленного прошлого — как *археологический источник*. В подходе к конкрету как к археологическому источнику есть два этапа: на первом анализируется его материальная основа, облик (план выражения), на втором — сопряженная с этой основой информация (план содержания). В свою очередь, план выражения анализируется двумя этапами: на первом конкрет рассматривается в его современном состоянии (подплан воспринимаемого), на втором проецируется на прошлое (подплан исходного). В зависимости от аспекта рассмотрения (помещают ли при этом объект в современную действительность или в прошлое) конкреты предстают в археологическом исследовании либо как *археограммы* (катаномены), либо как *архемы* (протономены).

По полноте отражения функциональных связей (в древней культуре) и, следовательно, по богатству культурно-познавательных возможностей, предоставляемых объектами исследователю, различимы семь уровней конкретов. Виды конкретов, выражающие эту иерархию, образуют «натуральный ряд археологии»: *след — фрагмент — деталь — артефакт* (целый предмет) — *стратема — комплекс — памятник*. На каждом уровне конкреты предстают в суммарных реалиях. На этой основе выработаны соответствующие *абстракты*.

АРХЕОГРАММА — *конкрет*, рассматриваемый как часть современной действительности, т. е. взятый в плоскости современного описания, отрешенно от утраченных этим конкретом прежних качеств и прежних связей (это катаномен).

[1] Все, за исключением первого и последнего, относятся к плану выражения.

Полевая археология, камеральная обработка, лабораторные анализы, консервация и дескриптивная археология имеют дело именно с археограммами.

На уровне археограмм у артефактов семь *параметров*: три собственных (форма, физико-химические характеристики, локализация в пространстве) и четыре реляционных (схожесть, сочетание в комплексе, стратиграфическая позиция, расположение на древней дневной поверхности к моменту обнаружения). Все параметры археограмм непосредственные, эмпирически регистрируемые.

АРХЕМА* — *конкрет,* рассматриваемый как часть прошлой действительности, как бы спроецированный на прошлое — с соответствующим мысленным восстановлением утраченных качеств и связей (протономен). Архемы — это непосредственные материальные результаты исторических событий и процессов, материальные остатки и следы участвовавших в этих событиях и процессах предметов, мысленно фиксированных в момент отложения, аккумулировавшие в себе время их бытования в культуре.

Хронология, эволюционная типология, исторические реконструкции имеют дело именно с архемами.

На уровне архем у артефактов все *параметры* выводные. Их пять, из них три собственных (материально-технические характеристики, включающие исходную форму, исходное состояние вещества и технологию изготовления, предполагаемая функция и древняя локализация в пространстве и времени) и два реляционных (схожесть, сочетание в комплексе, понимаемое как соучастие и позиция в контексте).

АБСТРАКТ* — идеальный *археологический объект,* сформированный в *группировке* путем обобщения *суммарной реалии,* т. е. совокупности *конкретов* определенного вида, с абстрагированием от их конкретности, и суммарно отображающий реальность. Принадлежит к плану познания, примыкая в нем к содержательному подплану осознания (катадесигнатам).

По структуре групп представляющие их абстракты делятся на *классификационные* и *типологические* (на уровне артефактов классификационный абстракт — критерий класса). В свою очередь типологические абстракты делятся на две разновидности: *патерны* и *образы.* По соотношению же идей исследователя с реальностью и древним культурным смыслом все типологические абстракты представлены в трех разновидностях: *эмпирические, условные* и *культурные.*

Поскольку конкреты располагаются на семи уровнях, типологические абстракты тоже конструируются на семи уровнях интеграции — соответственно тому, чего каждый из семи видов конкретов, определяющих эти уровни, позволяет достичь в идеализации. Таким образом, в типологии иерархия основных видов абстрактов насчитывает семь ступеней: *черта* (элемент) — *мод* (модификация) — *мерон* — *тип* — *горизонт/серия* — *археологическая культура* — *надкультурное образование* (культурная формация).

Это не иерархия однопорядковых *таксонов,* ибо здесь прослеживается повышение уровня интеграции, тогда как там всего лишь рост объема понятий (расширение охвата объектов). Но каждое из звеньев данной иерархии может послужить и звеном в иерархии таксонов соответствующего порядка (например, ***«культура»*** в ряду: *вариант культуры — культура — группа культур).*

4. Терминология плана содержания

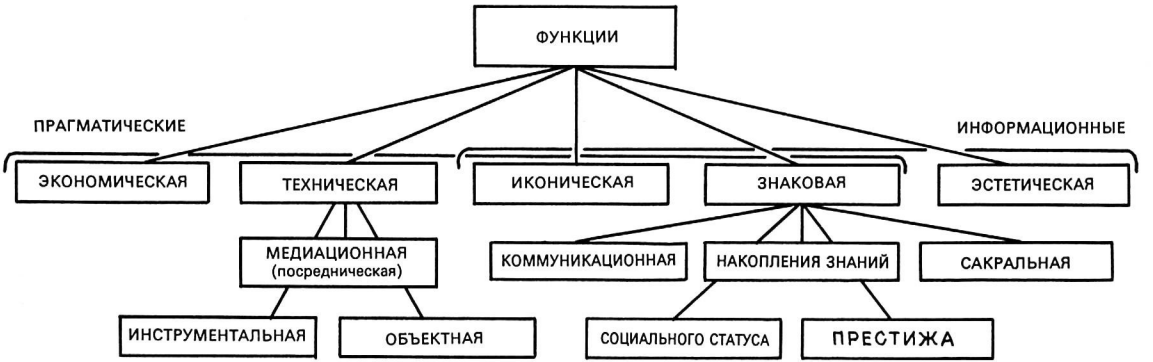
СМЫСЛ КУЛЬТУРНЫЙ АРХЕМЫ — место архемы в целостной системе социокультурных связей; совокупность всех связей архемы в этой системе — непосредственных и косвенных; роль объекта (*артефакта, типа, признака* и т. п.) в культурной системе, содержание и смысл этой роли. Определяется качественно.

ЗНАЧЕНИЕ АРХЕМЫ — совокупность непосредственных социокультурных связей архемы, реализованная в совокупности ее характеристик. Эти связи обусловлены целями, которые сознательно или подсознательно преследовал создатель архемы (изготовитель изделия и т. п.), налагая эти характеристики на предмет, и ориентирами, с которыми он считался и к которым приноравливался. Эти цели и ориентиры различаются по их весомости, масштабности в формировании облика архемы, по их важности для формирования и по очередности выборов решений, диктуемых ими в ходе изготовления архемы. Соответственно, обусловленные ими характеристики распределяются по нескольким структурным уровням или ступеням. Эти уровни — *функциональный, субфункциональный* и *экстрафункциональный.*

ЗНАЧИМОСТЬ КУЛЬТУРНАЯ — определенная влиятельность объекта (*артефакта, типа, признака* и т. п.) в культурной системе и степень этой влиятельности, т. е. наличие сигнала о том, что у объекта есть какое-то содержательное, смысловое *значение* в *культуре* и что оно настолько-то велико. Определяется количественно.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ	**ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ:** **экономические** **технические** **иконические** **знаковые** **эстетические**
СУБФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ	**КРИТЕРИИ:** **эффективности (эволюционный, прогресса)** **адаптационный**
ЭКСТРАФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ	**КРИТЕРИИ:** **везения** **популяционный**

Рис. 67. Уровни значения архем.



Р и с. 68. Формообразующие функции архем.

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ — первая ступень *значения архемы*. К этой ступени относятся те характеристики формы, которыми обеспечивается функциональное назначение артефакта (вещи или сооружения) — его принципиальное соответствие выполнению такой-то *функции*. Это значит, что

1) только при наличии некоторых из этих характеристик (одной или нескольких, определенного набора) выполнение данной функции данным предметом становится принципиально возможным, а без их наличия этот предмет не способен выполнять эту функцию вообще (невозможно, например, забить гвоздь носовым платком, рюмкой или иглой);

2) наличие данных характеристик делает предмет более подходящим для выполнения этой функции, чем другие предметы, известные той же культуре (забить гвоздь можно и гаечным ключом и топором, но молотком удобнее и экономичнее).

Характеристики первого рода — о б щ е ф у н к ц и о н а л ь н ы е, второго — ч а с т н о ф у н к ц и о н а л ь н ы е. Эта двоичность характеристик и взаимная близость многих функций — вот основа полифункциональности и гибкости функционального применения ряда предметов и возможной взаимозаменимости некоторых разнофункциональных предметов в нестандартных условиях.

По этой же причине невозможно жестко распределить характеристики формы на постоянные группы в соответствии с группировкой самих функций. В каждой культуре это распределение свое.

К функциональному уровню относятся также характеристики по в н е ш н и м п а р а м е т р а м (сочетаемость, распространенность и т. п.), образуемые в результате использования артефактов в соответствии с теми или иными функциями. Это не всегда совпадает с функциональным назначением, но обычно в общем и целом соответствует ему.

ФУНКЦИЯ — стереотипный и санкционированный культурой диапазон действий, производимых с *артефактом* или вызываемых наличием и позицией артефакта; роль и нормальная позиция артефакта в действиях и социокультурных отношениях. Из функций артефактов в культуре отбираются для типологического анализа только непосредственно воздействующие на формообразование. У них указанные действия, роли и позиции непосредственно предопределяют облик артефактов — предопределяют с разной жесткостью, оставляя свободу выбора форм — от очень узкой (приближающейся к необходимости) до весьма широкой (приближающейся к произволу). Соответственно, можно разделить формообразующие функции на несколько разрядов: *экономические, технические, иконические* (изобразительные), *знаковые* и *эстетические*. Четыре первых — прагматические, три последних — информационные. Функции разных разрядов могут сочетаться на одних объектах и наслаиваться (скажем, изображение может быть к тому же еще и знаком и украшением).

ФУНКЦИЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ — *функция*, непосредственно связанная с использованием *артефакта* в качестве средства, объекта или условия, необходимого для осуществления определенных механических действий или для обеспечения определенного физического состояния или процесса. Соответственно этим детерминантам она может выступать в нескольких разновидностях: как и н с т р у м е н т а л ь н а я (орудие, оружие), м е д и а ц и о н н а я (доспехи, жилище), о б ъ е к т н а я (нуклеус, подвеска, мишень) и т. п. Там, где в сочетании функций есть техническая, она обычно оказывается первичной и основной (боевой топор может превратиться в знак власти и в объект художественной обработки). Но бывает и иначе (например, у игральной кости первичная функция — зна-

ковая, но кость надо бросать — производной оказывается техническая функция).

Инструментальная функция определяла форму предмета через *технемы.*

ТЕХНЕМА — составная операция всякого ручного механического труда. Число технем невелико — около полутора десятков: удар, нажим, резание и др. Каждая технема требует определенной формы рабочего края орудия и определенного способа соединения орудия с рукой. Тем самым совокупность технем определяет классификацию орудий по *форме* соответственно *функциям* (или по функциональному назначению, морфологически выраженному).

ФУНКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ — *функция,* заключающаяся в использовании *артефактов* в качестве экономических ценностей — средств накопления богатств, предметов обмена. Эта функция крайне редко оказывается формообразующей, чаще она вторично налагается на готовые продукты, предназначенные для других функций, или выражается в формах не непосредственно, а через *знаковую функцию* (деньги). Поэтому в типологическом анализе почти никогда не учитывается. Но иногда и она оказывается первичной (например, слитки золота).

ФУНКЦИЯ ИКОНИЧЕСКАЯ (изобразительная) — *функция,* состоящая во внешнем уподоблении предмета другому предмету без создания возможности производить с ним те же действия, что и с тем. Требуется не сделать еще один предмет, идентичный или подобный во всех культурных потенциях первому, а только обеспечить, чтобы второй предмет давал зрительную информацию, такую же в значительной части, как первый.

ФУНКЦИЯ ЗНАКОВАЯ — *функция,* которой *культура* закрепляет за *архемой* (предметом, деталью, чертой) условный *смысл,* символическое *значение,* некий сигнал. Предмет становится носителем информации, содержание которой может быть связано с *технической* и *иконической* функциями этого предмета, а может и не иметь такой связи; знаковая функция может быть придана предмету, созданному и приспособленному для выполнения других функций, а может быть выражена специально, особыми формальными средствами (например, знамя, игральная кость). В свою очередь знаковая функция распадается на разновидности соответственно социальному использованию знаков: функции коммуникации, накопления знаний, сакральная, выражение социального статуса (в частности престижа) и т. п.

ФУНКЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ — *функция,* специально обеспечивающая *артефакту* возможность служить источником эстетической информации — эстетических впечатлений, эстетически воздействовать на людей. Предмет должен представляться красивым и иметь для этого соответствующие формальные особенности, в числе их, возможно, и такие, которые никакими другими запланированными функциями этого предмета непосредственно не требуются. Конечно, представления о красоте могут генетически восходить к представлениям о технической целесообразности, совершенстве выполнения и т. п., но это не обязательно связывает эстетический облик данного предмета с его *технической функцией.* Как бы ни зарождались, откуда бы ни взялись формальные средства, поступившие в распоряжение эстетической функции, она управляет ими сама, как особая детерминанта.

СУБФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ*, СУБФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ — вторая ступень *значения архемы.* К этой ступени относятся те характеристики, которыми в рамках одной *функции* определяются: 1) та или иная степень совершенства и пригодности предмета к выполнению данной функции (критерий эффективности, выступающий

обычно как эволюционный, или критерий прогрессивности), и 2) та или иная степень приспособленности предмета к разным условиям применения (адаптационный критерий). Пример критерия эффективности: тупое или острое лезвие у топора. Пример адаптационного критерия: разный наклон крыши в дождливой и в засушливой местности.

ЭКСТРАФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ*, ЭКСТРАФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ — третья ступень *значения археомы.* К этой ступени относятся те характеристики, которые не имеют никакого отношения к *функциональности,* т. е. не обусловлены нацеленностью на *функции,* на их лучшее выполнение, на адаптацию в их выполнении, а коренятся в установках, порожденных случайным дрейфом стереотипов или тягой к оригинальности или обновлению (критерий везенья) и утвердившихся в определенной среде благодаря конкретным соотношениям контактов и изоляции (популяционный критерий).

5. Терминология плана выражения

ПАРАМЕТР (измерение) — логически единый и связный аспект оценки и описания *реалий,* обособленный от других аспектов и полностью исчерпывающий возможность оценки и описания объектов с определенной стороны, т. е. посредством регистрации явлений (качеств, отношений и т. п.) определенной природы и определенной фиксированной области в общепринятой категоризации — категоризации, утвердившейся на основе научной и общей жизненной практики. В одно и то же время в одной точке может быть зарегистрирована по данному параметру только одна (на выбор) из многих принципиально возможных *характеристик* — как явлений некоторой одной природы (скажем, либо красный цвет, либо синий — в зависимости от длины волны). Поэтому в рамках одного параметра учитываются характеристики, которые не могут сочетаться на одном объекте, в одном месте и в одно время; параметр выступает как ряд потенциально возможных взаимоисключающих характеристик, способных, однако, сочетаться с характеристиками некоторых других параметров на одном и том же объекте.

В археологии целесообразно различать виды параметров артефактов: по сосредоточенности — *собственные* (внутренние) и *реляционные* (внешние), по доступности — *непосредственные* и *выводные.* Параметры *археограмм* отличаются от параметров *архем.*

ПАРАМЕТР СОБСТВЕННЫЙ (ВНУТРЕННИЙ) — *параметр,* характеристики которого установимы по отдельно изучаемым экземплярам. Конечно, всякие свойства объектов проявляются в отношениях с другими объектами, но в данном случае контрагентом в отношениях выступают не конкретные объекты, а некие обобщения всей совокупности однопорядковых объектов, мысленные эталоны. Примеры собственных параметров: *форма,* локализация в пространстве и времени.

ПАРАМЕТР РЕЛЯЦИОННЫЙ (ВНЕШНИЙ) — *параметр,* характеристики которого установимы только при непосредственном сопоставлении данного объекта с другими конкретными объектами. Примеры: схожесть, сочетание в *комплексе,* позиция в *контексте.*

ПАРАМЕТР НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ — *параметр,* характеристики которого непосредственно установимы эмпирическим восприятием, измерением, фиксацией. Таковы все параметры *археограмм.*

ПАРАМЕТР ВЫВОДНОЙ — *параметр,* характеристики которого не даны археологу в непосредственном восприятии, а должны быть выведены из непосредственно данных посредством логических рассуждений, обычно

с привлечением сторонней информации. Таковы все параметры *архем*.

ФОРМА (в собственном смысле слова — как суть морфологии, в отличие от формы в узком смысле и в широком смысле) — пространственная организация вещества в *конкрет* (конкретный материальный объект); упорядоченная совокупность материальных характеристик объекта, относящихся к его *собственным* (неотделимым, измеримым лишь в пределах этого объекта) пространственным параметрам — топологическому, пропорциональному и через последний (но только через него) — размерному. Форма является главным посредником между субстанцией и *культурным смыслом* конкретов. Можно сказать, что это главный носитель культурного смысла в вещеведении (но не в археологии в целом).

По своим позициям в пространственной организации конкрета как интегрального целого материальные характеристики, составляющие форму, располагаются на трех структурных уровнях. Соответственно, в форме вычленимы три ступени: *конструкция, абрис* и *внешность*. Распределение характеристик по этим трем уровням зависит от величины конкрета и от значимости этих характеристик для некоторых целей (скажем, выемки одних и тех же размеров и очертаний в одних случаях характеризуют конструкцию, в других — только абрис, в третьих — характер поверхности, относящийся к внешности).

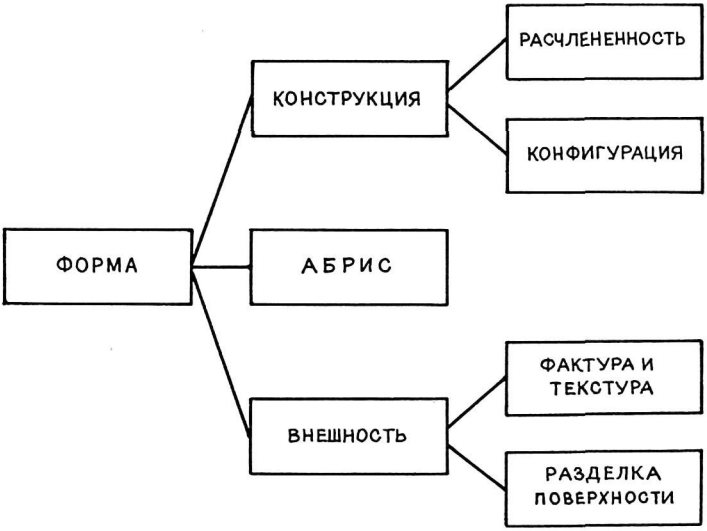


Рис. 69. Ступени формы.

КОНСТРУКЦИЯ — первая ступень *формы конкрета* (релевантна в основном применительно к *артефакту*). Конструкцию определяют два ряда характеристик: 1) расчлененность (степень подвижности и т. п.); 2) конфигурация — основные контуры этих частей и объекта в целом (число и размещение точек главных переломов на этих контурах, необходимые для описания изломов и резких перегибов поверхности, направление соответствующих поворотов контуров и их последовательность.)

К этим характеристикам примыкают по значению физико-химические и технологические (петрографические, металлографические и т. п.) характеристики вещества (или, как в обиходе выражаются, материала), хотя строго говоря, они вообще не относятся к форме.

Все артефакты одной и той же конструкции изоморфны (части разных артефактов гомологичны).

ТЕХНОЛОГИЯ — совокупность инструментов и методов производства, характерных для определенного общества, определенной культуры или определенного способа производства.

ТЕХНИКА (производства артефактов) — определенная система методов, которыми *артефакты* произведены. В общем характеризуется главными методами, определившими принципиальный способ производства, т. е. формующие операции, а также необходимые для этого орудия и т. п. Примеры: отжимная техника, техника отлива с утратой формы.

ОПЕРАЦИОННАЯ ЦЕПЬ (chaine operatoire, по А. Леруа-Гурану) — совокупность конкретных непосредственных операций, входящих в производство *артефакта* и упорядоченных по их последовательности.

АБРИС (форма в узком смысле) — вторая ступень *формы конкрета* (в практическом обиходе археологов слово «форма» чаще употребляется в этом узком смысле и идентично термину «абрис» в предлагаемом здесь применении).

К этой ступени относятся изгибы (характер и степень кривизны) поверхностей и контуров, описывающих эти поверхности, а также соотношения размеров разных участков.

К этим характеристикам примыкает по значению размерная, хотя, строго говоря, размер (величина) форму (и абрис, в частности) не характеризует (вещи одной формы могут и не совпадать по размеру).

Артефакты одной и той же конструкции (с одинаковой расчлененностью и одинаковыми конфигурациями) могут различаться по абрису, но артефакты одного абриса, с частями, одинаковыми по абрису, никак не могут быть разными по конструкции. Артефакты одного и того же абриса взаимоподобны.

ВНЕШНОСТЬ — третья ступень *формы конкрета*. Эту ступень определяют: 1) фактура и текстура поверхности и 2) ее разделка — наличие на ней плоскостных, линейных или точечных отдельностей (наслоек, выступов, выемок и видоизменений поверхности), толщина которых (рельеф) несущественна по сравнению с площадью поверхности, на которую они нанесены.

К этим характеристикам примыкают по значению цветовые, хотя, строго говоря, цвет уже не относится к форме.

Артефакты одного и того же абриса могут иметь разную внешность, но идентичными по внешности могут быть лишь артефакты одного абриса.

ПАНФОРМА* (форма в широком смысле — как выражение содержания и оппозиция к нему, как объект формального или формализованного изучения) — вся упорядоченная совокупность материальных характеристик *конкрета,* относящихся к его *собственным* (неотделимым, измеримым лишь в пределах этого предмета) *параметрам* — ко всем таким параметрам, не только к некоторым пространственным. То есть включаются и материал (вещество), и размер, и цвет, и т. п. — словом, все такие характеристики по собственным параметрам, эмпирически воспринимаемые и доступные строгой регистрации.

6. Некоторые термины класса сопряжения средств выражения с компонентами содержания

ДЕКОР (англ. ornamentation) — совокупность предметно выделенных средств выражения, выполняющих по преимуществу эстетические, а также *знаковые* и *изобразительные функции*. Разновидностью декора может считаться *орнамент*. Есть и другие виды декора: отдельные украшения в личном уборе или оборудовании жилища и т. п.

ДИЗАЙН — совокупность средств выражения, несущих *эстетические функции* без предметного отделения (более того — зависимых от средств, выполняющих *технические* и другие *прагматические* функции, кроме *изобразительных*). Термин употребляется применительно к *вещам*, способным сохранять *форму*, — к предметам техники (орудиям), к оружию, утвари, одежде, — но не к предметам, не способным сохранять форму (скажем, к жидкой пище), и не к произведениям искусства (например, архитектуры — к жилищам, зданиям). В последней сфере вместо термина «дизайн» употребляются его синонимы: художественное оформление, стилистика. Частью дизайна может считаться орнамент.

ОРНАМЕНТ, ОРНАМЕНТАЦИЯ (англ. decoration) — разделка поверхности, несущая по преимуществу (в качестве главных) *эстетические*, а также *знаковые* и *изобразительные функции*. Может считаться разновидностью *декора* или частью *дизайна*. Аспекты орнаментации: *техника, мотивы, композиция*.

ТЕХНИКА ОРНАМЕНТА — способы нанесения орнамента на поверхность (например, рельефный или плоскостной, в последнем случае — расписной, прочерченный, врезанный или вдавленный и т. д.).

МОТИВЫ ОРНАМЕНТА — отдельные дискретные детали (т. е. изображения одушевленных или неодушевленных предметов или их искусственно изолированных частей или геометрические фигуры), повторение или комбинация которых составляет узор, ткань орнамента.

КОМПОЗИЦИЯ ОРНАМЕНТА — группировка и расположение *мотивов орнамента* относительно друг друга и относительно основы (т. е. на поверхности предмета).

7. План познания. Общие понятия. (общенаучная и метанаучная, в частности и метаархеологическая, терминология)

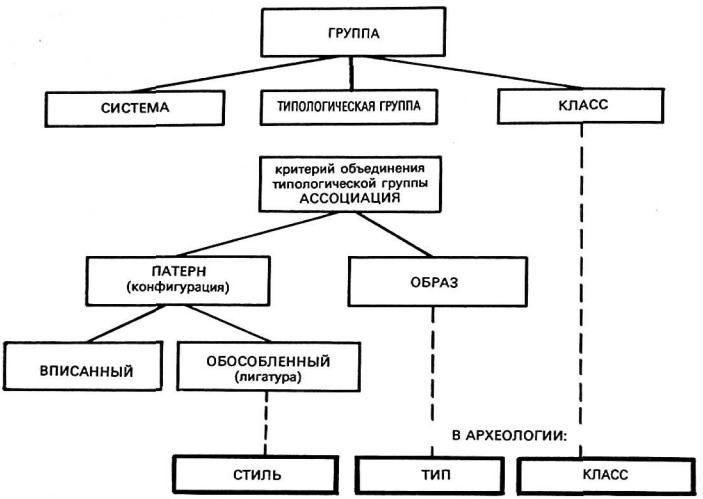
А. Терминология организованности материала

ГРУППА — любая совокупность объектов, объединенных некой общей им всем характеристикой (одночленной или составной) или выделенных по некоторому единому для этой совокупности принципу. Разновидности группы: *класс, типологическая группа, система*.

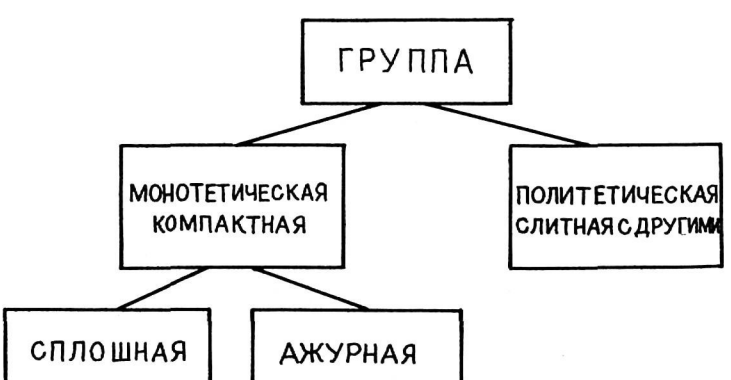
В *систематике* возможно иное значение: один из *таксонов* (таксон некоторого ранга, определенного для конкретной системы, какого именно — дело условное).

КЛАСС — разновидность *группы*: группа, объединенная характеристикой, общей для всех членов группы (т. е. для всех входящих в нее объектов), имеющая четкие (резкие) границы и не охватывающая ими членов смежных групп (т. е. групп, выделенных вместе с данной, однопорядковых с ней и соподчиненных). Эта общая характеристика (она может состоять из одной или нескольких черт) есть критерий выделения (разумеется, *монотетический*) класса.

В *систематике* возможно иное значение: один из *таксонов* (таксон



Р и с. 70. Виды организованности материала. Основные понятия.



Р и с. 71. Организованность материала. Распределение характеристик.

некоторого ранга, определенного для конкретной системы, какого именно — дело условное).

ГРУППА ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ — *группа,* объединенная связью объектов по множеству их частных сходств — связью, которая существенно превышает подобную связь этих объектов с другими объектами (не входящими в группу), но не обязательно объединяет всех членов группы общностью учитываемых характеристик.

Этот критерий объединения, основанный на *политетическом* представлении о материале, есть *ассоциация.* Основные разновидности ассоциации — *образ* и *патерн,* а из патернов примечателен *обособленный патерн (лигатура).* Образ и лигатуру в археологии представляют соответственно *тип* и *стиль.* Работа с типологическими группами, типами и стилями составляет *типологию.*

СИСТЕМА — разновидность *группы*: совокупность объектов, связанных между собой таким образом, что они в некоторых контекстах, причем в отношениях, существенных для данной категории контекстов, выступают в единстве — как целое, обладающее характеристиками, которых нет у каждого из объектов по отдельности. Это общее определение требует спецификации в зависимости от отношений, интересующих исследователя, и от контекстов.

Так, в *систематике* под системой понимают иерархическую упорядоченность (расположение и многостепенную группировку по сходствам), в механике — динамическую систему, в системном подходе — органическую систему (саморазвивающуюся, с управляющими блоками, с необратимой трансформацией составляющих элементов и т. д.). В археологии фигурируют *статические системы* — упорядочивания (в археологической систематике — по сходствам форм, в хронологии и картографии — по сходствам координат), а также *условно-динамические системы* (в эволюционной и культурно-исторической типологии — типологические ряды, *археологические культуры*).

ТАКСОН — ячейка *группирования,* классификационная ячейка (преимущественно в *систематике*) какого-либо определенного ранга, определенного объема (а в некоторых системах — и определенной формы выделения или отграничения); общее обозначение всех разнопорядковых (разного ранга, объема и т. п.) разновидностей таких ячеек. Например, у Городцова ряд таксонов: категория, группа, отдел, тип, подтип.

МОНОТЕТИЗМ, МОНОТЕТИЧНОСТЬ, МОНОТЕТИЧЕСКИЙ (характер организованности археологического материала, совокупности объектов) — такой характер организованности, при котором каждой *группе* объектов присуще замкнутое распределение характеристик: разнородные характеристики в материале очень четко сгруппированы, жестко связаны в сочетания, а эти сочетания резко разделены. В одной группе — одни опознавательные характеристики, в другой — другие; могут найтись и общие для обеих групп, отличающие их от третьей. Разграничение таких групп не встречает затруднений.

Есть две разновидности монотетической организованности — со *сплошным* распределением характеристик и с *ажурным* их распределением.

СПЛОШНОЕ или ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ (распределение характеристик в материале)* — такое распределение, когда все характеристики, которые составляют набор, отличающий данную *группу*, налицо у каждого ее члена. Группа получается весьма однородной, охарактеризовать ее несложно: каждый член является ее репрезентативным представителем. Такое распределение характеристик присуще некоторым *монотетическим* группам.

АЖУРНОЕ (распределение характеристик в материале)* (англ. open-work) — такое распределение, при котором некоторый набор характеристик характеризует данную *группу* лишь интегрально, хотя все эти характеристики могут и не быть представлены вместе у ряда отдельных объектов (или даже: вместе — ни у одного), т. е. наличие всего набора характеристик у каждого члена группы не соблюдено: у какого-то объекта или у некоторых или даже у каждого члена группы не хватает какого-нибудь или каких-нибудь характеристик из данного набора. Такое распределение встречается как в *монотетическом,* так и в *политетическом* материале.

В пределе этого вида организованности такая ситуация: в группе нет ни одного члена, у которого бы оказался весь набор характеристик, присущий данной группе, и нет в наборе ни одной характеристики, которая бы охватывала все члены данной группы, но если материал монотетичен, то нет и ни одной, которая бы выходила за пределы этой группы.

Разграничение таких монотетических групп не встречает затруднений, но чтобы охарактеризовать каждую, требуются статистические операции — вычленение средних, дисперсий и т. п. (В политетическом материале и разграничение требует комбинаторных операций.)

ПОЛИТЕТИЗМ, ПОЛИТЕТИЧНОСТЬ, ПОЛИТЕТИЧЕСКИЙ (характер организованности археологического материала, совокупности объектов) — такой характер организованности, при котором нет жесткой сопряженности характеристик, привязанности их к одному набору характеристик и к одной *группе* объектов. Характеристики не только выпадают из набора у членов данной группы (у одних членов порознь или в меньшем количестве, у других — в большем), но и появляются, пусть и менее густо, в иных сочетаниях, вне данного набора и данной группы, в неорганизованном периферийном материале или даже у членов смежных групп. Хотя бы у некоторых, а то и у многих объектов представлена лишь та или иная часть некоторого (характерного для данной группы) набора характеристик, и не каждая характеристика представлена у всех объектов. По определению, политетическая организованность не может иметь сплошного распределения характеристик; ей присуще только ажурное распределение.

Монотетическая организованность могла бы быть рассмотрена не только как отрицание, но и как предельный случай политетической.

В противоположном пределе (*«собственно политетическая»* организованность) должно оказаться, что нет ни одного объекта, у которого были бы представлены только характеристики из одного набора, и нет ни одной характеристики, встречающейся с другими только в одном и том же сочетании или только с характеристиками этого набора.

Полный набор характеристик такой группы выявляется только суммированием характеристик объектов. При такой организованности затруднительно выявления групп «группировкой снизу» (объединением объектов по сходствам) и нелегко характеризовать группу по отдельным ее частям. Для выявления групп (разграничения) требуется комбинаторные процедуры.

КОМПАКТНОСТЬ — особенность некоторой *группы.* Компактная группа — такая, чьи характеристики не сочетаются (или крайне редко сочетаются) с характеристиками смежных групп. Как бы ни были размыты границы таких групп, группы существуют раздельно, и различение их не составляет особого труда, а их условное разграничение можно провести так, чтобы сохранить целостность каждой группы.

СЛИТНОСТЬ — особенность некоторых смежных *групп*: характеристики смежных групп в большом количестве случаев сочетаются на одних и тех же объектах, группы оказываются взаимопроникающими, срос-

шимися. Различить такие группы нелегко, а условное разграничение их не позволяет сохранить целостность групп при оперировании целостными объектами. Чтобы сохранить целостность такой группы, необходимо либо расчленить многие объекты, либо прирезать части смежных групп (т. е. нарушить целостность смежных групп или согласиться с взаимоналожением их объемов).

АССОЦИАЦИЯ — *абстракт,* являющийся сочетанием абстрактов нижележащего уровня и отражающий связь объектов по множеству их частных сходств, которая существенно превышает подобную связь этих объектов с другими (не входящими в группу), но не объединяет всех членов группы общностью учитываемых характеристик. Это критерий выделения *типологической группы.* Основывается на *политетическом* представлении о материале. Существует в двух разновидностях: *лигатура* (обособленный патерн) и *образ.*

ПАТЕРН (КОНФИГУРАЦИЯ, КОМПОЗИЦИЯ) — сложная упорядоченность (расположение и взаимосвязь) *абстрактов* (характеристик, типов, факторов и т. п.) в материале (в совокупности объектов). Структура множественного материала.

ПАТЕРН ВПИСАННЫЙ (патерн в обиходном смысле) — *патерн* любого произвольно выделенного и ограниченного массива материала. Конфигурация, не обязательно единая, обрезанная рамками этого массива и как бы вписанная в эти рамки. Может содержать часть лигатуры или целую систему (или несколько) лигатур.

ПАТЕРН ОБОСОБЛЕННЫЙ (ЛИГАТУРА)*— *патерн,* охватывающий некоторый ограниченный (хотя и нечетко) объем материала и не прослеживающийся вне этого объема. Таких патернов в любом произвольно выделенном значительном объеме материала может оказаться несколько. Каждый из них выступает критерием выделения особой типологической группы.

Лигатура — это разновидность *ассоциации, абстракт,* являющийся сочетанием абстрактов нижележащего уровня и отражающий их любую устойчивую совстречаемость (даже разрозненную) по всей совокупности конкретов. Это обобщенное представление о регулярных связях между абстрактами нижележащего уровня (скажем, чертами) в множественном материале, устанавливаемое полным учетом их совстречаемости на *конкретах* уровнем выше них (скажем, *артефактах: вещах* и *сооружениях*) и весьма отвлеченное от облика этих конкретов. В математическом выражении, осуществляется понижением числа признаков описания совокупности. Сюда относятся факторный, компонентный и регрессионный анализы.

Наглядно лучше всего выражается графом.

Такими представлениями удобно охарактеризовать сложную упорядоченность диффузного материала, лишенного простых формирований.

ОБРАЗ — разновидность *ассоциации, абстракт,* являющийся сочетанием абстрактов нижележащего уровня и отражающий только их центрированную сочетаемость на конкретах. Это обобщенное представление о регулярных сходствах в множественном материале между *конкретами* некоторого не самого низкого уровня (скажем, *артефактами: вещами* и *сооружениями*), устанавливаемое по сочетаемости на них абстрактов нижележащего уровня (скажем, *черт*) и весьма близкое к реальным конкретам,— как бы усредненный конкрет. В математическом выражении, осуществляется уменьшением числа объектов совокупности, рассматриваемых как различные. Сюда относятся анализ дисперсий, корреляционный анализ и определение сопряженности. Наглядно

лучше всего предстает на таблицах корреляции или полях сопряженности в виде кластера.

Такими представлениями удобно характеризовать материал (хотя бы и *политетический*), с четкими группами поддающимися усреднению.

КЛАСТЕР — сгущение взаимовстречаемости коррелируемых (или сопряженных) элементов на таблице корреляции или на поле сопряженности. Может служить математическим выражением *образа*.

ФЕНОН — математизированная спецификация *образа*: образ, формальным выражением которого является *кластер*, условно ограниченный так, чтобы образовалась ячейка с заданным процентом корреляции внутри нее. Применяется в *комбинаторной группировке*. Внутри фенона с низким процентом корреляции могут оказаться один или несколько фенонов того же порядка, но с высоким процентом корреляции — на этом и строится иерархия *числовой таксономии*.

Ввиду особой сопряженности этой группировки с *индуктивной стратегией*, нацеленной на сохранение данных эмпирического восприятия «незагрязненными» для их логико-математической обработки, понятие фенона отражает сознательную установку исследователя на ограничение внешними проявлениями сущностей, эмпирически воспринимаемыми данными — феноменологическое понимание (отсюда название ячейки — ср. в биологии отношение: генотип/фенотип).

КОВАРИАЦИЯ*— параллельная согласованная (когерентная) изменчивость, т. е. такая, при которой характеристики вовлеченных в нее разных *параметров* или даже разных объектов изменяются вместе, а то и пропорционально или даже в одном и том же направлении, относительно некоторой общей шкалы или сети координат. Разновидности: *кодивергенция, коальтерация*.

КОДИВЕРГЕНЦИЯ*— *ковариация* в пространстве. Степени: *коэкстенсия, кодистрибуция*.

КОАЛЬТЕРАЦИЯ* (котрадиционная изменчивость) — *ковариация* во времени.

КОЭКСТЕНСИЯ*— одинаковая или близко схожая территориальная распространенность разных *абстрактов* (например, *типов*), т. е. такая, при которой они занимают одинаковые или близко схожие ареалы; низшая степень *кодивергенции*.

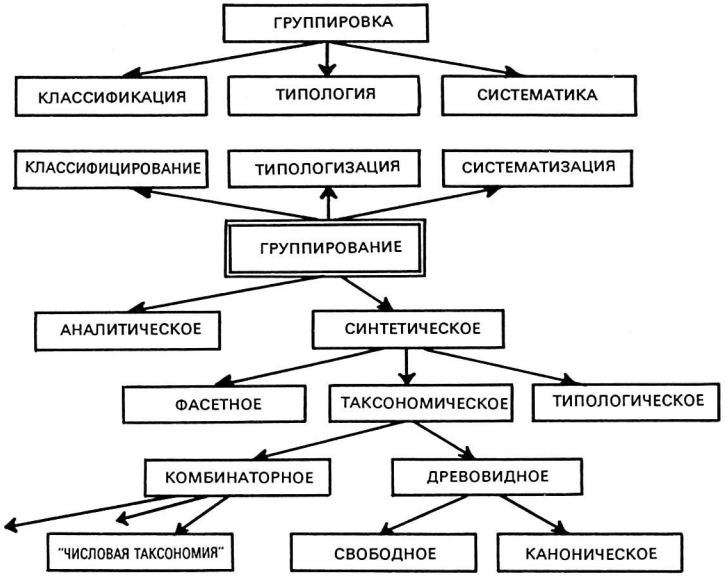
КОДИСТРИБУЦИЯ*— одинаковая или близко схожая распределенность по разным участкам территории или по разным одновременным *комплексам*; высшая степень *кодивергенции*.

Б. Терминология для обозначения операций по структурированию материала

ГРУППИРОВАНИЕ, ГРУППИРОВКА (классификация в широком смысле) — любое выделение *групп* в множественном материале или распределение объектов по группам. Разновидности группирования сами могут быть сгруппированы: по целям — *служебное группирование, исследовательское*, по видам ячеек — *классификация* (в узком смысле), *типизация (типология)*, по строению системы — *аналитическое, синтетическое* (с дальнейшими подразделениями), по процедуре (стратегии) — *индуктивное, рационалистическое* (гипотезно-дедуктивное), *системное*, по видам объектов — *партитивное, артефактное* и др., по охвату параметров — *морфологическое, генеральное*, по исходной организации материала — *группирование (классификация) сверху* или *снизу*.

ГРУППИРОВКА — многозначное слово:

а) то же, что *группирование* (в этом смысле не всегда ясно из-за



Р и с. 72. Структурирование материала. Виды операций.

многозначности, но благодаря меньшей книжности, большей краткости и большей грамматической дифференцированности имеет преимущества в ряде языковых контекстов);

б) *группа* сложного состава;

в) сосредоточение объектов, *кластер*;

г) распределенность, взаиморасположение и иерархические соотношения *групп, патерн*;

д) результат *группирования*;

е) «*классификация снизу*», т. е. объединением одиночных объектов во все более крупные и сложные группы, образующие систему. «Группировать объекты в» (некие ячейки) — таково обиходное выражение, послужившее основой для такого использования термина.

КЛАССИФИКАЦИЯ (в широком смысле) — см. *группирование*.

КЛАССИФИКАЦИЯ (в узком смысле), логическая или аристотелева классификация — разновидность *группирования* по сходствам и различиям, оперирующая с классами и удовлетворяющая всем логическим правилам деления объема понятий, т. е. а) построенная на едином основании (по единому критерию деления), б) соблюдающая единую для всех частей материала иерархию (применяющая ко всем частям материала одну и ту же шкалу распределения ячеек по рангам, хотя бы и при разных критериях деления материала), в) исключающая попадание какого-либо объекта сразу в две однопорядковых (одноранговых) ячейки, г) охватывающая каждой ячейкой все подразделения этой ячейки (каждым классом — все его подклассы) и в конечном счете всеми ячейками (классами) — весь материал (всю совокупность объектов).

Обращаясь к классификации, археолог сосредоточивает внимание на логической стороне операций группирования, сортировки, систематики артефактов, на соотношениях объектов с классом и классов между собой.

ТИПОЛОГИЯ (в археологии) — система *типологических групп* и *ассоциаций* (преимущественно *типов*), выделенных в некотором материале; также отрасль, ведающая выделением и систематизацией типологичческих групп и ассоциаций (преимущественно типов); также совокупность операций, методов по выделению ассоциаций и типологических групп (в этом последнем значении иногда употребляется как синоним термин «*типологический метод*», что не очень удобно: термин имеет и другое значение).

Обращаясь к типологии, археолог сосредоточивает внимание на содержательной стороне группирования, на возможности выявлять глубинные структуры материала, места объектов в системе, их значимость, соотношение типов с культурой.

Типология ориентирована на отображение реальной сложности связей, текучести явлений, глубинных структур материала, поэтому не подчиняется формально-логическим требованиям *классификации* — не требует единства критериев классификации, жесткого разграничения и взаимоисключения групп (объединяющих однотипные предметы) и т. п.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ — разновидность *группирования*: выделение *ассоциаций* и *типологических групп* в некотором материале и распределение объектов по типологическим группам.

ТИПИЗАЦИЯ — выделение *типов* в некотором материале (одна из отраслей *типологизации*).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД — двузначный термин. По буквальному смыслу слов, это просто метод установления *типологии*: приемы получения *типов*, ассортимент типологических операций, имеющихся в распоряжении исследователя, и строгая регуляция их выбора и следования. Такое употребление термина встречается; термин оказывается тогда почти синонимом слова «типология».

Но исторически сложилось так, что в археологии выражение «типологический метод» преимущественно ассоциировалось с разработанной Монтелиусом методикой установления эволюционно-генетических связей между типами *артефактов* (построение *типологических рядов*, установление их параллельности, направленности и т. п.). Методику же получения типов Монтелиус специально не разрабатывал. Когда она привлекла внимание археологов, то для ее обозначения прижилось слово «типология», у Монтелиуса применявшееся как синоним «типологического метода» и «учения об эволюции (вещей)».

Ввиду такой двузначности термина «типологический метод» лучше не употреблять его вовсе — ни в том, ни в другом смысле. В первом значении его вполне могут заменить слова «типология», «типологическая методика», «методы типологии», а во втором значении — «эволюционно-типологический метод» или «типологический метод Монтелиуса», «типологический метод Монтелиуса — Мальмера».

СИСТЕМАТИКА — организация дискретного массового материала (совокупности объектов) некоторой предметной области (находящейся в ведении определенной науки), имеющая целью облегчить обозримость больших объемов материала, обеспечить сжатое описание объектов и легкую идентификацию названий объектов с их характеристиками. Также соответствующая отрасль этой науки.

Строится распределением всей совокупности объектов по единой иерархически организованной *системе* на основе схемы логического древа или многократно разделенного ящика. Соответственно задаче, методикой распределения может быть только *таксономическая классификация (ана-*

литическая и координатная не обеспечили бы сжатости). Что же касается выбора между *искусственной* и *естественной группировками*, то в тех случаях, когда в материале нет единой и простой естественной системы, выбора просто нет; когда же в материале такая система есть и исследователи хотя бы подозревают ее наличие, она оказывается идеалом, к которому они стремятся в систематике, ибо она обещает наиболее органичную, объективно обоснованную и единую систему. В биологии таким идеалом служит эволюционно-генетическая группировка, в археологии — культурная типология.

Но для систематики, соответственно задаче легкой идентификации, требуется опора на легко распознаваемые, различимые, заметные внешние признаки. Кроме того, систематика вынуждена опережать другие отрасли науки в изучении новых массивов материала с еще не выявленными структурными связями. Поэтому ей нередко приходится удовлетворяться искусственной классификацией, но избранной (из множества возможных) так, чтобы она максимально приближалась к предполагаемой естественной.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ (вторичная классификация) — *классификация* (в узком смысле слова), произведенная на основе *типологии* посредством условного ограничения *типологических групп*, превращаемых таким образом в *классы*.

В археологии такая классификация вторична по сравнению с обычными классификационными операциями (аналитическими, служебными и т. п.), нацеленными на удовлетворение нужд п е р в и ч н о й обработки материала (описание, учет, хранение для последующего розыска и т. п.). В археологии необходима, однако, и в т о р и ч н а я, типологическая, классификация, поскольку многие операции последующей, послегруппировочной, работы с материалом, выводящей к исследованию культуры, требуют четких границ между группами (как, например, картографирование, таблицы сопряженности и др.), а вдобавок систематика, хоть она и строится как классификация, все же стремится — как к конечному идеалу — к типологической схеме.

ТАКСОНОМИЯ — учение об иерархических соотношениях объемов и рангов классификационных ячеек (преимущественно в *систематике*); также система *таксонов*; также совокупность операций по построению такой системы и соответствующая отрасль теоретической систематики.

См. также *группирование таксономическое*.

ГРУППИРОВАНИЕ СЛУЖЕБНОЕ (прикладное, вспомогательное) — распределение объектов по *группам* с расположением этих групп, удобным для учета и последующего быстрого розыска объектов. Для этого годится любая условная схема *классификации*, сколь угодно *искусственная* — лишь бы она была достаточно обширной, разветвленной, открытой, унифицированной, логически строгой и ясной. Для нее характерны жесткость, универсальность, четкая разграниченность и взаимоисключаемость ячеек.

ГРУППИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ — *группирование*, нацеленное на выявление внутренних системных отношений — функциональных, генетических и т. п. Здесь предмет поиска — *естественные* разграничения, с иерархией, присущей материалу, значительной для важных аспектов существования исследуемых объектов. Такая группировка отражает не просто наблюдаемую сеть реальных взаимоотношений в материале, но еще и ее обусловленную существованием объектов смысловую иерархию.

ГРУППИРОВАНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЕ (АНАЛИЗНОЕ), ДЕСКРИПТИВНЫЙ АНАЛИЗ — взаимонезависимые разбиения одного и того же материала (одной и той же совокупности объектов) на *группы*

по разным *параметрам* — по каждому параметру отдельно, соответственно особой шкале упорядочения характеристик (относящихся к данному параметру). Одна и та же совокупность объектов группируется по каждому параметру особо: по размеру, по цвету, по весу и т. п. Каждая группа получается одномерной, но ведь объекты не одномерны, так что каждый объект входит в разные группы (разных параметров) своими разными характеристиками.

Идентификация объекта с определенной позицией в множестве аналитических ячеек требует мысленной увязки затронутых ячеек, принятых за взаимонезависимые,— как бы локализации объекта в n-мерном пространстве координат, где каждая ячейка — отдельная точка привязки. Поэтому такие операции с объектами иногда неудачно называются «координатной группировкой» объектов (название вводит в заблуждение,намекая на общеизвестную Декартову систему координат, которая на самом деле не имеется в виду). Кроме этого наглядного соприкосновения здесь нет иной связи между параметрами, а это соприкосновение показывает только взаимоисключаемость параметров и ничего сверх того.

ГРУППИРОВАНИЕ СИНТЕТИЧЕСКОЕ (СИНТЕЗНОЕ) — такое распределение материала (совокупности объектов) по *группам*, при котором характеристики, относящиеся к разным *параметрам*, увязаны в единую сеть критериев; это означает разбиение совокупности объектов на группы по сложному критерию, в котором увязаны воедино разные параметры (т. е. характеристики, относящиеся к разным параметрам, составляют единую сеть). Каждая группа получается многомерной — выделенной с учетом разных параметров; каждый объект включается в нее по сочетанию характеристик, относящихся к разным параметрам.

Разновидности: *фасетное, таксономическое, типологическое.*

ГРУППИРОВАНИЕ ФАСЕТНОЕ — *синтетическое группирование,* построенное путем простого сочетания и координирования упорядоченных шкал разбиения материала по разным *параметрам* (называемым в таком упорядоченном виде *фасетами*). Это приводит к прочному взаимоналожению ячеек разных *аналитических* разбиений). Здесь тоже происходит локализация объекта в n-мерном пространстве координат, где за оси координат приняты отдельные параметры. Но вдобавок здесь каждый параметр условно рассечен, и установлен порядок перечисления параметров. При полном знании характеристик по всем учитываемым параметрам такое группирование однозначно указывает положение объекта среди других объектов и путь к нему, облегчая его описание, сравнение и розыск. Но фасетное группирование не различает по важности групповые соотношения между разными параметрами, поэтому оставляет всю совокупность объектов слабо структурированной, что при неполной информации о характеристиках объекта существенно ослабляет определенность его локализации в совокупности.

ГРУППИРОВАНИЕ ТАКСОНОМИЧЕСКОЕ, ТАКСОНОМИЯ — *синтетическое группирование*, в котором предусмотрена иерархия групповых соотношений, установленных по разным *параметрам*, так что эта группировка однозначно указывает размещение групп относительно друг друга (их старшинство и соподчиненность, соотношения объемов) и через это — положение каждого объекта в *системе*. Сильно структурируя совокупность объектов, это группирование позволяет и при неполной информации о характеристиках объекта существенно ограничить неопределенность его положения в системе, весьма узко локализовать его (важно лишь, чтобы были известны определяющие черты и чтобы они были достаточно специфичны). Это позволяет резко сократить описания объектов и данные для розыска, что и требуется в *систематике*. Иерархия групп может определяться иерархией параметров, иерархией черт (характеристик) независимо от параметров или сочетаемостью черт.

ГРУППИРОВАНИЕ (ТАКСОНОМИЯ) КОМБИНАТОРНОЕ — *таксономическое группирование*, в котором иерархия групп выводится комбинаторным путем из сопряженности характеристик (черт), из совмещаемости распределений, т. е. она зависит от того, много ли характеристик имеют схожие распределения по объектам и близко ли эти распределения схожи: совпадают ли их центры, а если заметны границы охвата объектов характеристиками, то сгущаются ли эти границы в пучки. Чем больше сходств и чем они ближе, тем старше ранг группы.

При работе с археологическим материалом эта группировка обычно приводит к *типологии*; она может принять вид *классификации*, лишь если приложена к сугубо стандартизированному материалу. Классификация здесь оказывается предельным случаем типологии.

Один из видов комбинаторной таксономии — типологического характера — *числовая (нумерическая) таксономия*, с *феноном* в качестве ячейки группирования.

ГРУППИРОВАНИЕ (ТАКСОНОМИЯ) ДРЕВОВИДНОЕ — *таксономическое группирование*, построенное с четким распределением черт по уровням иерархии и со строгим соблюдением взаимоисключаемости образуемых ячеек на каждом уровне иерархии. Процедура такого группирования сводится к ряду последовательных разбиений (сверху вниз — от всей совокупности к отдельным объектам) — ряду, в котором ячейки, полученные на каждом шагу деления, образуют рамки, внутри которых проводятся последующие деления. Таким образом, это разновидность «*группирования сверху*». Если деления осуществимы, то на каждом шагу образуется больше ячеек, чем на предыдущем, и схема их иерархических соотношений приобретает вид ветвящегося древа кроной вниз — *дендрограммы*.

В этой концепции *таксон (класс)* структурно определяется как узел или ветка дендрограммы, т. е. дефинируется цепочкой нисходяще последовательных характеристик (с родо-видовыми отношениями), приуроченных к отрезку дендрограммы выше узла.

В археологии древовидная группировка реализуется в двух главных разновидностях — *свободной* и *канонической*.

ГРУППИРОВАНИЕ (ТАКСОНОМИЯ) ДРЕВОВИДНОЕ СВОБОДНОЕ* — такое *древовидное группирование*, в котором распределение черт по уровням иерархии предопределяется либо предполагаемой последовательностью выборов, стоящих перед мастером в процессе изготовления артефакта, либо классоделительной способностью черт, перебираемых в ходе группировки, в каждой ветви особо. Количество уровней также может быть неодинаковым в разных ветвях.

ГРУППИРОВАНИЕ (ТАКСОНОМИЯ) ДРЕВОВИДНОЕ КАНОНИЧЕСКОЕ* — такое *древовидное группирование*, в котором распределение черт по уровням иерархии априорно предопределено условной схемой и является одинаковым для всех ветвей. Например, на первом шагу критерием выделения служит вещество, на втором — предполагаемое функциональное назначение, на третьем — очертания формы, на четвертом — орнамент, и т. д., и т. п., и все эти правила, раз уж установлены, остаются затем строго соблюдаемыми для всех исследований в рамках данной системы методики.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГРУППИРОВАНИЯ — см. *группирование индуктивное*.

ГРУППИРОВАНИЕ (СТРАТЕГИЯ ГРУППИРОВАНИЯ) ИНДУКТИВНОЕ (АНАЛИТИЧЕСКОЕ) — стратегия, которая диктует восхождение от уровня элементарных характеристик (*черт*) через уровень группировки целых *артефактов* (в *типологии* уровень *типов*) к уровню *куль-*

тур и выше. Идея состоит в том, чтобы на основе учета и строгой корреляции множества черт автоматически получить типы, а затем таким же индуктивным комбинированием типов подняться к культурам. Это неопозитивистская идея машинообразной методики —«аналитической машины» (чего-то вроде идеальной «логической машины», ныне реализованной в компьютере). Сквозь такую «аналитическую машину», по представлениям неопозитивистов, достаточно пропустить информацию о материале (массу черт и их связей), чтобы получить объективные выводы о культуре. С этим убеждением связано самоназвание неопозитивизма — «аналитическая философия». «Восхождение», диктуемое этой стратегией, не следует представлять как «группировку (классификацию) снизу»— техническую разновидность, осуществимую в разных стратегиях. Там имеется в виду просто постепенное объединение объектов во все более обширные группы — таксоны все более высокого ранга, но одного порядка — на одном уровне интеграции. Здесь же подразумевается подъем по уровням интеграции — от простых объектов ко все более сложным.

Такая группировка требует *комбинаторной* методики, применения статистико-комбинаторных процедур на основе *политетического* представления о материале и в конечном выражении дает *типологию* — систему *кластеров*, сводимых к ячейкам с размытыми и условными границами и нестройными иерархическими соотношениями.

Полученные ячейки (среди *абстрактов* центральными здесь оказываются *эмпирические типы*) могут иметь культурное значение, а могут и не иметь; которые из них имеют таковое, которые нет — в рамках данной стратегии, ее средствами не раскрывается; с точки зрения культурных значений, ранговые различия между ячейками остаются неустановленными.

В плане структурообразования тип здесь рассматривается редукционистски — со стороны элементарных характеристик (черт) — и определяется только через них: как статистически устойчивое сочетание равноправных черт.

Достоинство этой стратегии — объективность регистрации внешних связей, данных в непосредственном наблюдении, недостаток — неразборчивость в оценке культурных рангов этих связей, и стало быть, *групп*.

ГРУППИРОВАНИЕ (СТРАТЕГИЯ ГРУППИРОВАНИЯ) РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ (ГИПОТЕЗНО-ДЕДУКТИВНОЕ) — стратегия *группирования*, прилагающая к материалу априорные произвольные критерии, привнося их со стороны — из смежных наук, из жизненной практики, из воображения. Эти критерии определяют отбор учитываемых особенностей материала, их иерархию, число и размеры ячеек. Приложение этих критериев рассматривается как гипотетическое, а проверкой гипотезы считается удовлетворительный результат — когда оправдалось ожидаемое (предсказанное) распределение материала по ячейкам или получено распределение, оптимально соответствующее частной задаче или общим формальным идеалам группировки: сходство внутри ячеек наибольшее, между ячейками — наименьшее.

Понятие о ячейке (*группе*) в этой стратегии выводится из задач исследования, рассматривается релятивистски, а структурно определяется только со стороны исследовательской деятельности — как условная рамка, посредством которой делается выборка материала (объединяются схожие *артефакты*). В качестве показателя (критерия) для рамки может послужить произвольное сочетание *черт*, может и одна черта. По форме это может быть *класс*, но может быть и *тип* (скажем, не исключается получение взаимоналагающихся ячеек или ячеек, не смыкающихся в сплошную сеть) — *условный тип*.

Этой стратегии со стороны структуры подходят различные виды *классификации* — от *аналитической* до *древовидной*.

Эта стратегия приносит пользу, когда четкие разграничения в материале отсутствуют или трудно поддаются выявлению. Слабость же ее в том, что процедура корректировки сложна, а удачный выбор критериев невозможно гарантировать.

ГРУППИРОВАНИЕ (СТРАТЕГИЯ ГРУППИРОВАНИЯ) СИСТЕМНОЕ (КУЛЬТУРНОЕ)*— стратегия, диктующая «нисхождение» по уровням интеграции от системы к субсистемам и элементам — от *археологической культуры* к *типам*, а затем от типов к *признакам*. Основана на идее о том, что оценкой веса какой-либо характеристики для культурно значимой группировки можно обзавестись, только проследив поведение этой характеристики на вышележащем уровне интеграции. По этой идее, сначала нужно выявить культуры, затем выделить в них типы, а уж затем, зная культурную значимость типов, расчленить их на признаки. Только после этого, отсортировав признаки от *свойств*, можно начать обратное движение от признаков через типы к культурам. А на первых порах археологические культуры воспринимаются как непосредственно данные практикой исследований, и эта данность уточняется выборочным анализом изменчивости свойств материала и учетом *эвидентных типов*.

«Нисхождение», составляющее суть данной стратегии, не следует отождествлять с процедурой «группировки сверху»: там речь идет о движении от всей совокупности объектов постепенным разбиением ее на одном уровне интеграции (в противоположность «группировке снизу»— постепенному объединению объектов во все более крупные группы). Здесь же имеется в виду нисхождение по уровням интеграции — от сложных объектов ко все более простым.

В структурном отношении задачам этой стратегии удовлетворяют *комбинаторная* и *свободная древовидная группировки,* построенные на принципах *типологии*.

Типы здесь рассматриваются с вышележащего уровня и определяются как устойчивые схемы соответствия стереотипного облика артефактов их стандартным позициям в характерных культурных контекстах. Это *культурные типы*.

Достоинством этой стратегии является ее способность проникновения в культурный смысл археологического материала, слабостью — изрядная расплывчатость ячеек на верхних уровнях и возможность утраты культурной информации, не аккумулированной в типах.

ГРУППИРОВАНИЕ ПАРТИТИВНОЕ — группировка *деталей* или *фрагментов*.

ГРУППИРОВАНИЕ АРТЕФАКТНОЕ (предметное) — группировка *целых предметов*.

ВЕЩЕВЕДЕНИЕ ФОРМАЛЬНОЕ («ГОЛОЕ») — изучение *артефактов* на основе *морфологической группировки*, ограниченное дескриптивными задачами.

ГРУППИРОВАНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ — группирование, учитывающее только данные *параметров*, выражающих *форму* (топологические очертания, пропорции и т. п.); в некоторых концепциях сюда включаются также размер, *орнамент*.

ГРУППИРОВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ — группирование, учитывающее данные по всем параметрам, включая не только *форму*, но и дату, локализацию, позицию в контексте и т. п.

8. Обозначения объектов. Терминология для разных уровней и планов (от плана познания через план выражения к плану содержания)

СЛЕД (англ. trace) — один из видов *конкретов*: отдельный материальный остаток бытия, свидетельство прошлого существования предмета, сохранившее информацию об этом предмете только в сильно преобразованном виде или как результат воздействия на другие предметы. К следам относятся деформированные остатки (шлак, пепел, накипь, тлен), отпечатки (негативные изоморфные изображения формы), отметины (результат касания орудием, сработанность, изношенность).

След выступает как основа для идеализации одной элементарной характеристики объекта (одной *черты*, одного элемента): отрезка очертаний, веса или (если следом является прах) вещества. Следы и есть проявление таких отношений между вещами, в которых (отношениях) как раз выступают порознь черты этих вещей.

ФРАГМЕНТ — один из видов *конкретов*: часть предмета, отделенная от него так, что в ней сохранены многие, даже морфологические, характеристики, которые были присущи целому предмету, или хотя бы его *детали*, а обобщение характеристик всех частей предмета, отделенных подобным образом (всех его *фрагментов*), оказывается близким к сумме характеристик (в частности, морфологических) *целого* предмета.

Фрагмент выступает как основа для *мода* — обобщения и абстрагирования идеи определенной части предмета.

ДЕТАЛЬ (англ. constituent part, constituent, part) — один из видов *конкретов*: часть *артефакта*, четко обособленная в его структуре морфологически — изломами или резкими изгибами очертаний, или тем, что изготовлена отдельно, а затем скреплена с остальными частями, и т. п. Ручка кувшина является его деталью независимо от того, вылеплена ли она отдельно и затем прилеплена к тулову, или она сформована заодно с туловом. Обычно (но не обязательно) деталь несет и особую *функциональную* нагрузку. При идеализации деталь выступает как основа для понятия *мерон*.

АРТЕФАКТ ЦЕЛЫЙ — в русском словоупотреблении под этим термином скрывается три разных понятия, раскрываемые в синонимах:

1. ЦЕЛОСТНЫЙ, ЦЕЛЬНЫЙ (англ. artefact integer) — один из видов *конкретов*: дискретный в своей форме и в своих главных функциях *артефакт*, который «в жизни» был способен часто и без затруднений менять свои соотношения с другими артефактами, прочно удерживая при этом вместе свои постоянные компоненты. В этом смысле он рассматривается как *архема*. Идеализация цельного артефакта ведет к понятию *типа*. Поскольку есть два вида артефактов — *вещи* и *сооружения*, соответственно образуются и два вида типов: типы вещей и типы сооружений.

2. НЕПОВРЕЖДЕННЫЙ, ХОРОШО СОХРАНИВШИЙСЯ (англ. intact artefact) — *артефакт*, воспринимаемый как *археограмма* и найденный в состоянии связности, что дает основание, переведя его в *архему*, рассматривать его как целый (цельный, целостный). В археологии «неповрежденный» не означает «абсолютно без повреждений», «совершенно сохранившийся» (ожидать такой сохранности от археологических объектов было бы просто нереалистично), но означает лишь *«неразломанный»*. Древний предмет рассматривается как неповрежденный, если не нарушены грубо его внешняя *форма* (прежде всего топология) и его внутренняя структура и если он не расчленен на составные части, на компоненты, не фрагментирован.

3. ПОЛНЫЙ, ВЕСЬ (англ. whole artefact) — *артефакт*, воспринимаемый как *археограмма* и найденный в состоянии, позволяющем рассматривать его как целый (целостный, цельный) при переводе в *архему*. В археологии «полный» , «весь» не значит непременно не утративший ничего из своих компонентов (это нереалистично). Такое обозначение значит лишь, что бывшая целостность артефакта достаточно распознаваема и может быть, если потребуется, восстановлена. Таким образом, мы можем назвать артефакт (археограмму) целым (полным), если он найден пусть даже фрагментированным, но так, что все его *фрагменты* есть в наличии и они достаточно велики, чтобы позволить однозначную реставрацию. В последнем случае (т. е. при такой фрагментированности) предмет иногда называется «археологически целым».

ВЕЩЬ — в широком смысле: дискретный сгусток материальной субстанции — вещества в твердой фазе (т. е. в физическом смысле — твердое тело), сформированный или преобразованный культурными действиями людей. Под это определение подойдут не только *артефакты* в узком смысле, но и *фрагменты* и *сооружения*. В таком широком смысле этот термин употребляется в археологии не часто и не в сугубо специальных, а почти исключительно в производных выражениях («язык вещей», «описание вещей»).

В узком смысле: *портативный артефакт*, воспринимаемый как результат любых культурных действий — не только производственных, но и игровых, культовых, бытовых и т. д. Ни сооружение, ни отдельный фрагмент сюда не входят. Только портативные предметы отдельного *функционального* значения и отдельного *культурного значения* и только найденные *целыми*. Это могут быть: изделие, заготовка, отход производства, брак, сработанный артефакт и т. п.

Узкий смысл термина предпочтителен.

ИЗДЕЛИЕ (англ. article) — готовый и обособленный предмет производства, *вещь* определенного *функционального* назначения, специально изготовленная; прямой результат труда.

ПРОДУКЦИЯ— совокупность изделий; производство определенной отрасли ремесла.

СООРУЖЕНИЕ (в археологии, как сугубо археологический термин, англ. feature) — недвижимый (не портативный) *артефакт*, обычно крупный и нередко сложный, во всяком случае неотделимый от среды (от окружающей земли, от местности) без разрушения, разве что вырезать его монолитом, вместе с частью окружающей среды. Каждый такой объект имел некогда в живой культуре единственное главное назначение, например: хозяйственная яма, могила, жилище-полуземлянка, оборонительный вал или ров и т. д.

ОТЛОЖЕНИЕ — любое вещество (земля, щебень, выброшенные артефакты и т. д.), непроизвольно скопившееся на определенном месте за какой-то период времени и формально отличимое (визуально или наощупь) от окружающего вещества. В археологии отложение значимо как участвующее в образовании *стратемы*. Виды отложений: *естественное, культурное.*

ОТЛОЖЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ — *отложение,* сформированное естественными силами (ветром, водой, растительностью и т. д.). Таковы осадные породы (седименты), аллювиальные наносы, почвенный гумус и т. д. Естественное отложение обычно с т е р и л ь н о, т. е. оно не содержит *артефактов* за исключением очень редких случаев отдельных рассеянных находок (предметов, утерянных в прошлом). Конечно, попадаются культурные остатки, собранные в густые образования, четко ограниченные, поддающиеся пространственному выделению и изоляции от

окружающей массы отложения. Тогда именно эта окружающая и отделимая масса и есть то, что принимается за стерильную и называется «естественным отложением». Для археологии естественные отложения имеют значимость не только потому, что позволяют изучать природную среду давней культурной деятельности, но и как база для связи артефактов в *стратемах*.

ОТЛОЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЕ — *отложение*, сформированное ненамеренной человеческой деятельностью (пребывание на данном месте, обитание и т. д.) совместно с некоторыми естественными силами (такими, как гниение, коррозия, разложение и т. д.). Пример: культурный слой (англ. habitation layer). Обычно культурное отложение содержит уйму культурных остатков (мусора, сломанных и изношенных *артефактов*), равномерно распределенных по среде отложения, которое предоставляет тем самым некоторые возможности для относительной хронологии. Надо отличать культурные отложения от намеренно сделанных искусственных нагромождений земли (курганных насыпей, плотин, валов, нивелировочных площадок и т. п.), поскольку последние, принадлежа к *сооружениям*, были не столь равномерно отложены и, таким образом, создают другие условия для относительной датировки.

СТРАТЕМА — один из видов *конкретов*: сочетание *артефактов*, расположенных in situ, возможно, в *отложении* или между отложениями, так, что позволяет делать определенные заключения о временных взаимоотношениях относительно упокоения этих артефактов здесь — были ли артефакты помещены здесь одновременно или последовательно, которые из них упокоились раньше, которые позже, где с более долгими интервалами, где — с более короткими, и т. д. В идеализации стратема является основой для понятия *хронемы*. Виды стратем: *горизонтальная, вертикальная, комбинированная*.

СТРАТЕМА ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ*— *стратема*, в которой *артефакты* расположены так, что в установлении хронологии позволяют только заключение об одновременности (соотв. неодновременности) или приблизительной одновременности их упокоения, т. е. позволяют лишь синхронизацию. Она может осуществляться благодаря их залеганию между двумя *отложениями* или внутри одного не слишком мощного отложения или, пусть и мощного, но на одном и том же его уровне (на пропорционально равных расстояниях от его основы) и т. д. В идеализации (на пути к абстрактам) образует понятие *горизонта*.

СТРАТЕМА ВЕРТИКАЛЬНАЯ*— *стратема*, в которой *артефакты* расположены один на другом или один над другим или в различных пространственных отношениях по вертикали к одному и тому же *отложению* — так, что позволяют определенное заключение об их последовательности в процессе упокоения, т. е. об их диахронических соотношениях, хоть и без возможности синхронизации артефактов внутри этого скопления. В идеализации вертикальная стратема производит понятие *серии*. Вертикальная стратема в такой чистой форме встречается редко, чаще — как компонент в *комбинированной* стратеме.

СТРАТЕМА КОМБИНИРОВАННАЯ*— стратема, в которой *артефакты* и *отложения* залегают так, что предоставляют возможности как для синхронизации, так и для диахронизации. Этот наиболее часто встречающийся вид стратемы есть реальная исходная ячейка и модель хронологической сети.

СТРАТЕМА ДИНАМИЧЕСКИ-ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ*— *стратема*, в которой *артефакты* и *отложения* залегают, как в *горизонтальной* стратеме, но благодаря внешним данным о последовательности их упокоения, позволяют нам делать заключения, близкие к тем, которые получаются

из *вертикальной* стратемы. В частности, получив данные о хронологических соотношениях некоторых объектов внутри такой стратемы, археолог может интерполировать и экстраполировать эти соотношения в стратеме на объекты, отношения которых друг к другу неизвестны. Он это делает в соответствии с их позицией относительно объектов, чьи даты известны. Динамически-горизонтальная стратема — это как бы горизонтальная стратема, условно сведенная к вертикальной стратеме. Она служит базой для так называемой «горизонтальной стратиграфии», которая, строго говоря, вообще не стратиграфия, а скорее вид относительной хронологии.

КОМПЛЕКС — сочетание *вещей*, территориально сосредоточенных (на каком-то ограниченном уучастке) и, как можно полагать, *функционально* взаимосвязанных, сочетание, в основе которого лежит или предположительно лежало определенное *сооружение* или некоторая жизненная ситуация, событие или процесс.

Есть ряд разновидностей комплекса: *замкнутый комплекс, компонент, открытый комплекс* (культурный слой и др.).

Именно комплекс, преимущественно замкнутый, служит базой для образования абстракта «*археологическая культура*», в основном через *фокус* (культурный комплекс).

КОМПЛЕКС ЗАМКНУТЫЙ — совокупность *артефактов*, связанных совместным нахождением и обстоятельствами, с непреложностью говорящими о совместном участии этих артефактов в событии, которое привело к их отложению. Это соучастие и одновременность упокоения должны быть гарантированы обстоятельствами залегания и условиями обнаружения. Скажем, упорядоченное расположение в одной узкой яме с ненарушенным скелетом и перекрытием позволяет трактовать вещи как заупокойный инвентарь погребения — результат похорон.

Замкнутые комплексы используются в археологии для выявления совместного бытования артефактов в одной социокультурной среде, для установления их одновременности, функциональных связей и т. п.

Связывая воедино артефакты разных типов и категорий, замкнутый комплекс выступает как главная основа для формирования сложного абстракта — *археологической культуры*. Изучается на уровне *археограмм*.

КОНТЕКСТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ — *комплекс* и план расположения *вещей* и *сооружений* в нем. Необходимое дополнение к *замкнутому комплексу* (иначе не установить гарантированности связи артефактов условиями залегания).

Изучается на уровне *археограмм*, но с выходами за информацией на уровень *архем*.

КОНТЕКСТ КУЛЬТУРНЫЙ — сочетание, ваимоотношения и расположение функционально взаимосвязанных *артефактов*, в основе чего некая жизненная ситуация, событие или процесс. Обычно имеются в виду *вещи* и *сооружения*, сосредоточенные вокруг некоторого условного центра (главного пункта данного события или процесса), но в принципе ни узость, ни четкая ограниченность участка не предусмотрены определением. Возможен узкий (непосредственный) контекст, возможен и широкий контекст.

Изучается на уровне *архем*.

ПАМЯТНИК (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ) — один из видов *конкретов*: отдельное тесное соединение *артефакта* (артефактов) и/или *сооружения* (сооружений) с *отложением* (отложениями) или, другими словами, такая совокупность древних сооружений, отложений и артефактов, в которой все они связаны в одно целое непосредственным соприкосновением, взаимоналожением или хотя бы взаимопроникновением. Величина и количество конкретов определением не предписаны, но на практике

одиночный конкрет, не говоря уж о *фрагменте*, даже если он in situ, в соединении с отложением вряд ли мог бы считаться (и редко считается) достаточным для обеспечения статуса памятника. Все-таки обычно памятник — это на деле сложная совокупность взаимосвязанных конкретов с отложениями. Эта связь могла образоваться еще «при жизни», а могла уже после выхода объектов из культурного функционирования — в результате того, что упокоение произошло на одном месте и разнородные материальные остатки вошли в соприкосновение и даже частично перемешались.

Памятник может включать в себя много древних *контекстов*, совершенно не схожих и не связанных между собой «при жизни». Памятник — это понятие, которое непосредственно служит для установления не жизненных, а чисто археологических, посмертных соотношений между его культурными составляющими — территориальных, стратиграфических, структурных, контактных. Составные компоненты памятника связаны воедино не только обстоятельствами отложения, но и предопределенными этим условиями обнаружения.

Изучается на уровне *археограмм*.

В широком смысле памятник — это любой конкрет, вне зависимости от его связи с отложениями. Это широкое словоупотребление представляется ныне архаичным и редко встречается. Но вытекающая из его наличия неоднозначность термина обусловила схожую по смыслу, но однозначную замену для него, а именно — «местонахождение» (англ. site).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ (англ. site, нем. Bodenfund) — любой *памятник* или совокупность тесно смыкающихся территориально памятников, связанная с определенным местом и заметно отделенная территориально от других *конкретов* значительным расстоянием (свободным пространством) — так, чтобы заслуживать быть отмеченной отдельным значком (как отдельная точка) на археологической карте. Поскольку это понятие очень близко к понятию «памятник» (может рассматриваться как его территориальный аспект), но не столь многозначно, оно иногда используется как его замена (в английском — не иногда, а большей частью).

КАТЕГОРИЯ ПАМЯТНИКОВ — ячейка основной *группировки памятников*, напр., городища, курганы, стоянки и т. д.

Принято считать, что критерий различения категорий — *функциональное* назначение главных сооружений памятников. На деле таким критерием является *функционально-археологическая результанта*.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЗУЛЬТАНТА* — сумма характеристик, оказавшихся у археологического объекта в результате действий по его изготовлению и использованию (обусловленных его назначением и традицией) и постигших его разрушений. Очищая мысленно *функции* от позднейших наслоений и искажений, археологи вычленяют функции из функционально-археологической результанты.

ЧЕРТА (ЭЛЕМЕНТ) (англ. trait) — один из видов *абстрактов*: элементарная характеристика археологического объекта (артефакта или сооружения). Выявляется в простейших сопоставлениях данного объекта с другими объектами и сводится по сути к простейшему отношению между объектами по какому-либо *параметру*, по какому-либо показателю. Каждая такая характеристика есть результат отдельного акта сличения, реального или воображаемого, и — как минимум — требует такой возможности в принципе. Элементарность, конечно, относительна и означает здесь, что достигнут предельный уровень дробности, еще логически рациональный для данного материала и данных задач *группирования*. Это значит, что учтены наименьшие различия из имеющих смысл

при сопоставлении объектов данной размерности в данных аспектах и не учитываются различия, которые в таких условиях несоразмерны объектам, нерелевантны или незаметны.

Есть три вида черт: *свойства, признаки* и *статьи.*

СВОЙСТВО (англ. property) — элементарная характеристика (*черта*) археологического объекта, данная археологу-исследователю в непосредственном эмпирическом восприятии, безотносительно к тому, несет ли она какую-либо культурно-содержательную (смыслоразличительную, типообразующую, стилевую или модообразующую) нагрузку. Это любая элементарная качественная или количественная характеристика объекта, различимая исследователем (воспринимаемая хотя бы в принципе человеческими чувствами или приборами) и фиксируемая в его системе обозначений. Изначально свойства равноценны.

Аналитическая группировка и дескриптивная археология работают главным образом со свойствами.

ПРИЗНАК (ФАКТЕМА) (англ. attribute) — элементарная характеристика (*черта*), имеющая культурную значимость (смысло-различительная). Это любое из таких свойств, различия которых были запрограммированы (сознательно или неосознанно) создателями *артефактов* и *следов* (древними мастерами, участниками ссобытий и т.п.) и которые вместе с другими подобными свойствами формировали *конструкцию* или *стиль* предмета и т.п.

Соответственно большей или меньшей влиятельности различий, определяемых теми или иными признаками, признаки имеют большую или меньшую *культурную значимость*, играют более важную или менее важную роль в установлении соотношений объектов.

Выражением значимости может служить *вес признака.*

ВЕС ПРИЗНАКА (классификационный) —— количественная характеристика, определяющая иерархическое положение признака относительно других признаков в некоторой системе *группировки.* Выражается (обычно цифровым способом) в виде порядкового отношения или отношения кратности. Может служить математическим выражением *культурной значимости* признака, но может вводиться в группировку условно, произвольно, безотносительно к культурной значимости.

Оценка веса признаков лежит в основе некоторых видов *таксономической группировки* (в частности, в основе *древовидной группировки).*

СТАТЬЯ (англ. point)* — элементарная характеристика (*черта*) археологического объекта, выбранная исследователем произвольно, чтобы ею — одной или в сочетании с другими такими же — выделить *условную группу.*

МОД, МОДИФИКАЦИЯ (от англ. mod — вид) — один из видов *абстрактов*: результат идеализации конкретных воплощений гомологичных *фрагментов* разных *артефактов.* Мод — это стереотипное, повторяющееся сочетание *черт*, которое представляет определенную норму для изготовления, обработки и/или отделки какой-то части артефакта или *сооружения* — части, не обязательно отделенной морфологически внутри объекта, но обладающей независимым статусом скорее благодаря стереотипной фрагментации артефакта (или сооружения) во время его постдепозиционного существования (напр., черепок, венчик, ямка от столба). Это ячейка *группировки*, во всем подобная *типу*, только относящаяся к нижележащему уровню интеграции — в том смысле, что эта ячейка приложима не к целым предметам, а к их частям.

Только стандартные, повторяющиеся черты или их сочетание такого рода образуют модификацию, а проявления творческого индивидуализма мастеров, сколь угодно отличные и значительные, сюда не входят. Раз они остаются в культуре без последствий, то они не интересуют исследователя в аспекте группировки.

Понятие это применимо не только к обработке артефактов, но и к компонентам сооружений: планировке поселков и т.п. Оно позволяет прослеживать частные судьбы конструктивных и стилевых идей. Например, применяя понятие «тип», мы можем обнаружить импорты, а применяя понятие «модификация» — влияния и заимствования, ибо редко заимствуются неизменяемые типы, чаще — их черты, особенно — детали и составные части.

Это понятие лежит в основе группировки фрагментов, столь важной для археологии. Спецификации: *формема*, *блок*, *вырезка*.

ФОРМЕМА (КУЛЬТУРНЫЙ МОД) — *мод*, сформированный выявлением и обобщением или выделением (в совокупности гомологичных фрагментов) того сочетания признаков, которое в *архемах* придавало некоторой части предмета определенный культурный смысл, определенное значение в культурном функционировании *артефакта*, определенную роль в обеспечении артефакту такого-то *культурного значения*.

БЛОК* (ЭМПИРИЧЕСКИЙ МОД) — *мод*, сформированный выявлением и обобщением или выделением такого сочетания *свойств*, которое выступает в качестве обособленного и устойчивого (регулярного) для эмпирического восприятия, независимо от того, ухватывается ли это сочетание непосредственно, на глаз, или требует подсчетов; оно берется безотносительно к *культурному значению* или к *значимости*.

ВЫРЕЗКА* (УСЛОВНЫЙ МОД) — *мод*, сформированный условным подбором некоторого пучка *черт* (*статей*), сочетающихся на *артефактах* или *сооружениях*, и условным морфологическим ограничением этого сочетания, что равносильно условному выделению некоторого компонента артефакта или сооружения на всех экземплярах оных в качестве особого объекта изучения. Это как бы идеализация схожих *фрагментов*, одинаково вычлененных из схожих (по крайней мере этими участками) артефактов или сооружений.

МЕРОН — один из видов *абстрактов*. Получается при идеализации многих частных гомологичных представителей определенной *детали* в *артефакте* или в *сооружении*. Это стереотипное, повторяющееся сочетание черт или модов, которое представляет некую деталь. Мы имеем здесь дело с ячейкой группирования, схожей во всех аспектах с *типом*, но принадлежащей к нижележащему уровню интеграции — в том смысле, что это понятие приложимо не к целым объектам, а к их деталям. Понятие применяется при гомологизации объектов.

Спецификации: *культурный мерон*, *эмпирический мерон*, *условный мерон*.

МЕРОНОМИЯ — учение о рациональном единнообразном мысленном расчленении объектов соответственно их структуре на основе их гомологизации (рассечение на *мероны*). Часть дескриптивной археологии (соответствующая аналогичной отрасли других наук, особенно биологии, откуда и взят термин «мерон»).

КУЛЬТУРНЫЙ МЕРОН* (предложение для англ. яз.: archemeron) — *мерон*, образованный выявлением, обобщением или выделением в каком-то количестве *деталей артефактов* некоего стереотипного сочетания *признаков* или *формем*. Таким образом, это сочетание обладает опреде-

ленной ролью в культурном функционировании артефактов определенной *категории* и в установлении морфологической отделенности части (детали) в структуре артефакта. В каждом архетипе объектов, принадлежащих к одной и той же категории, мероны могут быть выделены как ее типизированные детали. Например, культурные мероны меча: рукоять, перекрестье и клинок.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ МЕРОН* (предложение для англ. яз.: empimeron) — *мерон*, образованный при выявлении, обобщении или выделении такого сочетания *свойств* или *блоков* (эмпирических модов), которое эмпирически ощущается как отдельное и устойчивое независимо от того, может ли быть ему приписано определенное (или даже какое бы то ни было) *культурное значение*.

УСЛОВНЫЙ (РАМОЧНЫЙ) МЕРОН* (предложение для англ. яз.: clipmeron) — *мерон*, образованный условным выбором связки *статей* или *условных модов*, сочетаемых в *артефактах* или *сооружениях*, и условным (произвольным) ограничением этого сочетания. Выделенная часть артефакта или сооружения, независимо от реальных структурных (морфологических) границ внутри объекта и даже от того, есть ли в нем вообще такие границы. Понятие применяется при гомологизации в случаях, когда объекты представляются аморфными или слишком сложными.

ТИП — один из видов *абстрактов*: результат идеализации (абстрагирования, суммирования и усреднения) *целых артефактов* (*вещей* или *сооружений*) предположительно одного назначения, объединяемых по их сходствам между собой и отличиям от других артефактов того же или иного назначения. По структуре это *образ*, сформированный на основе совокупности объектов, не выходящих за пределы *категории*.

Лежит в основе *типизации* и в центре интересов *типологии*. Разновидности группируются по гносеологическому соотношению с реальностью — *типы культурный* (*архетип*), *эмпирический* (*эмпитип*), *условный* (*рамотип*); по значениям — *функциональный, субфункциональный, экстрафункциональный;* по охвату параметров — *генеральный, морфологический* и др.

В *систематике* возможен иной смысл: один из *таксонов* (таксон некоторого ранга, определенного для конкретной *системы*, какого именно — дело уловное).

ДЕКРЕТ* — набор *черт* (*свойств, статей* или *признаков*), формирующих *тип*; идеалообразующий набор инвариант; формальная экспликация идеи типа.

КАТЕГОРИЯ (артефактов или сооружений) — группа объектов (*артефактов* или *сооружений*) одного или предположительно одного функционального назначения. Примеры категорий: топоры, ножи, ковши, могилы.

КОНТИНГЕНТ* — совокупность объектов, составляющих *класс* или тяготеющих к некоторому *типу* (и признаваемых однотипными) или оформленных в некотором *стиле* (и признаваемых однотильными).

ЛОКУС — место, которое данная *архема* или данный *контингент* занимает в пространстве и времени.

ГАБАРИТ — величина (объем) *локуса*.

АРЕАЛ (англ. area) — территория, занятая *контингентом*.

ИНТЕРВАЛ — отрезок времени, в течение которого существовал некоторый (данный) *тип* или *стиль* и на который, стало быть, простирается соответствующий *контингент*.

ПОПУЛЯЦИЯ — совокупность *артефактов* одного *класса* (или *типа* или *стиля*), оказавшихся в одной среде, в границах одного произвольно выделенного участка (*памятника, слоя, комплекса* и т. п.). Границы участка определяются задачами изучения.

ТИП КУЛЬТУРНЫЙ (АРХЕТИП) — или по другим, в русскоязычной литературе менее употребительным обозначениям, внутренний, «врожденный», заложенный изначально, присущий изначально (англ. intrinsic, inherent, inner, internal) — *тип*, сформированный согласно *группировке* предметов, введенной в материал самими создателями исследуемой *культуры* (в археологии — давними создателями исчезнувшей культуры прошлого), когда они упорядочивали и подчиняли своим нормам материал, сознательно или неосознанно, в своей привычной деятельности.

Культурные типы сформированы на основе связей, которые содержатся в материале, и в этом смысле культурные типы о б ъ е к т и в н ы. Но непосредственно распознать их невозможно, так как нам обычно неизвестны условные значения, придававшиеся тем или иным формам в древней культуре, и далеко не всегда достоверно известны *функции* ее вещей. Поэтому, когда мы придаем неким группам материала статус культурных типов, в это включаются нами опорные знания со стороны и цепочки умозаключений, а с ними — субъективность. В этом смысле культурные типы с у б ъ е к т и в н ы.

Этнографическое соответствие культурному типу археологии — это наслоение и обобщение нескольких последовательно связанных звеньев, доступных регистрации в живой культуре. Сюда входят: побуждение людей — идея, подсознательный стимул и т. п., далее каузальная цепочка, ведущая от такого побуждения через действия к материализованному результату. К археологу же культурный тип обращен лишь одной стороной — материальным результатом, который должен совпадать в своих границах со всем исчезнувшим, что ему предшествовало. Это и есть культурный тип в археологическом выражении.

В системной (культурной) типологии культурный тип распознается (и определяется) как устойчивое соответствие стереотипного облика *артефактов* (т. е. *эмпирического типа*) их стандартным позициям в характерных *культурных контекстах*.

Спецификации: *идеальный тип, эвидентный тип.*

ДРЕВНИЙ ИДЕАЛ ТИПА («МЫСЛЕННЫЙ ШАБЛОН») — идея или совокупность идей о надлежащем облике *вещей* или *сооружений* определенного назначения. Лежит в основе *культурного типа* (*архетипа*).

ТИП ЭМПИРИЧЕСКИЙ (ЭМПИТИП*) или, по другим, менее употребительный, обозначениям, реальный, наблюдаемый, естественный, опознаваемый, открываемый, обнаруживаемый (англ. real, observed, natural, discovered, detected, revealed) — есть *тип*, сформированный как устойчивое сочетание *свойств* (или *блоков, эмпимеронов*), присущее материалу и доступное эмпирическому восприятию (доступное точно так же, как и каждое свойство, взятое в отдельности). Это образует о б ъ е к т и в н у ю базу типологического и последующих этапов исследований. Но так как число свойств теоретически бесконечно, а на практике (после ряда рациональных ограничений) очень велико, то их выбор и группировка неизбежно зависят от исследователя — в этом смысле эмпирические типы как ячейки с у б ъ е к т и в н ы.

Устойчивые разграничения (и, следовательно, группировка) археологического материала вносились в него не только культурными нор-

мами создателей материала, но и случайными обстоятельствами тогдашней деятельности (таковые не всегда взаимоуравновешиваются), последующими воздействиями стихий и людей на археологические остатки, наконец, условиями их открытия. С другой стороны, некоторые культурные разграничения оказались стерты. Поэтому совокупность эмпирических типов не тождественна совокупности *культурных*, а ранги эмпирических разграничений не обязательно передают культурную иерархию, хотя те культурные типы и разграничения, которые сохранились, должны скрываться среди эмпирических.

ИДЕЯ ТИПА (ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ) — дошедшая до нас система инвариант, которыми *древний идеал типа* («мысленный шаблон») реализован в совокупности материальных объектов. Эта совокупность обычно является не вполне репрезентативной выборкой из полной совокупности всех реализаций древнего идеала, а система инвариант оказывается дошедшей до нас в поврежденном состоянии с потерями, искажениями и смещениями, да еще соединенной с паразитическими инвариантами. Раз так, то и реконструкция древнего идеала посредством простого обобщения инвариант в сумме материальных объектов, лежащая в основе *эмпирического типа*, не вправе претендовать на безусловный статус *культурного типа*. Формальная экспликация идеи типа — *декрет*.

ТИП УСЛОВНЫЙ (РАМОЧНЫЙ ТИП, РАМОТИП*) или, по другим, менее употребительным обозначениям, искусственный, придуманный, сработанный, врезанный (множ. нарезанные), навязанный, сделанный, создаваемый, построенный, произвольный (англ. designed, artificial, invented, cut, made, constructed, arbitrary, imposed) — это тип, сформированный произвольным выбором *статьи* или сочетания статей, *блока* или сочетания блоков, *эмпимерона* или сочетания эмпимеронов в качестве критерия для искусственного выделения некоторой *группы* в материале. Исследователь проводит это выделение, не считаясь со степенью устойчивости (регулярности) сочетаний, не считаясь также с разграничениями в материале, действительно чем-то выдающимися, и осуществляет это безотносительно к каким-либо гарантиям *культурной значимости* получаемой группы.

Такой тип является как бы рамкой, налагаемой извне на материал, и в этом смысле условен и с у б ъ е к т и в е н. Однако вырезанная этой рамкой часть материала обладает вполне реальными характеристиками и реальными отличиями от других частей материала, от других выборок. В этом смысле условный тип о б ъ е к т и в е н. С помощью условных типов можно уловить и описать характеристики и различия разных частей материала, когда собственные четкие разграничения в нем (древние культурные или эмпирически наличные ныне) отсутствуют или не поддаются выявлению на данном уровне изученности и методической оснащенности. Кроме того, независимость от иерархии *групп* и разграничений, навязанной эмпирическим восприятием, дает исследователю свободу в поиске *культурных значений* с помощью этнографических параллелей и т. п.

Спецификация: *полярный тип*.

ТИП ЭВИДЕНТНЫЙ* — *культурный тип*, столь центрированный и стандартизированный сам по себе, столь резко отличающийся формально от других, что сразу же распознается эмпирически как данность, и нет никакой нужды в специальных операциях по его выявлению и ограничению.

ТИП ИДЕАЛЬНЫЙ (по М. Веберу) — видоизменение *культурного типа*: мысленное соединение ряда оптимально согласуемых связей в

непротиворечивый, но односторонний комплекс, в котором некое явление действительности «усилено» до предела. Это не норма и даже не идеал, это абсолют, мысленный предел развития данного явления. Реальные формы не роятся вокруг него, они сопоставимы с ним и в своей типичности измеряются не по степени отклонения от него (как от среднего), а по степени приближения к нему (как пределу). Идеальный тип осознанно фиктивен и может не иметь прямого соответствия в реальной действительности. Это средство познания. Это также и отражение действительности, но переработанное, углубленное: в нем отражаются не столько актуальные связи, сколько сущность и потенции развития.

Именно таковы «тип» и «типическое» в литературоведении и искусствоведении. В археологии к этому понятию ближе всего «первичный тип» (tipe primaire) Ж. Лапласа.

ТИП ПОЛЯРНЫЙ (чистый, шеренговый, степенной, англ. ranged tipe) — разновидность *условного типа*: крайняя позиция в распределении некоторого реального явления по определенной шкале; один из концов шкалы, полюс. По определению, крайние типы должны быть парными и могут получать количественную характеристику. Реальные явления выстраиваются в шеренгу между ними, измеряются по степени приближения к своему краю (полюсу), и совокупность их может быть разграничена условной демаркационной линией надвое.

ТИП ГЕНЕРАЛЬНЫЙ — *тип*, выделенный на основе учета всех *параметров*: внутренних (морфологических) и внешних (комбинаторных, ситуационных и пр.). В обычной эмпирической разработке (на основе уравнивающей корреляции) такой тип оказывается в конечном счете формально наиболее близким этным соответствием эмному, т. е. *культурному типу*. Однако в генеральном типе (при такой его разработке) есть только конечный результат некоторых культурных процессов, тогда как в культурном типе подразумевается и фиксация последовательности этапов такого процесса — прежде всего выборов, стоявших перед мастером. Путь к вскрытию этой последовательности лежит не через генеральный тип, а через *морфологические*, коррелируемые снова и снова с дополнительными чертами.

ТИП МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ — *тип*, выделенный как морфологическая ячейка — на основе *формы* (в узком или широком смысле). Внешние *параметры артефактов* — комбинаторные связи артефакта с другими в комплексе, ситуационные отношения его, хорология (территориальная локализация) и хронология — вовсе не учитываются при выделении, но входят в состав критерия. С ними сверяется уже готовый тип.

ТИП ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ — *тип,* выделенный по чертам, определяющим *функциональное* назначение артефактов. Артефакты, принятые за однотипные по такому критерию, составляют одну *категорию* артефактов.

Критерий этот очень по-разному конкретизируется в *чертах* — ввиду того, что очень разнообразны *функции*, которые здесь имеются в виду. Функции эти могут сочетаться на одних объектах. Обычно в сочетаниях, где есть *инструментально-техническая* функция, она является первичной и определяющей. Поэтому под функциональным типом имеют в виду чаще всего тип, выделенный по чертам, определяющим именно инструментально-техническую функцию артефактов. Инструментально-техническая же функция морфологически выражается в основном *конструкцией*, а опознается еще и по внешним признакам (сочетаемости, ситуациям). Поэтому функциональные типы (и, соответственно, ка-

тегории артефактов) различаются прежде всего по конструкции (хотя не всегда разные конструкции различаются по функции), но также и по веществу, технологии и т. п., а косвенно — и по внешним чертам. Поскольку техническая функция, выраженная в конструкции, обычно ведет к четкому отделению несущих ее артефактов от других, первые составляют *класс*, а не *типологическую группу*. Таким образом, *категория* — это разновидность класса.

ТИП СУБФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ* — *тип*, выделенный по чертам, определяющим *субфункциональные* способности *артефактов*, т. е. составляющим критерии эффективности и адаптационный. Эти критерии выражаются морфологически иногда в *конструкциях*, чаще в *абрисах*. Соответственно, субфункциональные типы различаются иногда конструкциями, чаще — по абрису.

Поскольку этими критериями различаются артефакты одного *функционального* (главным образом инструментально-технического) назначения, внутри одной *категории*, сформированные этим субфункциональные типы (как не имеющие другого названия) и рассматриваются как типы par excellence (по преимуществу), собственно — типы орудий, утвари и оружия. Они оказываются обычно видоизменениями *архетипа* артефакта некоторой инструментально-технической функции применительно к разным условиям и разным стадиям развития. Из таких типов и составляются типологические ряды и филогенетические древеса утвари, орудий и оружия.

ТИП ЭКСТРАФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ* — *тип*, выделенный по чертам, определяющим *экстрафункциональные* особенности *артефактов*, т. е. по чертам, подчиненным сочетанию критериев удачи (везенья) и популяционного. Сочетание этих критериев морфологически выражается изредка в *конструкциях*, чаще в *абрисах*, обычно же во *внешности* артефактов.;

Поскольку, однако, такие установки, утвердившись в определенных социокультурных средах, приобретали эстетическую и знаковую ценность, они оказывались уже не вполне экстрафункциональными. Экстрафункциональными они вправе считаться лишь в генетическом плане — по происхождению, но не по бытованию, не по своей действенности и не по основаниям живучести, не в актуальном плане. Здесь-то они оборачиваются *функциональными* (правда, не инструментально-техническими).

По этой же причине экстрафункциональные типы практически совпадают со *стилистическими* и рассматриваются как типы par excellence (типы — по преимуществу, собственно-типы) украшений и близких к ним парадных предметов вооружения, инсигний власти и предметов ритуала. Применительно же к обычным орудиям, оружию и утвари эти типы выступают обычно как подтипы, типами же par excellence оказываются тогда *субфункциональные типы*.

ОБРАЗ (в узком смысле) — изобразительная спецификация образа (в широком смысле) применительно к передаче одушевленного целого объекта (например, образ Георгия-Победоносца или образ дракона). В этом употреблении термин обозначает понятие, однопорядковое с *«категорией»* (т. е. функциональным типом). Передаваемое данным воплощением образа действие или состояние живого объекта обозначается термином *«поза»*. Диагностические для данного образа *детали* — *аксессуары* (например, для Георгия-Победоносца — копье, конь и змей). Стереотипный способ передачи такого образа (например, Георгий — с таким-то поворотом головы, на вздыбленном коне, с копьем, нацеленным вниз, и т. п.) дает основу для выделения *иконографического типа*, который сопоставим с археологическим типом.

ПОЗА — действие или состояние живого объекта, фиксированное (схваченное) изображением.

АКСЕССУАР — *деталь* на изображении, диагностическая для некоторого *образа* (в узком смысле).

ТЕМА — изобразительная спецификация *образа* (в широком смысле) применительно к передаче неодушевленного предмета; это понятие сопоставимо с образом (в узком смысле) и точно так же дает основу для *иконографического типа*.

ТИП ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ — спецификация археологического понимания *типа* применительно к *образу* как изображению одушевленного целого объекта или *теме* как передаче неодушевленного предмета. Соответственно, выступает в тех же срезах, что и археологический тип — как *эмпирический, условный* и *культурный*.

МОТИВ — изобразительная или стилевая спецификация *образа* (в широком смысле) применительно к передаче *детали* любого изображения или оформления, к составной части образа в узком смысле (напр., мотив: голова грифа, мотив глаза, мотив трискелия, мотив плетенки). Таким образом, *мотив* — это деталь или просто часть объекта, одушевленного или нет, намеренно (или по крайней мере назойливо) изображенного, опознаваемого и выделимого (пусть хоть мысленно) в разных изображениях, так что он повторителен или с потенциями к повторению. Сопоставим с археологическим *модом* или *мероном*.

КАРТИНА (КОМПОЗИЦИЯ, если с участием образов — СЦЕНА) — изобразительная спецификация *образа* (в широком смысле) применительно к многофигурному или просто составному изображению с участием нескольких обособленных компонентов (несросшихся, имеющих и самостоятельное бытование и т. п.), будь то образы, *темы* или отдельные самостоятельные *мотивы*. Это — понятие, однопорядковое с археологическим понятием *замкнутого комплекса*.

Иногда в том же значении употребляется термин *«сюжет»*, однако он подразумевает прежде всего обозначение некоторого действия или состояния (например, в сцене терзания, в сцене адорации), тогда как картина может быть и бессюжетной (например, набор символов).

СТИЛЬ (культуры, культурный, как общекультурное понятие, рассматриваемое здесь со стороны археологии) — устойчивая *ассоциация* характеристик, связанных не по функциональным и приспособительным значениям, а по особенностям, сложившимся в известной мере случайно, благодаря произвольному выбору, и утвердившимся благодаря контактам и традициям. Стиль осуществляется в сфере *формы*, а не субстанции, и подразумевает избирательность форм и их сопряженность, независимую от *функциональных* связей (экономических, адаптационных и т. п.). Стиль формируется как *конфигурация (патерн)*, а не как *образ*.

К этому определению стиля чаще всего добавляется еще и указание на внутреннее единство, связность, цельность. Эти качества стиля обусловлены тем, что на формировании стиля сказываются факторы, ограничивающие случайность и направляющие выбор. Это факторы социально-экономические, исторические, географические, в некоторой степени и биологические (темперамент, расовый облик людей, влияющий на форму и цвет одежд и украшений). Все вместе они воздействуют на социальную психологию и через нее предопределяют общие детерминанты стиля.

Так что если у компонентов стиля может и не быть формальных сходств, то все же стоящие за ними идейные мотивировки объединены

общими чертами или функциональной зависимостью. Эти мотивировки — не что иное как социальные нормы, духовные ценности, этические императивы, а к ним примыкают эстетические идеалы.

Если последним отведено ведущее место в критерии, то возникает спецификация общекультурного понятия стиля — *художественный стиль.*

Стиль, как правило, охватывает разные функциональные *категории*, пересекает границы категорий. В случае ограничения рамками одной категории понятие «стиль» выступает как более широкая общность, чем *«манера»*: несколько типов могут быть объединены одним стилем и противопоставлены другим типам той же категории лишь при наличии очень резких различий между этими группами типов, особенно если это подкрепляется распределением хронологическим, территориальным, этническим, социальным и т. п. Если уж признается наличие в таких условиях отдельного стиля, то подразумевается, что эти различия столь отчетливы и такого характера, что могли бы (и должны были бы) сказаться и в других категориях *архем,* даже в других *фракциях* материала, если бы анализ был на них распространен.

СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ — спецификация *стиля культурного.* Осуществляется в сфере *формы,* а не субстанции, подразумевает избирательность форм (т. е. свободу выбора, возможность альтернативных решений) и их взаимосогласованность, столь высокую, что ею достигается внутренняя цельность всей совокупности характеристик, причем в основе этой цельности лежит единство эстетических оценок.

МАНЕРА (трактовка, облик) — спецификация *стиля*, стилевая конфигурация, выявленная внутри одной функциональной *категории* объектов, выделяющая серию таких объектов и противопоставляющая ее другим объектам той же категории.

СОРТ (ВИД, РОД) (нем. Art, Gattung; англ. ware, kind) — *группа* археологического материала (обычно имеется в виду керамика), выделенная по сочетанию технологии (обжиг, примеси и т. п.) с композицией, мотивами и техникой орнамента без учета *формы* предметов (сосудов). Применяется не в группировании ц е л ы х артефактов, а при сортировке ф р а г м е н т о в на основе *группирования* (с учетом сочетаемости) отдельных комплексных характеристик материала (в частности, в группировании фрагментированной керамики). От обиходного употребления слова «сорт» в русском языке отличается отсутствием рангово-оценочного значения, ранжирования (выражаемого порядковыми числительными и т. п.).

ОРДОНАНС* — набор *черт* (*свойств, статей* или *признаков*), формирующих *стиль* или *манеру.* Спецификация ордонанса применительно к архитектуре — ордер.

ХРОНЕМА* — разновидность *абстракта*: хронологическое соотношение *типов* или *стилей* (также *модов, меронов,* иногда *черт*). Это результат обобщения и идеализации *стратем*, в которых состоят данные типы (или другие абстракты).

Виды: *элементарная хронема* и *мегахронема.*

ХРОНЕМА ЭЛЕМЕНТАРНАЯ* — *хронема*, которая устанавливает непосредственные хронологические соотношения между двумя или многими *типами* (или другими *абстрактами* того же ряда) на основе обобщения ряда *стратем* схожего состава.

Виды: *синхронема, диахронема.*

СИНХРОНЕМА* — *элементарная хронема,* которая устанавливает синхронизмы (на базе обобщения ряда *горизонтальных стратем).*

ДИАХРОНЕМА* — *элементарная хронема*, которая устанавливает диахронические отношения (последовательность) (на базе обобщения ряда *вертикальных стратем*).

МЕГАХРОНЕМА (ЦЕПЬ ХРОНЕМ)* — система *элементарных хронем*, которая устанавливает хронологические соотношения (прямые и косвенные — через посредствующие звенья) между рядом *стилей* или многими *типами* (и/или другими *абстрактами* того же рода).

Виды: *горизонт, вереница.*

ГОРИЗОНТ — разновидность *мегахронемы:* мегахронема, которая устанавливает одновременное или приблизительно одновременное упокоение *типов* (или других *абстрактов* того же рода). Является результатом обобщения и идеализации *горизонтальных стратем*, в которых состоят данные типы (или подобные абстракты).

Разновидности: *хронологический, типологический, культурный.*

ГОРИЗОНТ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ — такой *горизонт*, в котором одновременность упокоения установлена для *условных типов* (или подобных *абстрактов*) на основе условного выделения определенных связей, интересующих исследователя при условно (произвольно) намеченных границах. На практике нередко эти границы совпадают с рубежами тысячелетий, веков, десятилетий современного летоисчисления или с их грубо намеченными частями (половинами, третями, четвертями). Конечно, выделение производится с ориентировкой на избранное событие, историческую личность, группу из прошлого, на дату памятника или на пункт или подразделение периодизации.

ГОРИЗОНТ ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ — такой *горизонт*, в котором одновременность упокоения установлена для *эмпирических типов* (или подобных *абстрактов*) только на основе наблюдаемых связей и с выявлением границ, выступающих в самом материале.

ГОРИЗОНТ КУЛЬТУРНЫЙ — такой *горизонт*, в котором одновременность упокоения установлена для *культурных типов* (или подобных *абстрактов*) на основе культурной оценки наблюдаемых связей и с помощью реконструкции частей, которые не выступают наглядно (т. е. используя экстра- и интерполяцию, сравнительную хронологию и т. д.). Границы культурных типов должны соответствовать реальной, внутренней периодизации древней культурной жизни. Культурный горизонт рассматривает не только время упокоения, но и возраст *архем*, и это требует выходить за границы сетей связей *стратем*.

ВЕРЕНИЦА* (предложение для англ. яз.: consecution*) — вид *мегахронемы*: такая мегахронема, которая устанавливает последовательность *типов* (или других подобных *абстрактов*). Результат генерализации и идеализации ряда *вертикальных стратем*, в которых состоят данные типы.

Виды: *серия, цепочка, караван.*

СЕРИЯ — такая *вереница*, в которой хронологическая последовательность упокоения установлена на основе условного выделения связей, интересующих исследователя, при условном же наложении границ на материал.

Виды: *цуг, лента.*

ЦУГ* (предложение для англ. яз.: file*) — такая *серия*, в которой последовательность установлена для любых хронологически фиксированных форм, независимо от того, установлены ли их границы во времени и пространстве, независимо также от их соответствия пикам на кривой распределения частот встречаемости и независимо от расстояний между избранными формами.

Примеры цуга: *условные даты* (sequence dates) египетской хронологии Флиндерса Питри, *серии* Дж. Форда (в его теоретических примерах), *ряд* Монтелиуса (tipologische Serie, tipologische Reihe) — в начальной стадии формирования его идеи.

ЛЕНТА* (предложение для англ. яз.: ribbon*) — такая *серия,* которая построена внутри отдельного *типа* (*эвидентного* или статичного или представляемого таковым) для разных частот встречаемости, *которые отличаются своим присутствием в комплексах и фиксируются* хронологически. Обычно имеет форму ладьевидного распределения. Пример: серия Дж. Форда в его практике.

ЦЕПОЧКА,* ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕПОЧКА (предложение для англ. яз.: train*) — такая вереница, в которой хронологическая последовательность упокоения установлена для *эмпирических типов* (или для подобных *абстрактов*) при статистическом выявлении кластров форм и только на основе наглядно выступающих связей между ними. Кроме обобщения и упорядочения всех *стратем,* особое значение придается интенсивным непосредственным парным связям между смежными -комплексами (или группами комплексов) — таким образом, что какую пару смежных комплексов ни взять, связь в ней устанавливается *типами* (или *стилями* и т. п.), общими для обоих звеньев пары, или схожими соотношениями частот встречаемости одних и тех же типов (или стилей и т. п.). В этих связях, по-видимому, отражаются контексты поколений (или фазы культурной истории), смежные во времени.

Примеры: диахронические стержни в хронологических системах, построенных Софусом Мюллером, Рейнеке и Дж. Фордом.

КАРАВАН — такая *вереница,* в которой хронологическая последовательность упокоения установлена для *культурных типов* (*и модов, меронов*) на основе культурной оценки наблюдаемых связей и с помощью реконструкции (посредством экстра- и интерполяции, сравнительной хронологии и т. п.) частей, наглядно не наблюдаемых. Кроме времени упокоения также учитывается и возраст — время, когда сделаны вещи. Для этого требуется выход за пределы сети связей *стратемы.*

Виды: *типологический ряд* и *свободный типологический ряд.*

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ РЯД (англ. sequence) — такой *караван,* в котором *типы* (или *моды, мероны*) связаны воедино сравнительно длинной (проходящей сквозь ряд звеньев) линией (или линиями) преемственности, или наследования, в одном месте или (с диффузией) в разных.

Примеры: эволюционные типологические ряды Монтелиуса (tipologische Serien, typologische Reihen), диффузионные типологические ряды Эллиота Смита.

СВОБОДНЫЙ КАРАВАН* — *караван,* свободный от требований, налагаемых на понятие каравана определением *типологического ряда.*

КОНЦЕРН* — система сочетающихся *типов,* связанных друг с другом, в условиях разброса, частой, но в основном косвенной совстречаемостью в *замкнутых комплексах* при отсутствии привилегированного непосредственного сочетания типов. По структуре подходит под понятие *патерна* (*лигатуры*). Является аспектом *фокуса* и *букета* и лежит в основе к о р р е л я ц и о н н о й версии определения *археологической культуры.*

ТРАФАРЕТ* (предложение для англ. яз.: stencil*) — система *типов,* связанных непосредственной совстречаемостью, выявленная обобщением индивидуальных проявлений сочетания типов в реальных *комплексах.* По структуре подходит под понятие *образа* (в широком смысле) и схож с *типом.* Является аспектом *фокуса* и *букета* и лежит

ОРГАНИЗОВАННОСТЬ МАТЕРИАЛА. ПАРАДИГМА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КРИТЕРИЙ ВЫЯВЛЕНИЯ	ВЫЯВЛЯЕМЫЙ АБСТРАКТ	СОВОКУПНОСТЬ СОСТАВЛЯЮЩИХ (набор типов, перечень, содержание)		СОВОКУПНОСТЬ КОМПЛЕКСОВ (охват)	СОВОКУПНОСТЬ АРХЕМ
СОВСТРЕЧАЕМОСТЬ КОСВЕННАЯ	КОНЦЕРН	КОНСТЕЛЛЯЦИЯ	КОГОРТА	ФЕДЕРАЦИЯ	КАССА
СОВСТРЕЧАЕМОСТЬ НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ	ТРАФАРЕТ	КОМПАНИЯ		ФЕДЕРАЦИЯ	КАССА
СТИЛЬ	АНСАМБЛЬ	КОНСОНАНС		ФЕДЕРАЦИЯ	КАССА
КОВАРИАЦИЯ	КОГЕРЕНТА	КОНСОРЦИЯ		ФЕДЕРАЦИЯ	КАССА
КОДИСТРИБУЦИЯ	БУКЛЕТ	КОМПЛИКАЦИЯ		ФЕДЕРАЦИЯ	КАССА
СУММАРНАЯ СВЯЗЬ ТИПОВ	ФОКУС	КОДЕКС		КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА	КАССА
	БУКЕТ	КОМПОНЕНТ		АУРЕОЛА	КОНВЕНТ
				ЭПИСТОЛА	ПЛЕНУМ
					АССАМБЛЕЯ

СОВСТРЕЧАЕМОСТЬ (признаков) В РАМКАХ КАТЕГОРИИ	ТИП	ДЕКРЕТ	КОНТИНГЕНТ
СОВСТРЕЧАЕМОСТЬ (признаков) ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЭТИХ РАМОК	СТИЛЬ (трактовка)	ОРДОНАНС	КОНТИНГЕНТ

Р и с. 73. Парадигма археологической культуры.

в основе типокомплексной версии определения *археологической культуры*.

ТИП КОМПЛЕКСА — *образ комплекса,* выделенный на основе обобщения весьма схожих *замкнутых комплексов* (внутри одной функционально выделяемой *категории* комплексов — погребений, или поселений или кладов и т. п.). По структуре схож с *типом* артефакта и с *трафаретом*, но по составу уже, специализированнее трафарета. Может быть положен в основу выделения *демикультуры*.

АНСАМБЛЬ* — система *типов*, связанных *стилистическим* сходством. Является аспектом *фокуса* и *букета* и лежит в основе стилистической версии определения *археологической культуры*.

КОГЕРЕНТА* — система коварьирующих *типов*, т. е. типов, связанных *ковариацией* (параллельной, согласованной, когерентной изменчивостью во времени и пространстве). Является аспектом *фокуса* и *букета* и лежит в основе ковариационной версии определения *археологической культуры*.

БУКЛЕТ* — система *типов*, связанных *кодистрибуцией* — схожим распространением во времени и пространстве, близким совпадением *локусов*, образующих один сводный локус. Является аспектом *фокуса* и *букета* и лежит в основе территориальной (картографической) версии определения *археологической культуры*.

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ* — совокупность *типов*, входящих в один *концерн*, отвлеченная от связей между ними (просто перечень, набор). *Субкодекс* (аспект *кодекса*). См. также *когорта*.

КОМПАНИЯ* — совокупность *типов*, входящих в один *трафарет*, отвлеченная от связей между ними (просто перечень, набор). *Субкодекс*. См. также *когорта*.

КОНСОНАНС* — совокупность *типов*, входящих в один *ансамбль*, отвлеченная от связей между ними (просто перечень, набор). *Субкодекс*. См. также *когорта*.

КОНСОРЦИЯ* — совокупность *типов*, входящих в одну *когеренту*, отвлеченная от связей между ними (просто перечень, набор). *Субкодекс*. См. также *когорта*.

КОМПЛИКАЦИЯ* — совокупность *типов*, входящих в один *буклет*, отвлеченная от связей между ними (просто перечень, набор). *Субкодекс*. См. также *когорта*.

КОГОРТА* — совокупность *типов,* входящих в одну систему, являющуюся аспектом *фокуса* (т. е. в один *концерн, трафарет, ансамбль* или *буклет* или в одну *когеренту*), отвлеченная от связей между типами, т. е. просто перечень, набор типов. Это *субкодекс* (аспект *кодекса*). Здесь введено как общее обозначение для разных видов субкодекса: *констелляции, компании, консонанса, консорции* и *компликации*. Возможно, однако, что на практике такое детальное различение субкодексов окажется ненужным, и будет удобнее употреблять термин «когорта» вместо этих более частных терминов, т. е. в качестве обозначения любого субкодекса.

ФЕДЕРАЦИЯ* — совокупность (замкнутых) *комплексов,* охваченных одним *концерном* (или *трафаретом, ансамблем, когерентой, буклетом*), а значит и одной *когортой типов*.

КОДЕКС* — совокупность *типов,* составляющих один *фокус* (или тяготеющих к одному фокусу и причисляемых к нему), отвлеченная от связей между ними, т. е. просто набор, перечень типов. Аспекты

(варианты) этого набора — *субкодексы (когорты): констелляция, компания, консонанс, консорция* и *компликация*. Кодекс — то же для фокуса, что *декрет* — для *типа* и *ордонанс* — для *стиля*.

БУКЕТ* (узел)* — система, образованная из нескольких не обязательно существенных *типов*, связанных некоторой не обязательно сильной сопряженностью, причем это может быть система, охватывающая материал в рамках одной *фракции* или выходящая за пределы фракции. Совокупность составляющих его типов — *кодекс*.

ФОКУС (КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС) — система, состоящая из значительного ряда существенных *типов*, связанных сильной сопряженностью и относящихся по крайней мере к нескольким из важнейших *фракций* археологического материала (желательно — характеризующих хотя бы несколько из важнейших аспектов социокультурной жизни: производство, обитание, культ и т. п.). Лежит в основе выделения *археологической культуры*. Его аспектами являются: *концерн, трафарет, ансамбль, когерента, буклет*. Совокупность составляющих его типов — *кодекс*.

КОМПОНЕНТ — совокупность материала, которой некоторый *фокус* представлен в отдельном *памятнике*.

ЭПИСТОЛА* — совокупность *комплексов*, в которых встречены отдельные *архемы*, принадлежащие, возможно или наверняка, к одному или нескольким *типам* данного *фокуса*.

АУРЕОЛА* — совокупность *комплексов*, в которых встречены целые серии *архем*, принадлежащих к *типам* данного *фокуса*, но заметно уступающие численно в этих комплексах архемам других фокусов.

КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА (КОНФЕДЕРАЦИЯ) — совокупность *комплексов* и отдельных находок, объединенных и отличающихся от прочих исключительным или преобладающим проявлением одного фокуса или даже отдельных, но характерных только для него сложных компонентов. Это, в сущности, обобщенная *федерация* — сумма всех частных федераций одного *фокуса*, т. е. соответствующих разным его субсистемам. Она также соотносится с фокусом, как *контингент* с *типом* или *стилем*.

КАССА* — совокупность тех (и только тех) *артефактов* данного *кодекса* (или *когорты*), которые обнаружены в *комплексах* данной соответствующей ему (или ей) *культурной группы* (или *федерации*).

ПЛЕНУМ* — совокупность всего материала, всех *артефактов*, данного *фокуса* (обнаруженных) и в его *культурной группе*, и в *ауреоле*, и в *эпистоле*. Таким образом, пленум включает в себя *кассу* как часть.

КОНВЕНТ* — совокупность всех *артефактов*, обнаруженных в *комплексах* данной *культурной группы* (или *федерации*) включая артефакты других (чуждых) *кодексов*, прибывшие в качестве импортов и опознаваемые по своей принадлежности к идиомам чуждых кодексов. Таким образом, конвент включает в себя *кассу* как часть.

АССАМБЛЕЯ* — совокупность всех материалов, причастных к данной *культуре (фокусу* и *культурной группе*), т. е. как *артефактов,* обнаруженных в *комплексах* данной культурной группы вне зависимости от фокуса (т. е. входящих в *конвент*), так и артефактов, обнаруженных в *ауреоле* и *эпистоле*, т. е. принадлежащих к данному фокусу (входящих в его *кодекс*) вне зависимости от границ культурной группы. Таким образом, ассамблея образуется как бы взаимоналожением *пленума* и *конвента*.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — общее понятие, включающее в себя как свои аспекты фокус (культурный комплекс) и *конфедерацию (культурную группу)*. В тех случаях, где не требуется детальное различение между этими аспектами, термин «(археологическая) культура» может быть подставлен на место любого из этих двух терминов.

Археологическая культура определяется на базе упорядоченной совокупности устойчиво (регулярно) взаимосвязанных *типов* явлений материального мира, данных нам в археологических остатках, т. е. типов *вещей* и *сооружений* и типов отношений между вещами и сооружениями.

Критерием выделения археологической культуры могут выступать: а) одинаковое стратиграфическое распределение типов «руководящих древностей» (франц. types directeurs, англ. index-types, нем. Leittypen) с сосредоточением их в одной свите слоев сравнительной стратиграфии некоторого региона (стратиграфическая версия); б) одинаковое территориальное распространение и распределение некоторых типов (территориальная версия); в) стилистическое родство некоторых типов в рамках определенного периода и территории (стилистическая версия); г) *ковариация* — параллельная изменчивость в пространстве (*кодивергенция*) и времени (*котрадиция*), словом, согласованность, когерентность изменений (ковариационная версия); д) сочетаемость типов в *(замкнутых) комплексах* (комбинаторная версия); последняя версия распадается на две — корреляционно-типологическую и типо-комплексную: в первой критерием выделения археологической культуры выступает устойчивое сочетание типов, регулярно связанных друг с другом (не обязательно непосредственно) через замкнутые комплексы, которые могут быть весьма различными (комплекс связанных типов), во второй — устойчивое сходство самих сочетаний в комплексах, сходство самих комплексов (тип комплекса).

Абсолютные количественные нормативы конституирования археологических культур не поддаются фиксации. Охват территории, времени или количество памятников или находок вообще не имеют значения и могут быть сколь угодно малы или велики. Важнее плотность (густота и сила) связей и размах отличия от соседних групп (степень типологической обособленности). В поисках нормативов этого плана археологи подсознательно или осознанно исходят из ориентировки на соответствующие качества этнографических культур, совпадающих с отдельными народностями, говорящими на собственных языках, или с другими общностями (конфессиональными, потестарными и т. п.), равнопорядковыми социальным организмам.

Однако, учитывая их разнообразие и отсутствие норм обособленности (степень отличия от родственных и соседних групп определяется историей и ситуацией), не удается обосновать выбор эталонов. К тому же доступная измерению часть материальных объектов, перешедшая из живой культуры в археологическую, не обязательно адекватно отражает соотношения, важные в этом плане. Поэтому представление о живых социальных организмах служит лишь самым общим и приблизительным ориентиром, а кооичественные нормы для придания ранга культур *ассоциациям* и *общностям* археологического материала устанавливаются не очень стабильно и не очень унифицированно — исходя из локальной научной традиции, из богатства и степени изученности материала, из условий и задач изучения. Ранговые оценки могут изменяться: что́ считалось одной культурой, разделяется на несколько; *варианты культуры* приобретают статус культур, и, наоборот, несколько локальных групп могут быть поняты как варианты одной культуры.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭМПИРИЧЕСКОЙ (ЭТНОЙ) ИПОСТАСИ (ЭМПИКУЛЬТУРА) — *археологическая культура,* выделенная на основе взаимосвязанности определенных *эмпирических типов* (*эмпитипов*); эта взаимосвязанность выявляется обычно корреляциями на пути индуктивного обобщения материала (в этном русле исследования).

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВНОЙ ИПОСТАСИ (РАМОКУЛЬТУРА) — *археологическая культура,* выделенная на основе произвольно избранных связей между определенными *условными типами* (*рамотипами*); представляет собой отражение (в археологическом материале) некоторых реальных древних связей, культурных и исторических, гипотетически, условно принимаемых за отражение некой реальной общности прошлого; на деле получается модель, которой заведомо никак не гарантированы соответствия (в виде обособленных общностей) в прошлой действительности.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В КУЛЬТУРНОЙ (ЭМНОЙ) ИПОСТАСИ (АРХЕКУЛЬТУРА) — *археологическая культура,* представляющая собой выражение взаимосвязанности определенных *культурных типов (архетипов)* и ближайшее археологическое отражение некоторой культурной и исторической общности прошлого, ее остаток и отпечаток в упокоенной материальной культуре. Обычно схватывается интуитивно и служит основой для выделения культурных типов. Но возможна и формализация этого «схватывания».

ВАРИАНТ КУЛЬТУРЫ — формально (типологически) выделенная часть *археологической культуры,* сформированная на основе обособленной, несовпадающей с другими части культуры, причем эта часть (более узкая группа *комплексов* и находок) охвачена вариантом (ипостасью, а не частью!) *фокуса,* в чем-то существенно отличным от других вариантов того же фокуса, не совпадающим с ними во многом (во всем основном, что конституирует данный фокус). Иными словами, у вариантов одной и той же археологической культуры оказываются различные, несовпадающие секторы *культурной группы* (различные подгруппы), но схожие, во многом совпадающие варианты фокуса (и, соответственно, во многом совпадающие варианты *кодекса* — не разные части одного кодекса!).

Размах рангового различия между фокусом и вариантом фокуса, т. е. нормативные пропорции между о б щ е й частью варианта кодекса (в чем он совпадает с другими вариантами) и ч а с т н о й (в чем он отличается от них), устанавливается произвольно и для каждой культуры особо, с учетом задач и условий изучения.

Виды вариантов культуры — *локальный, хронологический* и *факция.*

ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ — вариант *археологической культуры,* отличающийся от других ее вариантов не только типологически, но и территориально — по ареалу, причем его ареал почти не дает взаимоналожений с другими, синхронными. Это понятие о т н о с и т е л ь н о е, а о т н о ш е н и е — симметричное: если некоторый вариант выступает локальным по отношению к другому или другим, то и они оказываются локальными.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ (ЭТАП КУЛЬТУРЫ, ПЕРИОД КУЛЬТУРЫ) — вариант *археологической культуры,* отличающийся от других ее вариантов не только типологически, но и по времени бытования, причем отрезки времени, занятые ими, взаимоисключаются, если эти варианты расположены на одной и той же территории, и почти взаимоисключаются — если на разных территориях. Это понятие о т н о с и т е л ь н о е, а о т н о ш е н и е — симметричное: если некоторый

вариант выступает хронологическим по отношению к другому или другим, то последние оказываются хронологическими по отношению к нему.

СУБКУЛЬТУРА — часть *археологической культуры,* выделяемая по сопряженности с особой *функциональной* специализацией части общества — пола, возрастной группы, класса, сословия, профессии и т. п. Набор *типов* и совокупность *архем,* сопряженных с данной социальной группой.

ПОЗА КУЛЬТУРНАЯ — спецификация *археологической культуры* (как археологизированной материальной культуры некоторой социальной общности), обусловленная некими особыми обстоятельствами отбора *артефактов* для их отложения в качестве археологического материала в компонентах — например, сугубо специализированной деятельностью древних людей (членов этой общности) на ряде местонахождений или приуроченностью к определенному сезону.

ФАЦИЯ — чисто типологический вариант *археологической культуры; ассоциация* археологического материала, эмпирически выделяемая на основе системы тесно взаимосвязанных типов, типологически отличимая от других подобных ассоциаций в рамках одной археологической культуры, но не имеющая четких отличий от этих других ассоциаций по *локусу* (по датировке и территории).

Наличие нескольких фаций в одном локусе может трактоваться как результат обитания нескольких подвижных этнокультурных групп на одной и той же территории в одно и то же время (чересполосно или с неоднократными колебаниями границы между ними) или как результат обособления *субкультур* в некоторых ситуациях или же как результат формирования нескольких культурных *поз* в одной этнокультурной группе. В этом случае фация относится к позе как *эмпирическая* (этная) ассоциация к *культурной* (эмной).

СЕКЦИЯ* (археологической культуры) — часть материала (*артефактов,* их соотношений, *типов*) *археологической культуры (культурной группы, конфедерации),* связанная с одной *категорией памятников* — например, только поселений, или только могильников, или только кладов.

ДЕМИКУЛЬТУРА* — неполная *археологическая культура,* выделенная на основании какой-то одной *секции,* одной *категории памятников* или *комплексов* (например, только поселений или только могильников). «Деми-» здесь не следует понимать буквально — как «полу-»: две демикультуры не обязательно образуют одну культуру, точно так же, как два демисезона не составляют одного сезона, два полусвета (demimondes) не сливаются в один «высший свет» (beau monde), а две «полудевы» (demivierges) не равны одной святой.

ИНДУСТРИЯ — *фракция археологической культуры,* т. е. система взаимосвязанных *типов артефактов,* выполненных в одном материале, в одном веществе (например, в кремне).

СОРТАМЕНТ* — часть материала *археологической культуры — типов* конкретных *архем,* сопряженных с одной из функциональных *субсистем* отдельной культуры, материальные остатки которой отложились в данной археологической культуре. Такими субсистемами могут быть: отрасли жизнеобеспечения — присваивающие (охота, рыболовство, собирательство), производящие (земледелие, скотоводство, промыслы, ремесла и т. п.), транспорт, распределение благ (обмен и др.), потребление (быт) и т. д. Возможно рассмотреть их и более дробно, с рассечением по видам благ, проходящих через эти субсистемы (пища, жилье, одежда и пр.). К числу субсистем относятся также детопроизводство, воспита-

ние, использование (хранение, переработка и распределение) информации и управление или военное дело, культ, искусство, рекреация и др.

ФРЕЙМ* *(структурно-контекстная схема* некоторой *археологической культуры*) — основа и/или результат группирования и обобщения *контекстов* данной *археологической культуры*. Характеризует обычные для данной культуры виды контекстов, их частотности, распределение по ним основных *категорий артефактов* и физически различимых *фракций* материала (керамики, металлических изделий, камня, костей и т. п.). Эти виды контекстов: планы поселков, различные жилища — зимние и летние, дворы, могилы и намогильные сооружения, клады, поля древнего земледелия, рудники, мастерские, дороги, руины укреплений, места древних сражений, пожарища, святилища, хранилища припасов, помойки, строительные горизонты и т. п.

СУПЕРКУЛЬТУРА * — группа *археологических культур,* настолько тесно связанных типологически — общностью и сопряженностью ряда *типов,* изоморфностью структуры *(фрейма)* и территориальной сомкнутостью, что это позволяет трактовать ее в некоторых отношениях и контекстах как одну большую археологическую культуру. Общность может охватывать не все *секции* или *сортаменты* археологического материала — например, при близком сходстве способа погребения различна керамика культур (напр., в бронзовом веке катакомбные культуры Восточной Европы или курганные культуры Центральной Европы).

КРУГ КУЛЬТУР — группа *археологических культур,* связанных изоморфностью структуры *(фрейма), типологическими рядами* и сходством ряда *типов* в такой мере, что это позволяет предполагать родство этих культур (связь по происхождению или общность их происхождения или наличие общего вклада). Таковы культуры боевого топора и шнуровой керамики Северной, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

ТЕХНОКОМПЛЕКС — объединение нескольких *археологических культур* в рамках одной ступени археологической периодизации (и противопоставление их другим культурам этой ступени) по сходствам техники и по хозяйственным традициям.

(КУЛЬТУРНАЯ) ПРОВИНЦИЯ — территория со стабильными границами, на которой в течение длительного времени несмотря на смену ряда *культур* сохраняются (благодаря преемственности, а также из-за устойчивости среды) некоторое единство, специфичность и особые традиции.

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗОНА — территория, обособленная по своим физико-географическим условиям и занятая одной или несколькими *археологическими культурами,* объединенными и отличающимися от соседних в основном по таким особенностям, которые обусловлены адаптацией людей к данной физико-географической среде.

СЕКВЕНЦИЯ* — сомкнутый ряд *археологических культур,* отобранных в соответствии с некоторым единым критерием и выстроенных в хронологической последовательности. Разновидности: *колонная* и *трассовая.*

КОЛОННАЯ СЕКВЕНЦИЯ (КОЛОННА)* — ряд *археологических культур,* сменяющих друг друга на одной территории. Выявляется в нуклеарном участке лучшей изученности на основе обобщенной стратиграфической колонки (методами сравнительной стратиграфии). После типологического и сравнительно-стратиграфического изучения материала предстает археологу именно в колонных секвенциях. Это чревато возможностью порождения иллюзии автохтонного развития. Между тем,

прежде чем интерпретировать соотношения культур, нужно преобразовать систему организации материала в *трассовые секвенции.* Через одну культуру может проходить несколько колонн только в том случае, если это культура значительно большего территориального охвата, чем другие (как, например, баденская).

ТРАССОВАЯ СЕКВЕНЦИЯ* — ряд *археологических культур,* преемственно связанных вне зависимости от их территориального взаимоналожения или соседства. Устанавливается посредством выявления автохтонной преемственности, миграций и влияний, связывающих культуры одной или разных *колонных секвенций* некоторой котрадицией. Через одну культуру может проходить несколько *котрадиций,* а значит *трассовых секвенций,* ввиду того, что она может состоять из нескольких культурных вкладов разного происхождения (корни ее могут уходить в разные культуры предшествующего времени). Именно в трассовых секвенциях отражены русла, по которым проходил реальный совокупный процесс культурного развития.

ТРАВЕРСЫ — средства синхронизации (хронологического сопоставления и увязки) *колонных секвенций* или обобщенных стратиграфических колонок разных территорий: хронологические горизонты, ареалы в картографировании и т. п.

ТРАДИЦИЯ (археологическая) — развернутый в хронологической последовательности ряд *архем,* преемственно связанных и представляющих длительное сохранение и развитие одного *мода,* или *мерона,* или *типа,* или *типологического ряда;* так отражается в археологическом материале к у л ь т у р н а я т р а д и ц и я.

КОТРАДИЦИЯ — пучок параллельных взаимосвязанных и согласованных археологических *традиций;* основа *трассовой секвенции.*

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдушелишвили М. Г., Павловский О. М. 1979. Интегрирование схемографического и фотографического методов обобщения изображений лица и использование полученного портрета в качестве источника этнографической информации. — **СЭ** 1: 16—28.

Абезгауз Г. Г. и др. 1970. **Справочник по вероятностным расчетам.** Изд. 2-е. М.: Воениздат.

Авдусин Д. А. 1967. **Археология СССР.** М., Высшая школа (1977—2-е изд.).

А. К. 1967. Обсуждение статьи А. Л. Монгайта. — **НАА** 1: 69—76.

Алексеев А. Ю. 1980. О скифском Аресе. — **АСГЭ** 21:

Алексеев В. П. 1973. К происхождению таштыкского населения Южной Сибири. — **Проблемы археологии Урала и Сибири.** М., Наука: 220—232.

Альтшуллер Г. С. 1964. **Основы изобретательства.** Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство.

Амброз А. К. 1966. **Фибулы Юга Европейской части СССР** (САИ Д1—30).

Аникович М. В. 1975. Первобытная археология — конкретная историческая наука (к постановке проблемы). — **ПОА**: 14—18.

Аникович М. В. 1989. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования. — **СА**, 4: 115—126.

Арешян Г. Е. 1978. Культурно-исторический подход к изучению этнических общностей в археологии. — **Методологические проблемы исследования этнических культур.** Материалы симпозиума. Ереван, изд-во АН Арм. ССР: 33—41.

Аркадьев А. Г., Браверман Э. М. 1971. **Обучение машины классификации объектов.** М., Наука.

Арсеньев А. С. 1969. Историзм и логика в марксистской теории. — **Историческая наука и некоторые проблемы современности.** Статьи и обсуждения. М., Наука: 326—393.

Артамонов М. И. 1948. Этнография Скифии. — **Ученые записки Ленинградского Университета** 85: 134—149.

Артамонов М. И. 1949. К вопросу об этногенезе в советской археологии. — **КСИА** (М) 29: 3—16.

Артамонов М. И. 1966. **Сокровища скифских курганов.** Прага — Ленинград, Артиа.

Артамонов М. И. 1971. Археологическая культура и этнос. — **Проблемы истории феодальной России.** Л., изд-во Ленинградского Университета: 16—32.

Артановский С. Н. 1967. **Историческое единство человечества и взаимное влияние культур.** Л., Просвещение.

Артеменко И. И. 1974. Археологические исследования в Украинской ССР. — **СА** 4: 12—29.

Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. 1972. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — **Расы и народы** (М., Наука) 2: 8—30.

Арциховский А. В. 1930. **Курганы вятичей.** М., изд-во РАНИИОН.

Арциховский А. В. 1937. В защиту летописей и курганов (Ответ на статью П. Н. Третьякова...). — **СА** 4: 53—61.

Афанасьев А. Н. 1957. **Народные русские сказки.** Тт. I—III. М.

Арциховский А. В. 1954. **Основы археологии.** М., Госполитиздат.

Баженов Л. Б., Ильин А. Я., Карпинская Р. С. 1973. О лидере современного естествознания. — **Синтез современного научного знания.** М., Наука: 121—142.

Балковский Б. Е. 1964. **Цифровой политомический ключ для определения растений.** Киев: Наукова думка.

Балонов Ф. Р. 1971. Приемы статистического обоснования классификации кладов эпохи бронзы. — **Тезисы III-й региональной студенческой археолого-этнографической конференции вузов Северо-Запада СССР.** Рига: 24—25.

Балонов Ф. Р. 1981 Метод определения веса признака в формализованной археологической классификации. — **Количественные методы в гуманитарных науках.** М.. Изд-во МГУ: 24—28.

Балонов Ф. Р. 1983. К реконструкции некоторых сторон метрологии (мер длины) культур скифо-сибирского круга. — **Тезисы докладов и сообщений к научной конференции (6—8 апреля 1983 г.): Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири.** Барнаул: 78—81.

Балонов Ф. Р., Шер Я. А. 1978. Рец.: J. E. Doran & F. R. Hodson. Mathematics and Computers in Arhaeology. — **СА** 3: 275—282.

Башилов В. А. 1978. Конференция по проблеме историзма археологии. — **КСИА** (М) 152: 109—111.

Безмоздин Л. 1979. Культурно-социологический анализ вещи. — **Вопросы социологии искусства.** М., Наука: 104—126.

Бернштам А. Н. 1949. К пересмотру формально-типологических схем. — **КСИА** (М) 29: 17—23.

Бианки А. М. 1986. Промысел металлообработки Предкавказья первой половины II тыс. до н. э. **Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений 1986 г.** Л., Наука: 28—29.

Бианки А. М. 1987. Типология катакомбных бронзовых клинков и понятие категории артефактов. — **Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции.** Омск, Омский государственный университет: 43—45.

Бианки А. М., Дождев В. П. 1979. Опыт применения алгоритма распознавания к задаче классификации кинжалов эпохи бронзы. — **Новое в применении физико-математических методов в археологии.** М., Наука: 114—115.

Блауберг И. В. и Юдин Э. Г. 1973. **Становление и сущность системного подхода.** М., Наука.

Бобров Е. Г. 1970. **Карл Линней, 1707—1778.** М. — Л., Наука.

Бокий Н. М. 1974. Скифский курган у с. Медерово. — **СА** 4: 264—271.

Боковенко Н. А. 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе. — **СА** 4: 228—235.

Бонгард М. М. 1967. **Проблема узнавания.** М

Бонч-Осмоловский Г. А. 1931. О нарезках на палеолитических костях. — **СГАИМК** 8: 25—27.

Бочкарев В. С. 1973. К вопросу о структуре археологического исследования. — **ТДИПИ 1972.** Ташкент, Фан: 56—60.

Брайчевський М. Ю. 1965. Теоретичні основи досліджень етногенезу. — **Український історічний журнал** (Киев) 2: 46—56.

Брайчевский М. Ю. Проблема инвариантности метакомплекса археологической культуры. — **Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.** Тез. докл. Днепропетровск, Днепропетровск. университет: 18—19.

Братченко С. Н. 1976. **Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы.** Киев, Наукова думка.

Брюсов А. Я. 1952. **Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху.** М., изд-во АН СССР.

Брюсов А. Я. 1956. Археологические культуры и этнические общности. — **СА** 26: 5—27.

Брюсов А. Я. и Зимина М. П. 1966. **Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР** (САИ В4-4).

Бунак В. В. 1966. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. — **ТИЭ** 92: 497—555.

Бутинов Н. А. 1951. Проблемы экзогамии (по австралийским материалам). —**ТИЭ** 14: 3—27.

Бэр К. М. 1950. **История развития животных.** 1. М., изд-во АН СССР.

Бэр К. М. 1819. Об искусственной и естественной классификации животных и растений. — Нов. изд.: 1959. **Анналы биологии.** М., изд-во АН СССР, 1: 367—383.

Вадецкая Э. Б. 1971. Поминальные камни таштыкских могильников. — **КСИА** (М) 128: 33—36.

Вадецкая Э. Б. 1986. **Археологические памятники в степях Среднего Енисея.** Ленинград, Наука.

Викторова В. Д. 1975. Археологический факт. — **ВАУ** 13: 17—26.

Викторова В. Д. 1977. Археологическая теория в трудах В. А. Городцова. — Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. **ВАУ** 4: 5—14.

Виноградов А. В. 1979. Социальная норма и ее отражение в материальной культуре. — **ТК**: 88—98.

Виноградов А. В. К вопросу о вариабельности параметров артефактов. — **Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири.** Тез. докл. Барнаул: 100—102.

Воеводский М. В. и Формозов А. А. 1950. Стоянка Песочный ров на р. Десне (К вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы). — **КСИА** (М) 35: 42—54.

Ганжа А. И. 1984. Понятие «археологическая культура» в работах В. В. Хвойки. — **Археологія**, в. 46: 56—62.

Ганжа А. И. 1985. О понятии «археологическая культура» в советской археологии 40—60-х годов. — **Археология и методы исторических реконструкций.** Киев, Наукова думка: 83—84.

Ганжа А. И. 1986. **«Археологическая культура» как исследовательская категория в археологии.** Автореф. канд. дисс. Киев, Институт археологии АН УССР.

Ганжа А. И. 1988. **Историография проблемы «археологическая культура» в отечественной науке.** Автореф. канд. дис. Казань, Казанский университет.

Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П., Деопик Д. В., Леонова Н. Б. 1974. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе. — **Древняя история народов Юга Восточной Сибири,** 1. Иркутск, изд-во Иркутского Университета: 7—59.

Генинг В. Ф. 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. — **ВАУ** 4: 5—51.

Генинг В. Ф. 1970. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. — **ВАУ** 10. Гл. V, § 2. Пьяноборская эпоха в Прикамье (К вопросу о выделении археологической культуры): 175—188.

Генинг В. Ф. 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. — **СА** 1: 114—136.

Генинг В. Ф. 1975. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии. — **ВАУ** 13: 5—16.

Генинг В. Ф. 1985. Заметки к построению теории археологической культуры. — **Археология и методы исторических реконструкций.** Киев, Наукова думка: 50—74.

Генинг В. Ф. 1987. Археологическая культура — социально-исторический организм — центральная категория познания археологии (К разработке теории археологической культуры). — **Исследование социально-исторических проблем в археологии.** Киев, Наукова думка: 6—35.

Гладилін В. М. 1973. Категорії культурної спільності в ранньому палеоліті. — **Археологія** (Київ) 8: 3—8.

Гладилин В. Н. 1975. Принципы классификации раннепалеолитических изделий. — **150 лет Одесскому археологическому Музею.** Тезисы докладов. Киев: 13—16.

Городцов В. А. 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде... 1901 года. — **Тр. XII АС,** т. I. М.: 174—225.

Городцов В. А. 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде... 1903 года. — **Тр. XIII АС,** т. I. М.: 211—297.

Городцов В. А. 1908. **Первобытная археология.** Курс лекций. М., Печатня Снегиревской.

Городцов В. А. 1915. Культура бронзовой эпохи в средней России. — **Отчет Исторического Музея за 1914 г.** М., Синодальная типография: 121—226.

Городцов В. А. 1923а. **Археология,** т. I. Каменный период. М. — Л., Госиздат.

Городцов В. А. 1923б. Археологическая классификация. — В кн.: **Николь-**

ский В. К. Очерк первобытной культуры. М. — Пг., Френкель: 5—18 (3-е изд. — 1924).

Городцов В. А. 1927. **Типологический метод в археологии.** Рязань (общество исследователей Рязанского края. Серия методич. Вып. 6).

Горюнова Е. И. 1956. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. — **КСИА** (М) 65: 3—30.

Граков Б. Н. 1947. **Скіфи,** Київ, вид-во АН УССР.

Граков Б. Н. 1954. **Каменское городище на Днепре (МИА** 36).

Грановская Р. М. 1974. **Восприятие и модели памяти.** Л., Наука.

Грановская Р. М., Березная И. Я. 1974. **Запоминание и узнавание фигур.** Л., Издательство Ленинградского университета.

Грановская Р. М., Березная И. Я., Григорьева А. Н. 1981. **Восприятие и признаки формы.** М., Наука.

Грегори Р. Л. 1972. **Разумный глаз.** М., Мир.

Григорьев Г. П. 1963. Селет и костенковско-стрелицкая культура. — **СА** 1: 3—11.

Григорьев Г. П. 1969. Совершенствование методики изучения палеолита в СССР. — **ТОСА**: 12—17.

Григорьев Г. П. 1972. Культура и тип в археологии: категории анализа или реальность? — **ТДИПИ 1971**: 5—9.

Григорьев Г. П. 1964. **Миграции, автохтонное развитие и диффузия в эпоху верхнего палеолита** (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук). М., Наука.

Грязнов М. П. 1969. Классификация, тип, культура. — **ТОСА**: 18—22.

Грязнов М. П. 1971а. Комплекс таштыкских погребальных памятников у горы Тепсей. — **АО 1970**: 202—204.

Грязнов М. П. 1971б. Миниатюры таштыкской культуры. — **АСГЭ** 13: 94—106.

Грязнов М. П. 1972. Бык в обрядах и культах древних скотоводов. — **ТДИПИ 1971**: 24—29.

Грязнов М. П. 1977. Бык в обрядах и культах древних скотоводов. — **Проблемы археологии Евразии и Северной Америки.** М., Наука: 80—88.

Грязнов М. П. 1980. Таштыкская культура. — **Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.** Новосибирск, Наука: 89—146. (Москва) 2: 67—77.

Гулыга А. В. 1975. О типологизации в искусстве. — **Философские науки** (Москва) 2: 67—77.

Гуревич А. Я. 1969. Что такое исторический факт? — **Источниковедение.** Теоретические и методические проблемы. М., Наука: 59—88.

Гурина Н. Н. 1972. О принципах выделения неолитических культур (по материалам лесной и лесостепной зон Европейской части СССР). — **Каменный век Средней Азии и Казахстана.** Тезисы докладов... Ташкент, Фан: 54—56.

Дайменд С. 1970. Мир вероятностей. Статистика в науке. М.: Статистика.

Девяткова Р. П. и Штофф В. А. 1970. Проблемы идеальной типологии и моделей в историко-социальных науках. — **Проблемы методологии социального исследования.** Л., изд-во Ленинградского Университета: 16—33.

Деопик (Ковалевская) В. Б. 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. — **СА** 3: 202—232.

Деопик Д. В. 1976. Соотношение статистических методов, классификаций и культурно-стратиграфических характеристик в археологическом исследовании. — **КСИА** (М) 148: 3—9.

Дергачев В. А. 1975. **Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья.** Кишинев, Штиинца.

Добжанский В. Н. 1987. Локальный вариант — археологическая культура — культурно-археологическая общность. Что дальше? — **Археология Южной Сибири,** 13. Новосибирск, Наука: 116—122.

Дубровин А. Г. 1979. **Типическое: К эстетике нашего кино.** М., Искусство.

Елагина Н. Г. 1959. Скифские антропоморфные стрелы Николаевского музея. — **СА** 2: 187—196.

Ефименко П. П. 1956. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. — **СА** 26: 28—53.

Ефименко П. П. 1960. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья (К происхождению мадленской культуры Восточной Европы). — **СА** 4: 14—25.

Жуков В. С. 1929а. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп (По материалам волго-финских погребенных культур). — **Культура и быт населения Центрально-Промышленной области.** М.: 31—35.

Жуков В. С. 1929б. Теория хронологических и культурных модификаций неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. — **Этнография** (М. — Л.) 1: 54—77.

Захарук Ю. М. 1964. Проблеми археологічної культури. — **Археологія** (Київ) 17: 12—42.

Захарук Ю. Н. 1973а. Проблемные ситуации в археологии. — **СА** 4: 3—15.

Захарук Ю. Н. 1973б. К вопросу о содержании и структуре археологической теории. — **ТДИПИ 1972.** Ташкент, Фан: 43—46.

Захарук Ю. Н. 1975. К вопросу о природе археологической культуры. — **Новейшие открытия советских археологов** (ТДИПИ 1974). Ч. Ш. Киев, изд-во АН УССР: 12—14.

Захарук Ю. Н. 1976. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? — **Восточная Европа в эпоху камня и бронзы.** М., Наука : 3—10.

Захарук Ю. Н. 1978. Парадокс археологической культуры. — **Проблемы советской археологии.** М., Наука : 49—54.

Захарук Ю. Н. 1980. Об одной концепции археологической культуры. — **Первобытная археология. Поиски и находки.** Киев, Наукова думка: 256—259.

Иессен А. А. 1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — **Вопросы скифо-сарматской археологии.** Изд-во АН СССР, М.— Л.:112—131.

Іллінська В. А. 1961. Скіфські сокири. — **Археологія** (Київ) 12:27—52.

Ильинская В. А. 1968. **Скифы Днепровского лесостепного Левобережья.** Киев, Наукова думка.

Ильинская В. А. 1975. **Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин** (VII—VI вв. до н. э.). Киев, Наукова думка.

Ирибаджаков Н. 1972. **Клио перед судом буржуазной философии.** М., Прогресс.

Исмагилов Р. Б. 1978. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии. — **СА** 4:229—238.

Каменецкий И. С. 1970. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — **СА** 2:18—36.

Каменецкий И. С. 1978. Искусственные и естественные классификации в археологии. — **ПА** 2:17—24.

Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. 1975. **Анализ археологических источников** (Возможности формализованного подхода). М., Наука.

Канаев И. И. 1965. Вик д'Азир и Гете. — **Идея развития в биологии.** М., Наука : 36—46.

Кант Иммануил. 1964. **Сочинения**, т. 3. М., изд-во АН СССР.

Качалова Н. К. 1967. О выделении полтавкинской культуры. — КСИА (М) 112:14—22.

Кирпичников А. Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX—XIII вв. (**САИ** Е1—366). М.—Л.

Киселев С. В. 1951. **Древняя история Южной Сибири.** М., изд-во АН СССР.

Клейн Л. С. 1962а. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. — **ВЛУ** 2:74—87.

Клейн Л. С. 1962б. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур. — **СА** 2:26—38.

Клейн Л. С. 1965. К сравнительной стратиграфии эгейских и дунайских теллей. — **ВЛУ** 20:57—63.

Клейн Л. С. 1966. Археология спорит с физикой. — **Природа** (Москва) 2:51—62; 3:94—107.

Клейн Л. С. 1968а. О дате Карбунского клада. — **ПА** 1:5—74.

Клейн Л. С. 1968б. **Происхождение донецкой катакомбной культуры.** Автореф. дис. Л., АН СССР.

Клейн Л. С. 1970а. Катакомбная культура или катакомбные культуры? — **СКМА** :165—169.

Клейн Л. С. 1970б. Проблема определения археологической культуры. — **СА** 2:37—51.

Клейн Л. С. 1972. О приложимости идей кибернетики к построению общей теории археологии. — **ТДИПИ 1971** (секции). М., Наука : 14—16.

Клейн Л. С. 1973а. **Археологические признаки миграций** (IX Международный

конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, сентябрь 1973. Доклады советской делегации). М., Наука.

Клейн Л. С. 1973б. Рец. на сб. «New perspectives in archaeology». — **СА** 2:303—312.

Клейн Л. С. 1973в. Рец. на кн.: C.-A. Moberg. Introduktion till arkeologi. **СА** 4:294—300.

Клейн Л. С. 1975а. К разработке процедуры археологического исследования. — **ПОА** : 42—44.

Клейн Л. С. 1975б. Рец.: Курганы степной части междуречья Дуная и Днепра. — **С** 1:297—303.

Клейн Л. С. 1975в. Проблема смены культур в современных археологических теориях. — **ВЛУ** 8:95—103.

Клейн Л. С. 1976а. Археология и преистория в системе И. Рауза. — **СА** 1:306—315.

Клейн Л. С. 1976б. Ямные и катакомбные погребения Калмыкии. Культурная детерминация и восстановление социальных структур. — **Проблемы археологии Поволжья и Приуралья**. Куйбышев, Куйбышевский пединститут : 27—30.

Клейн Л. С. 1977а. Рец.: Каменецкий И. С., Маршак Б. И. Шер Я. А. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М., 1975.—**СА** 3:309—317.

Клейн Л. С. 1977б. К оценке эмпиризма в современной археологии. — **Проблемы археологии и этнографии**, 1. Л., изд-во Ленинградского Университета: 13—22.

Клейн Л. С. 1977в. Три процедуры археологического исследования. — Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири (**ВАУ** 14): 15—24.

Клейн Л. С. 1977г. Предмет археологии. — **Археология Южной Сибири**. Кемерово, изд-во Кемеровского Университета : 3—20.

Клейн Л. С. 1978а. Археологическая теория. — **ПА** 2: 8—17.

Клейн Л. С. 1978б. Проблема объективности в скандинавской археологии. — **ВЛУ** 8:48—54.

Клейн Л. С. 1978в. **Археологические источники. Л.**, изд-во Ленинградского Университета.

Клейн Л. С. 1978г. Археология и этногенез (новый подход). — **Методологические проблемы исследования этнических культур**. Ереван : 25—33.

Клейн Л. С. 1979а. Понятие типа в современной археологии. — **ТК** : 50—74.

Клейн Л. С. 1979б. Теории в археологии. — **Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока**. Новосибирск, Наука: 30—39.

Клейн Л. С. 1980. Структура археологической теории. — **Вопросы философии, № 3: 199—215.**

Клейн Л. С. 1981а. Проблема смены культур и теория коммуникации. — **Количественные методы в гуманитарных науках**. М., изд. Московского Университета: 18 — 23.

Клейн Л. С. 1981б. Проблемы преемственности и смены археологических культур. — **Преемственность и инновации в развитии древних культур**. Л., изд. АН СССР : 33—38.

Клейн Л. С. 1986. О предмете археологии. — **СА**, 3: 209—219.

Клейн Л. С. 1987а. К вопросу о связи культуры и искусства. — **Искусство в системе культуры**. Л, Наука : 22—29.

Клейн Л. С. 1987б. Классификация и типология. — **Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова**. Тез. докл. Омск, изд. Омск. университета : 33—35

Клейн Л. С. 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу. — **СЭ**, 4: 13—23.

Клейн Л. С., Миняев С. С., Пиотровский Ю. Ю., Хейфец О. И. 1970. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в Проблемном археологическом семинаре Ленинградского Университета. — **СА** 2: 298—302.

Кнабе Г. С. 1959. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе. — **СА** 3:243—257.

Ковалевский В. О. 1873. Об Anchitherium aurelianense Cuv. и о палеонтологической истории лошадей. — В кн.: **Ковалевский В. О. 1956. Собрание научных трудов**. Т. 2. М., изд-во АН СССР : 5—86.

Кожин А. М. 1964. О технике выделки фатьяновской керамики. — **КСИА** (М) 101:53—58.

Козлов В. И. 1967а. Некоторые проблемы теории нации. — **ВИ** 1:88—99.

Козлов В. И. 1967б. О понятии этнической общности. — **СЭ** 2:100+111.

Колпаков Е. М. 1987. Три подхода к определению археологической культуры. — **Задачи советской археологии**. Суздаль, 121—122.

Колчин Б. А. 1953. **Черная металлургия и металлообработка в древней Руси** (домонгольский период). (МИА, 32). М.

Колчин Б. А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого — **МИА**, 65. М.:7—120

Колчин Б. А. 1968. **Новгородские древности. Деревянные изделия** (САИ, Е 1—55).

Колчин Б. А. 1971. **Новгородские древности. Резное дерево** (САИ, Е 1—55).

Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей. — **Новгородский сборник**. М.:156—177.

Колчин Б. А., Маршак Б. И., Шер Я. А. 1970. Археология и математика. — **СКМА**:3—7.

Кон И. С. 1959. **Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли**. М., Соцэкгиз.

Копнин П. В. 1973. **Диалектика как логика и теория познания**. М., Наука.

Кореневский С. Н. 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур. 2:33—48.

Коробкова Г. Ф. 1972. Изучение каменной индустрии и проблема выде-

ления культур и локальных вариантов (по материалам мезолита и неолита Средней Азии). — **Каменный век Средней Азии и Казахстана**. Тезисы докладов... Ташкент, Фан: 48—53.

Корольков А. А. 1979. **Диалектика и теория медицины**. Л., изд-во Ленинградского Университета.

Коул М., Скрибнер С. 1977. **Культура и мышление**. М., Прогресс.

Кравченко Н. М., Гороховский Е. П. О понятии и принципах выделения археологической культуры. — **Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.** Тез. докл. Днепропетровск, Днепропетровск. университет: 17—18.

Крайнов Д. А. 1972. **Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура**. М., Наука.

Крижевская Л. Я. 1972. К вопросу о принципах выделения локальных групп (областей, культур и их вариантов) в неолите с пластинчатой индустрией. — **Каменный век Средней Азии и Казахстана**. Тезисы докладов... Ташкент, Фан : 65—71.

Крофорд О. Г. С. 1924. **Человек и его прошлое**. Л., Начатки знаний (пер. с англ.).

Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. 1935. **Родовое общество степей Восточной Европы** (ИГАИМК 119). Л.

Крупнов Е. И. 1957. О происхождении и датировке кобанской культуры. — **СА** 1:56—82.

Кудрявцева О. М. 1985. К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной советской археологии. — **Археология и методы исторических реконструкций**. Киев, Наукова думка: 84—91.

Кудрявцева О. М. 1987. К проблеме выделения археологических культур. — **Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова**. Тез. докл. Омск, Омский университет: 49—52.

Кудрявцева О. М. 1987. Про формування поняття «археологічна культура». — Археологія, 58: 1—7

Кудрявцева О. М. 1988. **Проблема выделения археологических культур (на примере культур эпохи бронзы)**. Автореф. канд. дис. Москва, Московск. университет.

Кушнер (Кнышев) П. И. 1951. **Этнические территории и этнические границы** (ТИЭ, т. 15).

Кызласов И. Л. 1975. Поминальные камни таштыкской эпохи. — **СА** 2: 30—47.

Кызласов Л. Р. 1960. **Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины**. М., Изд-во Московского Университета.

Латышев В. В. 1906. **Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе**. СПб, Акад. Наук.

Лебедев Г. С. 1970. Разновидности обряда трупосложжения в могильнике Бирка. — **СКМА**: 180—190.

Лебедев Г. С. 1981. Примечание к статье:/Балонов 1981/: 28.

Лебедев Г. С. 1972. Структурная типология погребального обряда. — **ТДИПИ 1971** (секции), М.:3—4.

Лебедев Г. С. Шведские погребения в ладье VII—XI вв. — **Скандинавский сборник** (Таллин, Ээсти Раамат) 19:155—186.

Лебедев Г. С. 1975. Системное описание археологической культуры. — **ПОА** :56—58.

Лебедев Г. С. 1977. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов). — **КСИА** (М) 148:24—30.

Лебедев Г. С. 1979. Археологический тип как система признаков. — **ТК** : 74—88.

Левашова В. П. 1967. Браслеты — **Труды ГИМ**, вып. 43, М.:207—252.

Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса). — **СЭ** 4:3—17.

Ленин В. И. 1894/1971. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — **Ленин В. И. Полное собрание сочинений**, изд. 5—е. М., Госполитиздат, т. 1:125—346.

Ленин В. И. 1907/1972. Отношение к буржуазным партиям. — **Ленин В. И. Полное собрание сочинений**, изд. 5-е. М., Госполитиздат, т. 15:368—388.

Ленин В. И. 1909/1973. Материализм и эмпириокритицизм. — **Ленин В. И. Полное собрание сочинений**, изд. 5-е. М., Госполитиздат, т. 18:9—384.

Ленин В. И. 1914/1973. Конспект книги Гегеля «Наука логики». — **Ленин В. И. Полное собрание сочинений**, изд. 5-е. М., Госполитиздат, т. 29. Философские тетради : 77—218.

Ленин В. И. 1915/1973. План диалектики (логики) Гегеля. — **Ленин В. И. Полное собрание сочинений**, изд. 5-е. М., Госполитиздат, т. 29. Философские тетради : 297—302.

Ленин В. И. 1915/1973. К вопросу о диалектике. — **Ленин В. И. Полное собрание сочинений**, изд. 5-е. М., Госполитиздат, т. 29. Философские тетради : 316—322.

Лермонтов М. Ю. 1957. **Сочинения**, т. 6. М.,—Л., изд-во АН СССР.

Лесман Ю. М. 1981. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада — **КСИА АН СССР**, вып. 166. М.: 98—103.

Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники новгородской земли и Новгород Проблема синхронизации — **Археологическое исследование новгородской земли.** Л.: 118—153.

Лесман Ю. М. 1987. Датировка комплексов однократного формирования (вероятностный подход). — **Комплексные методы в исторических исследованиях**. М.:203—205.

Лесман Ю. М. 1988. **Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI—XIV вв. (Синхронизация вещевых комплексов).** Автореф. канд. дис.

Лесман Ю. М. 1989а. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI—XIV вв. — **Новгород и новгородская земля. История и археология**. Вып. 2. Новгород : 82—87

Лесман Ю. М. 1989б. К динамике изживания североевропейских традиций в материальной культуре Северо-Западной Руси XI—XIV вв.: железные ножи. — **XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии** М.:157—159.

Лесман Ю. М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода X—XIV вв. Часть I.— **Материалы по археологии Новгорода. 1988.** М.:29—82.

Лесман Ю. М. 1991. Хронология ювелирных изделий Новгорода X—XIV вв. Часть II.— **Материалы по археологии Новгорода. 1989.** М. (в печати).

Липский А. Н. 1956. Некоторые вопросы таштыкской культуры (II в. до н. э. — IV в. н. э.) в свете сибирской этнографии. — **Краеведческий сборник** (Абакан) 1:11—92.

Литвинский Б. А. 1968. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. — Материальная культура Таджикистана (Душанбе) 1:69—115.

Литвинский Б. А., Пьянков И. В. 1966. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. — **ВДИ** 3:36—52.

Лурия А. Р. 1974. **Об историческом развитии познавательных процессов**. М., Наука.

Львова З. А. 1978. О принципах классификации стеклянных бус. — **Проблемы археологии**, II. Л.: 24—28.

Ляпушкин И. И. 1961. **Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа** (МИА 104).

Мальм В. А. 1967. Подковообразные и кольцевые застежки-фибулы — **Труды ГИМ**, вып. 43. М.:149—190

Манн Томас. **Собрание сочинений** в 10 т. Т. 10.

Манцевич А. П. 1961. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа. — **Исследования по археологии СССР.** Л., изд-во Ленинградского Университета: 145—150.

Маркарян Э. С. 1969. **Очерки теории культуры**. Ереван, изд-во АН Арм. ССР.

Маркарян Э. С. 1973. **О генезисе человеческой деятельности и культуры**. Ереван, изд-во АН Арм. ССР.

Марковин В. Н., Мунчаев Р. Н. 1964. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. — **СА** 1:158—164.

Маркс К. 1857/1968. Введение к черновому наброску «Капитала». — **Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения**. М., Госполитиздат, т. 46, ч. 1:17—48.

Маркс К. 1879/1880/1961. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». — **Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения**. М., Госполитиздат, т. 19: 369—399.

Маркс К. 1894/1962. Капитал, т. III. — **Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения**. М., Госполитиздат, т. 25. ч. II.

Маршак Б. И. 1965. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов. — **Археология и естественные науки** (МИА 129):308—317.

Маршак Б. И. 1970. Код для описания керамики Пенджикента V—VI вв. — **СКМА** : 25—52.

Массон В. М. 1972. Понятие культуры в археологической систематике. — **Каменный век Средней Азии и Казахстана**. Тезисы докладов... Ташкент, Фан: 9—11.

Массон В. М. 1974. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры. — **История материальной культуры Узбекистана**, 11. Ташкент, Фан: 15—21.

Массон В. М. и Бочкарев В. С. 1978. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии. — **КСИА** (М) 152:36—43.

Мачинский Д. А. 1978а. Пекторалъ из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. — **Культура Востока**. Древность и раннее средневековье. Л., Наука : 131—150.

Мачинский Д. А. 1878б. О смысле изображения на чертомлыцкой амфоре. — **ПА** 2:232—240.

Медведев Г. И. 1975. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий. — **Проблемы терминологии и анализа археологических источников**. Иркутск, изд-во Иркутского Университета : 21—42.

Мелконян Э. Л. 1976. Типологическое обобщение в этнографии и археологии. — **Вестник общественных наук АН Арм. ССР** 10:11—23.

Мелконян Э. Л. 1978. Проблемы сравнительного изучения этнических культур. — **Методологические проблемы исследования этнических культур**. Материалы симпозиума. Ереван, изд-во АН Арм. ССР : 118—122.

Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов (**САИ** Д 1—4). М.

Мельников Г. П. 1972. Системный подход в лингвистике. — **Системные исследования**. Ежегодник 1972. М., Наука:: 184—205.

Мерперт Н. Я. 1948. Акинак с когтевидным навершием. — **КСИА**(М) 22:74—79.

Микулинский С. Р. (ред.). 1972. **История биологии с древнейших времен до начала XX века**. М., Наука.

Монгайт А. Л. 1955. **Археология в СССР**. М., изд-во АН СССР.

Монгайт А. Л. 1965. Культура археологическая. — **Советская Историческая Энциклопедия**, т. 8. М., Советская Энциклопедия: 278.

Монгайт А. Л. 1967. Археологические культуры и этнические общности (К вопросу о методике историко-археологических исследований). — **НАА** 1:53—65.

Морган Л. Г. 1934. **Древнее общество**. Л., изд-во Института народов Севера.

Нарский И. С. 1969. Проблема значения «значения» в теории познания. — **Проблема знака и значения**. М., изд-во Московского Университета: 5—54.

Овчинников Н. Ф. 1968. Методологическая функция философии в естествознании. — **Материалистическая диалектика и методы естественных наук**. М., Наука: 9—42.

Очерки 1967. **Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.** (Труды ГИМ, вып. 43. М.)

Павловский О. М. Перевозчиков И. В. 1977. Опыт создания обобщенного антропологического фотопортрета некоторых групп населения Средней Азии. — **Вопросы антропологии** (М., изд-во Московского Университета) 56:117—125.

Пасхавер И. С. 1974. **Законы больших чисел и статистические закономерности**. М., Статистика.

Петриченко О. М., Шрамко Б. А., Солнцев Л. О., Фомін Л. Д. 1970. Походження і техніка лиття бронзових казанів раннього залізного

віку. — **Нариси з історії природознавства і техніки** (Київ) 12:67—78.

Пиоро И. С. 1973. Этнос и археологическая культура. — **ТДИПИ 1972**. Ташкент, Фан: 62—64.

Плетнева С. А. 1977. Рец. на книгу И. П. Русановой «Славянские древности VI—VII вв.». — **СА** 4:321—326.

Подольский Н. Л. 1972. Об оценке классификационной значимости признаков. — **Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 года**. М. :395—398.

Пономарев Я. А. 1960. **Психология творческого мышления**. М., изд-во Академии пед. наук РСФСР.

Поршнев Б. Ф. 1966. **Социальная психология и история**. М., Наука.

Пушкин В. Н. 1965. **Оперативное мышление в больших системах**. М. — Л., Энергия.

Пушкин В. Н. 1967. **Эвристика — наука о творческом мышлении**. М., Политиздат.

Равдоникас В. И. 1930. **За марксистскую историю материальной культуры** (ИГАИМК, т. 7, в. 3—4).

Равдоникас В. И. 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. — **Готский сборник** (ИГАИМК, т. 12, в. 1—8) : 5—106.

Рейхман У. Дж. **Применение статистики**. М.: Статистика.

Рогачев А. Н. 1975. О предмете и методе первобытной археологии. — **ПОА**: 11—14.

Росенко М. Н. 1968. Современная эпоха и некоторые вопросы теории нации. — **ВИ** 7:83—100.

Ростовцев М. И. 1918. **Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма** (**МАР** 37).

Русанова И. П. 1966. **Курганы полян X—XII вв.** (САИ, Е1—24)

Русанова И. П. 1973. **Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом**. (**САИ** Е1—25).

Русанова И. П. 1976. Один из методов классификации раннеславянской керамики. — **КСИА** (М) 148:31—35.

Рыбаков Б. А. 1932. Радзімічи. — **Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай АН**. Менск.

Садовский В. Н. 1974. **Основания общей теории систем**. М., Наука.

Сайко Э. В. 1973. К вопросу о понятийном аппарате в современной археологии. — **ТДИПИ 1972**. Ташкент, Фан: 60—62.

Сальников К. В. 1954. Андроновские поселения Зауралья, — **СА** 20: 213—252.

Седова М. В. 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода — **МИА**, 65. М.: 223—261.

Седова М. В. 1978. «Имитационные» украшения древнего Новгорода — **Древняя Русь и славяне**. М.:149—159.

Седова М. В. 1981. **Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв.** М.

Семенов С. А. 1940. Изучение следов работы на каменных орудиях. — **КСИА** (М) 4:21—26.

Семенов С. А. 1957. **Первобытная техника** (МИА 54).

Семенов С. А. 1968. **Развитие техники в каменном веке.** Л., Наука.

Серебрянников О. Ф. 1970. **Эвристические принципы и логические исчисления.** М., Наука.

Синицин М. С. 1967. Некоторые собственно скифские элементы в культуре Геродотовой Скифии. — **Записки Одесского археологического общества** (Одесса) 2(35):37—59.

Смирнов А. П. 1964. К вопросу об археологической культуре. — **СА** 4:3—17.

Смирнов А. П. 1968. Об археологических культурах Среднего Поволжья. — **СА** 2:63—71.

Смирнов Е. С. 1969. **Таксономический анализ.** М.: Изд-во МГУ.

Смирнов К. Ф. 1961. **Вооружение савроматов.** М., изд-во АН СССР.

Сокольский Н. И. 1954. Боспорские мечи. — **МИА** 33:123—196.

Сорокин В. С. 1966. **Андроновская культура.** Вып. 1 (**САИ** В 3—2).

Сосновский Г. П. 1933. О находках Оглахтинского могильника. — **ПИМК** 7—8,:34—41.

Спасская Е. Ю. 1956. Медные котлы ранних кочевников в Казахстане и Киргизии. — **Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института,** серия общ.-полит. 11(1):155—169.

Спицин А. А. 1895. Дополнительные замечания. — **Бранденбург Н. Е. Курганы южного приладожья** (МАР 18): 143—154.

Спицин А. А. 1896. **Курганы С.-Петербургской губернии в раскоппках Л. К. Ивановского** (МАР 20).

Спицын А. А. 1898. Разбор, обработка и издание археологического материала. — **Записки Русского Археологического общества,** тр. отд. русско-слав. археол., т. X. СПб : 346—357.

Спицын А. А. 1899. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. — **Журнал Министерства Народного просвещения** (СПб) 8: 301—340.

Спицын А. А. 1903. **Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова** (МАР 29).

Стриннгольм А. М. 1861. **Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов.** М., Типография Московского Университета.

Теплоухов С. А. 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — **Материалы по этнографии** (Л.) 4(2):41—62.

Толстов С. П. 1946. Этнография и современность. —**СЭ** 1:3—11.

Томсон Дж. 1958. **Предвидимое будущее.** М.: Изд-во иностранной литературы.

Третьяков П. Н. 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — **СА** 4:33—51.

Третьяков П. Н. 1962а. Бологовское городище. — **КСИА** (М) 87:36—41.

Третьяков П. Н. 1962б. Этногенический процесс и археология. — **СА** 4:3—16.

Третьяков П. Н. 1969. Археологические культуры и этнические общности. — **ТОСА** :28—33.

Удальцов А. Д. 1953. Роль археологических материалов в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке. — **Против вульгаризации марксизма в археологии.** М., изд-во АН СССР: 9—18.

Уемов А. И. 1971. **Логические основы метода моделирования.** М.: Мысль.

Уемов А. И. 1978. **Системный подход и общая теория систем.** М., Мысль.

Успенская А. В. 1953. **Курганы южной Белоруссии X—XIII вв.** Труды ГИМ, вып. 22. М.

Устинов В. А. и Фелингер А. Ф. 1973. **Историко-социальные исследования ЭВМ и математика.** М., Мысль.

Федоров-Давыдов Г. А. 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам. — **СА** 3:50—65.

Федоров-Давыдов Г. А. 1970а. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах. — **СКМА** :123—131.

Федоров-Давыдов Г. А. 1970б. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка. — **СА** 3:258—270.

Флоренский П. А. 1922/1971. Пифагоровы числа. — Σημειωτική. **Труды по знаковым системам** (Тарту) 5:505—512.

Форд Д. А. 1962. Количественный метод установления археологической хронологии. — **СЭ** 1:32—43.

Форд К. 1965. **Мир элементарных частиц.** М., Мир.

Формозов А. А. 1957. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? — **СА** 4:66—74.

Формозов А. А. 1959. **Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке.** М., *изд-во* АН СССР.

Формозов А. А. 1972. Спорные проблемы в этнокультурной истории каменного века. — **Каменный век Средней Азии и Казахстана.** Тезисы докладов... Ташкент, Фан : 11—15.

Фосс М. Е. 1949. О терминах «неолит», «бронза», «культура». — **КСИА** (М) 29:33—47.

Фосс М. Е. 1952. **Древнейшая история Севера Европейской части СССР** (МИА 29). М.

Фосс М. Е. и Ельницкий Л. А. 1941. О добывании камня и о древнейших каменоломных орудиях на севере Восточной Европы. — **МИА** : 182—192.

Фридрих И. 1961. **Дешифровка забытых письменностей и языков.** М. ИЛ.

Халиков А. Х. 1977. **Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.)**. М., Наука.

Харвей Д. 1974. **Научное объяснение в географии** (пер. с англ.). М., Прогресс.

Хемингуэй Э. 1968. **Собрание сочинений**, т. 1. М., Художественная литература.

Холюшкин Ю. П. 1985. К вопросу о принципах построения модели археологической культуры (на материалах палеолита Сибири). **Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии**. Новосибирск, Наука: 40—60.

Холюшкин Ю. П., Холюшкина В. А. 1985. Методологические аспекты исследования археологических культур каменного века Сибири. — **Проблемы реконструкций в археологии**. Новосибирск, Наука: 23—45.

Худяков Ю. С. 1987. Аксиологические аспекты выделения археологической культуры. — **Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова**. Тез. докл. Омск, Омский университет: 40—42.

Чайлд Г. 1957. Археологические документы по предыстории науки. — **Вестник истории мировой культуры** (Москва) 1:24—42; 2:56—71 (перепечат. из: Cahiers d'histoire mondiale, vol. 1, № 4; vol. 2, № 1).

Черненко Е. В. 1977. Ножны греческого меча из Ольвии. — **Скифы и сарматы**. Киев, Наукова думка : 120—127.

Черненко Е. В. 1979. Персидские акинаки и скифские мечи. — **Тезисы докладов на III Всесоюзной конференции «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен»**. М., Советский художник : 90—91.

Чернецов В. Н. 1951. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. — **Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований**. М., изд-во АН СССР : 24—29.

Черных Е. Н. 1966. **История древнейшей металлургии Восточной Европы**. М., Наука.

Черных Е. Н. 1978. **Горное дело и металлургия в Древней Болгарии**. София, изд. Болгарской Академии наук.

Чистов К. В. 1972. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — **СЭ** 3:73—85.

Шамиладзе В. М. 1987. К вопросу о корреляции этноса и археологической культуры. — **Быт и культура Юго-Западной Грузии**, 14, Батуми, 3—16.

Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С. 1977. О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула. — **Древности Поингулья**. К.: 7—36.

Шафф А. 1955. Презентизм — реакционная методология буржуазной историографии. — **Коммунист** (Москва) 16:68—82.

Шер Я. А. 1966. Типологический метод в археологии и статистика. — **Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук**. М., Наука : 253—266.

Шер Я. А. 1970. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода археологии). — **СКМА** : 8—24.

Шер Я. А. 1985. К характеристике понятия «археологический факт». — **Проблемы реконструкции в археологии**. Новосибирск, Наука : 5—16.

Шибанов А. 1974. Исторгнуто из тьмы. — **Знание — сила** (Москва) 7:16—18.

Шульц П. Н. 1967. Скифские изваяния Причерноморья. — **Античное общество**. М., Наука : 225—237.

Шульц П. Н., Н. авротский Н. И. 1973. Прикубанские изваяния скифского времени. — **СА** 4:189—204.

Щапова Ю. Л. 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода — **МИА**, 55. М.: 165—179.

Щерба Л. В. 1958. **Избранные работы по языкознанию и фонетике**. 1. Л., изд-во Ленинградского Университета.

Щукин М. Б. 1974. Конференция «Археологические культуры и культурные области Средней Европы в эпоху римских влияний» и некоторые тенденции польской археологии. — **СА** 1:259—264.

Энгельс Ф. 1878/1961. Анти-Дюринг. — **Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения**. М., Госполитиздат, т. 20:1—338.

Энгельс Ф. 1892/1962. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — **Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения**. М., Госполитиздат, т. 22:294—320.

Эсаулов А. Ф. 1972. **Психология решения задач**. М., Высшая школа.

Юл Дж. Э., Кэндэлл М. Дж. 1960. **Теория статистики**. 14-е изд. М., Госстатиздат.

Яблоков А. 1974. Наука, о которой вовремя вспомнили. — **Знание — сила** (М.) 8(556):8—11.

Яблонский А. И. 1977. Структура и динамика современной науки. — **Системные исследования** (М.). Ежегодник 1976:66—90.

Adams William Y. 1988. Archaeological classification: theory versus practice. — **Antiquity**, vol. 62: no. 234: 40—56.

Adanson M. 1763. **Familles des plantes**. Paris.

Adanson M. 1845. **Course d'histoire naturelle fait en 1772.** Paris.

A guide to the Antiquities of the Department of Bronze Age. 1904. Oxford.

Anati E. 1972. **I pugnali nell'arte rupestre e nelle statue, stelle dell'Italia settentrionale** (Archivi, vol. 4). Brecia.

Angeli W. 1958. Typologie und typologische Methode. — **Archaeologia Austriaca** (Wien)23:104—108.

Angeli W. 1976. Zum Kulturbegriff in der Urgeschichichtswissenschaft. **Festschr. f. R. Pittioni (Archaeologia Austriaca**, Beih, 13). I. Urgeschichte. Hrsg. v. Mitscha — Marheim u. a: 3—5.

Arbman N. 1962. **The Vikings**. London, Thames and Hudson.

Arne T. J. 1914. **La Suede et l'Orient**. Uppsala, Appelberg.

Åberg A. 1966. Oscar Montelius, arkeologiens Linné. — **Industria** (Stockholm) 11:86—87, 114, 116, 118.

Åberg Nils. 1929. Typologie. — **Reallexicon der Vorgeschichte**, hrsg. v. Max Ebert. Berlin 13:508—516.

Åberg Nils. 1931. Arkeologisk forskingsmetod. Nagra reflexioner i anslutning till an aktuell diskussion. — **Ymer** (Stockholm) 51:59—70.

Bagby Ph. 1958. **Culture and history**. Prolegomena to the comparative study of civilization. New York — London.

Bartra R. 1964. La tipologia y la periodification en el metodo arqueologico. — **Tlatoani,** Supplemento 5. Mexico.

Bennett W. C. 1948. The Peruvian co-tradition. — In: **Bennett W. C. (ed.). A reappraisal of Peruvian archaeology**. (Memoir 4 of the Society for American archaeology, Menasha) :1—7.

Bidney D. 1953. **Theoretical anthropology**. New York, Columbia Univ. Press (2d ed. 1967).

Binford Lewis R. 1962. Archaeology as anthropology. — **American Antiquity** 28(2):217—225.

Binford Lewis R. 1965. Archaeological systematics and the study of culture process. — **American Antiquity** 31:203—210 (reprinted in: Binford 1972: 195—205).

Binford Lewis R. 1967. Comment on Chang's «Major aspects of the interrelationship of archaeology and ethnology». — **Current Anthropology** (Chicago) 8 (3):234—235.

Binford Lewis R. 1968a. Archaeological perspectives. — In: S. R. and L. R. Binford (eds.). **New Perspectives in archaeology**. Chicago, Aldine: 5—32.

Binford Lewis R. 1968b. Review of K. C. Cnahg's «Rethinking Archaeology». — **Ethnohistory** 15:422—426 (reprint. in: L. R. Binford. 1972:74—77).

Binford Lewis R. 1972. **An archaeological perspective**. New York and London, Seminar Press.

Binford Lewis R. (ed.). 1977. **For theory building in archaeology**. New York — San Francisco — London, Academic Press.

Binford Sally R. 1968. Variability and change in the Near Eastern Mousterian of Levallois facies. — In: **Binford, Sally R. and Binford, Lewis R.** (eds.). **New perspectives in archaeology**. Chicago, Aldine: 49—60.

Binford Sally R. and Binford Lewis R. 1966. A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies. — **American Anthropologist** (Menasha) 68:238—295.

Blume E. 1912. **Die germanischen Stämme und Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit**. Bd. I. (Mannus—Bibliothek, 8). Würzburg.

Bordes Francois. 1961. **Typologie du Paleolithique Antien et Moyen**. Bordeaux, Delmas.

Bordes Francois. 1967. Considerations sur la typologie et les techniques dans le Paleolithique. — **Quartär** (Bonn) 18:25—56.

Bordes Francois. 1969. Reflections on typology and techniques in the Palaeolithic. — **Arctic Anthropology** (Madison, Wisconsin) 6:1—29.

Bordes Francois. 1971. Stone Age Typology: another approach. Comment. — **Current Anthropology** (Chicago) 12(2):212.

Bordes Francois. 1972. On old and new concepts of typology. Reply. — **Current Anthropology** (Chicago) 13(1):140—141.

Bourdeau Louis. 1888. **L'histoire et les historiens**. Paris, Alcan.

Bouzek Jan. 1971. Klasické metody třidenč. — **Nové archeologické metody**. I. Praha, Universita Karlova: 31—54.

Brachmann H. 1979. Archäologische Kultur und Ethnos. — **Preuss J. (Hrsg.). Von der archäologischen Quelle zur historischen Aussage.** Halle — Berlin, Martin-Luther-Universität Halle — Wittenderg — Akademie-Verlag: 101—121.

Brew John O. 1946. The use and abuse of taxonomy. — In: **J. O. Brew. The archaeology of Alkali Ridge, Southern Utah** (Papers of the Peabody Museum, 21):44—46 (reprint. in: **Deetz J. (ed.)1971. Mańs imprint from the Past**. Readings in the methods of archaeology. Boston, Mass., Little, Brown and Co.: 73—107. — Cit. according to this edition).

Brögger A. W. 1926. **Kulturgeschichte des norwegischen Altertums**. Oslo.

Broglio A. et Laplace G. 1966. **Études de typologie analytique des complexes léptolithiques de L'Europe Centrale** (Rivista di szience preistoriche. XXI, 1).

Brose David S. 1971. Stone Age typology: another approach. Comments. — **Current Anthropology** (Chicago) 12(2):212—213.

Butler B. Robert. 1961. **The Old Cordillerian culture in the Pacific Northwest** (Occasional Papers of the Idaho State Univ. Museum, n 5). Pocatello.

Cahen D. and Van Noten F. 1971. Stone Age typology: another approach. — **Current Anthropology** (Chicago) 12(2):211—215.

Chang Kuang Chih. 1967a. **Rethinking archaeology**. New York, Random House.

Chang Kuang Chih. 1967b. Major aspects of the interrelationship of archaeology and ethnology. — **Current Anthropology** (Chicago) 8:227—243.

Chang Kuang Chih (ed.). 1968. **Settlement archaeology**. Ralo Alto, Calif., National Press.

Chantre E. 1875. **Age du bronze**. Recherches sur le origin de la metallurgie en France (Etudes paléoethnologiques dans le bassin du Rhône). Partie 1—3. Paris.

Childe V. Gordon. 1925. **The dawn of European civilization**. London, Kegan Paul.

Childe V. Gordon. 1929. **The Danube in prehistory**. Oxford, The Clarendon Press.

Childe V. Gordon. 1930. **The Bronze Age**. Cambridge, The University Press.

Childe V. Gordon. 1936. Changing methods and aims in prehistory. — **PPS** for 1935:1—15.

Childe V. Gordon. 1942. **What happened in history**. London and New York, Penguin books.

Childe V. Gordon. 1950. **Prehistoric migrations in Europe**. Oslo, Aschenhoug.

Childe V. Gordon. 1956. **Piecing together the past**: the interpretation of archaeological data. London, Routledge and Kegan Paul.

Clark G. 1957. **Archaeology and society**. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Clarke David L. 1962. Matrix analysis and archaeology with particular reference to British Beaker pottery. — **Proceedings of the Prehistoric Society,** N 8, 28:371—383.

Clarke David L. 1967. A tentative reclassification of British Beaker pottery in the light of recent research. — **Palaeohistoria** (Groningen) 12: 179—198.

Clarke David L. 1968. **Analytical archaeology.** London, Methuen.

Clarke David L. 1970. **Beaker pottery of Great Britain and Ireland.** Vols. 1—2, Cambridge, Cambridge University Press.

Clarke David L. 1973. Archaeology: the loss of innocence. — **Antiquity** (Harmondsworth) 47:6—18.

Clermont N. 1978. Les concepts de culture et de Système en archéologie. — **L'Anthropolgie,** t. 82, № 3: 373—383.

Coe Joffre L. 1964. **The Formative cultures of the Carolina Piedmont** (Transactions of the American Philosophical Society, vol. 54, part 5). Philadelphia.

Coe William R. 1957. Environmental limitation on Maya culture: a reexamination. — **American Anthropologist** (Menasha) 59:328—335.

Conclin Harold C. 1962. Comment. — In: **Thomas Gladwin and W. C. Sturtevant (eds.). Antropology and human behavior.** The Anthropological Society of Washigton: 86—91.

Cowen J. D. 1969. Presidential address. — **Proceedings of the Prehistoric Society** 35:1—10.

Cowgill George L. 1967. Computers and prehistoric archaeology. — In: **E. A. Bowles (ed.). Computers in humanistic research.** Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice — Hall Inc.: 47—56.

Cowgill G. L. 1972. Models, methods and techniques for seriation. — In: **D. L. Clarke. Models in archaeology.** London, Methuen: 381—424.

Daniel Glyn E. 1941. The dual nature of the megalithic colonization of prehistoric Europe. — **Proceedings of the Prehistoric Society** 8 (1):1—49.

Daniel Glyn E. 1950a. **A hundred years of archaeology.** London, Duckworth.

Daniel Glyn E. 1950b. **The prehistoric chamber tombs of England and Wales.** Cambridge, Cambridge University Press.

Daniel Glyn E. 1958. The chronology of the French collective tombs. — **Proceedings of the Prehistoric Society** 24 (1):1—23.

Daniel Glyn E. 1963. **The idea of prehistory.** London, C. A. Watts.

Daniel Glyn E. 1963. **The megalith builders of Western Europe.** 2d ed. Harmondsworth, Midlesex, Penguin books.

Daniel Glyn E. 1967. **The origins and growth of archaeology.** Baltimore, Maryland, Penguin books.

Déchelette J. 1910. **Manuel d'archeologie prehistorique, celtique et gallo-romain.** Vol. 2. Paris.

Deetz James. 1967. **Invitation to archaeology.** Garden City, New York. The Natural History Press.

Deshayes J. 1970. Points de vue subjectifs sur la construction d'une typologie. — **Archéologie et calculateurs.** Paris, ed. CNRS: 17—24.

De Vore Irvin. 1968. Comments in discussion. — In: **Binford Sally R. and Binford Lewis R. (eds.). New perspectives in archaeology.** Chicago, Aldine: 346—349.

Discussion consecutive a l'expose par m. J. Doran de la communication de m. D. L. Clarke. — In: **Archeologie et calculateurs.** Paris, ed. CNRS, 1970: 359—360.

Doran James. 1970. Archaeological reasoning and machine reasoning. — **Archeologie et calculateurs.** Paris, ed. CNRS: 57—69.

Doran J. E. and Hodson F. R. 1975. **Mathematics and computers in archaeology.** Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Dumond D. E. 1974. Some uses of R-mode analysis in archaeology. — **American Antiquity** (Washington, D. C.) 39 (2) pt. 1):253—270.

Dunnell Robert C. 1971. **Systematics in prehistory.** New York — London: The Free Press — Collier — Macmillan.

Dunnell Robert C. 1978. Style and function: a fundamental dichotomy. — **American Antiquity** (Washington, D. C.) 43 (2):192—202.

Durkheim E. and Mauss M. 1963. **Primitive classification.** London, Rodney Needham.

Eggers Hans Jürgen. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. — In: **Kirchner H. (Hrsg.). Ur-und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift).** Heidelberg, Carl Winter: 49—59.

Eggers Hans Jürgen. 1951. **Der römische Import im Freien Germanien.** Hamburg, Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte.

Eggers Hans Jürgen. 1960. Der «Archäologische Weltatlas» und der «Atlas der Urgeschichte». — **Archaeologia Geographica** (Hamburg) 8/9 (1959/60): 1—6.

Eggert M. K. H. 1985. Bespr.: Leo S. Klejn. Archaeological Typology. Transl. Dole P.... — **Bonner Jahrbücher,** 185: 541—544.

Ehrich Robert W. (ed.). 1954. **Relative chronologies in Old World archeology.** Chicago: Chicago University Press.

Evans Clifford and Meggers, Betty J. 1957. Formative period cultures in the Guayas Basin, Coastal Ecuador. — **American Antiquity** (Salt Lake City) 22 (3):235—246.

Filip Jan. 1956. **Keltové ve Střední Evropě.** Praha, Československa Akad. Věd.

Filip Jan. (Hrsg.). 1966—69. **Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas.** 1—2. Prag, Academia.

Foot R. G. and Wilson D. M. 1970. **The Viking achievements.** New York — Washington, Praeger.

Ford James A. 1952. **Measurements of some prehistoric design developments in the Southeastern states** (Anthropological papers of the American museum of Natural History, vol. 44, pt. 3). New York.

Ford James A. 1954a. The type concept revisited. — **American Anthropologist** (Menasha) 56:42—53 (reprint. in: **Deetz J. (ed.). 1971. Man's reprint from the past:** 58—72).

Ford James A. 1954b. Comment on A. C. Spaulding «Statistical techniques for the discovery of artifact types». — **American Antiquity** 19:390—391.

Ford James A. 1962. **A quantitative method for deriving cultural chronology** (Pan American Union technical manual, N 1). Washington.

Fridrich J., Klimà B. a Valoch K. 1968. Systematika pojmu «kultura» v paleolitu. — **Archéologické Rozhledy** (Praha) 20:308—311.

Fritz John M. and Plog Fred T. 1970. — **American Antiquity** (Washington, D. C.), 35 (4):405—412.

Furmánek V. 1978. Archeologická kultúra. — **Základné metodologické problémy a marxistké kategórie v archeológii.** Nitra, Archeol. Ustav Ak. Nauk.: 43—47.

Galton Francis 1878. Composite portraits, made by combining those of many different persons into a single resultant figure. — **Nature** (London and New York) 18:97—100.

Galton Francis. 1883. **Inquires into human faculty and its development.** London.

Gandert Otto-Friedrich, 1950. Typostrophismus und Typologie. — In: **Kirchner H. (Hrsg.). Ur-und Frühgeschgichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift).** Heidelberg, Carl Winter-Universitätsverlag: 43—48.

Garcia Cook A. 1967. **Analisis tipologico de artefactos** (Publicaciones del Instituto Nacional de Antropologia e Historia, 12). Mexico.

Geyl Pieter. 1958. **Die Diskussion ohne Ende.** Auseinandersetzungen mit Historikern. Darmstadt, Gentner.

Gifford Edward Winslow. 1939. Typology for Archaeology. — **Vigesmoseptimo Congresso Internacional de Americanistas.** Actas de la Primera sesion, celebrada en la ciudad Mexico en 1939, 2:7—11.

Gifford James C. 1960. The Type-Variety method of ceramic classification as an indicator of cultural phenomena. — **American Antiquity** (Washington, D. C.) 25:341—347.

Gimbutas M. 1973. Battle-axe or cult axe? — **Man** (London) 8, 73:51—54.

Ginters W. 1928. **Das Schwert der Scythen und Sarmaten im Südrussland** (Forgeschichtliche Forschungen, 2, 1). Berlin.

Gjessing Cutorm. 1946. To metodiske problemer. — **Viking** (Oslo) 10:123—160.

Gladwin Winifred and Gladwin Harold S. 1929. The Red-on-Buff culture of the Gila Basin (Medallion papers, N 3). — **Globe** (Pasadena, Cal.).

Gladwin Winifred and Gladwin Harold S. 1934. A method for the designation of cultures and their variations. — **Globe** (Pasadena, Cal.).

Glob P. V. 1945. Studier over den jyske Enkeltgravskultur. — **Aarbøger for nordisk oldkundighed og historie,** 1944. København.

Goggin John M. 1949. Cultural traditions in Florida prehistory. — In: **Griffin James W. (ed.). The Florida Indian and his neighbors.** Winter-Park: 13—44.

Gower J. C. 1967. A comparison of some methods of cluster ahalysis. — **Biometrics** 23 (4):623—638.

Gräslund Bo. 1974. **Relativ datering.** Om kronologisk metod i nordisk arkeologi (Tor 16). Uppsala.

Gräslund Bo. 1976a. Relative chronology. Dating methods in Scandinavian archaeology. — **Norwegian Archaeological Review** 9 (2):69—83.

Gräslund Bo. 1976b. Reply to comments on Relative chronology. — **Norwegian Archaeological Review** 9 (2):110—126.

Growlett J. A. J., 1986. Culture and conceptualization: The Oldowan gradient. — **Stone Age prehistory.** Cambridge: 2 243—260.

Gummel H. 1938. **Forschungsgeschichte in Deutschland** (Die Urgeschichte und ihre historische Entwicklung in der Kulturstaaten der Welt). Berlin.

Hachmann Rolf. 1951. Besprechung: E. C. G. Graf Oxenstjerna. Die Urheimat der Goten. — **Germania** (Berlin) 29 (1/2):98—101.

Hachmann Rolf. 1970. **Die Goten und Skandinavien.** Berlin, Walter de Gruyter.

Hachmanm R. (Hrsg). 1987. **Studien zum Kulturberiff in der Vor- und Frühgeschichtsforshung** (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 48). Bonn, Habelt.

Hachmann Rolf, Kossack G. und Kuhn H. 1962. **Völker zwischen Germanen und Kelten:** Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut... Neumünster, Wachholtz.

Halbwachs Maurice. 1912. **La théorie de l'homme moyen.** Essai sur Quetelet et la statistique morale. Paris.

Hall Edward T. 1959. **The silent Language.** Garden City, New York, Doubleday.

Hargrave L. L. 1932. **Guide to forty pottery types from the Hopi country and the San Francisco Mountains, Arizona.** Bulletin of North Arizona Museum, 1.

Hausmann Ulrich (Hrsg.). 1969. **Allgemeine Grundlagen der Archäologie.** München, C. H. Beck.

Hawkes Christofer F. C. 1973. Innocence retrieval in archaeology. — **Antiquity** (Harmondsworth) 47 (187):176—178.

Heinzelin J. De. 1962. **Manuel de typologie des industries lithiques.** Bruxelles: Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique.

Heizer Robert F. (ed.). 1959. **A guide to archaeological field methods.** 3d ed. Palo Alto, Calif., National Press.

Herrmann Joachim. 1965. Archäologische Kulturen und sozialökonomische Gebiete. — **EAZ** 6:97—128.

Herrmann J. 1975. Die Ostsee — ein völkerverbindendes Meer im frühen Mittelalter. — **Altertum** (Berlin). 21 (3):133—142.

Hill James N. 1972. The methodological debate in contenporary archaeology: a model. — In: **Clarke D. (ed.). Models in archaeology.** London, Methuen: 61—107.

Hill James N. and Evans R. K. 1972. A model for classification and typology. — In: **Clarke D. (ed.). Models in archaeology.** London, Methuen: 231—273.

Hodson F. R. 1980. Cultures as types? Some elements of classification theory. — **Bulletin of historical archeology,** 17:1—10.

Hole Frank and Heizer Robert F. 1969. **An introduction to prehistoric archeology.** New York, Holt, Rinehart and Winston.

Holloway Jr. R. L. 1969. Culture: a human domain. — **Current Anthropology** (Chicago) 10 (4, pt. II):395—412.

Holmqvist W. 1959. **Excavation at Helgö.** Vol. I. Stockholm, Almqvist and Wiksell.

Holubowicz W. 1957. O metodzie wydzielania kultur archeologicznych. — **Pierwsza sesja archeologiczna IHKM PAN** (Warszawa — Wroclaw):81—82.

Hymes Dell. 1970. Linguistic models in archaeology. — In: **Archéologie et calculateurs.** Paris, ed. CNRS: 91—120.

Jacobsson M. 1990. **Krigarideologi och vikingatiga svärdtypologi.** (Seminarium 12/9· 1990· Stockholm).

Jahn Martin. 1953. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte. — **Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, phil.-hist. Klasse 99** (3): 14—17.

Jankuhn H. 1963. **Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit.** 4. Aufl. Neumünster, Wachholts.

Jankuhn H. 1974. **Zusammenfassende Schlußbemerkungen. — Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter.** Teil II. Göttingen, Vandenhoeck Ruprecht: 305—332.

Jaulin B. 1970. Mesure de la ressemblance en anarchéologie. — **Archéologie et calculateurs.** Paris, ed. CNRS:343—356.

Jelinek Arthur J. 1976. Form, function and style in lithic analysis. — In: **C. E. Cleland (ed.). Cultural change and continuity.** New York, Academic Press:19—34.

Jennings J. D. 1957. **Danger Cave.** Salt Lake City, University of Utah Press (Memoirs of the Society for American Archaeology, 14).

Johnsen Jone. 1976. Comments on Relative chronology. — **Norwegian Archaeological Review** 9 (2):105—108.

Judd N. M. 1940. Progress in the Southwest. — In: **Essays in historical anthropology** (Miscellaneous Collections of the Smithsonian Institution, Washington, vol. C):417—444.

Jurgens H., Vogel C. 1965. **Beiträge zur menschligen Typenkunde.** Stuttgart.

Kamenetski I. S. 1971. **Zur Frage über den Begriff Typ in der Archäologie** (VIII Congrés International des sciences préhistoriques et protohistoriques, Belgrade, 1971. Les rerrorts et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS). Moscou, Nauka.

Kantman Sönmez. 1969. Essai sur la formation de concept du «Type» dans l'étude du Paléolithigue. — **Quartär** (Bonn) 20:69—77.

Kehoe Alice B. 1959. Ceramic affiliations in the Northwestern plains. — **American Antiquity** (Washington) 25 (2):237—246.

Kidder A. V. 1927. Southwestern archeological conference. — **Science** 66 (1716): 489—491.

Kidder A. V. 1936. Introduction and discussion. — In: **A. V. Kidder and A. O. Shepard. The Pottery of Pecos.** Vol. II (Papers of the Southwestern Expedition, N 7). New Haven.

Kilian Lothar. 1960. Zum Aussagewert von Fund- und Kulturprovinzen. — **Swiatowit** (Warszawa) 23:41—85.

Kirchner Horst. 1969. Zur Geschichte und Theorie der Typologie-Kritik in der Urgeschichtsforschung. — In: **Entwicklung und Fortschritt.** W. E. Mühlmann-Festschrift, hrsg. v. H. Reimann und E. W. Müller. Tübingen, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck):3—11.

Klejn Leo S. 1963. A brief validation of the migration hypothesis with the respect to the origin of the Catacomb culture. — **Soviet anthropology and archaeology** (New York) 1 (4):27—36.

Klejn Leo S. 1970. On trade and culture process in prehistory. Comment. — **Current Athropology** 11 (2):169—171.

Klejn Leo S. 1971. Was ist eine archäologische Kultur? — **EAZ** 12:321—345.

Klejn Leo S. 1973a. Marxism, the systemic approach, and archaeology. — In: **C. Renfrew (ed.). The explanation of culture change.** Models in prehistory. London, Duckworth: 691—710.

Klejn Leo S. 1973b. On major aspects of the interrelationship of archeology and ethnology. — **Current Anthropology** (Chicago) 14 (3):311—320.

Klejn Leo S. 1974a. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren. — **Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte** (Halle — Berlin) 58:7—55.

Klejn Leo S. 1974b. Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung. — **EAZ** 15 (2):223—254.

Klejn Leo S. 1976. Neolithikum Europas als ein Ganzes. — **Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte** (Halle — Berlin) 60 (Behrens-Festschrift): 9—22.

Klejn Leo S. 1978. Temporal models in prehistory... Comment on J. B. Stoltman. — **Current Anthropology** (Chicago) 19 (4):732—734.

Klejn Leo S. 1981a. Die Ethnogenese als Kulturgeschichte, archäologisch betrachtet. Neue Grundlagen. — **Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte** (Coblenz-Festschrift), Teil 1, Dresden: 13—25.

Klejn Leo S. 1981b. Ethnos und Kultur im Erevaner Symposium 1978. — **EAZ** 1.

Klejn Leo S. 1982. **Archaeological typology** (BAR International Series 153). Oxford, British Archaeological Reports.

Klejn Lev S. 1988. **Arheološka tipologija**. Ljubljana, Studia Humanitatis.

Kluckhohn Clyde. 1939. The place of theory in anthropological studies. — **Philosophy of Science** 6:328—344.

Kluckhohn Clyde. 1940. The conceptual structure in Middle American studies. — Hay. C. L. a (eds.). **(eds.). The Maya and their neighbors.** New York: 41—51.

Kluckhohn Clyde. 1960. The use of typology in anthropological theory. — In: **Wallace A. F. C. (ed.). Selected Papers from the Proceedings of the Vth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences (1956).** Philadelphia, University of Pennsylvania Press: 134—140.

Kluckhohn Clyde. 1962. The position of Bc51. — In: **Kluckhohn Rich. (ed.). Culture and Behavior:** The collected essays of Clyde Kluckhohn. Free Press. New York: 74—87.

Knabenhaus A. 1919. **Die politische Organisation bei den australischen Eingeborenen.** Berlin.

Konopka M. 1978. «Kultura archeologiczna» — teoria i praktyka. — **Archeologia Polski,** 23; f. 1:183—191.

Korošec Josip. 1957. Kultura in kulturna skupina v predzgodovini. — **Arheološki Vestnik** (Ljubljana) 8 (2):95—98.

Kossinna Gustav. 1896. Die vorgeschichtliche Ausbereitung der Germanen in Deutschland. — **Zeitschrift des Vereins für Volkskunde** (Berlin) 6 (1): 1—14.

Kossinna Gustav. 1911. **Die Herkunft der Germanen.** Zur Methode der Siedlungarchäologie (Mannus — Bibliothek, 6). Würzburg, Kurt Kabitzsch.

Kozlowski J. K. 1972. On the typological classification of stone artifacts. — **Sprawozdania Archeoloniczne,** t. 24: 455—466.

Krieger Alex D. 1944. The typological concept. — **American Antiquity** (Salt Lake City) 9 (3):271—288.

Krieger Alex. 1960. Archaeological typology in theory and practice. — In: **Wallace A. F. C. (ed.). Selected papers of the Vth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences.** Philadelphia, September 1956, Philadelphia, University of Pennsylvania Press: 141—151.

Krieger Alex D. 1962. Epistemology and archaeological theory. Comment on Lowther. — **Current Anthropology** 3:501.

Kroeber Alfred L. 1919. On the principle of order in civilization as exemplified by changes of fashion — **American Anthropologist** (Menasha) 21 (3):235—263.

Kroeber Alfred L. 1940. Statistical classification. — **American Antiquity** (Washington) 6 (1):29—44.

Kroeber A. L. 1963. **Style and civilizations.** Berkeley and Los Angeles, University of California Press.

Kytlicová O. 1970. Die Chronologie und Funktion der Depotes. — Actes du VII-e Congress Internationale des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Prague, 21—27 août 1966. Prague. Bd. 1:681—684.

Laplace-Jauretche G. 1957. Typologie analytique. Application d'une nouvelle méthode d'étude des formes et des structures aux industries a lames et lamelles. — **Quaternaria** 4:133—164.

Laplace George. 1964. **Essai de typologie systematique** (Annali dell'Universita di Ferrara, n. s., ser. 15, vol. 1, suppl. 2). Ferrara.

Laplace George. 1966. **Recherches sur l'origine et l'evolution des complexes leptolithiques.** Paris, E. de Boccard.

Le Blanc S. A. 1973. Two points of logic concerning data, hypothesis, general laws and systems. — In: **Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current archaelogy.** New York: 199—214.

Locher J. L. (ed.). 1971. **The world of M. C. Escher.** New York, Abrams.

Lüning Jens. 1972. Zum Kulturbegriff im Neolithikum. — **Prähistorische Zeitschrift** 47:145 — 173.

Mac White Eoin. 1956. On the interpretation of archaeological evidence in historical and sociological terms. — **American Anthropologist** (Menasha) 58: 3 — 25 (reprint. in: **Deetz J. (ed.). 1971. Man's imprint from the past.** Boston, Little, Brown and Co.: 219—246. — Cit. according to this edition).

Malmer Mats P. 1962. **Jungneolithische Studien** (Acta Archaeologia Lundensia, series in 8°, № 2). Bonn-Lund, Habelt-Gleerup.

Malmer Mats. 1963. **Metodproblem inom järnalderns konsthistoria.** Bonn-Lund, Habelt-Gleerup.

Malmer Mats P. 1967. The correlation between definitions and interpretations of Neolithic cultures in Northwestern Europe. — **Palaeohistoria** (Groningen) 12 (1966): 373—378.

Malmer Mats P. 1976 Comments on Relative chronology. — **Norwegian Archaeological Review** 9 (2): 97—104.

Martin Paul S. 1971. The revolution in archaeology. — **American Antiquity** (Washington, D. C.) 36 (1): 1—8.

Martin Paul S. and Rinaldo John. 1951. The Southwestern co-tradition. — ***Southwestern Journal of Anthropology*** (Albuquerque) 7: 215—229.

Maure M. 1977. Les épées de l'epoque Viking — essai de classification typologique. — **Universitets Oldsaksamling Årbok** 1975—76. Oslo: 95—116.

Mc Kern William C. 1933. Local types and the regional distribution of pottery bearing cultures. — **Transactions of the Illinois State Academy of Science** 25: 84—86.

Mc Kern William C. 1939. The Midwestern Taxonomic Method as an aid to archaeological culture study. — **American Antiquity**, 4: 301—313.

Meinander C. F. 1981. The concept of culture in European archaeological literature. — **Daniel G. E. (ed.). Towardsa history of archaeology.** London: 100—111.

Mesarović M. D., Macko D., Takahara Y. 1970. **Theory of hierarchical multilevel systems.** New York — London (перев.: Месарович М., Мако Д., Такахара И. 1973. Теория иерархических многоуровневых систем. Москва).

Miller Sheryl F. 1972. On old and new concepts of typology. — **Current Anthropology** (Cnicago) 13 (1): 139—140.

Millier C. et Tomassone R. E. 1970. Méthodes d'ordination et de classification: leur efficacité et leurs limites. — **Archéologie et calculateurs.** Paris, ed. CNRS: 207—228.

Moberg Carl-Axel. 1969. **Introduktion till arkeologi.** Stockholm, Natur och Kultur.

Moberg C.-A. 1970. Archaeograms and historical entities. — **Norwegian Arsheological Review** 3: 21—24.

Montelius Oscar. 1880—1882. Spännen från bronsåldern och ur dem närmast utvecklade former. Typologisk studie. — **Antiqvarisk Tidskrift för Sverige** 6 (3): 1—194.

Montelius Oscar. 1881. Om den nordiska bronsålderes ornamentik och dess betydelse för frågen om periodens indelning. — **Månadsblad** 110—113, febr. — maj.

Montelius Oscar. 1885. Om tidsbestämning inom bronsåldern med särskild hänsyn till Skandinavien. — **Kongl. Vitterhets historie och antiqvitets Akademiens Handlingar** 30, ny följd, 10.

Montelius Oscar. 1891. Den förhistorisefornforskarens metod och material. — **Antiqvarisk Tidskriff för Servige** 8-1884 (3): 1—28.

Montelius Oskar. 1900. Typologien eller utvecklingsläran tillampad på det menskliga arbetet. — **Svenska Fornminnesföreningens Tidskrift** (Stokholm) 10 (3): 237—268.

Montelius Oscar. 1903. Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. I. Die Methode. Stockholm, Montelius.

Mortillet Gabriel de. 1881. **Musée préhistorique.** Paris.

Movius H. L., David S. N. C., Bricker H. M., Clay R. W. 1968. **The analysis of certain major classes of Upper Palaeolithic tools.** Peabody Museum, Harvard, bul. 26. Cambridge, Mass.

Movius H. L. and Brooks A. S. 1971. The analysis of certain major classes of Upper Palaeolithik tools: Aurignacian scrapers. — **PPS** 37 (2): 253—273.

Mühlmann Wilhelm E. 1968. **Geschichte der Anthropologie.** 2. Aufl. Franfkfurt a. M. — Bonn, Athenäum.

Müller Sophus. 1876. Bronzealderens Perioder. — **Aarboger for nordisk Oldkyndighed og Historie** (Kjobenhavn): 185—312.

Müller Sophus. 1884. Mindre Bidrag til den forhistoriske Archaeologis methode. I. Den svenske Typologie — **Aarboger for nordisk Oldkyndihed og Historie** (Kjobenhavn): 161—216.

Müller Sophus. 1897. **Nordische Altertumskunde.** Bd. I. Strassburg, Karl J. Trübner.

Müller Sophus. 1898. De jydske Enkeltgrave fra Stenalderen eller nyeste Undersogelser. — **Aarboger for nordisk Oldkyndighed og Historie.** II. Raekke, 13. bind. Kjobenhavn: 157— 282.

Müller-Wille M. 1970. Bestattung im Boot. — **Offa** (Neumünster) 25—26 (1968—69).

Narr Karl J. 1971. Besprechung: Laplace 1966. — **Praehistorishe Zeitschrift** 46 (2): 250—255.

Neustupný Evžen. 1958. Evolution in archaeology. — **Epitymbion Roman Haken.** Pragae: 4—8.

Neustupný Evžen. 1971. Whither archaeology? — **Antiquity** (Harmondsworth) 45 (177): 34—39.

Neustupný Jiřy. 1960. Some suggestions concerning archaeological records and archaeological cultures. — **Światowit** (Warszawa) 23: 31—40.

Nietzsche Friedrich. 1924. **Gesammelte Werke.** Würzbach, Oehler.

Nott J. C. and Glydon G. R. 1854. **Types of mankind, or ethnological researches.** Philadelphia.

Orton Clive. 1978. Is pottery a sample? — In: **Cherry John F., Camble Clive and Shennan Stephen (eds.). Sampling in contemporary British archaeology** (BAR, British series 50.). Oxford.

Otto K.-H. 1953. Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkerschaften. — **Ethnographisch-Archäologischen Forschungen** 1: 1—27.

Palubicka Anna. 1972. O dwoch pojęciach kultury. — **Nurt** 5.

Palubicka Anna. 1974. Pozytywistyczne oraz instrumentalistyczne ujęcia tzw. kultur archeologicznych. — **Studia metodologiczne** (Poznań Uniwersitet Mickiewicza) 12: 91—105.

Parkington J. E. 1972. Stone implements as information. — In: **The interpre-**

tation of archaeological evidence (The South African Archaeological Society. Goodwin Series, № 1). Claremont, Cape:10—20.

Paulsen P. 1956. **Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa.** 2. Aufl. Bonn, Habelt.

Peirce Ch. S. 1958 **Collected papers.** Vol. I. Cambridge, Mass.

Petersen J. 1919. **De norske vikingersverd.** En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.

Petersen J. 1955. **Vikingetidens smykker i Norge.** Stavanger, Stavanger mus.

Petrie Flinders W. 1911. **The revolutions of civilization.** London and New York, Harper.

Phillips Philip. 1958. Application of the Wheat — Gifford — Wasley taxonomy to Eastern ceramics. — **American Antiquity** (Salt Lake City) 24: 117—125.

Phillips Philip and Willey Gordon R. 1953. Method and theory in American archaeology: an operational basis for culture-historical integration. — **American Anthropologist** (Menasha) 55: 615—633.

Pike K. 1955. **Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior.** Glendale.

Plog Fred. 1973. Laws, systems of law, and the explanation of observed variations. — In: **Renfrew C. (ed.). The explanation of culture change: models in prehistory.** London, Methuen: 649—661.

Quetelet Adolphe. 1835. **Sur l'homme et le développement de ses facultes,** ou essai de physique sociale. 2 vols. Paris.

Reed T. D. 1944. **The battle for Britain in the 5th century.** An essay in Dark Age history. London, Methuen.

Reiter Paul. 1938. Rev. of Colton H. S. and Hargrave L. L. Handbook of Northen Arizona pottery wares. — **American Anthropologist** (Menasha) n. s. 40: 480—491.

Renfrew Colin. 1969. Trade and culture process in European prehistory. — **Current Anthropology** (Chicago) 10: 151—169.

Renfrew Colin. 1972. **The emergence of civilization.** London, Methuen.

Renfrew Colin, Cann J. R. and Dixon J. E. 1965. Obsidian in the Aegean. — **Annual of the British School at Athens** (London) 60: 225—247.

Rinaldo John and Martin Paul S. 1941. Review of McGregor J. C. Winona and Ridge Ruin, pt. I. — **American Anthropologist** (Menasha) n. s. 43: 654—656.

Rouse Irving. 1939. **Prehistory in Haiti; a study in method** (Yale University. Publications in Anthropology, 21). New Haven, Con.

Rouse Irving. 1954. On the use of the concept of area co-tradition. — **American Antiquity** (Salt Lake City) 19 (3): 221—225.

Rouse Irving. 1957. Culture area and co-tradition. — **Southwestern Journal of Antropology** (Albuquerque) 13: 123—133.

Rouse Irving. 1960. The classification of artifacts in archaeology. — **American Antiquity** (Washington D. C.) 25 (3): 313—323.

Rouse Irving. 1965 a. The place of "peoples" in prehistoric research. — **Journal of the Royal Anthropological Institute** (London) 95 (1): 1—15.

Rouse Irving. 1965b. Caribbean ceramics: a study in method and in theory. — In: **Ceramics and man.** Ed. By Matson F. R. New York, Wenner—Gren foundation: 88—103.

Rouse Irving. 1970. Classification for what? — **Norwegian Archaeological Review** 3: 4—12.

Rouse Irving. 1972. **Introduction to prehistory.** A systematic approach. New York, McGraw-Hill.

Sackett James R. 1968. Method and theory of Upper Palaeolithic archeology in Southwestern France. — In: **Binford Sally R. and Binford Lewis R. (eds). New perspectives in archaeology.** Chicago, Aldine: 61—83.

Sackett James R. 1973. Style, function and artifact variability in palaeolithic assemblages. — In: **Renfrew C. (ed.). The explanation of culture change: models in prehistory.** London, Duckworth: 317—325.

Sangmeister Edward. 1967. Methoden der Urgeschichtswissenschaft. —**Saeculum** (Freiburg i. Bc.) XVIII, 3: 199—244.

Schiffer M. B. 1976. **Behavioral archeology.** New York, Academic Press.

Schmidt E. F. 1953—1970. **Persepolis**. Chicago, Ill., I—III.

Schuchhardt Carl. 1926. **Alteuropa.** Eine Vorgeschichte unseres Erdteils. 2. Aufl. Berlin und Leipzig, de Gruyter.

Semenov S. A. 1964. **Prehistoric technology.** London, Cory, Adams and MacKay.

Semenov S. A. 1970. The forms and functions of the oldest tools (A reply to prof. F. Bordes). — **Quartär** (Bonn) 21:1—20.

Sheppard A. 1957. **Ceramics for the archaeologist,** Washington, D. C., Carnegie Inst.

Shetelig H. 1933. **Vikingeminner i Vest-Europa**. Oslo.

Smith R. E., Willey G. R. and Gifford J. C. 1960 The type-variety concept as a basis for the analysis of Maya pottery. — **American Antiquity** (Washington) 25 (3):330—340.

Sonneville-Bordes Denise de. 1966. L'evolution du Paléolithique Supérieur en Europe Occidentale et sa singnification. — **Bulletin de la Société Préhistorique Francaise** (Paris) 63 (1): 3 — 33.

Soudski Bohumil. 1973. Higher level archaeological entities: models and reality. — In: **Renfrew C. (ed.). The explanation of culture change: models in prehistory.** London, Duckworth: 195—207.

Sparck-Jones Karen. 1970. The evaluation of archaeological classifications. — **Archéologie et calculateurs.** Paris, ed. CNRS: 245—276.

Spaulding Albert C. 1953a. Statistical techniques for the discovery of artifact types. — **American Antiquity** (Salt Lake City) 18: 305—313.

Spaulding Albert C. 1953b. Review of James A. Ford's «Measurements of some prehistoric design developments in the Southeastern States. 1952». — **American Anthropologist** (Menasha) 55: 589—591.

Spaulding Albert C. 1954. Reply to Ford. — **American Anthropologist** (Menasha) 56: 112—114.

Spaulding Albert C. 1960. The dimensions of archaeology. — In: **Dole Gertrude E. and Carneiro Robert L. (eds.). Essays in the science of culture in honor of Leslie A. White...**: 437—456 (reprint. in: Deetz J. (ed.). 1971. Man's imprint from the past. Boston, Little, Brown: 23—39).

Stenberger M. 1958. **Die Schatzfunde Gotlands der Vikingerzeit.** Bd. I. Stockholm, Almqvist and Wiksell.

Sterud E. L. 1973. A paradigmatic view of history. In: **Renfrew C. (ed.). The explanation of culture change: models in prehistory.** London, Duckworth: 3—17.

Sterud Eugene L. 1976. Comments on Relative chronology. — **Norwegian Archaeological Review** 9 (2): 83—91.

Steward Julian H. 1949. South American Cultures: an interpretative summary. — In: **Steward J. H. (ed.). Handbook of South American Indians** (Washington, D. C.) 5: 669—772.

Steward Julian H. 1954. Types of types. — **American Anthropologist** (Menasha) 56:54—57.

Swanson E. H. and Butler B. R. 1962. **The first conference of western arshaeologists on problems of point typology.** Pocatello (Idaho State College Museum, Occasional Papers, № 10).

Swartz B. K. Jr. 1967. A logical sequence of archeological objectives — **American Antiquity.** V. 32, no. 4: 487—497.

Tabaczyński St. 1976. Kultura i kultury w problematyce badań archeologicznych. — **Archeologia Polski** (Warszawa — Wroclaw) 21 (2) 367—374.

Tabaczyński Stan., Pleszczyńska Elżb. 1974. O teoretycznych podstawach archeologii (Prezentacja i próba analizy poglądow D. L. Clark'a). — **Archeologia Polski** 19(1): 7—94.

Taylor Walter W. 1948. **A study of Archeology** (American Anthropologist, 50, № 3, pt. 2. Memoir 69). Menasha, American Anthropological Association.

Taylor Walter W. (ed.). 1957. **The identification of nonartefactual archaeological materials** (National Academy of Sciences — National Research Council, Publication 565). Washington.

Thomas D. H. 1972. The use and abuse of Numerical Taxonomy in archaeology. — **Archaeology and Physical Anthropology of Oceania**, vol. 7, no. 1: 31—49.

Thurnwald Richard. 1935. **Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnosoziologischen Grundlagen.** Berlin und Leipzig, Walter de Gruyter. Bd. 2.

Trigger Bruce G. 1967. Settlement archaeology — its goals and promise. — **American Antiquity** (Washington, D. C.) 32: 149—160.

Tylor Edward B. 1865. **Researches into the early history of mankind.**

Tylor Edward B. 1881. **Anthropology:** an introduction to the study of man and civilization. London, Macmillan.

Uslar R. von. 1955. Über den Nutzen spekulativer Betrachtung vorgeschichtlicher Funde. — **Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums zu Mainz,** 8: 1—20.

Valoch Karel. 1957. Gedanken zur Typologie paläolithischer Steinwerkzeuge. — **Germania** 35 (1/2):1—5.

Wahle Ernst. 1930. Besprechung: A. W. Brögger. Kulturgeschichte des norwegischen Altertums, 1926. — **Deutche Literaturzeitung,** Sp. 2238—2246 (reprint. in: E. Wahle. Tradition und Auftrag prähistorischer Forschung. Hrsg. v. H. Kirchner. Berlin, Duncker u. Humblot: 307—315.

W a h l e Ernst. 1941. **Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen.** (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften Phil. — hist. Kl. 1940/41, Abh. 2).

W a h l e Ernst. 1950 — 1951. Geschichte der prähistorischen Forschung. —**Anthropos** 45: 497—538; 46: 49—112.

W a h l e Ernst. 1951. Typologisches und wirklichkeitsnahes Denken in der prähistorischen Forschung. — **Sociologus,** N. F., 1: 44—53 (reprint. in: E. Wahle. Tradition...: 284—293).

W a t s o n Patty Jo, L e B l a n c Steven A., and R e d m a n Charles L. 1971. **Explanation in archeology.** An explicitly scientific approach. New York and London, Columbia University Press.

W a t s o n Richard A. 1973. Limitations on archaeological typologies and on models of social systems. — In: **Renfrew Colin (ed.). The explanation of culture change: models in prehistory.** London, Duckworth: 209—213.

W a u c h o p e Robert (ed.). 1955. **Seminars in archaeology:** Memoir 11 of the Society for American Archaeology.

W e b e r Max. 1922. **Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre.** Tübingen, Mohr.

W e n s k u s R. 1961. **Stammesbildung und -Verfassung.** Köln — Graz, Böhlau.

W h a l l o n Jr. R. 1971. **Type:** a computer program for monothetic subdivisive classification in archaeology (University of Michigan Museum of Anthropology. Technical Reports, 1). Ann Arbor.

W h a l l o n Jr. Robert. 1972a. A new approach to pottery typology. — **American Antiquity** (Washingot, D. C.) 37: 13—33.

W h a l l o n Jr. R. 1972b. The application of formal methods of typology in archaeological analysis. — **Les métodes mathématique de l'archéologe.** Paris, ed. CNRS: 251—264, 265 bis et ter.

W h a l l o n Jr. Rob., B r o w n James (eds.). 1982. **Essays on archeological typology**. Center for American Archeology Press, Evanstons ill.

W h e a t J. B., Gifford J. C. and W a s l e y W. W. 1958. Ceramic variety, type cluster and ceramic system in Southwestern pottery analysis. — **American Antiquity** (Salt Lake City) 24: 34—47.

W i l l e y Gordon R. 1945. Horizon styles and pottery traditions in Peruvian archaeology. — **American Antiquity** (Salt Lake City) 11: 49—56.

W i l l e y Gordon R. 1966. **An introduction to American archaeology,** vol. I. Englewood Cliffs.

W i l l e y Gordon R. and. M c G i m s e y Charles R. 1954. **The Monagrillo culture of Panama** (Papers of the Peabody Museum, vol. 49, № 2). Cambridge, Mass.

W i l l e y Gordon R. and P h i l l i p s Philip. 1958. **Method and theory in American archaeology.** Chicago, University of Chicago Press.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. Москва, Наука.

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград.

ВАУ — Вопросы Археологии Урала. Свердловск, Уральский университет.

ВДИ — Вестник Древней Истории. Москва.

ВИ — Вопросы Истории. Москва, Правда.

ВЛУ — Вестник Ленинградского университета. Ленинград.

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград.

КСИА (М) — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (с 1956 г. — Института археологии) Академии Наук СССР. Москва.

МАР —Материалы по археологии России. Санкт-Петербург.

МИА —Материалы и исследования по археологии СССР. Москва (иногда Ленинград или Москва — Ленинград).

НАА — Народы Азии и Африки. Москва.

ПА — Проблемы археологии. Ленинград, Ленинградский университет.

ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. Ленинград.

ПОА — Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г. Ленинград, Наука.

СА — Советская археология. Москва.

СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград.

САИ — Археология СССР. Свод археологических источников. Москва, Наука.

СКМА — Статистико-комбинаторные методы в археологии. Под ред. Б. А. Колчина и Я. А. Шера. Москва, Наука, 1970.

СЭ — Советская этнография. Москва.

ТД ИПИ — Тезисы докладов на Сессии отделения истории (иногда) и на Пленуме Института истории материальной культуры (с 1956 г.— Института археологии) Академии Наук СССР, посвященной (-ых) итогам полевых исследований ... года. Москва (иногда другие города).

ТИЭ — Труды Института Этнографии Академии Наук СССР. Москва.

ТК — Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, типологии и систематики. Под ред. Л. С. Клейна. Ленинград, Ленинградский университет, 1979.

ТОСА — Теоретические основы советской археологии (тезисы докладов на теоретическом семинаре ЛОИА АН СССР, I—IV 1970 г.). Ленинград, АН СССР, 1969.

ТР...АС — Труды... Археологического съезда.

EAZ — Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin, DDR.

УКАЗАТЕЛИ

(составлены В. Г. Журавлевым, С. Ю. Каргапольцевым, А. С. Терентьевым под редакцией автора книги)

Предметный указатель*

Абрис 357, **358**, 383, 387
Абстракт 91—92, 101—102, 179—180, 203, 214—215, 219, 221—222, 348, **350—352**, 363—364, 370, 374—379, 385
Автохтонисты 135, 148
Ажурное (распределение, а. группа) **58**, 362
Акинак, акинаки 271—273, 275—276, 278—279, 286
АКП («археологический культурный комплекс») 150—152
Аксессуар 383, **384**
Алгоритм 322
Амфоры шнуровые 58
Анализ (формальный, типологический) 8, 87, 129, **131**, 132, 138, 145, 152, 158, 169, 306
Анализ
— дескриптивный 70—71, 78, 103, 367
— дисперсный 363
— компонентный 363
— корреляционный 363, 364
— регрессионный 363
— факторный 82, 92, 101, 127, 140—141, 363
Аналогия типов (метод а. т.) 6, 198
Ансамбль 166, 168, 169, 239, **389**, 390
Антропология 10, 36, 70, 125, 172, 226
Ареал (типа) 131, 134—136, 146, 147, 153, 155, 165, 168, 174, 187, 192, 194, 196, 207, 232, 235, 239, 263, 303, 364, **379**
Артефакт 3, 4, 37, **38**, 42, 45—46, 52—53, 61—62, 69, 73, 75, 82—83, 94, 96, 99, 103, 105, 119, 120, 128, 130, 134, 137, 142, 144, 153, **156**, 157—163, 165, 182, 194, 203—205, 211—212, 214—216, 219—221, 224, 230, 233, 236, 241—242, 245—246, 264—267, 270—271, 286, 293, 306, 332, **347—348**, 350, 352, 354—358, 364, 366, 369—380, 390
— неповрежденный 372
— полный 372, **373**
— целостный, цельный **372**
— целый **372**, **373**
Археокультура **392**
Архема **157**, 158—165, 167—170, 204, 220, 239, **348**, 350—352, 354—357, 372—373, 375, 378, 390
Археограмма **157**, 158—160, **348**, **350—352**, 356, 375—376
Археология 3, 5, 37, 55—57, 69—70, 80, 82, 84—87, 94—97, 106, 108, 116—117, 126—127, 131, 134, 137, 141, 144, 146, 149, 316, 332, 338—339, 343—345, 347—348, 350, 366—367
Архетип 35, 38, 40, 165, 372, **380**, 383
Аспект 140, **150**, 195—196, 338, **356**
Ассамблея **170**, 388, **390**
Ассоциация 111, 145, 155—157, 162, 185, 191, 203, 278, **361**, 363, 366—367, 384, 392
Ауреола 170, 388, **390**
Банка, банки, баночный сосуд 21—25
Биология 35—37, 44—45, 51, 55—56, 80, 82, 86—87, 92, 157, 165, 195, 197, 341, 367
Бифас (ручное рубило) 82, 84—85, 100
Блок 113, 235, **378**, 379—381
Браслеты 44, 307, 308—311
Бронзовый век 11, 132, 136, 139, 190, 230, 244, 245, 315—317, 319, 331
Букет 301, 388, **390**
Буклет 116, 168, 169—170, 388, **389**
Булавки 11, 58, 230
Вариант (культуры) 27, **37**, 155, 174, 191—194, 196—198, 238, **392**
— локальный (территориальный) 53, 191, 193, 195—197, 238, 265, **392**
— хронологический 140, 190, 197, **392**
Вариация 89, 140
Вереница 386, **387**
Вещеведение формальное («голое») 3, 54, **371**
Вещь 38, 62, 69, 72—73, 81, 97, 99, 102, 119, 131—132, 135, 139, 144—145, 149, 153—154, 156—157, 159, 163, 176, 178, 180, 198, 204, 207, 214, 224, 236, 245, 257, 258, 263, 265—267,

* Жирным шрифтом выделены страницы, где содержатся определения или экспликации.

272, 275, 280—281, 285, 292, 306—309, 313, 315, 317, 319, 328, 335—337, 344, 347, **348**, 354, 359, 363, 366—367, 372, **373**, 374—375, 379—380

Вид 27, 33, **38**, 45, 50, 52—53, 56, 82, 131, 163, 169, 196—197, 204, 214, 224, 236—237, 239—240, 244, 247—249, 271—272, 275, 285, 287

Викинги 280—287, 290—292, 294, 296, 298—301, 332

Височные кольца 147, 236, 305

«В-кучу-сгребатели» (lumpers) **94**, 200—201

Влияния и заимствования («теория в. и з.») 143

Внешность 70—71, 357, **358**

Воспринимаемое **344**, **350**

Выборка репрезентативная **317**, 318

Выделение 70, 121, 131 (критерий в-ия)

Выражение 108, 343, **344**, 345, 347—348, 350, 356, 359

Вырезка **378**

Габарит 164, 165, **379**

Гносеология 180—182

Гомогенность 29

Гомология 13, **35**, 39

Городище 100, 119

Горизонт
— культурный, хронологический 150, 187, 196, 232, 235, 242—243, **386**
— типологический **386**

Границы (типов, групп) 90—92, 95—96, 101, 112, 132, 136, 140, 144—145, 151

Грузики Дьякова типа 34, 58, 70, 145

Группа 30, 33, 38, 42, **43**, 44—46, 49—50, 54—60, 66—69, 74—75, 81, 88—90, 92, 94, 97, 105, 110, 112—113, 119, 133—136, 142, 143, 149, 153, 155, 160—161, 169—171, 173—174, 178, 187, 191—194, 196—202, 207, 211—212, 216, 220, 224, 231, 233, 237, 239, 246, 249, 250, 252—253, 257, 260—261, 263, 265, 267, 269, 273, 276, 281, 283, 285—286, 296, 298—301, 303, **305**, 306—307, 310, 315, 330, 332, 350, **351**, 359—362, 364—369, 377, 380—381, 383
— культурная 151—152

Группирование, группировка 50, 56—59, 113, 119—120, 129, 131, 140, 159—161, 163, 176—179, 187, 189—192, 197, 200, 215, 219, 221—223, 225, 228—230, 232, 239, 244, 258, 264—265, 267, 269—270, 272, 293, 296, 304, 338, 362, **364—365**, 376, 378, 380, 385
— аналитическое 215, 233, 246, 272, 364, **367—368**, 369—370, 377
— артефактное 55, 62, 82, 364, 371
— генеральное 54, 55, 364, 371
— гипотезно-дедуктивное 54,55, 107, 225, **370—371**
— древовидное 46, **111**, 114—115, 219, 222—223, 225, **369**, 371, 377
— естественное 43—45, 50—51, 79—80, 94—95, 99, 103, 227, **367**
— искусственное 44, 50, 55, 75, 79, 80, 95, 103, 112, 227, **367**
— исследовательское 50—51, 73, **367**
— каноническое 42—45, 51, 225, 227, **369**
— комбинаторное 22, 53, 59, 144
— координатное 58, **368**
— морфологическое 53, **54**, 78, 79, 283, **371**
— партитивное 54, **371**
— сверху 364, **371**
— синтетическое 52, 86, 148, 296, **367**
— системное **371**
— служебное 51, 156, 367
— снизу 364, 370
— таксономическое 44, 48, 52, 215, 368, **369**, 377
— типологическое 6, 7, 42, 74, 159, 359, **361**, 364
— фасетное **368**
— эффективное 359, **361**, 364

Дата, датировка 306, 307, 310

Дедукция, дедуктивный (метод, подход и т. п.), дедуктивность 105, 106, 117

Декор 281, 292—293, 296, 298, 307—308, 310, 359

Декрет **165**, 169, **379**

Демикультура **393**

Дендрограмма 219—220, 369

Денотат 344, **345**, 346

Десигнат 344, **345**, 346

Деталь 42, 157, 163, 203, 214, 249, 252, 269—270, 272, 275, 281, 287, 293, 350, 355, **372**, 378—379, 384

Дефиниция 20, 33, 38, 58, 63—64, 75, 80—82, 97, 110—111, 130, 133, 136,

143, 154, 163, 169, 173—174, 184, 199, 203, 238, 342
Диахронема **386**
Диахрония, диахроническое развитие 88
Дизайн 49, 161, 220, **359**
Дискретность 325—326
Дифференциальность см. распределение
Диффузия 6, 93, 136, 325—326, 339, 363
Диффузный (материал) 6, 55—56, 63, 96, 132, 138, 142, 160, 247, 363
Дихотомия 111—112, 160
«Дробители» (splitters) **94**, 95, 200
Знак 292, 296
Значение 116, 125, 161, 192, 219, 222, 269—270, 278, 307, **352**, **354—356**, 378, 379, 381
— уровни значения (функциональный, субфункциональный, экстрафункциональный) 285, **352—356**; (конструктивный, декоративный, семантический) 285, 294, 296
Значимость 116, **352**, 377—378, 381
Зона (культурно-хозяйственная) 394
Идеальный (объект) 164—165, 212, 214, 219, **381**
Идентификация 366—367
Иерархия 305—306, 310, 350, 361, 367—370
Изделие 38, 155, 158, 245, 250, **348**, 352, **373**
Индикатор
— диагностический 306
— хронологический 306
Индустрия **393**
Интервал **165**, 307, 313, **379**
Интерпретация 8, 75, 82, 103, 148—150, 230, 316, 331, 342, 344—346
Интуиция, интуитивные действия 14, 19, 26, 44, 139, 144
Информация (о прошлом, историческая и т. п.) 7, 52—54, 69, 75, 96—97, 103, 128, 152, 306, 344
Источник археологический 28—29, 128, 156, 182—183, 197, 203—204, 258, 285, 301, **348**, **350**
Караван **387**
Картина **384**
Картографирование археологическое, картографический метод 5—6, 13, 34—36, 45
Касса 170, 388, **390**
Катадесигнат **345**, 351
Катакомбная (культура, к-е памятники) 10, 133, 177, 190—193, 195, 197, 199, 202, 235, 264—266, 269—270
Катаномены **344**, 345, **350**
Категория 33, 43—45, 49, 60—61, 64, 73, 75, 82—83, 107—108, 119—120, 128, 130—131, 135, 137, 139, 160, **161**, 163, 167, 169—170, 172, 174, 178—181, 184, 198, 202, 204, 206, 219, 226, 234, 236—237, 240, 244—245, 248, 249—250, 252—253, 256—257, 263—264, 266, 271, 278—285, 299, **305**, 310, 315—316, 319, 337, 361, 376
— к. памятников **379**, 282—283
Качество
— контекста 119
Кельты бронзовые 320
«Кинжалы» бронзового века 264—267, 269—271
Клад, клады 120, 241, 244, 315—337
— вотивные к. 315—317
— к-ты литейщиков 315—317
— сокровища 315—317
Класс 3—4, 13, 20, 28, 33, **34**, 38, 45, 54, 56—59, 62—66, 70—75, 81, 83, 85—87, 94—97, 99, 103, 108, 112, 115—117, 119, 121, 145, 149, 158, 204, 216, 220, 223, 233, 243, 245—246, **317**, 324, 331, 352, **359**, **361**, 369—371, 379, 380, 383
— как монотетическая группа 119, 121, 145, 149
— объем класса 53—54
Классификация 3—4, 7—9, 19—20, **21**, 28, 29—31, 34, **38**, 43—47, 49—54, 56—59, **62**, 63—66, 70—76, 80—81, 86—87, 94—97, 99, 103, 108, 112, 115—117, 125, 129, 133, 139, 148, 156, 161, 168, 172, 175, 178, 188, 192—193, 196, 198—200, 202, 207—208, 214—215, 219, 222—234, 236, 239, 243, 245—246, 249, 253, 256—257, 264—266, 269—273, 276, 281, 283, 285—286, 305, 307—308, 310, 315—317, 322, 324, 328, 331, 338—340, 343, 352, 364, 365—367, 369—371, 379
— аналитическая 52—55, 63, 86, 97, 215, 233, 246, 272
— типологическая 3, 28, 43, 82, 97, 219, 246, 257, 283, 328, 367
Кластер 26—27, 31, 36, **61**, 88, 105—106, 109, 112, 144, 236, 238, 240—241, **364—365**, 370
Кластерный анализ 75, 82, 84
Коальтерация **364**

Кобанская (культура) 139
Ковариация 140—142, 154, 155, 166, **168**, 237, **364**
Когерента 166, **168**, 169, 388, **389**
Когорта 166, 388, **389**
Кодекс 166, **169**, 170, 239, 388, **389**, 392
Кодивергенция **141**, **364**
Кодистрибуция **364**
Колонна, колонная секвенция 235, **394**
Комбинация комплексов (метод к. к.) 340
Компактность **59**, **362**
Компания 166, **167**, 168—169, 388, **389**
Комплекс 4—5, 47, 62, 72—73, 82—83, 105, **120**, 121, 139, 142, 145, 151, 155—159, 164—170, 191—192, 194—195, 198—200, 205—206, 211—212, 214, 219, 224, 236—237, 244, 252—253, 256—258, 263, 265, 271, 273, 278, 281, 304, 306, 310, 313, **317**, 322, 325, 331, 340, 350—351, 356, 364, 375, 380, 390
— замкнутый 132, 136, 142, 144—145, 153, 156, **159**, 164, 167—168, 170, 214, **375**, 384, 387
— культурный **170**, 171, 239, 242, 245, 249
— открытый **375**
Компликация 166, **168**, **389**
Композиция 163, 278, 296
Компонент 155, 158, 160, 170, 175, 195—196, 200, 258, 281, 285, 288, 375, 388, 390
Конвент **170**, **390**
Конкрет 214, 219, **348**, **350—351**, **357**, 358, 363, 372—376
Консонанс 166, **389**
Консорция 166, 388, **389**
Констелляция 63, 388, **389**
Конструкт (артикуляционный) 347
Конструкция **357—358**, 377, 382—383
Контекст 72, 75, 87, 97, 116—121, 172, 222—224, 230, 233, 239—241, 243, 247, 250, 252, 257—258, 271—272, 275, 285, 288, 296, 303—304, 340, 356, 361, **375**, 376, 380
— культурный 159, 244, 273, 275, 283, 285
Контентат 344—346
Континген**т** **165**, 169, **170**, **379**
Континуум 87—88, 91—97
Конфедерация 239, 388
Конфигурация 160, 195, 216, 238, 304, **357**, 363
Концерн 166, **167**, 168—169, 239, **387**
Корчакская (культура) 26
Корреляция 26, 30, 74—75, 82, 87, 89—90, 98, 118, 141—144, 154—155, 169—170, 179, 207, 220, 222, 224, 227, 230, 232, 235, 237—239, 269, 273, 382
Котел, котлы (скифские) 256—258, 260—261, 263
Контрадиция 141, 195, **395**
Коэкстенсия 166, **364**
Критерий
— (к-ии классификации, группирования) 305—306
— (к-ии функционального соответствия) 356
Круг (культур) **134**, 137, 187, 193, 202, **394**
— культурный круг 195, 215, 231
Культура 3, 28, 44—45, 49, 53, 69, 72, 74—77, 79, 82—84, 86, **88**, 89—102, 106—108, 111—112, 117, 121, 127—129, 136, 145, 148, 151, 154—155, 162—163, 167, 169—179, 181—182, 184—197, 199, 201—204, **205**, 206—208, 211—212, 214—215, 219—220, 222—223, 225—227, 230—247, 250, 252, 256, 263—267, 271, 275, 280—281, 285—286, 296, 301, 303—304, 306, 338—339, **347**, 348, 350—352, 354, 358, 366, 370, 384, 388
— открытая и закрытая **100**
Культура этнографическая 391
Культура археологическая **9**, 10, 20, 31, 37, 45, 55—56, 69, 73, 98, 109, 119—121, 123, 125, **126**, 127—132, 133—137, 138—140, 141—153, 154, **155**, 156, 159, 161, 165—167, 169, 171—172, 174—175, 178—180, **181**, 182—184, **185**, 186, 188—195, 197, 199, 202—207, 223—225, 230, 236—239, 246, 248, 250, 265, 270, 304, 332, 336, 339—340, 351, 361, 375, 390, **391**, 392—395
— как ареал (картографическая, территориальная версия определения) 134—136, 145, 153, 389, 391
— как поле кovариации (ковариационная версия опр.) 140—141, 389, 391
— как система корреляционных типологических связей (корреляционно-типол. версия опр.) 141—144, 153, 387, 391
— как система типологического сходства комплексов (типо-

комплексная версия опр.) 144—145, 153, 387, 391
— как стилистическая общность (стилист. версия опред.) 136—140, 153, 389, 391
— как эпоха (хронологическая, периодизационная, стратиграфическая версия опр.) 132—134, 391
— как этногеографическая общность (этнотерритор. или этногеографическая версия опр.) 145—148
— как этническая общность комплексов (этнокомплексная версия опред.) 149—153
— культуры априорные 94, 99, 105, 234, 307, 317
Культурный смысл 75, 78, 82, 87, 97, 100, 102, 106—108, 115, 117, 202, 223, 226, 304
Лента **387**
Лигатура 361—362, **363**
Локализация 310, 356, 368
Локус 159, 164, **165**, 168, **379**
Манера 163—164, 170, **385**
Математическое описание (представление) материала 56, 74—75, 109, 111, 144, 319, 322, 363—364, 370
Материал 340, 342
Мегахронема 386
Мезолит 127
Мерон 215, 310, 331, 372, **378**, 379, 384—385
Мерономия **378**
Местонахождение 74, 82, 175, **376**
Метаархеология **339**, 344
Мечи 93, 120, 244, 271—273, 275—283, 285—294, 296, 298—304, 319
Миграционизм 137, 142, 339
Могильник 332
Мод, модификация 52—54, 64, 108, **214**, 215—216, 219, **342**, 351, 372, **377**, 378—379, 385
Модель 40, 83, 89, 91, 221—222, 226, 228, 241, 267, 285, 328, 331, 339
Монеты 98, 112—116, 121
Монотетизм, монотетическая (распределенность элементов в материале) **56**, 57—62, 111, 360, **361**, 362
Морфология 54, **70**, 72, 310, 357
Мотив 163, 276—277, 296, **384**
Мустье 132
«Мысленный шаблон» (mental template) 99, 164, 216, 245, 247, 306
«Натуральный ряд» археологии 214
Невозможности принципы 95, 226—230
Немецкая историческая школа 134
Неолит 120, 140, 149
«Новая археология» 82—83, 105, 107, 109
Номен **344**, 345—346
Нормы 347
Образ 38, 160—161, 163—164, 166—168, 223, 271, 275, 279, 296, 360—363, **364**, **383**, 384
Объединение (как прием группирования) 113
Объект археологический 3, 46, 49—50, 58, 62, 73, 81, 111, 115, 118, 120, 135, 158—159, 182, 191, 193, 201, 214, 257, 260, 307, 317, 330, 332, 343—345, 347—348, **350**, 356, 359, 361—367, 372, 374—377
— типологический 343
Объективность 73—75, 79, 81, 84, 88—89, 95, 150, 172, 175—176, 188, 225, 233, 316, 319, 370
«Оживление» культур 203—205
Означающее — см. Номен
Округа (locality) см. Резиденция
Онтология 180—182
Определение 321
Ордер 385
Ордонанс **165**, 169, **385**
Ориньяк 55
Орнамент, орнаментация 50, 53—54, 137, 140—149, 153, 169, 214, 253, 256—258, 260—261, 279—280, 292, 296, 298, 305, 308, **359**, 371
Орудие 82, 105, 143, 149, 328, 334—335, 347, 358, 372
Осознание (археологических объектов) **345**
Отдел 42, **43**, 44, 60, 272, 276, 305, 319, 361
Отложение 119, 186, 205, 219, 375—376
— естественное и культурное **373—374**
Отряд 45
Палеолит 71, 83, 127, 134
Памятник 61, 72, 80—82, **119**, 120, 126, 131—134, 143—145, 149, 151, 155—156, 170, 178, 187—193, 195, 197—201, 207, 214, 234, 245—246, 248—249, 252—253, 256, 264, 266, 270, 307, **350**, **375**, 376, 380
Панформа **358**
Параархеология, параархеологическая (теория) 339
Параметр 131, 158—159, 162, 173, 175, 184, 234—235, 241, **351**, **354**, 356—357, 368, 371, 376, 382
— выводной **356**, 357—358
— непосредственный **356**
— реляционный 158, **351**, **356**
— собственный **351**, **356**, 357
Патерн 160—163, 166—168, 352, 360—361, **363—364**, 384
Период 131—135
Пленум **170**, **390**

Поза **384**
Поза культурная **393**
Позиция в контексте 158—159, 243
Позитивизм 94, 105
Познание 351
Подкласс 331
Подпризнак 212
Подтип 30—31, 43, 45, 50, 59—61, 213, 223, 383
Политетизм, политетическая (распределенность элементов в материале) 56, **57**, 58—59, 62—63, 360—361, **362**, 364, 370
Полтавкинская (культура) 144
Поле 328, 334
Понятие 38—41, 54, 55, **62—66**, 77, 80, 82—83, 99, **100**, 113, 116, 125—128, **129**, 130—132, 134, 144, 149, 154—158, 161—165, 167, 169—178, 180, 183—190, 192—193, 198—199, 203, 205—208, 211—212, 214—216, 219, 221, 230—231, 236, 239, 245—246, 342—345, 347—349, 378—379, 383—384
— пространство понятий 60, 342—345, 347—348
Популяция 56, 62, 96, 162, 165, 204, 287, **380**
Поселение 82, 135
Предмет 46, 57, 61, 81—82, 115, 142, 156, 158, 177, 180, 183—185, 204—206, 214, 220, 267, 270, 275, 278, 338—339, 344, 355—356, 371, 372
— целый 371
Презентизм 182
Привески 311—312
Признак 3, 20, 31, 46, 52—63, 70—78, 81—84, 90, 94, 96, 97, 104—108, 110—113, 117—120, 129, 138, 143—148, 156—157, 159—162, 165, 174, 179, 188, 193, 196, 198—201, 203, 205—207, 211—212, 214—216, 219—220, 223—225, 227, 230—231, 235—236, 238, 240—241, 244, 247, 249—250, 253, 257—258, 260—261, 265—267, 269—273, 275—276, 278, 281, 283, 285—286, 293—294, 296—297, 299—300, 303, 305—311, 316—317, 319, 321—324, 328—331, 334—337, 352, 361, 367, 371, **377**, 378—379
— вес п. 31, 60—62, 82, 97, 110, 200, 220, 222, **325**, 326—332, 337, **377**
— иерархия п-в 111—116
— п. хронологически значимый 307
— рой, сгущение п-в — см. Кластер
Проблемная ситуация 19, 33
Провинция (культурная п.) **135**, **150**, 151, 155, 187, 193—196, 202, 215, 231, **394**
Продукция **45**, **50**, **373**
Протодесигнат **345**
Протономен **345**, **350—351**
Психология социальная 117, 139
Пьяноборская культура 191
Радиоуглеродный метод 11
Разряд 50
Рамокультура
Рамотип 379, **381**
Рамочный мерон 379
Ранг 110, 112, 191—193, 195—197, 238, 240, 265, 359—360, 367, 369—370
Раннеславянская (культура) 26, 147
Раритет 319
Распределение, распределенность (элементов в материале) 56, 61, 329, 361—362 (ажурн., монотетическ., сплошн. или дифференциальное политетическое, Эсхерово)
Расчлененность 357
Реалия 164, 203, 205, 212, **348**, **350—352**, 356
Реальность, реальное 345
Резиденция (округа, locality) **150**, 156, 195, 199
Религия 127, 152
Рефлексия 178, 182
Род 20, 33, 45, 50, 196
Романтизм, романтики 132, 134, 136
Свойство 53, 74, **158—159**, 162, 165, 178, 185, 194, 204, 219—220, 223—224, 227, 230, 235, 238, 241, 244, 247, 293, 306, 317, 322, 371, **377**, 378—380
Связи коэффициент 322, 324—325
Секция 393
Семейство **45**, **59—60**, 64, 196
Семиотика, семиотический подход 118, 348
Серия 41—42, 107, 110, 163, 233, 296, 298, 307, 351, 374, **386**, 387
Серпы 321
Синхронема **385**
Система 73, 93, 113, 116, 120—121, 130, 143 (с. культур), **154**, 157, 167—168, 170—172, 177, 181—182, 189—190, 192—193, 196—197, 203—204, **205**, 206, 212, 215, 219, 223, 225, 230, 234, 237, 257, 265, 267, 270, 313, 342—343, 347, 359, **361**, 366—368, 379
Систематизация 305
Систематика 86, 113, 127, 129, 214, 225, 281, 359, 361, **366—368**
След 101, 159, 181—183, 214, 239, 339, 350—351, **372**, 377, 379
Слитность 59, 362—363
Слой 82, 96
Смысл культурный **352**, 355, 357
Содержание **345**, 348, **350**
Содержимое 95, см. также Контентат
Сооружение 120, 154, 157, 159, 163, 169, 214, 258, 265, **348**, 354, 363, **373**, 374—375, **377**, 378—380

Соотнесение (методы с-я, правила с-я) 347
Сопрягательный (подход) 59, **73**, 144, 233
Сопряжения класс 359
Сопряженность 154
Сорт 20, 33, 50, 74, 139, 163—164, **385**
Сортамент **393—394**
Сохранения законы 338
Социология 47, 102, 107, 207, 221, 239
Спецификации 64, 126, 129, 164—165, 169, 215, 230, 349, 380, 384
Сравнительный (метод) **72**, 73, **116**, 118, 233
Среднее, усреднение 40—42
Срубная (культура) 177, 179, 197, 235
Стадии, стадиальность («теория ст-ти») 93, 127, 133—134, 137
Статистика 160, 177, 311, 316—317, 340
Статья **377**, 378—379, 381
Стереотип 306
Стиль 20, 37, 50, 82, 104, 127, 129, 131, 136—140, 153, **161—162**, 163—169, 174, 187, 204, 237, 239, 279, 360, **361**, **384**, 385, 387
— художественный 163, 296, **385**
Стратегия группирования 341
— аналитическая 220, 223, 225, 228, 230—231
— индуктивная 220, 227, 247, 364, **369—371**
— рационалистическая 221
— системная 223, 230—233, 244—245, 247, 303, 338
Стратема 214, 350, 373, **374—375**, 385, 387
Стратиграфия 5, 39, 84, 96, 131, 136, 158, 224, 232—235, 306, 351
Субкультура 194, 203, 212, 239, **393**
Субфункциональность **356**
Субъективность 74, 89, 95, 126, 380
Суперкультура **394**
Суперстиль 138—139
Сходства 74, 158—161, 178, 195, 198, 215, 228, 234, 244, 248—249, 253
Сцена 384
Сюжет 163, 384
Таксон 4, 35—36, 44, 60—61, 73, 86—87, 94, 157, 212, 245, 332, 359, **360—361**, 367, 369—370
Таксономия 4, **21**, 35—36, **45**, 48, 57, 29—60, 82, 94, 97, 113, 115, 117, 121, 133, 150, 160, 193, 206, 215, 238, 272, 331, 367, **368**, 369
— числовая (нумерическая) **60**, 61, 63, 109—110, 364, **369**, 385
Таштыкская (культура) 21, 248—250, 252—253, 256
Текстура **358**
Тема **384**
Теория 173, 175—178, 184—186, 194, 198, 205—206, 223, 226, 244, 247, 338—343
Термин, терминология 33, 37, 45, 52, 56, 63, 64—68, 94, 116, 125—135, 139—141, 147, 150—151, 154—159, 162, 165, 167—168, 170—171, 178, 180, 183, 187—188, 190, 192—195, 197, 207—208, 216—217, 219, 239, 246, 248, 264, 265, 269—271, 316, 342, 343, 359, 364, 372—373, 378
Технема **71**, 355
Техника 45, **358**
Технокомплекс 157, 194—195, 211—212, 215, 231, **394**
Технология 50, 72, 158, 289, 310, **358**
Тип, типы 3—4, **9**, 13, **20**, 27, 28—32, **33—38**, **39—40**, **42—46**, 47—60, 62, 63—66, 70—94, 96—112, 115—121, 123, 126—140, 142—150, 154—157, 161—176, 178—180, 184, 187—189, 192, 194—195, 199, 201—204, 206—208, 211—212, **214—216**, 220—221, 223, **224**, 225—226, 228, 230—240, 242—247, 249, 256—258, 260—261, 263, 265—266, 272—273, 276, 278—279, 281, 283—285, 293—294, 296, 301, 304, **305—307**, 310—313, 328, 332, 342—343, 351—352, **361**, 363—364, 366, 370—372, 378—379, 380—385, 389—390
— внешний 79, 86
— генеральный **382**
— датирующий (хронологически-значимый) 307, 313
— *диагностический* (исторически указательный) 79
— идеальный **44**, **47**, 81, 226, 228, 380—381
— иконографический 383, **384**
— крайний (чистый) 48
— культурный **9**, **74**, 76—77, 79, 81, 85—86, 97—99, 101—103, 105—108, 111, 117—121, 164—165, 188, 211, 216—217, 219—220, 222—230, 238—245, 258, 273, 276, 283, 306, 339, 371, **379—380**, 381—382, 387
— морфологический 78, 103—104, **382**
— нумизматический
— полярный 381—382
— стилевой 162
— структурный 116
— субфункциональный **383**
— условный 48, 80, 85, 86, 94—98, **101**, 103—104, 106, 118, 165, 208, 211, 216—217, 222, 225—226, 228, 230, 283, 379, 381, **382**
— функциональный **49**, 75, **79**, 82, 379, **382**
— эвидентный 236—237, 380, **381**

— эмпирический **74**, 76, **78**, 79, **85**, 86, 97—100, **101**, 103, 105—108, 118, 121, 164—165, 208, 211, 216—217, 219, 221, 224, 227—228, 230, 233, 237—238, 241—242, 273, 283, 306, 370
— этнографический 36, 146—147
— экстрафункциональный **383**
— (тип) комплекса 10, 151
— (тип) культуры **134**, 175
Типа
— идеал (древний) 380, 381
— идея 38, 136, 165, **381**
— качество 116—117
— ядро 89
Тип-лист 245
Типизация **366**
Типокомплекс 212, 223, 238
Типологизация 47, 271, 366
Типологический метод **4**, 5—7, 43, 45, 256
Типологический ряд 4, 50, 91—92, 215, 240, 269, 366, **387**
Типология 3—4, **5**, 6—11, 13—15, 19—20, **21**, **26—29**, **35**, 38, 46, 60, **62**, 63—67, 68, 70—94, 96—112, 115—121, 125, 126—140, 142—150, 156, 172, 191, 215, 225, 227, 229, 245—246, 257—258, 265, 269—270, 283—285, 296, 298, 300—301, 303, 304, 352
— кризис типологии 69, 70, **71**, 72—84, 153
— морфологическая **13**
— «наилучшая» 103—108
— работающая 6—10, 26—32, 52, 95, 109—112
Топология **70**, 339, 347, 357, **366**, 369—371
Топоры бронзовые 320
Топоры каменные боевые 30—31, 90, 121
Траверс 235, **395**
Традиция 42, 49, 118, 141, 148, 160, 162—163, 195, 224, 240, 258, 265, 278, 280, 347—348, 376, 384, **395**
Траектория 38
Трактовка 163, 168—169, 385
Транспарант 239
Трасология 71
Трассовая (секвенция) **395**
Трафарет 166, **167**, 168—169, **387**
Трипольская (культура) 11, 19, 125, 151, 177, 190—192, 238
Узел 170
Уровни интеграции **54**, 112, 214—215, 223, 225, 230—231, 238, 371—372
Фаза 129, **150**
Фактема 219, **377**
Фактура **358**
Фатьяновская (культура) 32, 125
Фация **150**, 151, 155, 162, 195, 196, **392**
Федерация 167, **168**, 169—170, **389**
Фенон **61**, 62—63, 194, **364**
Фибула 305
Филум 162
Флуктуация 138
Фокус 129, 134, **150**, 151, 155, 166, 170, 195, 236—237, 239, 375, 387, **389**, 392
Форма 43—44, 46, 50, 60, 71, 93, 99, 107—108, 114, 120, 135—140, 146, 152—153, 155, 158—159, 162, 185, 203, 206, 216, 222, 234, 236—237, 239, 241—243, 245, 249, 258, 260, 266—267, 269—270, 272—273, 275—277, 279, 281, 287, 294, 296, 298—301, 305, 307, 317, 351, 355—357, **358**, 359, 371—372, 380, 382, 384—386
Формализация 26—28
Формация (культурная) 351
Формема **378**
Фрагмент 350, **372**, 373, 376—378, 385
Фракция **140**, 141, **390**, 393
Фрейм 394
Функционально-хронологический метод 13, **376**
Функционально-археологическая результанта **376**
Функциональность 13, 49, 60, 70, 82, 92—93, 104, 107, 119—120, 136, 139, 141, 285
Функция 46, 49, 55, 60, 71, 78, 82, 92—93, 117, 120, 158, 161—162, 181, 232, 236—237, 240—241, 243, 247, 250, 258,260, 265, 269, 272—273, 276, 278, 280—281, 283, 285—290, 292—294, 315—317, 347, **348**, 353—356, 359, 372—373, 376, 380, 382
Характеристика 158—160, 163, 168, 170, 175, 180, 192, 200, 207, 214, 220, 230, 256, 260, 281, 283, 292—294, 356, 361—364, 366—368, 370, 376—377, 382
Хронема 215, 374, **385**
Хронология 305, 343
Хронология относительная 5, 6, 10, 38, 69, 80, 374—375
Царство (как один из таксонов) **45**
Целостность, цельность 81—83, 372
Цепочка типологическая **387**
Цепь операционная (chaine operatoire) **358**
Цивилизация **128**, 134, 138, 187, 237
Цуг **386**

Черта 199, 201, 233, 237, 266, 279, 351, 355, 363, 372, **376**, 377—379, 382
Эволюционизм, эволюционистская типология 41, 46—47, 127, 131, 134, 143
Эволюционно-типологический метод (Монтелиуса) 7, 226
Эволюция 5, 38, 46, 87, 94, 126, 162, 281, 299, 301
Экспликация 342
Экстрафункциональность **356**
Элемент 87, 117, 141—142, 173—175, 193, 198—199, 202, 214—216, 219—220, 222—223, 226, 230, 234, 237, 243, 245, 247, 256—257, 273, 275—276, 280—281, 296, 299, **376**
Эмный (аспект) 219, 221—223, 230, 245
Эмпикультура 392
Эмпимерон 378, 379, 380—381
Эмпитип 379, **380**, 381 (см. также Тип эмпирич.)
Эндоархеология, эндоархеологическая (теория) **339**
Эпистола 170, **390**
Эпоха 127, **132**, 133, 137
Эстетическая (функция) 49, 140
Эталон 107
Этап 131, 132
Этнические (признаки) **146—147**, 148, **149**, 150—152
Этнографические параллели 72, 76, 85, 102, 106—107, 113, 116—118, 151—152, 222, 239
Этнология 80, 98, 117
Этнос 128—129, 134, 142, 145—149, 152—153, 340
Этный (аспект) 219, 221—222, 230
Этимологический метод 222
Эшерово (эсхерово) распределение **59**
Ямная (культура) 97, 125, 133, 197, 199, 235, 283

Именной указатель

Абдушелишвили М. Г. 42, 396
Абезгауз Г. Г. 322, 396
Авдусин Д. А. 126, 249, 396
Адамс У. (Adams W. Y) 21, 413
Адансон М. (Adanson M.) 60—61, 413
А. К. 126, 396
Алексеев А. Ю. 14, 244, 246—247, 271, 278, 396
Алексеев В. П. 249, 396
Альмгрен О. (Almgren O.) 110
Альбвакс М. (Halbwachs M.) 36, 419
Альтшуллер Г. С. 33, 396
Амброз А. К. 110, 396
Аммиан Марцелин 272
Анати Э. (Anati E.) 267, 413
Ангели В. (Angeli W.) 3, 125, 413
Аникович М. В. 83, 125, 396
Антоневич В. (Antoniewicz W.) 207
Арешян Г. Е. 206, 396
Аристотель 365
Аркадьев А. Г. 59, 317, 396
Арне Т. (Arne T. J.) 299, 413
Арнобий 272
Арсеньев А. С. 81, 396
Артамонов М. И. 125, 147—148, 155, 185, 193, 396
Артановский С. Н. 151, 396
Артеменко И. И. 277, 396
Арутюнов С. А. 222, 396
Арциховский А. В. 9, 44, 72, 147, 219, 249, 305, 396—397
Афанасьев А. Н. 248
Бадер О. Н. 191, 193
Баженов Л. Б. 229, 397
Балонов Ф. Р. 14, 244, 247, 315, 317, 322, 326, 397
Балковский Б. Е. 319, 321, 331, 397
Бартра Р. (Bartra R.) 46, 414
Бастиан А. (Bastian A.) 47
Башилов В. А. 8, 397
Безмозднн Л. 397
Белинский В. Г. 47
Беккер К. (Becker C.) 182
Бекнер М. (Beckner M.) 57
Беннет У. (Bennet W. C.) 141, 195, 414
Берд И. (Bird I.) 182
Березная И. Я. 400
Бернштам А. Н. 70, 397
Бианки А. 14, 244, 247, 264—265, 270, 397
Бидни Д. (Bidney D.) 140, 414
Бинфорд Л. Р. (Binford L. R.) 83—84, 99, 102, 104, 106, 108—109, 118, 141, 161—162, 199, 205, 215, 221, 414
Бинфорд С. Р. (Binford S. R.) 204, 414
Блауберг И. В. 154, 205, 223, 397
Бленвиль А. (Blainville H.) 35
Блюме Э. (Blüme E.) 135, 145, 149, 155, 169, 414
Боас Ф. (Boas F.) 133
Бобров Е. Г. 44, 497
Боковенко Н. А. 14, 244, 246—247, 249, 256, 258, 271, 278, 397
Бокий Н. М. 275, 277, 397

Бонгард М. М. 223, 398
Бонч-Осмоловский Г. А. 71, 398
Борд Ф. (Bordes F.) 4, 7, 46, 50, 62, 70—72, 83, 145, 204, 219, 245, 414—415
Боузек Я. (Bouzek J.) 138, 415
Бочкарев В. С. 13, 53, 97, 126, 128, 158, 207, 214, 219, 238, 316—317, 319, 342, 398, 408
Браверман Э. М. 59, 317, 396
Брайчевский (Брайчевський) М. Ю. 125, 145, 156, 185, 398
Братченко С. Н. 270, 398
Браун Дж. (Brown J.) 63, 340, 428
Брёггер А. В. (Brëgger A. W.) 8, 70, 415
Брейдвуд Р. Дж. (Braidwood R. J.) 21, 126
Брейль А. (Breuil H.) 46
Брикер Х. М. (Bricker S. M.) 424
Брольо А. (Broglio A.) 4, 415
Броуз Д. (Brose D.) 71, 415
Бру Дж. О. (Brew J. O.) 21, 45, 48, 73—74, 76, 80—81, 85—87, 94, 104—105, 200, 225, 227, 415
Брукс А. С. (Brooks A. S.) 4, 82, 424
Брюсов А. Я. 30, 43, 125, 127, 140, 149—150, 155, 185, 193, 398
Бунак В. В. 42, 398
Бурдо Л. (Bourdeau L.) 36, 415
Бутлер Р. (Butler B. R.) 50, 129, 415, 427
Бутинов Н. А. 152, 196, 398
Бэгби Ф. (Bagby Ph.) 237, 414
Бэр К. М. 35, 227, 229, 398
Вадецкая Э. Б. 248—249, 398
Вагнер А. (Wagner A.) 185, 407
Вале Э. (Wahle E.) 7, 70, 93, 128, 146, 340, 427—428
Валох К. (Valoch K.) 71, 125, 418, 427
Ван Нотен Ф. (Van Noten F.) 20, 71, 415
Вебер М. (Weber M.) 4, 47—48, 226, 428
Венскус Р. (Wenskus R.) 151, 428
Вик д'Азир Ф. (Vicq d'Azyr F.) 35
Викторова В. Д. 46, 71, 143, 339, 398
Винкельман Й. Й. (Winckelmann J. J.) 137
Виноградов А. В. 14, 242, 244, 246—250, 398
Вирхов Р. (Virchow R.) 37, 134
Вишняцкий Л. Б. 245
Воеводский М. В. 194, 398
Ворсе Й. Я. А. (Worsaae J. J. A.) 132, 159, 215
Вурripс Э. (Voorrips E.) 63
Гай Юлий Солин 272
Гальтон (Голтон) Ф. (Galton F.) 36, 39, 41, 418
Гандерт О.-Ф. (Gandert O.-F.) 93, 418
Ганжа А. И. 125, 398—399
Гауэр Дж. (Gower J. C.) 29, 418
Гахман Р. (Хахман Р., Hachmann R.) 125, 128, 136, 142, 206, 340, 419
Гарден Ж. К. (Gardin J.C.) 21, 211, 343
Гарсиа Кук А. (Garcia Cook A.) 46, 418
Гвоздовер М. Д. 69, 126, 129, 399
Гегель Г. В. Ф. (Hegel G. W. F.) 181
Гейль П. (Geil P.) 154, 418
Гегенбаур К. (Gegenbaur K.) 36
Гейзенберг В. (Heisenberg W.) 228
Геккель Э. (Haeckel E.) 35
Гемпель (Хемпел) К. (Hempel C.) 48, 221
Генинг В. Ф. 45, 125—126, 133, 190—191, 399
Георгиев Г. И. 235
Герман (Херман) Й. (Herrmann J.) 125, 206, 419
Геродот 257—258, 271—272, 275, 278
Гете Й. В. (Goethe J. W.) 19, 35, 62—63, 160
Гильдебранд Х. О. (Hildebrand H. O.) 6
Гиффорд Дж. С. (Gifford J. C.) 4, 9, 20, 45, 50, 215, 418, 426
Гимбутас М. (Gimbutas M.) 71, 418
Гинтерс В. (Ginters W.) 271—272, 279, 418
Гиря Е. Ю. 245, 247
Гладилин В. М. 9, 125, 195, 399
Глайдон Г. Р. (Glydon G. R.) 36, 424
Глоб П. (Glob P.) 30, 32, 43, 95, 219, 232—233, 244
Глэдвин Г. С. (Gladwin H. S.) 129, 195, 418
Глэдвин У. (Gladwin W.) 129, 195, 418
Гогин Дж. М. (Goggin J. M.) 141, 418
Голубович В. (Hołubowicz W.) 125, 420
Городцов В. А. (Gorodcov V. A.) 4, 35, 42—45, 49, 51, 55, 60, 62—65, 75, 129, 131—133, 136, 143, 160, 203, 215, 219, 225, 232, 235, 242, 256, 272, 305, 340, 361, 399—400
Гороховский Е. Л. 28, 405
Горюнова Е. И. 147, 400
Граков Б. Н. 258, 276, 400
Грановская Р. М. 267, 400
Граулетт Дж. (Growlett J. A. J.) 125, 419

Грач А. Д. 201, 207
Грегори Р. Л. 400
Греслунд Б. (Gräslund B.) 4—7, 340, 419
Григорьев Г. П. 9, 14, 54, 81, 125—127, 144, 158, 178, 180—183, 399, 400
Григорьева А. Н. 400
Гриффин Дж. Б. (Griffin J. B.) 109
Гросс В. Х. (Groß W. H.) 34
Грязнов М. П. 3, 9, 20—21, 52, 125, 129, 133, 206—207, 227, 229, 248—249, 253
Гулыга А. В. 47, 256, 400
Гуммель Г. (Gummel H.) 37, 134, 419
Гуревич А. Я. 182, 290—291, 400
Гурина Н. Н. 125, 190, 400
Даймонд С. (Diamond S.) 322, 401
Даннел Г. Э. (Daniel G. E.) 4, 21, 56, 126, 131, 172—174, 177—178, 343, 415, 423
Даннел Р. С. (Dunnell R. S.) 3, 63, 125, 160—162, 184, 215, 237, 417,
Дарвин Ч. (Darwin Ch.) 35, 40
Де Вор И. (De Vore I.) 204, 416
Девяткова Р. П. 47, 401
Декарт Р. (Decartes R.) 368
Деопик Д. В. 9, 29, 45, 61, 399
Деопик-Ковалевская В. Б. 401
Дешелет Ж. (Dechelette J.) 315—317, 332, 415
Дергачев В. А. 401
Деэй Ж. (Deshayes J.) 103, 415
Джадд Н. М. (Judd N. M.) 94, 200, 420
Джелинек А. Дж. (Jelinek A. J.) 161, 420
Дженнингс Дж. Д. (Jennings J. D.) 80, 420
Диксон Дж. Э. (Dixon J. E.) 425
Диц Дж. (Deetz J.) 54, 104, 118, 165, 219, 415
Добжанский В. Н. 125, 401
Дождев В. П. 270, 397
Доран Дж. (Doran J. E.) 21, 46, 54, 62—63, 75, 90, 110, 125, 233, 317, 416—417
Дубровин А. А. 47, 401
Дэвид С. Н. (David S. N.) 424
Дюмон Д. Э. (Dumond D. E.) 160, 417
Дюркгейм Э. (Durkheim E.) 100, 417
Елагина Н. Г. 275, 401
Ельницкий Л. А. 71, 411
Есинг Г. (Gjessing G.) 9, 70, 418
Ефименко П. П. 127, 401
Жолен Б. (Jaulin B.) 21, 420
Жуков В. С. 140—141, 146, 204, 401
Зангмейстер Э. (Sangmeister E.) 70, 426
Захарук Ю. Н. 19, 32—33, 125—126, 130, 148, 150—152, 155—156, 180—183, 190, 204—205, 234, 238, 401
Зимина М. П. 30, 43, 398
Зяблин Л. П. 249
Иессен А. А. 263, 401
Ильин А. Я. 397
Ильинская (Иллиньска) В. А. 275, 402
Ильинская И. М. 15
Ирибаджаков Н. 182, 402
Исмагилов Р. Б. 279, 402
Йонсен Й. (Johnsen J.) 7, 420
Каган М. С. 29
Каин Д. (Cahen D.) 20, 71, 415
Калинин Н. Ф. 191
Калитинский А. П. 110
Каменецкий И. С. (Kamenetski I. S.) 10, 21, 51, 59—62, 70, 125, 140, 160—161, 189, 199, 205—206, 220, 319, 330, 402, 420
Канаев И. И. 35, 402
Канн Дж. Р. (Cann J. R.) 20, 425
Кант И. (Kant I.) 338, 402
Кантман С. (Kantman S.) 46, 48, 420
Карпинская Р. С. 397
Кауджилл Дж. Д. (Cowgill G. L.) 63, 94, 108, 235, 340, 415
Кауэн Дж. Д. (Cowen J. D.) 9, 125—128, 415
Качалова Н. К. 144, 402
Квинт Курций Руф 278
Кендалл М. Дж. (Kendall M. J.) 322, 413
Кетле А. (Quetelet A.) 36, 419, 425
Киддер О. В. (Kidder A. V.) 45, 50, 73, 94, 200, 420
Килиан Л. (Kilian L.) 125, 135, 146—147, 150, 155, 169, 340, 421
Кирпичников А. Н. 62, 281, 294, 300—301, 303, 402
Кирхнер Х. (Kirchner H.) 70, 421
Киселев С. В. 248, 402
Китлицова О. (Kytlicová O.) 316, 332, 422
Кйоу Э. (Kehoe A. B.) 146, 420
Клаккон К. (Cluckhohn C.) 3—4, 10, 20, 45, 139, 225—226, 340, 421
Кларк Г. (Clark J. G. D.) 140—142, 161, 415
Кларк Д. (Clarke D. L.) 9, 28, 38, 54—61, 64, 73, 93, 129, 140, 147, 154, 157, 165, 194—195, 205, 211—212, 214—215, 219—220, 225, 231, 238, 324—325, 329, 342—343, 416, 427,
Клей Р. У. (Clay R. W.) 424
Клейн Л. С. (Klejn L. S.) 3, 10—11,

13—15, 30, 46, 56, 82, 92, 94—95, 99, 108, 118, 120—121, 125—129, 135, 143—144, 148—150, 154—157, 160, 165, 167, 170, 178, 187, 190—191, 195, 197, 201, 203, 206—208, 220, 223, 231, 234—235, 238, 242, 246, 272, 287, 316, 319, 328, 339—340, 402—404, 417, 421
Клермон Н. (Clermont N.) 125, 416
Клима Б. (Klima B.) 125, 418
Климент Александрийский 272
Кнабе Г. С. 125, 148, 404
Кнабенхаус А. (Knabenhaus A.) 196, 429
Ковалев А. А. 236, 245—246, 247
Ковалевский В. О. 36, 404
Кожин А. М. 147, 404
Козлов В. И. 148, 404
Козловский Я. К. (Kozłowski J. K.) 219, 422
Колпаков Е. М. 125, 245—247, 404
Колтон Х. С. (Colton H. S.) 425
Колчин Б. А. 10, 307, 404
Кон И. С. 182, 404
Конклин Г. (Conclin H. C.) 112—115, 121, 415
Конопка М. (Konopka M.) 125, 422
Константин Порфирогенет 303
Копнин П. В. 219, 404
Кореневский С. Н. 265, 270, 404
Коробкова Г. Ф. 125, 404
Корольков А. А. 51, 405
Корошец Й. (Korošec J.) 125, 422
Коссак Г. (Kossack G.) 340, 419
Коссина Г. (Kossinna G.) 131—133, 142, 145—147, 198, 215, 422
Коу Дж. (Coe J. L.) 129, 415
Коу У. (Coe W. R.) 129, 415
Коул М. (Cole M.) 405
Кохен Р. (Cohen R.) 90
Кравченко Н. М. 28, 125, 505
Крайнов Д. А. 31—32, 232, 405
Крёбер О. Л. (Kroeber A. L.) 137—139, 169, 174, 215, 237, 340, 422
Кригер А. Д. (Krieger A. D.) 4, 36, 54—55, 62, 74, 109, 118, 224—225, 233, 244, 340, 422
Крижевская Л. Я. 125, 190, 405
Крофорд О. Г. С. (Crawford O. G. S.) 11, 53, 405
Круглов А. П. 133, 405
Крупнов Е. И. 147, 263, 405
Кудрявцева О. М. 125, 405
Кун Г. (Kuhn H.) 340, 419
Кушнер (Кнышев) П. И. 152, 405
Кызласов И. Л. 249, 253, 405
Кызласов Л. Р. 21—25, 248, 256, 405
Кэлюс А. К. Ф. (Caylus A. C. Ph.) 55
Кювье Ж. (Cuvier G.) 35, 62—63, 160
Лаплас Ж. (Laplace-Jauretche G.) 4, 46, 48, 71, 415, 422
Латынин Б. А. 133
Латышев В. В. 272, 405
Леббок Дж. (Lubbock J.) 94
Лебедев Г. С. 13—14, 126—127, 161, 207, 220, 224, 244, 246—247, 280, 285, 287, 300—301, 332, 405—406
Ле Бланк С. (Le Blanc S. A.) 8, 106, 187, 422
Левашова В. П. 305, 406
Левин М. Г. 146, 152, 188, 406
Леви-Строс К. (Levi-Strauss C.) 38
Ленин В. И. 154, 169, 176, 181, 185—186, 189, 198, 406
Леонова Н. Б. 9, 399
Лермонтов М. Ю. 46, 406
Лесман Ю. М. 14, 244, 246, 305, 307, 310—313, 406—407
Леруа-Гуран А. (Leroi-Gourhan A.) 358
Линней К. (Linné K.) 35, 43—45, 86, 196
Липский А. Н. 249, 407
Литвинский Б. А. 271, 278, 407
Лохер Й. Л. (Locher J. L.) 59
Лурия А. Р. 100, 407
Люнинг Е. (Lüning J.) 125, 422
Ляпушкин И. И. 189, 407
Львова З. А. 220, 407
Мажитов Н. А. 191
Мако Д. (Macko D.) 423
Мак-Гимси Ч. Р. (Mc Gimsey Ch. R.) 428
Мак-Керн У. (Mc Kern W. C.) 129, 150, 195, 215, 423
Мак-Ниш Р. С. (MacNeish R. S.) 109—110, 219
Мак-Уайт И. (MacWhite E.) 20, 422
Мальм В. А. 305, 343, 407
Мальмер М. П. (Malmer M. P.) 6—9, 53—54, 59—60, 73, 80—81, 84, 91—92, 94—100, 113, 125, 128, 158, 165, 173—174, 177—178, 182, 184, 186, 215, 225, 228, 340, 422—423
Манн Т. (Mann Th.) 315, 407
Манцевич А. П. 257, 407
Маркарян Э. С. 119—120, 407
Марковин В. Н. 275, 407
Маркс К. (Marx K.) 184—186, 198, 317, 322, 407
Мартин П. (Martin P. S.) 30, 94, 141, 200, 423, 425
Маршак Б. И. 10, 28, 107, 224, 231, 330, 407

Массон В. М. 69, 125—126, 130, 195, 219, 319, 407—408
Мачинский Д. А. 258, 277, 408
Меггерс Б. (Meggers B. J.) 129, 423
Медведев Г. И. 70, 408
Мейнандер К. Ф. (Meinander C. F.) 125, 423
Мелконян Э. Л. 20, 408
Мельников Г. П. 116, 408
Мелюкова А. И. 271—273, 275—276, 279, 408
Менделеев Д. И. 29
Месарович М. (Mesarovic M.) 197, 423
Микляев А. М. 126, 144, 207
Миллер Ш. (Miller Sh. F.) 8, 423
Милье К. (Millier C.) 29, 423
Мильденбергер Г. (Mildenberger G.) 235
Миняев С. С. 404
Мерперт Н. Я. 276, 408
Микулинский С. Р. 35—36, 44, 408
Мовиус Х. Л. (Movius H. L.) 82—84, 424
Монгайт А. Л. 125—126, 131, 135, 146—147, 150, 152, 155—156, 183—184, 188, 408
Монтелиус О. (Montelius O.) 487, 37—40, 43—44, 49, 53—55, 62—63, 69—71, 86, 131—132, 159—160, 198, 204, 215, 340, 366, 423—424
Монфокон Б. де (Montfaucon B. de) 55
Мор М. (Maure M.) 283, 294, 296, 423
Морган Л. Г. (Morgan L. G.) 152, 196, 408
Мортилье Г. де (Mortillet G. de) 39, 42, 55, 70, 132, 232, 424
Мосс М. (Mauss M.) 100, 417
Муберг К.-А. (Moberg C.-A.) 92, 157, 194, 423
Мунчаев Р. Н. 275, 407
Мюллер Соф. (Müller S.) 4—6, 38—39, 44, 55, 132, 136—137, 143, 159, 232—233, 235, 340, 424
Мюллер-Вилле М. (Müller-Wille M.) 424
Мюльман В. (Mühlmann W. E.) 47, 424
Навротский Н. И. 275, 413
Нагель Э. (Nagel E.) 90
Нарр К. (Narr K. J.) 71, 424
Нарский И. С. 116, 408
Неуступны Й. (Neustupný J.) 125—126, 424
Неуступны Э. (Neustupný E.) 6, 138, 424
Ницше Ф. (Nietzsche F.) 136, 424
Нот Дж. (Nott J. C.) 36, 424
Оберг А. (Åberg A.) 86, 413
Оберг Н. (Åberg N.) 43, 69, 414
Оборин В. А. 191
Овчинников Н. Ф. 172, 408
Ортон К. (Orton C.) 214, 424
Отто К.-Г. (Otto K.-H.) 125, 424
Оуэн Р. (Owen R.) 40—41
Павловский О. М. 42, 396, 408
Пайк К. (Pike K.) 219, 230, 425
Палубицка А. (Pałubicka A.) 125, 130, 424
Пасхавер И. С. 22, 408
Паркингтон Дж. Э. (Parkington J. E.) 83—85, 424
Паульсен П. (Paulsen P.) 278, 425
Перевозчиков И. В. 42, 408
Пернис У. (Pernice U.) 34
Петерсен Я. (Petersen J.) 281, 283, 294, 296, 301, 425
Петриченко О. М. 257, 408
Пиоро И. С. 125, 409
Пиотровский Ю. Ю. 15
Пирс Ч. С. (Péirce Ch. S.) 103, 425
Питри Ф. У. (Flinders Petrie W.) 137, 425
Плетнева С. А. 28, 409
Плещинска Э. (Pleszczyńska E.) 57, 427
Плог Ф. (Plog F. T.) 29, 105, 108, 418, 425
Подгаецкий Г. В. 133, 405
Подольский Н. Л. 325, 409
Помпоний Мела 272
Пономарев Я. А. 33, 409
Поршнев Б. Ф. 92, 409
Прокошев Н. А. 191
Пушкин В. Н. 33, 409
Пьянков И. В. 271, 278, 407
Равдоникас В. И. 44, 70, 72, 133, 204, 305, 409
Ратцель Ф. (Ratzel F.) 134
Рауз И. Б. (Rouse I. B.) 4, 7, 20—21, 46, 50, 52—54, 62, 64—69, 73, 75, 78, 80, 91, 94, 104, 129, 133, 141, 162, 214—217, 340, 343, 425—426
Редман Ч. Л. (Redman Ch. L.) 8, 106, 428
Резерфорд Э. (Rutherford E.) 233
Рейнеке П. (Reinecke P.) 215
Рейтер П. (Reiter P.) 94, 200, 425
Рейхман У. Дж. (Reichmann W. J.) 322, 409
Ренфру К. (Renfrew A. C.) 120, 128, 236, 425
Рид Т. Д. (Reed T. D.) 69, 340, 425
Ринэлдоу Дж. (Rinaldo J.) 94, 141, 200, 423, 425
Ритчи У. (Ritchie W. A.) 109—110, 219
Рогачев А. Н. 127, 409

Росенко М. Н, 148, 409
Ростовцев М. И. 271—272, 276, 409
Русанова И. П. 26—28, 305, 409
Рыбаков Б. А. 184, 305, 409
Садовский В. Н. 197, 205, 223, 409
Сайко Э. В. 206, 409
Сальников К. В. 147, 409
Седова М. В. 306—307, 409—410
Семенов С. А. (Semenov S. A.) 13, 71, 410, 426
Серебрянников О. Ф. 32, 410
Синицын И. В. 242
Синицын М. С. 257, 261, 410
Скрибнер С. (Scribner S.) 405
Смирнов А. П. 125—127, 129—131, 146, 183—184, 191, 199, 271, 325, 410
Смирнов Е. С. 325, 410
Смирнов К. Ф. 271, 410
Смит Р. Э. (Smith R. E.) 20, 426
Снит П. (Sneath P. H. A.) 57
Сокал Р. (Sokal R. R.) 57
Сокольский Н. И. 271, 410
Сонневиль-Борд Д. (Sonneville-Bordes D. de) 28, 219, 426
Сорокин В. С. 143—145, 155, 199, 410
Сосновский Г. П. 248, 410
Соудски Б. (Soudski B.) 165, 238, 426
Спарк-Джонс К. (Sparck-Jones K.) 29, 426
Спасская Е. Ю. 410
Спенсер Г. (Spencer G.) 94
Спицын А. А. 34, 131, 134, 147, 305—306, 340, 410
Сполдинг О. (Spaulding A. C.) 3, 14, 28, 36, 62—63, 74—75, 80—83, 85, 88—90, 104—110, 116, 118, 129, 158, 175, 214—215, 225, 228, 340, 426—427
Стенбергер М. (Stenberger M.) 301, 427
Стируд Ю. Л. (Sterud E. L.) 6, 427
Стрингольм А. М. 410
Стюард Дж. (Steward J. H.) 32, 49, 51, 77—80, 85, 87, 129, 427
Суарц Б. К. (Swartz B. K.) 306, 427
Суэнсон Ю. Х. (Swanson E. N.)50, 427
Сэкет Дж. Р. (Sackett J. R.) 48, 82, 84, 103, 161—162, 204, 215, 426
Табачиньски С. (Tabaczyński S.) 38, 57, 125, 427
Тайлор Э. Б. (Tylor E. B.) 4, 36—38, 62, 94, 427
Такахара И. (Takahara Y.) 423
Теплоухов С. А. 131—133, 235, 248, 410
Тереножкин А. И. 263
Толстов С. П. 146, 410
Томас Д. Х.(Thomas D. H.) 54, 427
Томассон Р. Э. (Tomassone R. E.) 29, 422
Томсен Х. Ю. (Tomsen Chr. J.) 132, 215, 316
Томсон Дж. (Thomson J.) 316, 410
Третьяков П. Н. 9, 125—126, 147—149, 185, 411
Триггер Б. (Trigger B.) 82, 427
Турнвальд Р. (Thurnvald R.) 151, 427
Тэйлор У. У. (Taylor W. W.) 9, 20, 30, 69, 72—74, 77—80, 82, 85—89, 94, 102—104, 106, 107, 116, 118, 136, 200, 216, 227—229, 233, 340, 427
Удальцов В. Д. 143, 199, 411
Уемов А. И. 205, 219, 317, 411
Уилли Г. Р. (Willey G. R.) 20, 50, 90—91, 129, 141, 150, 173, 175, 196, 425—426, 428
Уилсон Д. М. (Wilson D. M.) 417
Уитикер Э. Т. (Whittaker E. T.) 228
Уит Дж. Б. (Wheat J. B.) 50, 428
Уокоп Р. (Wauchope R.) 156, 428
Уоллон (Whallon Jr., R.) 8, 63, 94, 109—114, 211, 219, 222, 340, 428
Уосли У. У. (Wasley W. W.) 50, 428
Уотсон П. Дж. (Watson R. J.) 8, 105, 106, 108, 231, 428
Уотсон Р. (Watson R. A.) 8
Услар Р. (Uslar R. von) 137, 427
Успенская А. В. 305, 411
Устинов В. А. 160, 411
Федоров-Давыдов Г. А. 21, 28, 45, 56, 62, 69, 125, 130, 411
Фелингер А. Ф. 160, 411
Филип Я. (Filip J.) 37, 278, 316, 417
Филипс Ф. (Phillips Ph.) 50, 90, 141, 150, 173, 175, 196, 233, 425, 428
Фишер У. (Fischer U.) 235
Флоренский П. А. 190, 411
Фогель К. (Vogel C.) 35, 420
Форд Дж. О.(Форд Д.,А., Ford J. A.) 9, 46, 66, 76—77, 80—81, 85, 88—94, 105—106, 109, 182, 214, 225, 228—229, 231, 234, 411, 417—418, 426
Форд К. 411
Формозов А. А. 94, 127, 135, 147, 194—195, 201, 204, 215, 398, 411
Фосс М. Е. 71, 125, 131, 146—150, 156, 185, 411
Фридрих И. (Fridrich J.) 127, 418
Фридрих Й. (Fridrich J.) 222, 411
Фритц Дж. (Fritz J. M.) 105, 418
Фурманек В. (Furmanek V.) 125, 418
Фут Р. Г. (Foot R. G.) 417

Хаймз Д. (Hymes D.) 118, 219, 420
Халиков А. Х. 275, 412
Харвей Д. (Harvey D.) 19, 200, 223, 412
Харгрейв Л. Л. (Hargrave L. L.) 45, 419, 425
Хахман Р. — см. Гахман Р.
Хаусман У. (Hausmann U.) 34, 419
Хвойко В. В. 131
Хейзер Р. Ф. (Heizer R. F.) 103, 129, 195, 419—420
Хейфец О. И. 404
Хемингуэй Э. 264, 412
Хейнзелин Дж. (Heinzelin J. De) 4, 419
Хилл Дж. Н. (Hill J. N.) 8—9, 19, 32, 54, 103—110, 129, 134, 187, 222, 227, 229, 419
Ходсон Ф. Р. (Hodson F. R.) 9, 21, 46, 54, 62—63, 75, 90, 110, 125, 144, 317, 340, 417, 419
Хокс С. (Hawkes C. F. C.) 155, 172, 232, 419
Холл Э. (Hall E.) 100, 419
Холлоуэй Р. Л. (Holloway Jr., R. L.) 137, 222, 420
Холи Ф. (Hawley F.) 45
Холмквист Б. (Holmqvist W.) 420
Холюшкин Ю. П. 412
Холюшкина В. А. 412
Хоул Ф. (Hole F.) 103, 129, 420
Худяков Ю. С. 191, 412
Чайлд Г. (Childe V. G.) 9, 40—41, 55, 69, 129, 142—144, 149—153, 155, 169, 174—175, 195, 198—199, 203, 215, 220, 225, 232, 238, 315—316, 332, 412, 415
Чебоксаров Н. Н. 146, 152, 188, 222, 406
Черненко Е. В. 271, 278, 412
Чернецов В. Н. 146, 412
Черных Е. Н. 265, 412
Чжан Гуанчжи (Chang Kuang-Chih, Chang K. C.) 3—4, 8, 20, 28, 82, 99, 108, 112, 115—118, 121, 150, 198, 223, 225—226, 234, 240, 340, 415
Чистов К. В. 148, 412
Шамиладзе В. М. 125, 412
Шантр Э. (Chantre E.) 315—316, 332, 415
Шапошникова О. Г. 97, 412
Шарафутдинова Э. С. 97, 412
Шафф А. 182, 412
Шеппард Э. (Sheppard A. O.) 267, 420, 426
Шетелиг Х. (Shetelig H.) 426
Шер Я. А. 3—4, 10, 14, 20—21, 70, 81, 125, 129, 144, 150, 154—155, 190, 207, 220, 231, 238, 315, 317, 325, 330, 339, 412
Шибанов А. 229, 412
Шиффер М. (Schiffer M. W.) 205, 426
Шлиман Г. (Schliemann H.) 134
Шмидт А. В. 191
Шмидт Э. Ф. (Schmidt E. F.) 275, 426
Шпенглер О. (Spengler O.) 136, 138
Штофф В. А. 47, 401
Шульц П. Н. 275, 277, 413
Шухардт К. (Schuchhardt K.) 137, 169, 215, 426
Щапова Ю. Л. 307, 413
Щерба Л. В. 185—186, 413
Шрамко Б. А. 408
Щукин М. Б. 94, 413
Эванс А. (Evans A.) 134
Эванс (Ивенс) К. (Evans C.) 129, 417
Эванс (Ивенс) Р. (Evans R.) 8—9, 19, 32, 54, 103—110, 222, 227, 229, 419
Эвдокс 272
Эггерс Г. Ю. (Eggers H. J.) 50, 128, 146, 207, 340, 417
Эггерт М. (Eggert M. K. H.) 14, 417
Эйнштейн А. (Einstein A.) 228, 340
Энгельс Ф. (Engels F.) 36—37, 172, 176, 185, 413
Эпифаний 272
Эрих Р. (Ehrich R. W.) 126, 417
Эсаулов А. Ф. 30, 413
Эсхер (Эшер) М. К. (Escher M. K.) 59
Юдин Э. Г. 154, 223
Юл Дж. Э. (Yule J. U.) 322, 413
Юргенс Г. (Jurgens H.) 35, 420
Яблоков А. 92, 413
Яблонский А. И. 341, 413
Якобсон М. (Jacobsson M.) 285, 420
Ян М. (Jahn M.) 125, 134—135, 145, 147, 149, 155, 169, 420
Янкун Г. (Jankuhn H.) 301, 420

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

1. Почему «археологическая типология»? 3
2. Почему археологическая типология? 7
3. Путь к теории 10
4. Путь к публикации 13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. **ОТ ТЕРМИНОВ К ПОНЯТИЯМ** 17

Глава I. **Проблемная ситуация** 19

1. Задача или проблема? 19
2. Понятие типа в археологии 20
3. Интуитивная типология таштыкской керамики (А. В. Виноградов) . . 21
4. Формализованная типология раннеславянской керамики 26
5. «Работающая» типология 28
6. Парадокс боевых топоров 30
7. Характер ситуации 32

Глава II. **Как типы стали типами** 34

1. Слово «тип» 34
2. Типы в биологии 35
3. Типы в антропологии 36
4. Археологические типы Вирхова 37
5. Типы Монтелиуса 37
6. Типы Городцова 42
7. Типы в Пекосе 45
8. Идеальные типы 47

Глава III. **Типы типов** 49

1. Целевое назначение 49
2. Полнота критерия 51
3. Объем и качественный охват 53
4. Границы типа 55
5. Ступенька в таксономии 59
6. Кювье или Гете? 62
7. Понятия и термины 63

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. **ПОНЯТИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ** 67

Глава IV. **Кризис типологии** 69

1. Познание через тип 69
2. Два направления критики 70
3. Тип и контекст 72
4. Открытия или конструкции? 73
5. Перелом 75
6. Типология без типов 82

Глава V. **Проблема проблем** 85

1. Суть спора 85
2. Тэйлор против Бру 86
3. Сполдинг против Форда 88
4. Бегство на остров Гамма 91
5. Кое-что в защиту условных типов (Типы Мальмера) 94
6. Слова и вещи 98

Глава VI. **К настоящим типам** 103

1. Мираж наилучшей типологии 103
2. Мираж послушной типологии 105

3. Дедуктивная классификация . . . 106
4. Древеса Уоллона . . . 109
5. Что предпочесть — целковый или червонец? . . . 112
6. Качество типа . . . 115
7. Типы в контексте . . . 117
8. Качество контекста . . . 119

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. **ОТ ТИПОВ К КУЛЬТУРАМ** . . . 123

Глава VII. **Что такое археологическая культура? (Проблема определения)** . . . 125

1. Значительность понятия и неясность значения . . . 125
2. Место понятия . . . 129
3. Постановка задачи . . . 130
4. Формально-типологические определения . . . 131
   Хронологическая или периодизационная версия . . . 132
   Территориальная или картографическая версия . . . 134
   Стилистическая версия . . . 136
   Ковариационная версия . . . 140
   Корреляционно-типслогическая версия . . . 141
   Типокомплексная версия . . . 144
5. Этнизирующие определения . . . 145
   Этнотерриториальная (этнокартографическая) версия . . . 145
   Этнокомплексная версия . . . 149

Глава VIII. **Что такое археологическая культура? (Проблемы структуры)** 154

1. Синтез и расслоение . . . 154
2. Артефакт и архема . . . 156
3. Комплекс и контекст . . . 159
4. Элементы . . . 159
5. Тип и стиль . . . 161
6. Парадигма структур . . . 165
7. Археологическая культура . . . 168

Глава IX. **Что такое археологическая культура? (Проблема статуса)** . . 172

1. Инструменты или факты? . . . 172
2. В защиту культур . . . 176
3. Рефлексия Григорьева . . . 178
4. Парадокс археологической культуры? . . . 180
5. Когда исходят из понятий . . . 183
6. Материал и запросы . . . 186

Глава X. **Что такое археологическая культура? (Проблема содержания и объема)** . . . 190

1. Исходя из реальных соотношений . . . 190
2. Провинция — культура — вариант . . . 192
3. Объединять или разбивать? . . . 197
4. Содержание понятия . . . 202
5. «Оживление» типов и культур . . . 203
6. Еще раз о месте понятия . . . 207

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. **ТИПЫ В КУЛЬТУРЕ** . . . 209

Глава XI. **Альтернатива** . . . 211

1. Типы в системе понятий . . . 211
2. Традиционные стратегии . . . 219
3. Дешифровка культуры . . . 222
4. Новая стратегия . . . 223
5. «Типологические революции» . . . 224
6. Запреты и дозволения . . . 226
7. Законы сохранения . . . 229
8. Идея нисхождения . . . 230

Глава XII. **Операционализация** 232

1. Соотнесение с практикой 232
2. Априорные культуры 234
3. Типы в культурах 237
4. Типы в диффузном материале 241
5. The proof of the pudding 244

Глава XIII. **Этюды о сосудах** 248

А. Этюд о таштыкской керамике (А. В. Виноградов) 248

1. Задача 248
2. Методологические предпосылки 249
3. Контекст и функция 250
4. Трактовка результатов 253
5. К искомой дискретности 253
6. Выводы 256

Б. Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья (Н. А. Боковенко) 256

1. Материал 256
2. Контексты: I. Сведения письменных источников 257
3. Контексты: II. Археологические источники 258
4. Типология 258
5. Характеристика типов 261
6. Результаты 263

Глава XIV. **Этюды о мечах и «кинжалах»** 264

А. Этюд о «кинжалах» (А. М. Бианки) 264
1. Проблема 264
2. «Кинжалы» и их культурный контекст 264
3. «Кинжалы» как артефакты 266
4. Роль контура в восприятии предмета 267
5. Мерономия «кинжала» 267
6. Историко-культурный смысл полученного группирования . . . 270
7. Методические выводы 270

Б. Этюд об акинаках (А. Ю. Алексеев) 271

1. Материал и задача 271
2. Разбивка на элементы 272
3. Корреляция 273
4. Включение в культуру 273
5. Семантика и эволюция перекрестья 276

В. Этюд о мечах викингов (Г. С. Лебедев) 280
1. Проблема 280
2. Одноэтажная типология Петерсена 281
3. Формализованная типология Мора 283
4. Культурно-историческая типология: подход 283
5. Конкретизация 285
6. Функции меча в культуре викингов 286
7. «Идеальный меч» и индивидуализация 292
8. Археологические признаки 294
9. Результат (типология и интерпретация) 296
10. Обсуждение результата 300
11. Проверка типологии 301
12. Обобщение 303

Глава XV. **Этюд об украшениях (Ю. М. Лесман)** 305

1. История вопроса 305
2. Постановка задачи 306
3. Процедура хронологической типологизации 307
4. Система датирующих типов 313

Глава XVI. **Этюд о кладах (Ф. Р. Балонов)** 315

1. История проблемы 315
2. Задача 316
3. Материал 319
4. Методика 322
5. Результат классификации свойств и отношений 322
6. Анализ результатов 325
7. Методические предложения 325
8. Дополнительный результат и его анализ 326
9. Итоги анализа 330
10. Возможности и перспективы 332

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 338

1. Итоги 338
2. В системе общей теории 338
3. Vint ans après 340

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 342

1. Семиотические понятия метаархеологии 344
2. Некоторые из фундаментальных понятий археологии 347
3. Обозначения объектов. Общие понятия 350
4. Терминология плана содержания 352
5. Терминология плана выражения 356
6. Некоторые термины класса сопряжения средств выражения с компонентами содержания 359
7. План познания. Общие понятия. (общенаучная и метанаучная, в частности и метаархеологическая, терминология) 359
   А. Терминология организованности материала 359
   Б. *Терминология для обозначения операций по структурированию* материала 364
8. Обозначения объектов. Терминология для разных уровней и планов (от плана познания через план выражения к плану содержания) 372

БИБЛИОГРАФИЯ 396

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 429

УКАЗАТЕЛИ 430

Сдано в набор 10.05.90. Подписано в печать 25.04.91. Формат 70×108$^{1}/_{16}$.
Гарнитура литературная. Уч.-изд. л. 39,2. Тираж 6 500 экз. Заказ. 20575. Цена 30 руб.

Академия наук СССР. Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив.

ЦКФ ВМФ

30 р.

Чем отличается тип от класса, типология от классификации? Можно ли достичь их совмещения в одной исследовательской процедуре? В чем специфика группирования археологических объектов? Эти и другие вопросы разбираются в „Археологической типологии". Книга впервые издана на английском языке в Оксфорде в 1982 г. Автор — ленинградский археолог, два десятилетия преподавал археологию в Ленинградском университете, участвовал в раскопках степных курганов и древних городов. Области интересов — бронзовый век, скифы, древнейшее прошлое славян, но главным образом — теория археологии. Из других работ автора наиболее известны „Археологические источники" (Л., 1978) и „Панорама теоретической археологии" (издана на английском языке в Чикаго в 1977 г.)

АН СССР

ЛФ ЦЭНДИСИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ